

Министерство культуры Архангельской области

ГБУК АО «Каргопольский музей»

ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский
институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва»

ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ
И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
КАК СТРАТЕГИЧЕСКОГО РЕСУРСА
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

Материалы XVIII Всероссийской
научно-практической конференции
20-23 августа 2024 г.

Каргополь
2024 г.

УДК 94(470.11) + 39 (470.11) + 271.2(470.11) + 002.2:271.22(470.11) +
81.282(470.11) + 801.81(470.11)
ББК 79.05
К21

Печатается по решению методического совета
ГБУК АО «Каргопольский музей»

Сборник издан при финансовой поддержке
Министерства культуры Архангельской области

Ответственный редактор О. Б. Пригодина

Редакционно-издательская коллегия:
Пригодина О. Б., Баталова Е. А.

Материалы выпускаются в авторской редакции

Дизайн обложки – Анна Шейда
Для иллюстрации использована картина:
Е. Чивиков «Архангельская улица, г. Каргополь» 1991 г.

К 21 Актуальные проблемы сохранения и популяризации культурного наследия и исторической памяти как стратегического ресурса национальной безопасности России : материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции 20-23 августа 2024 г. / Каргопол. ист.-арх. музей : [отв. ред. О. Б. Пригодина] – Каргополь : [б.и], 2024. – 452 с.: ил.

ISBN 978-5-907786-56-1

УДК 94(470.11) + 39 (470.11) + 271.2(470.11) + 002.2:271.2
2(470.11) + 81.282(470.11) + 801.81(470.11)
ББК 79.05

© ГБУК АО «Каргопольский музей»
© Авторы статей
© Издательство ООО «Медиамир»

Содержание

Иняев А.А. Опыт и традиции северного деревянного зодчества и композиционные принципы в современном архитектурном проектировании	7
Пермиловская А.Б. Деревянное храмостроительство в традиционной культуре Русского Севера и Арктики	11
Усов А.А. Поморский дом и храм в современном культурном ландшафте исторических поселений Русского Севера и Арктики	18
Хилько Н.Ф. Интеграция культурно-исторического наследия городов и сельских поселений как основа брендинга территорий и развития туризма в Омской области и культурного суверенитета России	26
Малая Е.В. Максимова дача как символ прекрасного в структуре современного Севастополя	32
Буфеева И.Ю. К вопросу сохранения культурного наследия в системе дополнительного художественного образования России. Опыт работы Московского Дворца пионеров на Воробьевых Горах	38
Павлова И.В., Кильдюшкина И.Г., Яковлева А.Ю. Искусство создания модели туристско-рекреационного ландшафта республики Мордовия в контексте благоустройства территорий	46
Юркин И.Н., Калита С.П. Индустриальное наследие в контексте наследия культурного: терминологическое и смысловое взаимодействие	56
Эйрамджанц А.С. Жизнь или забвение старых предприятий Северных районов России	64
Горелова Ю.Р. Культурный туризм: особенности, факторы развития	74
Савельева Т.В. Праздник и медиаобраз праздника. Роль СМИ в популяризации традиционной культуры	78
Алексеев А.И. Деятельность Отдела рукописей Российской национальной библиотеки в области сохранения и популяризации культурного наследия и исторической памяти России на современном этапе	85

Гаевская Н.З. Современная русская агиография как форма сохранения исторической памяти	92
Смирнова М.А., Милютин М.Н. Ученый-фольклорист Ю.И. Смирнов: исследовательский вектор и библиография	100
Гришина С.В. Изучение и популяризация нематериального наследия затопленных деревень Белозерья через призму реконструкции свадебного обряда затопленного села Крохино	110
Трофименко В.Г. Опыт организации охраны памятников истории и культуры в Архангельской области в 1965 – 1985 гг. (по материалам фонда Архангельской областной организации ВООПИК)	120
Студенцова Е.О. «Спасти и сохранить»: формирование губернского архивного фонда в Архангельской губернии в 1922–1924 годах	130
Мильчик М.И. Система размещения русско-шведских крепостей в конце XIII – начале XVIII веков на Карельском перешейке	140
Чебыкина Л.В. Экскурсии в природную среду в дореволюционной школе (на примере Вятской губернии)	147
Решетников Н. И. Музей и сохранение ядра культуры	155
Пахомчик С.А. Сохранение и популяризация культурного наследия народов Тюменского Севера в этнографических музеях и экспозициях региона	163
Анциферова А.И. Тони как характерный элемент традиционного культурного ландшафта Онежского полуострова. Результаты обследования промысловых участков в 2023 г.	170
Иванова А.А. Озеро в мифопоэтической картине мира жителей кенозерских деревень (из опыта работы над «Этнолингвистическим словарем Кенозерья»)	181
Качинская И.Б. Этнолингвистический словарь Кенозерья: пробные словарные статьи. Блины	190
Козыкин А.В. Топонимическая среда Кенозерья и Лекшмозерья второй половины XIX века	198
Алехина Л.И. Выговская Миняя Четия в собрании музея имени Андрея Рублева (к вопросу об источниках)	213

Калинина Е.А. Каргопольское духовное училище: история создания и проблемы организации	220
Сметанин В.А. Из истории Нименского училища – начальной школы Митрополита Вениамина (в миру Василия Павловича Казанского)	230
Соловьёва И.Д. Житийные иконы преподобного Александра Свирского: агиографические источники и анализ иконографии	240
Антропова И.А., Пригодина О. Б. Каргопольские иконы из I и II Онежских экспедиций в собрании Каргопольского и Русского музеев	246
Шалина И.А. Храмовая икона Христорождественского собора в Каргополе и проблемы местного иконописания середины – третьей четверти XVI века	266
Тимохина А.В. Реставрация и исследование каргопольских икон «Богоматерь», «Господь Вседержитель» и «Иоанн Предтеча» из деисуса в собрании Центрального музея Древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева	280
Яворская С.Л. Исключенное искусство. Иконы с фольговым убранством в русской культуре	285
Федоринова И.Л., Пригодина О.Б. Напрестольные резные кресты с шестилепестковыми розетками к. XVII - XVIII вв. по письменным источникам	294
Федоринова И.Л., Пригодина О.Б. Напрестольный резной крест с шестилепестковыми розетками 1790 года из храма Новомучеников и исповедников Российских в Новокусино г. Москва	299
Яворская Т.Л. Истоки традиции крестостроения в Литве. Российские параллели	314
Коноплев А.В. Староверы в Лоцманском стане	324
Старицын А.Н. Каргопольские староверы в Выго-Лексинском обществе в первой половине XVIII века ...	331
Хрушкая Л.Н. Из истории старообрядчества в Каргопольском уезде в XIX веке	337
Ефимова В.В. «Восстание» каргопольских раскольников против местного духовенства (1835-1864 гг.)	351

Онучина И.В. «Средний класс» Каргополя на примере семьи Блохиных (вторая половина XIX – первая половина XX века)	359
Гундакова Л.В. Мещане Поздеевы и коллежская советница М. А. Баранова – строители и первые владельцы «Дома А. А. Крехалева» (1806–2004 гг.) в г. Каргополе	371
Богданова О.М. База данных о каргопольцах, участниках Первой Мировой войны. Сбор, пополнение и публикация	382
Гусева М.М. Кожевенное производство в Каргопольском уезде Олонецкой губернии на рубеже XIX – XX веков	397
Трошина Т.И. Иностранные лесные концессии и вопросы лесоохраны в 1920-е годы (на примере Каргопольского уезда)	408
Улитова А. С. Швейки Русского Севера. Вельский уезд	416
Харитонов Я.Э. Лоцманы Южного Беломорья и их связь с Северной Норвегией в конце XIX – начале XX вв.	424
Наши авторы	449
Список сокращений	453

Опыт и традиции северного деревянного зодчества и композиционные принципы в современном архитектурном проектировании

А. А. Иняев

*член общественного совета при
Управлении государственной охраны
объектов культурного значения Нижегородской области,
директор Творческой мастерской
архитектора Иняева А. А.,
член Союза архитекторов России*

Аннотация. В статье обобщен опыт исследований композиционных приемов и принципов композиции (пропорционирования) в Русском культовом зодчестве. Изучен и применен в реальном проектировании принцип равновесия между частями храма (нижний ярус крупнее, массивнее уравновешивается несколькими меньшими частями храма, выстроенными по продольной оси типа «корабль»). Также использовался принцип ярусности, когда можно проверить по плану построение фасада путем переноса проекции плана на фасадную плоскость. В основе канонического принципа (крестный ход повторяет направление движения как внутри, так и снаружи храма) лежит семантика и символика, например, равносторонний треугольник – символ Бога, перевернутый треугольник – символ дьявола. К другим принципам можно отнести модульность членения (Квадрат – главный размер – это внутренний размер четверика) и соотношение целого и частного (отношение диагонали квадрата к его стороне, стороны квадрата к его стороне + полудиagonали и др.).

Ключевые слова: принцип композиции, принцип равновесия, модульность членения.

С объектами деревянного зодчества Русского Севера я познакомился на лекциях архитектора-реставратора Святослава Леонидовича Агафонова, автора восстановления Нижегородский кремля. Это были известные памятники деревянного зодчества в Архангельской области и в Республике Карелия:

– архитектурный комплекс-тройник, расположенный в с. Верхняя Мудьюга (Онежский р-н Архангельской обл.) и состоящий из холодной Входаиерусалимской церкви 1754 г., теплой Тихвинской церкви 1865 г. и колокольни;

– Ильинская церковь 1786 г.в д. Вазенцы(Онежский р-н Архангельской обл.);

- Сретенская церковь 1677 г., колокольня 1740 г. в д. Чекуево (Онежский р-н Архангельской обл.);
- Успенская церковь 1774 г. в г. Кондопоге (Республика Карелия);
- Рождественская церковь 1763 г. в с. Бестужево (Устьянский р-н Архангельской обл.).

В экспедициях по Русскому Северу мною были изучены другие объекты в Архангельской области:

- Вознесенская церковь 1651 г. в д. Пияла (Онежский р-н Архангельской обл.);
- Владимирская церковь 1757 г. в д. Подпорожье (Онежский р-н Архангельской обл.);
- архитектурный комплекс в с. Нёнокса Северодвинский муниципальный округ Архангельской обл.), состоящий из Троицкой церкви 1727 г. Никольской церкви 1763 г. и колокольни нач. XIX в.;
- Никольская церковь 1618 г. и Церковь Рождества Христова 1860 г. в с. Пурнема (Онежский р-н Архангельской обл.);
- Никольская церковь 1661 г. и Церковь Фомы Апостола 1871 г. в с. Нижмозеро (Онежский р-н Архангельской обл.).

Занимаясь проектированием, изучая методы проектирования и принципы построения старых храмов, я убедился, что эти принципы могут быть применимы для современного проектирования.

В основе представленного мной принципа композиции (пропорционирования) – соотношение целого и частного в построении фасада и плана здания храма. Композиция строится на основе квадрата – четверика, который по мере развития храма по вертикали подчиняется определенным закономерностям.

Основные пропорциональные отношения 1:1, 1:2, 5:7, 7:8, 13:21 сложились из традиций древних зодчих, оперировавших с мерами длины, соотнесенными с размерами человеческого тела (сажень, аршин, фут), и использовавших для разметки храма в качестве измерителя веревку. Базовыми пропорциями при построении служат соотношения диагонали квадрата к его стороне (5:7, или 1,41); стороны квадрата к его стороне + полудиagonal (13:21, или 1,618, – «золотое» сечение).

В основе мелкого членения храма положен размер человеческого тела, что определяет взаимосвязь размеров с визуальным восприятием. При членении плоскостей стен, например восьмерика, при определении размеров архитектурных элементов (глав, барабанов, крестов, кокошников и др.) можно использовать пропорционирование размеров в «золотом» сечении. Например, отношение диаметра основания главки к диаметру «пучины» и «пучины» к ее высоте должно составлять 1,618.

Если говорить о проектировании Федоровского храма Федоровского монастыря в г. Городец Нижегородской обл. при делении

нижнего квадрата – четверика пополам, получаем верх притвора, оставшуюся половину делим ещё пополам и получаем верх оконных наличников или низ аркатурного пояса, половина верхнего квадрата – это основание центральной главы, граница верхнего квадрата – это верх креста и т.д. Эти же приемы композиционного построения можно распространить и на существующие, ранее построенные храмы.

Примером могут служить традиционные северные храмы. Ильинский Храм в селе Чухчерьма Холмогорского р-на Архангельской обл., например, выполнен по образцам каменного зодчества. Возведенный в 1657 г. Ильинский храм по своей композиции несомненно подражал каменным сооружениям XVI – первой половины XVII вв. Отсюда трактовка основного объема – четверика – как простого, четко очерченного фасадными плоскостями куба, несущего целое семейство небольших, покрытых лемехом глав, расположенных над плоской четырехскатной крышей. Всего их было девять. Центральная глава была поднята на невысокий шатер, остальные расставлены параллельно обресту крыши – четыре по углам сруба, остальные по осям фасадов. Основной куб дополняли два квадратных в плане прируба – алтарный и входной для паперти, оба завершенные бочками.

Стилистически при проектировании мы ориентируемся на шатровые и крестово-купольные храмы периода XVI–XVII вв. – времени наивысшего расцвета своеобразной русской архитектуры.

Одним из первых проектов, который был нами осуществлен, – храм Иоанна Предтечи в г. Дзержинске Нижегородской обл. (архитектор В. Н. Ижиков, гл. арх. проекта А. А. Иняев).

Объемно-пространственное решение принято с учетом уже выполненного фундамента, состоящего из двух частей. На одной из них должна быть построена церковь с приделом и алтарем, на другой – двухэтажный с мансардой настоятельский корпус.

Фронтальная композиция складывается из двух квадратов по вертикали с равносторонним треугольником, построенным по верхней стороне квадрата. Вершина треугольника определяет верх шатрового храма по кресту. Для сравнения приведена церковь Фрола и Лавра 1755 г. в с. Ростовском Виноградовского района Архангельской области. Очевидно, что при проектировании храма Иоанна Предтечи и строительстве церкви Фрола и Лавра в с. Ростовское применимы общие композиционные приемы.

Одновременно с проектированием храма Иоанна Предтечи в г. Дзержинске создавался православно-просветительский комплекс. В его проектировании композиционно были применены те же принципы, что и при построении храмов:

1. Принцип равновесия как для ансамбля в целом, так и для каждого объема в отдельности.

2. Ориентация основных фронтальных композиций ансамбля на восприятие с магистралей – проспекта Циолковского и улицы Ленинского Комсомола и Свято-Тихоновского проезда, а также с точек их пересечения.

3. Ярусность композиции ансамбля.

4. Функциональное зонирование территории – выделение двух зон: для прихожан – открытая, для церковнослужителей – закрытая.

При проектировании собора Воскресения Христова православного-просветительского комплекса в г. Дзержинске был использован принцип модульного членения пространства, в основе которого лежит квадрат со сторонами 70×70 футов (средокрестие собора), следующий описанный квадрат – габариты собора 140×140 футов, следующий описанный квадрат – 200×200 футов (60,8 м – высота собора). Модулем членения пространства является квадрат 60,8×60,8 м. Из этой сетки квадратов, развернутых под 45° вдоль южной границы территории, моделируется территория комплекса.

Следующий комплекс с храмом Державной Божией матери был разработан в соответствии с описанными композиционными принципами в 1998 г. для архитектурного конкурса на его размещение по проспекту Гагарина в Нижнем Новгороде, но не был реализован. Только в 2015 г. в рабочем пос. Красные Баки Нижегородской обл. он был реализован и освящен как храм Николая Чудотворца.

Далее приведены храмы, возведенные по нашим проектам, также основанным на принципах композиции (пропорционирования), т.е. по законам красоты:

- храм Иконы Божьей матери Нечаянная Радость в Нижнем Новгороде (2004 г.);

- храм Святой Татьяны Великомученицы в г. Дзержинске (Нижегородская обл., 2012 г.);

- храм Успения в г. Заволжье (Нижегородская обл., 2021 г.);

- храм во имя Святителя Луки, Исповедника Архиепископа Симферопольского и Крымского в рабочем пос. Первомайском (Городецкий муниципальный округ Нижегородской обл., 2023 г.);

- храм Рождества пресвятой Богородицы в Нижнем Новгороде (2023 г.).

Деревянное храмостроительство в традиционной культуре Русского Севера и Арктики¹

А. Б. Пермиловская

*доктор культурологии,
академик Академии Архитектурного Наследия,
заведующая научным центром традиционной культуры
и музейных практик, Федеральный исследовательский
центр комплексного изучения Арктики имени академика
Н. П. Лаверова Уральского отделения Российской академии
наук, г. Архангельск*

Аннотация. История деревянной архитектуры – это история зодчества Русского Севера. Деревянный храм – вершина культуры, ее знаковое наследие. Самые лучшие культовые постройки были созданы и сохранились на Севере. Научная новизна работы помогает понять целостность и сущность русской культуры, в которой памятники народной архитектуры являются уникальными артефактами, с помощью которых осуществляются преемственность и национальная идентификация русского этноса.

Ключевые слова: русская традиционная культура, идентичность, храм, деревянное зодчество.

У каждого человека своя дорога к Храму. В основании моего храма – любовь к Русскому Северу, его уникальной традиционной культуре и деревянному зодчеству. Но наряду с личным чувством я имею твердое убеждение, подтвержденное как собственными научными работами, экспедициями, архивами, так и трудами большого числа ученых, посвятивших русской и северной деревянной архитектуре свои исследования, что Русский Север – это особый культурный ареал, где национальная самобытность сохранилась в качестве, близком к её истокам. А северная традиционная культура несет особый «русский генетический код», передающийся из поколения в поколение.

За годы работы я была руководителем и участником 36 экспедиций, где обследовано более 370 деревень, бесценный 27-летний опыт работы по формированию архитектурно-этнографической экспозиции музея «Малые Корелы». Другая значительная часть мате-

¹ Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда № 24-28-20036, URL: <https://rscf.ru/project/24-28-20036/>

риала была собрана в архивах и музеях Архангельской, Вологодских областей, Карелии, Москвы, Санкт-Петербурга, НАО. А также изучение скансенов России и Западной Европы, памятников народной архитектуры «in situ», многолетняя работа в РАН, защита диссертаций и обобщение накопленного научного материала. Все это легло в основу исследования о деревянном храме.

Встречи с крестьянством северной деревни дали многое. У них я училась: мудрости, гостеприимству, доброте, умению жить в трудных условиях и человеческому достоинству.

Русское деревянное зодчество, как по масштабу распространения, так и по многообразию архитектурных решений и форм не имеет аналогов. Уникальная деревянная цивилизация, развивавшаяся в течение многих столетий, выступает своеобразной визитной карточкой культуры страны и региона – Русский Север, где более всего она сохранилась и представлена. Это поистине общенациональная архитектура, которая впитала в себя мифопоэтическое и христианское мировоззрение народа.

Крупнейший меценат С. И. Мамонтов, путешествуя по Русскому Северу и решая деловые вопросы по строительству железной дороги, был потрясен неповторимой красотой этого края, о которой в Центральной России не имели понятия, а местные жители ее попросту не замечали, не ценили. В письмах домой он советовал всем обязательно побывать здесь: «... вы вернетесь отсюда более русскими, чем когда-либо. Какая страшная ошибка искать французских тонов, когда здесь такая прелесть» (17 июня 1894 г.).

В кругу концептов отечественной культуры «Русский Север» уже около двух столетий – это не только устойчивое словосочетание, вобравшее в себя особенности российского менталитета, но и понятие, отражающее важные для отечественной культуры смыслы. Русский Север сыграл выдающуюся роль в становлении национального самосознания и занимает одно из важнейших мест на культурной карте России. Как особый регион российского культурного наследия по своей значимости он соотносим с уникальными комплексами национальной и мировой культуры.

Я рассматриваю Север как модель русского мира, в котором особенности культуры определяются ее детерминированностью традициям древнерусской культуры, а в качестве предметного воплощения выступает культурный ландшафт северной деревни.

Доклад отражает концепт работы: изучение культового деревянного зодчества в контексте традиционной культуры. Научная новизна заключается в том, что работа уходит от простой описательности культовой архитектуры. Автор видит свою задачу во введении в круг

отечественной этнологии и этнокультурологии северного деревянного храмостроительства, в котором сконцентрирован образ русского деревянного храма.

Культовая народная архитектура в русской истории послужила фактором адаптивного механизма освоения, организации и защиты жизненного и сакрального пространства при заселении новых территорий России: Сибири, Дальнего Востока, Европейского Севера, Арктики. Деревянное храмостроительство выполняло функцию «движущейся» архитектуры, а храмы, колокольни и кресты выступали навигационными знаками, которые были нанесены на лоцманские карты поморов.

В работе архитектурное устройство и знаковость традиционного культового зодчества рассматривается в сравнении с древнерусской архитектурой и с позиций нескольких научных дисциплин: культуры и искусства, истории и этнологии, богословия и религиоведения.

В ходе исследования изучена традиционная строительная обрядность. Установлено, что в XVII – XIX вв. здесь сформировалась уникальная строительная культура, включавшая в себя технические и художественные способы обработки дерева. Строительные традиции в культовом зодчестве Русского Севера достигли своего расцвета в XVII – XVIII веках, в гражданской архитектуре к сер. – кон. XIX вв. Высокая строительная культура Севера берет свои истоки в плотницкой традиции Древнего Новгорода.

Семантика строительной обрядности выступала как целостная знаковая система, с помощью которой крестьяне оберегали свои сакральные ценности, в ней отражалось своеобразие народной культуры, ее связь с окружающим миром. Архитектурные и декоративные элементы составляли не только основу конструкции традиционного зодчества, но и «конструкции» крестьянского мировоззрения.

Проведенное исследование позволяет доказать, что строительная обрядность и культурный смысл, вкладывавшийся этносами Европейского Севера (русские, карелы, коми и др.) и Поморья (русский вариант морской культуры в Арктике) в представления о породах деревьев, которые использовались в традиционной народной архитектуре, определялся бытовыми, прагматическими свойствами тех или иных пород. Практическое значение сочеталось с мифопоэтическими и христианскими представлениями о сакрально-символических «влияниях» этих пород или знаковых деревьев (священные, придорожные деревья и рощи, буйное дерево, дерево-знак – «карсикко») на жизнь как конкретного человека, так и сообщества в целом.

В крестьянской культуре дерево выступает как один из основных элементов традиционной картины мира, моделирующий его

пространственный и временной образы. В славянской мифологии оно воплощает образ мирового дерева (древа жизни), мировую ось, центр мира и мироздания в целом. Дерево-знак используется в ритуалах жизненного цикла человека, а также в календарной и промысловой обрядности как символ духа-охранителя. Например, «карсикко» в карельской и русской обрядности представляет собой ипостась мирового дерева с функциями оберега и медиатора между мирами, маркируя сакральные границы [1].

В работе проанализирована широко используемая в христианской культуре символика чисел. Традиционное предпочтение отдавалось числам, входящим в первый десяток счета (один, два, три, четыре, семь), а также 12, 40. Эти числа кроме количественного, несут в себе и магическое значение, с их помощью отражаются как пространственно-временные характеристики мира, так и сакральное средство ориентации в нем.

Символика креста занимает центральное место в традиционной культуре и христианстве. В православии крест характеризуется как мировое «животворящее» дерево – древо жизни. Это убедительно подтверждается и сохранившимися артефактами севернорусского деревянного зодчества: Людогощинский крест церкви Флора и Лавра в Великом Новгороде (1359 г.) и введенный автором в научный оборот крест из д. Кушкопала, Пинежский район, Архангельская область (XIX вв.). Оба креста, как по своей форме, так и искусством деревянной резьбы, символизируют одновременно древо жизни и христианский крест.

В исследовании проанализировано устройство храма: церковь – это тело Господа, воплощенное в храмовой геометрии: алтарь, кафоликон, трапезная, что нашло воплощение в главной концепции христианства «храм как образ устройства мира». В качестве образцов организации крестовокупольных храмов использованы примеры знаковых для христианства и русского православия храмов: Св. Софии в Константинополе (VI в.), Св. Софии в Киеве (1037 г.), Св. Софии в Великом Новгороде (1045-1050 гг.).

Профессиональные архитектурные чертежи, основанные на правилах масштабного проекционного черчения, появляются в России лишь в нач. XVIII в. До этого чертежи заменялись накопленным опытом или ссылкой на «образец». Кроме того, при средневековой артельной организации труда деятельность зодчих оставалась, как правило, анонимной, а создателями храмов считались заказчики-князья, реже – церковные иерархи, чьи имена увековечивались в летописях.

В работе представлены данные по числовой символической культового зодчества, воплощенные в его многоглавии. Историко-

архитектурный анализ вопроса рассмотрен на примере двух уникальных многоглавых северных храмов: 25-главой Покровской церкви, с. Анхимово, Ленинградская область (1708 г.) и 22-главой Преображенской церкви на о. Кижы (1714 г.).

Доказано, что история русской деревянной архитектуры в значительной степени является историей деревянного зодчества Русского Севера. Традиции Византии с установившимися основными формами плана и составляющих элементов были приняты зодчими Руси всецело и оставались неизменными на протяжении столетий. Но деревянное храмостроительство развивается своим путем и постепенно приобретает черты яркой национальной индивидуальности. Широкому творчеству в строительстве деревянных храмов способствовали, во-первых, значительная трудность передачи в дереве архитектурных модулей каменных храмов, во-вторых, то обстоятельство, что греческие мастера никогда не строили из дерева. Русские мастера проявили большую изобретательность, так как к этому времени уже были выработаны определенные конструктивные приемы в светской архитектуре, и эти формы смело применялись в деревянном храмостроительстве.

Храм как обобщенный, семантически насыщенный образ мироздания занимал центральное место в сакральном пространстве северного крестьянского мира. В работе обоснован алгоритм взаимодействия мифопоэтического мировоззрения и православия на архитектурное устройство и знаковость церковного зодчества северных и арктических территорий. Это подтверждается лексикой, указывающей на антропоморфность архитектурного облика храма. Сооружение как бы собирается из «крупных», качественно значимых составляющих человеческого тела: голова (глава), шея, лицо, очи, кокошник, лоб, ребро и др. Эта традиция преемственно сохраняется тем обстоятельством, что с древних времен пропорции человеческого тела выступали как строительная модель всего архитектурного сооружения.

Проведенное исследование позволяет убедительно доказать: деревянные храмы – знаковое наследие Русского Севера и Арктики. Вершина развития деревянного зодчества, воплощенная в северной храмовой архитектуре, явилась закономерным итогом древнерусских архитектурно-строительных традиций и отражением талантливости русского народа, что позволяет перевести понятие «русский плотник» в категорию «русский зодчий».

Часовни – это одно из наиболее ярких проявлений русской традиционной культуры XVIII – нач. XX вв. Часовня как «малый» храм предназначалась для упрощенного богослужения без литургии, а на Русском Севере служила местом молитвенных собраний жителей малодворных деревень, населенных членами одной патриархальной

семьи. Находясь в отдалении от церквей, часовни были безалтарными храмами малого крестьянского прихода и сохраняли автономность существования, особую атмосферу совершения обрядов. Они прочно вошли в сложившуюся систему сакрального и культурного ландшафта. Самый распространённый вариант – это часовня в роще. Это участки леса, состоявшие из очень старых деревьев, иногда они были обнесены оградой, внутри которых находились: часовня, крест, особо почитаемое дерево, целебный источник, камень. В работе рассматриваются причины постановки часовен по историко-типологическим признакам (место проведения богослужения, поминовения, часовни-усыпальницы, обетные / «обыденные», промысловые) и то, как это отразилось на формировании их архитектурно-конструктивных особенностей [2].

Крест – один из главных символов православия. Доказано, что в Арктике, где сложилась православная морская культура, крест отражал особые условия жизни, был центром окружающего пространства, выполняя в нем защитную и сакральную миссию. Особой группой выделяются поморские кресты, которые возводились на побережье и островах Белого и Баренцева морей. Они рассмотрены как памятники архитектуры, православия, объекты ритуальных практик, мореплавания: навигационные знаки поморов, которые были нанесены на лоцманские карты. Высказывается предположение о возможной гендерной знаковости приношений к обетным крестам. Кресты, расположенные в пределах сельского поселения, имеют женские и детские предметы в качестве приношений. Кресты, поставленные в местах морского промысла мужчин-поморов, не имеют обетных приношений [3].

Прикладная значимость исследования: материалы используются при сохранении и популяризации культурного наследия, изучении памятников народного зодчества, при создании архитектурно-этнографический экспозиций музеев под открытым небом, национальных парков, сельских исторических поселений, достопримечательных мест, а также для дальнейшей разработки концептуальных предложений и практических рекомендаций по сохранению сельских культурных ландшафтов, поселений, отдельных памятников архитектуры как объектов культурного наследия Русского Севера, Арктики и Российской Федерации. Результаты работы могут использоваться в образовательном процессе высшей школы при разработке учебных курсов и спецкурсов: «Деревянное зодчество», «Этнология», «Традиционная русская культура».

Именно «культура создает нормальные условия для жизни, и она оправдывает само существования жизни одного человека и жизнь целого народа» (Д. С. Лихачев). Деревянная культовая архи-

текстура, созданная в большинстве случаев неизвестными мастерами на основе общенародных строительных традиций, отражающих коллективную и индивидуальную ментальность, является одной из универсальных доминант культуры этноса. Поскольку северное деревянное зодчество – единственный круг артефактов, сохранившийся в значительном объеме, оно рассматривается как русский культурный код, а Русский Север – как особая территория наследия в аспекте его национальной идентичности.

Список литературы:

1. Конкка А. П. Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 286 с.
2. Пермиловская А. Традиционная культура: «малые» деревянные храмы Русского Севера. Проект Байкал. № 18/70. 2021. с.186 - 193. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.70.1878>
3. Пермиловская А. Б. Крест в традиционной культуре и ландшафте Русского Севера. Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 75. С. 157-171. DOI: 10.17223/19988613/75/19

Поморский дом и храм в современном культурном ландшафте исторических поселений Русского Севера и Арктики¹

А. А. Усов

*кандидат культурологии, научный сотрудник
научного центра традиционной культуры и музейных
практик Федерального исследовательского центра
комплексного изучения Арктики имени академика
Н. П. Лаверова УрО РАН, г. Архангельск*

Аннотация. Статья посвящена анализу туристического потенциала сельских исторических поселений Русского Севера, исходя из состояния их современного культурного ландшафта и, прежде всего, включенных в него памятников культового и гражданского деревянного зодчества. В фокусе исследования – комплекс дома-двора как фактор формирования культурного ландшафта Севера и Арктики и способ поддержания локальной идентичности местного населения.

Ключевые слова: Русский Север, Арктика, традиционная культура, деревянное зодчество, культурный ландшафт, историческое поселение, крестьянский дом.

Эта статья – результат, в том числе, полевых, эмпирических исследований, проведенных сотрудниками научного центра традиционной культуры и музейных практик в период 2018-2023 гг. на территории Архангельской (Приморский, Онежский, Холмогорский район) и Мурманской области (Терский район) [4]. К настоящему времени было обследовано 10 сельских исторических поселений, изучена их история; планировка и памятники культурной, жилой, хозяйственной, инженерной, промысловой архитектуры. Наряду с этнографической практикой также использовалась методика исследования памятников деревянного зодчества, исторических поселений с проведением фотофиксации и схематических обмеров. Это авторская методика доктора культурологии А. Б. Пермиловской, апробированная в экспедициях и опубликованная в монографиях.

Культурный ландшафт Русского Севера и Арктики – это прежде всего ландшафт сельских исторических поселений. Они

¹ Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда № 24-28-20036, URL: <https://rscf.ru/project/24-28-20036/> «Комплексное изучение народной архитектуры как этномаркера традиционной культуры русских в процессе исторического развития на Европейском Севере и в Арктике».

возникали в тесной взаимосвязи с природным ландшафтом, преобразовывали его в культурный [3, с. 160]. Особую роль в этом процессе на территории побережья и островов Белого моря сыграло местное население – поморы – русский вариант морской культуры в Арктике [2]. При освоении пространства поморы руководствовались принципами создания компактной формы поселений. Использовали естественные природные преграды для противодействия осадкам, открытость солнечному свету. Возводили замкнутый тип жилища для поддержания благоприятного микроклимата и противодействия ветрам. Эти принципы были полностью реализованы в наиболее значимом результате многовекового приспособления местного населения к условиям Русского Севера и Арктики – комплексе дома-двора.

Традиционное жилище, наряду с выдающимися памятниками культовой архитектуры, занимает особое место в культурном ландшафте северных деревень. В то время как изящные силуэты храмов и колоколен неизменно остаются мощными вертикальными доминантами, господствующими над окружающей местностью (чему немало способствовал традиционный выбор места – на возвышенности или высоком берегу реки), жилища в большей степени формируют форму и контуры поселений в «дольных» координатах местности.

Поморские дома чаще всего располагались на берегах рек. Такое размещение жилища удовлетворяло потребности в воде и пище, наличии круглогодичной транспортной магистрали. Наиболее удачной была ориентация окнами главного фасада на реку и «на солнце» – на юг, юго-восток, юго-запад [1]. На практике планировка поселений соответствует лишь части принципов ориентации домов, что во многом предопределено рациональными мотивами крестьянских зодчих. Удобство, сухость, прочность (устойчивость), освещенность, защищенность от непогоды – превалировали над эстетическими соображениями.

Наиболее яркий пример изначально удачного выбора места для поселения – с. Пурнема Онежского района Архангельской области. Располагающиеся на Онежском берегу Белого моря, в самом устье одноименной реки, жилища Пурнемы ориентированы главными фасадами на реку, на море и на юг – объединяя практичность с природной красотой открывающегося из окон вида.

Первоначально этот вид включал в себя и культовый деревянный архитектурный ансамбль из двух храмов: холодной шатровой церкви Николая Чудотворца (1618 г.), теплой церкви во имя Рождества Христова «по плану и фасаду» (1861 г.) и колокольни (1775-1932 гг.) и колокольни («тройник»), однако со временем он оказался закрыт густой рощей.

В целом, для местных жителей характерный для высоких берегов рек живописный ландшафт побережья до сих пор включает в себя рукотворные элементы – купол Никольской церкви, пекарню, бани, небольшой рыбный амбар. Однако с другой стороны, такое расположение поселения мешает его восприятию для внешнего наблюдателя, гостя – потенциального туриста. С реки виден только первый ряд домов, а с дороги на другой стороне села – озадки хозяйственных дворов.

В поселениях, стоящих на двух берегах реки или только на низком берегу, как, например, с. Малошуйка Онежского района Архангельской области – внешний облик поселений формируется как с высокого противоположного берега, так и изнутри, благодаря чередованию прибрежно-рядовой и уличной планировки. Кроме того, в отличие от Пурнемы, разделенной оврагом на 2 большие части: Верховье и Низ, с. Малошуйка разделено на 3 части: Верховье, Заречье и Низ. Верховье – культовый, экономический и социальный центр поселения. Здесь располагается архитектурный ансамбль, состоящий из двух деревянных храмов: холодной шатровой Никольской церкви (1638 г.), тёплой пятиглавой Сретенской церкви (1873 г.) и колокольни (1807 г.). Хотя «тройник» и располагается на возвышенности – из самого Верховья и Заречья он почти незаметен. Его подлинная ценность в формировании облика культурного ландшафта обнаруживается лишь с противоположного берега или со стороны Низа, где открывается вид на всех храмы, украшающие крутой поворот реки Малошуйки. Несмотря на это, дома-комплексы в с. Малошуйка лишь выигрывают от уличной планировки благодаря лаконичным, но ярким главным фасадам домов, отличающихся мастерски-выполненными резными причелинами.

Полное подчинение эстетического начала практическим соображениям плотников можно увидеть в с. Ворзогоры Онежского района Архангельской области. Село выстроено на высоком 40-метровом песчаном морском мысе, на удалении от рек. Открытые холодным ветрам дома одной из двух деревень – Кондратьевской – развернуты хозяйственными дворами к морю, выполняя роль буфера перед теплой избой. Фасады же смотрят на юг, а также архитектурный ансамбль, располагающийся в центре поселения.

Кроме ориентации фасадов и места в застройке поселения, традиционный дом, конечно, производит впечатление и сам по себе за счет материала, формы, архитектурно-конструктивного устройства, декора, планировки изб и внутреннего убранства. Однако стоит помнить, что крестьянский дом Русского Севера, каким он представлен еще в исследованиях сер. – кон. XX в. (А. В. Ополовников, И. В. Маковецкий, Б. В. Гнедовский, В. П. Орфинский, М. И. Миль-

чик и др.), и даже нач. XXI в. (А. Б. Пермиловская), к настоящему времени можно назвать исчезающим явлением. Наиболее старые и выдающиеся памятники архитектуры, не подвергшиеся разрушению или серьезным перестройкам, во многом сохранились только на территориях музеев («Малые Корелы») или в пределах национальных парков («Кенозерский»). Сегодня традиционное жилище, фиксируемое в севернорусских деревнях – это более современные постройки, подвергшиеся влиянию городской и «дачной» строительной культуры. Впрочем, и сохранившиеся дома-комплексы кон. XIX – сер. XX вв. все еще представляют историко-культурную ценность как памятники, частично наследующие особенности старинных, в т. ч. новгородских плотницких традиций.

Традиционное жилище Онежского и Терского поморья представлено комплексами дома-двора типа с соединением жилой и хозяйственной части «брус», чаще всего на среднем и высоком подклете. Крыши домов двускатные, для домов кон. XIX – нач. XX вв. характерен сплошной треугольный фронтон, для домов поздней постройки – вышка-мезонин. На главном фасаде от 3 до 6 окон. Жилые части по переднему фасаду, как правило, пятистенки, также встречаются четырехстенки, редко – шестистенки.

Относительно разнообразны решения планировки изб относительно друг друга внутри объема жилой части. Для Онежского Поморья характерно наличие отдельной передней избы с кухней и большой русской печью за ней, а также большой боковой со второй русской печью, располагающейся за сенями. В Терском Поморье, на примере с. Варзуга, большая половина избы с двумя окнами называется передней – это главная, гостевая комната. В зависимости от размера дома здесь может также располагаться большая русская печь – если дверь из сеней ведет прямо в комнату. Если между сенями и передней располагается еще одно помещение – кухня – большая печь ставится там, а в передней-гостиной устраивается голландка или «плита». Меньшая половина с одним окном называется боковой. Вторая половина дома-комплекса на Терском берегу в настоящее время состоит из задней (летней избы) и небольшого хозяйственного двора. Это основное отличие местных жилых построек. Если на Поморском и Онежском берегах вся задняя половина дома целиком отведена под обширный хозяйственный двор с поветью, то здесь они занимают в лучшем случае четверть пространства всего комплекса.

При сохранении внешней формы дома-двора – как единого обшитого сруба (лишь порой с присоединенными дощатыми поленницами) – основная проблема сбереженных до нашего времени жилищ заключается в утрате отдельных элементов декора и, конечно,

масштабной перепланировке жилой части – начиная от всеобщей утраты традиционных интерьеров до капитального ремонта изб, полностью превращенных в комнаты «дачного» типа.

Потеря аутентичности памятников деревянного зодчества – серьезная проблема поселений, которые имеют потенциал для привлечения туристов. Такие села, как Ворзогоры, Малошуйка, Варзуга, например, имеют на своей территории сохранившиеся культовые ансамбли (другие 3 расположены в с. Нёнокса муниципального образования Северодвинск, на о. Кизи Медвежьегогорского района и в д. Филипповская Плесецкого района), что уже наделяет их самоценностью. Однако другие обследованные поселения – с. Пурнема, д. Лямца, д. Нижмозеро, с. Кузомень, с. Чухчерема – с точки зрения визуальной репрезентации должны рассчитывать на особенности природного и культурного ландшафта. И если Лямце и Нижмозеру «повезло» с живописными пейзажами, то, например, для с. Чухчерема утрата последних жилищ кон. XIX – нач. XX вв. будет означать окончательную трансформацию в дачный поселок.

Естественным решением является сохранение существующих памятников или постройка новых домов-комплексов с учетом плотницких приемов технологий, которые бы отражали бы традиционный декор, планировку изб, архитектурно-конструктивное устройство. Так в с. Пурнема до сих пор существует выразительный по своему внешнему виду комплекс дома-двора Гориных (ныне – дом Л. Р. Эннс). Это большой двухэтажный дом-комплекс, тип соединения жилой и хозяйственной частей – «брус». Передние избы имеют планировку типа «четырехстенку». В отличие от большинства домов кон. XIX – нач. XX вв., у дома Гориных отсутствуют четко выраженные боковые избы. В большинстве домов из сеней во двор ведет коридор, стены которого образованы холодной клетью и боковой избой с большой русской печкой. Однако в доме Гориных подобного коридора нет, а вход во двор осуществляется прямо через клеть. Внешний облик дома также отличается от типичного жилища с. Пурнема. Многие старые дома нач. XX в. имеют вышку-мезонин, однако у дома Гориных верхняя часть переднего фасада образована треугольным фронтоном. Интересны декоративные элементы экстерьера жилища. Прежде всего это массивные обработанные кронштейны в форме гребня, поддерживающие вынос большой двускатной крыши. Как и обшивка избы, они окрашены в красный (охряной) цвет и заметно выделяются на фоне светлой подшивки свеса кровли. На стыке причелин сохранился декоративный элемент по подобию короткого полотенца копьевидной формы. Маленькое окно боковой избы второго этажа декорировано массивным очельем с вырезанными «сухариками». Вероятно, когда-то подобные очелья украшали

все окна дома, т.к. на первом этаже обнаружено еще несколько старых экземпляров разной длины.

Несмотря на почти полную утрату хозяйственной части, будучи восстановленным, этот дом мог бы стать одной из возможных туристических достопримечательностей наряду с ранее представленным домом-двором А. В. Родионова, в котором хозяином собрана замечательная коллекция предметов традиционной культуры и быта.

Впрочем, более интересным путем пошел житель с. Варзуга, плотник и реставратор П. П. Заборщиков, ставший основателем проекта создания дома-музея «Поморская изба» (1909-2021 гг.).

Тип соединения жилой и хозяйственной частей дома – «брус» под общей двускатной крышей. Массивная изба-пятистенник поставлена на среднем по высоте подклете. На главном фасаде располагается 5 окон. Фронтон сплошной с 1 окном на чердаке. Дом примечателен, прежде всего, попыткой воссоздания традиционного поморского интерьера кон. XIX в. Зимняя изба состоит из 2 помещений: передней с большой русской печью и чистой боковой (горничей).

В передней рублены традиционные пристенные лавки (но без полок «полавошников»). У печи устроены воронцы, но без набранных полатей или «грядок». В дверном «мужском» углу поставлена кровать, в малом углу напротив устья печи – «посудник». Отдельно оформлен красный угол. Над обеденным столом устроен очеп, но вместо железного кольца в матицу вбит обычный гвоздь (шуруп), к которому за веревку привязан шест (сам очеп) с люлькой. Задняя (летняя) изба оформлена как небольшое выставочное пространство с кроватью, половиками и предметами женского крестьянского быта. Хозяйственный двор и поветь небольшие, по сравнению с комплексами домов-дворов Онежского Поморья – не менее, чем в половину, т.к. сруб избы за сениями поделен на 2 части: жилую (задняя изба) и хозяйственную.

Подобное нежилое выставочное пространство отлично иллюстрирует особенности традиционной архитектуры и быта, при этом не конфликтуя с необходимостью удовлетворения потребностей хозяина дома по замене окон на стеклопакеты, проведению отопления, водопровода и др. При этом дом не выглядит чуждым в культурном ландшафте поселения, напротив, привносит в него аутентичные элементы, столь необходимые для сохранения хотя бы визуального «налета» традиционности.

В настоящее время у дома-музея нет ярко выраженного декора, однако это не является проблемой. Поморский в дом сам по себе обладает аскетичным оформлением, отражающим суровый менталитет и характер поморов. Самые яркие повторяющиеся элементы – резные

причелины на фронтонах главных фасадов (или вышек-мезонинов) и лаконичные очелья окон с незамысловатыми фитоморфными мотивами. В отличие от традиционных представлений о богато украшенном доме-дворе Русского Севера – «хоромах», поморское жилище отличается мощью срубов, сильная роль силуэта постройки, акцент на отдельных деталях переднего фасада. Кроме уже упомянутых причелин, в более старых домах ими являются резные консоли, поддерживающие выносы крыш и полотенца на стыках причелин, а также ныне редко встречающиеся старинные кованые петли и дверные кольца дверей (как правило массивных, сделанных из 2-3 толстых досок, соединенных 2 шпонками).

Подводя краткие итоги, следует отметить, что за пределами острых вопросов создания качественной инфраструктуры и поддержания преемственности и актуализации культурных практик (например, воспроизведения или даже поддержания живых традиционных ремесел) немалую роль в усилении туристического потенциала сельских исторических поселений играет и сохранность оригинальных памятников традиционной архитектуры, их аутентичного облика. Однако для хозяев жилищ, которые находятся за пределами музеев и национальных парков, поддержание дома в неизменном виде ведет к существенным ограничениям их эксплуатации. И если место дома в планировке поселения и ориентация его главного фасада, как правило, остаются нетронутыми (за исключением трансформации самого поселения, когда в результате пожара или новой застройки утрачивается часть жилищного фонда села), то отдельные архитектурные элементы и декор неизбежно подвергаются изменениям и утрачиваются со временем. А так как новейшие дома последних 10-20 лет, как правило, возводятся по новым принципам коттеджей, а не домов-комплексов, даже старинные исторические поселения все больше превращаются в дачи. И именно дом играет в этом процессе ведущую роль. Следовательно, среди первоочередных задач следует отметить сохранение уже (еще) существующих старинных домов-комплексов даже с учетом их внутренней перепланировки – вместо полной перестройки. Другой вариант – создание 1-2 домов-музеев, обеспечивающих преемственность традиционного облика и интерьеров жилищ. Проблема состоит в том, что даже такие, казалось бы, очевидные меры, часто остаются вне сферы внимания не только властей, но даже местных жителей, что, к сожалению, лишь подчеркивает необходимость постоянного мониторинга и обследования уже не единожды изученных культурных ландшафтов сельских исторических поселений.

Список литературы:

1. Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник: очерки нар. материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – нач. XX в. М., 1956. С. 3-458

2. Пермиловская А. Б. Культурное пространство Русский Арктики // Ярославский педагогический вестник: научный журнал. 2015. № 3. С. 362–365.

3. Пермиловская А. Б. Русский Север как особая территория наследия: науч. моногр. Архангельск: ОАО «ИПП «Правда Севера»; Екатеринбург: УрО РАН, 2010. 552 с.

4. Пермиловская А. Б., Усов А. А. Роль традиционного жилища в процессе формирования историко-культурного ландшафта Онежского Поморья // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 3 (114). С. 209–214. DOI: <http://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-3-114-209-214>

Интеграция культурно-исторического наследия городов и сельских поселений как основа брендинга территорий и развития туризма в Омской области и культурного суверенитета России

Н. Ф. Хилько

*доцент, доктор педагогических наук,
ст. научный сотрудник,
Сибирский филиал Института наследия, г. Омск*

Аннотация. В статье раскрываются способы интеграции культурно-исторического наследия городов и сельских поселений, лежащие в основе брендинга территорий и развития туризма в Омской области, что очень важно для формирования культурного суверенитета России. Тема статьи тесно связывается с актуальными формами и методами использования объектов культурного наследия в туристской сфере как средства укрепления цивилизационной идентичности российских регионов.

Ключевые слова: способы интеграции культурно-исторического наследия, городская культура, культурный ландшафт, сельские поселения, брендинг территорий, развитие туризма.

Все возрастающая роль российского внутреннего туризма является мощным фактором приобщения к традиционным культурным ценностям. Эта особенность, как отмечают Ю. С. Путрик и А. П. Соловьев, «приобретает повсеместный характер межрегионального взаимодействия культурной и туристской сфер, предопределяя все более ответственное отношение к вопросам сохранения и использования объектов культурного наследия», которые являются неоспоримыми свидетелями материальных носителей исторической памяти нашего народа, которая является «одной из краеугольных основ культурного суверенитета России» [4, с. 6].

Развитие туризма в регионах Российской Федерации – актуальная задача, выявление и решение которой требует более широкого использования творческих ресурсов региона. Как пишет И. А. Селезнева, «одним из таких ресурсов является многонациональный состав населения подавляющего большинства регионов России. В эту группу входит и Омская область. В целом можно говорить об имеющемся потенциале для развития этнографического направления туристической деятельности на изучаемой территории. Использоуе-

мые на местах способы репрезентации традиционной культуры могут быть как самостоятельными туристическими объектами, так и включены в комплексные экскурсионные маршруты» [5].

Интеграция культуры Омской области в сопредельные сферы социально-культурного и экономического развития позволяет усилить брендинг ключевых территорий основных локаций, входящих в туристскую инфраструктуру Омской области. Об этом говорилось в резолюции «Актуальные формы и методы использования объектов культурного наследия в туристской сфере как средства укрепления цивилизационной идентичности российских регионов» [1]. Нужно отметить, что качества культурной среды региона в данном случае рассматриваются с точки зрения его стратегического развития в Омской области и влияние на туристский брендинг [6].

Взаимная интеграция культурного и природного наследия Омской области включает особо охраняемые территории, парковые зоны, заказники, дендропарки, места отдыха, оздоровления, экскурсионного общения с природой. В этом пространстве развиваются творческие кластеры с использованием культурных брендов и духовно-нравственных традиций регионов. Модели развития использования культурно-исторического наследия связывают туристскую инфраструктуру с различными направлениями преобразованного культурного пространства региона, в котором сосредоточены традиции: фольклора, изобразительного и декоративного искусства, архитектуры, иконописи и народных ремесел.

В связи с этим можно говорить о развитии в регионе пяти направлений туристской инфраструктуры: этнокультурного, религиозного, рекреационно-оздоровительного, культурно-исторического (познавательного) и событийного туризма.

Этнокультурный туризм развивается в различного рода этнокультурных центрах, мастерских, школах ремесел, музейно-экспозиционных площадках, таких как: Сибирский культурный центр, школа ремесел в п. Муромцево, музей сказки «Васин хутор» в поселении Политотдел Любинского района, в процессе проведения фестивалей «Душа России» в Омске, мастер-классах и театрализованных экскурсиях в п. Большеречье. Посещение туристами данных экскурсионных объектов включает в себя погружение в атмосферу народной культуры, предполагающее различные ее виды: народное музыкальное исполнительство, народные игротеки, реконструкцию обрядов, этностилевые флешмобы, фотосессии и выставки этнокультурных перевоплощений в народных костюмах. Особое значение приобретает показ и работа школ народных ремесел, мастерских по пошиву народной одежды. Презентации и показы музейных коллекций народ-

ного быта, посещение экскурсий, например, в музее казачьей деревни Захламино, бывшей на территории современного городка Нефтяников, показывает традиционные особенности купеческого быта начала XX века, которые вписываются в современный культурный ландшафт сибирской усадьбы.

Немалую роль для развития этнокультурного туризма приобретают элементы мастер-классов по народному, историческому и классическому танцам во время проведения экскурсионно-показательных программ, вечеров, посиделок, дискотек для населения, участия во всевозможных клубах, на танцевальных площадках. Эти формы экскурсионной деятельности интегрируются в процессе реконструкции народного досуга, что возвращает нас к этнокультурному наследию в ценностях народной культуры.

В плане культурно-исторического (познавательного) туризма становится важным становится культурно-исторического зонирование территорий. При этом актуализируется не только создание электронных книг и карт памяти, но и разработка моделей взаимодействия историко-культурных ценностей и форм культуроохранных и природоохранных мероприятий. Актуализации духовно-нравственного наследия в регионе способствует показ памятников, памятных знаков, мемориальных досок, плит. Эффективно использование баннеров, сенсорных экранов в процессе посещения различных мемориалов (Парка Победы, Бульвара Победы в Омске, мемориалов, некрополей в малых городах, поселках и поселениях), посвященных Героям Великой Отечественной войны, Героям России, жертвам Чернобыля, вооруженных конфликтов.

Религиозный туризм (паломничество) характеризует культурную среду различных направлений, в которые интегрируются различные места поклонения людей. Наряду с посещением действующих монастырей (Ачаирский, Свято-Никольский, Большекулачинский) существуют экскурсии по отдельным храмам (Розовка, Крутая горка, Новотроицкое).

Популярен также аквапарк в зоне отдыха «Политотдел» Любинского района, находящийся недалеко от города в п. Политотдел. Популярен в г. Омске дендропарк им. Г. И. Гензе, Подгородский реликтовый дендрарий. Здесь имеет место интеграция оздоровительной, образовательной и воспитательной функций. Связующей нитью в религиозном туризме является посещение ряда брендовых объектов, сосредоточенных по «Золотому кольцу Сибири», входящее в познавательные экскурсии. Их посещение включает: церемонии поклонения святым мечтам, мощам и личностям, знакомство с бытом и укладом жизни сибиряков, встречи со служителями церкви, посе-

щение подворий, трапезы, участие в службах, престольных праздниках, молебнах. Особое значение в экскурсионных программах имеют мастер-классы по иконописи, ковроткачеству. В этом пространстве смыкаются краеведческий, этнокультурный и событийный туризм. Сближению с деятельностью Епархии способствует посещение храмов как архитектурных доминант, участие в совершении религиозных обрядов, песнопениях, беседах со священниками. К религиозному туризму в омском регионе примыкают следующих три проекта: «Святые места омского пригорода», «Паломничество по малым городам и селам Степного края».

Рекреационно-оздоровительный туризм (экотуризм) распространяется с запада на юг и затем – на северо-восток и север. Два своеобразных разворота концентрируются вокруг Омского пригорода. Наиболее популярны далеко за пределами Омской области туристское пространство «Пять озер», включающее озера Линево, Данилово, Окунево, Шайтан-озеро, входящие в проекты «Тайны омской области», «Окуневский ковчег».

Пригородная зона представлена оздоровительными территориями Чернолучья и Красноярки, дендропарком П. С. Комиссарова. За пределами пригорода расширяются возможности общения туристов с растительным миром и животными Омского Прииртышья. Актуальны следующие экскурсионно-оздоровительные объекты: заказники в Любинском районе, Мангутский природный заказник, реликтовый водоем лечебного озера Ульджай («Черлакский форпост»), зоологический объект «Урочище Бекишево», где представлено разведение верблюдов в Тюкалинском районе, колония розовых пеликанов на озере Тунис (п. Крутинка, Большереченский зоопарк им. В. Д. Соломатина в пойме р. Большая, Саргатский дендрарий).

Таким образом, культурно-оздоровительный туризм располагает широким рекреативным потенциалом, включающим в себя: рекреативные зоны таежной лесостепи, озера с сохраненной флорой и фауной, места с наличием лечебно-оздоровительных факторов (минеральная вода, лечебные грязи), показом животных, условиями для охраны и рыболовства, экскурсии по природным объектам.

Культурно-исторический (познавательный) туризм Омской области уходит своими корнями в историю XVIII – XIX вв. Это связано с прохождением через Омскую область Московско-Сибирского тракта, по которому следовали в Сибирь переселенцы, ссыльные, каторжане. Геолокации данного направления располагаются вокруг территории бывшего тракта, объединяя купеческие центры старинные города Тару, Тюкалинск, поселки Большеречье, Большие Уки, малый город Калачинск. На западе к данному маршруту при-

мыкают места строительства Транссиба в Любино, куда приезжала царская семья и Николай II, места, связанные с Отечественной войной 1812 г. (укрепления, места расположения крепостей). В число достопримечательностей входят: музей истории Московско-Сибирского тракта (п. Больше Уки), раскопки и особняки, купеческая деревянная и каменная архитектура XVIII – XIX веков. Показательно посещение почтовой ветви Московско-Сибирского тракта в месте расположения верстового столба в Калачинском районе на пересечении дорог по направлению к селу Воскресенка. Посещение этого экскурсионного объекта входило в состав межрегиональной акции «Маршрутом А. П. Чехова по Сибири на Сахалин». В п. Любино открыт для посещения мемориальный комплекс Николаю II. В рамках культурно-патриотической экспедиции Сибирского войскового казачьего общества «Знамя Ермака» туристы проходят путь следования знамени в Омск, в Казачий Никольский собор (Омск – Тара – Тевриз – Екатерининское – Знаменское – Тара – Большеречье – Срагатское – Любино – Омск).

В составе событийного туризма активизирующую роль для региона играют брендовые события вокруг значимых экскурсионных объектов. Локации событийного туризма выстраиваются вокруг маршрута: Полтавский район – г. Калачинск – п. Муромцево – п. Большеречье – г. Тюкалинск – г. Тара – г. Омск.

Первая локация проекта связана с республиканским фестивалем молодежной культуры в Полтавском районе «Молодёжный проспект» и межреспубликанским фестивалем Калача в г. Калачинске, фестивалем «Солнцеворот» в Окунево. Во второй локации – показательный для событийного туризма квест в историко-краеведческом музее «Один день в Ширванском полку» в г. Калачинске. Для третьей локации характерно использование мотивов народных искусств Севера Омской области: театрализованные экскурсии в Историко-культурном комплексе «Старина Сибирская» в п. Большеречье, уездный праздник «На тракте Тюкалинском», межрегиональный кинофестиваль «Моя Родина – Сибирь», театрализованное действо «Традиции народов Тарского Прииртышья».

Четвертая локация располагается в областном центре. Это следующие мероприятия: «Покровская ярмарка» в г. Омске, Дни города, гуляния на Лабинском проспекте в День России в Омске, проведение квестов и мастер-классов в ИКК «Омская крепость» и др.

Интеграция отмеченных выше четырех локаций способствует сохранению культурно-исторического наследия городов и сельских поселений, что не только является основой брендирования террито-

рий, но и способствует, как отмечают А. С. Полынский и Е. В. Кулагина, «активизации производственно-функционального взаимодействия участников кластерных связей при условии наличия структурных условий кластеризации» [3, с. 4].

Список литературы:

1. Актуальные формы и методы использования объектов культурного наследия в туристской сфере как средства укрепления цивилизационной идентичности российских регионов. URL: <https://heritage-institute.ru>).

2. Лихачев Д. С. Заметки о русском // Новый мир. №3. 1980. с. 10-38.)

3. Полынский А. С., Кулагина Е. В. Развитие туристского потенциала Тарского муниципального района Омской области с позиции кластерного подхода // Ученые записки университета Лесгафта. 2014. №11 (117). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-turistskogo-potentsiala-tarskogo-munitsipalnogo-rayona-omskoy-oblasti-s-pozitsii-klaster-nogo-podhoda> (дата обращения: 04.03.2024).

4. Путрик Ю. С., Соловьев А. П. О роли туризма в вопросах сохранения и укрепления цивилизационной идентичности российских регионов // Культурологический журнал. 2023. №2 (52). С. 1-6. DOI 10.34685/HI.2023.38.38.013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-turizma-v-voprosah-sohraneniya-i-ukrepleniya-tsivilizatsionnoy-identichnosti-rossiyskih-regionov> (дата обращения: 04.03.2024). с. 6.

5. Селезнева И. А. Этнокультурный потенциал развития регионального туризма (на примере сельских районов Омской области) // Культурное наследие Сибири. 2014. №3. URL: <http://sibnasledie.omsu.ru/page.php?id=36>

6. Хилько Н. Ф. Обновление культурной среды и развитие туризма в малых городах и поселениях Омского региона : монография. – Омск : Амфора, 2020. – 142 с.

Максимова дача как символ прекрасного в структуре современного Севастополя

Е. В. Малая

*кандидат архитектуры, доцент
Московского архитектурного института
(государственной академии) МАРХИ
г. Москва*

Аннотация. В одном из прекрасных городов Крымского побережья, в городе Севастополе, есть уникальный парк со сложным рельефом и разрушенной усадьбой, здесь сама природа постаралась создать балку для размещения в ней парковой зоны с прохладными ручьями, аллеями, ботаническим садом. Так и случилось почти двести лет назад, когда глава города, уважаемый всеми горожанами человек, разместил на территории Хомутовой балки собственный дом и создал уникальный природный оазис в виде каскада спускающихся прудов с уникальными растениями, здоровым микроклиматом, производством продуктов.

Ключевые слова: Максимова дача, Хомутова балка, парки Севастополя, сложные ландшафты Севастополя, ботанический сад, городской парк.

В одном из прекрасных городов Крымского побережья, в городе военной славы и гордости страны, Севастополе, есть место для удивительных событий, которым еще предстоит произойти с нашей помощью, а именно, восстановление разрушенных памятников культурного наследия. Рельеф и климатические условия города уникальны, здесь сама природа постаралась создать холмы для городской застройки и балки для размещения в них парковых зон с прохладными ручьями, аллеями, ботаническим садом. Так и случилось почти двести лет назад, когда глава города, уважаемый всеми горожанами человек, разместил на территории Хомутовой балки собственный дом и создал уникальный природный оазис в виде каскада спускающихся прудов с уникальными растениями, здоровым микроклиматом, производством вина и меда.

Бывший главы города А. А. Максимов любовно создавал этот рай на земле для своей многочисленной семьи, не подозревая, какая жестокая судьба уготована всем и любимому саду тоже. Историю семьи в данной статье не затрагиваем, нас интересует судьба того сокровища, которое удалось создать за несколько лет в балке Севастополя. Местные жители хорошо знают, что в этом месте

температура воздуха по сравнению с окружающим пространством выше на 3-5 градусов, ручей создает влажность и особые условия для успешного роста редких растений. Место для уникального сада самое подходящее и, можно сказать, уникальное.

Больше двух тысяч лет земля Севастополя сохраняет древнюю культуру, освященная любовью своих жителей, она гордо несет венец славы Героя. Поистине, героическая земля, героические и образованные люди, божественная красоты природы создали этот города. Сама природа позаботилась о том, чтобы структура городских сообщений была сложной, с возможностью изоляции целого района в случае необходимости. А в балках течет река или ручей, питая влагой растения в период знойного лета и дает возможность горожанам наслаждаться прохладой в самый жаркий день (Рис. 1) Город славы и вечной борьбы, доблести, чести и преданности захватывает тебя полностью, окутывая любовью и божественной красотой¹.

В современном Севастополе, рядом со строгой красотой военных бастионов, мощными рavelинами, памятниками побед и поражений скромно разместился в Хомутовой балке ничем сейчас не примечательный, заброшенный райский уголок, созданный инженерным гением и любовью семьи. Здесь всегда теплее на 3-5 градусов, здесь прохладно летом и теплее зимой, и сейчас горожане приезжают просто на пикник или передохнуть от городского шума в умиротворяющей тишине зеленых пространств балки².

Здесь, около 120 лет назад, один из самых уважаемых за историю города его глава, Алексей Андреевич Максимов построил дом для своей семьи и прекрасный сад, который, по воспоминаниям, был более привлекателен количеством редких растений, чем многие самые именитые парки южного побережья Крыма и Средиземноморья. Мечты автора архитектурного шедевра осуществились и даже звонкий детский смех звучал в тенистых аллеях сада, но не так долго, как мечталось. Сложно было представить, что этот райский уголок, созданный руками умелых мастеров, может быть разрушен не природными катаклизмами, а бездушием и фашизмом.

Будучи уважаемым главой города, Максимов ведет одновременно несколько строительных объектов, успевая в качестве благотворительности строить больницу и храм. «Действительный член Севастопольского городского попечительства детских приютов ведомства учреждений Императрицы Марии, член комитета попе-

¹ Севастополь, которого нет. <http://sevastopol.press/2018/11/12/vosstanovlenie-maksimovoj-dachi-trebuets-668-millionov-rublej/>

² https://gidtravel.com/country/russia/Maksimova_daha_dp2327.html

чительства о тюрьмах, почетный попечитель Севастопольского Константиновского реального училища (по выборам), член правления Общества вспомоществования недостаточным ученикам Севастопольского реального училища, почетный попечитель Севастопольской мужской гимназии, присяжный заседатель. Это неполный перечень тех общественных должностей, которые занимал Алексей Андреевич. И общественная работа была не фиктивной, а реальной» [3, с. 2]. К глубокому сожалению главы прекрасного города не могут отчитаться перед горожанами таким количеством важных и необходимых городу мероприятий, созданных Максимовым.

Для сотрудничества в области архитектуры и строительства он приглашает молодого талантливого архитектора и инженера Валентина Фельдмана, возглавившего строительство нескольких объектов одновременно. Известно, что Фельдман принимал участие в создании памятника Затопленным кораблям, давно ставшего символом Севастополя, и проектировал частные особняки, определяя облик города на рубеже XIX – XX веков [2]. Два талантливых человека, архитектор и глава города, создали целый мир в балке, воплощая свое представление о прекрасном в камне, воде, зеленых насаждениях, тенистых аллеях, гротах и водоемах с цветущими лилиями. Мир, поражающий величием инженерных решений и мастерством местных специалистов.

Архитектурный ансамбль усадьбы был похож на многие подобные сооружения, не претендуя на звание дворца. Напротив, это был небольшой дом с хозяйскими постройками, привлекательный соразмерностью деталей, с небольшим винодельческим предприятием и пчельником.

Крестьянский сын из многодетной семьи, трудившийся за копейки грузчиком, подрядчиком, да кем угодно, стал одним из самых уважаемых руководителей Севастополя. Преданность городу и огромная работоспособность отделяют его от многих руководителей и сообразительность. Счастливый и удачный в финансовом плане брак, помог получить подряды на строительство доков, музея, школы. Историки утверждают, что Храм Рождества Христова в Георгиевском монастыре Максимов восстановил полностью за свои средства.

Уже будучи главой города, ему удается купить участок земли в Хомутовой балке для обустройства дома для своей семьи и уникальным садом. Удивительно, сколько добра сделал этот человек для простых горожан, его любили и еще много десятков лет помнили. А. А. Максимов помогал бедным получать образование, строить жилье за беспроцентные ссуды, помогал раненым и оплачивал образование детям и взрослым для смены профессии и получения работы. Алексей Андреевич гордился домом и парком, в котором высажено

больше полутора тысяч видов уникальных растений из разных концов света, в том числе реликтовых. На территории парка несколько водоемов, каменные и деревянные мостики, беседки, фонтаны, каменные лестницы и даже искусственные руины, создающие ощущение вечного покоя, времен Древнего Херсонеса.

События 1905 года поставили Алексея Андреевича в один ряд с матросами и рабочими, что послужило созданию ряда доносов на него в правительство. После рассматривается вопрос о конфискации имущества и выселении из Севастополя, что уже не смог вынести и оставил семью в августе 1908 года. Только почти через сто лет останки одного из достойнейших жителей и главы города смогли захоронить с подобающими почестями.

Парки и скверы Севастополя оберегают здоровье жителей здоровым микроклиматом, обволакивают прохладой в жаркие летние дни, дают приют птицам и другим мелким обитателям Крыма. Сады и парки являются национальным достоянием страны и по праву занимают важное место в списке лучших садово-парковых и дворцовых ансамблей Средиземноморья.

Последние перемены в понимании роли архитектуры и градостроительства в жизни людей приводят к особо бережному отношению к национальным культурным ценностям. При этом появляются возможности возрождения парковых ансамблей, дворянских усадеб и других важных для горожан значимых мест в городе. [1, с. 3-8]

Жители Севастополя много лет надеются на создание и возрождение парков во всех балках города, поэтому проект, формирующий не только восстановление прекрасного парка и усадьбы, но поддержание уникального природного ландшафта города, связывающего городские районы и обеспечивающие горожанам и туристам, доступ к морю. Максимова дача не только зона природного парка, памятник культурного наследия, это сакральная значимая часть уникального города, место жизни уважаемого главы города и счастливой семьи. Многие жители помнили десятилетиями благие дела и помощь каждому бедному горожанину, оказанную главой города. Известно, также, что Максимов создал пчельник, работавший круглый год благодаря ценным растениям, и виноградники с винным заводом, где трудилось множество горожан. Там же были построены жилые районы для работающих в усадьбе, на заводе и пчельнике.

По заказу руководства Севастополя в 2018 году был создан проект восстановления ансамбля Максимовой балки³, который

³ Малая Е. В. О роли прекрасного в структуре современного города. <https://sevarch.ru/o-rol-i-prekrasnogo-v-strukture-sovremennogo-goroda-maksimova-dacha/>

в некоторой степени приблизился к осуществлению проекта восстановления. Общественность не имела возможности ознакомиться с полным проектом, но то, что было представлено, частично совпадало с мнением горожан и специалистов о проекте возрождения усадьбы и парка. Некоторые участки вызвали одобрение, но основной задачей проекта должно было стать полное воссоздание дома с прилегающей территории⁴.

В проекте должен быть раздел, посвященный восстановлению всех инженерных и подсобных сооружений всего комплекса. Повторить работу инженеров XIX века сложно, но необходимо, восстановления водных пространств с водопадом и сохранением микроклимата в балке для оздоровления городской среды.

Историк Аркадий Михайлович Чикин, гражданин Севастополя, повествует историю создания этого уникального места, подробно описывая процесс проектирования и строительства [5, с.123].

Восстановление Максимовой дачи как сакрального места города Севастополя, особо ценное для всех горожан, необходимо восстанавливать. Но самое важное в предпроектном анализе и дальнейших действиях – привлекать к работе только специалистов высокого уровня и любящих этот город. Процесс создания ансамбля должен быть описан подробно так, чтобы этот текст с чертежами и фотографиями являлся учебно-методическим пособием для будущих архитекторов.

Заключение. Научный подход к проекту возрождения парка поможет вернуть городу прекрасный дендрологический идеализированный образ мира, созданный талантливым архитектором - инженером и заслуженным гражданином города. Здесь нет места городской суете и политическим распрям, спорам о бизнесе и финансах, это зеленый островок душевного спокойствия и умиротворения. При этом следует учитывать, что Строительство усадьбы может нарушить хрупкий мир парка, поэтому необходимо к работе над проектом привлекать не только архитекторов, но и специалистов различных направлений. Необходимо обсуждение целесообразности возрождения усадьбы и какими средствами это создавать, чтобы не нарушить микроклимат старого парка.

⁴ <https://sevastopol.press/2018/11/12/vosstanovlenie-maksimovoj-dachi-trebuetsya-668-millionov-rublej/?ysclid=lt2pz6r479291723973>

Список литературы:

1. Вергунов А. П., Горохов В. А. Русские сады и парки. Издательство «Наука», Москва, 1987.
2. Коляда Е. М. История создания и проблемы реставрации усадьбы Максимова в Севастополе / Вестник СПбГУКИ №2(31) 2017.
3. Колесников А. И. Архитектура парков Кавказа и Крыма / А. И. Колесников. М. Гос.архитектур.изд-во. 1949. С.175.
4. Терещук Н. М. Севастопольский голова А. А. Максимов. Севастопольские известия. 2013. 9 октября. № 78. С. 2.
5. Чикин А. М. Максимова дача / Севастополь. Баблекс. 2005. с.149.

К вопросу сохранения культурного наследия в системе дополнительного художественного образования России. Опыт работы московского Дворца пионеров на Воробьевых горах

И. Ю. Буфеева

старший преподаватель

Институт искусств

Российский государственный университет

имени А. Н. Косыгина, г. Москва

Аннотация. Рассматривается многолетний опыт работы Центра художественного образования Московского дворца пионеров на Воробьевых горах в вопросе сохранения культурного наследия через методику обучения традиционному национальному декоративно-прикладному искусству народов России учащихся дошкольного и школьного возраста (4 – 17 лет).

Ключевые слова: культурное наследие, традиции, народное искусство, методика подготовки.

Сегодня представляется очевидным, что западная модель образования в области развития художественного творчества, принятая у нас в стране как ведущая в начале XXI века, себя не только не оправдала, но и оказалась, на мой взгляд, разрушающей. Ориентированная на подготовку специалистов, разрабатывающих художественные изделия на основе любого выбранного автором готового образца из фонда мировой материальной и художественной культуры, она почти уничтожила традиционные методы подготовки, принятые в советской школе. Была затронута методика обучения не только студентов художественных вузов страны, но и сфера среднего и дополнительного художественного образования. В первую очередь эта направленность коснулась области декоративно-прикладного и народного искусства. Методика формирования образного мышления для создания уникальных образцов на основе изучения лучших художественных произведений прошлого оказалась почти утраченной. За предшествующие десятилетия по всей России были закрыты сотни кружков, отделов и школ художественной специализации детей дошкольного и школьного возраста, в том числе и в области народного искусства. Параллельно вслед за тенденциями изменения методик обучения детей многие вузы страны перепрофилировались на подготовку дизайнеров, с утратой основных программ обуче-

ния художников. В результате подобная направленность привела к непониманию и незнанию нашими детьми и молодежью того, что мы называем традициями уникальной художественной культуры народов России. Именно поэтому вопрос о том, почему молодое поколение страны сегодня интересуется модной японской мангой и ничего не знает о русском лубке, стал не просто актуальным, сегодня он – один из основополагающих. И, на мой взгляд, реально представляет требующей решения проблему для восстановления нашей национальной идентичности.

Ситуация сложная, тем не менее методики советской школы все же сохранились. Сохранился и уникальный опыт работы с детьми, где изучение основ лучших направлений художественной культуры и наших традиций, включая область народной культуры, было определяющим.

Примером может служить многолетняя работа Московского дворца пионеров на Воробьевых горах, где изучение народного декоративно-прикладного и изобразительного искусства много лет занимало значимое и весомое место в формировании идеологической позиции российской молодежи.

В 1962 году Московский дворец пионеров получил новое здание на Воробьевых горах. Тогда же был организован сектор «Эстетики быта», где наряду с культурой быта появилось много новых направлений, включая различные виды декоративно-прикладного искусства, а также моделирование и конструирование одежды. Изучение детьми лучших памятников национальной культуры народов России стало приоритетным. Сложилась группа талантливых педагогов, которые начали прививать детям интерес и любовь к народному искусству. Разработанные методики на протяжении многих десятилетий совершенствовались и развивались, а специализация получила место в сформированных направлениях: вышивка, кружево, народная игрушка, резьба и роспись по дереву, художественное вязание, моделирование костюма и ткачество.

За эти десятилетия сектор неоднократно преобразовывался, сначала в отдел художественного творчества, затем разделился на «ИЗО» и «ДПИ». В 1992 году появилась Школа художественных ремесел, просуществовавшая до 2014 года, а сегодня это Центр художественного образования, куда входят указанные отделы, подразделяющиеся на учебные группы по специализации.

Безусловно, веяния начала XXI века коснулись как направлений, так и методик обучения в Московском дворце пионеров. Печальным событием, на мой взгляд, явилось закрытие Школы художественных ремесел, методика работы которой может служить

примером для возрождения интереса детей к традициям народной культуры [2]. В периоды реорганизации, безусловно, происходила как утрата отдельных направлений художественного творчества, так и ряда лучших образцов, хранившихся в фондах дворца. Тем не менее, все же не было утрачено главное – понимание того, что традиции национальной культуры народов России – уникальный учебник, способствующий возрождению в наших детях этической и духовной значимости художественного творчества в противовес пока еще господствующей сегодня культуре потребления.

Сегодня педагоги, работающие в Центре художественного образования Московского дворца пионеров на Воробьевых горах, ориентированы на использование лучших методик обучения детей на основе опыта своих предшественников-учителей. Примечательно, что во дворце сохранилось то, что мы считаем преемственностью поколений – многие педагоги ученики тех, кто когда-то составлял педагогический состав первых студий и Школы художественных ремесел. Продолжает работать Д. Браславская, а ученики одного из создателей Школы художественных ремесел О. Молотобаровой: Н. Воропаева, Н. Муранова, И. Скворцова, Т. Дигурова и другие – по-прежнему сохраняют основы культурного наследия нашей страны. Более того, начало возрождаться то, что казалось, было утрачено.

В настоящее время Центр художественного образования включает учебные группы по изобразительному и декоративно-прикладному искусству и детский театр моды. Работают такие направления обучения, как вышивка, кружево, керамика, резьба и роспись по дереву, народная игрушка. В этих направлениях подготовки, а также в детском театре моды, изучение традиций народного декоративно-прикладного искусства является одним из приоритетных. Способы постижения народного материала сохранились – это традиционные методики: ориентация на лучшие образцы, их тщательное изучение в музеях и библиотеках. Длительное время к этим методикам добавлялись и экспедиции по сбору материала в различных уголках России (в период работы Школы художественных ремесел). Возможно, это направление вновь сможет возродиться. Основу изучения составляет копирование, как в графической форме, так и в материале. Подобный традиционный метод, на мой взгляд, не может быть заменен методикой с использованием новейших технологий с «цифровизацией». Создание учащимся копии народного образца формирует знание по технологическому исполнению изделия: пропорциям, цвету, ритмическому построению, приемам формообразования, так, как это было отработано не одним поколением народных мастеров в поисках наибольшей целесообразности

и эстетической значимости вещи. Своего рода исполнение копии в материале – это то, что сегодня принято называть исторической реконструкцией. Думаю, что появление сегодня интереса к исторической реконструкции текстильных изделий, одежды, оружия и т. п. является не случайным. Культура потребления в своей направленности на индивидуализацию личности в противовес к окружающей человека природной среде, привела не только к утрате природной этики, но и исключила критерии оценки с ориентацией в развитии на то лучшее, что всегда составляло характерное свойство культуры традиционной. Сравнительные ориентиры потерялись. Тогда их и начали находить в прошлом, где они, бесспорно, были. В данном случае копирование исторического образца – этап обучения, фиксирующего сбор материала по теме, своего рода база, которая впоследствии способствует созданию новой авторской вещи. Поэтому направление работы педагогов центра основано на формировании творческого потенциала детей, исходя из тех знаний, которые они получили, изучая приемы создания произведений классического и народного искусства. В одном случае, например, исполняются грамотные этнические образцы, в другом, исходя из поставленных задач, на их основе создаются совершенно новые вещи с ярко выраженным творческим авторским потенциалом.

Среди разнообразных традиционных видов народного декоративно-прикладного искусства, которые изучаются школьниками, особое место занимает изучение уникальных памятников Русского севера. До сих пор они являются не только примером богатейшей культуры России, но и могут служить источником творчества современных мастеров изобразительного, декоративно-прикладного и народного искусства.

Важное место сохранению и развитию народной культуры при обучении детей во дворце отводится направлению керамики и резьбы и росписи по дереву. В области художественной керамики, ориентированной, в целом, на разработку современных изделий, знание традиционных промыслов России имеет первостепенное значение. Первоначально учащиеся знакомятся с нашими художественными центрами этого вида народного декоративно-прикладного искусства. Поэтому многие детские работы показывают творческие проекты в области создания дымковской, филимоновской или каргопольской народной глиняной игрушки. Школьники также получают уникальные знания при изучении крестьянского народного искусства, например, северной резьбы или росписи по дереву, применяя потом на традиционной деревянной посуде свое умение в разработке мотивов и использовании техник борецкой, ракульской или мезенской

росписи. Можно отметить проекты последних лет, где традиционные народные промыслы Русского севера сразу угадываются, обладают высоким художественным уровнем и мастерством исполнения. В этих работах сохранились те истоки народной культуры, которые можно охарактеризовать словами известного русского искусствоведа В. Василенко: «украшение органически связывалось с формой вещи. Назначение подсказывало характер этой формы, материал также многое определял в его построении. Большую роль играл образ, его характер...» [3, с. 135].

Текстильные традиции нашей многонациональной культуры обширны и разнообразны. Значительное место в них занимает кружево, вышивка и народный костюм: одежда, головные уборы, аксессуары.

Обучение кружевоплетению и вышивке во дворце начиналось еще в 90-е годы XX века. Тогда же в основу обучения легло изучение традиций, быта и обычаев народов России. Огромный вклад в сохранение традиций этих видов народного декоративно-прикладного искусства внесла творческая деятельность профессионального педагогического коллектива, чья методика подготовки детей сохранилась и применяется до сих пор. «Декоративно-прикладное искусство играет большую роль в художественном образовании детей. Вышивка, как один из самых распространенных его видов, особенно доступна для восприятия ребенком, ее красота и естественность пробуждает любовь к природе, интерес к истории и культуре своей Родины» [5, с. 3]. Сохранилось и учебное пособие по кружевоплетению. Вплоть до настоящего времени, опираясь на данную методику обучения, учащиеся учебных групп успешно создают проекты, где постоянно используются традиции текстильного искусства народов России: вологодского и кировского кружева, традиционных вышивок тверской, ярославской и олонечкой губерний, приемы художественного решения текстильных изделий Архангельска и коренного населения Ненецкого автономного округа или регионов Дальнего Востока. В работах учащихся присутствуют основополагающие знания в области не только приемов исполнения деталей, характерных для того или иного центра, но и грамотный уровень композиционного и художественного построения. При этом многие вещи органично вписываются в пространство современной жизни, включая и возможность их использования в современной моде. Многие учащиеся, заканчивающие данные направления Центра художественного образования, постепенно в процессе обучения из мастеров-ремесленников превращаются в художников. Создается подготовительная база для последующего обучения в специализированных художественных вузах страны.

Еще в 60-е годы XX века в секторе дворца «Эстетика быта» были образованы направления по вязанию и моделированию костюма. Постепенно они разграничились и сегодня это учебная группа по художественному вязанию и детский театр моды «Василиса».

Многолетнее обучение, в основном, девочек вязанию в итоге вылилось в приоритетное направление – вязание в традициях узорного вязания народов России. Так появились работы учащихся: шарфы, шапки, рукавицы и сумки, предметы одежды, где нашли широкое применение мотивы и приемы художественного вязания мордвы, удмуртов, коми, хантов, народностей Дагестана и Русского севера. Их особенность – поиски использования традиционных способов создания и орнаментальных композиций применительно к требованиям современности, т. е. с учетом направлений современной моды в костюме. Работа сложная, поскольку ее задача «найти меру современности и традиционности, не сделать костюм этнографичным и в то же время дать представление о его национальном прообразе» [1, с. 54]. Во многих предложениях учащихся эта задача успешно выполняется.

Особое место в жизни Московского дворца пионеров занимает детский театр моды «Василиса». Образованный в 1995 году он продолжил работу первоначальной лаборатории по конструированию и моделированию одежды, но уже на основе новой концепции. Не обучение шитью, а создание творческих проектов моделей одежды. Приобщение детей к миру культуры костюма и окружающей среды, к их социальной адаптации за счет театрализованных показов созданных учащимися коллективных проектов. Стилиевые направления разрабатываемых коллекций и авторских моделей – разные. Есть авангардные, спортивные, исторические. Народные традиции занимают в творческой деятельности коллектива особое место. Недаром выбор названия театра связан с именем одной из главных героинь традиционного русского фольклора. Разработка коллекций с использованием традиций народного костюма: конструкций, отдельных предметов и приемов композиционного построения, художественного текстиля, элементов оформления, встречается постоянно. При этом коллекции ориентированы на современную моду, а использование и успешное применение народных традиций говорит о том, что эти традиции не только сохранились, а успешно применяются, развиваются и являются неотъемлемой и постоянной частью нашей современной жизни. Так, одна из последних коллекций театра «Седьмое небо» (это там, по мнению авторов, «где снежные белые облака превращаются в волшебные узоры и разливаются синевой по поверхности ткани») выполнена из тканей, декорированных в технике и рисунках кубовой набойки. Кубовая набойка была характерна для оформления

тканей домашнего производства, в том числе и на Русском Севере. «Печатным рисунком в России украшали льняной домотканый холст, шерстяные и шелковые ткани, а с появлением хлопка – хлопчатобумажные» [6, с. 84]. Самыми ранними цветами набоечных мотивов являлись сине-белые. А «самыми распространенными видами орнамента набоек XVII века, хранящихся в фондах Государственного Русского музея, «были геометрический и растительный. Различные двухцветные комбинации ритмично чередующихся квадратов, шашек, звездочек, пересекающихся кругов, розеток, треугольников – простейшие из композиций» [4, с. 114] Именно подобные ткани и были выбраны для коллекции детского театра моды. Более того, помимо традиционных тканей с кубовой набойкой, в ней присутствуют элементы русского народного костюма: рубах, сарафанов, навершников. Коллекция получилась современной и вместе с тем с четко обозначенными народными традициями. Разработки театра моды продолжают быть интересными и перспективными, особенно когда в основе современных проектов лежат разнообразные предметы народного костюма типа народных рубах или кокошников, выполненных из мешковины.

Интересно, что изучение народных традиций во дворце проходит не только в Центре художественного творчества. Особое место занимает пользующаяся популярностью у школьников учебная группа «Кулинария», где традиции национальной кухни народов России широко применяются при обучении, например, способы изготовления вологодских витушек, каргопольских калиток или рыбников.

Педагоги центра сохраняют и методику научного подхода к обучению детей. Много лет ежегодно в центре проводятся конкурсы на учебно-исследовательские работы школьников практически по всем направлениям подготовки. Темы достаточно интересные и серьезные, в том числе и в области традиционного народного искусства. Например, в исследованиях 2023 года особое место заняли работы учащихся «Часы «Птицы с борейской росписью» или «Изготовление финской куксы» (художественное применение традиционной северной росписи по дереву и традиционной обработки дерева у карело-финнов), получившие высокую оценку рецензентов.

В течение многих лет Центр художественного образования Московского дворца пионеров на Воробьевых горах проводит ежегодную выставку-конкурс детского художественного творчества. С 2017 года она получила название «Новые вершины» и имеет много номинаций, в том числе и в области декоративно-прикладного и народного искусства. Традиции ориентации на лучшие образцы по-прежнему остаются, что служит серьезным методом обучения в системе дополнительного образования в России.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

– культурное наследие народов нашей страны в области декоративно-прикладного и народного искусства в системе дополнительного образования России сохраняется, продолжает восстанавливаться и успешно развивается;

– на примере Центра художественного образования Московского дворца пионеров на Воробьевых горах необходимо отметить, что многие традиционные методы обучения педагоги сумели не только сохранить. Они могут успешно применяться сегодня по всей стране, поскольку оказались востребованными как своеобразный противовес ряду бездуховных концепций и методик культуры потребления;

– необходимо сделать обязательным изучение традиционной многонациональной культуры народов России в системе дополнительного образования, используя ее как один из основных источников творчества будущих специалистов художественной направленности.

Список литературы

1. Афанасьева Т. А. Народное вязание в ансамбле современного костюма (творческие поиски) // Традиции народной одежды и искусство современного костюма. Сборник научных трудов. М., Научно-исследовательский институт художественной промышленности. 1983. – 151 с.

2. Буфеева И. Ю. К истории российского образования в области декоративно-прикладного и народного искусства. Творческое наследие О. С. Молотобаровой. // Месмахеровские чтения – 2023. Сборник научных статей. Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Штиглица. Санкт-Петербург. 21-23 марта 2023. С. 350-355.

3. Василенко В. М. Русское народное искусство. Содержание, стиль, развитие. М., Российский государственный гуманитарный университет. 2011. – 168 с.

4. Добрых рук мастерство. Произведения народного искусства в собрании Государственного Русского музея. Составитель И. Богуславская. «Искусство» Ленинградское отделение. 1976. – 198 с.

5. Молотобарова О. С. Учите детей вышивать. М., Владос. 2003. – 189 с.

6. Народные художественные промыслы. Под общ. ред. О. С. Поповой. М., Легкая и пищевая промышленность. 1984. – 191 с.

Искусство создания модели туристско-рекреационного ландшафта Республики Мордовия в контексте благоустройства территорий

И. В. Павлова,

*студентка Аграрного института Мордовского
государственного университета
имени Н. П. Огарёва, Саранск*

И. Г. Кильдюшкина,

*кандидат исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского
института гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, доцент кафедры всеобщей истории,
политологии и регионоведения Мордовского
государственного университета
имени Н. П. Огарёва, Саранск*

А. Ю. Яковлева,

*кандидат искусствоведения, преподаватель Детской
музыкальной школы № 7 имени А. С. Ключарёва, Казань*

Аннотация. В статье рассматривается туристско-рекреационный потенциал Республики Мордовия. С позиций использования системного подхода к проектированию и управлению сферой туризма на основе принципов архитектурно-ландшафтной ревитализации пространств представлен ряд мероприятий по благоустройству территорий и созданию модели туристско-рекреационного ландшафта региона, необходимых для достижения стратегических целей развития туризма.

Ключевые слова: ландшафтная рекреация, туристско-рекреационный ландшафт, рекреационный потенциал, территория, рейтинг, общественные пространства.

В связи с проведением специальной военной операции, введением беспрецедентного числа санкций в отношении России и возникновением антирусских настроений сформировался еще один кризисный шок, который может привести к формированию отложенного спроса на рынке туристских услуг, или отказу от путешествий за пределы своей страны. Значит, нужны альтернативные якорные объекты притяжения, способные дать импульс развитию туризма. В официальных документах Правительства Российской Федерации,

утвержденных в 2021 – 2022 гг., актуализированы перспективы развития этой отрасли в нашей стране до 2035 года, одним из направлений которой определяется приоритетное освоение территорий, обладающих рекреационным потенциалом [12].

С точки зрения социально-экономической позиции выбор Республики Мордовия может рассматриваться в качестве потенциальной территории ландшафтной рекреации [13]. Этот небольшой по площади (26,1 тыс. км²), но ландшафтно-контрастный регион России обладает определенным экономическим потенциалом и современной социальной инфраструктурой, которые обеспечивают комфортные условия для жизнедеятельности населения. Неоднородность распределения туристских ресурсов по территории республики обуславливают необходимость использования системного подхода к проектированию и управлению данной сферой на основе принципов архитектурно-ландшафтной ревитализации пространств в контексте изучения историко-культурных предпосылок, основных стилей и направлений в ландшафтном искусстве, разработки практико-ориентированных проектов, планов и чертежей придомовых территорий, благоустройства и озеленения прибрежных зон, скверов и рекреационных зон.

Применение приемов ландшафтного дизайна и архитектурно-ландшафтной реновации территорий, обладающих нереализованным туристическим потенциалом, в первую очередь, позволит решить задачи формирования модели единого с окружающей средой рекреационного комплекса в соответствии с эстетическими, функциональными и экологическими требованиями, интегрирующего в себе планирование, проектирование и реализацию мероприятий по благоустройству территории, созданию садов, парков, скверов, набережных, частных дворов и приусадебных участков [14]. С другой стороны, это творческое направление на стыке ландшафтоведения, строительства, черчения, архитектуры, геодезии, почвоведения, растениеводства, садоводства, цветоводства, растительного материаловедения, дендрологии, колористики, композиции и графики даст возможность сформировать привлекательную и комфортную среду обитания, красивые и эргономичные пространства под открытым небом, максимально используя имеющиеся природные возможности [5].

С помощью профессионального софта и специального программного обеспечения (графический редактор Adobe Photoshop, программы Realtime Landscaping Architect, рабочие инструменты AutoCAD и SketchUp и др.), которые ускоряют и визуализируют дизайнерские идеи в цифровом формате, можно превратить заброшенную, неблагоустроенную территорию в общественно-значимый турпродукт [5].

Общеизвестно, что любовь к прекрасному зародилась в глубокой древности. Первые примеры дизайнерского оформления ландшафта встречаются в садах древних цивилизаций (Вавилонская империя, Египет, Греция и Рим), где использовались скульптуры, водоемы, фонтаны, деревья, кустарниковые насаждения и цветы. В Средние века данное направление искусства развивалось в основном при создании в монастырях и замках уютных и комфортных внутренних дворики. В эпоху Возрождения это выразилось в появлении новых стилей и направлений (итальянский регулярный и английский пейзажный парки, японский сад и др.) [6]. И, наконец, в XX в. сочетание ценных природных ландшафтов и различных индустриальных объектов стало более динамичным. Открытие новых технологий и материалов позволило создавать более сложные и оригинальные композиции, определившие современные подходы к проектированию и реализации проектов, – функциональность, визуальную привлекательность и экологичность с совокупностью специальных инструментов [4].

Следует иметь в виду, что по развитию зон рекреации и отдыха, инвестиционным вложениям со стороны частного бизнеса Мордовия никогда не соотносилась с флагманом региона турбизнеса. По туристско-рекреационному потенциалу (ТРП) Республика Мордовия вошла в «бронзовую» группу Национального Туристического Рейтинга (74-е место в России, 31,4 балла, 2022 г.) [11]. Анализ ее инвестиционной привлекательности демонстрирует объективные инфраструктурные, географические, экологические, природные, культурные и инновационные возможности. Наряду с институциональными и финансовыми факторами, сдерживающими развитие туристической индустрии, в регионе отмечаются уникальные природные ресурсы, экологическое благополучие, проводится последовательная политика комплексного решения проблем сферы туризма и гостеприимства посредством государственно-частного партнерства, формирования на этнокультурной основе финно-угорского туристско-рекреационного кластера, обеспечения современной инфраструктуры отдыха, питания и развлечений на принципах многофункциональности и круглогодичного использования.

ТРП сосредоточен в Республике Мордовия неравномерно. Лидерами ТРП, оцениваемыми по наличию баз отдыха, санаториев и детских лагерей, автодорог, культурно-исторических достопримечательностей, религиозных и экологических объектов, являются Темниковский и Ичалковский (с особо охраняемыми природными территориями (ООПТ), водными ресурсами Мокши), Краснослободский, Рузаевский и Ковылкинский районы. Выше среднего это

значение в Кочкуровском, Zubово-Полянском, Ардатовском и Чамзинском районах. Средний (Большеберезниковский, Теньгушевский, Дубёнский, Атяшевский, Лямбирский, Инсарский, Ромодановский и Ельниковский районы) и низкий (Старошайговский, Торбеевский, Большеигнатовский, Атюрьевский и Кадошкинский районы) показатель ТРП обусловлен отсутствием коллективных средств размещения, небольшого числа памятников истории и архитектуры. Вместе с тем в Большеигнатовском районе имеются благоприятные условия для развития рекреационного туризма [3].

В Республике Мордовия рекреационный туризм может эффективно развиваться благодаря этнокультурному и экологическому потенциалу территории. Объектами экотуризма выступают, прежде всего, ООПТ: Мордовский государственный природный заповедник имени П. Г. Смидовича (Темниковский район) и Национальный парк «Смольный» (Ичалковский район, федерального значения), окрестности которых благоприятны для создания межрегиональной зоны отдыха и туризма, 4 комплексных государственных заказника (в Ардатовском, Атюрьевском (охотничий, «Лесной»), Краснослободском (охотничий, «Залесный») и Чамзинском районах) и 106 памятников природы в Ардатовском, Большеигнатовском, Ельниковском, Zubово-Полянском, Ковылкинском, Кочкуровском, Лямбирском, Ромодановском, Рузаевском, Теньгушевском, Чамзинском районах и в окрестностях г. Саранска.

Подлинная жемчужина и своеобразный уголок нетронутой природы на северо-западе региона – Мордовский государственный природный заповедник им. П. Г. Смидовича (в 12 км от г. Темникова и 170 км от Саранска) [16, с. 59-60, 101]. Один из старейших природоохранных объектов в Европейской России был создан в 1934 г. для сохранения и изучения редчайшего природного достояния южной части таежной зоны – знаменитых сосново-широколиственных муромских лесов. Разнообразие и «чистота» экспозиций природного музея содержат наиболее характерные для лесной полосы типы насаждений, в том числе занесенные в Красную книгу Российской Федерации [15]. В музее природы есть шесть залов: «История создания», «Млекопитающие», «Птицы», «Насекомые», «Растения», «Видеозал». Заповедник раскинулся на десятки километров от междуречья Мокши и ее правого притока Сатиса, на границе тайги и лесостепи, с южной и восточной стороны соседствует с отрогами Приволжской возвышенности, на севере продолжая лесной массив на границе с Нижегородской областью (г. Саров) площадью около 140 тыс. га; состоит из одного участка в 32,1 тыс. га (охранная зона – 6,2 тыс. га). На его территории зарегистрировано 446 таксонов водорослей, 270 видов афиллофороид-

ных грибов, 361 вид лишайников и систематически близких нелихенизированных лихенофильных и сапротрофных грибов, 179 видов мохообразных, 819 видов сосудистых растений, 5 706 видов беспозвоночных животных и 338 видов позвоночных животных, включая 33 вида рыб, 11 видов земноводных, 7 видов пресмыкающихся, 222 вида птиц, 65 видов млекопитающих [8].

С декабря 2013 г. Мордовский заповедник выполняет миссию туроператора ФГБУ «Заповедная Мордовия». В арсенале его предложений – увлекательные тематические мероприятия, состязания, экскурсии и туры по экологическим туристским тропам, конный маршрут, гостевые домики на природе (кордоны «Павловский», «Инорский», «Новенький» и «Вальзенский») [10]. Выездной маршрут «Заповедная Мордовия» из Саранска в заповедник включает более 10 программ, в том числе курс выживания в лесу. Направление экотуризма в заповедной зоне активно позиционируется в рамках паломническо-туристического кластера «Арзамас – Дивеево – Саров» и интеграции Темниковского района в ключевые маршруты тура Саранск – объединенная территория паломническо-туристического кластера – Нижний Новгород, совместно проработанного с туроператором «Серафимовская земля» (автомобильное, модернизация объектов культуры и других мероприятий). Открытый в 2023 г. музейный комплекс «Мы одна страна» дополнил окружающий живописный ландшафт [9].

Среди достопримечательностей Национального парка «Смольный», созданного в 1995 г. для сохранения особо ценных природных комплексов лесостепной зоны (36,4 тыс. га), – озера Дубовое 1 и Дубовое 2, Черничное, Моховое, Инерка, Большая Инерка, Ханенеевская и Дубовая рощи, верховое болото «Ельничное озеро», место отдыха «Орлово гнездо» и др., экологические туристские тропы и трассы маршрутов, летние базы на кордонах, малая гостиница для круглогодичного семейного отдыха [16, с. 58, 208].

Объектами рекреационного показа и развития экотуризма являются также другие памятники природы: озеро Инерка в Большеберезниковском районе (протяженность 4,1 км, площадь 56 га) в долине Суры и Ботанический сад Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва, созданный в 1960 г. (31,7 га, имеет дендрарий, отделы цветоводства, флоры и растительности). В Краснослободском районе, например, для охраны редких и исчезающих видов флоры и фауны создано множество ООПТ. Экологически чистые ландшафты на берегу Сивини образуют стройную систему детских лагерей, лечебно-оздоровительных центров, санаториев (включая «Сивинь») и домов отдыха.

Современную инфраструктуру коллективных средств размещения в регионе представляют 28 баз отдыха, большинство из которых – всесезонные. Популярными остаются «Орбита», «Лесное озеро» (Большеберезниковский район), санатории «Мокша» (Ковылкинский), «Алатырь» (Ичалковский район) и др.

При характеристике перспектив развития туризма в Мордовии необходимо отметить и ее столицу. Саранск традиционно лидирует среди российских городов по экологическому благополучию, является многократным победителем конкурса «Самый благоустроенный город России» (в 2004 г. завоевал 3-е место, в 2005 – 2008 гг. – 2-е, в 2010 г. – 3-е, в 2011 г. – 1-е место среди городов I категории). По экологическому рейтингу Министерства природных ресурсов и экологии России, последние три года Саранск входит в пятерку самых экологически чистых городов страны, отличается высоким уровнем благоустройства и озеленения, доступностью среды для людей с ограниченными физическими возможностями, развитой и разноплановой спортивной инфраструктурой [7]. В 2023 г. Саранск вошел в ТОП-20 лучших городов России для проживания по категории социального аспекта «Наивысший уровень удовлетворенности транспортной инфраструктурой» [17]. В рамках инвестиционного проекта по созданию в Саранске туристско-рекреационного кластера «Город чемпионов» (2014 г.) создан туристско-информационный портал Республики Мордовия, запущен проект «Go to Mordovia» (совм. с журналом «Status») в форме серии репортажей о ТРП районов республики. В 2016 г. Саранск интегрирован в межрегиональный турмаршрут «Великий Волжский путь», учитывающий специфику национальных субъектов ПФО. В 2017 г. создана и презентована новая туристская карта Саранска и Республики Мордовия. Саранск выступил одним из городов-организаторов Чемпионата мира по футболу 2018 г. Информация о возможностях отдыха в Мордовии представлена в англоязычном издании «Tourism & Leisure in Russia» («Туризм и отдых в России»), на национальном туристском портале Russia. Travel. Региональный турпродукт продвигают ТИЦ Республики Мордовия (Саранск, с 2014 г.), туристский портал Республики Мордовия, электронная информационная платформа «GoSaransk» (с 2021 г.). На электронных туристских ресурсах региона (turizmrn.ru (рус. и англ.), mordovmedia.ru) содержатся туристская карта городского округа Саранск, рекламно-информационные материалы и туристские путеводители по городу, буклет SaranskHostCity, видеоматериалы, фильмы и проморолики отдельных субъектов отрасли.

Квинтэссенцией создания и продвижения локальных брендов в качестве туристской дестинации по линии активной маркетинго-

вой и деловой политики рынка услуг становится распространение положительного имиджа территории с помощью реализуемых в Мордовии событийных проектов, которые успешно решают задачи масштабирования региональных турпродуктов. В 2022 г. состоялось более 500 подобных мероприятий и 6 выездных бизнес-миссий. В календаре 2023 г. – реализация более 600 событий, включая проект «В гости к соседям», ориентированный на взаимное продвижение ТРП республик Мордовия, Татарстан, Ульяновской, Нижегородской, Пензенской, Самарской областей и Санкт-Петербурга. Информация об этом освещается федеральными телеканалами и региональными СМИ (RussiaToday – China, съемочная группа «Ульяновской Правды», «Непутевые заметки»).

Все успехи – результат колоссальной и напряженной работы руководства региона и городской мэрии, депутатского корпуса и горожан, которая ведется в Мордовии в беспрецедентных масштабах. Решение возникающих отраслевых проблем видится в активной маркетинговой политике на рынке услуг, строительстве современных комфортабельных санаторно-курортных объектов или реновации существующих, совмещении деловых и событийных мероприятий с оздоровительными (социальными) программами, предоставлении доступа к актуальной информации в режиме реального времени. Новый импульс сфера туризма республики получает в ходе реализации мероприятий по созданию комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях, региональных проектов «Чистая страна» и «Сохранение уникальных водных объектов» нацпроекта «Экология» (по итогам Национального экологического рейтинга регионов РФ, республика улучшила показатели, поднявшись с 68 на 20-ю строчку рейтинга, осень 2023 г.).

В целом перспективы развития туристско-рекреационного ландшафта в Мордовии связаны со следующими факторами [1; 2; 3]:

- экологическое благополучие, уникальные природные ресурсы, объективные инфраструктурные, географические, культурные и инновационные возможности республики;

- совершенствование инфраструктуры общественных пространств, реконструкцией автодорог и коммунальных сетей в рамках прорывного паломническо-туристического кластера ПФО «Арзамас – Дивеево – Саров» приоритетного окружного проекта «Волжское путешествие» (с 2021 г.);

- активное участие Минлесхоза Мордовии в экологическом проекте «Сад памяти», Всероссийском экологическом субботнике «Зеленая весна», во всероссийской экологической акции «Вода России», акции «Всероссийский экологический урок «Сделаем вместе!» и др.;

– создание межрегиональной зоны отдыха и туризма в окрестностях Мордовского заповедника и Национального парка «Смольный», организация туристского комплекса для отдыха и развлечений на территории Национального парка «Смольный»;

– развитие в рамках нацпроекта «Туризм и индустрия гостеприимства» баз отдыха «Акишевская усадьба» (с. Старое Шайгово), «Ранчо» (с. Пензятка), «Беседки у Мокши» (садоводческое товарищество «Радуга», г. Темников), «Лесная слобода» (с. Адашево), «Огни Саранска» (г. Саранск), глэмпингов «Просторы» (с. Булгаково) и «Сарин» (с. Сабаево);

– развитие турмаршрутов по акватории Суры, Мокши и Вада, ботаническим, ландшафтным, гидро- и геологическим памятникам природы (в Кочкуровском районе обустроены родники, частные базы отдыха («Карнай») и мини-гостиницы. В пойме Суры насчитывается 120 родников и до 30 озер, включая гидрологические памятники природы регионального значения озера Чавэнь эрька и Плетень пильге);

– сочетание ресурсов лесного хозяйства в торбеевском селе Виндрей (рыбалка, охота, сбор даров леса, показ добычи и заготовки торфа, которые, по оценке Центра отраслевой экспертизы Россельхозбанка, обладают высоким ТРП), организация охоты в Ичалковском, Zubovo-Полянском и Кочкуровском районах на базе гостевых домов;

– закрепление экологического каркаса республики посредством обустройства новых маршрутов и троп, организации тематических туров биогеоценозов и т. п.;

– строительство современных комфортабельных санаторно-курортных объектов или реновация существующих в малых городах и исторических поселениях республики;

– совмещение деловых и событийных мероприятий с оздоровительными (социальными) программами.

Таким образом, развитие туризма в регионе будет зависеть как от ландшафтного планирования природопользования, комплексного рекреационного освоения его природного и исторического наследия, инвестирования в туристско-рекреационную и обеспечивающую инфраструктуру специализированных зон в рамках нацпроекта «Туризм и индустрия гостеприимства», брендинга территории, установки контактов с турагентствами (по приоритетным маршрутам, дорожным картам районов), стимулирующих социально-экономические процессы, активизацию местных жителей, малый и средний бизнес как главных выгодополучателей, так и от налаживания международных и межрегиональных связей.

Список литературы

1. Емельянова Н. А., Жулина М. А., Кицис В. М. и др. Туристско-рекреационный потенциал Республики Мордовия : учеб. Саранск, 2017. 184 с.
2. Кицис В. М. Природно-географические факторы развития туризма в Республике Мордовия // Инновационные технологии в кооперативном образовательном процессе : материалы Междунар. заочной науч.-практ. конф., посвященной 40-летию Саран. кооп. ин-та (фил.) Рос. ун-та кооп. (Саранск, 19 окт. 2016 г.). Саранск, 2016. С. 40-43.
3. Кицис В. М., Вавилова А. В. Туристско-инфраструктурный потенциал экологического туризма сельской местности Республики Мордовия // Современные проблемы сервиса и туризма. 2017. Т. 11, № 4. С. 57-67. DOI: 10.22412/1995-0411-2017-11-4-57-67.
4. Ландшафтная архитектура и формирование комфортной городской среды : материалы XIV регион. науч.-практ. конф. [22 марта 2018 г.]. Нижний Новгород, 2018. 206 с.
5. Ландшафтный дизайн. URL: <https://pentaschool.ru/glossary/landshaftnyj-dizajn?ysclid=lt6ym903fm467934267> (дата обращения: 20.02.2024).
6. Ландшафтный дизайн. История садово-паркового искусства. URL: <https://www.studio-verde.ru/history.html> (дата обращения: 20.02.2024).
7. Мордовия поднялась в экологическом рейтинге регионов России. URL: <https://saransk.bezformata.com/listnews/mordoviya-podnyalas-v-ekologicheskom/117899215/?ysclid=lt747bdrd2716710779> (дата обращения: 14.02.2024).
8. Мордовскому заповеднику – 85 лет! URL: <https://zapoved-mordovia.ru/news> (дата обращения: 14.02.2024).
9. Музейный комплекс «Мы – одна страна» пополнил свою коллекцию новыми экспонатами! URL: <https://mordovia--zapovednik.vsite.pro/news/10048> (дата обращения: 10.02.2024).
10. Мы стали туроператорами! URL: <https://zapoved-mordovia.ru/news> (дата обращения: 10.02.2024).
11. Национальный Туристический Рейтинг – 2022. URL: <https://union-travel.ru/nacziionalnyj-turisticheskij-rejting-2022?ysclid=lt6yuroi3t570791763> (дата обращения: 10.02.2024).
12. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие туризма» от 21 декабря 2021 г. № 2439 с изм. и доп. от 19 февраля, 8 апреля, 21 апреля, 18 мая, 17 июня, 7 октября 2022 г. URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/1202112310040.pdf> (дата обращения: 15.02.2024).

13. Прокофьева Е. Ю., Павлова В. А. Архитектурно-ландшафтный рекреационный комплекс. М., 2020, 44 с.

14. Русанова Е. А. Архитектурно-ландшафтные принципы проектирования рекреационного комплекса на реке Нерль // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2023. № 3 (64). С. 213 – 232. URL: https://marhi.ru/AMIT/2023/3kvart23/PDF/14_rusanova.pdf. DOI: 10.24412/1998-4839-2023-3-213-232 (дата обращения: 14.02.2024).

15. Силаева Т. Б. Флора бассейна реки Мокши в пределах Мордовской АССР : дис. ... канд. биол. наук : 03.00.05. М., 1982. 417 с.

16. Территориальная организация туризма в Республике Мордовия : монография / Н. А. Емельянова, М. А. Жулина, А. С. Карасев [и др.]. Саранск, 2017. 272 с.

17. ТОП-20 лучших городов России для проживания в 2024 году. URL: <https://ask-yug.com/articles/rejting-luchshikh-gorodov-rossii-2023> (дата обращения: 24.01.2024).

Индустриальное наследие в контексте наследия культурного: терминологическое и смысловое взаимодействие

И. Н. Юркин

*доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова РАН (Москва)*

С. П. Калита

*кандидат культурологии, доцент кафедры теории и
истории культуры Российского университета дружбы
народов им. Патриса Лумумбы (Москва)*

Аннотация. Рассмотрено место и особенности индустриального наследия в контексте наследия культурного. Обсуждается ряд ключевых определений. Привлечено внимание к проблеме валоризации наследия, отмечены факторы, влияющие на этот процесс. Приведены примеры связанных с промышленностью объектов наследия, которые удалось вписать в культурное пространство современного города.

Ключевые слова: культурное наследие, индустриальное наследие, памятник истории и культуры, валоризация, ревитализация, музеефикация, туризм.

Дать определение феномену «наследие» и связанным с ним терминам, даже вычленив из объекта лишь материальный его компонент, так же сложно, как дать определение самой культуре. Язык, используемый при описании явлений, связанных с наследием, определяется целями и задачами, которые стоят перед теоретиками и практиками – задачами как общими, так и очень конкретными.

В современном гуманитарном знании используют термины «cultural value» (культурная ценность) и «cultural property» (культурная собственность). Наряду с ними в научной и научно-популярной литературе употребляются терминологические словосочетания «культурное наследие», «национальное сокровище», «культурное достояние», «предметы культуры, искусства», «памятники культуры» и другие. Обилие терминов отражает сложность объекта и естественное для исследователя стремление рассматривать его с разных точек зрения: философской, исторической, правовой. «Культурная ценность» может быть связана с нравственными и эстетическими составляющими истории и культуры,

характеризовать принятые в обществе образцы поведения, указывать на особенности языка, национальные традиции, обычаи, фольклор, ремесло и промыслы, важные культурные произведения, исследования культурной деятельности. Для юриста правовой защите подлежит то, что имеет «настоящую» значимость, например, является уникальным в историческом отношении [12].

В России термин «наследие» в широкое употребление вошел сравнительно недавно – после ратификации СССР в 1988 г. Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия, действующей с 1972 г. По определению Ю. А. Веденина, наследие – это «система материальных и интеллектуально-духовных ценностей, созданных и сбереженных предыдущими поколениями и представляющая исключительную важность для сохранения культурного и природного генофонда Земли и его дальнейшего развития» [1, с. 238].

Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ уравнивал по значению два термина «объект культурного наследия» и «памятник истории и культуры» [2]. Второй указан в скобках как разъяснение первого и одновременно как отсылка к правовой терминологии более раннего времени.

Сложность феномена наследия и исследований в этой сфере затрудняют систематизацию наследия, выделения его уровней и составляющих. Кроме подразделения наследия по генетическому принципу на природное и культурное, остаются недостаточно раскрытыми вопросы о грани между наследием материальным и духовным, движимым и недвижимым, подлежащем охране и ее не требующим и т. д. При этом очевидно, что культурное наследие – духовный, культурный, экономический и социальный капитал ничем не заменимой и в случае утраты невозместимой ценности. Наследие, наравне с природными богатствами – основа для признания сообществом собственной идентичности, для обоснования национального самоуважения. Оно же основной способ существования культуры. То, что не входит в культурное наследие, перестает быть культурой и, в конечном счете, прекращает свое существование. Будучи едва ли не важнейшим способом самоидентификации практически любого сообщества, наследие и связанные с ним проблемы не теряют актуальности уже долгое время [11, с. 16].

Поскольку в широком смысле слова культурное – это все созданное человеком, внеприродное, то все сказанное выше в полной мере относится и к наследию индустриальному (промышленному).

Индустриальное наследие, как мы его понимаем – это наследие, связанное с промышленностью (она же индустрия¹) – областью

¹ В данном тексте используем эти термины в качестве синонимов, хотя некоторые авторы таковыми их не считают.

производства, охватывающей переработку сырья, разработку недр, создание средств производства и предметов потребления [4; 7]. Понимаем связь не только с технологиями и техникой (оборудованием, инструментом, прочим «железом»), не только с вмещающей их архитектурой (постройками), но также с разнообразными их отражениями: научно-технической документацией текстовой, графической, цифровой и прочими изобразительными источниками, а также со связанными с техникой разнообразными практиками и социальными отношениями. Индустриальное наследие выступает частью научного и технического наследия – той части общечеловеческой культуры, которая порождает знания и умения.

Хотя индустриальное наследие присутствует буквально всюду, где оставил свой след Номо Faber, в наиболее концентрированном виде наблюдаем его в индустриальных городах – поселениях городского типа, промышленная составляющая среды которых достаточно значима, чтобы качественно влиять на жизнь городского сообщества.

Фокус внимания направим на города, индустриальный облик которых имеет более или менее длительную историю. Некоторые из них с промышленностью могут быть тесно связаны с начала их основания. Таковы многие уральские города (Екатеринбург, Нижний Тагил, Невьянск, Златоуст), возникшие как поселки при заводах, построенных на новых, незаселенных местах – историки их так и именуют: «город-завод»² [8]. Подобные города можно встретить и в других регионах – это Петрозаводск, Сестрорецк и другие. Но бывало так, что промышленность становилась определяющей для экономического облика города лишь со временем. Так, в Туле на начальной стадии ее истории о кузницах-оружейниках сведений нет, но в конце XVI в. они появляются и их численность быстро растет, достигая к концу XVIII в. половины городского населения [13, с. 16-22].

Все вышеперечисленные города имеют развитую многоотраслевую промышленность, но к индустриальным можно отнести и моногорода – поселения разной величины, жизнь которых определяется доминирующим промышленным предприятием.

Промышленность – феномен экономический: изменения в экономике отражаются на состоянии предприятий – одни развиваются, другие, даже крупные, деградируют (классический пример – автомобильный Детройт). Устареванию технологий и основанных на них производств противостоит их обновление и модернизация. Именно

² В России в начале царствования Екатерины II только в ведении Берг-коллегии состояло 166 металлургических заводов; общее же их число было больше [5, с. 18]. Со многими из этих заводов в настоящее время связаны ныне существующие поселения.

эти противоположно направленные процессы определяют настоящее и будущее индустриальных городов.

Устаревание технологий способно порождать побочные эффекты, способные влиять на результат и в позитивном направлении. Подразумеваем использование порождающего потенциала, которым обладает культурное наследие. Этот культурный потенциал, не обладая значимостью сам по себе, обозначает возможность возникновения значимости. Реализовать этот потенциал – сделать некий культурный контент небезразличным для общества, а возможно – придать изменениям еще и экономическое выражение.

Всякие личность, событие, исторический факт в представлении общества о своем прошлом могут иметь как высокую значимость, так и не иметь ее вообще. Чтобы герои/события/факты проникли в коллективное сознание и стали для общества нечто значить, их нужно до него довести и в нем закрепить. Этот процесс определим понятием валоризации культурного наследия. В экономике валоризацией называют мероприятия, результатом которых является переоценка – изменение стоимости товаров, ценных бумаг, валюты, пенсий, социальных выплат и другого капитала [10]. Суть изменений передают словами оценивание, оценка, переоценка (её иногда называют ревалоризацией).

В последнее время использование термина расширяется. Словосочетание «валоризации наследия» в словарях и текстах, касающихся сферы культуры, при обсуждении проблем культурной политики, музейного дела и туризма используется все чаще [3; 6; 14]. Под ней подразумевают деятельность, направленную на повышение культурной (а через это часто и экономической) значимости культурного наследия, а применительно к недвижимым объектам – часто и территории. Разумеется, при этом подразумевается валоризации не наследия как такового, а связанного с последним материального и духовного контента, который определяет культурный потенциал и благодаря валоризации обретает реальную ценность.

Использование данного термина оправдано не только тем, что он обозначает реально существующую совокупность процессов и стратегий в сферах экономики и культуры. Важно и то, что он выделяет в явлении его ценностный аспект, высвечивает тот факт, что, не осознавая ценности культурных феноменов и не работая над ее увеличением, проблемы, связанные с использованием культурного наследия, разрешать невозможно.

Разработка концепций развития индустриальных городов требует оценки значимости территорий и объектов. При этом следует учитывать, что индустриальное наследие не исчерпывается тем, что

оставили в городах заводы и фабрики. Научные учреждения, в которых развивалась наука фундаментальная и отраслевая, учреждения образовательные с их университетской наукой, институты памяти (библиотеки, архивы, музеи) – они тоже наследие, частью которого является наследие индустриальное.

Чтобы сохранить наследие, нужно, чтобы сообщество его ценило. Ценит ли его местное население, для которого индустриальное наследие – часть среды его обитания? Привязано ли оно к наследию через личную и семейную историю? Увы, во многих местах большая часть живущих в этой среде такой связи не чувствует. Одна из причин – та, что коренного населения вследствие миграции во многих местах осталось мало. Другая связана с тем, что советского человека воспитывали как строителя нового мира, а не хранителя традиций прошлого. Для большинства жителей завод (старый или новый – неважно) ценен лишь постольку, поскольку обеспечивает часть их материальных потребностей. В пробуждении у них интереса к прошлому края, в том числе индустриальному, играет местная интеллигенция – учителя и краеведы. Трудно удержаться, чтобы еще раз не повторить часто цитируемые слова С. О. Шмидта: «Истинное краеведение – всегда краелюбие» [9, с. 12]. Передавая другим свое отношение к наследию, эти люди деятельно противостоят безразличию к нему.

Но изменения отношения к наследию тех, кто живет с ним рядом, недостаточно, чтобы его сохранить. Нужно, чтобы его ценили и другие. Знание о достойных внимания объектах наследия должно выходить за пределы города, в котором они находятся. Из этого следует необходимость распространения информации о них.

Но пропаганды культурных ценностей (индустриального наследия, в том числе) недостаточно. Валоризация – это всегда переосмысление наследия. Историческая память пластична: одно уходит в прошлое, не оставляя следа, другое хотя и сохраняется, но пребывает в скрытом состоянии. Переосмысливая и переоценивая прошлое, мы в известной мере управляем этим процессом, переводя состояние латентное в активное.

Все перечисленные позиции относятся к индустриальному городу. Информация, спрятанная в индустриальной истории места, огромна и при этом в немалой степени забыта. Ее выявление, прояснение, накопление – задачи, решение которых предполагает научные исследования. Их особенностью является то, что они связаны с объектами, одновременно выступающими для такого исследования историческими источниками. Т.е. эти исследования всегда в той или иной степени памятниковедческие. Можно утверждать, что

в индустриальных городах памятников, связанных с историей науки и техники и способных стать частью растворенной в коллективном сознании истории места, нередко значительно больше, чем памятников, изученных и в образ места уже включенных.

Памятниковедческое исследование, преследующее названные задачи, включает стандартные элементы: выявление и фиксацию объектов наследия (в данном случае индустриального), их изучение и определение способа сохранения.

Исследуя выявленный памятник и защищая его от разрушения, не следует забывать, что рано или поздно его предстоит представлять обществу. Их (памятника и общества) контакт будет тем эффективнее, чем достовернее пространственный контекст, в котором пребывает объект. Это означает внимание к сохранению и, может быть, частичному воссозданию исторической среды – к ее ревитализации. Только в среде памятник способен полноценно «прозвучать» не только для исследователя, но и для тех, кто, взаимодействуя с ним, учится, при этом отдыхая (эджутейнмент).

Историческая среда городов – ценность сама по себе. Она может не иметь объектов, которым официально присвоен статус памятника истории и культуры. Но это не мешает ей стать местом притяжения туристов. В качестве примера ревитализации среды укажу на музейный квартал, сравнительно недавно появившийся в индустриальной Туле. В числе находящихся в нем музейных учреждений присутствуют организации, дающие посетителю широкие возможности для ознакомления с индустриальным наследием города. Ограничусь упоминанием научно-реставрационного центра музея «Куликово поле», в котором ведется работа как по изучению и реставрации археологических находок, так и по организации выставок, на которых они экспонируются. Такая работа – пример включения информации об объектах наследия в культурный контекст. Оно происходит в ходе работы по введению памятников науки и техники в число объектов, значимых для образа территории – по введению их в массовое сознание, в перспективе – в список ее брендов.

Неизбежным следствием этого становится валоризация объектов наследия. Она начинается уже на стадии изучения памятника. Но это валоризация для узкого круга. Для общества в целом или для больших его групп она развивается по ходу целенаправленного включения объекта в общий для его членов образ места.

Для недвижимых индустриальных памятников повышение их ценности во многом зависит от характера использования. В формах, близких к первоначальным, оно возможно лишь в уникальных случаях. Реалистичнее спасение объектов наследия посредством его музеефика-

ции, однако она возможна не всегда (в том числе, из-за собственника, у которого могут быть иные планы). Если имеем дело с постройкой, то ее использование может быть многофункциональным. В недавно отреставрированном доме XIX в., принадлежавшем владельцам металлургического завода в поселке Дубна (Тульская область), соединились музей, посвященный этому заводу (филиал краеведческого), ресторан, районный Отдел записи актов гражданского состояния и гостиница. Важнейшее, что следует помнить при переборе сочетаний – объекту должны быть обеспечены условия, которые позволят ему бесконечно долго существовать, сохраняя аутентичность.

Для отдельной постройки, связанной с индустриальной историей, подобрать форму использования проще, чем для их комплекса. Показательна (тем, что не единична) ситуация, сложившаяся с ансамблем сереброплавильного завода в г. Барнауле, включающем в своем большинстве хорошо сохранившиеся постройки периода от демидовского времени до середины XIX в. Попав в 1990-е гг. в частные руки, этот комплекс (памятник федерального значения) четырежды сменил владельца. В настоящее время его будущее остается неопределенным. Строить на этой площадке закон владельцу не разрешает, деньги же в консервацию памятников, не говоря об их реставрации, собственник вкладывать не желает. Старейший объект Барнаула, находящийся в историческом центре города, окружен глухим забором, и неизвестно, станет ли со временем огороженное им пространство общественным.

Между тем, примеров сохранения промышленной архитектуры с включением ее в жизнь города немало. В Москве это кондитерская фабрика «Красный Октябрь» (сейчас деловой и выставочный центр), пивоваренный завод «Московская Бавария» (ныне центр современного искусства «Винзавод»), Хрустальный завод им. М. И. Калинина (в настоящее время торгово-выставочный и офисный комплекс «Дизайн-завод «Флакон»»), шелкоткацкая фабрика «К. О. Жиро Сыновья» (сейчас квартал офисных зданий «Красная Роза») и ряд других объектов и их комплексов. Некоторые реализованные на них решения можно критиковать, но фактом остается, что в современном городе его индустриальное наследие может быть не только сохранено, но и включено в жизнь городского сообщества.

Список литературы

1. Алексеева Е. В. Мировой опыт валоризации памятников промышленности и актуальные задачи сохранения индустриального наследия на Урале // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: материалы X юбилейной Всерос. науч. конф.: в 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2011. С. 380–388.

2. Большой юридический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://slovar.cc/pravo/slovar/2466245.html>. Дата обращения: 25.02.2024.

3. Веденин Ю. А. Необходимость нового подхода к сохранению культурного и природного наследия России // Культурное и природное наследие России. М., 1996. Вып. 1. С. 27.

4. Горячева А. В. О реставрационной мысли в Италии на рубеже XX-XXI веков // Architecture and Modern Information Technologies. 2017. № 3 (40). С. 52-60 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://marhi.ru/AMIT/2017/3kvart17/04_goryacheva/index.php (обращение 25.02.2024)

5. Единый толковый словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://xn----7sbbh7akldlfh0ai3n.xn--plai/promishlennost.html?ysclid=1pr9trr7dr227060053> (дата обращения 25.02.2024)

6. Калита С. П. Культурное наследие: трансляция и интерпретация // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Философия. 2007. № 4. С. 14-20.

7. Лотарева Р. М. Города-заводы России: XVIII – первая половина XIX века. Екатеринбург, 2011. 287 с.

8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.com/doc53216344_492491090?hash=ap37WUZ005TT3eFhT6bXq3MTkCHZsfzsoARj9zzFw4o (Дата обращения 20.02.2024)

9. Светличная О. С. Современное понимание термина ревалоризация в теории реставрации памятников архитектуры и его трактовка // Вісник Донбаської національної академії будівництва і архітектури. 2013. № 1 (99). С. 194-197.

10. Словарь финансовых терминов: Валоризация: основные понятия и термины [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.finam.ru/publications/item/valorizatsiya-20230629-0736/?ysclid=1qcx302jdw849404521> (дата обращения 21.02.2024)

11. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023)

12. Шмидт С. О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество: Краеведческий альманах. Вып. 1. М., 1990. С. 11-27.

13. Юркин И. Н. Заводы – «сотрудники» Ломоносова // Вопросы истории естествознания и техники. 2011. № 1. С. 14-45.

14. Юркин И. Н. Тульские оружейники: Сборник документов / Отв. ред. И. Н. Юркин, отв. сост. Н. К. Фомин. М., 2003. С. 3-88.

Жизнь или забвение старых предприятий Северных районов России

А. С. Эйрамджани,
*аспирант ФГБУ
«ЦНИИП МИНСТРОЯ РОССИИ»*

Е. В. Малая
*кандидат архитектуры, доцент
Московского архитектурного института
(государственной академии) МАРХИ
г. Москва*

Аннотация. Статья посвящена сохранению градообразующих промышленных предприятий, являющихся сейчас памятниками индустриального наследия северных районов России. Затрагивается история строительства и развития старых литейных и заводов, послуживших основой создания будущей металлургической промышленности страны. Научный подход к исследованию истории старых предприятий, изучению градостроительных принципов проектирования и объемно-пространственных архитектурных решений, послуживших основой для роста городов Кольского полуострова и северных районов России, позволит наметить перспективы развития и методы архитектурного проектирования в данном регионе. В статье затрагиваются вопросы сохранения и развития исторических городов, промышленных предприятий, жилья и общественных центров на северных границах нашей страны.

Ключевые слова: индустриальное наследие; градообразующие промышленные предприятия; сохранение индустриального наследия страны; общественные центры в старых архитектурных комплексах; металлургические предприятия Русского Севера.

Архитектура старых промышленных предприятий вызывает все больший интерес по мере разрушения строений и требований специалистов сохранить историю для потомков. В современном мире очевидна тенденция к смене функциональной нагрузки комплексов зданий и сооружений старых промышленных предприятий, и это вполне оправдано переводом производственных мощностей за пределы городской черты, но подобные действия приводят к утрате градоформирующей роли и аутентичности зданий и сооружений старых фабрик, росту безработицы в городах и социальным проблемам [3]. Много лет в нашей стране и за ее пределами происходит поиск ответа на вопрос об адаптации

и использовании зданий и сооружений старых предприятий, но ответ пока не найден, хотя тенденции намечаются, и самым важным вопросом становится сохранение культурного наследия страны. А возвращение производства в города по всей территории страны давно стало острой необходимостью для сохранения экономической независимости России.

Многие русские города несколько десятилетий переживают процесс деиндустриализации, жители оставляют родные места в поисках работы и более комфортной жизни в связи с прекращением работы промышленных предприятий. Эта тенденция приводит к потерям во всех сферах человеческой деятельности, в том числе, к наличию неиспользуемых территорий в центральных частях исторических городов на всей территории страны, проблемам в социальной жизни городов. В данных условиях необходим новый взгляд на возрождение промышленных предприятий и возможность адаптации данных типов зданий и сооружений, что конечно, остается за архитекторами и градостроителями. Такой подход позволит сохранить историческую уникальность городов, экономику страны и положительно повлияет на будущее устойчивое развитие.

Даже сейчас, когда архитектурные ансамбли старых заводов почти в разрушенном состоянии, можно видеть все величие комплексов, поражающих гармоничным единством архитектуры и окружающего природного пространства.¹

«В основу охраны и рационального использования всех живых организмов и природных ресурсов должна быть положена осмотрительность в соответствии с постулатами устойчивого развития. Только таким образом можно сохранить для наших потомков те огромные богатства, которые дарованы нам природой. Нынешние неустойчивые модели производства и потребления должны быть изменены в интересах нашего будущего благосостояния и благополучия наших потомков»².

Сохранение и развитие памятников индустриального наследия в северной части России, безусловно, является важным вопросом в культурной жизни страны и ее безопасности. Архитекторы не могут остаться в стороне от решения этого важного вопроса и могут предложить проекты реставрации старых и новых сооружений.

Одно из важнейших ценностей нашей страны – ее территория и природные богатства, не менее ценным является история развития

¹ Градостроительные стратегии по противодействию деградации исторической ткани города. II Международный научный симпозиум «Памятники всемирного культурного наследия в России – проблемы и перспективы» с19-21 сентября. Тезисы докладов., Великий Новгород, 2018., с. 62.

² Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций
Принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года.

территории и ее жители, уникальное культурное наследие. На Севере России суровый климат и сложные условия, но недра земли обладают ценными материалами, необходимыми для производства, поэтому в начале XXI века развитие Северных территорий по-прежнему, остается важной вехой в жизни страны и ее устойчивом развитии. Вопрос о переходе к постиндустриальному образу жизни в современном мире обсуждается, но будет ли он важным для экономической стабильности нашей страны – не известно.

Сейчас в стране действует программа развития крупной логистической системы «Северного морского пути»³, которая дает возможность специалистам всех специальностей разработать научные методики исследования для развития территории промышленных комплексов Северной части страны. В данной статье предпринята попытка провести предпроектный анализ исторических промышленных территорий, их потенциала и наметить пути создания проектов реставрации и сохранения индустриального наследия Севера.

История освоения северных территорий России обладает интересными сведениями и неисчерпаемым потенциалом к возрождению. Это дает возможность на их базе развивать новые современные комплексы и при создании благоприятных жилищных условий работникам даст возможность развитию производства. Для более успешного подхода к созданию планов перспективного развития территории региона в целом необходимо благодаря исследованию истории найти пути их развития. Изучая историю развития промышленных градообразующих предприятий, возможно выявить пути долгосрочного развития, модернизации и модификации самих предприятий и городской инфраструктуры.

Известно, что традиции зодчества в создании промышленных предприятий, храмов и жилых зданий, искусные мастера и закономерности в градоустроении существовали на русском севере издавна. Об этом пишут многие историки, известны исследования архитектуры, фотографии и зарисовки известного ученого Грабаря И. Э.⁴ Но в данной статье рассматривается лишь малая часть истории металлургических предприятий, послуживших отечеству сотни лет назад.

Один из известных металлургических центров Карелии – современный город Петрозаводск, как многие города нашей страны, обладает глубокими пластами исторических поселений, уходящими

³ Распоряжение правительства Российской Федерации от 21 декабря 2019 г. № 3120-р <http://static.government.ru/media/files/itR86nOgy9xFevUVAgmZ3XoeruY8Bf9u.pdf>

⁴ <https://refdb.ru/look/1502485.html>

в далекую древность. Поселения на побережье Онежского озера и устье реки Лососинки издревле славились металлическими изделиями и получили широкое развитие благодаря казенным металлургическим заводам, созданным по приказу Петра I. [5,11]

В начале XVIII века на эту землю, к берегам Лососинки, прибыла московская экспедиция Патрушева для изучения местности: поиска залежей железных и медных руд, работников для будущего завода и места для его сооружения. В результате был создан завод, в котором бурное течение реки в устье Онежского озера становится способом добычи энергии, окружающие леса – строительным материалом и отоплением. Руководство заводом и право основать установку доменных печей выпало А. Д. Меньшикову в 1703 году. В такой важный для страны период был создан завод полного цикла для производства ручного огнестрельного и холодного оружия. На территории комплекса Петровского завода было построено 40 рабочих цехов, административные и жилые корпуса. Были созданы обучающие классы и проводилась успешная подготовка мастеров для работы на металлургических предприятиях [10]. Удивительно, но уже тогда было предусмотрено обучение будущих специалистов с 5-летнего возраста до 18 лет, когда молодой человек проходил практику на предприятии и мог работать помощником мастера.

Для работы быстрого запуска производства необходимого стране оружия в поселение прибыли мастера из Тулы и Урала со своими семьями и скарбом. Селение работников быстро разраслось, и так появилась Петровская слобода, которая и послужила основой будущего промышленного города. Условия жизни и работы мастеров и помощников были ужасными и вызывали постоянные волнения. Но работники понимали, что работали на благо государства, особенно во время войны, производились орудия и ядра, необходимые для успешного ведения боевых действий. На Рис. 1 а) представлено изображение доменной печи Петровского завода XVIII век, б) архивное фото чугунного цеха.

Архитектура тогда не волновала строителей заводского комплекса, но функциональная схема расположения производственных помещений прекрасно вписывалась в ландшафт, используя каждый элемент комплекса для успешной работы предприятия, формируя при этом гармоничные панорамы будущих промышленных городов России. Здесь работали в три смены, в тяжелых условиях, но именно так поднималась промышленность России сотни лет назад. Интересно, что в 1719–1721 годах Петровский завод достиг высокого уровня производственных мощностей и наладил бесперебойную поставку различных видов вооружения [11]. После окончания Северной войны производство

постепенно начало угасать и переводиться на другие территории, оказывая огромное влияние на развитие металлургии в стране.

Почти одновременно с Петровским заводом в 1703 году началось сооружение второго нового государственного Олонецкого железоделательного завода – Повенецкого в селе Повенец на северной оконечности Онежского озера. Который впоследствии объединен с Петровским, и назывались Шуйскими (по названию реки Шуи) или Петровскими. Этот комплекс заводов снабжал боевые корабли пушками, ядрами и всеми необходимыми элементами [7]

Третий новый Олонецкий из Петровских заводов – доменный и молотовой Алексеевский – был построен в 1705 году в Выгозерском погосте в 40 верстах от Повенецкого на реке Телекиной. В начале 1706 г был введен в строй новый Кончезерский медеплавильный завод на реке Викше, между Кончезерским озером и Пертозером. С 1703 по 1706 гг. в Олонецком районе были построены четыре государственных завода, обеспечивающих металлическими изделиями строящийся Балтийский флот. [8]

Известно из архивов, что архитектурный комплекс Петровского завода в начале развития состоял из 11 зданий с общей площадью около 4 км², при этом самые крупные из построек имели длину около 70 и ширину около 11 метров. Некоторые здания достигали 50-60 м. длиной, 10-12 шириной, собраны из крепкого бруса, теплые с отоплением.⁵

Металлургический завод в Кончезере после окончания войны производил товары народного потребления, также выполнял заказы архитекторов Осипа Трезини и Растрелли Бартоломео Франческо для строительства дворцовых комплексов и храмов. Это были заказы на чугунные изделия для строительства новых архитектурных ансамблей столицы и ее пригородов. Здесь отливались трубы для фонтанов и водопровода дворцов.⁶

Нельзя обойти вниманием еще один завод, строения которого до сих пор поражают посетителей печальным образом разрухи бывшего величия. С 1701 до 1707 гг. по указу Петра I в крае были сооружены и успешно работали пять заводов, Кончезерский завод был третьим в процессе строительства металлургических комплексов. Удивительно красивое место было выбрано для строительства завода, но обусловлен выбор не красотой, а необходимостью соблюдения технологической цепи предприятия. Террасированное расположение трех озер позво-

⁵ <http://karel.su/499-petrovskiy-zavod.html#sel=25:46,26:45>

⁶ <https://welcome-karelia.ru/articles/martsialnye-vody/konchezerskij-zavod-v-xviii-veke>

ляло использовать водные ресурсы для работы предприятия, но архитектурное решение поражает инженерной точностью и гармоничным соединением зданий и сооружений до сих пор [14].

Рис. 1 Изображение старого Кончезерского завода

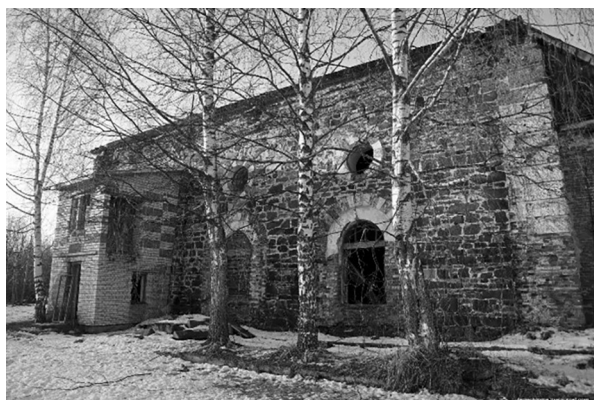

Рис. 2 Современное состояние старого Кончезерского завода

Завод успешно, с перебоями конечно, но работал до 1905 года, потом помещения использовались в качестве мастерских. В 1873 году по переписи в слободе проживало всего 300 жителей. В конце

XVIII века завод был перестроен после пожара и в таком состоянии сохранился до сих пор. Но крепкие строения разваливаются из-за отсутствия должного внимания реставраторов, архитекторов и властей. Комплекс старого предприятия мог бы служить еще не одну сотню лет городу и стране, даже в роли гостиницы и культурного центра для приезжающих лечиться минеральными водами. На Рис. 2 представлено старое фото завода и современное состояние разрушающегося металлургического предприятия.

В конце XVIII века, в период правления Екатерины II, был построен новый металлургический завод, получивший название Александровский [1]. При этом рабочие цеха старого завода заменили новыми, широко развивались транспортные артерии, лишь упускались из виду условия жизни работников и их семей. На Рис.3 а) представлена панорама завода и б) генеральный план Петрозаводска 1785 года.

Рис. 3 Панорама Петровского завода. Фото XXI век

Для современного состояния металлургической промышленности в стране Александровский завод считался лучшим, оборудован самыми современными станками, подведена ветка первой железной дороги. После победы над французами на территории города были созданы новые учебные заведения, строятся жилые кварталы, инфраструктура города развивается. [14,15]

Так, в процессе роста производительных сил металлургических предприятий формировался и разрастался город, формировалась инфраструктура, учебные заведения, больницы, жилые кварталы. Первый генеральный план города Петрозаводска, утвержденный руководством города, выполнен губернским архитектором В. В. Тух-

таровым. Этапы развития города можно наблюдать на генеральных планах, указанных выше, а будущее – в тех материалах, которые выставлены на сайте администрации.

Интересно, что Петрозаводск в современной суете и гонке за квадратными метрами не утратил свое ценное уникальное наследие, способное еще много десятков лет служить на благо страны. Аналитическое исследование промышленных конструкций старой застройки и промышленных объектов в том числе показало, что они обладают достаточным потенциалом и могут работать не один десяток лет. Реконструкция и развитие промышленных предприятий позволило бы не только развивать город, но вернуть жителей, которые в поисках работы вынуждены были искать ее в мегаполисах.

Современный Петрозаводск обладает уникальными промышленными предприятиями и развитыми территориями, исторической средой с неповторимым колоритом и особо ценным художественным образом. Парки и скверы города позволяют предположить, что при профессиональной градостроительной реконструкции и возможности экономического устойчивого развития этот уникальный город сможет вернуть себе былую славу и дать горожанам комфортную среду. Восстанавливать наши города выгодно и просто необходимо именно сейчас, и делать это с расчетом на устойчивое развитие городов и страны в целом. Это имеет прямое отношение ко всей стране, это имеет прямое отношение к человеку, его жизни, комфорту и работе.

Анализ Архитектурных комплексов старых промышленных предприятий показывает, что они не работают в полном режиме, но обладают уникальным потенциалом для продолжения работы еще на много десятков или сотен лет. В зданиях и сооружениях фабрик возможно создание общественных, образовательных, культурных и музейных комплексов, способных поддерживать жизнь городов на высоком культурном уровне. А строительство корпусов новых промышленных предприятий позволит обеспечить достойной работой коренное население Севера страны [2,4]

Исследование подчеркивает необходимость разработки проектных предложений по реставрации архитектурных комплексов промышленных предприятий в названных городах, а также озеленения и благоустройства прилегающих территорий. Проектные предложения должны быть вынесены на обсуждение специалистов и опубликованы в печати.

Жилые районы на прилегающей территории получают возможность обновления благодаря строительству жилых 3-4 этажных домов с развитой инфраструктурой. Проектные предложения будут создаваться для создания благоприятной среды, привлечения моло-

дежи на заводы и развития производства, остановки потока обезлюживания малых городов.

Закключение. Исследование промышленных предприятий показало вдумчивый подход архитекторов прошлых лет и архитектурную идентичность зданий местности строительства. Восстановление данных зданий и включение их в инфраструктуру города позволит сохранить колоритность и неповторимость современных градообразований, с одной стороны, а развитие промышленности даст возможность, с другой стороны, развивать экономическую независимость страны, создавать рабочие места, снимать социальную напряженность, развивать города. Реставрация архитектурных комплексов таких предприятий требует определенных затрат от общества и государства в целом, но это необходимость, окупающая эти затраты за короткий срок. Конечно, говорить о возрождении этих зданий Возрождение производства на этих предприятиях нет необходимости, как показало исследование. Но многие функции, помогающие развитию страны, должны заполнить обновленные архитектурные комплексы. Это вопрос времени и возможности вложений [3,4].

Литература:

1. Анисимов Е. В. Императорская Россия. Архитектура времен Екатерины II [Электронный ресурс] / Е. В. Анисимов // 2015. URL: <https://history.wikireading.ru/33905> (обращение 15.09.2022)

2. Гаврильева, Т. Н. Северные города: общие тренды и национальные особенности / Т. Н. Гаврильева, Е. А. Архангельская // ЭКО. – 2016. – №3 (501). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/severnye-goroda-obshchie-trendy-i-natsionalnye-osobennosti> (дата обращения: 14.10.2022).

3. Гутнов А. Э. Центр города. Музей или активная жизнь? / А. Э. Гутнов // Наука и жизнь. – 1979. - №4 – С.66-73.

Замятина Н. Ю. Северный город-база: особенности развития потенциала для освоения Арктики. Экономика и управление народным хозяйством Арктической зоны. URL: <http://eng.arctica-ac.ru/docs/journals/38/severnyy-gorod-baza-osobennosti-razvitiya-i-potencial-dlya-osvoeniya-arktiki.pdf> (обращение 23.03.2023)

4. История российского производства. – Красноярск: Гермес, 2002. – С. 54

5. История экономики: Учеб. пособие / Т. С. Зубарева; М-во образования Рос. Федерации. Новосиб. гос. техн. ун-т. – Новосибирск: Новосиб. гос. техн. ун-т, 2001. – 68 с. – С. 76

6. Касатонова И. В. Три века российского флота, М.: 1996 год. URL: <https://rusistori.ru/russkoe-tsarstvo/flot-petra-1> (обращение 15.12.2022)

7. Коваленко Г. М. Первые металлургические заводы в Карелии 1679-1703). Л., 1979. с. 13, 34-38, 43-44, 48-49; Глаголева А. П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII века. М., 1957. с. 40. 44.

8. Кузьмичев А. Д., Русские миллионщики: Семейные хроники / А. Д. Кузьмичев, Р. Р. Петров; Авт. некоммерч. организация «ИНЭС». – [2. изд., доп.]. – М.: ЭКОН, 1999. – 187, [1] с.: ил., с – 189.

9. Любомиров П. Г. Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX века [Текст] / проф. П. Г. Любомиров. – [Москва]: Госполитиздат, 1947. - 763 с.

10. Мулло И. М. Петровская слобода. Петрозаводск: «Карелия», 1981. – 82 с.

11. Михалева А. В. Этнокультурное измерение регионального позиционирования архангельской области // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2013. №4. С.4-19.

12. Мартемьянов В. С. Стратегия городского развития в Арктическом регионе России. Эко. 2013, № 5, с.124

13. Случевский К. К. «По северо-западу России». СПб., 1897.

14. Швабе К. И. Описание Александровского пушечного-литейного завода в Петрозаводске//МС. 1855.№7. с.18-19.

Культурный туризм: особенности, факторы развития

Ю. Р. Горелова

*кандидат исторических наук, доцент,
ученый секретарь Сибирского филиала
Института наследия, г. Омск*

Практики в сфере социально-культурной деятельности отмечают, что в структуре туризма как культурной практики, содержатся многообразные технологии развития и сохранения отдельных социально-культурных объектов, сохранения исторической памяти. Кроме того, следует говорить и о развитии туризма в контексте социально-культурного сервиса и индустрии досуга.

Однако с точки зрения стратегий развития территорий туризм дает представления о тех особенностях места, которые индивидуализируют восприятие объектов культуры, формируют определенную специфику видения места. При этом культурный туризм позволяет обратить внимание на ландшафтные особенности местности, культурно-историческое наследие, образ жизни людей, национальные традиции и особенности местности. Наряду с посещением музеев, концертных залов, арт-объектов, имеющих отношение к культурному наследию, в туризме ярко проявляется потребность знакомства с объектами, погружение в атмосферу места, контакты с местными жителями, культурными смыслами.

Культурный туризм тем и отличается от спонтанного, «дикого», что предполагает, прежде всего, погружение в иную культурную среду и атмосферу. Можно согласиться с мнением М. Д. Сушинской, что для культурного туризма, кроме перемещения за пределы места своего проживания, важны такие факторы, как смена впечатлений, дополняемая посещением различных достопримечательностей, событийные включения, экскурсии в художественные галереи, установление связи с концертными площадками. Культурный туризм предполагает активное посещение мест традиционного времяпрепровождения местного населения, культурно обусловленный характер досуга, современные формы традиционных художественных ценностей с целью удовлетворения культурных потребностей [1, С.7].

В процессе развития культурного туризма и индустрии досуга вводятся специфические черты, которые определяют коррективы развития культурного туризма. Развивая данный тезис, можно иметь в виду парадигмальные основания современной туристической культуры:

- стремление к универсализму всеобщего характера (независимого характера);
- примитивизм и упрощенчество, опирающееся на инстинктивные проявления человека;
- приоритет потребительства над активной рефлексией в творчестве;
- преобладание развлекательного характера туризма;
- стремление использовать новые технологии и искусственный интеллект;
- коммерческая направленность экскурсионного творчества;
- мультимедийной характер турпроектов, использование кюар-кодов;
- яркие неожиданные решения туристических маршрутов.

В ответ на вызовы времени формируется важная тенденция – локализации культурных традиций и своеобразия регионов, мест, городов. Сообразно степени локализации данная тенденция проявилась как повышенное внимание к сохранению и развитию региональных направлений составляющих этнических культур. Отсюда повышение числа национально-культурных центров, повышение интереса ученых к этнонациональной проблематике. Кроме того, культурная специфика территории отражается в активных попытках осмысления привлекательных эксклюзивах образов территории внутри и вне региона.

Итак, дополнение массовой культуры чертами локальной, образуется сеть факторов, которые определяют ведущие бренды в развитии культурного туризма в рамках существующей индустрии досуга региона.

Ориентация современного культурного туризма на потребление, развлечения специфична в смысле направленности на использование культурных продуктов, в которых преобладает удовольствие от впечатлений. При этом неперменным качеством турпродукта является его подлинность, аутентичность, достоверность увиденного, эксклюзивность, основанная на специфике местной культуры.

С целью обоснования стратегии развития регионального культурного туризма важно использовать традиционные технологии «SWOT-анализа», который дает возможность увидеть сильные и слабые стороны туристического проекта, угрозы со стороны конкурирующих мест и регионов. При этом важно проводить и анализ идентичности культурных ресурсов территорий, способствующих выявлению потенциала развития туризма в регионе. В его состав входят: архитектурный и природный облик региона, специфика планировки, архитектурное своеобразие, особенности городского

и ландшафтного дизайна территорий, своеобразие и аутентичность этнокультурных ландшафтов, историко-культурную насыщенность инфраструктуры культуры. Большую роль играют также персонифицированные культурные мифы и смыслы.

Итак, для развития культурного туризма необходима координация действий органов власти, специалистов в области культуры и индустрии гостеприимства, которая способна обеспечить высокое качество туристического сервиса в регионах.

Пространственные образы территории формируются на основе реалий культурно-ландшафтных параметров, включают как факторы природного своеобразия, так и культурно-антропогенные, определяемые особенностями социокультурной инфраструктуры Места и специфики протекания культурных процессов и связей. Кроме визуальных параметров, определяющих своеобразие территории и вытекающих из особенностей архитектурно-ландшафтной среды, неповторимость образа Места зависит и от этнического компонента (сохранившиеся фрагменты аутентичных этнических ландшафтов и культурных сред), уровня насыщенности культурной жизни (фестивали, концерты, выставки, научные конференции) и др. Даже сфера городской мифологии играет свою роль в формировании образных характеристик Места. Еще одним фактором является ситуативность восприятия, которая может впоследствии отражаться на всех последующих фактах восприятия подобных объектов, процессов и пространств.

Восприятие Места всегда формируется на основании множества данных, и визуальный контекст является одним из них. Кроме реалий непосредственного восприятия, получаемых на основании органов чувств (зрение, слух, обоняние, осязание, вкус), человек всегда подключает имеющийся социокультурный опыт (культурные стереотипы, концепты, установки, полученные в процессе социализации и инкультурации, а также почерпнутые из опыта освоения актуальной культуры и культурного наследия в виде художественных, публицистических, научных текстов, причем, текстов разных модальностей (визуальных, аудиальных).

В результате формируется образ Места, который, в свою очередь, начинает накладывать отпечаток на все последующие опыты восприятия территории. В этом проявляется дуальность процесса бытования образа (его рождение зависит от реалий среды, и он же впоследствии влияет на восприятие среды).

Говоря о природе образа Места, важно помнить, что он всегда представляет собой результат концентрации, некоего сгущения реальности и по своей сути является системой наиболее выразительных

и ярких характеристик Места, отражающих его специфичные черты. При этом в структуре самого этого и так уже концентрированного образования существует некое ядро. Знаки, символы и концепты, составляющие ядро образа обладают еще большей степенью концентрации и еще большей семиотической значимостью. Каркас образного ядра территории составляют, как правило, наиболее яркие в художественном отношении или наиболее значительные с точки зрения исторической и культурной памяти пространства и объекты. Это могут быть яркие архитектурно-планировочные ансамбли, дворцово-парковые комплексы, ландшафтные объекты и др.

В случае с Омском к пространствам такого плана можно отнести Любинский проспект, ансамбль Второй Омской крепости, здания Омского академического театра драмы и врубелевского корпуса Омского областного музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля и др. Природное своеобразие Омску придают его равнинно-степной ландшафт и поймы Оми и Иртыша. Соединение человека и природы, выраженное в благоустроенных набережных, многочисленных парках и скверах активно формирует неповторимый образ Места.

Список литературы:

1. Сущинская М. Д. Культурный туризм: Учебное пособие / М. Д. Сущинская. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – С.7. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://elibrary.finec.ru/materials_files/355417322.pdf

Праздник и медиаобраз праздника: роль СМИ в популяризации традиционной культуры

Т. В. Савельева

*доцент, кандидат филологических наук,
Челябинский государственный университет,
г. Миасс*

Аннотация. Исследование проводилось в междисциплинарном поле фольклористики и журналистики. Рассмотрено бытование традиционных праздников: Масленицы, Троицы, Дня Ивана Купалы и других – и их медиа-образы. Один из выводов проведенного анализа: смысловой доминантой материалов СМИ о фольклорном празднике является сохранение традиции, однако они сделаны без опоры на научные, этнографические источники, строятся на контаминации фольклорной традиции и массовой культуры.

Ключевые слова: традиционная праздничная культура, медиатизация, ревитализация обряда, «место силы», популяризация культурного наследия.

Народный праздничный календарь можно рассматривать как нематериальное культурное наследие. А. С. Каргин и А. В. Костина, подробно анализируя международные и государственные акты в области сохранения традиционной народной культуры, приводят классификацию объектов нематериального культурного наследия, предложенную Российским институтом культурологии:

- Естественно функционирующие в среде бытования;
- Продолжающие функционировать, но находящиеся под угрозой в связи с ослаблением интереса к ним сообщества, отсутствием молодежи, перенимающей традицию, и другими факторами;
- Не имеющие возможности существовать в среде естественного бытования при отсутствии специальной поддержки со стороны официальных институтов, ученого сообщества, общественности [5, с. 59].

Актуальность темы исследования определяется несколькими положениями. Во-первых, медиа в современном мире не только отражают картину мира индивида и общества, но и формируют ее. Выражение «того, что нет в интернете, не существует» уже ни у кого не вызывает сомнений. Во-вторых, потребитель обращается за информацией как к институциональным, так и неинституциональным СМИ, подчас не разграничивая их. Из этого следует, что роль профессиональной журналистики в сохранении и популяризации традиционных национальных и религиозных ценностей невозможно переоценить.

Теме медиатизации культуры, в том числе, медиатизации традиционной народной культуры в современной гуманитаристике посвящено уже немало исследований. Медиатрансформация фольклора стала предметом рассмотрения одной из секций на Международной научной конференции «Медиатизация культуры: создание новых текстов и практик» [1]. Контаминацию различных типов культур в современном празднике анализируют Ю. Н. Драчева и Е. Н. Ильина на примере медиа-образа деревенского праздника «Ильин день» в Кирилловском районе Вологодской области [3, с. 19-37]. И. Дзялошинский отмечает, что из непосредственного участника праздничного действия человек превращается в зрителя, созерцателя [2, с. 18-28]. Д. А. Радченко на примере Пасхи онлайн эпохи локдауна показывает формирование нового типа сопричастности актора в медиатизированном ритуале [8, с. 173-197]. Еще одной тенденцией современной праздничной культуры становится отмечаемая исследователями транзитивность современного праздничного календаря (9, с. 89-100).

Термин «медиатизация» еще не является устоявшимся в научном поле, наряду с ним употребляются медиализация, медиатрансформация, медиация [4], поэтому уточним, что мы будем понимать под ним процесс и результат воздействия медиа на индивидуальную и общественную жизнь, а также формирование посредством медиа картины мира. Уточним также термины, связанные с бытованием традиционного праздника в постфольклорном пространстве. Фольклористы выделяют четыре типа бытования традиции:

- 1) прерванная (например, Вождение стрелы, Кострома);
- 2) сохраненная (Масленица);
- 3) прерванная, но реконструированная (Красная горка, Купала, Зеленые святки, Русалии);
- 4) изобретенная (День Петра и Февронии Муромских, День славянской культуры и письменности, условно к этой группе можно отнести также заимствованные из других культур День Святого Валентина, Хэллоуин).

Уточнение необходимо также термину «реконструкция», так как в научном и массовом сознании он имеет разное значение. Активисты сохранения и популяризации традиционной культуры понимают под данным термином не научную реконструкцию, предполагающую консервацию обряда в некоем эталонном виде, а ревitalизацию праздника, допускающую внесение новых элементов в праздничное действие, осовременивание, авторские интерпретации.

Эмпирической базой исследования стали журналистские материалы о праздниках русской народной традиции в институциональ-

ных (традиционных) и неинституциональных СМИ. Мы выбрали тематические материалы различных жанров как в общероссийских, так и региональных СМИ: «Московский комсомолец», «Культура» «Коммерсант», «Деловой квартал», «Южноуральская панорама», новостные порталы LENTA.RU и Рамблер (156 единиц). В качестве неинституциональных источников фольклорно-праздничного дискурса рассмотрены страницы сообществ «Фолк по-ГОСТ», «Славяне. Язычество. Русь» в социальной сети ВКонтакте, информационный ресурс CALEND.RU, некоторые авторские каналы на Яндекс Дзен.

В работе также были использованы материалы полевых экспедиций и фольклорных практик студентов-филологов Миасского филиала Челябинского государственного университета 20019-2023 годов. Локации: культурный заповедник «Аркаим», села Приданниково, Ларино, Маслово Уйского района Челябинской области, фестиваль народной культуры «Бажовский» в село Демарино, роща Святого Хетага, Северная Осетия-Алания.

Анализ тематических медиаматериалов говорит о слабой представленности традиционной праздничной культуры русского народа на страницах СМИ. Новостные порталы, к примеру, показывают такой результат: Lenta.ru, раздел «Моя страна: традиции», за период с 12.07.2022 по 12.08.2023 года опубликован 141 материал, из них народным праздникам посвящены 29. Явной тенденцией можно назвать уклон на освещение национальных праздников народов России: Уастыржи в Северной Осетии, Ылгайак на Алтае, эвенский праздник Большой рыбы, Рамадан, Курбан-байрам и другие. О русской фольклорной традиции рассказывают всего пять: три материала посвящены Масленице, один – Дню Ивана Купалы и один рассказывает о празднике в честь окончания сенокоса. Другой аспект этой же тенденции можно отметить, рассмотрев страницу сообщества «Фолк по-Гост» в социальной сети ВКонтакте, тематика которой – ряженные, традиции ряженья. 65% постов последних трех лет посвящены ряженым в европейской и скандинавской традиции. Таким образом, можно говорить о большем интересе к чужой культуре, чем к своей.

Рассмотрим некоторые выводы, сделанные нами на основании праксиологического анализа бытования отдельных праздников и их медиаобразов.

Масленица.

Масленица относится к сохраненной праздничной традиции, однако этому празднику не удалось избежать трансформации, в том числе, связанной с медиакультурой. Сегодня это развлекательно-коммерческое мероприятие с рудиментами старинных обрядов. Дольше других сохраняются пищевые ритуалы. Согласно проведен-

ным опросам, принимали участие в массовом гулянии – 37% опрошенных, пекли и ели блины как обязательный атрибут масленичной недели – 87% информантов. На массовое гуляние большинство участников приходят в качестве зрителей, а не участников. Трансформации ритуала зафиксирована в СМИ. Например, блины не только едят, но и метают на дальность. Или, к примеру, традиционный праздник предполагает сожжение или уничтожение другим способом антропоморфной фигуры масленицы. Это может быть разрывание на куски и разбрасывание по полю. Современный же обряд сохраняет сожжение, но может менять его предмет: сожжение мешка с коронавирусом, трехголового Змея Горыныча, различных неодушевленных объектов – Бастилии, Вавилонской башни, Китайской стены («Коммерсант», 24.02.2023).

Все традиционные славянские праздники, присутствующие в календаре современного горожанина, за исключением масленицы, являются реконструкцией прерванной традиции, вне зависимости от степени их распространенности: День Ивана Купалы, Крещенские обряды, Вождение стрелы, Дни летнего и зимнего солнцеворота.

Реконструкция старинных праздников идет двумя путями.

1) профессиональный – посредством деятельности домов культуры, фольклорных ансамблей, этнографов.

2) «наивно-обывательский» – благодаря всем интересующимся традиционной культурой, различным неинституциональным сообществам.

При этом реконструкция славянских праздников встречает у общественности противоречивое восприятие. С одной стороны, это стремление обрести свою идентичность, с другой – реконструкции начинают ассоциироваться, например, с неоязыческими сообществами. Можно отметить также контаминация сциентистского и обыденного знания.

Вождение стрелы.

Этот праздник относится к прерванной традиции, также известен под названием «похороны стрелы». Фольклорист Л. И. Лазарева отмечает, что долго “охотилась” за этим праздником – проводами весны, за стреловыми песнями. Оказалось, что праздник рассыпан, традиция утрачена, от нее остались только воспоминания: водили хороводы, катались по полю. Региональные архивы практически не сохранили информации об этом празднике. Отдельные песни сохранились в репертуаре деревни Казацкие Балсуны. Обряд на Ушестье взят под охрану государства и имеет статус элемента нематериального культурного наследия. На нашем материале мы можем сделать вывод, что имеем дело, скорее, не с реконструкцией, а с моделированием традиции на основе разрозненных сведений.

День Ивана Купалы, или Иванов день.

Научные реконструкции Иванова дня по большей части остаются на бумаге, в научных журналах и монографиях. Лишь отдельные фольклорные коллективы занимаются моделированием праздника для массового зрителя (участника). И полевые исследования методом включенного наблюдения, и анализ тематических материалов СМИ фиксируют традиционные ритуалы праздника: Собираание росы / купание в росе, соби́рание целебных трав, прыжки через костер, сжигание чучела /проводы по воде, прыжки через костер (одиночные, парами, группами), обливание водой, хороводы. Однако присутствуют и новые элементы: «Ближе к концу вечера мы сделали небольшой плот в память о всех когда-либо погибших за землю русскую. Закончился праздник великолепным фаер-шоу» (2022 г., озеро Тургояк, архив автора). Транзитивность современного праздничного календаря можно наблюдать на примере Купальских праздников, что касается не только его сакрального наполнения, но и даты празднования. Его сегодня отмечают и 21 июня, в день летнего солнцестояния согласно языческой традиции, и 24 июня, в день Иоанна Крестителя, и 7 июля (дата смещена из-за расхождения старого и нового календаря). А. Ф. Некрылова считает, что праздник Ивана Купалы имеет христианские корни: «Название его является славянским вариантом имени Иоанна Крестителя. Эпитет «купала» в переводе с греческого означает «купать», «погружать». Для славян это слово означало ритуальное омовение в открытых водоёмах» [6, с. 297]. Работа датирована 1989 годом. Сегодня ревитализация мифологических, языческих аспектов в культуре приводит к тому, что не только представители неоязыческих сообществ, но и многие другие не согласятся с ученым. «Купала – славянский праздник, который отмечают в день летнего Солнцестояния. Иван Купала – это его профанация от церкви, праздник в честь дня рождения Иоанна (Ивана) Крестителя (Предтечи). К славянской традиции он никакого отношения не имеет, как и «христианская» Масленица, которую отсчитывают от Пасхи, а надо праздновать в марте, как всегда было на Руси. Да какая встреча Весны в феврале, ее еще и из-за горы не видать!» (Сергей, Приданниково, 2023, архив автора).

Для данного праздника мы наблюдаем жесткую оппозицию двух точек зрения. Первая – категорически против встраивания Иванова дня в современный праздничный календарь: «Псевдопраздники «День Ивана Купалы», «Хэллоуин (День всех святых)» и «День Святого Валентина» являются праздниками только в вымороченном и девиантно идеологизированном сознании авторов» [7, с. 224]. Представители второй группы отмечают: «Празднование таких дней, как Ивана Купала – это попытка восстановить мировоззрение наших

предков» [10]. В локальной южноуральской традиции мы с идеологическим конфликтом на почве возрождения славянской культуры практически не сталкивались. Например, на Аркаиме, который традиционно воспринимается как центр всевозможных неоязыческих учений, благодаря опыту научной реконструкции работающих там ученых-этнографов, благодаря одному из вдохновителей этого культурного комплекса Г. Б. Здановичу, который всегда старался вывести дискуссию из идеологического аспекта, идеологического противостояния мы не наблюдаем. В 2018 году магистрант Йельского университета Эмма Вильсон приняла участие в фольклорной экспедиции студентов Миасского филиала Челябинского государственного университета на Аркаим, пытаясь найти материал для подтверждения своей теории об использовании Аркаима как многих археологических памятников в идеологической дискуссии, однако кроме противостояния некоторых местных руководителей, не зафиксировала других идеологических конфликтов.

Еще одним выводом нашего исследования стал следующий: происходит локализация старинных народных праздников, проводимых неинституциональными сообществами, в так называемых региональных «местах силы»: Аркаим, Волчья гора (Верхний Уфалей), озеро Иремель, озеро Иткуль, «чертова дыра» на реке Ай, «Степная мадонна». Так, День Ивана Купалы собирает на Аркаиме каждый год около 20 тысяч желающих прикоснуться к древней языческой традиции, несмотря на большую разъяснительную работу, проводимую сотрудниками заповедника.

Таким образом, мы хотим подчеркнуть ответственность СМИ за формирование медиаобраза традиционной праздничной культуры, сохранение и популяризацию традиционных ценностей.

Список литературы

1. Ахметова М. В., Байдуж М. И. Международная конференция «Медиаатизация культуры: конструирование новых текстов и практик» // Шаги/Steps. Т. 5. № 1. 2019. С. 151-162. DOI: 10.22394/2412-9410-2019-5-1-151-162.

2. Дзялошинский И. Медиакарнавал в эпоху глобализации // МедиаАльманах. 2019. № 3(92). С. 18-28. DOI: 10.30547/mediaalmanah.3.2019.1828.

3. Драчева Ю. Н., Ильина Е. Н. Медиаобраз деревенского престольного праздника «Ильин день» в лингвокультурологическом и лингвоэпистемологическом аспектах // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 5 (98). С. 19-37. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-5-98-2

4. Лян Ч. Актуальные научные подходы к моделированию современной концепции теории медиатизации // Труды БГТУ. Сер. 4, Принт- и медиатехнологии. 2021. № 2 (249). С. 77-83.

5. Каргин А. С., Костина А. В. Сохранение нематериального культурного наследия народов РФ как приоритет культурной политики России в XXI веке // Знание. Понимание. Умение: Культурная политика. 2008. № 3. С. 59-72.

6. Некрылова А. Ф. Круглый год. Русский земледельческий календарь / А. Ф. Некрылова ; сост., вступ. ст. и прим. А. Ф. Некрыловой ; ил. Е. М. Белоусовой. Москва: Правда, 1989. 496 с., ил. С. 297.

7. Понкин И. В. О содержании и направленности учебного пособия «диалог культур. 7-8 классы» (Иркутск: репроцентр А1, 2014) // Образование и право. – 2015. – С. 222-230.

8. Радченко Д. А. Пасха онлайн: конструирование соприсутствия в медиатизированном ритуале // Шаги/Steps. Т. 7. № 4. 2021. С. 173–197. DOI: 10.22394/2412-9410-2021-7-4-173-197.

9. Савельева Т. В. Транзитивность современного российского праздничного календаря: анализ медиадискурса праздничной культуры в аспекте социокультурной травмы // Горизонты цивилизации. 2023. Том 14. Вып. 1. С. 89-100.

10. Суровегина Е. Интервью с волхвом Вадимом (Вадимом Станиславовичем Казаковым) // Colloquium heptaplomeres. Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. 2016. Вып. 3. С.92-96.

Деятельность Отдела рукописей Российской национальной библиотеки в области сохранения и популяризации культурного наследия и исторической памяти России на современном этапе

А. И. Алексеев

*доктор исторических наук,
заведующий Отделом рукописей
Российской национальной библиотеки,
г. Санкт-Петербург*

Аннотация. Цели и задачи, сформулированные в рамках научно-исследовательской работы Отдела рукописей, отвечают осуществлению комплексных мероприятий по хранению, научному описанию, исследованию и публикации документов из фондов Российской национальной библиотеки. Научное описание рукописных документов/книг является основой для создания описей фондов, печатных каталогов, электронного каталога ОР. Публикация научных работ: монографий, методических пособий, каталогов выставок, статей, тезисов на материалах из фондов Отдела рукописей в 2022 г. соответствует задачам по раскрытию фондов ОР для читателей. Одной из главных целей НИР ОР является деятельность по формированию корпуса информационных ресурсов на сайте РНБ, отражающих состав фонда рукописей. Организация научных конференций, в т. ч. в режиме on-line, подготовка тематических электронных ресурсов: электронного каталога, онлайн выставок, интернет-ресурсов, виртуальных экскурсий, презентаций отдельных памятников или комплексов документов — делает фонды ОР доступными для удаленных пользователей. Прикладные результаты НИР заключаются в подготовке тематических выставок в помещениях ОР, проведении экскурсий по ним, освещении в средствах массовой информации, участии в международных проектах. Этим же целям и задачам служат: активное участие сотрудников Отдела в научных мероприятиях (конгрессах, конференциях, семинарах и пр., в том числе в онлайн режиме), а также участие в съемках видеофильмов и телепередач по фондам ОР.

Ключевые слова: Российская национальная библиотека, Отдел рукописей, комплекс мероприятий по хранению, научному описанию, исследованию и публикации документов.

Рескриптом императора Александра I от 27 февраля (11 марта по новому стилю) 1805 года директору Императорских библиотек графу А. С. Строганову было предписано учредить при Импера-

торской Публичной библиотеке особое отделение – «Депо манускриптов». Непосредственным поводом для этого послужило приобретение государством уникальной коллекции рукописей русского дипломата Петра Петровича Дубровского, которую он собрал за долгие годы службы и пожелал посвятить ее на благо Отечества. Так было создано первое в России государственное хранилище рукописных памятников, открытое для читателей и исследователей. «Депо манускриптов» стало первым структурно оформленным отделом Императорской Публичной библиотеки.

В настоящее время в фондах Отдела рукописей числятся 443 424 единиц хранения. Большинство документов являются бесценными источниками по истории и культуре России и стран ближнего зарубежья. Темпы прироста фондов составляют в среднем от 150 до 600 единиц хранения. Ежегодно Отдел рукописей посещает от 6 до 8 тысяч читателей и посетителей. Сайт Отдела ежегодно посещают около 6000 уникальных пользователей, которые обращаются к миллионам страниц (в 2023 г. – 13 576607).

В рамках обслуживания читателей и пользователей сотрудниками Отдела ведется большая справочная работа. В среднем ежегодно предоставляется около 5,5 тысяч устных справок, более 200 археографических справок, более 1300 консультаций, не менее 1700 справок удаленным пользователям, проводится не менее 80 экскурсий по постоянным и временным экспозициям.

Направление научно-исследовательской работы, за которое отвечает Отдел рукописей, называется: «АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФОНДОВ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ И ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ РОССИИ И ЗАРУБЕЖЬЯ». Проект направлен на изучение рукописных памятников и архивных документов, хранящихся в собраниях Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Для проведения исследований применяются методы: источниковедческий, аналитический, архивной эвристики, археографии, палеографии, кодикологии, текстологии, а также технические возможности, предоставляемые современным оборудованием. Результаты исследования важны в плане раскрытия документов из фондов Российской национальной библиотеки для читателей и удаленных пользователей. Успешная реализация проекта позволит существенно расширить источниковую базу, аккумулировать значительное число исторических фактов, пополнить и углубить научные знания по истории и культуре России и других стран мира. Мы исходим из уверенности в том, что только сведения, добытые перечисленными методами из источников, способны составить надежный фундамент гуманитарного знания.

В рамках Научно-технической обработки рукописных фондов и научного описания рукописных книг ежегодно обрабатывается от 3, 5 до 5 тысяч единиц хранения.

В области реставрации сотрудники Отдела рукописей и Федерального центра консервации библиотечных фондов ведут постоянную работу по обеспечению сохранности рукописного фонда. Постоянно ведется мониторинг условий хранения (температурно-влажностный режим и т. д.). Ежегодно на реставрацию направляется от 250 до 300 документов. Последовательно осуществляются работы по фазовой консервации документов (до 500 единиц в год).

В области исследований и описания рукописных книжных памятников с использованием естественнонаучных методов работа велась на базе Лаборатории кодикологических исследований и научно-технической экспертизы документов. В 2023 г. работа ЛКИиНТЭД продолжала в рамках Соглашения о взаимодействии с НИЦ «Курчатовский институт» и СПбГУ и была сосредоточена на историческом материаловедении древнерусской книги. Велось изучение химического состава древнерусских чернил, а также особенностей технологии производства пергамента. В рамках этих исследований достигнуты значимые как в методическом отношении, так и применительно к истории древнерусской технологии письменной культуры результаты. Продолжалась разработка, тестирование и внедрение аппаратно-программного комплекса, велась цифровая съемка рукописей и филиграней бумаги.

Наша деятельность по раскрытию фондов РНБ полностью вписывается в гуманитарную часть «Программы фундаментальных научных исследований в РФ на 2021 – 2030 гг.». Там, в частности, говорится: «Приоритетными научными задачами гуманитарных исследований являются изучения наследия, памяти, самобытности, их отражение в культурных и научных коллекциях, архивах и музеях, чтобы лучше понимать настоящее посредством более широкого толкования прошлого». Важно понимать, что исследования в области археографии, палеографии, эдучионной практики и т. д., конечно, далеко простираются за границы «художественной культуры». Ведь архивохранилища хранят все многообразие человеческого духа во всех его проявлениях: от роскошных листов Остромирова Евангелия, до синодика давно исчезнувшего храма, от учетной записи до автобиографии, от совершенной в художественном отношении миниатюры, до примитивного чертежа, наспех выполненного рукой человека, имевшего слабое отношение к бумажной работе.

Нельзя оставить без внимания и изменения, произошедшие в последние годы в области оценки качества научно-исследовательской работы. С 2016 г. (приказ МК РФ от 3.06.2016 № 1255 «Об утверждении

методики оценки результативности деятельности научных организаций, подведомственных МК») показателем качества работы является количество публикаций в изданиях, индексируемых в российских и международных информационно-аналитических системах научного цитирования. Этот критерий относительно оценки деятельности архивов и библиотек не является полностью адекватным. Для научного сообщества гораздо важнее, нежели статьи в рецензируемых журналах любого списка, такие продукты нашего труда как каталоги, аннотированные указатели, описи, путеводители по фондам и т.д. Вспомним, что еще академик Д. С. Лихачев утверждал, что толково подготовленный каталог гораздо более ценен для ученых, чем средняя или даже хорошая диссертация. Тем не менее сотрудникам ОР приходится считаться с новыми реалиями. А они таковы, что всем научным сотрудникам, а также всем авторам из числа библиотечного состава необходимо обратить самое пристальное внимание на ведение наукометрических данных. Личная наукометрия должна стать девизом всякого уважающего себя сотрудника. Внесение публикаций в РИНЦ является обязательным и будет одним из критериев, учитываемых при аттестации.

С сентября 2022 г. произошли еще более значительные изменения в критериях оценки научной деятельности. Вступил в силу порядок, предусматривающий размещение в системе ЕГИСУ НИОКР тем НИР, при этом указанная система взаимодействует с государственной интегрированной информационной системой управления общественными финансами «Электронный бюджет», а тема утверждается МинобрНаукой. Функции экспертов выполняют сотрудники РАН. Опыт загрузки годового отчета за 2022, 2023 гг. обнаружил, что принятая система не является идеальной и требует большого количества не учитываемых ранее трудозатрат.

Основные показатели научной деятельности сотрудников ОР включают в период последних 5 лет от 7 до 10 ежегодных научных конференций (2 с международным участием). По итогам двух наиболее крупных конференций: «Загребинских чтений» и «Истории Отечественной культуры в архивных документах» издаются сборники статей. В числе докладчиков и авторов регулярно участвуют сотрудники ОР. Периодичность конференций и ежегодное издание сборников обеспечили нашим конференциям широкий круг участников.

Количественные показатели, которые выражаются количеством докладов и публикаций, подвержены самой разнообразной конъюнктуре: плановым работам, периодам творческой активности авторов, издательским циклам, завершению периодов отчетов по грантам. По этой причине проследить поступательный рост количества публикаций на протяжении ряда лет невозможно, что и показывают наши таблицы.

В 2023 г. в рамках научно-исследовательской работы по описанию и исследованию фондов Отдела рукописей РНБ сотрудниками подготовлено публикаций 75, общим объемом 53,5 а.л. На основе изучения фондов Отдела подготовлено и прочитано 127 докладов на международных, всероссийских и региональных научных конференциях, семинарах и круглых столах. Для сравнения: в 2018 г. – 102 публикации и 102 доклада; в 2019 – 106 публикаций и 128 докладов; в 2020 г. – 71 публикация и 85 докладов; 2021 г. – 65 публикаций и 115 докладов; в 2022 г. - 75 публикаций, общим объемом 88, 49 а.л., 117 докладов. В рамках научно-просветительской деятельности сотрудниками Отдела рукописей ежегодно готовится не менее 20 лекционных проектов, которые направлены на раскрытие фондов Отдела и их популяризацию как для специалистов, так и для широкой аудитории.

Важным направлением деятельности является формирование электронных ресурсов на основе рукописных документов, хранящихся в фондах отдела. Универсальным инструментом для работы с рукописными материалами в Отделе рукописей является информационно-поисковая система «Депозитарий», созданная специалистами Российской национальной библиотеки. Универсальность инструмента определяется тремя основными факторами. Во-первых, система приспособлена для работы с рукописными документами разных типов, причем спектр этого разнообразия широк: от средневековой грамоты и рукописной книги до рукописного архивного документа нового времени. Во-вторых, введенные в ИПС данные о рукописном документе приобретают возможность своего многофункционального использования, в том числе и возможность конвертации в другие интегральные ИПС. В-третьих, сама концепция информационного раскрытия рукописного документа в ИПС «Депозитарий» охватывает весь комплекс атрибутивных характеристик, используемых в практике современного источниковедения.

В качестве теоретической основы разработки использован принятый в Российской Национальной библиотеке формат RUSMARC (<http://www.rusmarc.ru/index.html>). Предусмотрена техническая возможность конвертации записей в международные коммуникативные форматы. Набор полей базы соответствует составу элементов описания рукописи; каждое поле имеет то или иное число подполей для детальной регистрации данных. Степень детализации определяется значимостью сегмента информации и, следовательно, необходимостью обеспечения его режимом автоматического поиска. Общее число полей базы насчитывает несколько сотен, таким образом, данная структурная модель на сегодняшний день является максимально детализированным комплексным информационным представлением рукописного документа.

На основе ИПС «Депозитарий» планомерно создается принципиально важный информационный и охранный ресурс Отдела рукописей РНБ – электронный каталог, включающий в себя электронную библиотеку ОР.

По состоянию на декабрь 2023 г. в электронной библиотеке ОР доступны 1809 рукописи. К настоящему времени в электронном каталоге ОР представлены 16475 ед. Ресурс регулярно пополняется по мере поступления из ОВО обработанных цифровых копий в формате JPG, изготовленных по проекту «Книжные памятники».

Приоритетным направлением деятельности Отдела рукописей является расширение доступа читателей к рукописному наследию, хранящемуся в Российской национальной библиотеке. С 2012 г. Отдел реализует программу представления наиболее ценных в историческом, литературном и художественном отношении рукописей на сайте Библиотеки.

В 2018 по 2023 г. по проекту «Книжные памятники» сотрудниками Отдела рукописей ежегодно готовится и выставляется в открытом электронном доступе по 300 рукописных книг древнерусской традиции.

Выставочная деятельность в Отделе ведется на основе подготовки тематических экспозиций в выставочном зале, а также кратковременных экспозиций в помещениях Отдела. Сравнительно новым направлением в выставочной деятельности стала подготовка планшетных экспозиций, которые позволяют знакомить широкую публику с шедеврами книжности и редкими документами, не подвергая риску оригиналы. У нас есть успешный опыт организации планшетных выставок, в том числе, и за рубежами нашего Отечества. Ежегодно в Отделе рукописей готовится не менее 5 виртуальных выставок самой различной тематики. Откликаясь на предложения организаций-партнеров Отдел рукописей участвует в Всероссийских и Международных выставках, на которые предоставляет уникальные экспонаты из фондов ОР. После фактического свертывания международных проектов нашими постоянными партнерами являются учреждения Москвы (РГБ, ГИМ, Музеи Кремля и др.). Санкт-Петербурга, Казани, Самары и др.

Стремительно развивается такая форма популяризации исторических знаний, как съемка видеосюжетов, подготовленных сотрудниками Отдела при участии Пресс-службы на документах из фондов ОР. Видеосюжеты готовятся с учетом юбилейной стратегии, т.е. приурочиваются к важным для России и российской культуры датам. Например, в 2023 г. были подготовлены видеосюжеты «К 800-летию битвы на Калке», «К 200-летию со дня рождения генерала М. Д. Скобелева», «К 350-летию первого губернатора Санкт-Петербурга князя А. Д. Меншикова» и др.

Благодаря ценнейшим фондам Отдела и высокой квалификации сотрудников ОР удастся привлечь устойчивый интерес со стороны средств массовой информации. Каждый год сотрудники дают более двух десятков интервью теле-видеоккомпаниям, радио и газетам и др. средствам массовой информации. Сотрудники Отдела постоянно привлекаются в качестве экспертов при съемках документальных фильмов, популяризирующих историческое и культурное наследие России.

Помимо запланированных в 2023 г., началась реализация еще двух проектов, получивших финансовую поддержку МК РФ. Первый из них мегапроект «Открытая сокровищница: библиотека Кирилло-Белозерского монастыря в виртуальной среде». Целью реализации проекта является создание электронного портала, посвященного библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря, который будет включать в себя как интерактивную часть, которая будет способствовать привлечению в мир славяно-русской книжности молодежи, так и цифровые копии всех книг собрания, сопровождаемый краткими и научными комментариями, обширный каталог миниатюр и писцов. Реконструкция библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря XVII в. на основании подлинных описаний собрания монастыря и сохранившихся рукописей и печатных изданий; создание электронного ресурса, включающего в себя цифровые копии книжного собрания обители из фондов РНБ и других архивохранилищ, издание монографий – научного описания рукописей XV в.; научное издание описи книгохранилищ 1664 г.; подготовка новой описи фонда, сформированной с учетом новых данных и литературы; реставрация части кодексов; внедрение цифровых инноваций в библиотечную практику. Реализация проекта рассчитана на 5 лет, 2023-2027 гг.

Проект «Консервация, каталогизация и оцифровка коллекции западноевропейских рисунков конца XV-XIX вв. из фонда Отдела рукописей РНБ» направлен на реализацию Федеральной целевой программы «Развитие и модернизация библиотек Российской Федерации» по направлению 2: Развитие и сохранение библиотечного фонда (комплектование, сохранение фондов, формирование страхового фонда, пополнение Национальной электронной библиотеки (НЭБ), Национальная книжная платформа). Кроме того, продолжается работа над двумя проектами, поддержанными Российским научным фондом.

Современная русская агиография как форма сохранения исторической памяти

Н. З. Гаевская

*соискатель кафедры философии и религиоведения
Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского
г. Санкт-Петербург*

Аннотация. Современная филологическая наука решает задачу осознать агиографический жанр как факт исторический, определить его место в современном литературном процессе в историческом дискурсе. Исследователи обращаются к историографическому и топологическому методам, позволяющим установить исторические обстоятельства и выявить социологический дискурс коммеморативных процессов, а также содержательные аспекты памятования о христианском подвиге в XX веке. Доклад посвящен изучению житий новомучеников о. Философа (Орнатского) и митр. Вениамина (Казанского) как форме исторической памяти.

Ключевые слова: новомученик, житие, подвиг, подвижничество, канон.

Современная русская агиография хранит в художественном пространстве историческую память народа и русской культуры, собирает знание о русском мире и воплощает героические образы русских подвижников. Исследователи истории агиографии выделяют пять периодов становления русской святости, периодов канонизаций русских святых и фиксации памяти о религиозном подвиге в истории: 1) от Крещения Руси до Макариевских соборов (канонизировано 68 святых); 2) Макариевские соборы 1547 и 1549 годов прославили 39 угодников Божиих; 3) от Макариевских соборов до учреждения Священного Синода в 1721 г. в святцах появилось 146 новых имен; 4) за Синодальный период в течение XVIII – начале XX в. в «лике святых» были прославлены 10 подвижников; 5) в советский период канонизации возобновились в 70-х гг., когда были прославлены три подвижника, в 80-х – 11, в 90-х – 14, а в августе 2000 г. архиерейским Собором Русской православной церкви было прославлено 1154 мучеников и исповедников Российских.

Житийные тексты, создание которых относится как к начальному периоду X–XIII веков, к Макариевскому времени XIV–XVI веков, так и к сегодняшнему дню, являются предметом изучения для филологов, историков, культурологов и богословов, что задает

междисциплинарный вектор исследований. Современная филологическая наука решает задачу осознать агиографический жанр как факт исторический, определить его место в современном литературном процессе в историческом дискурсе. Игумен Дамаскин (Орловский), составитель и исследователь житий новомучеников XX века, так определяет сложности исследовательской работы: «Было понимание, что воскрешение подвига новомучеников в слове потребует огромного исследовательского поиска, что мало собрано материалов о духовенстве и мирянах, пострадавших за Христа, не известны свидетели событий – носители устной истории, не доступна и не исследована источниковая база ни по фондовому, ни по видовому составу документов, отсутствует опыт предшественников, который можно было бы синтезировать, углублять и продвигаться дальше в исследовательском поиске. Агиограф XX столетия, в отличие от отечественных агиографов предшествующих времен, должен был начинать работу с нуля» [6, с. 145].

Специфика условий исследовательской работы определяет направления. Исследователи обращаются к историографическому и топологическому методам, позволяющим установить исторические обстоятельства и выявить социологический дискурс коммеморативных процессов, а также содержательные аспекты памятования о христианском подвиге в XX веке. Топологический метод позволяет выявить ведущие топосы, их художественное и духовное содержание, в котором сохраняется, передается и актуально возобновляется историческая память. Выделена система агиографической топики – система житийных топосов, представляющая формальную сторону агиографического текста, выражающуюся в каноничности общих мест в актуальном смысловом пространстве.

В современной агиографии необходимо особое внимание обратить на тенденции, определяющие каноничность жития. Первая тенденция – это описание жизни святого по строгим житийным канонам, когда подбираются только те факты, которые показывают нам путь спасения подвижника и его подвиги. Вторая тенденция иная: стремление представить подвижника живым лицом через передачу разговоров с подвижником, бытовое поведение, описание каких-то частных житейских фактов, которые могут служить не только раскрытию духовной высоты и красоты человека, но раскрывают перед нами и его чисто личные интересы и привязанности, служат психологизации и индивидуализации [8, с. 97]. Так появляются жизнеописания подвижников XX века, тексты которых связаны с историческими условиями и процессами религиозных гонений, породившими современное мученичество.

Топологический метод позволяет вновь вернуться к осмыслению содержания современных житий и жизнеописаний. Философские и религиоведческие исследования XX века расширили трактовку топоса и топики. Топос – общее место не только в сфере мотива, но и в художественном пространстве (от темы и проблематики до образа и идеи), и в культурном пространстве (как место памяти, единица культурной коммеморации) [2, с. 60]. Исследования коллективной памяти показывают наличие типических образов, в частности подвижников, стремящихся к распространению в новых смысловых пространствах.

Память определяет содержание топоса, памятование становится топологическим механизмом. В святоотеческих трудах экзпрессивная коллективная память устной традиции уступает место интроспективной личной памяти письменной культуры [14, с. 272]. Память, которую сначала понимают как повторение, в итоге воспринимается как воспоминание. В связи с этим можно утверждать, в частности, что порядок обращения к житийным спискам, повторение которого закреплено традицией годовичного круга праздников, формирует канон памятования житийных героев, фиксирует последний в культурной памяти и актуализирует религиозное сознание в поминовении подвижников. Топос становится местом памяти.

Подробно о памяти в топологическом механизме говорит А. Е. Махов [9]. Понимание топики как выражение этикетных культурных формул или принципа подобия – еще одна проблема изучения. Т. Р. Руди, подчеркивая значение подобия как культурного топологического механизма, пишет о том, что автор жития возводит образ к первообразу или сакральному образцу [10, с. 522]. Необходимо обратить внимание на исследование, а именно «Критическую агиографию» В. Лурье, вышедшую в 2009 году и переизданную в 2016, в которой автор говорит о том, что материал житий в каждый новый временной период вновь подлежит реактуализации [7, с. 27]. В. М. Живов пишет, что «агиология (от гр. *agios* «святой» и *logos* «рассуждение») – то же, что агиография», но при этом делает акцент на отличии, подчеркивает, что агиология сосредоточивает свое внимание на самом святом, типе его святости и восприятии этого типа в различные эпохи. В. М. Живов указывает на первопричину так называемых «стандартных мотивов» – христоцентризм агиографии как таковой [3, с.10].

Одна из центральных фигур периода новомученичества священномученик Философ (Орнатский) родился 21 мая 1860 года на погосте Новая Ерга Череповецкого уезда Новгородской губернии в семье священника Николая Ивановича Орнатского. Сразу же после рукоположения

молодой деятельный священник стал членом Санкт-Петербургского общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, с которым впоследствии была связана вся его жизнь. Он писал о том времени и причинах, послуживших возникновению Общества: «1881 год останется навеки памятным не только в жизни Петербурга, но и всей России, всего мира. В этом году от руки фанатичных злодеев пал на улице своей столицы царь-освободитель». Житие о. Философа содержит много документальных свидетельств, собранных известным церковным писателем В. Филимоновым [13]. Особенно интересно наличие в житии элементов публицистического характера, которые связаны с цитированием опубликованных речей о. Философа. Публицистика О. Философа яркая и эмоциональная, она придает эмоциональность и тексту жития. «А пересох кладезь воды живой по отношению к нашей школе – чем напоить духовно жаждущих, чем оросить засохшие нивы сердец человеческих? Для оживления религиозно-нравственного воспитания в школе, необходимо освободить законоучителя от рабского следования программе, вывести его из положения преподавателя предмета в положение пастыря-духовника, вооруженного мечом слова Божьего, живого и действенного,» – пишет о. Философ в речи о педагогической роли пастыря [12, с. 61]. О. Философ (Орнатский) к 1918 году был одним из самых известных пастырей Петербурга, участником Собора, на котором был избран патриарх Тихон (Белавин). Организационный талант и понимание ответственности священника за души паствы определили позицию отца Философа по отношению к ситуации 1918 года: попытке большевиков закрыть Александроневскую Лавру, преследования священнослужителей и мирян, закрытия церквей. 9 июля (1 августа) 1918 года, в канун празднования памяти святого пророка Илии, в доме протоиерея Философа раздался звонок, и в дверях появились красноармейцы. Они приказали сделать обыск, затем велели священнику ехать с ними. Сыновья Николай и Борис вызвались сопровождать отца. В ту же ночь всех обреченных на смерть вывезли на берег Финского залива. Перед казнью протоиерей Философ, успокаивая приговоренных к смерти офицеров, которых числом было более тридцати, произнес спокойно и кротко: «Ничего, ко Господу идем. Вот, примите мое пастырское благословение и послушайте святыя молитвы». И, встав на колени, он спокойным и ровным голосом прочел молитвы на исход души [5, с. 393].

Текст жития свщмуч. О. Философа более документален, передает историческую информацию и состоит из элементов дневникового характера, когда автор передает воспоминания о. Философа о событиях до 1918 года, полученные из писем, сохраненных в личных и государственных архивах, документах исторического харак-

тера, мемуарах, документально-исторических очерках, биографиях. Житие относится к особой агиографической группе, содержание которой передает сведения, документально подтвержденные, жанрово принадлежащей к описанию жизни подвижника, и в этом сближающейся с житийной традицией, сочетающей жанровые признаки художественной, публицистической и документально-исторической литературы. Житие свщмуч. Философа, написанное игуменом Дамаскиным (Орловским), подтверждает тот тезис, что современные жития могут подвергаться авторской обработке, в них автор осмысляет события, вводит элементы психологизма. В таких произведениях важны авторская установка, стиль, соотношение документального и художественного начал, ориентация на читателя, нацеленность на отнесенность к духовной литературе.

Сегодня составлены тропарь и кондак священномученику Философу, пресвитеру Петербургскому, церковно-славянский язык которых объединяет современность и традицию почитания святых во все времена христианские.

«От юности премудрость Божию возлюбив, досточудне отче Философе./
Во вся дни жития твоего последовал еси Пастыре начальнику Христу./
Иже яви тя граду святого Петра пастыря добра./
Ты же, душу свою положив за паству».

Житие свщмуч. митр. Вениамина (Казанского) иное по характеру и жанру. Оно более обращено к традиции, к житийному канону по стилистике, о чем свидетельствуют словоформы церковной лексики: «Благочестие, добродетели, отрок, духовные подвиги». В тексте жития мы читаем: «Священномученик Вениамин, митрополит Петроградский и Гдовский (в миру Василий), родился в 1873 году на Нименском погосте Андреевской волости Каргопольского уезда, ныне Архангельской области, в семье священника Павла и Марии Казанских. Родители воспитывали сына в благочестии и христианских добродетелях. Полубив чтение житий святых, отрок восхищался их духовными подвигами, сожалея о том, что в современном ему мире он лишен возможности пострадать за веру православную» [4. С.5]. Но элементы документальных свидетельств присутствуют и в этом житии. Со всей исторической точностью передает текст жития и события мученической кончины митрополита Вениамина. «Святитель Вениамин на процессе был, как и всегда, простым, спокойным, благостным, убеждающим в невинности других людей. Перед лицом ожидавшей его смерти он, обращаясь к трибуналу, произнес: «Я не знаю, что вы мне объявите в вашем приговоре, жизнь

или смерть, но что бы вы в нем ни провозгласили, я с одинаковым благоговением обращаю свои очи горе, возложу на себя крестное знамение (святитель при этом широко перекрестился) и скажу: «Слава Тебе, Господи Боже, за всё». 5 июля 1922 года трибунал объявил приговор, а в ночь с 12 на 13 августа того же года митрополит Вениамин и вместе с ним архимандрит Сергей (Шеин), миряне Юрий Новицкий и Иван Ковшаров были расстреляны на окраине Петрограда» [4]. Митрополиту Вениамину составлена полная служба, тропарь, кондак, акафист.

«Измлада нелёностно поучаяся в законе Господнем,
чистою любовию к Богу возгорелся еси/
и мученического подвига желанием уязвился еси,
священномучениче Вениамине».

В топологии русской культуры подвиг есть центральный топос. Жизнь русского человека центрирована подвигом, пафосом памяти о подвижничестве, свидетельстве и страданиях Христа. Богословское измерение подвига определяется основным понятием – понятием памяти. Здесь актуализируется роль свидетеля и значение свидетельства в формировании топоса. Память хранится в душе народа и становится содержанием культурного кода.

Современные исследователи выделяют такие особенности современной агиографии, как возникновение жанра биографического церковно-исторического исследования, издание русских патериков – собраний житий святых, подвизавшихся в одном регионе, развитие жанра в тесной связи с ее исследованием. Автором ставится вопрос о необходимости выявления, изучения истории текстов агиографических сочинений, а также рассмотрения трудов церковных историков в контексте развития агиографии, а также выделение территориальных локусов агиографии внутри региона [14, с. 78]. Тексты современной христианской агиографии, жития святых и литургическая гимнография становятся основным источником исследований исторической памяти и механизмов культурного запечатления и культурного освоения, ресайклинга. Культурные процессы ресайклинга отражены в агиографическом нарративе. Тексты современной агиографии дают возможность визуализировать историческую традицию и эволюцию форм запечатления народной памяти, знания и информацию о локальной культуре.

На основе анализа агиографических текстов можно утверждать, что культурное освоение, ресайклинг имеет как религиозный, так и антропологический характер. Религиозный компонент сакрализует параметры культурной системы и фиксирует в культурной памяти.

Сакрализация происходит в культе поминовения и почитания праведников и становится способом сохранения традиции, связанная с местами погребения и локальными культовыми центрами, памятниками локальной местной агиографии, в данном контексте в житиях Русского Севера, Каргополья, Вологодчины, Обонежья. Современная агиография делает предметом культурного ресайклинга феномен периода гонений за веру в XX веке, а результатом возвращение к христианским ценностям и прославление подвига новомучеников. Так ресайклинг становится механизмом возобновления культурных смыслов в новом актуальном качестве, сохранения и воспроизведения культуры.

Новомученик – свидетель Христов, несущий тяжкий подвиг хранения веры. Святейший Патриарх, подчеркнув общецерковное значение исследование подвига новомучеников, сказал: «Кровью мучеников созидалась Церковь Христова первых веков христианства. Кровью мучеников и исповедников создается и наша Русская Православная Церковь, которая, выйдя из эпохи гонений и преследований, совершает духовное и нравственное обновление нашего народа, потерявшего в результате семидесяти лет воспитания духовные и нравственные основы жизни. Жизнеописания многих подвижников уже изучены Синодальной комиссией по канонизации святых, и Священный Синод вынес на решение очередного Архиерейского Собора вопрос об их общецерковной канонизации в лике новомучеников и исповедников Российских XX века» [1, с. 4].

Список литературы:

1. Алексей II, Патриарх Московский и всея Руси. К читателю. // Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн.3. Тверь. «Булат», 1999. С.623
2. Гаевская Н. З. Топология религиозного: текст, память, пространство // Визуальная теология. Великий Новгород. НГУ. 2022. Т.4, №1. С. 58
3. Живов В. М. Святость: краткий словарь агиографических терминов. М.: «Гнозис», 1994. 113 с.
4. Житие священномученика Вениамина (Казанского), митрополита Петроградского и Гдовского, и иже с ним пострадавших преподобномученика Сергия (Шеина), мучеников Юрия Новицкого и Иоанна Ковшарова. Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная пустынь, 2019. 352 с.
5. Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Май». Тверь. 2007. С. 448

6. Иноземцева З. П. Жития новомучеников и исповедников как источник знания о человеке России//Развитие личности. М.: МПГУ. 2014. №4. С. 142

7. Лурье В. М. Введение в критическую агиографию. М.: Аxioma, 2009. 283 с.

8. Макаренко Е. К. Агиография XX века. Проблема жанра и методов его исследования. // Сибирский филологический журнал. Томск: Изд-во Томского ГУ. № 1, 2011. С. 95

9. Махов А. Е. «Историческая топка»: раздел риторики или область компаративистики? // Вопросы литературы. 2011. № 4. С.275

10. Руди Т. В. Топка русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Polemika. СПб: Дмитрий Буланин, 2005. 522 с.

11. Служба священномученику Вениамину Петроградскому и иже с ним пострадавшим. Текст утвержден Священным Синодом Русской Православной Церкви 24 декабря 2015 года (журнал № 114)

12. Труды Высочайше учрежденной комиссии по вопросу об улучшении в средней общеобразовательной школе. Выпуск IV. Труды подкомиссий. СПб., 1900. С. 61

13. Филимонов В. П. Крестом отвергается небо. Священномученик Философ Орнатский. Житие и подвиги, слова и поучения. СПб.: Сатис, 2015. 272 с.

14. Хаттон П. История как искусство памяти / Пер. В. Ю. Быстрова. Санкт-Петербург, «Вл. Даль». 2004. 424 с.

15. Чернышова Н. К. Состояние и проблемы современной агиологии // Известия Иркутского ГУ. Серия: Политология, Религиоведение. Иркутск, ГУ. 2016. Т.16. С. 74

Ученый-фольклорист Ю. И. Смирнов: исследовательский вектор и библиография

М. А. Смирнова,

*кандидат исторических наук,
главный библиотекарь научной библиотеки
ГМО «Художественная культура Русского Севера»*

М. Н. Мелютина

*кандидат философских наук,
ведущий научный сотрудник, начальник отдела изучения
и интерпретации историко-культурного наследия,
ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»*

Аннотация. Настоящая статья основана на результатах научной каталогизации Мемориальной библиотеки фольклориста Ю. И. Смирнова. Предмет изучения – междисциплинарный исследовательский вектор ученого в изучении северорусского фольклора на основе библиографического описания изданий его книжного собрания. Научная работа дополнена новыми публикациями по вопросам, поставленным ученым перед современными исследователями.

Кенозерский национальный парк получил в дар Мемориальную библиотеку Юрия Ивановича Смирнова (1935–2015 гг.), фольклориста, ведущего научного сотрудника Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (ил. 1). Собрание передала Г. Г. Григорьева (1937–2022 гг.), фольклорист, участник фольклорных экспедиций МГУ имени М. В. Ломоносова на Кенозеро, вдова Ю. И. Смирнова. Книжная коллекция насчитывает более 8 тысяч экземпляров на русском и иностранных языках (славянских – македонском, хорватском и других, западноевропейских – немецком, венгерском, английском). В библиотеке собраны экземпляры по фольклору и сопредельным наукам (история, языкознание и т. п.), естественнонаучной тематике, народной медицине, архитектуре и др. В 2019 г. начата научная каталогизация мемориального собрания в рамках перспективного (2027 г.) издательского проекта «Библиографический указатель Мемориальной библиотеки Ю. И. Смирнова» и включает работу по составлению библиографических описаний изданий XVII–XXI вв. [1, 15, 16, 17]. Настоящая работа основана на промежуточных результатах каталогизации 2019–2023 гг.

Научное библиографическое описание библиотеки дает ключ к пониманию методики изучения северорусской эпической поэзии былиноведом Ю. И. Смирновым.

Предмет исследования – междисциплинарный вектор ученого в изучении северорусского фольклора на основе библиографического описания его книжного собрания. Основой работы является статья Ю. И. Смирнова «О совместимости результатов разных наук в изучении Русского Севера», в которой он пишет: «Можно только радоваться, если [...] представителями разных наук будут открываться и накапливаться факты, или даже целые системы, позволяющие воссоздавать страницы из истории природного мира и мира людей» [13, с. 427]. Настоящая статья дополнена новыми публикациями по научным вопросам, поставленным ученым перед современными исследователями.

Одним из направлений научного интереса Ю. И. Смирнова были археологические работы. В его собрании выявлено на сегодняшний день более 20 изданий, связанных с этой наукой. Выделим некоторые из них:

Брюсов А. Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху / АН СССР. Ин-т истории материальной культуры. — М.: Изд-во АН СССР, 1952. — 263 с. : ил.

Мачинский Д. А. Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // Культура Востока. Древность и раннее Средневековье : сб. статей / Гос. ордена Ленина Эрмитаж. Отд. Востока. — Л.: Аврора, 1978. — С. 131–149 : ил. — Отд. отт.

Юрия Ивановича интересовали находки археологов Азии и Европы в сопоставлении с мировыми фольклорными сюжетами. В его библиотеке есть книги :

Беляев Е. А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее Средневековье. — 2-е изд. — М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1966. — 280 с.: 1 портр. : 3 вкл. л. карт.

Майяни З. Этруски начинают говорить / пер. с фр. Ю. И. Богуславской; ред. и предисл. Л. А. Ельницкого. — М.: Наука, 1966. — 335 с. : ил.

Никитов С. Н. Древните цивилизации: загадки, находки, гипотези. Кн. 2-я: Мореплаватели на древността. Загадките на древността. — София: Народна просвета, 1979. — 143 с., ил.

Севернорусские былинные тексты он рассматривал в сопутствующих текстах Западной Европы, например, образ русского былинного Святогора связывал с Кралевицем Марко – на протяжении нескольких веков самым популярным героем эпоса южных славян, в основном сербского, македонского и болгарского [14, с. 184–187].

В библиотеке Юрия Ивановича есть ряд изданий зарубежных и российских авторов, посвященных этому герою:

Романска Цв. Преданията за Крали Марко във фолклора на южните славяни (обща характеристика) // Славистични студии.— София: Наука и изкуство, 1963.— С. 379–391.— Отд. отт.

Симитчиев К. Марко Крале во македонската народна епика (во споредба со српски и бугарски мотиви) / Институт за фолклор «Марко Цепенков» – Скопје. Посебни изданија.— Кн. 7.— Скопје, 1981.— 91 с. : ил.

Эпос сербского народа / изд. подгот. И. Н. Голенищев-Кутузов; отв. ред. В. В. Виноградов.— М.: Изд-во АН СССР, 1963.— (Литературные памятники);

Исследования западноевропейских археологов фольклорист изучал, сопоставляя с находками археологов Русского Севера. В его библиотеке публикации по древней истории этой территории представлены разными работами:

Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках : по материалам археол. памятников на волоках Белозерья и Поонежья / Ин-т археологии РАН; Кирилло-Белозерский ист.-худож. и архитектур. музей-заповедник.— М.: Скрипторий. 1997.— 368 с.: ил.

Ошибкина С. В. Неолит Восточного Прионежья / АН СССР. Ордена Трудового Красного знамени Ин-т археологии.— М.: Наука, 1978.— 228, [3] с.: ил.

Равдоникас В. И. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. 1 : Наскальные изображения Онежского озера / с прил. работы Б. Ф. Землякова «Неолитические стоянки восточного берега Онежского озера.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.— 205 с.: табл.— (АН СССР. Труды Ин-та антропологии, археологии и этнографии. Т. IX. Археологическая серия; № 1).

Юрий Иванович, имея научный интерес к эпосу Русского Севера, и прежде всего, Кенозерья, глубоко вникал в вопросы появления человека на этой территории, связывая эти сведения с размышлениями об истоках фольклорной традиции. Он писал: «для Кенозера с его округой важно определить время, когда ледник покинул эти места, оставив за собой открытые пространства тундростепи: это определение и будет точкой отсчёта времени для вероятного появления тут первых человеческих сообществ»[13, с. 427].

В настоящее время Кенозерье активно изучается археологами и уже определен период появления древних поселенцев на этой земле. Одна из древнейших стоянок первобытного человека в Архангельской области «Косицына 2» позволяет датировать присутствие человека в Кенозерье в конце IX тыс. до н.э. Вывод о том, что это один из древнейших культурных слоев первобытных стоянок, зафиксированных в Архангельской области, сделала команда археолога А. Я. Мартынова [2].

Ю. И. Смирнова занимали вопросы путей миграции людей и места их расселения. Географические исследования, картография гидросистем России, собранные в его библиотеке, позволяли ученому изучать вопросы изменения гидросистемы для определения локаций возможного проживания человека на конкретной территории. Выделим несколько изданий из собрания по этой теме.

Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации / отв. ред. акад. Н. И. Толстой. – М.: Наука, 1989. – 254 с.

Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. Вып. 2 / редкол.: Е. А. Ваганов, А. П. Деревянко, В. С. Зыкин; отв. за вып. С. В. Маркин. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – 471 с.: ил.

Интерес к движению населения в сторону Кенозера постоянно занимал ученого. Значение Кенозера оказалось весомым благодаря Кенскому волочку, первое упоминание о котором в письменных источниках относится к началу XII в. На одном из путей Кенского волочка археологи обнаружили следы пребывания новгородцев. Юрий Иванович внимательно изучал эту работу археологов [18, с. 37-38]. Он пишет: «В освоении северных земель новгородцы соперничали и даже воевали с «низовскими», как они называли, княжествами, включая Московское. При этом реки и озера были тогда главными, а часто и единственными путями сообщения. Продвигаясь на восток от Онежского озера, новгородцы нашли путь, ведущий в обход «низовских» владений. То был путь вверх по р. Водле до непроходимых для лодок порогов. Чуть ниже порогов в Водлу впадают речушки, поднимаясь по которым можно выйти к речкам, впадающим уже в Кенозеро. Таких путей два. Третий через приток Водлы выводит на Кумбасозеро, откуда путь идет посуху до западного залива Кенозера, – именно через Кумбасозеро» [11, с. 3].

Сведения о передвижении населения по Кенскому волоку позволяло Ю. И. Смирнову погрузиться в размышления о существовании на этой территории особенной фольклорной традиции. Экспедициями

МГУ им. М. В. Ломоносова в 50–60-х гг. XX в. удалось выявить бытование яркой народной прозы, в том числе сказочной традиции, в деревнях по Кенскому волочку. «Одним из самых ярких исполнителей русских сказок является Александра Михайловна Мелехова, уроженка Кумбасозера, что к западу от Кенозера. От нее записано 79 текстов народной прозы [...]. В текстах А. М. Мелеховой содержится свыше ста сюжетов [...], сказочница вобрала в свой репертуар примерно две трети состава местной [севернорусской – М. Смирнова, М. Мелютинина] сказочной традиции», – свидетельствует Ю. И. Смирнов [11].

Юрий Иванович подготовил к печати книгу «Сказки Кенского волочка», в которой опубликованы сказки, записанные собирателями МГУ в июле 1959 г. от А. М. Мелеховой. Эта книга была дважды издана Кенозерским национальным парком в 2004 и 2019 гг. в связи с ее устойчивым спросом у читателей [11, 12]. В книжном собрании ученого хранится отдельный оттиск статьи Т. С. Макашиной (1937 г.р.) «Современная севернорусская сказочница А. М. Мелехова» [7].

По мнению Ю. И. Смирнова, говор и фольклорную традицию первопоселенцев на Кенозеро «можно было бы восстановить, благодаря диалектным словарям и письменным источникам, включая берестяные грамоты. Время появления русских на Кенозере не совпадает со временем сложения устойчивого населения там. Только с устойчивостью населения складываются местный говор и местная фольклорная традиция» [13, с. 428]. Книжное собрание ученого включает диалектные словари и научную литературу о новгородских берестяных грамотах.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект / РАН, Ин-т славяноведения и балканистики. – М.: Школа «Языки рус. культуры», 1995. – 720 с. – (Язык. Семиотика. Культура).

Ремесленная терминология в Славянских языках / сост. О. Н. Трубачев; ред. проф. С. Б. Бернштейн. – М.: Наука, 1966. – 416 с.

Янин В. Л. Я послал тебе бересту.... – Изд. 3-е, испр. и доп. новыми находками. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 458, [3] с.: ил.

Крупнейший былиновед Юрий Иванович изучал историю «былинных» территорий – Великого Новгорода, Владимира, Пскова и др.:

Древняя Русь и славяне / АН СССР. Ин-т археологии. – М.: Наука, 1978. – 447 с.: ил.

Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. / отв. ред. акад. Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1981. – 168 с.: ил.

Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия : ист.-геогр. анализ. – М.: Наука, 1979. – 247 с.: ил. : карт.

Третьяков П. Н. По следам древних славянских племен / под ред. Б. А. Рыбакова, Э. А. Сымоновича. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1982. – 143 с.: ил.

Отдельную часть статьи «О совместимости наук» он посвящает словосочетанию «чудь заволоочская». Фольклорист пишет, что исследователи, обозначая этим термином «огромное пространство от Обонежья до Печоры», создают впечатление, будто это словосочетание – тоже настоящий этноним или, иначе, самоназвание некоего народа, жившего за Кенским волочком. «Чудью» псковичи и новгородцы называли эстов и, по-видимому, родственные им этнические сообщества, проживавшие между Чудским озером и Ильмень-озером. Словосочетание не привилось в письменных источниках» [13, с. 429]. Эти исторические сведения изложены фольклористом также в книге «Новгородские былины» [10, с. 315-318].

Тема «чуди в фольклоре» является предметом научных исследований Н. В. Дранниковой (1961 г.р.). В монографии «Чудь в устной традиции Архангельского Севера» [19] представлен её обзор истории изучения этнонима «чудь» и особенности его функционирования в устных рассказах Архангельского Севера и Норвегии.

Одним из важных разделов Мемориальной библиотеки является «Топонимия».

Керт Г. М. Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии (прибалтийско-финская, русская) / Карел. науч. центр РАН, Ин-т яз., лит. и истории. – Петрозаводск, 2002. – 186 с.: 1 вл. л.

Топонимика Кенозера. Ч. I-2 : Методические разработки для студентов пединститутов и учителей школ / Арханг. ордена «Знак Почета» гос. пед. ин-т им. М. В. Ломоносова ; сост.: В. Я. Дерягин, З. С. Дерягина, Г. И. Манихин. – Архангельск, 1987. – 48 с.: ил.

Ortsnamen der Wolga – Oka-Gegend im Europäischenteil der Sowjetunion / von B. Serebreńnikov (Moskau) = Серебренников Б. Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР : (резюме на рус. яз.) // Acta Linguistica. Academiae Scientiarum Hungaricae / adiuvantibus: D. Pais, Zs. Telegdi, M. Zsirai; redict J. Németh. T. VI, fasciculus 1–3. – Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1956. – С. 85–105.

Работы топонимистов зафиксировали нерусские названия на Кенозере. По мнению Ю. И. Смирнова, «названия Кенозера и вытекающей

из него Кены не поддаются объяснению с помощью прибалтийско-финских языков и, возможно, были оставлены в наследство пока что неопознанным этническим сообществом» [13, с. 430].

Исследования, посвященные Кенозерью, крупного ученого в области исторической топонимии – И. И. Муллонен, основаны на понимании присутствия на Русском Севере особого прасаамского или прибалтийско-финско-саамского этноса. Касаемо топонима Кенозеро, «последним по времени», – пишет И. И. Муллонен, – является мнение Е. Хелимского, который предполагает существование на территории Архангельской области специфической северо-западной группы финно-угорских языков. Именно с этих позиций он интерпретирует название озера Кенозера, для объяснения которого использует известное в финских говорах слово *keno* ‘кривой, изогнутый’ (т. е. Кенозеро – кривое озеро). Гипотеза о бытовании на Русском Севере особой группы финно-угорских языков, родственных саамскому и прибалтийско-финским, требует дальнейшей разработки» [8, с. 154-155].

«Серьёзным дополнением к материалам о гидронимах мог бы послужить сбор бытовой лексики нерусского происхождения, также свидетельствующей о длительном сожительстве русских и их этнических предшественниках», – напутствует Ю. И. Смирнов [13, с. 430]. В библиотеке хранится Лексический атлас Архангельской области, составленный Л. П. Комягиной [3] и работы ученого С. А. Мызникова [9].

Ю. И. Смирнова интересовали вопросы расселения русских на Каргополье. Размышления ученого о связях Кенозера с Лядинами и Ошевенском привели к мысли о несомненных ранних контактах этих территорий. «Это просматривается при беглом взгляде по фольклорному материалу, который еще нужно раскрывать. Но и раскрыв его, придётся убедиться в том, что Лядины и Ошевенск представляют собой нечто иное, нежели Кенозеро с его округой», – отмечает фольклорист [13, с. 426]. Эту мысль подтверждает топонимист И. И. Муллонен: «Территория Кенозерья, входя географически и по целому ряду историко-культурных параметров в Поонежье (бассейн р. Онега), в то же время тяготеет к восточному Обонежью (бассейн Онежского озера), с которым связано водно-волоковыми путями [...]. В формировании территории как историко-культурной и этноязыковой целостности принимало участие прибалтийско-финское население, проникавшее в Кенозерье из Обонежья, и русские потоки, шедшие как через Обонежье, так и с реки Онеги» [8, с. 160]. И. И. Муллонен отмечает особенность расположения Кенозерья «как переходную зону между Обонежьем и Поонежьем» [8, с. 161].

Юрий Иванович занимался поисками ответов у антропологов на вопросы этнической истории: «Необходимо привлечение антро-

пологов к исследованию состава населения Кенозера с его округой, а также в сравнительных целях и соседних мест. Знание по антропологическим характеристикам изменений во времени соотношений славян/русских и их этнических предшественников несомненно способствует воссозданию этнической истории обследованных антропологами мест» [13, с. 430]. Согласно предложению Юрия Ивановича, Кенозерский национальный парк сотрудничает с антропологами музея «Кунсткамера» (Санкт-Петербург). По мнению научного сотрудника этого музея И. Г. Широбокова, «некоторые виды проведенных анализов позволяют говорить о сохраняющейся близости Кенозерья с населением Новгородской области. Это сближение все же не является определяющим фактором для характеристики современного населения Вершинино и Почы. Наибольшую близость кенозерская группа демонстрирует с русскими Карелии, а также тверскими карелами, что отражает наличие определенного финно-угорского компонента в составе первых. Представляется наиболее вероятным, что на рассматриваемую территорию он был привнесен уже в смешанном варианте вместе с русскими переселенцами и не является результатом непосредственных контактов с древними финноязычными популяциями, тогда как, например, в составе водлозерской выборки Карелии отчетливо фиксируется финно-угорский субстрат» [20].

Изучение этнической истории – это одно из направлений этнографии. В собрании библиотеки хранится большое количество работ этнографов.

В данной статье мы представим некоторые из этих изданий:

Богораз В. Г. Материальная культура чукчей : авториз. пер. с англ. – М.: Гл. ред. вост. лит., 1991. – 223 с.: ил. : 20 л. ил.

Василевич Г. М. Эвенки : ист.-этногр. очерки (XVIII – начало XX в.). – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – 304 с.: ил.

Приклонский С. А. Народная жизнь на Севере. – М., 1884. – 366 с.

Юрий Иванович высказывал необходимость в систематических исследованиях Кенозера с его округой, выделяя обобщающее многолетнее изучение народной культуры жителей Водлозера [5]. В исследовании К. К. Логинова (1952–2020 гг.) говорится и о связях водлозеров с кенозерцами. Этот научный вопрос этнограф продолжил, сотрудничая с Кенозерским национальным парком [6]. В библиотеке Юрия Ивановича находится книга Ю. М. Критского «Кенозерье: история и культура». Это первое монографическое исследование об исторических, политических, социально-экономических, культурных процессах Кенозерья и Лекшмозерья [4].

Исследовательский вектор Ю. И. Смирнова в изучении севернорусского фольклора показывает глубину сопредметных интересов ученого. Мемориальная библиотека, которая расположена в экспозиционном зале «Кабинет ученого» (Кенозерский национальный парк, д. Вершинино), включают 26 тематических разделов, связанных с исследованиями фольклориста (ил. 2, 3). Для более комплексного представления о книжном собрании ученого работа по научной каталогизации будет продолжена.

Библиографический список

1. Библиография Ю. И. Смирнова / сост. Г. Г. Григорьева // Научный архив ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”». Ф. 1. Оп. 2. Д. 1080.
2. Древности Кенозера: стационарные исследования стоянки Косицына-2 в 2019 году / А. Я. Мартынов, Г. А. Дзенисов, П. А. Ирха, Н. С. Потуткин, С. А. Шаврин // Кенозерские чтения – 2021. Заповедные земли Русского Севера в контексте социально-гуманитарных и естественно-научных исследований : сборник материалов X Всерос. науч.-практ. конф. – Архангельск, 2022. – С. 220-237.
3. Комягина Л. П. Лексический атлас Архангельской области. – Архангельск : Изд-во ПМПУ, 1994. – 233 с. : ил.
4. Критский Ю. М. Кенозерье: история и культура : очерки, материалы, исследования. – Архангельск : Правда Севера, 2005. – 207 с., [11] л. ил.
5. Логинов К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья / РАН, Карел. науч. центр. Ин-т яз., лит. и истории. – М. : Наука, 2006. – 273, [3] с. : ил.
6. Логинов К. К. Лодка «кенозерка» на Водлозере // Кенозерские чтения – 2015 : Заповеданное Кенозерье: природа, культура, человек : сб. материалов VII Всерос. науч.-практ. конф. – Архангельск, 2016. – С. 322-328.
7. Макашина Т. С. Современная русская сказочница А. М. Мелехова // Современный русский фольклор. – М.: Наука, 1966. – С. 78-94.
8. Муллонен И. И., Захарова Е. В. Многослойная топонимия Кенозерья // Кенозерские чтения - 2011. Человек и среда: гармония и противоречия : сборник материалов V Всерос. науч.-практ. конф. – Архангельск, 2012. – С. 152–162.
9. Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. – СПб. : Наука, 2003. – 359, [1] с. : ил.
10. Новгородские былины / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. – М.: Наука, 1978. – 456 с.: ил.: ноты. — (Литературные памятники).

11. Сказки Кенского волочка : [сб.] / подгот., [вступ. ст. и прим.] Ю. И. Смирнов.– Архангельск : Кенозер. нац. парк : Правда Севера, 2004.– 139,[1] с., [8] л. цв. ил.

12. Сказки Кенского волочка...[сб.] / подгот., [вступ. ст. и примеч.] Ю. И. Смирнов; Кенозер. нац. парк.–Архангельск., 2019.– 168 с.

13. Смирнов Ю. И. О совместимости результатов разных наук в изучении Русского Севера // Культурное и природное наследие Европейского Севера : сб. / сост.: П. С. Журавлев [и др.]; отв. ред.: Н. М. Терехин, Е. Ф. Шатковская; Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, НП «Кенозерский».– Архангельск, 2009.– С. 426-431..

14. Смирнов Ю. И. Тяга земная // Кенозерские чтения – 2011. Человек и среда: гармония и противоречия : сборник материалов V Всерос. науч.-практ. конф.– Архангельск, 2012.– С. 172-193.

15. Смирнова М. А. Научное описание Мемориальной библиотеки Ю. И. Смирнова: открытия и проблемы // Кенозерские чтения – 2021. Заповедные земли Русского Севера в контексте социально-гуманитарных и естественно-научных исследований: сб. материалов X Всерос. науч.-практ. конф. / сост.: М. Н. Мелютина, С. И. Дровнина.– Архангельск, 2022.– С. 356-362.

16. Смирнова М. А., Мелютина М. Н. Труды ученых – участников кенозерских фольклорных экспедиций МГУ имени М. В. Ломоносова середины XX века в собрании Мемориальной библиотеки Ю. И. Смирнова // Культурное наследие Русского Севера: интерпретация смыслов: коллективная монография / ФГАОУ ВО «САФУ им. М. В. Ломоносова».– Архангельск, 2023.– С.65-86.

17. Смирнова М. А. Наставники и ученики Ю. И. Смирнова (по материалам его Мемориальной библиотеки) // Кенозерские чтения – 2023. Ландшафт Человека: исследования Русского Севера на перекрёстке наук.– Архангельск, 2023. (в печати)

18. Чернов С. З. Изучение Кенского волока // Археологические открытия 1979 г.– М., 1980.– С. 38-38.

19. Чудь в устной традиции Архангельского Севера / [сост., подгот. текстов, коммент., указ., слов. Н. В. Дранниковой]; под. ред. Н. В. Дранниковой.– Архангельск : Поморский ун-т, 2008.– 145, [2] с., [7] л. цв. ил.– (Фольклор Севера: материалы и исследования / ФАО, ГОУ ВПО «Поморский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова»; Вып. 3).

20. Ширококов И. Г. Отчет об антропологических исследованиях, проведенных в феврале 2010 г. в населенных пунктах Плесецкого района Архангельской области на территории Кенозерского национального парка : [рукопись] // Научный электронный архив ФГБУ « Национальный парк « Кенозерский».

Изучение и популяризация нематериального наследия затопленных деревень Белозерья через призму реконструкции свадебного обряда затопленного села Крохино

С. В. Гришина

*сотрудник Благотворительного фонда
«Центр возрождения культурного наследия «Крохино»,
г. Вологда*

Аннотация. Об актуализации нематериального наследия затопленных территорий Белозерья на примере комплексной реконструкции свадебного обряда затопленного села Крохино, включая воссоздание звучания песен, тексты которых известны по архивным документам, текста обряда и костюмов невесты, жениха и подружек невесты.

Ключевые слова: фольклор, этнография.

Реконструкция свадебного обряда Крохинского посада является частью программной деятельности Благотворительного фонда «Центр возрождения культурного наследия «Крохино» (далее – Фонд «Крохино») по сохранению исторической памяти и актуализации нематериального культурного наследия затопленных поселений Белозерья. Замысел проекта возник благодаря обнаружению в Российском государственном архиве литературы и искусства текстов свадебных песен, записанных в Крохино в 1902 году и хранящихся среди документов писателя Ивана Порошина, уроженца Крохинского посада. Идея восстановить звучание песен, некогда исполнявшихся в затопленном селе, привела к осознанию необходимости воссоздать обрядовый контекст и предметный ряд, связанный с обстоятельствами их исполнения – текст свадебного обряда и традиционный свадебный костюм.

Фонд «Крохино» с 2010 года занимается сохранением затопленного храма-маяка – церкви Рождества Христова в селе Крохино, расселённом и затопленном в 1964 году при строительстве Волго–Балтийского водного пути. Параллельно ведётся работа по сбору воспоминаний переселенцев из затопленных деревень Белозерья и их потомков, поиску архивных документов, рассказывающих об истории села, его жителях, традициях и фольклорном наследии этой территории. На протяжении нескольких лет фонд также формирует коллекцию артефактов, связанных с жизнью на затопленных территориях. Воспоминания, артефакты и документы послужат основой

для создания музея Незатопленных историй Белого озера, одними из центральных элементов которого станут реконструированные свадебные песни и свадебный костюм Крохинского посада.

Цель данного проекта – актуализировать нематериальное наследие затопленных сёл и деревень Белозерья через комплексную реконструкцию свадебного обряда затопленного села Крохино. Эта цель достигается за счёт решения следующих задач:

- реконструкция звучания свадебного песенного фольклора села Крохино в контексте свадебного обряда этой территории;
- реконструкция праздничного народного костюма села Крохино как неотъемлемого элемента свадебного обряда;
- популяризация результатов проекта.

К работе над проектом удалось привлечь признанных экспертов в сфере этнографии и этномузыкологии. Так, реконструкцию крохинских свадебных песен выполнила кандидат искусствоведения София Робертовна Кулёва (Вологда). Полную версию текста свадебного обряда Крохинского посада реконструировала кандидат филологических наук Елена Львовна Мадлевская (Санкт-Петербург). Костюмные комплексы невесты, жениха и подружек невесты создали мастера Студии традиционного костюма «Русские начала» под руководством Татьяны Робертовны Вальковой (Москва).

Реконструкция звучания свадебных песен с. Крохино.

Среди записей в фонде И. А. Порошина в РГАЛИ [1] – семь текстов крохинских песен. Четыре из них, как отмечает С. Р. Кулёва, можно обоснованно отнести к свадебным: «Ты река, наша реченька», «Что по сениям было, по сенечкам», «Что не яхонт по горнице катается», «Что у месяца рога золоты».

Корпус крохинских песен дополнен текстами, записанными в 1937 году Белозерской фольклорной экспедицией в соседнем селе Каргулино, также затопленном при строительстве Волго-Балта. Экспедиция проходила под руководством Виктора Михайловича Сидельникова, старшего научного сотрудника Государственного литературного музея, в ней участвовали студенты Московского института философии, литературы и истории Б. И. Богомолов, Е. И. Похмелкина, Г. И. Терентьев и Н. И. Чуканов. Записи экспедиции изучены по материалам, хранящимся в Российском государственном архиве литературы и искусства [2] и в архиве Государственного музея истории русской литературы им. В. И. Даля в Москве [3].

В итоге в ходе проекта были реконструированы девять свадебных песен, записанных в Крохино в 1902 году и в Каргулино в 1937 году, и один текст причитания невесты-сироты по матери на кладбище (1937 г.):

«Ты река, наша реченька» (1902, 1937 гг.);
 «Что по сениям было, по сенечкам» (1902 г.);
 «Что не яхонт по горнице катается» (1902 г.);
 «Что у месяца рога золоты» (1902, 1937 гг.);
 «Отставала лебедушка» (1937 г.);
 «От терема, сударь, до терема» (1937 г.);
 «Кудревчик, кудревчик мой» (1937 г.);
 «Во саду, было во садике» (1937 г.);
 «Што по речке-реке» (1937 г.);

Причитание невесты-сироты по матери на кладбище (1937 г.).

Основа реконструкции звучания этих песен – поиск и анализ их текстовых аналогов среди аудиозаписей, сделанных на ближайшей к сёлам Крохино и Каргулино территории экспедицией Ленинградской государственной консерватории в 1979 году. Материалы этой экспедиции составляют самое крупное из известных и доступных для исследования собрание звукозаписей, хранящееся в фонограммархиве Фольклорно-этнографического центра им. А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. В рамках проекта было получено разрешение на работу с ними.

2. ОТСТАВАЛА ЛЕБЕДЬ БЕЛАЯ
 Георг., с. Георгиевское, ФЭЦ: 864-34

Рис. 1 Реконструированная нотная запись песни «Отставала лебёдушка», выполненная в рамках проекта С. Р. Кулёвой

На основе аудиозаписей 1979 года С. Р. Кулёвой были выполнены нотации крохинских свадебных песен. Поиск напевов осуществлялся на территории всех деревень, находящихся в бассейне Белого озера. Можно отметить, что это единая культурно-этнографическая традиция, с одной стороны, отличающаяся локальным своеобразием, с другой – входящая в систему музыкально-этнографического комплекса севернорусского свадебного обряда. В рамках этого комплекса, с одной стороны, реализуется принцип формульности (политекстовый напев, использующийся в песнях с разными текстами) и, с другой стороны, механизм вариативности (один текст с разными напевами).

Для участия в озвучивании крохинских свадебных песен проведён конкурсный отбор профессиональных исполнителей аутентичного фольклора Вологодской области. С февраля по апрель в Вологде прошли репетиции и запись исполнения песен в студии звукозаписи. В дальнейшем крохинские свадебные песни будут размещены в свободном доступе на сайте Фонда «Крохино» (krokhino.ru), и их смогут услышать все желающие.

Реконструкция крохинского свадебного обряда

Реконструкцию возможной текстовой версии свадебного обряда села Крохино и ближайших селений Белозерского уезда Новгородской губернии в рамках проекта выполнила Е. Л. Мадлевская. Структура и текст обряда реконструированы на основе следующих источников:

- документальные описания свадебных обрядов соседних с Крохино деревень и сёл: Каргулино, Антушево, Есипово, Ростани, Старо-Никитское, Чикиево, Чулково, сделанных в 1937 году экспедицией В. М. Сидельникова [4];

- материалы, опубликованные в 1998 году С. Б. Адоньевой по свадьбе на Мегре (запад Белозерского района), зафиксированные сотрудниками Белозерского краеведческого музея, и записи по свадьбе территорий Георгиевского, Гулинского и Артюшинского сельсоветов Белозерского района, сделанные студентами филологического факультета ЛГУ в 1988, 1995 годах [5, 213–244];

- материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева по быту и обрядам крестьян Новгородской губернии, изданные в 2011 году [6], в том числе сведения о свадьбе в ряде волостей Белозерского уезда, собранные в начале XX века – тогда же, когда в с. Крохино были записаны свадебные песни, положенные в основу настоящего проекта.

Как отмечает Е. Л. Мадлевская, описания свадеб разных селений Белозерского уезда преимущественно совпадают по основным этапам и их очередности, лишь изредка кое-где встречаются узколокальные особенности. Тексты песен, записанные в Крохино

в 1902 году, бытовали широко на территории Белозерья, и это тоже позволяет считать, что крохинская свадьба вписывается в общую картину белозерской традиции.

На основе анализа указанных материалов Е. Л. Мадлевская выделяет следующие основные этапы белозерского свадебного обряда.

Всё начиналось со сватовства, за которым следовали смотрины дома жениха, сговор, богомолье, рукобитье, пропиванье девушки-невесты. К предсвадебным обрядам прощания невесты со своей прежней жизнью, девичьей волей относятся невестина баня, девишник, сдача девичьей красоты / воли (девичьего головного убора). Для стороны жениха канун свадебного дня знаменовался жениховой баней и мальчишником.

Утром в день свадьбы происходило ритуализованное бужение невесты с причетами, её благословение родителями. Невеста-сирота утром в день венчания посещала кладбище и причитала там, прося родителей благословить на брак.

Бужение жениха происходило под специальные песни, затем в его доме следовали застолье, благословение его родителями, затем поезд отправлялся к дому невесты. Перед входом в дом следовало испытание жениховой стороны, выкуп для жениха места около невесты и застолье для поезжан.

После трапезы родители невесты благословляли дочь и её жениха, и свадебный поезд отправлялся к венцу. После обряда венчания производилась смена прически новобрачной – с девичьей на женскую.

При встрече молодых у дома новобрачного совершали обряды, направленные на благополучие новой семьи: обсыпали молодоженов зерном, родители мужа благословляли их. На свадебном пиру молодая одаривала новую родню, а молодожёнов одаривали родственники и гости.

Постельный обряд, происходивший во время второй половины пирования, включал ритуализованный отвод на брачное ложе, его выкуп, обряды установления субординации в отношениях молодожёнов.

Второй день свадьбы начинался с бужения молодожёнов, затем для них устраивались баня и испытания, преимущественно для молодой. Родственники собирались в доме родителей молодой на «отводины». Здесь молодой совершал разнообразные символические действия, связанные с невинностью невесты.

Свадебный обряд Белозерья имеет мощную фольклорную составляющую: это и приговоры, и причитания, и песни разных жанров (протяжные, величальные, корильные), и загадки. Каждый из этих текстов исполнялся в определенной ситуации.

Текстовую версию крохинского свадебного обряда в рамках проекта не планируется «инсценировать», в первую очередь потому,

что территория его бытования сейчас изменилась до неузнаваемости и является, по сути, необитаемой. Всё, что осталось от некогда оживлённого села, – руинированный храм Рождества Христова, сохраняемый усилиями Фонда «Крохино» и его волонтеров. Однако это место сейчас оживает и заново «осваивается»: на территории бывшего Крохинского посада создаётся мемориальный парк, территория которого становится пространством памяти и создания новых смыслов.

Реконструкция крохинского свадебного костюма

Этнографических образцов свадебного костюма Крохинского посада не сохранилось, поэтому реконструкция производилась на основе сбора разрозненных описаний, содержащихся в документах этнографических экспедиций конца XIX – начала XX вв., а также на основе изучения предметов костюма близлежащих к Крохино населённых пунктов Белозерского и Кирилловского уездов Новгородской губернии, хранящихся в фондах музеев.

Предварительный отбор и анализ предметов производился по материалам, опубликованным на сайте Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации, а также на основе изучения специальных изданий: книги М. И. Васильева и С. Л. Васильевой «Новгородский костюм» [7], монографии Е. Л. Мадлевской «Женский головной убор кокошник» [8], иллюстрированной энциклопедии Н. Н. Сосниной и И. И. Шангиной «Русский традиционный костюм» [9].

Партнёром Фонда «Крохино» в этом проекте стала Студия по изучению, возрождению и развитию национальных традиций «Русские начала» (г. Москва). Основанная в 1999 году, она объединила мастеров, которые воссоздают народный костюм на основе детального изучения этнографических образцов, хранящихся в российских музеях. С 2009 года студией руководит Т. Р. Валькова, лауреат Премии Правительства РФ.

По приглашению Фонда «Крохино» мастера Студии побывали в Вологодской области и посетили Белозерский областной краеведческий музей (БОКМ) и Череповецкое музейное объединение (ЧерМО), где имели возможность познакомиться с фондовыми предметами, атрибутированными как происходящие из Белозерского уезда Новгородской губернии. Мастера также побывали в открытом хранении фондов Кирилло-Белозерского музея-заповедника (КБМЗ). В результате были выбраны тип, покрой, материал и цветовая гамма каждого из предметов женского и мужского костюмов и сформировано представление о костюмных комплексах.

При разработке эскизов костюмов учитывалось то, что за образец берётся традиционный костюм относительно позднего периода бытования – конца XIX века, когда усилилось влияние городской

моды, ведь Крохинский посад имел статус безуездного города, и быт крохинцев имел во многом городские черты. Поэтому для реконструкции праздничных костюмов решено использовать фабричную ткань, а не домотканое полотно.

Рис. 2 Девушки в народных костюмах. Фотография начала XX века из фондов Белозерского областного краеведческого музея (БОКМ-2612, ГК 25168175)

В качестве вдохновляющих образцов для создания костюмных комплексов взяты три фотографии. Образ невесты создавался с опорой на чёрно-белую фотографию начала XX века из фондов Белозерского областного краеведческого музея, на которой запечатлены три девушки в традиционных костюмах [10].

Основу костюмного комплекса невесты составили прямой сарафан из жаккардовой ткани на подкладе из хлопчатобумажной ткани и рубаха-воротушка из белого хлопчатобумажного полотна. Рисунок ткани сарафана подбирался с опорой на одну из иллюстраций из книги Васильевых «Новгородский костюм», а также на знаменитые фотографии девушек из Нижней Топорни С. М. Прокудина-Горского, сделанные в 1909 году [11].

Сарафан невесты сшит полностью на руках мастером Екатериной Багиной (Москва). В сарафане повторены детали кроя прямых сарафанов из фондов БОКМ: дополнительная треугольная деталь

для оформления перепада длины между передней и задней частями сарафана и планка, пришитая по верху сарафана, продублированная с изнанки льняной тканью; эта деталь служит для оформления верха сарафана, собирая мелкие складки и придавая форму.

Традиционный пояс в костюме невесты заменила широкая лента с клетчатым рисунком, закреплённая по верхнему краю сарафана, длинные концы которой свободно спускаются спереди. Эта черта костюма заимствована с указанной выше фотографии из фондов БОКМ. По наблюдениям Т. Р. Вальковой, подобные украшения с символической функцией пояса встречаются и в костюмах других территорий, например, города Торопец Псковской губернии. Возможно, это «симптом» утраты традиции, или же пояс мог не использоваться в праздничных нарядах из дорогой ткани, которую не хотели мять.

В костюме невесты и двух её подружек входит рубаха-воротушка с круглой кокеткой. Это нерациональный с точки зрения экономии ткани крой, однако он был популярен в Белозерском уезде, свидетельствуя чему – немалое количество подобных рубаш в коллекциях БОКМ и ЧерМО. В качестве отделки использовано мерное кружево, а также машинная строчка – судя по музейным образцам, она часто применялась в создании традиционного костюма в конце XIX века.

Три костюма подружек невесты сшиты по той же схеме, но в более упрощённом варианте. Так, сарафаны из хлопчатобумажной ткани выполнены без подклада, но с подпушкой, усиливающей нижний край изделия. Цветовая гамма этих костюмных комплексов подбиралась с опорой на музейные образцы. Дополняют костюмы подружек плетёные пояса, выполненные с ориентацией на образцы из фондов БОКМ.

Главным и самым дорогим предметом традиционного свадебного костюма является головной убор – в белозерском фольклоре он носит название «девичья краса́та». Это название встречается, например, в текстах свадебных обрядов, записанных в 1937 году в деревнях Белозерского района Антушево [12, л. 3], Старо-Никитское [13, л. 12] и Ростани [14, л. 29, 34]. Предметы с таким названием в фондах БОКМ и ЧерМО имеют разную форму: это либо замкнутая в круг неширокая полоса плотного материала из нескольких слоёв проклеенной бумаги и ткани, либо высокая, слегка изогнутая коруна С-образной формы на той же основе. Подобные коруны надеты на головах у девушек на фотографии из фондов БОКМ. Однако головные уборы такого типа в большом количестве воссоздаются сегодня, и мастера Студии «Русские начала» приняли решение реконструировать убор первого типа – девичью повязку. Выполнила её мастер Сусанна Савинюхова (Москва).

Форма реконструируемой повязки традиционна, подобные предметы в представлении в фондах БОКМ и ЧерМО. За образец рисунка прорезного узора взята девичья повязка из частного музея в Бубновской школе в деревне Артюшино Белозерского округа Вологодской области. Украшает повязку вышивка битью по настилу из тонкой бели, выполненная по холсту. Розетка из лент на затылочной части повязки, бисерная поднизь по нижнему краю, а также длинный «хвост» из широкой парчовой полосы и нескольких лент разного цвета и ширины выполнены по образцу девичьих повязок из фондов БОКМ.

Реконструированные девичьи костюмы будут включать и украшения. Так, образ невесты дополнит бисерный шнур, или гайтан, воссозданный с опорой на фото из фондов БОКМ. Выполнила его мастер Анна Анисимова (Москва). Подобные украшения представлены в экспозиции КБМЗ, и местом их происхождения предположительно указан Горицкий монастырь. По опыту Студии «Русские начала», очень похожие аксессуары встречаются на территории разных губерний, и у мастеров возникло предположение, что они могут происходить из одного центра кустарного производства. Вопрос о том, мог ли быть таким центром Горицкий монастырь, планируется изучить в дальнейшем. Шейные украшения изготовлены и для подружек невесты: это ожерелки из рубленого перламутра и ожерелье из выдувных винтажных бусин, подаренные проекту мастером Татьяной Самошкиной (Москва).

Образ жениха был «найден» на двух цветных фото, сделанных С. М. Прокудиным-Горским в окрестностях Крохино в 1909 году [7], во время его путешествия по Шексне. Прототип крохинского жениха – светловолосый молодой мужчина в картузе и фиолетовой рубахе, сидящий в центре группы крестьян на каждой из фотографий. Его костюм также сшит из фабричных тканей. Для рубахи подобран тёмно-бордовый сатин, созвучный по цвету и фактуре сарафану невесты, а поверх рубахи жених повяжет плетённый пояс и наденет жилет. Ещё одним атрибутом городской моды станут штаны из чёрного плиса, заправленные в высокие сапоги, а голову жениха украсит новый картуз, сшитый по старинным лекалам мастером Олегом Тульниковым (Санкт-Петербург).

Для популяризации реконструированных костюмов и крохинских свадебных песен в Крохино будут организованы фотосессия и презентация созданных костюмов, а также локальный фестиваль «Голоса на болотах». Эти события, как и другие тематические мероприятия в рамках проекта, призваны продемонстрировать не только возможности воссоздания утраченного локального нематериального

наследия, но и актуализировать его в контексте современной социокультурной ситуации.

Список литературы:

1. РГАЛИ. Ф. 393. Оп. 2. Ед. хр. 2.
2. РГАЛИ. Ф. 1415.
3. ГЛМ. Кп 50715/264 ФА инв.264.
4. РГАЛИ. Ф. 1415. Оп. 1. Ед. хр. 5, 7, 8, 10, 11, 13, 35.
5. Адоньева С. Б. Белозерская свадьба // Белозерье: краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: «Легия», 1998.
6. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Новгородская губерния. т. 7. Часть 1. СПб., 2011.
7. Васильев М. И., Васильева С. Л. Новгородский традиционный костюм. – СПб.: Искусство-СПБ, 2010.
8. Мадлевская Е. Л. Женский головной убор кокошник. – Москва, 2022.
9. Соснина Н. Н., Шангина И. И. Русский традиционный костюм : иллюстрированная энциклопедия. – СПб.: Искусство-СПБ, 2006.
10. Государственный каталог Музейного фонда российской Федерации. [электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=25315882> (дата обращения: 31.03.2024).
11. Открытый исследовательский проект «Наследие С. М. Прокудина-Горского». [электронный ресурс]. URL: <http://www.prokudin-gorskiy.ru/image.php?ID=2101> URL: <http://www.prokudin-gorskiy.ru/image.php?ID=2100> (дата обращения: 31.03.2024).
12. РГАЛИ. Ф. 1415. Оп. 1. Ед. хр. 10.
13. РГАЛИ. Ф. 1415. Оп. 1. Ед. хр. 13.
14. РГАЛИ. Ф. 1415. Оп. 1. Ед. хр. 35.
15. Открытый исследовательский проект «Наследие С. М. Прокудина-Горского». [электронный ресурс]. URL: <http://prokudin-gorskiy.ru/image.php?ID=2095>. URL: <http://prokudin-gorskiy.ru/image.php?no=1068> (дата обращения: 31.03.2024).

Опыт организации охраны памятников истории и культуры в Архангельской области в 1965-1985 гг. (по материалам фонда Архангельской областной организации ВООПИиК)

В. Г. Трофименко

*кандидат исторических наук,
заместитель директора ГБУАО «ГААО»*

Аннотация. Вторая половина 1960 – начало 1980-х гг. вошли в постсоветскую отечественную историографию как «эпоха застоя», когда духовная и интеллектуальная жизнь страны были подчинены строгому диктату КПСС, всякое инакомыслие подавлялось, а творческие силы занимались исключительно обслуживанием потребностей номенклатуры, создавая произведения в духе социалистического реализма. Однако эта эпоха была и временем организованного учета и сохранения памятников истории и культуры народов страны. Автор данной статьи имеет цель изучить представленный в документах архивного фонда областной организации ВООПИиК опыт по организации местного населения для обеспечения сохранности памятников на территории Архангельской области.

Ключевые слова: ВООПИиК, памятники культуры, региональное историческое наследие.

Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (далее – ВООПИиК) было организовано в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 23 июля 1965 г. № 882. Главными целями данной организации должны были стать: привлечение широкой общественности к активному участию в защите памятников, распространение знаний о них среди населения и воспитание на этой основе коммунистической идейности, любви к Родине, уважения к ее истории, к труду и таланту народа [2, Л. 187].

Нижестоящие советские органы в регионах начали активно создавать свои отделения общества. Так же и у нас уже 19 августа 1965 г. было принято соответствующее решение Архангельского областного исполнительного комитета № 707 об организации Архангельского отделения общества [1, Л. 286]. Учредительная конференция отделения состоялась 21 декабря 1965 г., в Архангельске. В ней приняли участие 77 делегатов и 63 приглашенных лица. На конференции был избран Совет областного отделения из 29 чело-

век, 5 членов ревизионной комиссии и 5 делегатов на Всероссийский учредительный съезд общества [1, Л. 242-249].

Председателем президиума Совета отделения был избран ректор Архангельского педагогического института, Г. Г. Фруменков, его заместителем – краевед П. В. Витков, секретарем – начальник Архангельской специальной научно-реставрационной мастерской В. А. Лапин. Кроме них в состав президиума вошли еще шестеро членов Совета [2, Л. 180].

За учредительной конференцией в областном центре последовал созыв таких же конференций в городах и районах области, завершившихся созданием 22 районных и городских (и одного окружного) отделений ВООПИиК [2, Л. 143].

На заседании Совета, состоявшемся 14 января 1966 г. было принято решение об организации в областном отделении 7 секций:

- организационной;
 - секции памятников Революции, Гражданской войны, воинской и трудовой славы;
 - секции памятников архитектуры;
 - секции художественных промыслов, живописи, фольклора и письменности;
 - секции музеев, археологии и исторических заповедников;
 - секции издательств и пропаганды;
 - секция экскурсионно-туристическая и работы с молодежью
- [2, Л. 170].

Состав и название секций периодически менялись, например, к 1968 г. их осталось всего четыре: «исторических памятников», «памятников изобразительного и народного искусства», «пропаганды памятников» и «молодежная» [2, Л. 62-66].

За первые пять лет существования областное отделение общества значительно разрослось: в регионе насчитывалось 33 тыс. индивидуальных и более 400 коллективных членов, состоявших в 506 первичных организациях. На 1 января 1977 г., т. е. через 10 лет после учредительной конференции, в Архангельской области насчитывалось 96 636 индивидуальных и 554 коллективных члена организации, объединенных 785 первичными организациями [8, Л. 61-96]. На 1 января 1985 г. индивидуальных членов в регионе насчитывалось 178 243 человека, коллективных членов – 443, первичных организаций – 1174, районных и городских отделений – 28.

Теперь рассмотрим подробнее то, какую деятельность вело Архангельское областное отделение общества, каким образом эта деятельность финансировалась, и какой отклик находила в сердцах северян.

В своем докладе на III отчетно-выборной конференции областного отделения (1970 г.) его председатель, Г.Г. Фруменков, указывал, что его работа подверглась «резкой, но справедливой критике... на бюро обкома КПСС», «отмечено, что низка роль областного и местных отделений общества в выявлении, сохранении и пропаганде памятников истории и культуры» [1, Л. 26]. Руководство отделения и само понимало, что «первое двухлетие нашей деятельности было крайне неудачным. Из 22 районных отделений работали только 10, а остальные 12 отделений не подавали признаков жизни» [1, Л. 27].

На хорошем счету были несколько районных и городских отделений. Северодвинское отделение, до 1967 г. практически бездействовавшее, удалось вывести в лидеры за счет заинтересованности местных властей – горкома КПСС и горисполкома. За счет местного бюджета был нанят деятельный ответственный секретарь, А. И. Колупаева. Новый состав совета городского отделения провел активную пропагандистскую работу, благодаря которой уже ко II конференции оно стало по всем показателям лучшим в области. В марте 1970 г. в Северодвинске был открыт для посетителей «народный краеведческий музей», ставший центром пропагандистской работы отделения, а также и центром притяжения краеведов [1, Л. 28]. Но и задачи перед отделением стояли незаурядные: «добиться освобождения и консервации одного из древнейших памятников архитектуры Беломорья – комплекса сооружений Николо-Карельского монастыря», «принять меры по сохранению и благоустройству комплекса архитектурных памятников древнейшего новгородского посада – Неноксы», «обследовать ближайшие поморские села, в которых можно собрать много интересных предметов старинного быта поморов» [1, Л. 29].

В противоположность северодвинскому отделению, Архангельское городское отделение общества на конференции 1970 года обвинялось в том, что оно «пока еще робко ставит» насущные вопросы деятельности по охране памятников перед партийными и советскими органами. Членами общества являлись всего лишь 1,2 % населения города, и первичных организаций создано всего 59. Поэтому отделению предписывалось:

1. «Создать при Совете коллектив знатоков истории народа для чтения лекций и докладов о культурно-исторических ценностях Архангельска и систематически проводить их во всех учреждениях, предприятиях и учебных заведениях города;

2. Создать авторский коллектив для составления буклетов, листовок и статей, знакомящих население с памятниками и памятными местами Архангельска.

3. Добиться решения горисполкома о сохранении остатков исторических зданий и сооружений старого Архангельска, для чего

дать мотивированное объяснение значения их, для изучения прошлого нашего города.

4. Сохранить и привести в порядок все памятники известных мореходов, кораблестроителей, деятелей науки и техники, героев революции и гражданской войны, имеющиеся на городских кладбищах, для чего организовать над ними постоянное шефство первичных организаций.

5. Добиться приведения в порядок всех имеющихся мемориальных досок и решить вопрос об изготовлении новых на всех памятных местах истории города.

6. Ускорить создание музея-заповедника деревянного зодчества в Малых Корелах. Поставить вопрос перед министерством культуры РСФСР о выделении для этой цели необходимых ассигнований – как минимум 200 тыс. руб. Для освоения этих средств потребуются укрепление художественно-реставрационной мастерской. И этот вопрос нужно ставить и решать» [1, Л. 30-31].

Что касается деятельности Каргопольского районного отделения, то оно, как и большинство других отделений, на конференции 1970 г. обвинялось в пассивности. Секции Совета отделения, «кроме секции охраны памятников, работали неудовлетворительно». Не был создан «актив краеведов-знатоков истории Каргополя – для чтения лекций на темы местного краеведения, и таких лекций проведено только пять». Задачи же для отделения были поставлены не менее масштабные, чем для их коллег из крупных городов: «решить вопрос о разумном использовании всех имеющихся в районе архитектурно-исторических памятников и не допускать их порчи арендаторами», «принять меры к сохранению имеющихся в районе археологических памятников», «разработать мероприятия по организации приема большого потока туристов в Каргополь и его окрестности», «организовать сбор у населения документов по истории Каргополя и предметов старинного быта и художественных промыслов» и «организовать актив краеведов для разработки и чтения лекций» [1, Л. 33].

Справедливости ради скажем, что в большинстве районов дела обстояли на 1970 год еще хуже, «в шести отделениях были только слабые начатки деятельности и семь советов... почти совсем бездействовали». И вообще, как резюмировал Г. Г. Фруменков «к великому нашему сожалению и стыду... Архангельское областное отделение общества в организационном и финансовом отношении занимает по Российской Федерации одно из последних мест» [1, Л. 37].

Само областное отделение активно занималось изучением вопроса сохранения памятников. В частности, секция памятников архитектуры, под руководством В. А. Лапина (директор научно-ре-

ставрационной мастерской), составила карты районов области, на которые было нанесено расположение памятников, сделала карту-схему туристических маршрутов для изучения памятников окрестностей Архангельска с включением Холмогорского района, изготовила альбом и макет музея-заповедника памятников деревянного зодчества под Архангельском, составила список 300 культовых и гражданских сооружений области для принятия их под государственную защиту, составила тексты для 50 мемориальных досок для памятников архитектуры и начала их изготовление [1, Л. 38].

Секция охраны памятников древнерусского и народного искусства (руководитель – М. В. Миткевич), состоявшая преимущественно из сотрудников музея изобразительных искусств, завершила работу по проверке состояния культовых зданий, организовывала экспедиции в районы области и сбор произведений древнерусской живописи, скульптуры, прикладного искусства и книг [1, Л. 39].

Секция пропаганды (руководитель – П. В. Витков) опубликовала в газетах «Правда Севера» и «Северный комсомолец» 80 статей и заметок, посвященных охране памятников. Северо-Западное книжное издательство, при активном содействии директора издательства и члена секции пропаганды Б. С. Пономарева, выпустило пять путеводителей-буклетов о памятных местах и памятниках Мезени, Пинеги, Красноборского района, Соловков и о Гостином дворе Архангельска [1, Л. 40].

Молодежная секция, которую возглавлял секретарь обкома ВЛКСМ Б. А. Гагарин, начала работать при областном Совете после II отчетно-выборной конференции 1968 г. Ее активисты занимались обустройством памятников Ленину, сбором документальных материалов о героях Революции и Гражданской войны на Севере, проводили походы по местам боевой славы.

Историко-краеведческая секция под руководством А. А. Курадова, в состав которой входили сотрудники краеведческого музея, составила 150 паспортов на известные археологические памятники Архангельской области, проводила археологические раскопки в Орлецах и обследовала старые раскопки на Соловках и в других местах побережья Белого моря [1, Л. 41].

Иными словами, пять из пяти секций, в сущности, были «прикрытием» профессиональных организаций, которые просто продолжали делать то, что и так делали бы. Реставраторы изучали памятники, работники музеев исследовали предметы своей компетенции, журналисты писали статьи, издатели издавали книги, комсомольцы занимались коммунистическим воспитанием молодежи. Просто в областном центре все эти профессиональные кадры были в нужном

количестве и качестве, и на фоне этого претензии к районам, в которых все держалось на энтузиазме немногих, выглядели результатом завышенных ожиданий.

В прениях по итогам доклада, которые нашли свое отражение в протоколе, многие представители районов отмечали недостаточное методическое руководство со стороны Совета отделения, в то время как представители Центрального Совета, приехавшие на конференцию из Москвы, отмечали, что «успех будет, если все пойдет от местных органов, а не с Центра», а секретарь обкома КПСС В. Ф. Виноградов отметил, что «нет у нас таких организаций, которые бы могли отказать обществу» [1, Л. 47].

Насчет последнего заявления товарища Виноградова следует внести поправку, что так было не всегда и не во всем. При начале своей деятельности областное отделение прямо писало в Центральный Совет, например, что организационные документы, направленные Советом 5 июля 1966 г., «пролежали в Управлении культуры 18 дней (с 4 августа по 22 августа) из-за формального отношения к делу работников Управления», что «Управление культуры и Облисполком отказываются печатать наши документы, а собственных средств и фондов бумаги у нас нет» [4, Л. 33].

Естественно, общество не могло, да и не должно было рассчитывать только на «партийные и советские органы», у которых и без него была масса важных дел. Общественный характер организации и предполагал активное участие всего социума в деле охраны памятников. Поэтому в начале 1970-х гг. стало широко развиваться и популяризироваться шефское движение. В постановлении III Пленума областного совета ВООПИиК (5 апреля 1973 г.) указано, что в период смотра памятников истории и культуры, приуроченного к 50-летию создания СССР, «во многих районах области были созданы комиссии с участием представителей местных отделений Общества, которые обследовали состояние памятников советского периода, проверили выполнение решений рай/гор исполкомов шефствующими организациями, составили рекомендательные письма о необходимости проведения шефами ремонтных и благоустроительных работ» [5, Л. 24]. Пленум постановил, согласно решениям II съезда Общества, ввести во всех местных отделениях индивидуальное шефство над памятниками архитектуры, а также общественную инспекцию, контролирующую правильность выполнения арендно-охранного договора. Для крупных объектов, таких, как только что открытый музей-заповедник «Малые Карелы», предполагалось даже шефство нескольких организаций. Пленум постановил просить о принятии шефства над музеем руководство «городского

ремонтно-строительного треста, экспериментально-производственного завода «Красный Октябрь», областного дорожно-строительного треста, Архангельского лесхоза, Управления профтехобразования, Архангельского педагогического института им. Ломоносова, городского комитета ВЛКСМ, и центрального научно-исследовательского института механической обработки древесины» [5, Л. 26].

Помимо такого инструмента, как институт шефства, широко применявшегося в советскую эпоху, в обществе применяли и методы социалистических соревнований (соцсоревнований). Например, Котласское отделение общества взяло на себя такие «социалистические обязательства» на 1974 г.: «силами первичных организаций общества провести не менее десяти субботников по благоустройству памятников и территорий, прилегающих к ним», «подготовить лекцию «Исторические памятники города и района» и силами актива общества провести на предприятиях, в колхозах, совхозах и школах не менее 15 выступлений на эту тему. Совместно с экскурсионно-туристическим бюро провести к памятникам истории и культуры не менее 15 экскурсий», создать «30 новых первичных организаций общества», «вовлечь в общество не менее 1000 новых членов», «досрочно выполнить годовой финансовый план», «подготовить 10 корреспонденций по вопросам памятников истории и культуры», «вызвать на социалистическое соревнование совет Каргопольского отделения ВООПИиК» [7, Л. 1-2]. Сам совет Архангельского областного отделения при этом вызвал на соцсоревнование вологодских коллег. Документы свидетельствуют о том, что социалистические обязательства было выполнить далеко не просто. Некоторые пункты (например, намеченное количество привлеченных членов) так и оставались невыполненными по итогам года.

Кроме того, общество периодически проводило разнообразные смотры и конкурсы, что тоже вносило элемент соревновательности в работу отделений. Так, в 1975-1976 гг. Управление культуры облисполкома и руководство областного отделения разослало всем заведующим отделами культуры райисполкомов, директорам музеев и районным отделениям общества сообщение «Об опыте работы Северодвинского отдела культуры и городского отделения ВООПИиК по организации смотра памятников истории советского Общества». В процессе этого смотра «все памятники истории советского общества взяты на учет, обследованы, составлено техническое и художественное описание, проведена фотофиксация. За каждым памятником, мемориальной доской, памятным местом и улицей, носящей имя героя, закреплены шефы, которые полностью ответственны за состояние, уход и благоустройство порученных им объектов». Помимо

этого, в сообщении указано, что «традиционным стал фотоконкурс... В год 60-летия Советской власти он проходит под девизом «Мой труд вливается в труд моей республики» [8, Л. 1-2].

Особое внимание уделялось подготовке молодых кадров. В марте 1985 г. было утверждено «Положение о проведении городских соревнований по экскурсионному ориентированию среди школьников, посвященных 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, 65-летию освобождения Севера от интервентов». К соревнованию допускались команды школ г. Архангельска, составленные из 5 человек (2 мальчика, 2 девочки и 1 представитель школьного отряда юных инспекторов движения), учеников 6-7 классов. Каждая школа имела право выставить только две команды [9, Л. 11-12].

Финансирование организации было определено штатным расписанием, утвержденным заместителем председателя президиума Центрального Совета ВООПИиК 21 декабря 1966 г. Согласно штатным расписаниям региональному отделению был положен 1 ответственный секретарь (110 руб. в месяц), 1 старший бухгалтер на правах главного (80 руб. в месяц), 11 ответственных секретарей районов (по 90 руб. в месяц), 2 ответственных секретаря городских отделений (по 90 руб. в месяц) [3, Л. 1]. В 1967 г. численность персонала Архангельского областного отделения составляло пятнадцать человек, на зарплату уходило 16 320 руб., 400 руб. было израсходовано на командировочные расходы.

Общество собирало вступительные и членские взносы. Например, за 1967 г. Архангельским отделением было собрано 7500 руб. вступительных взносов (по 15 коп.), 15 000 руб. членских взносов по 30 коп., и 5000 членских взносов по 10 коп., а также 2000 руб. вступительных взносов коллективных членов. За членские билеты (по 15 коп.) было уплачено 15 000 руб., за значки общества (по 20 коп.) – 20 000 руб. [3, Л. 6]. Но эти билеты и значки отделение делало не само, оно закупало их, и это была одна из основных статей расхода (27 500 руб. ушло на заказ членских билетов, значков, литературы и инвентаря). Расходы на консервацию, реставрацию и благоустройство памятников культуры составили еще 7000 руб., 1500 руб. ушло на мероприятия (лекции, выставки, печать буклетов, проведение экскурсий). Центральный Совет общества получил 25 % отчислений от вступительных и членских взносов. Вообще все доходы общества, от членских взносов до доходов с продажи изданий, распределялись так, что районное (городское) отделение получало 50 %, а областное (краевое, республиканское) и Центральный Совет – по 25 % [4, Л. 47].

Можно сказать, что общество на тот момент не было убыточным: доход составлял 64 500 руб., расход – 62 345 руб. 240 коп. [3,

Л. 8]. Этого, конечно, не могло хватить на действительно масштабные проекты.

При Центральном Совете общества был создан фонд реставрации памятников. Из этого фонда в конце 1960-х гг. было выделено около миллиона рублей на благоустройство важнейших исторических памятников, «в том числе 170 тысяч рублей было выделено нашей области на благоустройство Соловков» [1, Л. 26]. Была даже попытка создать собственное отделение на Соловках, но «местные организации заповедного уголка Севера не поняли этого дела и никакой организационной работы не провели» [1, Л. 27].

Средства, выделяемые Центральным Советом, расходовались на реставрацию и консервацию памятников довольно активно, о чем говорят отчеты, регулярно предоставлявшиеся отделением общества. Так, за 1975 г. было потрачено на Петропавловскую церковь в селе Ратонаволоок Холмогорского района 14 832 руб., Егорьевскую церковь в селе Лядины Каргопольского района 17 574 руб., Покровскую церковь в том же селе – 9623 руб. Кроме этого, на Музей-заповедник, а конкретно – на Вознесенскую церковь, дом Щеголева, дом Пуховой и дом Турובה – 85 180 руб. На объекты каменного зодчества Соловецкого монастыря ушло 128 791 руб., на Холмогорский монастырь – 34 308 руб. [6, Л. 1-2].

На 1 января 1986 г., на конец рассматриваемого периода, в Архангельской области насчитывалось 28 районных и городских организаций ВООПИиК, 1252 первичных организации, 443 коллективных члена и 184 374 индивидуальных члена, что составляло 12,6 % населения области. Наиболее многочисленные (и с большим охватом населения) отделения были в Северодвинске (каждый пятый житель города был членом общества), Новодвинске и Архангельске (Ломоносовское и Октябрьское отделения). Однако членские взносы уплачивались не так регулярно, как хотелось бы руководству – лишь 80 % членов уплатили взносы в 1985 г. В некоторых районах менее половины членов общества внесли свою плату, но финансовый план был все равно перевыполнен за счет того, что остальные члены сдали больше, чем должны были. В итоге поступило в казну общества 52 000 руб. [10, Л. 3-4].

В заключение хочется отметить, что документы, находящиеся на хранении в Государственном архиве Архангельской области, в фонде отделения ВООПИиК, дают возможность оценить вклад членов и руководителей этой организации в деятельность по сохранению культурно-исторического наследия нашего края. Объем статьи не позволяет раскрыть это в полной мере, но та работа, которая была проведена общественниками в годы так называемого «застоя»,

позволила нашему обществу сохранить память о прошлом, что говорит о том, что поколение 1960 – 1980-х годов вовсе не являлось равнодушными свидетелями упадка советского общества, а состояло из людей, искренне веривших в светлое будущее своей Родины. Конечно, было не без исключений из этого правила, но в целом был настрой на будущие поколения, для которых было необходимо сохранить наследие предков.

Список литературы:

1. ГААО. Ф. 2614. Оп. 1. Д. 5.
2. Там же. Д. 6.
3. Там же. Д. 29.
4. Там же. Д. 32.
5. Там же. Д. 88.
6. Там же. Д. 109.
7. Там же. Д. 110.
8. Там же. Д. 126а.
9. Там же. Д. 263.
10. Там же. Д. 264.

«Спасти и сохранить...»: формирование губернского архивного фонда в Архангельской губернии в 1922–1924 годах

Е. О. Студенцова

*главный архивист отдела
публикации и использования документов
Государственного архива Архангельской области
г. Архангельск*

Аннотация. В статье рассказывается о формировании Губернского архивного фонда в Архангельской губернии. Архивы многих дореволюционных учреждений и организаций на 1922 г. находились в плачевном состоянии. Сваленные бесхозно на чердаки, в подвалы, сараи, они разворовывались и погибали. Благодаря созданному в августе 1922 г. архивному отделу удалось спасти и сохранить многие архивы.

Ключевые слова: централизация архивной службы, Губернский архивный фонд, Архангельская губерния, архивный отдел, архивное бюро, ведомственные архивы, Д. С. Соколов.

До июня 1918 г. в России не существовало централизованной архивной службы. Все присутственные места, губернские учреждения и прочие организации имели свои ведомственные архивы. Они располагались в отдельных, специально приспособленных помещениях и находились в ведении архивариусов. Декрет СНК РСФСР от 1 июня 1918 г. положил начало организации и централизации в стране архивного дела. Все архивы правительственных учреждений были ликвидированы, а хранящиеся в них дела и документы до 25 октября 1917 г. образовали Единый государственный архивный фонд. На местах создавались Губернские архивные фонды (ГАФ). В Москве был создан Главархив в составе Народного комиссариата просвещения РСФСР.

Становление централизованной архивной службы в Архангельской губернии, как в целом и по стране, происходило в сложных условиях. У нас на Севере этому процессу помешала начавшаяся в августе 1918 г. иностранная военная интервенция, совпавшая с Гражданской войной. От этого пострадали все без исключения архивы: многие из них лишились своих помещений, произошла смена заведующих, учреждения то закрывались, то вновь открывались при смене власти. На архивы не обращали никакого внимания. Организация централизованной архивной службы в Архангельской

губернии началась лишь после её освобождения от белогвардейских войск в феврале 1920 г.

В апреле 1920 г. в составе отдела музеев и охраны памятников старины и искусства Архгубпроса было образовано губернское архивное управление, исполнял должность заведующего начальник отдела музеев К. Н. Любарский. Из Главархива в Архангельск в помощь ему был командирован старший инспектор А. Ф. Изюмов. Но в июле 1920 г. Кассиан Николаевич был арестован за «контрреволюционную деятельность» и вскоре расстрелян. Исполняющим должность заведующего ГАФ был назначен в октябре 1920 г. Василий Васильевич Ивановский, секретарь подотдела национальных меньшинств Архгубпроса. В конце марта 1921 г. он был освобождён от занимаемой должности по собственному желанию. Оказавшись в сложной ситуации, без специальных знаний, денежных средств, квалифицированных сотрудников и помощи из Москвы, он не смог в одиночку справиться с возложенными на него обязанностями. В октябре 1921 г. он был принят на должность заведующего архивом бывшего губернского правления [9. с. 59-60].

В январе 1922 г. Главархив Наркомпроса РСФСР был преобразован в Центральное управление архивным делом (Центрархив) при ВЦИК. 16 июня губернское архивное управление было преобразовано в губотдел Центрархива РСФСР, став самостоятельным отделом Архангельского губисполкома. Архангельский губернский архивный отдел был сформирован в августе 1922 г.: заведующим стал Александр Георгиевич Сабельников, исправляющим должность заведующего научно-организационным подотделом Дмитрий Семёнович Соколов [1. л. 12].

В. В. Ивановский был уволен с должности. Отчётов о работе архивного управления и своей работе в должности заведующего бывшим губернским архивом он не составлял и занимался изучением материалов по истории края в XVIII в. Некоторые учреждения пытались сдать ему свои архивы, на что В. В. Ивановский «обыкновенно отвечал, что за неимением у него помещения, он не может принять их в свое ведение» [2. л. 32]. Таким образом, за два года существования архивного управления к формированию ГАФ было не приступлено. В этот период произошла полная или частичная утрата некоторых архивов.

Главная причина гибели многих архивов и документов заключалась в остром дефиците бумаги. Многие учреждения за получением чистой бумаги обратились к своим архивам. Оставшиеся от вырезок дела, как расформированные, уже не могли сохраняться и потому уничтожались, сжигались или продавались в лавках на обёртку. Важную роль играл и человеческий фактор: руководи-

тели и сотрудники, в ведении которых находились архивы, не рассматривали их как ценный исторический источник, считали, что если прежние учреждения прекратили своё существование, то их архивы никому не нужны, их можно и даже нужно уничтожать [2. л. 32].

Первым делом архивный отдел разработал, а 30 августа 1922 г. губисполком утвердил и опубликовал в газете «Волна» обязательное постановление, согласно которому все учреждения, организации и частные лица обязаны были сообщить отделу в 10-дневный срок обо всех имеющихся у них старых архивах. Постановление обязывало такие архивы сохранять от расхищения и «атмосферических явлений» [2. л. 20, 32об].

Вскоре стали поступать сообщения от учреждений. Сразу же сотрудники архивного отдела осматривали архивы и брали их на учёт. Выявлением архивов занимались и сотрудники отдела. Не все организации смогли быстро предоставить сведения. Так, губернский отдел социального обеспечения 18 сентября 1922 г. сообщил, что к составлению списка архивных дел приступили, но не закончили «по причине отсутствия канцелярских работников и других срочных работ» [3. л. 15]. Они обещали незамедлительно предоставить список, как только он будет составлен. Некоторые крупные учреждения, такие как губернский отдел юстиции (губюст), отдел народного образования (губоно), финансовый отдел (губфинотдел), комиссариат по военным делам тянули с ответами. Им были сделаны повторные распоряжения.

При осмотре архивов открылась печальная картина их состояния. Некоторые из них находились более или менее в порядке. Например, архивы бывших губернского правления и губернатора (они находились в бывшем архиве губернского правления, занимавшего часть одноэтажного здания бывших соляных складов, примыкавшего к северной башне Гостиного двора), духовной консистории, учреждений епархиального ведомства, таможенного округа. В архивах окружного суда и судебных учреждений (верхний этаж северной башни Гостиного двора) порядка наблюдалось меньше: многие дела были не разобраны и валялись на полу [2. л. 20об]. Нижний этаж башни занимал архив бывшей контрольной палаты. Там же случайно были обнаружены дела Беломорского военного округа, которые, очевидно, были перевезены туда без официальной сдачи и описей. Дела двух архивов были свалены на пол в хаотичном беспорядке. Помещение подходило для хранения архивных материалов, а его размеры позволяли перевозить в него и другие архивы, но оно было не оборудовано стеллажами и полками. [2. л. 20об; 3 л. 75об].

Большинство же архивов находились в полном беспорядке. Они были вынесены из ранее занимаемых помещений и находились на чер-

даках, в подвалах, сараях, конюшнях, кладовых, валялись в тёмных углах канцелярий и др. неприспособленных помещениях, подвергались порче и расхищению. Например, на чердаке сарая при здании губфинотдела находились архивы коммерческого и ассигнационного банков, архив Государственного банка также находился на чердаке, но уже в самом здании губфинотдела [2. л. 33]. Части одного и того же архива иногда находились в разных местах (например, архив бывшего Управления земледелия и государственных имуществ находился частично в здании губземуправления, частично на чердаке здания ОГПУ [2. л. 21], архив контрольной палаты также находился в нескольких местах), архивы сохранились не в полном объёме, многие из них включали в себя дела преимущественно последних десятилетий.

При губисполкоме находились архивы городской и Архангельской уездной полиции, врачебного отделения губернского правления, губернского казначейства. Полицейский архив находился в деревянном, не запирающемся сарае. Дела были «свалены в груды и в большинстве расформированы, разбиты и составляют море из отдельных листков: словом архив представлял собою бумажную массу» [2. л. 32об]. Когда-то он находился при губернской полиции, но затем был помещён сюда. Другие два архива хранились в подвальном сухом, сравнительно хорошем помещении. Но завхоз губисполкома Бубновский распорядился архив врачебного отделения «выбросить» в деревянный решетчатый сарай во дворе здания, где он безнаказанно расхищался и от него «сохранились теперь жалкие остатки», а архив казначейства отправил на продовольственный пункт на обертку товаров. От архива сохранилась только третья часть [2. л. 32об].

Большую тревогу вызывал ценнейший и обширнейший архив бывшей казённой палаты. Это был второй по количеству дел архив в губернии после губернского правления. Когда-то он находился в образцовом порядке в хорошо оборудованном помещении, затем помещение это занял дом предварительного заключения (предзак), а архив был перевезён и свален в три пакгауза архангельской таможни, занимая всё пространство от пола до потолка. К тому же ключи от архива оказались потеряны администрацией финотдела, и проникнуть в него можно было только путём взлома замков. По этой причине в 1922 г. его даже не удалось осмотреть [2. л. 32об].

В 1922 г. была неизвестна судьба многих архивов. Сотрудники отдела разыскивали дела сиротского суда (в итоге нашли и благополучно перевезли), приказа общественного призрения, считали, что безвозвратно погибли архивы акцизного управления, губернского жандармского управления, Дирекции маяков и лоций Белого моря, военные архивы.

Декрет от 1 июня 1918 г. не предусматривал перевозку архивов в специальные помещения. Все архивы бывших учреждений оставались в тех же помещениях, что и занимали. Но т.к. в Архангельске большинство архивов находилось в ужасном состоянии и не были обеспечены сохранностью, то пришлось принимать срочные меры для перевозки их в более подходящие помещения. Отдел получил в своё ведение два помещения вместе с архивами – это архивы бывших губернского правления и духовной консистории. Последний находился на первом этаже каменного 3-этажного здания бывшей духовной консистории. Туда же перенесли с третьего этажа архивы бывших епархиальных учреждений вместе с «особо устроенными шкапами» [3. л. 31]. Отдел хотел заполучить здание консистории целиком, но оно было признано непригодным под архив. 19 декабря 1922 г. его сдали в аренду на два года, а первый этаж передали архивному отделу на такой же срок [3. л. 43].

В эти два помещения и начали с сентября 1922 г. перевозку наиболее уязвимых архивных фондов, которым грозила гибель: это нотариальный архив, архивы губернской тюрьмы, Архангельских уездного и городского полицейских управлений, сиротского суда и др. губернских учреждений [2. л. 33]. Перевозка производилась на средства учреждений, владевшими ими, что в значительной степени облегчило работу отдела. На перевозку бесхозных фондов 10 ноября 1922 г. губисполком выделил 25 тыс. руб. [3. л. 24об].

В помещение архива духовной консистории принимались архивы упразднённых советских учреждений, среди них были приняты документы Архангельского военного госпиталя за 1920–1922 гг. Документы до 1920 г. были переданы в магазины кооператива «Красный воин» на обёрточный материал, что привело к их утрате. Губернский военный комиссар разрешил Д. С. Соколову осмотреть остатки архива и забрать всё, что он посчитает ценным [5. л. 15]. При осмотре выяснилось, что на обёрточный материал были отданы документы с 1905 г. по 1920 г., которые «в большинстве уже расформированные и представляют посему груду бумаги» [5. л. 19]. Там оказались документы и Архангельского гарнизона, Петроградского военного округа, Северного фронта Белой армии. Всё ценное, что ещё оставалось не уничтоженным, было взято сотрудниками архивного отдела.

Об утрате документов военного госпиталя, уничтожении архивов губернского акцизного управления, Дирекции маяков и лоции Белого моря и др. военных архивов осенью 1922 г. было сообщено губернскому прокурору для проведения предварительного следствия и привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных

в этом. Проверка дала результаты, архив Архангельского уездного воинского начальника, считавшийся по сообщению архангельского военкомата уничтоженным, был «открыт» у него же на чердаке [2. л. 66]. Частично были найдены, спасены и перевезены осенью 1923 г. остатки архива бывшего акцизного управления [2. л. 65об]. Найден был и архив Дирекции маяков и лоций Белого моря. Он находился в ведении Управления по обеспечению безопасности кораблевождения и подлежал перевозке в Петроград в архив Военно-морского флота, как и архивы Архангельского военного порта, флотилии Северного Ледовитого океана и др. учреждений морского ведомства [5. л. 27, 29]. Документы губернского жандармского управления было отправлены в Москву.

А. Г. Сабельников занимался общим руководством отдела (8 декабря 1922 г. архивный отдел был реорганизован в архивное бюро). Он мало интересовался архивной работой, собирался оставить службу в бюро и работал по совместительству в губернском земельном управлении. Всей организационной, технической, архивной работой, канцелярией и бухгалтерией занимался Дмитрий Семёнович Соколов. Именно ему Государственный архив Архангельской области обязан своими фондами дореволюционного периода.

Дмитрий Семёнович Соколов родился в г. Медынь Калужской губернии в 1869 г. в семье канцелярского чиновника. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию (1893 г.) и Санкт-Петербургский археологический институт (1895 г.). Владел пятью языками. С 1894 г. по 1896 г. работал в канцелярии обер-прокурора Св. Синода, затем секретарём Калужской (1896–1914 гг.) и Архангельской (с 1914 г. по март 1920 г.) духовных консисторий. С апреля по август 1920 г. заведовал архангельским историческим музеем. В 1920 г. был привлечён по делу Архангельского союза духовенства и мирян, приговорён к лишению свободы, срок отбывал с 3 августа 1920 г. по 20 июня 1922 г. в г. Орле. 16 августа 1922 г. Дмитрий Семёнович поступил на работу в губернский архивный отдел. В анкете от 22 декабря 1928 г. в графе «Заслуги перед революцией и советской властью» скромно написал: «Организация архангельского губернского архива: устройство помещений, сосредоточение, разборка и приведение в должный порядок всех архивных материалов дореволюционного периода и частично пореволюционного» [8. л. 20-21].

В декабре 1922 г. губисполком предложил бюро от перевозки больших фондов временно воздержаться, а 27 июля 1923 г. после многочисленных просьб передал ему помещение бывшего предзака. Оно располагалось в том же здании, что и бывший архив губернского управления, но с другой стороны [3. л. 102]. Это было абсолютно

пустое, просторное, неотапливаемое, требующее ремонта помещение, подходящее для перевозки и разборки мелких архивов.

К осени 1923 г. окончательно сформировался ГАФ. В него вошли: архивы упразднённых губернских правительственных учреждений, архивы учреждений, связанных с нахождением в Архангельске военного и торгового портов и архивы бывшего ВПСО [2. л. 55об].

В ведение архивного бюро в 1922 г. поступило 27 архивных фондов (23 дореволюционных и 4 советских), из них 20 поступили в разобранном виде по описям, 7 – в неразобранном и без описей. На хранении в учреждениях было оставлено 30 фондов (все дореволюционные). В 1923 г. в ведение бюро поступило 59 фондов (55 дореволюционных (из них один из уезда) и 4 советских), из них 9 поступили в разобранном виде по описям, 50 – в неразобранном и без описей. На хранении в учреждениях было оставлено 10 фондов [2. л. 82об-83]. При поступлении документы измерялись не в единицах хранения, а в пудах, но т.к. при приёме их не взвешивали, то определяли количество пудов приблизительно по количеству возов. В 1922 г. было перевезено 312 пудов (5 тонн) документов, в 1923 г. – 2 572 пуда (42 тонны), из них из бывшего Сийского монастыря 10 пудов (163 кг) [2. л. 82об-83].

В пустое помещение предзак в конце 1923 г. – начале 1924 г. перевозились финансовые архивы с чердаков и сараев губфинотдела. Это архивы: Архангельского отделения Государственного банка, ассигнационного, коммерческого и частных банков, городского общественного банка (этот банк из подвала райкомвода), сберегательной кассы, управления делами мелкого кредита, спасённые от окончательного уничтожения совнархозом остатки архива акцизного управления. Все они находились в полном беспорядке. Перевозка производилась средствами губфинотдела. Сюда же перевозились архивы бывшего управления Архангельского почтово-телеграфного округа, губернского и уездных продовольственных комитетов, бывшей Дирекции народных училищ, земских управ. В помещение архива бывшего губернского правления перевезли архив Архангельского уездного воинского начальника, в архив духовной консистории – архивы духовных учебных заведений [2. л. 65об-66]. Разрозненный архив бывшей контрольной палаты был сосредоточен в одном помещении – нижнем этаже северной башни. Вместе с документами поступали и книги, с 1923 г. при бюро стала формироваться научно-справочная библиотека.

Кроме того, в 1924 г. были перевезены архивы губернского по крестьянским делам присутствия, распорядительного и статистического комитетов, Архангельского отдела пограничной стражи, врачебного отделения губернского правления, губернского казначейства,

Свято-Троицкого кафедрального собора, духовной семинарии, Николо-Корельского монастыря и др. [7. л. 1]. Все эти архивы находились в беспорядке. В феврале-марте 1924 г. были перевезены из Пинеги, Холмогор и Мезени архивы бывших уездные полицейских управлений. Они были упакованы в 70 больших ящиках и весили более 300 пудов (около 5 тонн) [2. л. 80]. Отправка их в Архангельск объяснялась невозможностью подыскания для них подходящих помещений на местах. Весной 1924 г. произошла утрата части архива бывшего Архангельского отделения русского для внешней торговли банка, находящегося на чердаке здания, когда-то им занимаемым и переданным Дому книги. Похищены были почти все бухгалтерские книги. Уголовное расследование не привело к поиску виновных. Оставшаяся часть фонда была перевезена в хранилища бюро [7. л. 1об].

В 1923 г. архивному бюро были переданы вместе с помещениями архивы: городского управления, портовой таможни, Михайло-Архангельского монастыря, контрольной палаты, казённой палаты (три пакгауза таможни), в 1924 г. – архивы бывших окружного суда и судебных учреждений [2. л. 83об]. Получение последнего архива доставило бюро наибольшее количество неприятностей и трений. В ведении бюро стало 11 помещений (все каменные с железными решётками на окнах), разбросанных по всему городу, шесть были оборудованы стеллажами. Часть из них были получены во временное пользование, часть – на правах аренды. За архивным бюро не было ни одного юридически закреплённого помещения.

При осмотре архива окружного суда выяснилось, что, находящийся когда-то в образцовом порядке в лучшем архивном помещении архив был приведён в хаотичное состояние. «Масса дел была приведена в бесформенное состояние через вырывания из них чистой бумаги», отсутствовали дела губернского прокурора и его заместителей, бывших уездных судов «за целый ряд годов» [7. л. 1об]. Утрата произошла в период с 1920 г. по 1924 г.

Положение архивов в уездах было ещё удручающе, чем в городе. В 1922–1923 гг. сотрудники бюро не имели возможности ознакомиться с уездными архивами. Из переписки с уездными исполкомами удалось выяснить, что наиболее важные фонды бывших уездных правительственных учреждений находились в большом беспорядке либо в особых помещениях, как в Мезени, либо при соответствующих отделах уездисполкомов, как в остальных городах. Они значительно пострадали (или уничтожены вовсе) во время Гражданской войны и относились в большей степени ко второй половине XIX в. Волостные архивы были либо вовсе уничтожены, либо использованы на канцелярские нужды. Из монастырских архивов

уничтожены архивы бывших Кожеозерского и Пертоминского монастырей. Происходили случаи расхищения архивных дел. В августе 1923 г. удалось спасти ценный архив бывшего Сийского монастыря, в котором был устроен Дом отдыха. Бюро получило сведения о расхищении архива как со стороны отдыхающих, так и экскурсантов. Была создана комиссия по ликвидации монастырского имущества, в которую вошёл Д. С. Соколов. Прибыв на место, полученные сведения подтвердились. Монастырский архив был передан в ведение бюро, а наиболее древняя и ценная часть была тогда же увезена Д. С. Соколовым в Архангельск [2. л. 66об, 84об].

Летом 1924 г. Д. С. Соколов посетил Емецк, Пинегу и Холмогоры для ознакомления с архивными материалами и организацией уездных архивов. Там он обнаружил такое же разрушение архивов, как и в Архангельске. Побывал он и в бывших Сийском и Красногорском монастырях, откуда вывез оставшуюся часть архива бывшего Сийского монастыря (60 пудов, 982 кг) и часть архива бывшего Красногорского монастыря [2. л. 86]. В 1924 г. организовать архивы в уездах не удалось.

Перевозили архивы в зимний период, а в теплое время занимались разборкой и приведением в порядок перемешанных архивных фондов. Разборка носила предварительный характер и состояла, главным образом, в распределении дел по учреждениям, внутри учреждений по отделениям и столам, изъятии из них книг, газет и дел других фондов и, если находились прежние описи, в выяснении недостающего. Когда-то все архивы имели своевременно составленные описи, даже те, которые находились в беспорядочном состоянии, поэтому работа в первую очередь была направлена на их розыск в массе дел. Новые описи не составлялись. В 1924 г. было разобрано около 50 тыс. дел [7. л. 2]. В конце 1924 г. вся стеллажированная площадь была занята.

Дмитрий Семёнович болел душой за каждый архив, за каждый документ. 6 июля 1923 г. губернский комиссариат по военным делам попросил разрешения сжечь разорванные на отдельные бумаги и валявшиеся по всему чердаку дела бывшего штаба Главнокомандующего вооруженными силами Северного фронта. В тот же день Д. С. Соколов сообщил, что разрешения на сожжение «ни в коем случае дано быть не может. Все эти дела имеют ценность в историческом отношении» [3. л. 106-106об]. Так, в июле 1923 г. бюро получило от военного комиссариата 8 мешков с бумагами [3. л. 112].

На учёте бюро к началу 1924 г. состояло 69 фондов. В течение года было принято на учёт 25 фондов, 15 из них поступили в хранилища бюро, 10 оставлены в учреждениях. В хранилищах бюро было

сосредоточено 84 фонда, из них 72 досоветского периода [7. л. 1об]. Таким образом, к концу 1924 г. в помещениях бюро были сконцентрированы почти все находящиеся в Архангельске архивы дореволюционных учреждений.

Организационная работа по созданию централизованной архивной службы и ГАФ в Архангельской губернии затянулась на несколько лет. Всё это время сотрудники бюро занимались розыском, охраной, постановкой на учёт, перевозкой архивных фондов, их разборкой, выдачей справок по запросам учреждений и граждан из разобранных фондов. По целому ряду независящих от сотрудников бюро причин работа бюро не была организована должным образом, эту задачу пришлось решать в последующие годы.

Список литературы:

1. Государственный архив Архангельской области (ГAAO). Ф.р-692. Оп. 1. Д. 4.
2. ГAAO. Ф.р-692. Оп. 1. Д. 5.
3. ГAAO. Ф.р-692. Оп. 1. Д. 10.
4. ГAAO. Ф.р-692. Оп. 1. Д. 11.
5. ГAAO. Ф.р-692. Оп. 1. Д. 12.
6. ГAAO. Ф.р-692. Оп. 1. Д. 16.
7. ГAAO. Ф.р-692. Оп. 1. Д. 18.
8. ГAAO. Ф.р-692. Оп. 2. Д. 5.
9. Трофименко В. Г. Архангельское губернское архивное управление (к 100-летию со дня образования) // Памятные даты Архангельской области на 2020 год. Архангельск, 2019. С. 58-62.

Система размещения русско-шведских крепостей в конце XIII – начале XVIII веков на Карельском перешейке

М. И. Мильчик

*кандидат искусствоведения,
ведущий научный сотрудник*

*Научно-исследовательского института
теории и истории архитектуры и градостроительства
г. Санкт-Петербург*

Аннотация. В результате многолетней борьбы между древним Новгородом (с XV в. Московским государством) и Шведским королевством за владение Карельским перешейком и южным Приладожьем там в конце XIII–XV вв. возникла уникальная оборонительная система, состоявшая первоначально из четырех крепостей – Выборга, Корелы (Кексгольма), Ландскроны (позднее Ниеншанца) и Орешка (Нотебурга), которые связывали Финский залив и Ладожское озеро. В XV в. к ним добавился Нейшлот (ныне Олавиенлинна). Первые две контролировали входы и выходы реки Вуоксы, третья и четвертая – Невы, а пятая – Сайменскую систему озер, которая вела вглубь Финляндии.

Эти крепости играли роль стратегических и торговых центров Карельской земли, а также они обеспечивали господство на Карельском перешейке. По этой причине они переходили из рук в руки, активно обновлялись, а в ходе Северной войны перешли под власть Российской империи (за исключением Нейшлота). Ныне все пять крепостей – редкие памятники русско-шведской фортификации.

Ключевые слова: оборонительная система, крепость, Выборг, Корела (Кексгольм), Орешек (Нотебург), Ландскрона (Канец), Нейшлот, Карельский перешеек, Вуокса, Нева, Сайменские озера.

В результате многолетней борьбы между древним Новгородом и Шведским королевством за владение Карельским перешейком и южным Приладожьем в конце XIII–XV вв. там возникла уникальная оборонительная система, состоявшая первоначально из четырех, а позднее из пяти крепостей, контролировавших входы и выходы двух рек – Вуоксы и Невы, а также Сайменскую систему озер, благодаря которой открывался водный путь вглубь Финляндии. В раннее время оба государства не имели общей границы. Их разделяли обширные земли, на которых обитали финские племена суоми (сумь) и карьяла (корела). Набеги как с одной, так и с другой стороны преследовали цели установления там своего господства,

а также принудительного крещения местного населения. К концу XIII в. оно попадает в зависимость от своих могущественных соседей как на западе, так и на востоке. В это время Швеция и Новгород начинают возводить крепости – опорные пункты для установления своей власти на Корельской земле, а также и для контроля над торговыми путями, связывавшими два водных бассейна. Это Выборг, Корела (Кексгольм), Ландскрона (в XVII в. Ниеншанц, у русских Канец), Орешек (Нотеборг) и, наконец, Нейшлот (ныне Олавиенлинна).

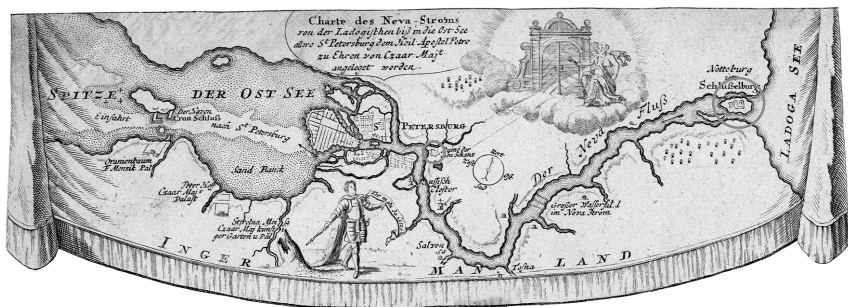

Рис. 1 Схематическая карта Вуоксинсинского водного пути, соединявшего Финский залив с Ладожским озером и с Сайменскими озерами. Museovirasto. Rakennushistorian osasto: Linnat ja linnoitukset. 1/1975. S.28

Поход шведского маршала Торгильса Кнутссона в 1293 г. завершился основанием Выборгского замка на небольшом островке, расположенном у начала водного пути из Балтийского моря по Вуоксинской системе озер к Ладожскому озеру: «в лето 6803 [1293/94] пришедши своя, поставиша город на Корельской земле» – читаем в Новгородской первой летописи [7, с.327]. Изначально замок представлял собой стену, сложенную из крупных валунов, окружавшую возвышенную часть острова. В центре высился 20-метровый донжон св. Олафа. Возведение замка – ядра будущего города Выборга – способствовало установлению контроля за движением по важнейшим водным и сухопутным дорогам Карельского перешейка. Через Выборгский залив проходил фарватер от устья Вуоксы к открытому морю, который теперь оказывался под полным контролем замка¹. Король Биргер уже в 1295 г. писал в Любек, приглашая торговать с Новгородом через Выборг: «(выборг-

¹ До XVI в. Вуокса на Карельском перешейке имела два рукава: восточный, впадавший в Ладожское озеро у крепости Корела и западный, впадавший в Финский залив около Выборга, благодаря чему на севере перешейка проходил прямой водный путь из Финского залива в Ладожское озеро.

ский замок построен [...] для укрепления королевства и обеспечения безопасности мореходов» [21, № 217].

Однако это стало лишь началом новой шведской экспансии. Уже на следующий 1295 г. у другого конца названной водной системы – в устье Вуоксы – главного торгового пути Корельской земли на небольшом острове шведы заложили вторую крепость – Кексгольм². Правда, новгородцы же на следующий же год выбили оттуда шведов: «Поставиша Свея с воеводою своим Сигом город в Кореле; новгородци же, шедши, город разребоша, с Сига убиша, не пустиша ни мужа» [7, с.328], а в 1310 г. «ходиша новгородци... в озеро [Ладожское] и идоша в реку Узьерву, и срубиша город на пороже нов, ветый сметавше» [7, с.92], после чего крепость стала называться Корелой. Тогда это была древоземляная крепость, расположенная у впадения восточного рукава Вуоксы в Ладожское озеро или, иными словами, в начале водного пути, связывающего Корельскую землю через Выборгский залив с Балтийским морем, а через Ладожское озеро по Волхову с Ладогой и Новгородом. Позднее. В XVI в. на соседнем острове, где поначалу располагался посад, возникла Новая крепость. Таким образом, Корела стала стратегическим и торговым центром основной части Корельской земли [16, с.81]. В результате сложилась парадоксальная ситуация, когда ворота на Балтику контролировали шведы, а выход к Ладожскому озеру – новгородцы.

Третьей островной крепостью, входившей в Вуоксинскую водную систему, явился замок Нейшлот (Nyslott или Олафсборг, ныне Олавинлинна), построенный шведами в 1475 г. на входе во внутреннее воды тогдашней Швеции из Сайменских озер, которые, в свою очередь, были соединены с Вуоксой.

Однако южнее оставалась другая водная артерия, связывавшая Балтийское море и Ладожское озеро, – река Нева. Не прошло и пяти лет после основания Корелы, как в 1300 г. тот же Торильс Кнутссон на мысу при впадении речки Черной в Неву возводит еще одно укрепление – Ландскрону (Венец земли). В Новгородской первой летописи об этом сказано так: «Придоша из замория свеи в силе велице в Неву, приведоша из своей земли мастера, из великого Рима от папы мастер приведоша нарочит, поставиша город над Невою на усть Охты реки, и утвердиша твердостью несказанною, поставиша в нем пороки... нарекоша его Венец земли» [7, с.91]. Согласно шведской хронике Эрика, крепость имела овальный в плане ров между двумя реками, а «над тем рвом стояла стена с восемью башнями с бойницами» [8, стих 1545 – 1549]³. Стена, без

² Самое раннее название этого города Кекесхольм (Kekes holm).

³ В перевод А. Желтухина читаем: «Сразу за рвом возвышалась стена, // Связав восемь башен, стояла она. // Ров от реки до реки был прорыт, // С любой стороны лагерь шведов укрыт» [13, С.53].

сомнения, была деревянной, на земляном валу, который окружали две линии рвов. Подошедшие новгородские войска не смогли ею овладеть, но на следующий 1301 г. «приде князь великий Андрей... с новгородцы к городу тому, и приступиша к городу месяца мая 18. И град взят бысть, овых избиша. И исекоша, а иных извязавше поведоша с города, а град запалиша и розгребоша» [7, с.91]. Наконец, в 1323 г. «ходиша новгородци с князем Юрием и постааиша город на усть [истоке] Невы, на Ореховом острове; ту же приехавше послы великы от свейского кроля и докончаша мир вечный с князем и с Новымъ городомъ» [7, с.339]⁴. Так на Неве появился порубежный форпост Великого Новгорода – Орехов, позднее называвшийся Орешек (у шведов – Nöteborg). В результате новгородская крепость запирала вход и выход из Ладожского озера, шведская же Ландскрона была разрушена, и невский путь был снова открыт для торговых судов из заморских стран. Строительство последнего укрепления – Орешка – подвигло Швецию на заключение в 1323 г. Ореховецкого мира, который был подписан прямо на острове и впервые определил новгородско-шведскую границу. Она делила пополам Карельский перешеек в направлении с юга на север и шла дальше, на северо-запад до бассейна озера Сайма, а затем до берега Ботнического залива [17, с.137]. Дельта Невы, ее берега, южная и восточная части Карельского перешейка закреплялись за Великим Новгородом, западная же Карелия с Выборгом – за Швецией. Кроме того, обе стороны обязались не ставить там новых крепостей. Это было первое мирное оглашение между Русью и Швецией, действовавший до 1595 г., то есть до заключения нового договора о «вечном мире» в Тязвине 1595 г. [17, с.122].

Тем не менее уже в 1348 г. шведы захватили Орехов, но вскоре были выбиты оттуда. Первоначальный Ореховская крепость занимала только юго-восточную часть острова, где в 1352 г. была возведена уже каменная [4, с.100-101]. Первая крепость имела деревянную стену с одной каменной башней, предназначенной для обороны, которая упоминается при описании штурма 1348 г. Позднее, в 1364 г. подобный «костер» был возведен и в Кореле, которая, оставаясь новгородской пограничной крепостью, подвергалась неоднократным нападениям шведов. В начале XVI в. Ореховская крепость была коренным образом перестроена: теперь стены с семью башнями огибали весь остров, а внутри была возведена трехбашенная цитадель.

Однако шведы не оставляли планов подчинить себе Неву как важную в военном и торговом отношениях водную артерию. Столбовский мир 1617 г. закрепил Приневье за Швецией, и этому в немалой

⁴ Употребление определений «град запалиша и разребоша» прямо указывает на то, что это было древо-земляное укрепление. См. также: [20, S.64].

степени способствовало строительство в 1611 г. на месте древней Ландскроны новой крепости Ниеншанц (Nyenskans) [19, с.3-23; 10, с.37-39], чтобы можно было, как выразился Карл IX, «защищать всю Неву под эгидой шведской короны» [18, с.74; 1]. В результате раскопок, проведенных под руководством археолога П. Е. Сорокина, в строительной истории Ниеншанца удалось выделить три периода: 1611 – 1643 гг., 1643 – 1656 гг. и 1658 – 1703 гг. Первоначальная крепость имела вид неправильного шестиугольника с тремя бастионами и двумя воротами, одни из которых вели к мосту через реку Охту, другие – к Неве. В центре располагалась цитадель – замок с каменными подвалами. С внешней стороны крепость имела три линии рвов, в основе которых, вероятно, были рвы Ланскроны. Позднее за вторым рвом было возведено частокольное ограждение и три бастиона [12, с.259-261, 362-370; 11, с.167-181]. Известный шведский фортификатор Эрик Дальберг (1625–1703 гг.) считал, что эта крепость имеет для Швеции особое стратегическое значение: «Если не удержать Ниен, то ни Кексгольм, ни Нотеборг не помогут защитить Карелию, Кексгольмский лен и даже сам Выборг». Далее он пророчески предостерегал короля: «Русские [...] могут легко и навсегда осесть [...] между этими реками [Невой и Охтой – авт.] и таким образом, не дай Бог, получат выход к Балтийскому морю» [3, с.74, 77]. Однако неоднократно разрабатывавшиеся на протяжении второй половины XVII в. проекты строительства мощных укреплений в Кексгольме и Ниеншанце так и не были осуществлены [6, с.31-32]. После овладения Ниеншанцем 4 мая 1703 г. Россия получала беспрепятственный выход в Балтийское море, и для закрепления этой победы Петр I основывает в устье Невы новую крепость – Петропавловскую, о чем в журнале императора записано так: «По взятии Канец [Ниеншанца] отправлен воинский совет, тот ли шанец крепить или иное место удобнее искать (понеже оной мал, далеко от моря и место не гораздо крепко от натуры), в котором положено искать нового места, и по нескольких днях найдено к тому удобное место остров..., где в 16 день мая... крепость заложена и именована Санктпетербург» [2, с.76].

Как уже говорилось, вход во внутренние воды Финляндии контролировал Нейшлотский замок. На юго-востоке от него проходила граница по Ореховскому мирному договору, но теперь она была уже с Московским государством. Замок же по существу был приграничным, однако в отличие от своих предшественников его сразу же возвели из камня с тремя двадцатиметровыми башнями, ориентированными на использование артиллерии. В 1495 г. были построены еще две башни, до наших дней не сохранившиеся [22, с.8-9]. Много позднее, в 1743 г. был заключен Абоский мир, по которому крепость

отошла к России. Строительство Нейшлота завершило создание оборонительной системы в Карельском Приладожье, главной целью которой был контроль над тремя водными торговыми путями. Последний вел во внутреннюю территорию Финляндии.

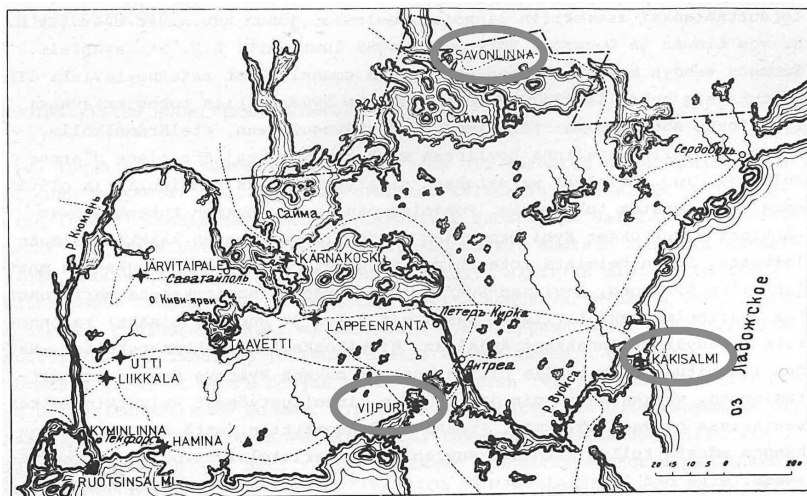

Рис. 2 План Невы на карте «Topographftellung der Neuen russischen Haupt-Residenz und See-Stadt St. Petersburg... von Ion Baptist Homan...». 1720 г.

Показаны крепости Орешек (Шлиссельбург) и Ниеншанец (Канцы), а также Заяцкий остров, на котором в 1703 г. была заложена крепость Санкт-Петербург

Из пяти крепостей две – Выборгский замок и Ландскрона – в Средние века, словно стражи, стояли у выходов к Финскому и Выборгскому заливам, а две другие – Корела (Кексгольм) и Орешек (Ореховец) – к Ладожскому озеру. В этой системе Корела и Выборг, господствуя над концом и началом вуоксинского пути, играли роль стратегических, и торговых центров Корельской земли. Все пять крепостей по существу служили выполнению общей задачи контроля над связями между бассейнами Балтийского моря и Ладожского озера, а также обеспечению господства на Карельском перешейке. Именно по этой причине борьба за них была долгой и особенно ожесточенной, а упомянутые крепости постоянно совершенствовались с ориентацией на последние достижения европейской фортификации.

Список литературы:

1. Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц. Т.1-2. СПб., 1909.
2. Журнал или поденная записка блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года до заключения Нейштатского мира. СПб., 1770. Ч.1.
3. Кирпичников А. Н. Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 году // Скандинавский сборник. Таллин, 1975. Т.ХХ.
4. Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984.
5. Мильчик М. И. Из строительной биографии древнерусской крепости Корелы // Архитектурное наследие и реставрация: реставрация памятников истории и культуры России. М., 1990.
6. Мильчик М. И. Шведские крепости вокруг Петербурга // Шведы на берегах Невы. Сб. статей. Стокгольм, 1998.
7. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950.
8. Рыздзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX – XIV вв. М., 1978.
9. Сорокин П. Е. Крепость Ниеншанц (некоторые итоги историко-археологического изучения) // Краеугольный камень. М., 2010. Т.П.
10. Сорокин П. Е. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб., 2001.
11. Сорокин П. Е. Укрепления Ниеншанца во второй половине XVII в. // Археологические вести. СПб., 2021. Вып.33.
12. Сорокин П. Е. Крепость Ниеншанц в первой половине – середине XVII в. // Археологические вести. СПб., 2022. Вып.36 .
13. Хроника Эрика. Выборг, 1994.
14. Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII – XIII вв. Л., 1978.
15. Шаскольский И. П. Возникновение торговых городов на восточных берегах Балтики // Труды X советско-финляндского симпозиума историков. Л., 1985.
16. Шаскольский И. П. Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии. Конец XIII — начало XIV в. Петрозаводск, 1987.
17. Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987.
18. Blees J. Fästningen Nyenskans och Nyen // Norrlands Försvar. 1938.
19. Bonsdorff C. Nyen och Nyenskans, Historisk skildring // Acta Societatis Scientiarum Fennicae. Helsingfors, 1891. Т.ХVIII.
20. Hornborg E. Kampen om Östersjön. Stochholm, 1945.
21. Finlands medeltidsurkunder. Helsingfors, 1910. Bd.1.
22. Sinisalo A. 500-vuotias Olavinlinna. Helsinki, 1976.

Экскурсии в природную среду в дореволюционной школе (на примере Вятской губернии)

Л. В. Чебыкина

лектор (экскурсовод)

Кировского областного краеведческого музея

имени П. В. Алабина, г. Киров

Аннотация. Статья посвящена анализу дореволюционного опыта организации походов и экскурсий школьников в природную среду. На материалах Вятской губернии рассматриваются цели, особенности организации и содержательное наполнение различных туристских мероприятий. На основании анализа фактического материала выявлено значительное разнообразие организационных форм природоориентированного детского туризма.

Ключевые слова: детский туризм, природоориентированный туризм, экскурсии, походы, дореволюционная школа, Вятская губерния.

На рубеже XIX–XX веков школьные экскурсии и туристические походы широко применялись в практике учебных заведений. Детский туризм в форме экскурсий, прогулок, дальних путешествий, массовых праздников для учащихся, паломничества и т. п. рассматривался, с одной стороны, как средство духовно-нравственного воспитания и, с другой стороны, – как необходимый компонент образовательного процесса. Наиболее часто в дореволюционной школе практиковались выходы в природную среду с различными целями.

Как правило, выходы в природную среду носили кратковременный характер: однодневные походы, прогулки и экскурсии, проводимые в черте или в окрестностях того населённого пункта, в котором располагалось учебное заведение.

Часто прогулки на природу использовались для сбора образцов минералов, почв, представителей местной флоры и фауны. Собранный материал использовался на уроках в качестве наглядных пособий, а также пополнял коллекции школьных музеев. Ещё в начале XIX века преподаватель естественной истории Вятской гимназии А. Я. Некрасов регулярно практиковал подобные прогулки. «Каждую весну с учениками, а летом и один, совершал он экскурсии по разным уездам Вятской губернии с целью собирания различных растений и насекомых для составления из собранных представителей коллекций, служивших наглядным пособием для учащихся при

изучении ими естественной истории» [1, с. 27]. К началу XX века походы учащихся за образцами ежегодно проводились практически в каждом учебном заведении. Так, например, учащиеся III класса Вятской 2-й мужской гимназии 13 мая 1916 года в загородном пруду «наловили богатую добычу, собрали растений и в посуде, специально взятой с собой для этой цели, понесли в гимназию для дальнейших наблюдений. <...> Банки с растениями и животными были помещены на окнах класса, чтобы учащиеся могли наблюдать за жизнью собранного ими населения» [17, л. 42].

Министерство народного просвещения в 1902 году даже выпустило специальный циркуляр, посвящённый, выражаясь современным языком, проблемам охраны окружающей среды и экологической культуры участников экскурсий в природную среду. «Как в садах и в парках, так и в лесу и в поле, вообще во всех общежитиях природы, должна быть соблюдаема и всячески воспитываема в подрастающем поколении экономия в собирании тех или других объектов природы, как например, насекомых, цветов, листьев и пр. Экономия в этом смысле, помимо своего воспитательного значения, необходима ещё и потому, что упомянутые экскурсии могут быть организуемы разными учебными заведениями в один и тот же день или в один и тот же период времени по одному маршруту» [19, с. 31].

Кроме того, экскурсии в природную среду организовывались для отработки на практике и закрепления материала, изученного в классе теоретически. С этой целью устраивались походы в искусственно созданные объекты живой природы (сады, парки). Например, ученицы I класса Вятской 2-й женской гимназии осенью 1917 года ходили в Александровский сад города Вятки «для знакомства на практике со сторонами света и горизонтом» [9].

С этой же целью учебными заведениями проводились выходы учеников в дикую природу. Вятское сельскохозяйственное техническое училище регулярно устраивало экскурсии «для изучения: почв, растительности, геологического строения местности и в целях рисования с натуры» [2, с. 35]. В Орловском реальном училище «ежегодно в черте местонахождения училища устраиваются экскурсии для ознакомления учащихся с физико-географическими и естественно-историческими явлениями родной природы. Ныне [в 1917 году] преподавателем естествознания и географии Иваном Кузнецовым в сентябре и октябре месяцах организованы были две экскурсии с учениками первого класса для ознакомления с географическими явлениями. Одна экскурсия с учениками 4 класса для ознакомления с геологическими отложениями в окрестностях города и одна экскурсия с учениками того же класса для ознакомления с ледниковыми отложениями на 10 версте от города. Одна

экскурсия с учениками 3 класса для ознакомления с озёрной растительностью и одна экскурсия с учениками 4 класса для ознакомления с пресноводной фауной. Во всех экскурсиях участвовало около 270 учеников разных классов» [14].

Подобные экскурсии обычно проходили под руководством учителей-предметников. Например, преподаватель естествоведения и географии Вятской 2-й мужской гимназии Ф. Павлов 12 мая 1916 года водил учащихся I класса на берег реки Вятки. В своём отчёте руководству он очень подробно описывает ход и содержание экскурсии: «благодаря удобному сочетанию природных условий, ученикам представилось большое поле для наблюдений. Высокие обнажения осадочных горных пород дали возможность убедиться в их мощности, ознакомиться с формой залегающих, рассмотреть их в естественном виде, сосчитать количество слоёв. Наличие многочисленных источников доставила возможность воочию видеть выход водоносного слоя и воды. Найдя ручеёк, составленный из нескольких источников и проследив его до впадения в реку, получили в миниатюре речную систему, на которой и выяснили понятие об истоках, устье, правом и левом берегах, притоках, системе и бассейне. Верхние слои обнажений послужили темой для беседы об образовании и составе почвы, о характере подпочвенного слоя. После этого направились вниз по течению реки. На одной из пристаней натолкнулись на груды сваленного на берегу гипса. Использовали и его, припомнив, что говорилось о нём в течение учебного года. По пути измерили скорость течения реки у самого берега и вдали от него; выяснили причину разницы скорейшего течения. Уяснили также причину грязного цвета воды, зачерпнув её в скляночку. Дойдя до самого возвышенного места берега реки, произвели при помощи простейшего способа измерение его высоты. За городом поднялись на берег реки, место, пересечённое оврагами. Здесь на неровностях рельефа уяснили формы поверхности земли, образование оврагов. Тут же произвели простейшую съёмку небольшого участка местности. Отдохнувши, возвратились в город, нагруженные находками» [17, л. 41-41 об.].

Образовательным целям служили также экскурсии в лесные и сельскохозяйственные питомники, на пасеки, фермы, опытные поля и т. п. Например, для воспитанников Вятской 1-й мужской гимназии часто устраивались экскурсии в теплицы Императорского общества любителей садоводства [16].

В практике учебных заведений применялись и многодневные походы с детьми. Например, в 1916 году ученики I класса (т. е. дети 10–11 лет) Вятского сельскохозяйственного технического училища в количестве 35 человек совершили настоящую краеведческую исследователь-

скую экспедицию, которая, согласно терминологии того времени, названа устроителями «экскурсией». «Экскурсия имела целью ознакомление учащихся с горными породами, встречающимися в некоторых частях Вятской губернии, и вместе с тем знакомство со всеми геологическими явлениями, которые должны были встретиться на пути экскурсии. Процессы механического и химического выветривания, источники, деятельность наземной и подземной воды, образование оврагов, речных террас, торфяников, слоистость горных пород, окаменелости и пр. и пр. — всё это составляло содержание экскурсии. Для лучшего и более удобного изучения вышеперечисленных явлений было решено отправиться по реке Вятке, наметив несколько хороших рыхлых обнажений. Первым местом остановки был г. Котельнич. Вниз от железнодорожного моста тянутся на многие вёрсты прекрасные отложения пермских рыхляков, песчаников, глин» [18, л. 56]. Всего учащиеся проделали путь вниз по реке Вятке на расстояние около 250 вёрст, затем другой дорогой вернулись назад. В пути ребята изучали горные породы, измеряли геологические слои, собирали образцы. «По прибытии в Кукарку отправились для осмотра Пижемского городища, лежащего при слиянии реки Пижмы с Вяткой. Здесь учащимся сообщены были относящиеся к данному случаю сведения, а у крестьянских мальчиков нашлись и находимые здесь предметы: костяная игла и удочка. При осмотре городища были найдены черепки древней посуды, множество костей рыбы и млекопитающих, а возле воды — окаменелости» [18, л. 57]. Потом ребята осмотрели ещё каменоломню вблизи села Жерновогорья; пещеру на берегу речки Немды в селе Зарамень; посетили музей Кукарского образовательного общества.

Выходы в естественную и искусственно созданную природную среду активно использовались также в процессе трудового воспитания. Постоянной обязанностью школьников была работа в специально для этого устроенных садах, огородах, теплицах, оранжереях, фермах при учебных заведениях. В первую очередь это касалось воспитанников сельскохозяйственных училищ. Например, в Глазовском низшем сельскохозяйственном училище Вятской губернии ученики жили круглый год, не отлучаясь на каникулы, на полном пансионе. С октября по апрель они изучали теоретические предметы, время с мая по сентябрь целиком отводилось для практических занятий. При училище имелись поля, сенокосные угодья, ферма, пасека, древесный питомник. На ферме разводили племенных коров и коней, овец, свиней; вели родословную животных. Кроме того, училищем велись метеорологические наблюдения. Поэтому даже в зимнее время года, отведённое для теоретических занятий, ученики несли дежурства по огороду, по пасеке, по скотному двору, по овчарне и свинарне. В летнее время года воспитанники выполняли

все виды сельскохозяйственных работ: посевная, уборочная, сенокос, первичная переработка продукции – всё делалось руками учащихся. Проводились учебно-практические занятия по животноводству, ботанике, землемерию, по определению влажности почв [10, с. 108].

В общеобразовательных учебных заведениях учащимся также приходилось производить некоторые сельскохозяйственные работы. При Вятской 1-й мужской гимназии имелся свой сад, все работы в котором выполнялись силами учащихся при помощи двух служителей под руководством преподавателя. Кроме того, гимназический сад активно использовался в процессе преподавания природоведения. Так, «10 ноября 1905 года совершено 2 экскурсии в сад при гимназии: одна с 30 воспитанниками IIа класса, вторая с 32 учениками IIб класса. На этих экскурсиях воспитанники практиковались в распознавании различных пород деревьев и кустарников, делались предположения о наивыгоднейшей распланировке сада, повторялись сведения по анатомии растений» [15].

Немалый воспитательный эффект для учащихся и практическая польза для всех жителей ожидалась от проведения т. н. «праздников древонасаждения». «Праздники древонасаждения» или «зелёные праздники»: мероприятия по озеленению населённых пунктов силами учащихся различных учебных заведений. В Вятской губернии (как и по всей России) праздники древонасаждения начали устраивать с 1901 года по рекомендации министерства народного просвещения.

Праздники древонасаждения были одной из самых массовых форм воспитательной работы: как правило, они собирали всю учащуюся молодёжь какого-либо населённого пункта. Например, в селе Ижевский завод Вятской губернии в 1902 году в празднике древонасаждения участвовали учащиеся 8 мужских школ в количестве 1200 человек [4].

С большим размахом праздник древонасаждения проходил в городе Вятке. Предварительно ежегодно собиралась специальная комиссия по древонасаждению, состоящая из представителей городской управы и всех учебных заведений. Комиссия составляла программу праздника, распределяла места посадки. В 1911 году, например, каждому учебному заведению был выделен свой участок для посадки вокруг Александро-Невского собора [8]. Первым пунктом в программе праздника значилось «литературное утро» в городском театре, включавшее беседу о пользе леса и концерт детских коллективов. Потом учащиеся стройными колоннами, с флажками своего учебного заведения, под музыку духового военного оркестра последовали к месту посадки. В сквере Александро-Невского собора уже были выделены и отмечены участки, на которых каждая школа

должна производить посадку. «Мужские учебные заведения посадили пихты кругом ограды сквера, около 300 шт., а ученицы рассадили на своих участках 22 кедрика, 8 лип, 8 ясеней, 6 клёнов, 7 дубков и несколько кустов сирени и жасмина» [7].

Природоориентированный характер носили также многие походы и поездки, совершаемые с оздоровительными и рекреационными целями. Например, с 1890 года в учебных заведениях края стали практиковать т. н. «военно-гимнастические прогулки». В специально назначенный неучебный день в тёплое время года учащиеся в полном составе после обязательной утренней молитвы строились во дворе учебного заведения в колонны и вместе со всем преподавательским составом, часто – в сопровождении военного оркестра, маршем следовали за город. На природе дети занимались физическими упражнениями, играли в подвижные игры, осматривали достопримечательности и интересные природные объекты. Например, в 1892 году ученики Вятского реального училища ходили к деревне Дальнее Скопино в трёх вёрстах от города, где младшие играли, а старшие занимались «топографической и межевой съёмкой местности» [3].

Подобные мероприятия по рекомендации министерства народного просвещения проводили во всех учебных заведениях губернии. Так, например, в 1905 году военно-гимнастические прогулки совершили: Котельничское городское трёхклассное училище – 2 прогулки; Нолинское – 2; Царёвосанчурское – 2; Воткинское – 1; Елабужская школа ремесленных учеников – 1; Оричевская низшая ремесленная школа – 2 прогулки [12, л. 19 об.]. Гимнастические прогулки были одним из самых массовых и демократичных внеклассных мероприятий в дореволюционной школе: в них обычно участвовали практически все учащиеся учебного заведения. Например, в 1907 году Нолинское городское трёхклассное училище совершило 2 гимнастические прогулки: 6 мая и 26 августа. В первом случае в прогулке участвовало 82 ученика, во втором – 68, при этом общее число воспитанников в училище составляло 91 человек [13].

Загородные прогулки и пикники на природе с учащимися иногда устраивались просто с целью отдыха. Например, в Нолинском городском училище Вятской губернии «ежегодно весною устраиваются прогулки с учащимися в городской лес, [находящийся] в двух вёрстах от города, а также на городской луг, где учащиеся предаются различным играм, как-то “мяч-лапту”, “десять городков” и др.» [11]. В отчёте инспектора народных училищ Елабужского уезда за 1905 год упомянуты «прогулки с военной музыкой и мирным чаем в соседний лес учеников Елабужского приходского училища, обычно так празднующих окончание учебных занятий» [12, л. 35].

Иногда к месту организованного отдыха школы доставляли своих учеников даже на пароходах. Например, 14 мая 1911 года в 10 часов утра под звуки духового оркестра от пристани Вятка отчалил пароход «Отец» Вятско-Волжского пароходства. На борту парохода находились 430 учениц Вятской Мариинской женской гимназии, весь педагогический коллектив, родительский комитет и желающие поехать из членов семей учениц. В половине второго отдыхающие прибыли на пристань Медяны. Там для желающих была организована экскурсия на писчебумажную фабрику, пущенную в выходной день специально для экскурсантов. Также с фабрики предоставили самовары, кипятки и обслуживающий персонал. До 7 часов вечера продолжались игры и чаепитие на свежем воздухе, были устроены танцы под духовой оркестр. В 10 вечера пароход доставил своих пассажиров обратно в город Вятку [6].

23 мая 1902 года состоялось одно из самых массовых мероприятий для детей в Вятской губернии за весь дореволюционный период – праздник на пароходе «Коммерсант» по случаю окончания учебного года для 600 учащихся начальных народных училищ Слободского уезда [5]. Дети из города Слободского были доставлены на пароходе в село Пречистое в 5 вёрстах от города, где их уже ждали ребяташки из местных школ. Для детей были организованы игры и угощение на свежем воздухе, играл любительский духовой оркестр. В обоих случаях пароходы для школьников были бесплатно предоставлены Вятско-Волжским пароходным товариществом Т. Ф. Булычёва.

В практике дореволюционной школы существовала и такая, экзотическая на современный взгляд, форма детского туризма, как охотничьи экспедиции. В Вятской 1-й мужской гимназии в начале XX века работал «охотничий кружок» как форма внеклассной работы. Так, в октябре 1917 года «гимназисты, входящие в состав охотничьего кружка, вместе с преподавателями А. М. Григорьевым и А. В. Zubовым, сделали несколько охотничьих экскурсий» [9].

Таким образом, на примере Вятской губернии мы можем сделать вывод, что во второй половине XIX – начале XX веков природоориентированный детский туризм как форма воспитательной работы и как часть учебного процесса применялся практически во всех начальных и средних учебных заведениях. Выходы с учащимися в природную среду в дореволюционной школе совершались с образовательными, воспитательными, оздоровительными и рекреационными целями. Анализ конкретных мероприятий туристской направленности, проводимых в школах региона, позволяет выявить большое разнообразие организационных форм: походы, прогулки, экскурсии, исследовательские экспедиции и пр. К концу рассматрива-

емого периода по данному вопросу был накоплен немалый теоретический и практический педагогический опыт, и опыт этот может быть успешно применяем в практике работы современных учреждений основного и дополнительного образования.

Список литературы:

1. Васильев, М. Г. История Вятской гимназии за сто лет её существования : (1811-1911) / по поручению Педагогического совета составил преподаватель гимназии М. Г. Васильев. – Вятка, 1911. – IV, 371, 131, III с.
2. Вятское среднее сельскохозяйственно-техническое училище имени императора Александра II и низшая при нём ремесленная школа : Краткий исторический очерк за первое десятилетие 1901–1911 г. – Вятка, 1911. – III, 118 с.
3. Гимнастическая прогулка учеников реального училища // Вятские губернские ведомости. – 1892. – № 37. – С. 3.
4. Из Ижевского завода Вятской губ. // Приложение к Вятским губернским ведомостям. – 1902. – № 62. – С. 3.
5. Из Слободского // Там же. – № 67. – С. 2–3.
6. К устройству ученических экскурсий // Вятская речь. – 1912. – № 48. – С. 2.
7. Праздник древонасаждения в г. Вятке // Там же. – 1911. – № 100. – С. 2.
8. Собрание комиссии по древонасаждению // Там же. – № 98. – С. 3.
9. Средняя школа на экскурсии : из жизни средних учебных заведений г. Вятки // Там же. – 1917. – № 222. – С. 3.
10. Учебный отчёт по Глазовскому низшему сельскохозяйственному училищу за 1910/1911 учебный год и технический – за 1911 г. – Глазов, 1911. – 133 с.
11. Центральный государственный архив Кировской области (далее – ЦГАКО). Ф. 205. Оп. 3. Д. 2470. Л. 8.
12. ЦГАКО. Ф. 205. Оп. 3. Д. 2536. Л. 19 об.; 35.
13. ЦГАКО. Ф. 205. Оп. 3. Д. 2654. Л. 7.
14. ЦГАКО. Ф. 205. Оп. 4. Д. 3404. Л. 925.
15. ЦГАКО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 546. Л. 22 об.
16. ЦГАКО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 574. Л. 24.
17. ЦГАКО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 16. Л. 41–42.
18. ЦГАКО. Ф. 219. Оп. 1. Л. Д. 10. Л. 56–57.
19. Циркуляр министерства народного просвещения от 07 марта 1902 года № 7142. «Некоторые указания руководителям образовательных экскурсий по естествоведению» // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1902. – Май-июнь. – Ч. CCCXXXI. – С. 31–32.

Музей и сохранение ядра культуры

Н. И. Решетников

кандидат исторических наук,

музеевед, педагог,

член Русского географического общества

г. Москва

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы сохранения ядра культуры при условии музеефикации культурного наследия. Музеефикация предполагает включение памятников истории и культуры в перечень объектов культурного наследия и взаимодействие их со средой бытования. Приводятся примеры утраты и восстановления историко-культурного достояния.

Ключевые слова: музей, ядро культуры, музеефикация, социальная память, среда бытования, достоверность.

Что такое ядро культуры? Это, прежде всего, язык, традиции, обычаи, материальные памятники и духовное наследие нации.

Музей как социальный институт хранит историко-культурное и природное наследие. Когда мы говорим: «музейное собрание», то под этим традиционно понимаем собрание разнообразных предметов – памятников материальной и духовной культуры. Но предметы в музее не просто хранятся, они собраны воедино для отражения исторического процесса и нашего взаимодействия с прошлым. Если музей по Н. Ф. Фёдорову [5, 5] – собор лиц, то его коллекции (музейное собрание) отражают деятельность этих лиц, включают в себе социальную память о природе и человеке в окружающей его среде. Музей отбирает из среды бытования то самое, что мы называем ядром культуры. Поэтому музей следует рассматривать не как учреждение и даже не как собрание коллекций (материальных свидетельств), а как хранилище социальной памяти, собор лиц, чья деятельность документируется этими самыми материальными свидетельствами. Вещи, приобретаемые музеем – не самоцель. Музейные предметы, прежде всего, носители информации о человеческой деятельности в быту, на производстве, в природе и т.д.

Подход к музейному предмету как к отжившей вещи нередко приводит к трагедии, когда уничтожаются музеи, которые функционировали как коллекции вещей, а не соборы лиц. Пример тому – уничтожение музеев “царских” после Октября 1917 г. и разгром историко-революционных музеев в постсоветский период. И в том и другом

случаях погромщики, уничтожая музеи и памятники, пытались разрушить связь времён и поколений, вырубить из сознания людей память о предшествующих поколениях, их жизненный опыт, нравственные устои, культуру, выработанные веками способы производства и взаимоотношения людей с природой. А без всего этого – как понять ход исторических событий, их закономерности, как наметить пути развития без ущерба для самих людей? Лишение памяти выгодно только своекорыстным политикам, ибо они понимают, что сознанием людей, лишённых социальной памяти, легко манипулировать.

Иногда память, заключённая в культурном наследии, утрачивается без общественной поддержки. Рассмотрим два примера. Жил в Каргополе краевед Н. Ф. Аннин. Энтузиаст своего дела. В своём доме создал Музей крестьянского быта. Гостей принимал. Интересно рассказывал. В районной газете свои статьи публиковал. Словарь каргопольских говоров подготовил. Книгу «Никитина планида» написал. Но когда он ушёл из жизни, его музей прекратил своё существование. Определённый слой культурного наследия был утрачен. Другой пример. В своё время появился в Каргополе старообрядец М. Ю. Орловский. Своеобразный был человек. Музей поморской культуры мечтал создать. Не успел, ушёл из жизни. Нет музея поморской культуры. Но ведь поморская культура, хранимая в старообрядчестве – это часть нашей общей культуры.

Память и памятник. От того, что мы вкладываем в эти понятия, зависит сущность музея, его концепция. Если музей хранит памятники только как вещи – это все-таки просто склад. Но любая материальная вещь поддаётся физическому воздействию и рано или поздно (в каких бы идеальных условиях мы её ни хранили) исчезнет. Материальные предметы (какими бы ценными памятниками они ни были) либо «стареют», ветшают со временем сами по себе (под воздействием света, влаги, перепада температур, биологического или радиационного разрушения), либо уничтожаются в результате форс-мажорных обстоятельств (пожар, наводнение, война, социальные потрясения и т.д.). В этих условиях вещи гибнут. Гибнет и музей, если он был только хранилищем этих вещей (только складом). Но память остаётся. И если музей был хранилищем социальной памяти, он музеем и остаётся, вбирая в себя всё новую и новую память, новую информацию, связанную со вновь происходящими закономерными событиями, стихийными бедствиями или волевыми решениями людей, пришедших к власти. Память не поддаётся уничтожению, она гибнет лишь с гибелью самого человечества. Но пока человечество живо, жива и память. Вот почему мы знаем, что происходило столетия тому назад, хотя и нет для этого достаточного

количества материальных предметов – свидетельств прошлого. Вот почему мы не знаем о жизни тех людей, кои исчезли с земли начисто, не оставив о себе памяти. А редкие фрагменты памятников об этих народах несут в себе лишь глухую информацию о некогда былой жизни. Музей поэтому и обязан хранить память, заключённую в вещах, а для самих вещей создавать условия как можно более длительного их существования, чтобы с их помощью выявлять новую информацию и закреплять в памяти человечества.

Музей формирует всеобщее понимание сущности ядра культуры, заключённого в памятниках. В противном случае, сам по себе памятник не может обеспечить себе бессмертие, с каких бы высоко нравственных общечеловеческих позиций он ни оценивался современниками. Можно согласиться с одним из теоретиков памятниковедения А. К. Дьячковым: «Судьба памятников зависит от отношения к ним людей, живущих возле них и постоянно с ними соприкасающихся. Государство может издавать хорошие законы и постановления, выделять крупные денежные средства на уход за памятниками, создавать широкую сеть органов охраны и, тем не менее, не получать желаемых результатов, если его действия не будут поддержаны широкими слоями общества, восприняты ими с пониманием» [1, 11].

Печальную картину представляет собой памятник воинской славы в Коченьге на берегу Сухоны в Вологодской области. В деревне никакого производства. Земля заброшена. Только на лето приезжают дачники. И нет им никакого дела до вдруг осиротевшего памятника воинской славы. Некогда памятное место, активно посещаемое людьми, заброшено и зарастает чертополохом и высокой травой-муравой. Вот вам и утрачиваемое ядро культуры, ядро памяти. Нет памятника – не было и войны. Будто и не гибли за нашу Родину местные жители.

В современных условиях проблема сохранения социальной памяти как ядра культуры особенно актуальна в связи с приватизацией памятников культуры. Какими бы законами и указами государство ни гарантировало сохранение национального наследия, оно будет использоваться по разумению их владельцев, по принципу «что хочу, то и ворочу».

Особенно опасно это стало в связи с навязыванием музею чужеродных форм деятельности, исходящих из того, что музейное собрание есть имущество, а сам музей должен предоставлять услуги населению. Нет и ещё раз категорически нет! Музейные коллекции – не имущество, которым так хотят распоряжаться чиновники от культуры. Музейные коллекции – памятники, хранящие информацию человеческого бытия. А памятниками никакой высокопоставленный

чиновник не вправе распоряжаться, изымать из фондов, передавать в другие музеи или учреждения, продавать, оптимизировать и т.д. Музейные коллекции – национальное достояние. Хранят их, изучают и используют специалисты музеев. Музейное собрание неприкасаемо для чиновников. Чиновники от культуры как раз обязаны обеспечить условия достойного существования музеев, а не требовать от них предоставления услуг населению.

Уместно здесь напомнить мнение директора Государственного Эрмитажа М. Б. Пиотровского: «Наше общество неожиданным образом одичало, и в разных его слоях нелегко найти людей, понимающих великое значение национальной памяти. И приходится снова и снова объяснять, что национальное культурное достояние, которое в первую очередь хранят музеи, это ДНК народа и страны, что всякое нарушение памяти делает народ таким же болезненно беспамятным, как это бывает отдельно с больным человеком. Неуважение к наследию предков, их материальным ценностям – одна из причин удивительной необразованности, которое поразило наше общество... Психоз приватизации, рождённый атмосферой «базарного капитализма», породил многочисленные атаки на музеи... Государственный аппарат не имеет стопроцентного морального права распоряжаться культурным наследием. Его задача – получив это наследие, приумножить его и передать следующему поколению. В этом специфика культурной жизни, из которой должны быть исключены обращение с искусством, как с товаром, и восприятие культуры как сферы услуг населению. Музеи, архивы, библиотеки не оказывают услуги – они выполняют государственную функцию по сохранению, освоению, изучению и передаче через поколения самого главного, что отличает один народ от другого, человека от животного, культурного наследия в его разных формах» [4, с. 2].

Музей не услуги призван оказывать. Он, прежде всего, сохраняя социальную память, формирует общечеловеческое взаимопонимание. Отсутствие понимания и утрата социальной памяти часто приводит к трагедиям.

Быть понятыми другими и самим понимать других – вот, наверное, одно из коренных положений общего дела человечества. И вопрос здесь даже не в форме правления, характере собственности или национальной принадлежности создателей памятников, а в понимании друг друга, в осознании необходимости хранения социальной памяти. Когда в 1990-е гг. в России начали раздаваться голоса, требующие разрушить памятники и музеи эпохи социализма, обвиняющие во всех наших бедах социализм как систему и призывающие ко всеобщему и поголовному охвату всех людей частным

предпринимательством, утверждающие, что приватизация сохранит наследие, тогда начались попытки не только физического уничтожения памятников, но и избавления от памяти о прожитой эпохе. А это не что иное, как отказ от изучения уроков истории, исследования причин наших бедствий. В результате всего этого происходит искажение ядра культуры, утрата его составных частей.

Однако раздаются и трезвые голоса, призывающие быть осторожными в ломке социальных отношений, замене одних памятников другими, обращающие внимание на возможные негативные последствия в деле сохранения наследия, доставшегося нам от отцов наших. По мнению специалистов – исследователей древнерусского искусства, «нет никакой гарантии, что с развитием в нашей стране частной инициативы, частного предпринимательства драгоценные остатки фресок (речь идет об уникальных фресках Дионисия в Ферапонтовом монастыре – Н. Р.) в один прекрасный день не станут объектом сознательного и масштабного грабежа» [3, с. 79].

Пока мы будем хранить памятники как материальные ценности, т.е. как имущество, будет существовать их грабёж. И чем больше мы будем говорить о материальной их ценности, тем сильнее будет развиваться их грабёж. Если же мы будем хранить заключённую в них социальную память, и будем активно при этом формировать сознание широких слоев населения, убеждать в необходимости сохранения этой социальной памяти, то, может быть, тогда сократится и ограбление музеев. Мы же вольно или невольно (особенно в этом преуспевают средства массовой информации) формируем стремление украсть ту или иную драгоценность. Вот пример. Возвратили в Эрмитаж украденную античную чашу, образец ювелирного искусства. И все журналисты, сообщая об этом факте, непременно указывали её стоимость в долларах. Конечно же, после такой информации у многих может появиться соблазн снова украсть эту чашу (или другой музейный предмет в понимании вора – вещь, имущество, который «плохо лежит», а «плохо лежащие» памятники есть в каждом музее). Следовало бы говорить не о цене предмета, а о памятнике культуры, о том, какая историческая память в нём заключена, каково художественное мастерство авторов и уровень развития того общества, которое смогло создать вечные образцы культуры, принадлежащие ныне всем живущим людям, всем поколениям всех времён и народов. Это память наших отцов. А память, как известно, не поддаётся ценностному выражению в долларах или рублях, марках или иенах, турских или гривнах. Может быть, тогда поубавится соблазн хищения наследия прошлого, принадлежащего всем ныне живущим.

Но всё это легко сказать. Гораздо труднее воплотить в жизнь, то есть выработать у общества историческое сознание, чем и должен,

в сущности, заниматься музей. Самосознание же вырабатывается тогда, когда есть историческая память. Один из теоретиков музейного источниковедения музееведов В. М. Суринов пишет: «Слушая рассказы старожил о дореволюционном прошлом, зримо представляешь неторопливое течение крестьянской жизни, процесса сельскохозяйственного освоения территории, в которых прошлое ценилось не меньше настоящего, где существовала гармония между средой (почвой) и деятельностью человека. Потому что мужики “крепко в земле разбирались”, любые новации оценивались с учётом их возможных последствий... Впоследствии в поскотину сибирского села ворвались “продотрядовцы”, “коллективизаторы” (а в конце XX столетия “приватизаторы” – Н. Р.) и произошло то самое, что один из бывших сибирских крестьян назвал “опущением культуры”. В наше время очень важно собрать по крупицам всё то, что сохранилось от культуры прошлого, показать на этой основе значимость целого и максимально использовать его в интересах повышения исторического самосознания людей» [5, 23-24]. К сожалению, в современных условиях приходится наблюдать это самое «опущение культуры».

Человеческое общество (на то оно и человеческое, на то оно и общество) веками вырабатывает сознание необходимости хранения памяти отцов, оно сознательно хранит традиции, обычаи, нравы, правила, обряды и т.д. В этом его жизнестойкость. Инструментом этого хранения и является музей, представляющий собой не только учреждение, но и особое состояние человеческой души; состояние, данное человеку с рождения и развивающееся или затухающее в соответствии с развитием или деградацией общества.

Е. Е. Кузьмина пишет, что чем больше развито общество, тем больше его историческая и культурная память. Согласимся с этим высказыванием, как и с тем, что «в развитом обществе существует и передаётся от поколения к поколению ядро культуры. Полный разрыв традиций и негативное отношение ко всему ядру культуры приводит к нарушению преемственности и утрате достижений предшествующей цивилизации. Ядро культуры из открытой динамической системы становится мёртвой сокровищницей, что обуславливает разрыв общества, элитарность и последующую гибель культуры» [2, 22].

Музей как раз и служит связующим звеном между традициями и новациями, а эта связь не позволяет оторваться обществу от ядра культуры. Музей является цементирующим звеном между прошлым, настоящим и будущим, хранит веками накапливаемую социальную память и передаёт её из поколения в поколение, то есть хранит это самое ядро культуры. Когда музей перестаёт выполнять своё предназначение, он превращается в застывшую выставку вещей или вольно

интерпретируемую экспозицию. При этом общество может утратить связь времен, лишиться ядра культуры.

Важным представляется соотношение всеобщего и частного (или корпоративного) дела. Почему всё-таки памятники время от времени гибнут не от стихийных бедствий и не от физического их разрушения, а в результате сознательного их уничтожения самим человеком?

Есть вещи, которые создаются в процессе человеческой деятельности как необходимые: орудия труда, жилища, дороги, мосты и т.д. Они не для памяти создаются – для жизни. Поэтому их человек не разрушает, а совершенствует. Но есть другие вещи – памятники, специально создаваемые человеком как память о чём-либо или в наидание кому-либо. Как правило, эти памятники (монументы, стелы, бюсты, мемориалы, те же музеи) создаются группами людей или отдельными лицами, выразителями определённых интересов, взглядов, идеологий. Пока эти группы господствуют в обществе, создаваемые ими памятники сохраняются (почти на каждом из демидовских заводов на Урале в своё время были воздвигнуты памятники их владельцам). Но в любом обществе есть и другие группы людей, с иными социальными установками. Если они при изменившихся обстоятельствах занимают господствующее положение, то зачастую уничтожают памятники своих предшественников (где теперь те же демидовские памятники?) и утверждают новые как символ своей власти. Эта извечная борьба людей, не имеющих общего дела, отбрасывающих лишь свои корпоративные интересы, всегда будет сопровождаться разрушением существующих памятников (как и самой памяти) и насаждением новых. Но никто из враждующих группировок не сможет вытравить память поколений полностью. Память всегда будет сохраняться, пусть и фрагментарно, пусть в искажённом виде (как мифологема), но из фрагментов может быть воссоздано нечто целое, а искажения со временем можно и ликвидировать. И не последнюю роль в сохранении социальной памяти человека играет музей.

При смене господствующего класса меняется и социальный заказ, что и приводит к ликвидации одних и созданию других музеев. И каждый такой класс (социальная группа) считает себя правым. Но право ли в целом общество? В этом ли его общее дело? Такое положение вещей способствует вражде, а не согласию, не общему делу. Можем ли мы сегодня, в начале XXI века, стоять на этих позициях? Не пора ли понять, что музей, его сущность, его назначение выше интересов отдельных лиц, социальных групп или господствующего класса. Задача музея – не выполнять волю правящей партии и чиновников госаппарата, а хранить социальную память, формиро-

вать в обществе братское состояние, объединять интересы общества вокруг его ядра культуры.

Список литературы:

1. Дьячков А. К. Нравственный фактор в сохранении недвижимого культурного наследия // Памятники в изменяющемся мире: Материалы международной научно-практической конференции. М., 1993.
2. Кузьмина Е. Е. Культурные традиции народов Сибири и музеев // Вестник музейной комиссии. Вып. 1. М.: Наука, 1990.
3. Музеи – хранители древнерусского искусства и архитектуры // Museum. 1990. № 1.
4. Пиотровский М. Б. [Передовая статья] // Справочник руководителя учреждения культуры. 2010. №6.
5. Суринов В. М. Историческая память народа. Сельское хозяйство Зауралья в образах и мыслях сибирского крестьянина. Тюмень, 1990.
6. Федоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение (Музейное дело и охрана памятников. Экспресс-информация. Вып. 3-4). М., 1992. С. 5.

Сохранение и популяризация культурного наследия народов Тюменского Севера в этнографических музеях и экспозициях региона

С. А. Пахомчик

*доцент, кандидат экономических наук,
Тюменский государственный университет, г. Тюмень*

Аннотация. В статье содержится характеристика Тюменской области как территориального образования с многонациональным населением. Отражается наличие аборигенного населения – коренных северных народов Сибири с их специфичной культурой, традициями и бытом. Показан опыт организации музейной деятельности по отражению национального многообразия проживающих на севере региона народов самодийского, финно-угорского и тюрского происхождения. Приводятся направления работы этнографических музеев, музейных комплексов и музеефицированных пространств как туристических объектов, интересных для туристов, сохраняющих историческую память и транслирующих ее посетителям.

Ключевые слова: население, регион, север, Сибирь, традиционные сферы занятости, быт, этнография, музей, туризм.

Тюменская область находится в Сибири. Ее центр – Тюмень – часто называют воротами в Сибирь. Тенденцией в разнообразии музеев здесь является формирование и развитие средовых музеев под открытым небом, музеев-заповедников. К их числу можно отнести довольно широко известные туристам: «Шушенское» (Красноярский край), «Старина Сибирская (Омская область), Тюльбергский городок (Кемеровская область), «Уч-Энмек» (Республика Алтай), «Тальцы» (Иркутская область) и многие другие. В них сочетается демонстрация исторических, природных, гастрономических, экологических, этнографических особенностей и достопримечательностей регионов, где они функционируют. Этнографическая составляющая в них в большинстве случаев приоритетная. В Сибири и на Дальнем Востоке проживает в настоящее время 68 народов. В том числе в большой Тюменской области их насчитывается 6 (ненцы, селькупы, коми-зыряне, ханты, манси, сибирские татары).

Большая Тюменская область занимает огромную по площади территорию, на которой одновременно могут разместиться Великобритания, Франция, Италия и Финляндия вместе взятые – 1435,3 км².

В меридиональном направлении она простирается более чем на 2 тыс. км. Это расстояние равно протяженности от Архангельска до Ростова на Дону. Протянулась от северной государственной морской границы с США и Канадой до сухопутной с Казахстаном. В широтном направлении она простирается от восточных склонов Уральских гор до Таз-Енисейского водораздела на расстояние, равное расстоянию от Москвы до Уфы. В советское время ее территория занимала 6 процентов земель СССР. Территория располагается в трех природных зонах: тундровой (арктической), лесной(таежной) и лесостепной. Северную часть территории области занимают автономные округа: Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский (Югра). На ее просторах проживает более 150 народов и национальностей. Русские, украинцы, белорусы, татары, казахи, чувашаи, армяне, азербайджанцы и многие другие живут в мире и согласии. Среди населения северных территорий области выделяется группа коренных народов Севера Западной Сибири: ненцы, ханты, манси, селькупы, коми-зыряне, сибирские татары.

Эти аборигенные народы проживают в Западной Сибири продолжительное время. О древнейшей истории коренных народов области имеются крайне скудные сведения. Самодийские племена (ненцы, селькупы) были вытеснены с Саянского нагорья на север в первые годы нашей эры, где ассимилировались с местными племенами – сиртами. В результате образовался народ – ненцы. До Октябрьской революции их называли самоедами и юраками. В образовании народности селькупов участвовали, кроме местных и самодийских племен, угры и кеты. Ханты и манси (в прошлом остяки и вогулы) – это смешение югорских народов с племенами северных уральцев, принадлежат к финно-угорским народам. Предки современных сибирских татар – это тюркоязычные племена, кочевавшие по югу Западной Сибири, были покорены монголами и смешались с ними. Современные коми-зыряне перекочевали через Урал с территории современной Коми республики, где они назывались коми-ижемцами. Русское население, самое большое по своей численности, формировалось постепенно. Первые россияне, в основном, с Севера европейских территорий – Поморья, Великого Устюга, Вятки, Пермских земель и др., перекочевали за Урал сразу после Сибирского взятия и последующие годы освоения сибирских территорий и составили старожильческое население (крестьяне, служивые казаки, ямщики, ремесленники и т.д.). Усилился процесс переселения после отмены крепостного права – 1861 г. Огромная волна переселенцев была вызвана Столыпинской реформой. В последующем были переселения, связанные с освоением целинных и залежных земель,

формированием Западно-Сибирского нефтегазового комплекса и др. Таким образом постепенно сформировалось современное население региона. Поэтому культура, язык, быт, фольклор, формы занятости населения и другие этнографические особенности отдельно взятых народов представляют интерес для приезжающих в регион туристов. В последние годы интерес к этнографическому туризму заметно возрастает. В этой связи происходит рост и расширение объектов показа для отражения в них особенностей отдельных северных народов Тюменского региона.

Южная часть региона – Тюменская область – в последние годы позиционирует себя как термальная столица России. Это определяет во многом постоянный и стабильный рост потока приезжающих в регион туристов. Ежегодно поток туристов извне растет на 20 процентов. Это динамика продолжает прогрессировать год от года. Помимо посещения местных терм, туристы с удовольствием посещают местные достопримечательности, музеи, выставки, гастрономические фестивали и другие событийные мероприятия. Среди интересующих их объектов можно отметить возрастающий интерес к этнографическим музеям, экспозициям, рассказывающим и показывающим все многообразие проживающих на территории народов.

В последнее десятилетие музейный ландшафт области заметно изменился. На музейной карте региона появились музеи с этнографической направленностью. К ним можно отнести: археологический музей-заповедник на озере Андреевском под Тюменью, который является филиалом Тюменского музейно-просветительского объединения имени И. Я. Словцова – ТМПО; музей-этнопарк «Увас МИР хот» – Дом северных людей в деревне Кыштырла; музей села Ембаево, посвященный истории и культуре сибирских татар; музей истории крестьянского быта в деревне Насекина, сельский музей в татарской деревне Чикча (все в Тюменском районе); музей «Сибирское подворье» в селе Нижняя Тавда и т. д. В настоящее время оформляется новое музеефицированное пространство – этнокомплекс татарской культуры в селе Аслана Ялуторовского района, посвященное отражению мира сибирских татар. Недавно под г. Тобольском неподалеку от места где стоял город Кашлык (Искер) – последняя столица Сибирского ханства – создано «Кучумово городище». Это комплекс сооружений, в котором ежегодно проводятся фестивали культуры сибирских татар. На нем можно в полном объеме вживую увидеть танцы, песни, фольклор сибирских татар, познакомиться с национальными блюдами и т. д. [2, с.110-115].

В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре – также развивается направление этнографического туризма. К более заметным

объектам здесь можно отнести: Торум-Маа – этнографический музей под открытым небом; культурно-туристический археопарк на Самаровском чугасе в г. Ханты-Мансийск, древний город Эмдер, расположенный неподалеку от г. Нягань – своеобразная сибирская Троя – легендарный город богатырей на реке Ендырь. Был обнаружен археологами в 1993 г. и представляет собой поселенческо-погребальный комплекс, относящийся к 12-16 векам. Сейчас именно на него опираются историки при характеристике самобытной культуры аборигенов таежного Обь-Иртышья. Также известны: музей истории русского быта в Нижневартовске; музей реки Обь в Нефтеюганске, музей-заповедник «Барсова гора» в Сургутском районе; археолого-этнографический комплекс Казымский (Юильский) острог в Белоярском районе; музей истории и этнографии в г. Югорск, этностойбища в районах компактного проживания ханты: Сургутском, Нижневартовском, Березовском, Белоярском районах ХМАО-Югры. Этнографические музеи совместно с органами управления культурой и инициативными представителями северных народностей проводят национальные праздники, в которых раскрываются особенности и специфика северных народов. К наиболее популярным из них можно отнести следующие.

Праздник Царя Витхона – водяного царя. Он является персонажем религиозных верований, мифов и сказок обских ургов (ханты и манси), является духом воды и хозяином всех водоемов. Витхон – сын небесного божества Торума, древний человек-богатырь, обской мужик, которого Торум поставил присматривать за реками. Его основной обязанностью является справедливое распределение рыбных запасов по водоемам. В день первого спуска лодок на воду Витхону коллективно приносится жертва. Обряд завершается просьбой одарить хорошим уловом. Праздник проводится ежегодно в Березовском районе и ряде национальных сел ХМАО (Югры).

Другой праздник – Праздник обласа. Проводится он в июле, и гвоздем программы празднования является гонки на обласах (лодках). В программе праздника национальная борьба, у женщин – игры в палочку (по перетягиванию палки) и др. В конце праздничное застолье с национальной едой. Вороний день – праздник, посвященный вороне. Серая ворона у местных коренных жителей олицетворяется как символ жизни и связан с приходом весны. В ХМАО празднуется во вторую субботу апреля. Праздник включает специальные ритуалы, обряды. Сопровождается приготовлением и поеданием национальных блюд, танцами и плясками. Медвежий праздник у ханты и манси народов представляет совокупность обрядов и ритуалов, посвященных почитанию медведя – хозяина тайги. Суеверное, почтительное отношение к медведю определяется сходством его с человеком.

Медвежьи праздники проводятся как периодически (в течение семи лет подряд с последующим семилетним перерывом), так и спорадически (по случаю удачной добычи медведя). День оленевода. Обычно проводится в феврале. Проводится в течение дня. С утра звучит праздничная музыка, готовятся блюда из оленины. Одно из главных мероприятий – гонки на оленях (оленьих упряжках). Кроме этого, в программу праздника включают другие виды спортивных национальных состязаний: метание тынзяна (аркана) на хорей (вертикальный шест), прыжки через нарты, тройной прыжок, бег на охотничьих лыжах, метание топора на дальность и др.

В Ямало-Ненецком автономном округе этнографический туризм достаточно развит. Среди наиболее значительных объектов можно назвать: музейное объединение имени Шимановского в Салехарде, этно-поселок Горно-Князевск – музей под открытым небом в Приуральском районе, Обдорский острог в столице округа, этно-стойбища в родовых угодьях ямальских оленеводов.

На границе ХМАО и ЯНАО есть удивительное место – уникальный национальный парк Нумто, получивший свое название от расположенного здесь одноименного озера. Место считается священным и название означает Божье или небесное озеро. Контур озера напоминает фигуру человека, а небольшие острова – сердце и глаза. По традиции рядом с ним нельзя воевать, в нем запрещено ловить рыбу. На острове «Сердце» запрещается рвать ягоды. Вокруг этого места существует бесчисленное множество легенд и приданий и сокровенных сказаний... Поражают своим разнообразием экспозиции музея-заповедника «Торум Маа», расположенные в природном заповеднике «Самаровский чугас». Например, «Летнее стойбище хантов река Аган», куда включены летний дом, хозяйственные и охотничьи лабазы, навес-коптильня, хлебная печь, родильный дом, кострище. На святилище обских угров вырублены из дерева изображения их древних богов. На территории музея проводятся национальные праздники и свадебные обряды. Здесь же проводится Вороний праздник – день прихода весны.

Все этнографические праздники, музейные экспозиции и выставки знакомят посетителей с богатой культурой народов, населяющих большую Тюменскую область. В них широко и красочно представлены все стороны жизни народов Тюменского Севера: традиционные формы хозяйствования (оленьеводство, охота, рыболовства, сбор лесных даров, промыслов и т. д. и т. п.); быт; традиционные типы жилищ: чумов, юрт; фольклор; образцы национальных одежд и обуви, бытовые предметы, утварь и т. д.; танцы и пляски; традиционные национальные праздники; гастрономические блюда и т.д.

Представляют интерес для туристов и возможность приобрести оригинальные сувениры действующих предприятий по изготовлению изделий с национальной тематикой. К числу наиболее известных относятся Тобольская косторезная фабрика. Сегодня это самое крупное в России производство костяных изделий. «Тобольский промысел» как и «Холмогорский», «Чукотский», известен по всей стране и за рубежом. В Тобольске промысел возник во второй половине 19 века и был заимствован у народов Тюменского Севера. Поэтому далеко не случайно, что тематика резьбы связано с изготовлением скульптур и изделий с явно выраженной северной тематикой. Малые народы Тюменского Севера: остяки, вогулы, самоеды и др. — издавна изготавливали из лосиного рога, кости мамонта детали сбруи для оленей, охотничьего снаряжения, реже занимались фигурной резьбой. Известные фигурные изделия Тобольской косторезной фабрики: «Остяк на лыжах», «Поездка на оленях», «Бой молодых оленей», «Возвращение на стойбище», «Тройка оленей», «Семья ненца на отдыхе», «Ловля оленей», «Поездка на собаках» и т. д. отражают сюжеты из жизни народов Тюменского Севера. Север — генеральная линия творчества многих поколений тобольских резчиков. В Тобольске функционирует еще одно предприятие, связанное с народным косторезным промыслом — Дом ремесел мастера, известного тобольского современного резчика М. В. Тимергазеева. В его творчестве так же присутствуют ноты северного направления. Известны его работы «Игра в оленя», «На олене», «Танец» и др., завоевавшие на выставках ВДНХ многочисленные награды и получившие признание [1, с. 14-57].

Центры и Дома народных художественных промыслов и ремесел работают в административных центрах автономных округов в Ханты-Мансийске и Салехарде. Они занимаются возрождением и развитием народных художественных промыслов, популяризацией народного искусства. В ряде коллективных сельскохозяйственных предприятий и национальных поселениях работают сувенирные мастерские и мастерские по пошиву одежды и обуви из оленьих шкур, мехов пушных зверей и животных (Саранпауль, Яр-Сале, Мужы и др.). Традиционные национальные орнаменты, украшающие одежду и обувь, являются предметами национального культурного наследия северных народов Западной Сибири.

В Ханты-Мансийске работают дом-музей народного художника СССР В. А. Игошева, галерея-мастерская художника Г. С. Райшева. Эти мастера кисти создали огромную галерею образов коренных жителей древней Югры: рыбаков, оленеводов, охотников. Известны картины Игошева В. А. «Девочка манси», «Мальчик манси» и др. Ими написаны великолепные пейзажи, натюрморты и проч. отражающие северные мотивы природу Югры.

Экспозиции, демонстрирующие этнографические объекты народов Тюменского Севера, присутствуют на выставках в фондах многих музеев региона. Среди них старейший в Сибири Тобольский историко-архитектурный музей заповедник (приемник Тобольского губернского музея). Там можно увидеть уникальные образцы предметов охоты, ловли рыбы, костюмов народов Тобольского Севера, собирателями которых были Н. Л. Скалозубов, А. А. Дунин-Горкавич и другие известные в регионе собиратели этнографических коллекций.

В целом можно констатировать, что этнографический туризм весьма популярен в Тюменском регионе и имеет неплохие перспективы в развитии.

Список литературы:

1. Валов А. А. Тобольская резная кость – Свердловск: Средне-Уральской книжное издательство, 1987-191 с прил.
2. Пахомчик С. А. Туристические бренды Тюменского региона/ Актуальные вопросы брендинга: компания, отрасль, территория: монография [Отв. ред.: И. А. Лиман, В. В. Маленков [Электронный ресурс], Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2022 - с.108-115

Тони как характерный элемент традиционного культурного ландшафта Онежского полуострова. Результаты обследования промысловых участков в 2023 г.

А. И. Анциферова

*главный хранитель музейных фондов,
ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»*

Аннотация. Статья посвящена тоням – промысловым участкам Летнего и Онежского берегов Белого моря, которые рассматриваются с точки зрения прибрежного традиционного культурного ландшафта. В течении нескольких столетий здесь формировалась особенная производственная и бытовая морская культура, связанная прежде всего с семгой – основной промысловой рыбой этого побережья. В последние годы под влиянием различных факторов происходят изменения этой системы.

Ключевые слова: поморы, Онежский полуостров, Летний берег Белого моря, Онежский берег Белого моря, тоня, промысловый участок, прибрежные морские промыслы, семга.

Традиционная система деления прибрежной полосы Онежского полуострова на промысловые участки (тони), сложившаяся в XV–XVI вв., оставалась практически без изменений на протяжении нескольких столетий. Изменения происходили только внутри участков – крупные делили на мелкие (первые, вторые, малые, большие) из-за увеличения численности населения.

В 1930-х гг. тони были национализированы и использовались рыболовецкими колхозами. Отдельные тони, судя по документам колхозов, преобразованы в рыбстаны для длительного проживания большего количества рыбаков. В конце 1950-х гг. мелкие рыболовецкие колхозы укрупнили. И с этого времени исследуемый участок Летнего и Онежского берегов Белого моря находился в пользовании колхозов: имени Калинина (д.д. Красная Гора, Луда и Уна), «Заря» (д.д. Яреньга и Лопшеньга), «Беломор» (д.д. Летний Наволок, Летняя Золотица и Пушлахта), «40 лет Октября» (с. Пурнема и д. Лямца). В 2018 г. «Заря» и «40 лет Октября» вошли в состав колхоза имени Калинина.

В 1910 г. младший научный сотрудник отдела рыболовства В. Р. Алеев описал промысловые участки Летнего берега, указал их последовательность и владельцев, протяжённость по берегу, орудия

лова, особенности ландшафта, результативность отдельных наиболее продуктивных тоней.

В 2023 г. в рамках научной темы «История и современное состояние тоней (промысловых участков) Онежского полуострова» автором обследованы традиционные промысловые участки Летнего и Онежского берегов (в границах национального парка «Онежское Поморье»). Общая протяжённость изученного участка составила свыше 250 км, от р. Чукчи на Летнем берегу до р. Вейги на Онежском берегу. В ходе обследования фиксировались названия, строения и сооружения, расположенные в границах тони. Изучался вопрос о промысловой специфике каждого участка.

Промысловый район д. Красная Гора, протянувшийся на 20 км от Красногорского Рога до болота Шомбарский мох, в 1910 г. включал тони Пертоминского Спасо-Преображенского монастыря и с. Красная Гора. Насчитывалось 17 тоней и 25 неводов.

В 2023 г. выявлено, что 5 дальних и труднодоступных тоней не используются – они расположены за р. Чукча, берега которой соединяет аварийный мост. После р. Чукчи орудия лова «ставит» только 1 житель Пертоминска, он использует тоню «Костылёво». Тоня «Канава» принадлежит д. Красная Гора, где проживает только 1 человек. На этой тоне стоят 2 амбара. Остальные тони используют рыболовы-любители из п. Пертоминск. Район их промысла простирается от Красногорского Рога до р. Чукчи. На этом участке зафиксированы 4 избы, 1 землянка, лодки резиновые и ПВХ, уличные столы и скамьи, вешала для просушки орудий лова, флюгеры. Избы построены за песчаными дюнами (по словам информанта, «за дюнами теплее, не чувствуется ветер, ещё избы не видят с моря случайные рыбаки, не разорят и не сожгут»). Характерный элемент этого района – столбики, камни, вкопанные в песок бочки, маркирующие участки местных рыболовов. Жители п. Пертоминск знают всех владельцев участков. По общепринятой традиции, без разрешения «владельца» другой рыбак здесь ловить не будет.

В последние годы архангелогородцы и северодвинцы, имеющие катера и лодки, в летний период массово осуществляют лов, прежде всего, трески в прибрежной полосе. Промысловый район д. Красная Гора и п. Пертоминск, расположенный ближе к Северодвинску и на подходе к опасным Красногорскому и Яреньгскому Рогам, чаще становится районом незаконной рыбодобычи горожанами, которые варварски относятся к орудиям лова и иным объектам местных жителей.

Жители п. Пертоминск сообщили, что традиционные названия тоней в современной топонимике почти не сохранились, для обозначения своих промысловых участков рыбаки используют другие

названия. Этот факт можно объяснить следующим образом: в Красной Горе практически нет населения; в Пертоминске, образованном в 1930-х гг. на месте закрытого Пертоминского монастыря, население не коренное: в советский период посёлок формировался за счёт жителей из других населённых пунктов. Их привлекала работа на Пертоминском рыбоперерабатывающем комбинате.

В целом традиционный культурный ландшафт прибрежной полосы промысловых районов д. Красная Гора и п. Пертоминск характеризуется наименьшей сохранностью. Внешние инфраструктурные элементы промысловой культуры поморов здесь практически полностью утрачены: деревянные карбасы заменены на резиновые лодки или лодки-ПВХ, изб мало, вместо неводов ставят рюжи и сети на навагу, камбалу, сига, треску, горбушу.

Традиционный промысловый район деревни Яреньга начинается от мыса Яреньгский Рог до тони «Спорница» («Болотиха»), его протяжённость около 30 км. В 1910 г. В. Р. Алеев зафиксировал здесь 34 тони и 55 неводов-тайников. Самая маленькая тоня – «Сербичка» – имела протяжённость 0,13 км, самая большая – «Рог» – 2,6 км.

В 1909 г. именно этот промысловый район Онежского полуострова имел самую высокую результативность: доходность 11 тоней составила 1000 – 2000 руб. По сравнению с общим доходом яреньжан (22050 руб.), доход от промысла семги в других населённых пунктах был меньше: от 13750 руб. в Лопшеньге до 1170 руб. в Пушлахте [1, с. 93].

В последние годы несколько промысловых участков находилось в долгосрочной аренде у колхоза «Заря», с 2018 г. – у колхоза имени Калинина. В 2023 г. колхоз установил 1 сёмужий невод только на тоне «Браница». Другие тони колхоза в настоящее время законсервированы.

Колхозные тони, находящиеся на удалении от деревни, имеют схожую инфраструктуру. На тоне «Браница» – это изба, сёмужий невод, 2 карбаса – большой для установки и снятия невода, второй – небольшой карбас – подъездок для ежедневной проверки невода, вешала для просушки снастей, флюгер, колодец. На избе табличка с названием участка, координатами и условными границами. В настоящее время тоню обслуживают 2 рыбака, которые «не сидят», т.е. не пребывают длительное время на тоне, а ездят на свой участок из Яреньги 2 раза в день на тракторе.

Остальные участки, сохранившие практически без изменений свои названия, используются рыболовами-любителями д. Яреньги. Промысловый район Яреньги можно условно разделить на 3 отрезка: первый – от Яреньгского Рога до окрестностей Яреньги, второй – д. Яреньга и её ближайшее побережье, третий – от Яреньги до тони

«Болотиха» (пограничная тоня с д. Лопшеньгой). Эти участки отличаются друг от друга уровнем сохранности традиционного культурного поморского ландшафта.

Участок от Яреньгского Рога до самой д. Яреньги протяжённостью почти 20 км расположен в равнинной местности. Здесь песчаный берег с постепенным понижением дна – во время отлива часть прибрежной зоны обнажается. Побережье защищено от сильных волн каменной грядой, расположенной в 300–700 метрах. Ближе к Яреньгскому Рогу каменная гряда, которую поморы называют «кОрга», сближается с берегом. На этом участке находятся устья нескольких рек и ручьев, определивших названия тоней. Здесь же расположено одно из крупнейших озёр Онежского полуострова – Мураканское, отделённое от берега валом песчаных дюн с мелким и редким лесом. Этот участок сохраняет внешние атрибуты традиционного прибрежного культурного ландшафта: «тоньские» избы или землянки, сооружённые в разное время в соответствии с традициями строительства этих промысловых зданий; карбасы (по-местному, карбаса) – традиционные «шитые» деревянные гребные лодки, лодки резиновые и лодки ПВХ, колодцы, флюгеры, рюжи и сети, вешала для просушки орудий лова и т.д.

На одном из участков в непосредственной близости друг от друга находились 2 сооружения (изба и землянка в насыпном холме), которые принадлежали разным собственникам. Владелец избы уже умер, и хоть читаются признаки пребывания здесь людей, но, скорее всего, это случайные рыбаки. Второе сооружение – землянка с вырытым рядом углублением – тайником, где можно хранить продукты и рыбу. Поморы называли этот погреб, встреченный при обследовании полуострова единственный раз, «ледником». Такое название одного из инфраструктурных элементов промысловых участков ранее встречалось в описаниях тоней. Эта яма с крышкой заполнялась весной льдом, на котором хранили рыбу. Землянка не используется, кровля провалилась, осмотреть не удалось.

Недалеко от р. Сосновки находится часовня преподобных Иоанна и Лонгина Яреньгских. Её возвели в XIX в. в память об обнаружении мощей соловецкого послушника Лонгина, утонувшего в 1561 г. Часовня посещалась жителями в XX в. В последние годы находилась в аварийном состоянии. Из-за сильных ветров песчаная дюна под часовней разрушилась, что привело к изменению конструкции. В 2018 г. ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский» отреставрировал часовню и укрепил фундамент.

На этом отрезке ещё читаются атрибуты колхозного промысла рыбы и морского зверя. Это рыболовецкие станы – деревянные постройки на бригаду рыбаков из нескольких человек, «сетные»

склады – большие деревянные амбары для хранения и ремонта орудий лова. Также здесь зафиксирован рыбоприёмный пункт Пертоминского рыбоперерабатывающего комбината. Все эти сооружения заброшены с 1990-х гг., когда прекратилась активная деятельность колхоза по прибрежной добыче рыбы и морского зверя и рыбокомбината. Обследовать их устройство не удалось из-за их обрушения.

Названия тоней и их последовательность, указанные В. Р. Алеевым в 1910 г. и использовавшиеся рыболовецким колхозом в XX в., местному населению по-прежнему известны: старшее поколение яреньжан безошибочно их называет; мужчины в возрасте 30 лет владеют информацией в ограниченном количестве.

Второй отрезок промыслового района Яреньги протяжённостью около 1,5 км располагается в непосредственной близости от деревни: от песчаной косы при впадении одноимённой реки в Белое море до места, где с 1960-х гг. накапливались отслужившие своё колхозные и частные карбасы. Напротив устья р. Яреньги начинается резкое повышение береговой полосы, появляется холмистая местность, сложенная из песчано-глинистых и каменистых пород, песчаная прибрежная полоса становится достаточно узкой. На этом отрезке промыслового района д. Яреньги располагаются 3 исторические тони, известные с XV–XVI вв. Поскольку эти участки располагаются на территории населённого пункта, то избушки – основные характерные элементы и внешние маркеры промысла – отсутствуют. Факт использования этих тоней подтверждается только наличием карбасов, и орудий лова. Яреньжане ставят рюжи на навагу, камбалу, сига.

На третьем отрезке промыслового района Яреньги (протяжённость около 7 км), высокий берег сложен из каменисто-глинистых пород с непосредственно узкой песчаной полосой. На этом участке находится тоня «Крестовая», которую колхоз законсервировал несколько лет назад. Эта тоня по итогам путины 1909 г. отмечалась как самая результативная сёмужья тоня на Белом море – доход рыбаков составил 2700 рублей. До объединения колхозов имени Калинина и «Заря» здесь ставили сёмужий невод¹. Остальные тони используются рыболовами из Яреньги. На этих частных тонях сохраняются избы: какие-то из них используются, другие – заброшены. На прибрежной полосе находятся карбасы, зафиксированные канатом на шейму – ворот, состоящий из укрепленного вертикально в земле столбика высотой до 1 м, на который сверху одевают выдолбленное изнутри невысокое бревно (оно свободно ходит на основании).

¹ Большие сёмужьи невода ставят только рыболовецкие колхозные бригады, осуществляющие промышленный лов сёмги

Промысловый район деревни Лопшеньги протяжённостью около 30 км начинается у тони «Большая Сярта» и заканчивается у тони «Банёво». В 1910 г. В. Р. Алеев зафиксировал 37 тоней и 79 сёмужьих неводов-тайников. Самой маленькой тоней была «Никольская» (0,3 км), самой большой – «Галдарея» (1,9 км). В 1930–1958 гг. всё это побережье использовалось колхозом «Промышленник». С 1959 г. здесь промышленную добычу сёмги, сельди, морского зверя осуществлял колхоз «Заря», объединявший д.д. Лопшеньгу и Яреньгу. Управление колхозом осуществлялось из Лопшеньги.

Рельеф промыслового района Лопшеньги разнообразный и сложный: сама деревня и несколько участков в сторону Летнего Наволока расположились на морской террасе, примыкающей к моремому холму; отдельные тони находятся на склоне мореного холма; мыс Вороний (мореная гряда из валунов) близко подходит к береговой линией – во время приливов море практически вплотную подступает к нему; часть тоней организованы на ровном песчаном берегу, а какие-то укрыты от моря песчаным валом – дюнами.

Промысловый район д. Лопшеньги отличается от других высокой степенью сохранности культурного поморского ландшафта, концентрацией промысловых изб, принадлежащих местным рыболовам-любителям, и иных инфраструктурных элементов.

В долгосрочной аренде у колхоза «Заря», а затем и колхоза имени Калинина, находятся несколько промысловых участков: «Спаская», «Сийская», «Гнидино», «Турка», «Никольская». Промысленный лов сёмги осуществлялся в 2023 г. только на тонях «Никольская» и «Турка», где были установлены невода, остальные участки колхозом законсервированы. В Лопшеньге, в отличии от других населённых пунктов Онежского полуострова, промышленный лов сёмги, а с 2023 г. ещё и плановый промышленный лов горбуши осуществляется на 2 тонях. Эти участки хорошо сравнивать, они отличаются друг от друга своей инфраструктурой. Если тоне «Никольская», удалённой от деревни на некоторое расстояние, характерны все внешние элементы промыслового участка, то тону «Турка», расположенную в центре Лопшеньги, определить можно по информации местных жителей. На тоне «Никольской», расположенной на мысе Никольском и сохраняющей в названии свою монастырскую историю (в 1554–1917 гг. этот участок принадлежал Николо-Корельскому монастырю), находятся: 2 избы (старая – склад, в новой – останавливаются рыбаки); невод, 2 карбаса (карбас большой и карбас-подъездок), якоря и гундеры – большие кольца для сельдяного невода (на тоне раньше осуществляли промышленный лов сельди), вешала для просушки орудий лова, кострище с навесом

из отслуживших карбасов, флюгер, колодец, шейма. В последнее время рыболовецкая бригада ездит из Лопшеньги на машине для проверки невода утром и вечером. На тоне «Турка» невод установлен напротив церкви апостолов Петра и Павла (жители пояснили, что место установки невода может меняться), и 2 карбаса (большой и маленький), шейма. В 2023 г. промышленный лов сёмги на двух колхозных тонях осуществляли 2 бригады, состоящие из четырёх человек: по 2 рыбака на каждом участке. На путину 2023 г. у рыбаков был план по вылову сёмги (800 кг на Лопшеньгу и Яреньгу) и горбуши. Лопшари отметили, что горбуши в этом году «пошло к лопшеньгскому берегу» мало, план не выполнен.

Остальные тони используют жители д. Лопшеньги. Все промысловые участки, сформировавшиеся в XVI–XVIII вв., известны под теми же названиями, имеют развитую инфраструктуру: избу с каменной или железной печью, вешала, карбас или лодку (резиную или ПВХ), флюгер, иногда колодцы. На одном из промысловых участков установлен поклонный крест.

Промысловый район д. Лопшеньги можно условно, как и промысловый район д. Яреньги, разделить на три отрезка: первый – от тони «Большая Сярта», второй – непосредственно в окрестностях самой Лопшеньги, третий – от Лопшеньги до тони «Бонёво», где проходит граница лопшеньгских и летненаволоцких тоней.

Тоня «Большая Сярта» расположена у устья одноимённой реки, сохраняет внешние атрибуты: есть промысловая изба, ранее принадлежавшая колхозу, якоря и гундеры, вешала и шейма. Подробная промысловая история этого участка известна с XVI в. Эта тоня имеет важное значение и в религиозной истории Онежского полуострова. Здесь были обнаружены нетленные останки Иоанна Яреньгского, соловецкого бельца, погибшего в 1561 г. во время шторма. С конца XVI в. после перенесения в Яреньгу останков святого здесь находилась часовня, которая долгое время была местом поклонения как яреньжан, так и лопшарей. Все эти факторы, а также расположение тони у реки и дороги делают её интересной и перспективной с точки зрения музеефикации.

На обследованном участке Летнего берега обнаружены руинированные или разрушенные сооружения колхозных рыбстанов, приёмных пунктов Пертоминского рыбокомбината, а на тоне «Зацепино», где в XX в. происходил обмен почтой между Лопшеньгой и Летним Наволоком, руинированные остатки почтового стана.

Промысловый район д.д. Летний Наволок (до 1939 г. – д. Дураково), Летняя Золотица и Пушлахта принадлежит рыболовецкому колхозу «Беломор», который не вошёл в состав объединённого

рыболовецкого колхоза имени Калинина. Колхоз выдаёт местным жителям путёвки на осуществление лова. Этот район разнообразен по своей промысловой специфике. После мыса Ухт-Наволоок, который собственно и маркирует Летний и Онежский берега – сёмга почти «не подходит», стало быть не является основным видом промысла. «Тонёй на коргах Ухт-Наволока кончается Летний берег и вместе пространство непрерывных тоней. От Ухт-Наволока до Летне-Орловского мыса ещё есть сёмужьи тони, но дальше последнего уже не простираются» [1, с. 85]. Ухт-Наволоок расположен между Летним Наволоком и Летней Золотицей. Летний Наволок всегда славился своим сёмужьим промыслом, в то время как Летняя Золотица и Пушлахта специализировались на другой рыбе. Более того, в промысловом районе Летнего Наволока находится сёмужье-нерестовая р. Усть-Яреньга, что также влияло в целом на промысловые результаты этого населённого пункта. Именно здесь по результатам опросов местного населения выявлена информация о сёмге весом в 42 кг, выловленной в 1950-х гг. В Яренье и Лопшеньге известны случаи вылова рыбы в 36, 28, 22 кг.

В промысловом районе д. Летний Наволок, историческая протяжённость которого больше 30 км, от тони «Бонёво» до тони «Волчья» (сейчас закреплена за Летней Золотицей), в 1910 г. фиксировалось 29 тоней, на которых установлено 54 невода. Самая маленькая тоня «Малютка» (0,15 км) располагалась на правом берегу р. Усть-Яреньга, самая большая – «Малая Кега» (1,8 км). В 1910 г. В. Р. Алеев, фиксируя промысловые участки, подробно описал тони с. Дураково. При описании тоней после Ухт-Наволока чаще всего отмечал их низкую результативность. Промысловые участки Онежского берега не были описаны. Отмечалось только, что там осуществляется зимний лов наваги.

В настоящее время в Летнем Наволоке проживает 5 человек, летом население становится больше. Постоянные и сезонные жители этой деревни по путёвкам от колхоза рыбачат около своего населённого пункта и в его окрестностях. У многих имеются транспортные средства, что позволяет проверять сети и рюжи каждый день. На отдельных тонях сохраняется по-прежнему «тоньская» инфраструктура – при обследовании избы и иные сооружения обнаружены на тонях «Каменка», «Михалица», «Кега» и т.д.

Колхозом «Беломор» мелкие промысловые участки всех трёх населённых пунктов укрупнены: в 2023 г. их всего 28. Некоторые участки используются для добычи водорослей. В советский период отдельные участки, например Конюхова губа, специализировались на промысле тюленя и нерпы.

Этот район отличается низким уровнем сохранности традиционного поморского культурного ландшафта. Все колхозные постройки (рыбстаны, склады) руинированы или уже обрушились. Местные жители поддерживают только небольшие частные «тоньские» избы. Карбасы массово встречены в д. Летняя Золотица с постоянным населением около 60 человек и в д. Пушлахта, численность населения которой 28 человек.

Д. Лямца и с. Пурнема в 1957–2017 годах входили в состав рыболовецкого колхоза «40 лет Октября», который с 2018 г. присоединился к колхозу имени Калинина. До присоединения рыболовецкие бригады на отдельных тонях занимались зимним подлёдным промыслом наваги. После объединения колхозные тони законсервированы.

Периодически на 90-километровом участке от Пурнемы до Пушлахты встречались частные «тоньские» избы – некоторые в аварийном или руинированном состоянии. Старые колхозные карбасы зафиксированы в Пурнеме. По рассказам жителей Пурнемы и Лямцы, карбасов раньше в деревнях было много, но давно уже никто их не шьёт. Достаточное количество карбасов выявлено в Пушлахте: какие-то сохранились при бережной эксплуатации от местных мастеров, какие-то привезены из Летней Золотицы, где ещё сохраняются навыки шитья традиционной поморской деревянной лодки и живы мастера.

В районе Пурнемы ставят рюжи. В районе Лямцы удалось зафиксировать рюжу «на обе воды» (на навагу и камбалу), укреплённую кольями. Такое орудие лова встречено впервые. Информанты отметили, что оно используется только в Лямце.

Таким образом, результаты обследования и беседы с информантами – местными жителями – показали, что некоторые промысловые участки, находящиеся в долгосрочной аренде у рыболовецких колхозов, в настоящее время законсервированы.

Местные жители причину временной консервации промысловых участков объясняют снижением колхозом плана по вылову сёмги и отсутствием кадровых перспектив у колхоза в деревнях.

В 2023 г. на всём обследованном участке рыболовецкий колхоз имени Калинина вёл промысел только на 3 участках. Тони «Турка» и «Никольская» обслуживаются 4 рыбаками из Лопшеньги, тоня «Браница» – 2 рыбаками из Яреньги. На каждом участке рыбаки «выставляют» по одному сёмужьему неводу («нёводу»). Также на этих тонях в это лето впервые планово осуществлялся промысел горбуши. Обследованные колхозные тони, находящиеся на удалении от деревень, имеют схожую инфраструктуру. В настоящее время рыбаки не сидят на тонях, а ездят на свои участки 2 раза

в день. По-иному выглядят тони, расположенные в окрестностях деревни – «тоньская» изба, являющаяся непременным атрибутом дальних промысловых участков, отсутствует. Все остальные промысловые участки, удалённые от населённых пунктов, обозначены частными избами или землянками. В 1910 г. В. Р. Алеев указывал, что все «тоньские» избы курные, отапливаются по-чёрному; подобная информация встречается в архивных документах 1920-х–1930-х гг., и письмах и отчётах археологической экспедиции 1926–1928 гг. С конца 1930-х гг. колхозы перестроили промысловые избы, изменили структуру кровель и систему отопления. Обследованные «тоньские» избы уже не содержат самцово-сеговую кровельную конструкцию (по потокам и курицам), как это ещё было в 1930-х гг. Также не выявлены курные избы, в современных избышках печи железные или каменные. В последние годы возникла ситуация, когда местные рыбаки вынуждены закрывать свои избы на замок из-за агрессивного поведения рыбаков из Архангельска и Северодвинска, которые после себя оставляют непотушенные костровища и много мусора, захватывают избы, изымают весь улов и портят при этом орудия лова. Такого никогда не было, прибрежные избы всегда были открыты – каждый помор, как никто другой, понимает важность возможности попасть в избу и истопить печь в непогоду.

По свидетельству рыбаков в последние годы практически нет надобности в строительстве изб для длительного проживания или, как обозначают местные жители, «сидения на тони», т. к. многие имеют транспортные средства и могут ежедневно, если это необходимо, ездить до своей тони и возвращаться домой. Место своего промысла маркируют столбиками, камнями, особенностями рельефа, триангуляционными знаками. Существуют негласные правила пользования участками. Каждый пользуется только своим участком. Если у местных рыбаков возникает желание поставить орудие лова не на своём участке, то нужно спросить разрешение у владельца.

Важным элементом каждой тони всегда являлся самодельный флюгер – высокий шест с установленными сверху подвижными горизонтальными деталями. С помощью флюгера определяли направление и силу ветра, влиявшего на промысел, на постановку сёмужьих или сельдяных неводов, и своевременное их снятие в случае надвигающейся непогоды. Результаты обследования побережья в 2023 г. и беседы с местными жителями показали, что в последние годы в связи с развитием интернета рыбаки практически перестали использовать флюгеры. «Гугл нам флюгер заменил», – смеются поморы, поясняя, что в интернете не только направление, но и скорость ветра теперь можно узнать.

Удалось зафиксировать несколько заросших колодцев. По рассказам поморов, по избу ставили у водоёма (устья реки или ручья). Если таковых поблизости не было, то промысловики первым делом искали пресную воду, рыли колодец, а потом ставили избу.

Таким образом, вся выявленная информация позволяет говорить о сохранности культурного ландшафта побережья в отдельных районах полуострова и почти полной его утрате в других.

Список литературы:

1. Алеев В. Р. Отчёт о поездке на Летний и Онежский берег Белого моря в 1910 г. и описание морских рыболовных угодий (отд. отт.). СПб, 1913 г.

2. Анциферова А. И. Отчёт «История и современное состояние тоней (промысловых участков) Онежского полуострова» // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф.2. Оп. 2/2. Д. 103.

Озеро в мифопоэтической картине мира жителей Кенозерских деревень (из опыта работы над «этнолингвистическим словарем Кенозерья»)¹

А. А. Иванова

*доцент, кандидат филологических наук,
МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

Аннотация. В статье на примере концепта «озеро» представлены концептуальные основания и формы репрезентации мифологической информации в «Этнолингвистическом словаре Кенозерья», работу над которым в настоящее время ведет Кенозерский национальный парк.

Ключевые слова: Кенозерье, этнолингвистический словарь, культурный ландшафт, мифопоэтическая картина мира, озеро.

Проблема сохранения культурного наследия и исторической памяти, напрямую влияющих на поддержание этнической самоидентичности, с особой остротой стоит в наши дни, когда мы катастрофически быстро утрачиваем многие сегменты традиционной культуры, языка и лежащего в их основе мировидения. Отчасти сдерживать этот процесс позволяют издательские проекты этнографов, фольклористов, диалектологов, этнолингвистов, культурологов, адресованные не только узкому кругу специалистов в означенных областях научного знания, но и широкому кругу читателей, работающих в самых разных общественных сферах – образовании, культуре, туризме и др. В настоящее время одной из самых востребованных эдиционных форм репрезентации этнокультурной информации считается словарная, поскольку у нее есть ряд неоспоримых преимуществ: компактность подачи материала (в словарный кластер собирается самая важная информация), быстрота доступа к нему (словарь строится по принципу алфавитного каталога), возможность создания разномасштабных по территориальному охвату словарей (общеславянского, общерусского, регионального, субрегионального, локального) [14, 15, 16, 18].

Подготовка этнолингвистического словаря – дело не простое, поскольку уже на начальном этапе работы приходится решать ряд

¹ Статья подготовлена в рамках договора с ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»» на исследование по теме «Концептуальное основание и структура этнолингвистического словаря Кенозерья (продолжение исследования)».

принципиальных вопросов: какими должны быть лексемный состав словника, структура словарной статьи, информация, предоставляемая в ней, типы сопровождающих ее комментариев. При этом составителям важно принимать в расчет тот факт, что в целевом отношении этнолингвистический словарь существенно отличается от диалектного: перед последним стоит задача очертить весь корпус слов, задействованных в речевых практиках диалектоносителей, перед первым – представить слова-концепты, многократно проигрываемые в разнообразных менте- и артефактах, способные выступать в качестве опознавательных маркеров конкретной культурной традиции. Соответственно, состав словника этнолингвистического словаря в количественном отношении существенно уступает словнику словаря диалектного и должен, как нам представляется, опираться на концепцию культурного ландшафта (КЛ), под которым разумеется «природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящий из характерных сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности» [13, с. 16].

Одна из исследовательских моделей описания и изучения КЛ [10] предполагает наличие в нем нескольких взаимоувязанных компонентов (рис. 1): природную среду; сообщество людей, проживающее в ней; их хозяйственную деятельность; селитьбу – способ селенческого обустройства жизненной ойкумены (жилые, хозяйственные, культовые постройки, их экстерьеры, интерьеры, способ пространственной организации на местности), язык, культуру (духовную и материальную).

Рис. 1 Исследовательская модель культурного ландшафта

Системообразующим звеном представленной модели является сообщество людей, которое создает конкретный КЛ, описывает его посредством языка и разнообразных культурных текстов (фольклорных в том числе), транслирует их в пространстве и во времени (от поколения к поколению).

Следует отметить, что в триаде «природа ↔ культура ↔ человек» отношения выстраиваются как взаимообразные: «...взгляд на ландшафт одновременно и как на результат материальных практик, т.е. объект освоения посредством ремесел, промыслов, хозяйственных и обрядовых практик и символической интерпретации, и как на субъект, непосредственно участвующий в процессе формирования социальных взаимоотношений и преобразования социальных явлений. В такой перспективе не только человек создает культурный ландшафт, но и ландшафт конструирует самого человека [2, с. 5]. Подобный антропологический подход к анализу КЛ опирается на идею известного философа и культуролога Г. Д. Гачева о том, что «пространство не просто дано нам извне, но произведено нами изнутри нашего “я”, каким оно сформировано, образовано в той или иной Культуре. Образ Природы – продукт Социума» [6, с. 274].

Сказанное означает, что в процессе обустройства жизненной ойкумены, ее образной репрезентации и брендинга посредством фольклорных текстов важную роль играет картина мира местных жителей (с учетом же того, что в «художественную систему фольклора входили игнорирование достоверности, нарочитое уклонение от бытовой эмпирики, от описаний трактовок в духе здравого смысла» [17, с. 53], следует уточнить – мифопоэтическая картина мира). К примеру, природный феномен зарастания и исчезновения ряда кенозерских озер в связи с изменениями в системе водостоков [13] в фольклорной традиции трактовался в соответствии с мифологическим сценарием, ср.: «...у водяного ильинского была дочь; за ней сватались водяной пречистенский и водяной, владелец Кенозера, которое в ту отдаленную эпоху было соединено с Водлозером. Как пречистенский, так и кенозерский водяные часто навещали ильинского. Кенозерский водяной первый посватался и ему отказали. Посватался затем пречистенский водяной и старик – ильинский отдал за него свою дочь. Кенозерский рассердился, ушел к себе в озеро и, чтобы никогда не ходить больше в Водлозеро, засыпал большими камнями дорогу; с тех пор Кенозеро не общается больше с Водлозером» [19, с. 33]. Именно поэтому в крупномасштабных этнолингвистических словарях (локальных, субрегиональных) в каждой словарной статье этнокультурная информация обычно подается с двух позиций – исследовательской и исполнительской (последняя путем

цитирования текстов и фрагментов интервью, записанных у членов местных сообществ).

Разножанровые тексты, сориентированные на описание конкретного КЛ (предания, былички, легенды, индивидуальные и коллективные прозвища, географическая песня, частушки) составляют ядро локального текста², выполняющего две важнейшие функции – этноинтегрирующую и этнодифференцирующую [7]. Поскольку одним из брендов КЛ Кенозерья³ является озерная система, насчитывающая более двухсот водоемов, крупнейшие из которых – Кенозеро, Долгое, Свиное, связанные проливами или простями, и Лёкшмозеро (остальные мелкие и в зависимости от происхождения и характера использования называются ламбой, лягой, бачагой), в готовящемся Кенозерским национальным парком «Этнолингвистическом словаре Кенозерья» предполагается немало статей, прямо и косвенно связанных с концептом «озеро»: вода, водяник, лодка, озеро, русалка, рыба, рыболовство, др.

Основание деревень многие кенозера связывают с преимуществами жизни рядом с озером: «“Когда земли стали осваивать, я даже не знаю, но знаю по догадкам: из-за леса и из-за озера. С леса все брали: слюду, деготь, пушнину, мясо. А тут (в озере. – Н. В.) была рыба. А земля здесь плохая. Хлеб покупали за рыбу, все – торговали” (А. Д. Макарова, д. Орлово, 1999)» [5, с. 68]. Рыба составляла не только основу рациона питания местных жителей, но и была одним из основных меновых товаров, поставляемых далеко за пределы Кенозерья, славившегося разнообразием ее сортов (в здешних озерах обитали лещ, сиг, ряпушка, налим, окунь, язь, щука, ерш и др.).

В итоге в формировании радиально-кольцевой полизональной структуры КЛ Кенозерья заметную роль сыграл «озерный» фактор: «...центром является деревня в границах застройки. Вокруг формируется несколько зон, различаемых по характеру природопользования. Очевидно, что близкими к селитбе будут акватория озера (поскольку мы имеем дело с поозёрным типом расселения) и массивы общинных полей с небольшими перелесками, образующие вместе с озером пояс открытого пространства. Следующая, весьма обширная, зона – мозаичное чередование полян и лесов. Поляны и луга сосредоточены вдоль основных дорог, соединяющих деревню

² «...локальный текст – это всегда парадигма, т.е. целая вертикаль текстов, выстроенная вокруг определенной тематической оси: города, местности, края и пр. <...> Локальный текст – это корпус “текстов о месте”» [3, с. 77].

³ Под Кенозерьем в статье понимается территория, входящая в южный и северный сектора Кенозерского национального парка.

с соседними поселениями, либо с дальними озерами и связанными с ними рыболовными и охотничьими угодьями. Далее они сменяются лесными и озерно-лесными промысловыми угодьями. Периферийная зона лесов, болот и малых озер – обязательная составляющая культурного ландшафта. В акваториальной зоне на Кенозере находятся островные и полуостровные кладбища с архаичными формами захоронений. Акваториальная зона важна в рыбопромысловом и транспортном отношении. Акватория озера пространственно разъединяет, но визуально объединяет различные кусты деревень» [11, с. 36].

Рис. 2 Пространственная организация КЛ кенозерской деревни

Согласно мифопоэтической картине кенозер, каждая из зон имела своего *genius loci* или «хозяина»: в озерах обитали русалки и водяные («У каждого озера свой. Вот здесь у нас Дóлго, там Кенозеро, там Свино начинается. В каждом озере свой» [ВВВ; АКФ 2013, т. 2, № 36]). Вторые в отличие от первых имели семью, о членах которой обыкновенно упоминается в заговорах, произносимых при набирании озерной воды для лечебных ритуалов («Бережок батюшка, водушка матушка, царь водяной и царица с малыми детьми, с приходящими гостями, благословите воды взять не ради хитрости, не ради мудрости, но ради добра и здоровья рабу Божию» [19, с. 34]) или при отправлении на рыбалку («На озере, например, на рыбалку едем

тоже: “Хозяин да хозяйюшка, пошлите нам рыбки”. Вот так всегда приговариваем» [НАН; АКФ 2013, т. 2, № 359]).

Поскольку от характера отношений с водными духами зависела удача в жизненно важном рыболовном промысле, кенозера обращались к ним вежливо, ласково и статусно (водяник, водник, старичок-водничок, хозяин воды, морской царь), старались умиловать дарами или оказать услугу, рассчитывая в ответ на хороший улов: «И водяного у нас мужики, например, в апреле, по-моему, праздник Никиты Водопол, праздник водяного. В этот день мужики, если идут на подледную рыбалку, то они в луночку обязательно стопочку выльют и хлебца покрóшат. С ним (водяным) тоже любят жить дружно. Чтоб рыбку посылал, чтоб улов был. Вот эти моменты они как бы сакральны» [НЕИ; ЛАНА]; «Вот это как мой отец рассказывал. Он ходил, <...> посмотрел вот эту мережу: не попало ничё, воденик и вышел. Он ему дал закурить. А раньше он что курил? Он курил махорку. И всё. Покурил и ушел к своим. На следующий раз приходит, рыбы ему столько попало – море! Кошель наклал» [ММВ; АКФ 2013, т. 8, № 200]; «В Кенозере в невод заловили водяника. Он взмолился, чтобы выпустили; обещал: “Я рыбы вам много дам”. Его упустили в озеро. Потом первую тоню вытянули – полон конского навоза, а вторую тоню – полную рыбы» [УЯВ; АКФ 1959, т. 8, № 76].

При нарушении же предписываемых традицией норм поведения на озере жители кенозерских деревень бывали жестоко наказываемы водяными и русалками: «Видел дядя Ваня, видел. Чумной был такой мужик. <...> Она сидела на камню, и говорит: “Ну вот женщина, только чешуя рыба, покрыта чешуей рыбьей. И, – говорит, – чего мне придумалось: дай-ка я, – говорит, – ей пальну. Людям покажу, что это за диковина”. Вот. “А, – говорит, – с камня-то она пала в воду. А ночью-то мне, – говорит, – снится сон, будто пришла, говорит: “Хорошо, ты меня не убил, а в плечо ранил. Я тебе жизнь дарю. Ток и одной рыбки ты больше не изловишь». И вот, – говорит, – как пить дал. Пустой, – говорит, – невод”. Это русалка была» [КНФ; АКФ 2013, т. 7, № 7].

В мифопоэтической картине мира многих этносов вода наделяется семантикой границы, разделяющей два мира – человеческий, живой и inferнальный, мертвый. С этим представлением связана традиция размещения кладбищ на островах. Были таковые и на Кенозерье (самое известное из них находилось на о. Ряпусном). В итоге составной частью кенозерского похоронного обряда стали закрытие границы не путем кидания веток за похоронной процессией с гробом, а заливания водой («[А у вас ветки кидают, когда провожают (умершего. – А. И.)?] Нет, не видела. Водушка из ковшичка.

Замывают следы, наверное» (АКФ, 2013, т. 13, № 95)] и перевоз гроба с покойником из жилого пространства на Ряпусный погост. Если умерший вел греховный образ жизни, озеро (по вариантам – его «хозяин») могло воспрепятствовать успешному преодолению водной преграды. В подобных ситуациях прибегали к помощи людей, знающих толк в магии и заключивших договор с водяником: «А у меня был случай. Мама у нас, у меня же померла, вот, значит, две тетki пришли. Они маме двоюродные сестры. Проводить ее пришли. Ну, нам же надо везти на родину, туда, к ейному дому в Минину, на то кладбище. Ну мы и в лодку положили гроб-то, а он и ушел-то. Лодка-то ушла под воду. Вот столько осталось. А как мы ишшо сядем в эту лодку-ту? Тетки подошли, одна тетка и говорит: “А ну-ка несите топор!” Она топор на этот, на гроб положила, лодка как поплавок прыгнула, на глазах просто. Не знаю, почему так получилось. Может, слова какие знала. И ветер был, вихрь! И туда, в озеро – ветер! Говорю: “Да што такое? Уж везем-то на родину, домой тебя, мама (на кладбище покойницу). Чево так расходилось-то всё? Чего тебе не нравится-то так?” Подъехали немного [на лодке], из-за острова вывернули – на озерышко тихо сделалось» [ПМВ; ДА МГУ].

В аксиологических отношениях озера Кенозерья различались – одни почитались как святые (озеро у Макарьевской Хергозерской мужской пустыни), другие – как опасные, нечистые (Оньково озеро у д. Зехнова), ср.: «...бывает Макарьев день, Макарию преподобному. Вот в этот Макарий все люди шли. Шли шестого августа туда. А седьмого утром сходят, службу отслужат там, отстоят и обратно идут. А у кого завет, у кого ноги, я иду – девушка молодая, – она ползет на коленках. У нее был завет, чтобы ноги у ей поправились <...> она всё это озеро – по всем корягам – всё это озеро обползла на коленках, не вставая» [9, с. 126]; «Оньково озеро у Зехнова, у самой деревни. В этом озере ловят рыбу – окуней, лещей. Это озеро особенное. Пойдешь ловить, то ни с кем не говори и чтобы тебя никто не видел. А пришел с кем-то – не говори. Если оборвалась рыбка – не ойкни, а ойкнул, – можно возвращаться, ни одна рыбина больше не клонет. Изю всех озер одно такое. С этим озером не шутят» [4, с. 104].

С сакральным статусом кенозерских озер связаны многочисленные запреты и предписания, соблюдаемые местными жителями (в особенностями рыбаками): нельзя купаться в озере после захода солнца (в это время озеро спит), оглядываться на него при возвращении домой, смотреть в черное лесное озеро, подглядывать за водяником и русалкой, для лечебных целей озерную воду лучше брать на утренней заре, а для выведения клопов – тайком из трех озер, которые не видят друг друга, и т. д.

Список информантов

ВAB – Вахрамеев Александр Васильевич, д. Вершинино Плесецкого р-на.

КНФ – Калитина Нина Федоровна, 1928 г.р., пос. Усть-Поча Плесецкого р-на.

ММВ – Матюгов Михаил Владимирович, д. Горы Плесецкого р-на.

НАН – Ножкина Антонина Николаевна, 1954 г.р., д. Вершинино Плесецкого р-на.

НЕИ – Нечаева-Аникеева Елизавета Ивановна, 1966 г.р., пос. Усть-Поча Плесецкого р-на.

ПМВ – Печихина Марья Васильевна, 1954 г.р., пос. Поча Плесецкого р-на.

УЯВ – Ушаков Яков Васильевич, 1906 г.р., д. Лекшмозеро Каргопольского р-на.

Список литературы:

1. Абрамова А. А. Озеро в культурном ландшафте Кенозерья // «Кенозерские чтения – 2013. Культурные ландшафты: традиции для развития»: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции / сост. М. Н. Мелютина; отв. ред. Е. Ф. Шатковская. Архангельск: ООО «Типография № 2». 2015. С. 112-117.

2. Баранов Д. А. Ландшафт как событие // Кенозерские чтения – 2023. Ландшафт человека: исследования Русского Севера на перекрестке наук: сборник материалов XI Всероссийской научно-практической конференции / сост. М. Н. Мелютина, А. А. Быльченко; отв. ред. А. В. Яковлева; ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Архангельск, 2024. С. 4-12.

3. Баянбаева Ж. А. Локальный текст и его функции (на примере алма-тинского локального текста) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Литературоведение. Журналистика. 2016. № 2. С. 77-83.

4. Ведерникова Н. В. Кенозерские сказки, предания, былички / вст. ст., сост., прим. Н. В. Ведерниковой. М.: Институт Наследия, 2003.

5. Ведерникова Н. М. Традиционные хозяйственные занятия жителей Кенозерья в обрядах, преданиях, устных рассказах // Кенозерские чтения – 2015: «Заповеданное Кенозерье: природа, культура, человек»: сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Е. Ф. Шатковская; сост.: М. Н. Мелютина. Архангельск, 2016. С. 62-69.

6. Гачев Г. Д. Национальный априоризм в представлениях путешественника о чужеземье: француз де Кюстин и болгарин Радичков едут

в Россию // Категории и концепты славянской культуры. Труды Отдела истории и культуры. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 274-290.

7. Иванова А. А. Локальный текст в фольклорной традиции Кенозерья // Кенозерские чтения – 2021. Заповедные земли Русского Севера в контексте социально-гуманитарных и естественно-научных исследований: сборник материалов X науч.-практич. конф. / сост. М. Н. Мелютина, С. И. Дровнина; отв. ред. Е. Ф. Шатковская; ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Архангельск, 2022. С. 190-200.

8. Иванова А. А. Мифологический ландшафт Кенозерья: из опыта работы над «Этнолингвистическим словарем Кенозерья» // Культурное наследие Русского Севера: интерпретация смыслов: коллективная монография / Под ред. Марковой М. М., Перхиной Е. М. Федер. гос. автоном. образоват. учреждение высш. образования «Сев. (Аркт.) федер. университет им. М. В. Ломоносова». Архангельск: КИРА, 2023. С. 28-42.

9. Каргополье. Фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни и присловья) / Сост. М. Д. Алексеевский, В. А. Комарова, Е. А. Литвин, А. Б. Мороз, Н. В. Петров. М.: ОГИ, 2009.

10. Калуцков В. Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008.

11. Кулешова М. Е. Феномен культурного ландшафта Кенозерья // Наследие и современность. 2019. № 2(2). С. 3-48.

12. Куликовский Г. И. Зарастающие и периодически исчезающие озера Обонежского края // Землеведение. 1894. № 1. Т. 1.

13. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.

14. Морозов И. А., Слепцова И. С., Островский Е. Б., Смольников С. Н., Минюхина Е. А. Духовная культура Северного Белозерья: этнодиалектный словарь. М., 1997.

15. Морозов И. А., Слепцова И. С., Гилярова Н. Н., Чижикова Л. Н. Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь. Рязань, 2001.

16. Очерки традиционной культуры Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь. Т. 1–2 / И. С. Кызласова (Слепцова), А. П. Липатова, М. Г. Матлин и др. М.: Индрик, 2012.

17. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.

18. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. Тт. 1–5. М.: Международные отношения, 1995–2012.

19. Харузин Н. Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии. М.: Б.и., 1889.

Этнолингвистический словарь Кенозерья: пробные словарные статьи. Блины¹

И. Б. Качинская

*кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
МГУ имени М. В. Ломоносова,
г. Москва*

Аннотация. Исследование представляет собой пробную словарную статью для готовящегося «Этнолингвистического словаря Кенозерья» и основано на материалах полевых экспедиций. Блины в Кенозерье выпекались в будни и праздники, замешивались на воде и молоке, на дрожжах и сметане, из разных видов муки. Как один из важнейших пищевых элементов блины тесно связаны с культурной традицией, в том числе свадебной и похоронной.

Ключевые слова: архангельские говоры, Кенозерье, этнолингвистический словарь, лексика пищи, блины.

В Кенозерский национальный парк, возникший в 1991 г., вошло два сектора: Плесецкий (вокруг озера Кено) и Каргопольский (рядом с озером Лаче). Сотрудники Парка много делают для изучения культурного ландшафта подведомственной территории. Это особо охраняемая зона, на которой ведутся самые разные исследования: от изучения минералов и животных до археологических раскопок. О культурном ландшафте Кенозерья много написано в интернете на сайте Парка [5].

Настоящая публикация представляет собой пробную словарную статью для готовящегося «Этнолингвистического словаря Кенозерья». В него войдут статьи, связанные как с духовной, так и с материальной культурой. Предполагается описать природную среду и поселения, жилище и хозяйство, монастыри и часовни, народный календарь, мифологию, фольклор и многое другое. О принципах создания Словаря см. [2].

Этнолингвистика – относительно новая междисциплинарная область, которая объединяет в себе лингвистический, этнографический, фольклорный, культурный аспекты, отражая картину мира в его

¹ Статья подготовлена в рамках договора с ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский» на исследование по теме «Концептуальное основание и структура этнолингвистического словаря Кенозерья (продолжение исследования)».

языковом, обрядовом и ритуальном воплощении. Поэтому описание объектов в Словаре дается с различных сторон.

Русской кухне, застолью, пищевым запретам в последние годы уделяется огромное внимание ([см., например, [4]). Есть работы, посвященные лексике пищи на Русском Севере [3], в том числе в этнолингвистическом ключе [7].

Словарная статья опирается на речения информантов, которые разделены указанием на населенные пункты, в которых производились записи устной речи².

1. Блины в Кенозерье выпекались в будни и в праздники, они бывали на столе на свадьбе и на похоронах. Блины были толстые и тонкие, замешивались на воде и молоке, на дрожжах и на сметане, из пшеничной муки, овсяной, ячменной (житной), гороховой. Их ели, макая в масло, растопленное сало и толокно или начиняли, зачиняли различными начинками. В Кенозерье насчитывается около десятка различных видов блинов, что соответствует множественности номинаций: в зависимости от вида и размера их называли блинами или блинцами, блинчиками, были также олашки (олады), шпáни, шабачí, шахматкí, склáдни, шубники.

Пекли блины на сковороде в печи в большом количестве: «Мы тоже блины пекли, шаньги да» (УП.). Складывали в высокие стопы, иногда оставляя на сковороде, иногда перекладывая в блюдо: «К обеду наоставается стопа блинов» (Врш.). «Смазывали топлёным сливочным маслом, подавали на сковороде» (УП.). «Вот сковоро́да, кладут блин, намазывают маслом» (Пч.). «Латку блинов выпеку» (Прш.).

Сейчас блины, как и прочую выпечку, изготавливают из пшеничной (белой) муки, которую покупают в магазине. Но раньше пекли овсяные блины из своерощенного зерна: «Блины овсяные и пшеничные». «Блины пекли овсяны да, сметаны накупят, макали да, масло дак, толокно наткнут. Кто на сметану нагреет, кто захочет» (УП.). «Мачеш блином в варёньё, блином-то овсяным» (Врш.). Зерно сами перемалывали в муку на ручных жерновах: «А крупу вот так, например, муку мололи. Жёрновá были двухсóртовы, нет, таки были: там крупа, ну, зерно покрупнее, чтобы как крупа выходила, а мука уж на другом жёрнове, чтобы помельче». «К празднику много готовили, рыбников до 30 штук пекли, а мельницы у нас не было, надо было на корки на ручных жерновах намолоть, все мололи. Калиток ещё напекут картовных, наливушки, блины, пироги» (УП.).

Блины обычно изготавливали из недрожевого (пресного) теста: ставили на кислом молоке, на сметане, на сыворотке, остающейся при сбивании сметаны или масла, которую в Кенозерье называли рокша,

² Список сокращений названий населенных пунктов см. в конце публикации.

рёкшá, одонки, отопки, пёхтанье: «Называют рёкшá – это отходы, оне наверху или на низ сядут, а уж чисто масло сливают, а этой рёкшй не берут» (Врш.). «Блины пекли на простокваше, пёхтанье, соду добавляли. Сковороду мазали рыбьим жиром, вытапливали из рыбьих потрохов. Пекли в печке на углях, потом начиняли толокном, творогом, позже пшеном и рисом» (УП.). «А когда масло растеплят, остаётся рокшá, у нас ещё называли отопки, её тоже в тесто клали, в картошку, или блины макали в тёплую». «А пёхтанье-то, которое останется, вот через этот рог сливают, масло ещё холодной водой прополощут, её тоже сольют, да посолят, полотенчиком закроют и поставят в холодное место. А потом с маслом-то жить дивья, хоть в тесто скорому класть, хоть растеплить да в кашу, или блины да калитки намазать, со своим-то маслом вкусней ведь, так?» (УП.). Но могли печь и из дрожжевого: «Блины так ведь на дрожжах». «Чё, раньше трое маленьких было детей, хлеб не пекли ведь, у нас ничё, белый хлеб только. Надо же было их чем-то кормить. И блины, и оладьи, и оладьи на дрожжах, на молоке». (Пч.). Яиц, как видно из рецептов, в блины не клали.

Замешивали тесто в квашне или другой посуде: «В цём блины? В любой посудины. Блины ведь не одни. Так просто и мука, и там молоко или вода. Замешивали так, пекли, раньше ведь и маслов-то таких не было, но там, если есть там како-то сало баранье или овечье (УП.).

Ели блины, макая в масло или сало, а потом часто и в толокно³: «Когда хорошо жили, дак блины овсяные макали в сало баранье растопленное и потом в толокно, вкусно как!» Вот напекут этот блин, испекут тоненьки да горячи, тут наболтают таку куцу. Вот это сало разогреют, в сало макнёшь и в толокно макнёшь» (УП.).

Различали блины и тонкие блины, которые называли блинчики (блинчата, блинцы, блинóчки): «У меня бабушка пекла, моя бабушка, не мама, а бабушка, я помню, она пекла блинчики, да как тетрадный листок, тонкие-тонкие» (УП.). «Раньше ишшо пекли тоненьки блины, с ягодами, макали в ягоды-то». (Пч.). «Бывало, тоненьки – блíнцаты». «Это блíнчаты, это уж особо: из муки из белой прибрьёшь» (Врш.). «А тонкие блины называли блинчата, тесто делали жидкое» (УП.). В тонкие блины часто заворачивали творог, кашу, ягоды, толокно: «Обычно калитки вот картофельны, такие вот, творожны, да блины с всякой начинкой: творог, рис, толокно, вот эти всё в основном таки вот начинки». (Пч.). «А чё, тоже празднуем – напекём блинов, начиним толокном, творогóм» (УП.). «У нас вот бабушка Аня, так она вот эти кашы, или ячневую ещё зачинала. Кашы наварят, туда это и блины

³ Толокно – кушанье в виде порошка, изготовленное из муки пропаренных и обжаренных зерен овса или ячменя.

заплетают (заворачивают). С ягодами, может, ещё любили всё вот это. Всё своё же, из своего всё было». «Своя коровушка была, дак она (мать) такие вкусные пекла, всё картофельных, да разных шанежек, да блинчиков – то с творогом, то ишшо с рисом зачѣнит, и с пшѣнчиком». «Таки блины на Казанску-то Богоматерь как напекут, это всё у нас там было, блины-то да всяки завитушками, блины тоненькие». «Калиточки, блинчики там, пирожочки». (Пч.). «Блины-то пекли, творогом застряпают, овсом застряпают» (Врш.). Блины с начинкой назывались с припѣком: «С припѣком блины обычно пекут» (Врш.).

Различные виды блинов могли печь в любой день в будни: «Мама часто пекла калачи на сметане, колобки на своём масле и блины на большой сковородке, белые (пшеничные), зачиняла творогом или толокном» (УП.). Регулярно пекли блины по воскресеньям: «В воскресѣнѣ у каждоу блины, каши наварѣ(т)» (Врш.).

В праздники блины были обязательным блюдом, наряду с другой выпечкой: рыбниками, калитками, шаньгами, пирогами: «Готовили накануне, топили печь и пекли 10-12 рыбников, блины, холодец из овечьих ног и головы». «А на праздник как угощали: в первую очередь подавали суп. Потом подавали рыбники. У кого если было жаркое, кто с мясом, кто с грибами. Потом это всё убирали, ставили большую сковороду с блинами на стол. Где кисель пили, где квас пили, где чай пили. Что победнее дак, но всё равно блины всё время были, и шаньги всё время. Сковороду подавали большеханскую на стол» (УП.). «Если в праздник, то приходили, садились за один стол и ели из одной чашки. Готовили всё: суп, рыбники, калитки с начинкой, блины» (УП.). «На Шишкино праздновали Богослов. Особых блюд не делали: рыбник, суп. Раньше пекли двинянки, калитки, блины» (Врш.). «На Пасху яйца на столе чтоб были, и всего много делали, как на любой праздник, блины, пироги» (УП.). «А по деревням-то всяки праздники: Иванов день да Казанска матушка да Ильин день да. Рыбники да, напекут пирогов да шанѣг да блинов да цѣ попало. Шаньги, блины» (УП.).

Подача блинов обычно приурочивалась к концу застолья: «Ещё в праздники и дни приезда гостей мама пекла блины на огромной сковороде, потом они зачинялись разными начинками: творогом, рисом, толокном, пшеном и поливались маслом. Перед обедом их разогревали в русской печке и подавали в конце обеда к чаю, наверхосытку. После такой трапезы животы едоков округлялись очень заметно» (Ржк.). В деревне (Спицыно) отмечали три праздника: Егорий Вешний, Егорий Зимний и Макарий. На праздник приходили и приезжали гости, кто хотел, больше родня. Вечером заходила молодѣжь. В конце трапезы ставили самовар и подавали блины на огромной эмалированной тарелке. Чай пили с блинами, сахар кусковой в сахарнице со щипцами.

«Садитесь, крещёны наши». Макарий был самый многолюдный праздник, потому что ходили к Макарию через Спицыно, и на обратном пути всегда пили чай, так и зародился праздник» (УП.).

В постные дни блины пекли на воде и часто из ячменной (житной) муки: «Иванов день был постный. Рыба да пирожки пекли, чего-нибудь зачинят. Толокно тогда парили – ячмень, мельница была своя. Сначала гостей чаем поили. Сначала обедали, а потом чай. Скоромный суп наливали. Калитки из картошки, из круп всяких пекли. Потом блины – тонкие, на воде. То с рисом, то с толокном. Потом кисель варили, подавали» (Грб.). «Блины пекли житные, скоромные. Раньше блины делали житные, дак с ухой выхлёбывали» (Ар.). «Были житны блины» (Мрщ). Ничем не заправленные, не одобренные блины называли голыми: «Голых блинков напёклá, не белых» (Ус.).

Особый слоеный блинчатый пирог назывался шахматки (ша́хматы). Сложенные вдвое тонкие блины с пшённой начинкой промазывали маслом, складывали один на другой в сковороду, снова обжаривали и разрезали полосами на куски: «Почему ша́хмат вот? Резали блины. Вот так блин круглый, складывали вот так. Тут вот так долька, дольками, и тут. На сковородке на круглой, и потом резали. И они получались вот такими. И вот я никогда не могла такого блина испечь, как бабушка. Тонюсенькие, прямо как листочек. И возьмёшь вот, и она скажет: “Катенька, съешь ещё один ша́хмат”» (УП.). Вместо пшена могли использовать более дешёвое толокно: «Блины, блины вот пекли, потом мазали маслом, наверх толокном посыпали. И потом опять наверх блинок, опять, и вот так, а потом разрежут вот так, на четвертины, и ели, тоже очень вкусно!» (Мрщ.)

Помимо блинов и блинцов были еще оладьи, олашки. Они отличались от блинов прежде всего размером и толщиной. Олашки также могли быть на дрожжах или из пресного теста: «Когда на дрожжах цё-ни испеку, а когда на соды цё-нибудь тако прёсно, да блины когда испекёшь там, или цё-нибудь, или олашки. Кто цё пекё, когда цё задумаешь, то и испекёшь» (УП.). «Она олашки заведё пекчи вечером». «Я растворю малёнько, испеку олашек (Врш.). «Я щас вас угощу олашками» (Фдв.). «А вот олашецки, вот тут олашка одна осталаси и вот така, девок я поила с олашками, было немножко испёчено». «Что ту жестряпню – там калитки да олашки, при царе при Николашке» (УП.). В последнем примере приговорка основана на популярной частушке, в которой вторая часть имеет множество вариантов, но общий смысл в том, что при царе в деревне жилось лучше, чем при советской власти. Вот один из вариантов, записанный на Русском Севере (в селе Нёнокса Приморского р-на Архангельской обл.): «При царе при Николашке ели белые олашки, а настала красна власть, вся мякина затолклась».

Олашки могли печь из гороховой муки на простокваше, тогда их называли шабачи́, шабачки́ (а если один – шаба́ч, шабачёк): «А так, по-городски-то скажу, что оладьи тама, а мы уж привыкли так, по-своему, дак шабаці́. Шабаці́ да шабаці́, у меня сегодня шабацёв напéчено-от». «Шабаці́, а кто скажо олашки, а кто скажо шабаці́, всяк по-своему, у нас свой язык дак, говорим» (УП.). «Сейчас шабаче́-ми-то и не зовут – олашки, оладьи» (Врш.). «А я-то, жили в деревне, а у меня бабушка – то пирожков напекё пресных, то каких-ни шабацёй напекё, или олашек. Я всё брала эти, знашь, возьму туды в школу» (УП.). «Шабáч, шабачёк, да и всё» (Врш.). «Шабачи́ гороховы тоже пекли, тоже на сковороды прихлопают, тоже на простокваши» (Врш.). «Шабачи́ гороховы, гороховых шабачёв принесут» (Врш.).

Гороховую муку обычно сбивали рогаткой (палочкой с рожками на конце типа венчика), подсыпая снег, пока тесто не станет большого объема: «Шабачки́, шабачи́ из гороховой муки пекли. Снегу кладут да водушки маленько линут, и шабачи́, рогаткой бьют, бьют, мука заподымается» (Врш.). «На сковоро́ды гороховый шаба́ч пекли, просто на воды, на сне́гу выхлопывали». «Снежку принесут и муку кладут, до того докладут, что они заподнимаются. В муку кладают снег, они таки мякони́ выхлопаются. Хлопали, чтобы они были беленькие. Вот такой шаба́ч делается, тарелку нашлёпают» (Врш.). Шабачи надо было есть горячими, пока не остынут, иначе они быстро черствели и теряли вкус: «Горячий хорошо есть, а захоло́не (остынет) – теперешни дети задавятся, беды наделашь с этим шабачём» (Врш.). Шабачи могли печь из своего гороха, а могли из покупного, который назвался кулево́й горох, то есть продающийся в магазине кулями, не собственного выращивания: «С этого кулевого гороху и олашки пекли, из муки» (Врш.).

Шпа́ни похожи на оладьи, но выпекаются на картошке, обычно вареной и размятой в пюре: «Вот эти же олашки – спа́ни да шабачи́» (Врш.). «Шпа́ни ещё были, пеклись с картошкой» (Ар.).

Толстые сдобные блины, замешанные на молоке и сметане, могли называться скла́дни: «Скла́дни дак то́лсты блины». «Скла́дни, скла́днями блины звали. На молоке пекли» (Врш.). «Скла́дни пекли, на одной сметане пекли» (Ар.). «А с толокном я всех лучше любила скла́дни» (Врш.). Видимо, очень похожи на складни шу́бники – те же толстые блины, начиненные толокном: «Пончики да блины, скла́дни да шу́бники. [– А шубники – это что?] – Это блины. Которы то́лсты, те были складни. Толокном там нация́ли» (Врш.).

Блины и в Кенозерье, и в Каргополье продолжают оставаться одним из любимых блюд. Сейчас, когда в деревнях мало коров, старушки жалуются на то, что не из чего печь: «Бабушка, напеки олашек, а из кого напекёшь?» Врш. «Теперь поел бы блинков, да нету» (Врш.).

Блины считались более сытными, чем каша. В пословице «Каша до за́городок, а блины до за́полек» (Лкшм.) речь идет о том, что блины едят на более дальнюю дорогу. В другой пословице говорится о том, что то, что летом есть не хочется, с удовольствием съедается зимой, когда стол становится менее разнообразным: «Летом пинком, а зимой бы съел с блинком» (Врш.). «Летом пинком, а зимой с блинком – летом идёшь, их (грибы) пинаешь, не надо, а зимой рад съесть» (Ар.).

2. Как и многие другие слова, связанные с пищей, лексемы с корнем блин могут развивать метафорические значения. Блином, блинком может называться плоский камушек, который пускают «прыгать» по воде; мясистый нарост под клювом у птиц (кур, петухов, индюков); лист подорожника («Давайте нарвёмте блинков», Мсл.); лист кувшинки («Блины-от все распущены, и кувшинчик стоит. Блиннок, блинок таким растёт». «А лист-от блин называется», Лкшм.).

3. Если в Центральной России блины были основным обрядовым блюдом, главным образом на свадьбе и на поминках (см. [1]), то на Русском Севере в этой функции гораздо чаще оказывается рыбник. Однако практически всегда после супа, рыбников и пирогов на столе появляются и блины.

Обязательно пекли блины на все праздники весеннего цикла: на Масленицу, на Пасху, на Троицу. Блинами поминали умерших, носили блины на кладбище. Блинами предполагалось «подкармливать» домашних духов-хозяев. С помощью блинов устраивались святочные гадания, когда по «рисунку» на блине определяли будущее: «Еще гадали вот как в Рождество. На окошко бросали в Рождество первый блин. И может на блину показаться то ли гроб, то ли, если взамуж выйдешь, то ли лошадь с санями, если хорошее, а если плохое, может показаться даже гроб» (Трс.).

Если зять на свадьбе выкусывал серединку блина, показывая дырку, это значило, что ему досталась нечестная невеста. На второй день свадьбы зять с молодой женой ездили к теще на блины.

С блинами связано достаточно много эротических намеков. Так, в конце «заветной сказки», записанной А. Б. Морозом в селе Архангело Каргопольского р-на, дается описание брачной ночи: «Ой, мама, мы всю ночь блины пекли: моя сковорода, ево сковородник». Там же приведена частушка, записанная в д. Тихманьга: «Я спою песню про Анисью, как она блины пекла. Сковородничек под лавочку, и сама плясать пошла» [6, с. 14]. Похожая частушка записана в д. Кречетово: «Печка топится, дымится, сковородка дребезжит. Ванька Таньку обнимает, окаянная визжит». Таким образом, блины символически оказываются связаны не только с потусторонним миром, миром духов и мертвых, но и с эротикой, то есть с деторождением, рождением-возрождением.

Список литературы:

1. Гура А. В., Лаврентьева Л. С. Блины // Энциклопедия Славянские древности. Т. 1. М., 1995.
2. Иванова А. А. Мифологический ландшафт Кенозерья: из опыта работы над «Этнолингвистическим словарем Кенозерья» // Культурное наследие Русского Севера: интерпретация смыслов: коллективная монография / Под ред. Марковой М. М., Перхиной Е. М. Федер. гос. автоном. образоват. учреждение высш. образования «Сев. (Аркт.) федер. университет им. М. В. Ломоносова». Архангельск: КИРА, 2023. С. 28–42.
3. Ильинская Н. Г. К проблеме системных отношений в лексике? Лексико-семантическая группа «Выпечные изделия» в архангельских говорах (семантический и лингвогеографический аспекты). М.: Диалог – МГУ, 1998. – 320 с.
4. Кабакова Г. И. Русские традиции застолья и гостеприимства. М.: ФОРУМ: НЕОЛИТ, 2015. – 464 с.
5. Кенозерье. Электрон. ресурс: <http://www.kenozero.ru/> (дата обращения: 28.02.2024).
6. Мороз А. Б. Про блины, зятя и тещу // Живая старина, № 2 (90), 2016. С. 13–17.
7. Осипова К. В. Севернорусская лексика пищи и питания в этнолингвистическом аспекте. Дисс... доктора филол. наук. Екатеринбург, 2023.

Список сокращений населенных пунктов, в которых производились записи устной речи⁴

Плесецкий сектор

Врш. – Вершинино (= Кенозеро)
Грб. – Горбачёво
Прш. – Першлахта.
Пч. – пос. Поча
Ржк. – Рыжково
Трс. – Тарасовская
УП. – пос. Усть-Поча
Фдв. – Федово

Каргопольский сектор

Ар. – Архангело
Лкшм. - Лёкшма
Мрщ. – Морщихинская (= Лёкш-
мозеро)
Мсл. – Маселга
Ус. – Усачёво

⁴ Архивные материалы (полевые тетради и картотеки) хранятся в каб. русской диалектологии кафедры русского языка или на кафедре фольклора филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Топонимическая среда Кенозерья и Лекшмозерья второй половины XIX века

А. В. Козыкин

*старший научный сотрудник
Кенозерский национальный парк*

Аннотация. Топонимическая среда Кенозерья и Лекшмозерья второй половины XIX века явилась результатом взаимного исторического влияния прибалтийско-финско-саамского и русского этносов.

Обработка материалов межевания Кенозерской и Почезерской дач Вершининской волости, Лекшмозерской дачи Колодозерской волости Каргопольского и Пудожского уездов Олонецкой губернии 1861-1862 годов позволила собрать более трёх тысяч топонимов, в большинстве утраченных.

Ключевые слова: топонимы, планы межевания, пашня, перелог, сенокос, урочище, земледелие, геоинформационная система.

Топонимические исследования Кенозерья и Лекшмозерья, проводившиеся с 60-х годов XX века до нашего времени [3], принесли обширный аналитический материал. Сбор топонимов производился, вероятно, в форме опросов коренных жителей, проживавших в деревнях Кенозерья и Лекшмозерья во второй половине XX века. Акцент, как правило, делался на топонимы прибалтийско-финско-саамского происхождения. Фиксировались гидронимы, названия мысов, островов, крупных возвышенностей и болотных массивов. В то же время, наиболее подвижная микротопонимия – русские названия небольших урочищ, пашен, перелогов, сенокосов, ныне заросших лесом, дошла до нашего времени с большими утратами. Это связано, скорее всего, с прекращением использования лесопольной системы земледелия, произошедшим в начале XX века,

Планы межевания Кенозерской и Почезерской дач Вершининской волости Каргопольского и Пудожского уездов Олонецкой губернии 1861 г. [4] (рис. 1) и Таблицы подробного вычисления угодий к планам межевания Лекшмозерской дачи государственных крестьян Колодозерской волости Каргопольского уезда Олонецкой губернии 1862 года [5] раскрывают обширнейший пласт русских микротопонимов Кенозерья и Лекшмозерья, уже исчезнувших к моменту проведения первых топонимических сборов во второй половине XX века.

Планы межевания выполнялись в губернской чертёжной на основе материалов полевой межевой инструментальной съёмки. Масштаб планов – 1 английский дюйм – 100 саженей, что

соответствует в метрической системе 1 мм – 8 м. Приложением к Планам межевания являются межевые книги, содержащие таблицы с вычислением и описанием угодий. В рамках межевания выделялось до 33 типов земельных угодий. Вероятно, что микротопонимы появились в межевых материалах – планах и таблицах благодаря участию в землемерных работах местных жителей в качестве наёмных рабочих.

В период проведения межевой съёмки, к середине XIX века, в Олонецкой губернии, в т. ч. и в окрестностях Кенозерья и Лекшмозерья была распространена система лесопольного (переложного) земледелия [1,2]. Она включала трёхпольные удобряемые пашни, лесные перелог и с длительным оборотом, сенокосные участки и выгоны. Постоянные пашни в отличие от переложных временных пашен формировались вблизи деревень. Пашни и перелог были закреплены за деревенскими сельскими обществами, что фиксировалось в документах межевания. Стабильное многократное использование полей, вероятно, стало причиной появления их индивидуальных названий.

Применение ГИС-технологии позволило уточнить нарезку и местоположение угодий согласно Планам межевания Почозерской, Кенозерской и Кенорецкой дач 1861 года, сформировать базу данных, в т. ч. по их названиям, с топографической привязкой. Топонимы занесены в атрибутивные таблицы ГИС с сохранением оригинальной орфографии надписей межевых планов. Поскольку надписи на планах сделаны прописными буквами, скорее всего чертёжниками по данным полевых дневников, расшифровка их не всегда давала удовлетворительный корректный результат. Поэтому в атрибутивных таблицах, в случае неоднозначного прочтения, в скобках делалась запись других вариантов, либо предполагаемого варианта. Источником данных по топонимам Лешмозерья стали таблицы подробного вычисления угодий к Планам межевания Лекшмозерской дачи государственных крестьян Колодозерской волости Каргопольского уезда Олонецкой губернии 1862 года, т.к. сами планшеты были утрачены.

Часто топонимы урочищ распространялись на пахотные участки и иные угодья, расположенные вблизи их или в границах их. Однако встречаются топонимы, связанные с расположенными рядом религиозными, культовыми, обрядовыми и хозяйственными объектами. Значительная часть названий связана с именами или прозвищами местных жителей – пользователей участков. Особый интерес представляют названия, обозначающие физическое состояние угодий, плодородие земель и этапы обработки лесных подсеков и перелогов.

Примеры:

1. Географические ориентиры и положение на местности относительно жилых или хозяйственных объектов:

– Прямки, Задворное, Загуменье, Удворовъ, Умагазинъ, Заднее, Задворки, Заводъ, Умельницы, Подъ Летникомъ, На Летнике, Заоза-докъ, Горблахта, Куйлахта, Задница, Подъ Задницей, Угольниха, Сан-никъ, Умостовъ, Конецъ улицы, Дворище, За Боровухой, Запольки, Путныя Вароты, Лабазницы, На Якуминихи, На Белогорской дороги, Захлевами, Чёлма, Подъ Здыхальной, Здыхальна, Прикалитки, Зим-никъ, Орга, Закухтино, Великая ляга, Загуменное поле, Анбарное, Уморошачника, Шаймы, Дегтярникъ, У Масельги, Подъ Чижевцами, Борова орга, У Сари мха, Вилы, Валдай, Озяблой логъ, Подъ банен-кой, Великая Шалга, Житкой логъ, Сидяча гора, Вадиги, Ерусалимъ гора, Залухтики, Рудная Орга.

2. Микро-топография:

– Заямкой, Большие поляны, Плоское, Смольные полосы, Запо-лоски, Крежъ, Бережна, Ручевое, Уребинки, Лисей берегъ, Свиные хребты, На Горы, Наволокъ, Летной кряжъ, Островъ, Горбы, Въ триполеньицахъ, Угарелого мха, Въ болотахъ, Въ Гремячемъ, Горне полянка, Свиной носъ, Нареки, За Гранью, Заболотье, У Гязи, Подъ пригоромъ, Высокой крежъ, Подъ Близкой горой, Крежно, Подъ Нян-дой, Плоской валь, Косогоры, Холмы, Уродника, Назгоркахъ, Бутры, Крутые горы, На ямахъ, Куршалга, гора Карунья, Лухта, Логуши, Лудница, Розлива.

3. Состояние угодья или этап обработки:

– Опалиха, В Чицахъ, Пустоша, Пустошь, Припашъ, Косиха, Долгая пожня, Кустовато, Шалга, Въ Шалге, Тожъ Потайбалы, Г(о)рело-горное, Ровно, Въ виткомъ березники, Боры, Польцо, Осиновець, Новая Чища, Уская пашня, Деревянка, Палище, Навина, На Старомъ Осеку, Луги, Луговатица, Бревенно, Серёдка, Дрань, Кустовато, Гарело, Долгиня, Залежъ, Гарюха, Палище, Замяндачь, Круглушка, Лиственники, на Репницахъ, Плешка, Молочное, Горелый Крежъ, Наземнику, Черногорско, Избная шалга, Гладка пашня, Горне полянка, Лящиха, Ярышь, Паличны крижы, Въ осеку, Боль-шая Пожня, Новая Пожня, Чищи, Боръ, Палище, Топорное, Большая плоская гарь, Листоватникъ, Малая Чаща, Подосинникъ, Житникъ, Красная сосна, Чащовець, Гарь, Поскотинна.

4. Плодородие почвы:

– Песочное, Каменницы, Каменна, Подъ Каменно, Каминухи. Каменикъ, Упесочка, Гнилка, Суковата, Гниловатица, Гниловатиха, Гниловатикъ, Гниловата гарь, Письянка, Письяница, Ледяница, Пески, Чёрная грязь, Пясочны, Песчаница, У камня поляны, Пусто-браницы, В Грязныхъ, Пустоша, Луданникъ, Житница, Мокруша, Зяблуха, Мурашиха, Красной мяндачь, Большая Шалга. Нянда, Подъ Няндой.

4. Указание на положение религиозных и культовых объектов:
– Крестовуха, Часовенское, Учасовни, Кресты, Въ Крестовыхъ, Погоское, Укреста в летнемъ конце, Могилья, Могильникъ Малесбинъ, Ерусалимъ гора (возможно).

5. Вероятная имущественная принадлежность к поселению, либо по имени или прозвищу хозяина(ки):

– Фёдоровщина, Свинуха, Прокшина, Лобаниха, Бубыло, Захарьевски, Студенецкая, Онаковское, Понькина, Гришино, Патрушевская, Филино. Яковлева, Жигочово, Потрикеева, Преданникова, Голубиха, Прозоровская, Панькино поле, Ларинская поляна, Ивановщина, Куликовщина, Парамонова поляна, Суханова поляна, Димидовщина, Бабкина, Мурашиха, Малодушечье, Мурзиха, Варзино, Шаштуниха, Василиевщина, Попова поляна, Гоголиво, Лазарева пожня, Лазарева гора, Гришино, Корепановска, Стрелкова, Артёмова, Игнатова гора, Утретьякова, Агафонова гора, Максимова гора, Выползова, Никитиха, Круплова, Видрины, Петрова.

Этимология некоторых топонимов в рамках данного исследования пока не поддаётся интерпретации. Например, Скокушница, Осдиха, Ригозно, Ключухи, Печь, Сивериха, Тягунье, Веселья, Загровище, Натерпъ, Рылуха, Раздоры, За Раздорами, Боровуха, Котельницы, Овшица, На Виселичномъ, Стамечъ, Прислонъ, Точильно, Пинуса, Пенуса, Запеносамъ, Въ Пинусахъ, Плошаки, У Вахкана, Курдюки, Бавканикъ, Прикатъ, Пустюхинщина, Нашатрахъ, Ломовуха, Бляды, Пропоямечь, Дрочиха, Наветерникъ, Золотарь, Поклоны, Собаки, Упупка, Кулубель, Мегрецы, Разгуляй, Пенусная орга, Накостькахъ, Въ Шеломахъ, Каргоморь.

Часто среди микротопонимов встречаются в различных вариациях названия прибалтийско-финского происхождения – Шалга, Валдай, Луда, Ла(у)хта, Ньюра, Орга, Корга, Мянда, Нянда, Шайма, Сельга и др. Как правило это названия болот, крупных лесных массивов, возвышенностей, заливов и озёр.

Примеры: Горблахта, Куйлахта, Чёлма, Борова Орга, Рудная Орга, Шаймы, У Масельги, У Сари мха, Валдай, Великая Шалга, Избная шалга, Куршалга, Залухтики, Подъ Няндой, Чистыя Мяндачи, Замяндачь, Кривая мянда, Лудница, Луданникъ, Кулома, Подъ Куломой, Ньюрица, Каргоморь, Савесельга, Савесельгские ворота.

В основном названия обрабатываемых сельскохозяйственных полей имеют русское происхождение, а по смыслу – часто утилитарного характера. Двойные названия, состоящие из финно-угорских и русских слов и довольно часто распространённые, объективно дают представление о нахождении и свойствах поля (русское название) в урочище (прибалтийско-финское название). Это вполне уклады-

вается в гипотезу о том, что земледельческое освоение окрестностей Кенозера и Лекшмозера происходило вместе с приходом русских земледельцев и контакта языковых групп, начиная с XIII–XIV веков.

При картировании топонимов хорошо просматривается их иерархия в культурном ландшафте XIX века (рис. 2,3). Топонимическая среда формирует ассоциативный аналог культурного ландшафта с явно выраженными доминантами и зонами. Историческое поселение, расположенное на берегу озера, является центром освоенного сельского ландшафта. Названия озёр имеют происхождение от прибалтийско-финских оригинальных, иногда адаптированных под русское произношение. Сразу за домами расположены трёхпольные мелкоконтурные пашни, имеющие индивидуальные утилитарные названия, практически всегда русские. Вблизи деревень они преобладают над названиями урочищ. Важными иерархическими элементами топонимической структуры являлись названия полей, указывающие на близость к религиозным и культовым объектам – часовням, поклонным крестам и перекрёсткам дорог – «росстаням». Часто они располагались на периферии кульгово освоенного пространства. Огуменники – участки с овинами и гумнами, расположенные за домами, также имеют свои названия. За околицей, ограниченной поклонными крестами, иногда небольшими часовнями, находится зона больших трёхпольных пашен с русскими наименованиями. Обширные перелог и сенокосы располагались ещё дальше от поселений, среди лесов. В основном им характерны названия этапов обработки подсеки, состояния или плодородия почвы. Часто им присваиваются названия урочищ, в пределах которых они располагаются. Леса, возникшие на местах перелогов, также имели смешанные утилитарные названия. Часто они входили в группы угодий крупных урочищ с однотипными названиями. Названия лесов, характеризующие этапы подсеки, свидетельствует о динамичном использовании и периодичности перехода в другие категории – под перелог или пашню. Естественными границами культурного ландшафта были фрагменты коренных заболоченных лесов и болотные массивы часто с явно выраженными прибалтийско-финскими основами.

Индивидуальные названия участков угодий, как правило обильны вблизи деревень и вдоль основных дорог и речек. По мере удаления от поселений, угодьям придаются названия урочищ, увеличивается их площадь. Интересно отметить, что средняя площадь пашен с индивидуальными названиями составляет 2,9 га, лесных перелогов – 19,1 га, участков хвойного леса – 42,9 га. Это вполне соответствует представлению об усилении влияния названий лесных урочищ на названия пахотных участков по мере удаления от поселения: деревня – пашня – лесная подсека (перелог) – лесное урочище.

Ниже приведены некоторые названия по типам хозяйственного назначения угодий (табл. 1).

Таблица 1. Характерные топонимы основных категорий угодий середины XIX века

Пашни	Перелог	Сенокосы	Лесные участки
Заямкой	Крежеваты	Пенуса	Чуваки
Чуваки	Вяржеги	въ Лахты	Чища
Опалиха	Зяблуха	Мекатины	Сенное
Крестовуха	Запольки	Толстое	Мокруша
Исаковщина	Захарова	Ивовы	Подъ Куковьемъ
Сапогово	Верхнее	въ Конечозеромъ	Северный Крежъ
Кривуля	На Зябломъ	Путний	Кулубель
Большие поляны	Поташиха	Юшковъ	Гниловатиха
В Чищахъ	Привалихи	Коровей	М(ъ)егрецы
Пустоша	Крежеватица	Чища	У малаго Канго-зера
Плоское	Осташихи	Лухта	Михальница
Часовенское	Пенуса	Выползова	Подъ Боронницей
Заляжное	на Репницахъ	Логуши	Подъ Каменной
Загорнее	Мокрое	Лудница	Осиновець
Песочное	Макосино	У Лахты	У Венжена (озера)
Припашъ	За Чирозеромъ	Горбуниха	Нюрка
Крестовое	Большое	Гниловатица	Боровуха
Заводъ	Въ Малинкахъ	У Собольника	Подъ Разгуляемъ
Задворное	Восиновце	Зайково	Разгуляй
Загуменье	У Овинъ	Торанско	Степановъ ручей
Смольные полосы	Овинное	Захарьевски	Кривая мянда
Заполоски	Кобылья гора	Удворище	На Лисьемъ

Продолжение таблицы 1

Фёдоровщина	Кишкаватица	Новочисть	О Мошно
Скокушница	Харина гора	Игнашиха	Подъ Свинухи
Косиха	Осекъ	Заводъ	За Щучьемъ
Каменницы	Воронцова гора	ур. Каменна	Котельницы
Удворовъ	Сабольникъ	Свинуха	Ивановщина
Свинуха	За Сабольникомъ	Кислая	Измайлово
Прокшина	Избная шалга	Въ триполеньцахъ	Судальскій наволокъ
Бережна	За Синимъ волочкомъ	Салма	ур. Чудимовское
Ручьево	За Дегтярёмъ	Подъ берёзой	Орловецъ
Долгая пожня	Золотуха	Наземнику	Топкие мошки
Упесочка	Гарь	Мокруша	Осиноватица
Гнилка	За Каменнымъ Матовский крежъ	Навожилка	За Лахтой
Уребинки	У Воронцова	Кегочуха	ур. Зуево
Лобаниха	У Воронцова	Заручьёмъ	За Горой
Кустовато	Наколодницы	Андроновщина	ручей Перечной
За Лобанихой	Каракино болото	За Пономарёвской пожней	Пенусъ
Свинные хребты	Шивелиха	Дрочиха	(Недожа)на
Подъ Молочное	Трещинница	За Гранью	Въ Летномъ
Бубыло	Медвежия гора	Выше церковной пожни	Травные
Кузьминская	Смоливецъ	Гнилка	Озяблой логъ
Учасовни	Нагорлахта	Подъ Оргой	Вяржеги
Тожъ Потайбалы	Дектярникъ	Порошки	Красная Сосна
Суковата	Ломовуха	Семанова	Крежеватыи
Савесельгские ворота (Савесельга)	Морщиха	Въ Кулувань	Нифонтова Шайма
Захарьевски	За Степаниковымъ	Заболотье	Щейница

Продолжение таблицы 1

Грело-горное	Масельга	Новая пожня	Пешаниха
Ровно	Шаймы	Ивановская	Пропо(яме)цъ
Заднее	За Томихи- нымъ	Въ Топору	Мурашиха
Задворки	Томихинъ Кряжъ	Розлива	Орга
Заводъ	Борова орга	Пивяница	Листья Гора
Студенецкая	У Леденого болота	Данилова	Умельницы
Гниловатица	За Рейкого- рьемъ	Въ шалге	ур. Прудовое
Онаковское	У Горы	Шаймы	ур. Б(уси)ха
Понькина	За Боромъ	Придорожная	ур. Подлясков- ское
Трохачёво	Дудинское	Голубиха	ур. Чернозёмное
Гришино	Лящиха	Шевелиха	ур. Варнаволокъ
Зайково	Въ Крежева- тице	Крежи	Чёрная грязь
Умельницы	Въ Пеннике	Поланручю	ур. Лухта
Подъ Летникомъ	За Логовати- цей	Гремячае	Замяндачъ
Осдиха	У Чёрной грязи	Подъ Глубокое	островъ Овечей
Плоское	Гнило- вата гарь	Подъ Лисья	У Лу(т)оева (озера)
Каменно	Салма	Димитровщина	Бревенники
Заозадокъ	Въ Лодей- номъ	Щейница	Пески
Въ виткомъ березники	У Колодливца	Малебинъ	Мекатины
Письянка	Лынь Гора	Орга	Толстое
ЗаКаменнымъ	У Ливручья	Нареки	Кузеница
Кулома	Пустошь	у Семёнова	Семёновъ мохъ
Ригоз(н)но	Новочистъ	Луга	Дровенники
Въ триполенъ- цахъ	Дудинское	Подъ Венжевымъ	На Романовомъ бору
По Соснику	За Кивозе- ромъ	Маслиница	Чёрная орга

Продолжение таблицы 1

Угарелого мха	Котельницы	Мохъ	Серёдка
Подъ Куломой	Паличны крижы	Резуха	Красный боръ
Горне полянка	Въ осеку	Наветерникъ	Безъ конечная орга
Нагорлахта	Никифорова Гора	Листоватникъ	Дрань
Дровиниха	У камня	Полканиха	Глухой крежъ
Клочухи	Боръ	Никитиха	Между горами
Подъ Задницей	Дуденское	Зяблуха	Рюжинга
Задница	Подъ кочками	Демидовские Малдины	Ме(ъ)грецы
Польцо	Станова	Средние Малдины	(С)лопечная гарь
Свинура	Накрестовомъ	Малая Чаща	Куршалга
Велико	Вилы	Осиновщица	За Медвежьемъ озером
Подъ Каменно	За Логовати- цей	Шаймины	(В)енькино Репище
Осиновець	Валдай	Повыному ручьё	Мелкая лахта
Верхное поле	Салма	Окольные	Велико
Умостовъ	Андронов- щина	Мокрый	Кислуха
Голубиха	На Лычномъ	Ущучья	ур. Захудыми озёрами
Щипиница	На каменной дороге	У Чёрной лухты	Забелой горой
Подъ (П)ушло- ватица	Напоздавщи- нахъ	Подъ Близкой горой	Заболотье
Конецъ улицы	Упопа	Долгуши	Наволокъ
За Гранью	Лыдины	Подъ Лабазни- цей	Тришняное болото
Веселья	Трубаниха	Заболотье	Пожня
Въ шалге	Озяблой логъ	У Старой Реки	Ве(лико) по(ле)
Уская пашня	Бляды	Плищаки	Боровина
Деревянка	Житное	Ближно Высоко	Зябушное болото
Житное поле	Каменно	Подъ мельницей	Подъ Якумини- хой

Продолжение таблицы 1

Округа	Порошки	Бачажно	Лабазное болота
Загровищо	Дощаное	Станово	За Болотье
Дворище	Въ Кулуване	Клочуха	Въ Житницахъ
Пески	Ромжевато	Церковное	О сухое озеро
Натерпъ	Большое	Деревенскій бережокъ	Подъ Долгуш- ное
Степаха	Въ Гагनावо- локе	Поляны	Пил(я)ручно болото
Навина	Подъ Сан- нимъ	Подъ дворами	Мокруши
Палище	Въ топору	Карповское	Гнили
Андручыха	За Сейбозе- ромъ	О лахтинскую дорогу	Черемховець
На Климачихи	За Гамозе- ромъ	Пырьавата	Низы
За Боровухой	Игнатовское	Новодерь	Р(у)бле(в)ик
Кресты	У Гарозера	Кабылица	Солозерская лухта
Рылуха	Челменское	Видрины	Большая лухта
Панкино поле	Островъ	Круплова	Нанковский боръ
Чёрная грязь	Наволокъ	Зародние	По Лопручю
Раздоры	Гу(мь)ной крежъ	Ростани	Пили мохъ
Запольки	У мельницы	Подосиникъ	Гоголюха
Ларинская поляна	Пустоши	Крежъ	ур. Попова гора
Боровуха	Зыбыльница	Въ осеку	Лисей боръ
Ивановщина	Коповникъ	Иминъ	Становица
Крежно	Бабье	Житно	Окольное
Я(кимов)щина	Перечно	Серётка	Песочница
Котельницы	Мурашиха	Ярышь	Селга
Лабазницы	Церковное	Круглой берегъ	Ендручей
На Старомъ Осеку	У Мото- вильно	Якиминъ	Рейкогора

Продолжение таблицы 1

Припоши	Хомкина орга	Подъ-наволокъ	Худыя
Куликовщина	Нюрица	Низъ	Закочной
Подъ Няндой	Проломы	Долгій берегъ	Чёрная лахта
Луги	Черемховецъ	Ивачово	Каменное болото
Разводы	Васильевские поляны	Великий наволокъ	Островное болото
Журава	Ростани	Низъ	Гарь
Великое	Лисий наво- локъ	Масельской наволокъ	Тырышкинская Орга
Дворища	Заложница	Порожникова	Усари мха
Песочное	Въ Сельги	У воротихъ	Сари мохъ
Перелогъ	Макаровщина	Становой носъ	Бубій рядъ
Плоской ва(л)ъ	Зяблуха	Репнино	На богданов- скомъ
Ровно	Малдина	Щолки	Чернево
Сарручей Хвостъ	Малининцева	Бочажно	Чёрная грязь
Каминухи	Карзино	Шаймоватикъ	За осенскимъ
(Пись)яница	Бурачишное	Залухтики	Артова
За Болотье	Нифинтова Шайма	Язевъ наволокъ	Гольшиха
Луговатица	У Колодливца	Подъ Здыхаль- ной	Шивелиха
Порамонова Поляна	Исады	Богачъ	У Горелаго
На белогорской дороги	У воротъ	Здыхальна	Уровдъ ручья
Гниловатикъ	За болотомъ	Козлово	За поперечнымъ ручьём
Овщица	Косогоры	Комельница	Чащовецъ
Подъстарымъ	Палище	Бабье	Судальский наволокъ
У чёрной грязи	У креста	Осинское	Трещиница
Полоски	Печейниково	За Чёрною Грязью	Пенусная орга
Укреста	Шаштуниха	Замошье	Накостькахъ

Продолжение таблицы 1

Захлевами	Тягунья	Серёдка	Въ Летномъ
На Виселич- номъ	За крестомъ	Першалга	Свиной осекъ
Здыхальна	Поташиха	Гончурга	Пасино болото
Чёрная грязь	Залахтье	Вилы	Въ Шоломахъ
Прикалитки	Кощеева Гора	Ляпуниха	Золотуха
Суханова поляна	Прикати	Накостькахъ	Овинное
Бревенно	Дровники	Угличиха	Матовский крежъ
Накостькахъ	Частые Нян- доши	Въ ручьявыхъ	Вовьюшкине
Въ торбусахъ	У Попова брода	Темной наволокъ	Умедвежья
Шатриха	Замяндачъ	Въ малягахъ	Поскотинское
Припашъ	Сыпь	Въ орги	Каменное
Стамечъ	В Лахты	Запольная Гора	Подъ Сабольни- комъ
Мурашиха	Матовский крежъ	Нутро	Смоливецъ
Припаши	Топорное	Зимний наво- локъ	Мокрушина
Прислонъ	Овоянница	Вашивъ носъ	Объневцы
Точильно	Кузничиха	Подъ сосной	Юшкинское болото
Навины	Къ перевозу	Золотарь	Гагарье
Дрань	За Смолив- цемъ	Паренинокъ	Вахкозерское болото
Коровье	Яичная гора	Верховье	Кухтино болото
Кустовато	Упропольца	Овинница	Великая ляга
Долгое	Малинница	Гниловатица	Вахканъ болото
Рыжечное	Палочъ гора	Въ Потяжно	Ворота
Гарюха	За Пермн- скимъ	Узкие	На М(е)стномъ бору
Залежъ	Маслиница	Крутица	На Михайловце

Продолжение таблицы 1

Запеносамъ	Резуха	Свинячникъ	На(ш)амручью
Погосское	Поповское	Дьяково	Морошачникъ
Плоской боръ	На Погоских Ростаняхъ	Чистые Нян- доши	(Р)удный мохъ
Драница	Вадиги	Подъ Сечны	Пенуса
Гладкие поляны	Агафонова гора	Поклоны	Ратомохъ
Крежикъ	Пастушье	У Борового ручья	Подъ Андрони- хой
Площаки	Лопата	Озерские	ур. Гарь
Новодерь	Окольное	Сторонное	Заичье болото
У камня поляны	Ерусалимъ гора	Чурица	Кулиги
Курдюки	Дуброва	Чурма	Палочъ мохъ
Стрелица	За Околь- нымъ	Чищиница	ур. Каменный боръ
Пусто(б)раницы	Рагаткина гора	У Лаземы	ур. Трубаниха
Уголь	Долгая деревня	У Сараве	Митя мохъ
Палище	Плоская Гарь	Налытницы	Объневцы
Шаштуниха	Стаи	Жолобовщина	Поскотинна
Тягуня	Лазарева гора	Овечье	Заозеркомъ
Задворочное поле	Косочкины	Укелья	ур. Кузницово
Каменное	Подгорелой гровкой	Наволокъ	Уварвары
Упоперечного моста	Долгий Березникъ	Высока	Красной мяндачъ
Студенець	Умитя мха	Мокрушина	Дудинъ носъ
Конина плавь	Крутовщина	Быковикъ	Пенуса
Замяндачъ	Горлова	О(се)чно	Красной боръ
Анбарное	Зяблуха	Кустовато	ур. Горние болото
Попова поляна	Прислоны	Шаймины	У Вадеги

Продолжение таблицы 1

Гоголиво	Березнично	Нехка	Подглазовья
Подъ часовенное	Велиничиха	Подъ Лужки	ур. Подглазово
Загорочье	За Кольдихой	Поповщина	За Логоватицей
Подребинка	Сарамохъ	Лахтя	Внутреннее болото
Уморощачника	Подъ Юдиной горой	Болотные	Улуполова (озера)
Бажиха	Пещаниха	Чюпакъ	Марковы
Навзгоркахъ	Житкой логъ	Малодушечье	Круглой Мохъ
Павловщина	Великая Шалга	Ручьевина	Сидоровская
Горняя поляна	Артёмова	Берёзовецъ	За островомъ
Лобановская	На Погоскихъ ростаняхъ	Сосновецъ	Шаймица
Могилья	Горлино	Еловецъ	У креста
Круглушка	Кальдиха	Вилаповщина	За избами
Пустошь	На Петушьей горки	Филатовский заполекъ	Лыньгора
Кривая деревня	Прельчины	Водяное	Подъ кочками
Въ Крежахъ	На Поповскомъ	Курешня	За Долгимъ Березникомъ
Макаровщина	Окольное	Подъ Юрикомъ	На Петушьей горки

Богатство, разнообразие и динамичность топонимической среды Кенозерья и Лекшмозерья середины XIX века даёт основание говорить о ней, как о важнейшей части исторического культурного ландшафта.

Список литературы:

1. А. В. Козыкин, Е. Н. Наквасина. ГИС-анализ влияния типа землепользования на современное разнообразие лесонасаждений в национальном парке «Кенозерский» Лесной журнал/Russian Forestry Journal. 2023. №5, с.27

2. А. В. Козыкин, Н. В. Петрова. Опыт ретроспективы лесопольного земледелия современной территории Кенозерского национального парка. Материалы VII Международной научно-образова-

тельной конференции по исторической географии «Исторический подход в географии и геоэкологии». СПб. 2023 г. с.246

3. Муллонен И. И. Научный отчёт «Многослойная топонимика Кенозерья». Петрозаводск. 2012

4. Межевые планы съёмки 1861 г. Кенозерской и Почезерской дач Вершининской волости Каргопольского и Пудожского уездов Олонецкой губернии / Архив Кенозерского национального парка, Ф.1. Оп. 8. Д. 401, 402.// НА РК, ф.33,оп.58, д.7-99; ф.33, оп.56, д.7-648.

5. Таблицы подробного вычисления угодий к планшетам Лекш-мозерской дачи Колодозерской волости Каргопольского уезда 1862 г. Национальный архив Республики Карелия (НА РК, г. Петрозаводск), фонд 33, оп. 3/32, оп.51/31.

Выговская Миней Четия в собрании музея имени Андрея Рублева (к вопросу об источниках)

Л. И. Алехина

*кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Центральный музей древнерусской культуры и искусства
имени Андрея Рублева,
г. Москва*

Аннотация. Статья посвящена памятнику поздней выговской книжности – Минее Четии из собрания Музея им. Андрея Рублева. Это список 1830-х годов октябрьского тома минейного свода 1711-1715 гг. На основе текстологического анализа сделан вывод о заимствовании житий Киево-Печерских подвижников не из Патерика, а из «Книги житий святых» Димитрия Ростовского, к которой восходит также еще целый ряд текстов.

Ключевые слова: Выговская Миней Четия, Киево-Печерский патерик, Димитрий Ростовский.

Замечательным памятником не только поздней поморской книжности, но и литературного творчества основателей Выговской пустыни является список 1830-х годов октябрьской Миней Четии [6; 8, с. 243, кат. 254]. Книга, принадлежавшая некогда библиотеке представителя известного старообрядческого рода Викула Елисеевича Морозова, поступила в Музей имени Андрея Рублева через букинистический магазин в 1973 г. и стала несомненным украшением рукописного собрания. Как известно, сохранился неполный комплект этого выдающегося памятника раннего литературного творчества выговских наставников: два тома (сентябрь и июнь) Выговских Миней Четии хранятся в Библиотеке Российской Академии Наук (БАН, собр. Ф. А. Каликина, № 60, 61) [5, с. 13, 16, 18; 14]; в Государственном Историческом музее – четыре первоначальных тома (ноябрь, февраль, май, июль) в списках 1710-х гг. и два восполняющих их копийных тома (октябрь и декабрь) в списках рубежа 1780–1790-х гг. (ГИМ, Музейское II собр., № 84-89) [19]. Еще два тома (сентябрь и май) в списках 1830-х гг. имеются в частных собраниях [8, с. 106–107, кат. 83; 16]. Изучением этих памятников, их состава и привлеченных источников, истории и принципов работы над сводом занимается в настоящее время известный исследователь старообрядчества Елена Михайловна Юхименко, опубликовавшая ряд статей по этому вопросу и обозначившая дальнейшее направле-

ние работы [13; 15; 18]. В одной из ее статей [17] дан краткий обзор содержания и нашей рукописи, о которой нам хотелось бы сказать подробнее, сосредоточившись на одном из литературных источников октябрьского тома и, вероятно, всего свода в целом.

По словам Е. М. Юхименко, «кодициологические наблюдения над выявленными рукописями прежде всего указывают на то, что Четии Минеи братьев Денисовых не были просто списаны с какого предшествующего оригинала, а являются итогом самостоятельной и поражающей своим масштабом работы выговских книжников» [18, с. 88]. Созданные в 1711/1712–1715 гг., эти Минеи Четию завершили ряд многотомных четийных сводов XV – начала XVIII вв., пополнив календарные чтения житиями русских святых, прославленных в XVII в. и став «самым полным за всю историю Древней Руси сводом русских агиографических памятников» [18, с. 96].

Основным источником для них стал Софийский список Великих Миней Четийных, с которым, по наблюдениям Е. М. Юхименко, совпадает большинство текстов, посвященных нерусским святым, и оставшиеся незаполненными дни [18, с. 90]. При этом количество похвальных и поучительных слов ВМЧ было сокращено, а также опущены не связанные с календарем большие сочинения. С другой стороны, составители постарались восполнить лакуны на некоторые дни, тем более, что в послемакарьевский период местно или на общероссийском уровне было прославлено немало русских святых и соответственно были составлены их жития. В связи с этим целый ряд агиографических текстов выговские книжники извлекли из различных рукописных сборников или минейных и исторических сводов. Предполагается, что «выговские старообрядцы для уточнения месяцесловной части использовали последние, дораскольные, и наиболее полные редакции печатных сводных изданий: Пролога 1642–1643 гг. и Святцев 1646 г.» [18, с. 92].

Однако даже в части древнейших агиографических памятников ни ВМЧ, ни Пролог не могли вполне удовлетворить выговских книжников. Так, например, в ВМЧ не были отмечены самостоятельными текстами календарные памяти Киево-Печерских святых, а весь Патерик был помещен под 3 маем, днем памяти преподобного Феодосия Печерского [12] (примечательно, что в упомянутом майском томе Выговской Минеи из частного собрания под 3 мая также помещен полностью Киево-Печерский патерик Второй Кассиановской редакции [17, с. 375]). Однако в киевских изданиях уже в первой половине XVII в. появляются указания на конкретные дни памяти печерских подвижников. Это касается и преподобных Дамиана Целебника, Иеремии Прозорливого и Матфея Прозорливого, жития

которых в октябрьском томе помещены под 5 числом. В ранних редакциях Патерика у них не было самостоятельных житий, о них рассказывало «Слово о первых черноризцах печерских», восходящее к летописной статье 1074 г. [7]. Памяти этих трех печерских святых не были указаны и в Прологе [10, л. 148–155 об.]. Впервые 5 октября как день их памяти был помечен в киевском Анфологионе 1619 г.: «В тѣйже день, святых отец Печерских, Иеремиа, и Матфеа Прозорливаго, и Дамиана Пресвитера» [1, л. 266 об.]. В первом кириллическом издании Киево-Печерского Патерика [9] каждый из этих святых получил самостоятельное Житие, помеченное этим днем. То есть выговские книжники вполне могли обратиться к одному из трех изданий Патерика, вышедших ко времени начала их работы над сводом: второе издание – 1678 г., третье – 1702 г.

Но дело в том, что те же самые тексты вошли и в «Книгу житий святых» Димитрия Ростовского, впервые напечатанную в Киеве в 1689 г. и переизданную в 1711 г. [3; 4; 11], то есть также доступную составителям. Несмотря на то, что почивший к этому времени святитель Димитрий (1651–1709 гг.), митрополит Ростовский и Ярославский, был хорошо известен как борец с расколом¹, тем не менее его «Книги житий святых» пользовались у старообрядцев авторитетом и, более того, два столетия спустя, в 1913/1914 г., были напечатаны в Москве в старообрядческой типографии при Преображенском богаделенном доме («первымъ тиснениемъ съ оригиналовъ киевской печати первыхъ изданий»), однако без указания имени автора.

Сравнительный текстологический анализ показывает, что оригиналом для выговцев послужил именно труд святителя Димитрия Ростовского. Так, в указанных житиях Минеи оказываются пропущенными те же слова, что и в «Книге житий святых», или же совпадает написание слов, отличное от издания Патерика. Достаточно привести лишь несколько примеров.

Книга житий святых и Минея: «...якоже сего благопрѣатна Господеви презвитера и цѣлебника блаженнаго Даміана, богоугоднѣ подвизавшася в Печерьскомъ святомъ монастырѣ...» (3, л. 181 об.; 6, л. 215 об.); «...но якоже тому бысть Евѣѣпскую зрѣти страну...» (3, л. 182 об.; 6, л. 218); Еремѣемъ, Россійская землѣ (3, л. 182 об.; 6, л. 217 об.).

Патерик: «...якоже сего благопрѣатна Господеви презвѣтера и цѣлебника, блаженнаго Даміана. Иже Богоугоднѣ подвизашеся в Печерскомъ Святомъ Монастырѣ... (9, л. 142); «...но якоже тому

¹ Свт. Димитрию Ростовскому принадлежит трактат «Розыск о раскольниковской брынской вере, об учении их, о делах их и изъявление, яко вера их неправа, учение их душевердно и дела их небогоугодны», изданный в Москве в Синодальной типографии в 1745 г.

дано бысть Евѡпскую зрѣти страну...» (9, л. 147); «Еремѣмъ», «Рѡссійская Земля» (9, л. 145об.).

Следует заметить, что не все жития Киево-Печерских святых, представленные в октябрьском разделе у святителя Димитрия Ростовского, вошли в соответствующий том Выговской Минеи. Не были включены жития преподобных Николы Святоши, Арефы, Нестора летописца, Спиридона и Никодима просфорников, помещенные в «Книге житий» соответственно под 14, 24, 27 и 31 октября [3, л. 220–222 об., 264 об.–265., 270 об.–271 об., 286–286 об.]. Возможно, при исследовании сохранившихся томов Выговских Миней Четиих будут выявлены и другие патериковые тексты, заимствованные из «Книг житий святых». Е. М. Юхименко допускала обращение составителей к ним, правда, подчеркивая, что «не обнаруживается... следов широкого использования труда Димитрия Ростовского» [18, с. 91]. Наш том, однако, представляет иную картину.

Работа составителей Выговских Миней с «Книгой житий святых» подтверждается, помимо названных текстов, чтением о страданиях мученицы Харитины на то же 5 октября, что и Печерских подвижников. В Софийском списке на 5 октября даны два кратких проложных чтения о мученице Харитине: первое с начальными словами: «Мученица Христова Харитонии(!) бе при Диоклитияне цари и Доментееи комите...» и второе из Стишного Пролога с близким началом: «Сии святая беаше при Диоклитияне цари и Доментияне комите...» (РНБ, Софийское собр., № 1318, л. 230, 232). В Выговской же Минее помещено пространное «Страдание святая мученицы», начало которого полностью совпадает с чтением из «Книги житий святых» Димитрия Ростовского: «Человекъ некий благородень и богатъ, именемъ Клавдій, добръ нравом...» [3, л. 179 об.–181 об.]. Для своего труда святитель воспользовался текстом известного византийского писателя второй половины X в. преподобного Симеона Метафраста, автора многотомного агиографического труда – «Греческой патрологии», о чем сделал соответствующую помету на поле: «От Метафраста».

Совпадают в Выговской Минее и «Книге житий святых» и некоторые другие тексты: например, Жития преподобной Таисии, бывшей блудницы (8 окт) [3, л. 195 об.–196 об.] и Преподобной Параскевы Петки (14 окт) [3, л. 218–220]. Примечательно, что во втором случае у Димитрия Ростовского к заглавию сделана маргинальная помета: «Списаное Евфимиемъ епископомъ Терновскимъ (!)», отсутствующая в Выговской Минее. Житие праведного Иакова Боровичского на 23 октября (нач.: «Сего блаженнаго и праведнаго Иякова отечество долнее и рождение земное, где и от кого родися весма намъ неведомо...») также восходит к «Книге житий

святых» [3, л. 255–256]. Однако здесь, как и в некоторых других случаях, не указан источник, положенный в основу этого чтения. В то же время достаточно часто Димитрий Ростовский давал такие пояснения на полях. Помимо мученицы Харитины, от Метафраста он заимствовал жития мучеников Карпа, Папилы и прочих с ними пострадавших, а также мученика Андрея Критского. А к Житию преподобномученика Лукиана, пресвитера Великой Антиохии, указаны сразу три источника: «От Иеронима, и Евсевия и Метафраста» [3, л. 223]. От некоей неизвестной минеи взято было святителем краткое Житие преподобного Евфимия Нового. Жития всех Киево-Печерских отцов имеют пометы «от Печерскаго Патерика» (за исключением тех, чья память пришлась на 5 октября и чьи жития составили единый комплекс, с соответствующей пометой при первом чтении).

Сопоставляя содержание двух сохранившихся октябрьских томов, Е. М. Юхименко отметила неполноту представленных в списке XVIII в. агиографических текстов, в основном нерусских святых [17, с. 373]. Во-первых, это память преподобного Романа Сладкопевца. Она приходится на 1 октября, под этим же днем чтение помещено в ВМЧ и у Димитрия Ростовского, но в нашем списке оно дано под 2 октября и совпадает с текстом из «Книги житий святых» (нач.: «Святыи Романъ бе от Сирии родомъ, во Емесейстемъ граде воспитанъ...») [3, л. 158–158 об.]. Отсутствуют в раннем списке и жития апостола Филиппа и преподобного Феофана Исповедника, представленные в нашем списке под 11 октября и также восходящие к своду Димитрия Ростовского [3, л. 203 об.–204 об.]. Из этого же источника пришли в наш список тексты «Страдания» мучеников Карпа, Папилы, Агафадора и Агафоники (13 окт.) [3, л. 210 об.–215], «Память» преподобного Евфимия Нового и «Страдание» преподобномученика Лукиана пресвитера (15 окт.) [3, л. 222 об. – 224 об.], «Память» пророка Иосии и «Страдание» преподобномученика Андрея, «иже от Крита за иконы пострадаваша» (17 окт.) [3, л. 227 об.–229], не представленные в списке конца XVIII в.

Можно только гадать, по какой причине в раннем списке не были помещены названные тексты, из-за чего соответствующие дни там вообще остались без чтений². Надо сказать, что и в нашем списке три дня не имеют чтений, хотя и в ВМЧ, и у Димитрия Ростовского представлены «Страдания» мучеников Маркиана и Мартирия (25 окт.), мученика Нестора (27 окт., а у Димитрия Ростовского на этот же день еще и преподобного Нестора летописца), «память» апостолов от 70 и другие чтения (31 окт.). При этом «Мучение» священномученика

² Для сравнения мы пользовались гранками статьи Е. В. Барсова, хранящимися в Отделе рукописей РГБ (РГБ, ф. 17, № 1226, л. 5); статья была опубликована в 1917 г. [2].

Зиновия, епископа Егейского и сестры его Зиновии, помещенное в ВМЧ под 31 октября, в Выговской Минее дано под 30 числом.

Возможно, какие-то чтения, писавшиеся первоначально на отдельных тетрадах, были затеряны и не вошли в книгу при переплете. К сожалению, октябрьский том 1710-х гг. в настоящее время неизвестен. Сохранившиеся списки конца XVIII в. и 1830-х гг. имеют расхождения в последовательности статей. Так, поменялись местами второе и третье «Слова» на Покров Пресвятой Богородицы, Деяние святых мучеников Киприана и Устинии и Житие Андрея, Христа ради юродивого, листы с Житием преподобной Параскевы Тырновской в списке XVIII в. размещены не под 14 октября, а в конце кодекса, есть и еще несколько отличий. Сейчас трудно сказать, какой из этих списков ближе к первоначальному. Скорее всего, оригиналом для нашего списка послужила иная рукопись, чем список 1780-х – 1790-х гг.

Подводя итог, отметим, что октябрьский том Выговских Миней Четиих свидетельствует об активном использовании их составителями текстов «Книги житий святых». Девять дней в октябре включили 14 чтений, заимствованных из этого свода. Но даже в отношении русских святых выговские книжники действовали весьма избирательно, оставив за рамками своего тома пространные жития Печерских преподобных Николы Святоши, Нестора летописца, Спиридона и Никодима просфорников, несмотря на то, что соответствующие дни календаря оставались без чтения. Возможно, исследование других томов, проводимое Е. М. Юхименко, позволит определить принцип отбора текстов составителями из труда святителя Димитрия Ростовского.

Список литературы:

1. Анфологион. Киев, 1619.
2. Барсов Е. В. Четьи-минеи братьев Денисовых // Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917. С. 663-708.
3. Димитрий Ростовский (Туптало, Даниил Саввич), свт. Книга житий святых... На три месяца первыя: Септемврий, Октоврий, Ноемврий. 2-е изд. Киев, 1711.
4. Круминг А. А. Четьи Минеи святого Димитрия Ростовского: Очерк истории издания // Филевские чтения. Вып. 9: Святой Димитрий, митрополит Ростовский: Исследования и материалы. М., 1994. С. 5-52.
5. Маркелов Г. В., Панченко Ф. В. Художественное убранство поморских рукописных книг XVIII–XIX вв. По материалам Пушкинского Дома. Исследование, каталог, альбом. СПб., 2022.
6. Минея Четия на октябрь. ЦМиАР, КП 3945/66, инв. 50–Р–III, ГК 20294229.

7. Ольшевская Л. А. Патерик Киево-Печерский // СККДР. Л., 1987. Вып. 1: XI – первая половина XIV в. С. 308–313.
8. От Аввакума до Агафьи: Наследие старообрядчества: Каталог выставки / Науч. ред. и сост. Е. М. Юхименко. М., 2021.
9. Патерик или Отечник Печерский, содержащий жития святых преподобных и богоносных отец наших, просиявших в пещерах. Киев, 1661.
10. Пролог, первая половина (сентябрь – февраль). М., 1642.
11. Федотова М. А. К истории Четых Миней Дмитрия Ростовского: Рукописные Материалы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Новосибирск, 2012. Т. 11. Вып. 12: Филология. С. 123–133.
12. Шульгина Э. В. Киево-Печерский Патерик в составе Великих Миней Четых // Федоровские чтения. М., 2005. С. 478–481.
13. Юхименко Е. М. Выговские Чети Миней и богослужебный устав Выговского общежития // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв.: Сб. ст. Новосибирск, 2017. С. 149–156.
14. Юхименко Е. М. Два тома Выговских Чети Миней из собрания БАН в контексте истории уникального книжного свода начала XVIII в. // Современные проблемы археографии. СПб., 2016. Вып. 2: Сб. ст. по материалам конференции к 300-летию Б-ки РАН, 21–24 октября 2014 г. С. 467–475.
15. Юхименко Е. М. Жития севернорусских святых в составе Выговских Чети Миней // Святые и святыни Обонежья: Материалы всерос. науч. конф. «Водлозерские чтения–2013», посвящ. 380-летию со дня преставления святого преподобного Диодора Юрьегорского, основателя Троицкого монастыря в Водлозерье (2–4 сентября 2013 года) / Отв. ред. А. В. Пигин. Петрозаводск, 2013. С. 66–73.
16. Юхименко Е. М. Новонайденный майский том Выговских Чети Миней (собрание М. С. Бывшева) // Комплексный подход в изучении Древней Руси: Материалы X Междунар. науч. конф. М., 2019. С. 240–241.
17. Юхименко Е. М. Рукописная традиция Выговских Чети Миней // ТОДРЛ. СПб., 2022. Т. 69. С. 368–377.
18. Юхименко Е. М. Традиция составления Чети Миней в старообрядческой среде // SLAVIA ORIENTALIS tom LXII, nr 1, rok 2013. С. 87–97.
19. Юхименко Е. М. Чети Миней братьев Денисовых. Новые находки // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. С. 302–308.

Каргопольское духовное училище: история создания и проблемы организации

Е. А. Калинина

доктор исторических наук,
Петрозаводский государственный университет
профессор кафедры теории и методики
физического воспитания
г. Петрозаводск

Аннотация. В первой половине XIX в. Святейший Синод предпринимал активные меры по организации духовных учебных заведений. Создание таких школ встретило многочисленные проблемы, связанные с финансированием, обустройством помещений, а также с их содержанием и обеспечением учебниками и учебными пособиями. В данной работе на основе опубликованных и неопубликованных документальных материалов, источников из центральных и региональных архивов автор раскрывает проблемы организации Каргопольского духовного училища в 1809–1917 годах.

Ключевые слова: духовно-учебные заведения, Олонецкая епархия, Каргопольское духовное уездное училище, воспитанники, священнослужители.

Каргопольское духовное училище в 1802–1809 годах

В 1805 году при Спасском монастыре было учреждено Каргопольское училище для обучения детей церковнослужителей. О деятельности этого училища известно немного. Оно размещалось в доме священника. Школьный контингент составляли дети из семей олонецких церковнослужителей, а после окончания обучения выпускники, как правило, определялись в приходы «на отцовские места». В 1807/08 учебном году в нем обучалось 70 человек. Учитель I класса Василий Шегринский, окончивший курс Новгородской духовной семинарии, обучал 26 учеников в возрасте от 9 до 16 лет. Во II классе преподавал Илья Кириллов, выпускник Кирилло-Белозерской семинарии. Он обучал 44 ученика от 10 до 19 лет. Надзирал за деятельностью школы протоирей Каргопольского Христорождественского собора М. Стефанов [8, л. 143–145].

В училище воспитанники обучались чтению и чистописанию, катехизису, краткой священной истории, нотному пению, российской грамматике, арифметике, чтению и письму на латинском языке.

Каргопольское духовное уездное училище в 1809–1866 годах

В ноябре 1809 года Каргопольское духовное училище было преобразовано в уездное. Судя по «Ведомости об открытии училищ

в 1809 году», в нем училище обучалось 37 учащихся [7, л. 226об-220].

Учебный курс в нем продолжался четыре года и состоял из двух отделений – высшего и низшего. Каждое отделение состояло из двух классов. В низшем отделении воспитанники изучали русскую и славянскую грамматику, арифметику, церковное нотное пение, церковный Устав, пространный катехизис и начала латинского и греческого языков. В высшем отделении продолжалось изучение пространного катехизиса, латинского и греческого языков, а также всеобщей и Священной истории, географии. Кроме того, учеников обучали ведению метрических книг, исповедных ведомостей и других документов, необходимых в работе приходского священника. Выпускники уездного духовного училища имели возможность продолжить обучение в семинарии или получить место церковнослужителя (дьячка, пономаря, псаломщика) [4, с. 373].

В штатное расписание духовных уездных училищ вошли должности ректора и трех учителей. Между ними распределялись учебные предметы так: один учитель преподавал в высшем отделении, другой – в низшем, третий – обучал церковному пению, преподавание латинского языка вверялось ректору. В Каргополе ректором училища назначили протоиерея Филиппа Оштинского, а первыми учителями стали И. Кириллов (Кирилло-Белозерское училище), И. С. Нечаев (Архангельская семинария), а должность учителя церковного пения была вакантной [2, л. 133-133об].

Каргопольское уездное училище размещалось в доме каргопольской мещанской вдовы У. Лытковой, которая согласилась за плату 50 руб. в год поместить классы во втором этаже своего дома. На обустройство этого училища – покупку столов и скамеек, столов и стульев для учителей, книг и канцелярских принадлежностей, было выделено 15 руб. Как отметил ревизор, священник петербургского Благовещенского собора А. Минюшский, посетивший это училище в 1811 г.: «Училище помещается в пристойном доме, но для исправления его требуется значительная сумма, по исправлении можно поместить в одном помещении уездное, а в другом – приходское училище» [9, л. 115 об]. В дальнейшем этот дом был выкуплен и в нем долгое время (до 1883 г.) располагалось не только училище, но и Каргопольское Духовное правление.

Деятельность Каргопольского училища в ревизиях оценивалась отрицательно. Так, в Каргопольском училище из 39 учащихся неуспешными учащимися являлась почти половина воспитанников 18 (47%) человек [16, с. 225]. Положительные изменения в училище начались с 1872 года после его преобразования по новому Уставу духовных училищ (1867 г.).

Каргопольское духовное уездное училище в 1867-1883 годах

Согласно новому Уставу духовных училищ (1867 г.), правление Каргопольского духовных училищ было создано в июле-сентябре 1867 года, в административном отношении оно перешло под контроль местного духовенства. С этого времени епархиальные съезды ведали вопросами финансирования и обустройства всех подведомственных духовных учебных заведений епархии.

Какие же проблемы стояли перед духовным училищем после преобразования? Как их решали смотрители училищ, члены училищных правлений, окружные съезды священнослужителей? Отметим, что Каргопольское правление духовного училища при поддержке епархиальных съездов духовенства использовали различные способы для решения данных проблем и улучшения учебной и воспитательной работы.

Проблемы обучения в воспитанников в Каргополе, в первую очередь, были связаны с трудностью учебных программ для 7–9-летних учащихся. Значительное увеличение урочного времени на преподавание классических языков приводило к затруднению в обучении русского языка, как в устной, так и в письменной речи. Здесь следует отметить, что по программе преподавания русского языка в I классе полагалось 4 урока в неделю, а на обучение латинскому языку – 8 уроков в неделю.

О сложности учебных программ духовных училищ смотрители постоянно упоминали в своих ежегодных отчетах. Так, смотритель Каргопольского духовного училища А. И. Попов писал в отчете за 1872/73 учебный год: «постановка латинского и русского языка в I классе училища имели немалые неудобства. Дети, с трудом понимающие родной язык и не имеющие никакого понятия о грамматических формах и технических названиях, должны учиться всему этому на языке чужом». Только с 1880 г. в духовных училищах увеличили число уроков по русскому языку и сократили учебные часы на обучение латинскому [14, л. 3-5].

Отметим, что низкое качество обучения было характерной чертой всех олонекских духовных училищ в это время. Слабая домашняя подготовка к поступлению в училище и леность учеников обуславливали неудовлетворительную успеваемость учащихся.

Сохранившиеся в архивах «Протоколы заседаний училищных правлений» за 1871–1878 гг. показывают, что вопросы малоуспешности воспитанников в училищах обсуждались регулярно.

Для повышения ответственности родителей по подготовке детей к поступлению в духовное училище правление Каргопольского духовного училища в 1871 г. просили Олонецкую духовную консисторию обратиться к родителям с просьбой уделять больше внима-

ния на обучение своих детей, особенно тех, кто «или вовсе не умели говорить по-русски, или говорили очень плохо» [3, с. 176], а также усилить родительский надзор за результатами учения [11, л. 414]. Такое обращение к родителям Консистория сделала в начале 1872 г.

На заседаниях правления Каргопольского духовного училища в январе-апреле 1878 года смотритель Я. Я. Михайловский и преподаватели обсуждали критерии оценивания учащихся: За какой ответ можно оставлять учеников после уроков? Какие меры принимать к тем ученикам, которые не успевают и после дополнительных с ними занятий? В результате обсуждения были приняты решения: с «косными, ленивыми, рассеянными и малоспособными учениками... вносить побольше нравственного элемента, ободряющего дух, и избегать механического требования от ученика ответа на заданные вопросы... Уделять особенное внимание на неуспевающих учеников, сообразуясь с их особенностями характера... а для передачи им чего-либо непонятного предоставлять возможность для других учеников, более способных», а также лишать казенного денежного пособия малоисправных учеников [13, л. 285об-285].

В Каргопольском училище по наблюдениям смотрителей выявлялась еще одна проблема значительной разницы между городскими и сельскими детьми. Ученики, проживающие в городах, были более дисциплинированы, прилично одевались и отличались в нравственном отношении от детей, поступавших в школу из окружных деревень. Последние были неряшливы, невежливы в обращении, «привычные к частому употреблению пищи, сидения в квартире в одной рубашке, даже при посещении квартир каким-либо из начальствующих лиц», на предложенные вопросы дети отвечали «застенчивым молчанием».

Как указывал смотритель Каргопольского училища А. И. Попов в своем отчете за 1871/72 учебный год «приличие часто здесь понималось... так: ходить не подпоясавшись кушаком и по сюртуку и по пальто, ходить в исподнем белье и без обуви... Вежливость имеет также условную форму: молчать и стоять, поникнув головой – самый первый и главный долг почтения... Наружная опрятность также мало привита к детям. Пуговку ли пришить, заплátить ничтожную дырку – это большой труд» [11, л. 118]. Многие из деревенских детей считали «городской затеей умываться по утрам». Такие воспитанники требовали особого наблюдения. Наставникам приходилось учить их мыть руки и лицо, быть опрятными, следить за чистотой в общегитии и квартирах, где они проживали.

Несмотря на требования в новом Уставе (1867 г.) о введении физических упражнений, особенных забот о физическом воспитании учащихся в духовных училищах училищное начальство не прилагало.

Для занятий гимнастики в Каргопольском училище в 1876/77 учебном году съездом духовенства было назначено 25 руб. в год, но преосвященный Ионафан (Руднев) из-за дефицита бюджета это решение отменил. Физические упражнения воспитанников состояли в летнее время в «ручной ходьбе по станку [по перекладине, – Е. К.] для развития мышц, лазанию по доске (наклонной плоскости) и скачки [прыжки, – Е. К.] через барьер», а также в простых подвижных играх на свежем воздухе «бабки», «лунки», «шарком» и «перья» [13, л. 349].

Каргопольское училище помещалось в двух старых деревянных домах, стоящих друг от друга на значительном расстоянии. В одном из них располагались классы (в верхнем этаже) и квартира смотрителя (в нижнем). Вход в классы осуществлялся из холодных сеней, где мальчики снимали верхнее платье и обувь. Это влияло на здоровье учащихся, в училище наблюдались частые случаи простудных заболеваний. Классные комнаты были крайне тесны, «полы в них не крашены, пыль набивается в щели, а в перемены она поднималась от движения детей и затрудняло дыхание, что в высшей степени вредило груди. Здесь не лишне заметить, классные столы в училище плохи и сиденье на них в гигиеническом отношении, несомненно, для учащихся приносит вред. Верхние доски узки, расстояние стола от сиденья велико, а подножки столов так высоки, что положить на них ноги нет никакой возможности; от того ноги у всех висят без опоры, что производит отек их; многие же... просто болтают ногами по воздуху взад и вперед, нарушая тишину класса», – писал С. И. Миропольский в 1872 г. [3, с. 312]. Во время уроков ученики с трудом усаживались за скамьями, а занятиях чистописания для многих не оказывалось места. В классных комнатах от чрезмерной стесненности была сильная духота во время уроков.

По решению II съезда Каргопольского духовенства в 1870 г. приобрели новый двухэтажный дом для общежития в Каргополе за 800 руб. серебром. Однако и новое помещение было тесным: в 4-х небольших комнатах проживало 43 воспитанника. Как отметил ревизор М. Х. Григоревский в своем отчете за 1876 г., в общежитии «между кроватями учеников почти нет прохода, середина комнаты занята столами, и ученики занимались в этих самых комнатах. Во время вечерних занятий большая часть учеников ели за столами на кроватях и за теснотой они переходили к своим местам или выходя из комнаты по кроватям товарищей» [15, л. 81 об].

Для более удобного размещения учебного корпуса Каргопольского училища первоначально предполагалось сделать пристройки. Однако очередной съезд Каргопольского духовенства в декабре 1874 г. после тщательного осмотра училищных домов и всесторон-

него обсуждения мер по улучшению положения училища, пришло к убеждению, что производство новых пристроек к старому зданию будет только напрасной тратой денег без существенной пользы для училища. Съезд принял решение о строительстве нового дома. Не имея достаточно средств, депутаты просили преосвященного Ионафана (Руднева) составить ходатайство в Святейший Синод о предоставлении материальной помощи необходимой для постройки училища. Но преосвященный отказал в просьбе, предложив в свою очередь занять под училище здания Каргопольского Спасо-Преображенского заштатного монастыря, где проживало всего 5-6 монашествующих, которые могли переехать в другой монастырь.

Только в 1880–1882 гг. по решению XIII Каргопольского окружного съезда духовенства (ноябрь 1880 г.) в центре города был построен новый двухэтажный деревянный дом на каменном фундаменте с железной крышей и водосточными трубами, с большими окнами и с парадным крыльцом с колоннами. Следует заметить, что в 1882 г. Святейший Синод выделил дополнительные средства для завершения этого строительства [6]. В нем на втором этаже были устроены просторные и светлые классные помещения, библиотека, комната для правления, учительская. На первом этаже находились спальни на 120 человек, умывальни, гардероб, квартира для надзирателя и прислуги. Длинные коридоры на первом и втором этажах служили местом для организации прогулок, игр и гимнастических упражнений учащихся. Кроме этого помещения, училище занимало еще 3 здания: в одном и них находилось общежитие, в другом – столовая и кухня, больница, в третьем – баня и прачечная [10, л. 70].

22 ноября 1882 г. состоялось торжественное освящение дома духовного училища в присутствии городского головы А. А. Вешнякова, представителей светской власти, городского духовенства, купечества, всего личного состава служащих училища, учеников и их родителей. На открытии с речью выступили благочинный Каргопольского уезда, смотритель училища Я. Я. Михайловский, председатель строительной комиссии миссионер Ф. И. Стручков. В этот день была сделана подписка на пожертвования в пользу училища, которая составила 428 руб. Самый значительный взнос – 300 руб. на покупку железных кроватей для общежития – был сделан купцом А. Л. Лаврентьевым, а купец В. М. Дикин еще дополнительно согласился приобрести во все училищные комнаты иконы на сумму 100 руб. [5]. Во время обеда одним из гостей, выпускником Каргопольского духовного училища, были прочитаны стихи собственного сочинения:

Мы детство свое не забыли,
Хот оно было довольно давно;

Мы помним, как в школах нас били,
Как там было тесно, темно и холодно.
Печальные были те годы
И нам тяжело их теперь вспоминать...
Но время скосило невзгоды:
Теперь уж тому никогда не бывать.
Воздвигли дома нам большие –
Ходи в них, учись и живи, наш сынок.
Наставники люди не злые,
Лишь скромненький будь сам и готовь свой урок.
Почтим да сегодня без лести
Труды добротворцев на пользу другим,
Предложим от сердца дань чести
И память о них навсегда сохраним [5].

В 1886 г. произвели ремонт зданий Каргопольского училища. В классах и спальнях стало уютно, чисто, светло. В общежитии всем желающим хватало места. Но эти удобства продолжались недолго. В 1889/90 учебном году в духовном училище произошло 2 пожара, в результате которых было полностью уничтожены училищные здания, в том числе и новое, построенное в 1882 г. Сгорели училищная мебель, ученические принадлежности, библиотека. В связи с этим училище вынуждено было переселиться в наемное помещение.

Таким образом, положение Каргопольского духовного училища в период 1867–1884 годов было сложным. В нем в 1868 году обучалось 70 человек.

Трудности деятельности школы заключались также в недостатке финансирования, сложности учебных программ, отсутствии удобных училищных зданий и общежитий для воспитанников. Все это оказывало негативное влияние на уровень успеваемости учащихся. Отчеты ревизоров иллюстрируют печальную картину состояния учебной и воспитательной работы в Каргопольском училище.

Среди положительных тенденций в это время можно отметить усиление внимания епархиальных съездов духовенства к школьным нуждам, выразившееся в выделении финансовых средств на обустройство училищного дома для Каргопольского училища и на строительство пристройки для общежития (хотя и небольшого) для Петрозаводского училища, а также в открытии приготовительного класса для обучения инородческих детей. Съезды духовенства оказывали поддержку правлениям училищ по организации своевременной явки на учебу после каникул и более серьезной домашней подготовке будущих воспитанников. Но эти меры не оказали серьезного влияния на увеличение численности детей в училищах. В двух олонекских

духовных училища численность учащихся ежегодно снижалась: в 1884 году в них обучалось 210 учеников: в Петрозаводском духовном училище – 127 и в Каргопольском – 83 воспитанника.

Каргопольское духовное уездное училище в 1884–1917 годах

Новый Устав духовных училищ (1884 г.) усиливал религиозно-нравственное направление. В условиях нарастающего революционного движения училищному начальству необходимо было применять различные формы внеклассной работы, отвлекающие воспитанников от революционных идей. В конце IX – начале XX века в Каргопольском духовном училище стали проводить литературные вечера, которые сопровождались показом «туманных» картин и выступлениями учащихся. В конце XIX века в таких мероприятиях активное участие принимали только преподаватели. Во время проведения вечеров они выступали с речами, а ученики в перерывах между их речами исполняли духовные песнопения.

Затем воспитанники духовных училищ становились активными участниками литературных вечеров. Вечера в это время стали иметь более светский характер. Учащиеся читали наизусть стихи русских поэтов, зачитывали вслух подготовленные заранее свои рефераты по различной тематике, показывали костюмированные театральные сценки, исполняли не только духовные песнопения, но и русские народные песни, заонежские старинные песни, записанные В. Д. Лысановым, играли на скрипках, гитаре. В училище под управлением учителя П. Г. Любославского был организован оркестр балалаечников. В 1912 году в Каргопольском училище провели вечер, посвященный 200-летию со дня рождения М. В. Ломоносова, в 1913 году торжественно отметили 300-летие династии Романовых. Лучшие ученики училища посещали религиозно-нравственные чтения в здании городской Думы.

Вместе с преподавателями ученики проводили паломнические поездки в близлежащие храмы и монастыри. Так, в 1911 году воспитанники Каргопольского училища совершили паломничество в Александро-Ошевенский монастырь, в 1912 году – в Кирилло-Челмозерский монастырь, а в 1915 году – в с. Ольгу для молебствия перед чудотворной иконой Тихвинской Богоматери.

Занятия физическими упражнениями проводились два раза в неделю. Воспитанники в хорошую погоду ежедневно под наблюдением помощника смотрителя, надзирателя ходили на прогулку иногда за город или на училищный двор и там играли в различные подвижные игры: в разбежки, в бабки, в рюхи, в кошку-мышку, в лапту, в мяч, в чирок, в городки, в рюшку и др. Зимой катались на коньках на катке, санках, кололи дрова. В плохую погоду – в комнатах играли в пятнашки, в разгадки, перышки, в шашки (настольные

игры). В воскресные вечера проводили чтения с «туманными картинами» или граммофоном. Занимались переплетом книг, выпилкой из дерева, плетением сетей, певчие устраивали спевки, рисовали, играли на скрипке или балалайках и скрипке. Из дополнительных занятий по интересам в Каргопольском училище можно отметить занятия переплетом книг и столярным мастерством.

В годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) в здании общежития Каргопольского училища располагался госпиталь для раненых воинов. Воспитанники проводили платные патриотические литературные вечера, где зачитывали военные сводки из периодической печати и показывали «туманные» картины, здесь проводился сбор пожертвований в пользу раненых. Один из таких вечеров состоялся в Каргопольском духовном училище в декабре 1914 года. Участниками мероприятия стали не только учащиеся, но и учителя. В этот день в пользу раненых поступило 140 руб. 19 коп. [1, с. 34-35].

Ревизии духовных олонекских училищ в 1896/97, в 1907/08 и в 1913/14 учебных годах также отметили многочисленность неуспевающих учащихся (до 40 %). В отчетах указывалось на удовлетворительное поведение учеников, которое, однако, омрачалось редкими случаями ученических проступков «в роде табакокурения, присвоение чужого». Как отметил ревизор П. Полянский в 1914 году, «несмотря на старания преподавателей привлечь всех учеников к добросовестному исполнению своих обязанностей, возбудить в них внимание к классным занятиям и усердию во время самостоятельного приготовления уроков, многие ученики не обнаруживают успешности, которая иногда достигает значительных размеров» [12, л. 3].

Во второй половине XIX – начале XX века шла активная внеклассная работа в низших духовных училищах, но на фоне недостаточного материального содержания духовных школ сохранялись проблемы обучения детей из беднейших семейств, их проживания в общежитиях. Нерешенность вопроса по изменению учебных программ, страдающих многопредметностью, обострила проблемы успеваемости учащихся. Все это приводило к напряженной обстановке и общему кризису олонекских духовно-учебных заведений.

Таким образом, открытие Каргопольского уездного духовного училища стало для Олонецкого края значительным событием. Это было духовно-учебное заведение, готовившие грамотных священнослужителей, преподавателей сельских приходских школ. Несомненно, большое значение для местного духовенства имело получение возможности обучения своих детей на местах, не отправляя их за пределы губернии. Важным фактором для успешных выпускников училищ стал карьерный рост – многие из них могли продолжить обра-

зование в Новгородской, Архангельской или Санкт-Петербургской духовных семинариях. Однако организация училищ натолкнулась на серьезные проблемы – недостаточное финансирование, отсутствие училищных зданий, а также нежелание самих священников обучать своих детей в духовных учебных заведениях.

Список литературы:

1. Иоанн архимандрит. Патриотический вечер в Каргопольском духовном училище // Олонецкие епархиальные ведомости. 1915. № 2. С. 34-35.
2. Национальный архив Республики Карелия. Ф. 593. Оп. 3. Д. 1/2.
3. Миропольский С. И. Преобразование духовно-учебных заведений Олонецкой епархии в 1872 г. Санкт-Петербург, 1875.
4. О усовершенствовании Духовных Училищ; о начертании правил для образования сих Училищ и составлении капитала на содержание Духовенства. Именной указ императора Александра I от 26 июня 1808 г. // ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 30. № 23122. СПб., 1830.
5. Обыватель. Новый дом Каргопольского духовного училища // Олонецкие губернские ведомости. 1883. № 83.
6. Олонецкие губернские ведомости. 1882. № 93.
7. Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 1. Д. 47.
8. Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 1. Д. 88.
9. Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 1. Д. 501.
10. Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 9. Д. 21.
11. Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 9. Д. 43.
12. Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 11. Д. 67.
13. Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 9. Д. 45.
14. Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 9. Д. 54.
15. Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 9. Д. 64.
16. Титлинов Б. В. Духовная школа в России в XIX веке. Т. 2. Вильно, 1908–1909.

Из истории Нименского училища – начальной школы митрополита Вениамина (в миру Василия Павловича Казанского)

В. А. Сметанин

*краевед, действительный член
Архангельского центра Русского географического общества,
член культурно-просветительского общества «Норд»,
член Российского общества историков-архивистов, г. Архангельск*

Аннотация. В статье сделана попытка проследить историю развития начального народного училища, открытого при Нименском погосте Каргопольским управлением ведомства государственных имуществ 175 лет назад – от образования в 1849 году Андреевского сельского приходского училища и до окончания Василием Казанским в 1882 году Нименского одноклассного образцового училища.

Ключевые слова: митрополит Вениамин, сельское приходское училище, земское сельское училище, одноклассное образцовое училище, Каргопольское управление Олонецкой палаты государственных имуществ, уездный училищный совет, экзаменационные испытания, свидетельство установленного образца.

Летом прошлого (2023 г.) года в г. Няндомы успешно прошли III Межрайонные православные краеведческие чтения памяти священномученика Вениамина, митрополита Петроградского и Гдовского, посвящённые его 150-летию со дня рождения.

Как известно, Вениамин митрополит Петроградский и Гдовский (в миру Василий Павлович Казанский) родился в семье священника Нименской¹ Преображенской церкви в Андреевской волости Каргопольского уезда Олонецкой губернии (ныне на территории Няндомского округа Архангельской области) Павла Ивановича Казанского 17 апреля 1873 года.²

При подготовке к III Межрайонным православным краеведческим чтениям доклада на тему: «О церковных школах Нименского прихода» в V-м томе Поморской энциклопедии встретил утверждение об окончании Василием Казанским Яковлевской церковной школы грамоты [15,

¹ Все названия, происходившие от реки Нименьга в документах писались без буквы «г».

² Все даты приведены по Юлианскому календарю, существовавшему в России до февраля 1918 года.

с. 294]. Такое заявление выглядит, по меньшей мере, странным, потому что школы грамоты не давали начального образования, необходимого сыну священника для продолжения обучения в духовном училище. Они служили лишь «для получения элементарной грамотности и утверждения в православном народе истинного благолепия». К тому же, нелепым выглядело бы священнику Казанскому определять своего сына в школу за пять вёрст от дома, когда рядом с погостом существовало министерское одноклассное училище, освящённое им в сентябре 1878 года. Наконец, Яковлевская школа грамоты была открыта в 1891 году [14], когда Василию Казанскому было уже 18 лет. К тому времени он окончил Каргопольское духовное училище и четвёртый год обучался в Петрозаводске, в Олонецкой духовной семинарии. Только 4 января 1898 года Яковлевская школа грамоты была преобразована в церковно-приходскую школу, дававшую детям начальное образование [8, л. 1].

Рис. 1 Вениамин Казанский, митрополит Петроградский и Гдовский

Смею проинформировать, что нынешний год знаменуется 175-летием народного образования в Няндомском округе Архангельской области. На Няндомской земле первым начальным народным учебным заведением стало Андреевское сельское приходское училище. Оно было образовано 175 лет назад, в декабре 1849 г. при Нименском погосте в Андреевском сельском обществе Аксентовской волости Каргопольского уезда Олонецкой губернии Каргопольским

окружным управлением Министерства государственных имуществ [11, л. 20-21].

Чтобы быть предельно понятным, предлагаю познакомиться с некоторыми из скудных сведений, имеющихся в фондах областного архива, об образовании сельских училищ в середине XIX века (с 1842 по 1849 гг.) в Каргопольском округе, состоящем из Каргопольского и Пудожского уездов, Каргопольским окружным управлением. Им были открыты восемь сельских приходских училищ, по одному в каждой волости. В середине XIX века Каргопольский уезд состоял из пяти укрупнённых волостей: Аксентовской, Богдановской, Воробьёвской, Калитинской и Никольской, а Пудожский уезд – из трёх таких же волостей: Бураковской, Рыжковской и Филимоновской. В Каргопольском уезде были открыты приходские училища: Ловзанское при одноимённом погосте в Токаревском сельском обществе Калитинской волости 10 октября 1844 года; Речно-Георгиевское при одноимённом погосте в Воробьёвском сельском обществе одноимённой волости в 1843 году; Троицкое при одноимённом погосте в Никольском сельском обществе одноимённой волости в 1844 году; Андреевское при Нименском погосте в Андреевском сельском обществе Аксентовской волости в 1849 году и Богдановское при Устьмошском погосте в Богдановском сельском обществе одноимённой волости в 1844 году. Одновременно в Пудожском уезде были образованы училища: Красновское при одноимённом погосте в Шеинском сельском обществе Бураковской волости в 1842 году; Кенозерское при одноимённом погосте в Рыжковском сельском обществе одноимённой волости в 1844 году и Филимоновское при Нигижемско-Георгиевском погосте в Каршевском сельском обществе Филимоновской волости в 1844 году [11, л. 20-22, 31].

Открытые Каргопольским управлением приходские училища существовали за счёт общественного сбора, а обучение крестьянских детей в них по высочайшей воле было вверено приходскому духовенству. В этих училищах мальчики обучались краткому катехизису со священной историей Ветхого и Нового завета, первой части арифметики, чтению церковной и гражданской печати, письму и чистописанию, а в некоторых училищах ещё и простому церковному пению.

Через 30 лет после открытия при Нименском погосте Андреевского приходского училища шестилетнего Василия Казанского определили в находившееся в деревне Андреевской Нименское одноклассное образцовое училище Министерства народного просвещения. В нём его отец священник П. И. Казанский был законоучителем, преподавая Закон Божий. Год поступления в училище Василия определён по году окончания им училища (1882 г.) [10, л. 47 об, 48 об.].

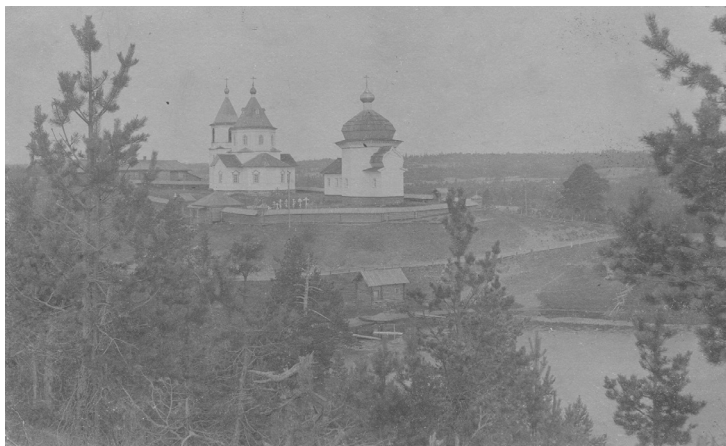

Рис. 2 Нименский погост (фото начала XX века)

В 1879 году, когда Василий «пошёл в школу», в Каргопольском уезде из более 40 сельских училищ только три были министерскими: двухклассное в Архангельском приходе и два одноклассных – Ловзанское и Нименское. Эти министерские училища были призваны стать образцами для подражания – «лучшими рассадниками начального образования». В отличие от земских и приходских училищ, размещавшихся в наёмных крестьянских домах, они имели, как правило, собственные учебные здания, частично финансировались из казны и были лучше оснащены.

В большинстве образцовых училищ были организованы учебные мастерские, где ученики получали знания по столярному, слесарному или переплётному ремеслу. В 1880 году в Нименском образцовом училище был организован ремесленный класс столярного мастерства. В столярной мастерской учащиеся приобретали знания по изготовлению стульев, табуреток, оконных рам, рамок для икон, граблей и другое. В годы учёбы Василия Казанского учителем столярного мастерства в училище с жалованьем 60 рублей в год состоял отставной матрос Ананий Михайлов Аксёнов, причисленный к счёту крестьян деревни Захарьиной [11, л. 84].

В ведомости 1851 года, подписанной волостными головой Терентием Пигиным, писарем Чапуриным и помощником писаря Иваном Наумовым, об Андреевском сельском приходском училище Аксентовской волости ведомства Олонецкой палаты государственных имуществ сказано, что оно существует с 1849 года за счёт обще-

ственного сбора. В нём обучалось 26 мальчиков, а преподаваемыми учебными предметами в училище были краткий катехизис, 1-я часть арифметики, чтение и письмоводство [6, Л. 79 об. 80]. Наставником в училище состоял священник Александр Смирнов [6, Л. 68 об.], дед митрополита Вениамина по матери. По его кончине в июне 1857 года сведений о функционировании училища в последующие три года не найдено. Так, в отчёте о состоянии учебных заведений Каргопольского и Пудожского уездов за 1857 год, составленным Каргопольским штатным смотрителем Тимофеем Егоровичем Сапожковым, приведены сведения лишь по Каргопольским уездному и приходскому и Пудожскому приходскому училищам. О сельских же училищах в отчёте даже не упомянуто [13, л. 104-127 об.].

В 1861 году наставником в Нименское приходское училище был назначен выпускник Олонецкой духовной семинарии Павел Иванович Казанский, рукоположенный в 1863 году архиепископом Аркадием в священники к Нименской Преображенской церкви [14].

С открытием в 1867 году земства в Олонецкой губернии оно поспешило дать существовавшим народным сельским и причтовым училищам, содержащимся на средства сельских обществ и духовенства, «возможную материальную помощь». Уже в первые годы своей деятельности земство начало открывать новые училища, а имевшиеся сельские приходские училища преобразовывать в земские. К 1873 году в Каргопольском уезде функционировало 12 сельских земских училищ, среди них было и Андреевское. Учителем его состоял выпускник Олонецкой духовной семинарии Пётр Скородумов, получавший содержание 240 рублей в год [12, л. 6 об 7]. В конце 1873 года в трёх отделениях Андреевского земского училища обучались 27 мальчиков и одна девочка. Учитель Скородумов преподавал в училище все предметы: Закон Божий, русское чтение, арифметику и славянское чтение [10, л. 23-25].

Летом 1874 года Пётр Скородумов был перемещён учителем в Волосовское сельское земское училище, и в 1874-1875 учебном году должность учителя в училище исполнял священник Павел Казанский [1, л. 9 об.; 9, л. 6 об.-7]. В том же году в связи с переименованием Андреевского сельского общества в Нименское Андреевское сельское земское училище получило название Нименское. Училище располагалось в наёмном крестьянском доме, в нём обучались 32 человека (30 мальчиков и две девочки). В библиотеке училища находилось 496 книг 71 названия и 77 учебных пособий. На содержание училища Каргопольское земство выделило 395 рублей, из них на жалованье учителю 250 рублей и наём квартиры под училище 48 рублей [2, л. 9 об-10].

Летом 1875 года Николай Лебедев, по окончании полного курса наук в Олонецкой духовной семинарии со званием студента, подал

прошение инспектору народных училищ 2-го района Олонецкой губернии К. М. Петрову об определении его учителем в Нименское земское училище на вакантное место. При этом представил свидетельство, подписанное ректором семинарии о том, что он в течение двух последних лет своего образования занимался в воскресной школе при семинарии, где обучал мальчиков по предметам, преподаваемым в народных сельских училищах «с постоянным усердием при добром поведении» [2, л. 6-7].

В 1875-1876 учебном году в трёх отделениях Нименского земского училища обучался 31 учащийся, из них 29 мальчиков и две девочки: в младшем отделении семь человек; среднем – восемь и старшем – 16. В училище преподавались четыре предмета: Закон Божий, арифметика, чтение и письмо. Жалованье учителя составляло 300 рублей в год, а законоучителя – 42 рубля в год.

В младшем отделении училища изучались: по Закону Божию – первоначальные молитвы с кратким объяснением и ознакомлением с главными истинами веры; по арифметике – счёт до 100 и начертание цифр до 10; по чтению – объяснительное чтение по первой части учебника Ушинского «Родное слово»; по письму упражнялись в письме под диктовку слов и кратких выражений печатными буквами. Учащиеся среднего отделения изучали: по Закону Божию священную историю Нового и Ветхого Завета до Судей Израелевых, им были объяснены Символ веры, Молитва Господня и заповеди, истории двенадесятих праздников и некоторых замечательных действий литургии, как-то великий вход и малый благовест к «Достойно» и т.п.; по арифметике – первые четыре действия с простыми числами до 1000, по чтению – чтение «Родного слова» и Евангелие на славянском языке с повторением прочитанного наизусть и с объяснением непонятных слов; по письму писали с прописей и под диктовку, упражнялись в сочинениях. В старшем отделении изучали: по Закону Божию – священную историю Ветхого и Нового завета, Символ веры, Молитву Господню, заповеди и объяснение литургии и праздников, понятие о храме и его принадлежностях; по арифметике – четыре действия простых и именованных чисел, решение сложных задач; по чтению – упражнение в церковном чтении по Евангелию и Псалтири и гражданском по разным книгам с подробным ответом о прочитанном; по письму – писали с книг, под диктовку, о прочитанном, письма и разные сочинения другого рода. Сверх того, учащимся были даны сведения из русской истории и географии.

В зимнее время ученики училище посещали удовлетворительно, весной же не аккуратно из-за неимения хорошей обуви и за недосугом открывавшихся полевых работ. [3, л. 17-18].

Нименское сельское земское училище нуждалось в книгах для классного чтения, так как из числа книг училищной библиотеки мог быть использован для классного чтения только учебник «Родное слово». Прочие же книги, хотя и были в библиотеке и достаточно по названиям, но годились больше для домашнего чтения, чем для классного, потому что каждой книги было только по 2–3 экземпляра. Для классного же чтения необходимо было иметь столько книг одного наименования, сколько учеников в отделении. Половина книг в библиотеке была без переплёта. Местные жители весьма сочувственно относились к училищу и с охотой отдавали своих детей для обучения.

Для улучшения учебных дел необходимо было позаботиться о приискании нового более удобного помещения для училища, так как занимаемое далеко не удовлетворяло необходимым условиям. Оно состояло всего из одной комнаты, которая была недостаточно просторна и не могла вместить более 20–25 человек. даже при таком количестве учащихся в классе было тесно, а желающих учиться было гораздо больше. В 1875 году число учащихся простиралось до 42 человек [3, л. 27].

27 февраля 1877 года сельский староста Пудогин собрал крестьян-домохозяев деревни Андреевской Нименского сельского общества Андреевской волости на селенный сход. На сходе слушали словесное предложение наставника Нименского земского сельского училища Николая Лебедева о выделении места под образцовое училище с уступкой пол десятины земли. Внятно обсудив обстоятельства этого дела и принимая во внимание предложение учителя, крестьяне постановили - отвести место в деревне Андреевской от часовни к деревне Беловской по левую сторону дороги в длину по дороге восемьдесят саженей и в ширину от канавы пятнадцать саженей. Составленный приговор крестьяне утвердили своими подписями: грамотные расписались сами, а за неграмотных по их просьбе расписались грамотные крестьяне или их грамотные дети.

Позже крестьяне добавили училищу ещё пол десятины земли. Таким образом, всего ими была выделена одна десятина земли, из них непосредственно под училищем находилось 46 кв. саженей, а остальные 2354 кв. саженей земли, принадлежащих училищу, обрабатывалась учителем для своих нужд, часть под посев хлеба, часть под огородные овощи [5, л. 92].

С окончанием строительства в деревне Андреевской типового школьного здания, сохранившегося до наших дней (рис. 2), Нименское земское сельское училище в сентябре 1878 года было преобразовано в одноклассное образцовое училище Министерства народного просвещения [10, л. 3]. Летом 1878 года из Нименского земского училища

Николай Лебедев был перемещён учителем в Большешальское земское училище и в январе 1879 года был рукоположен в священники Ошевенского прихода Каргопольского уезда [5, л. 92]. Учителем в Нименское одноклассное образцовое училище был перемещён из Большешальского земского сельского училища выпускник Тотемской учительской семинарии 1877 года Филарет Журавлёв [5, л. 5].

В первый год в Нименском одноклассном образцовом училище обучались 27 мальчиков [10, л. 12]. По окончании 1878-1879 учебного года первые испытания в училище проводились 11 июня экзаменационной комиссией под председательством инспектора народных училищ 3-го района Олонецкой губернии Филарета Готгардтовича Кименталя и членов: законоучителя училища священника Павла Ивановича Казанского и учителя Филарета Журавлёва. Из учеников третьего отделения, державших экзамен, выдержал испытания ученик Сергей Григорьев Нахалов, который стал первым выпускником Нименского образцового училища. На заседании Каргопольского уездного училищного совета 12 августа 1879 года по рассмотрении экзаменационного списка и заключения экзаменационной комиссии на основании параграфа 18 правил, утверждённых министром народного просвещения 15 октября 1874 года, для выдачи свидетельств о знании курса начальных училищ лицам, желающим при отбывании воинской повинности воспользоваться льготой, определённой п. 4 ст. 56 устава о воинской повинности, постановили С. Г. Нахалову выдать свидетельство [10, л. 4, 8-8 об.]. Справочно отметим, что по уставу о воинской повинности от 1 января 1874 при наличии свидетельства о начальном образовании срок действительной военной службы сокращался на два года, с шести до четырёх лет.

В 1879–1880 учебном году в Нименском училище обучались 33 учащихся, в том числе 32 мальчика и одна девочка [10, л. 24], из них ученик младшего отделения Василий Казанский был сыном священника, а остальные – детьми крестьян Нименского сельского общества. Все учащиеся были православного вероисповедания.

4 июня 1880 года в училище производились испытания учеников третьего отделения экзаменационной комиссией в том же составе, что и в 1879 году. Подверглись испытаниям пять учеников третьего отделения: Тимофей Афанасьев Чапурин, 13 лет и Иван Ефимов Наумов, 11 лет, – оба из деревни Андреевской; Александр Филиппов Красиков, 12 лет, из деревни Некрасихи; Антон Александров Пудогин, 12 лет, из деревни Беловской, и Александр Германов Белов, 13 лет, из деревни Софоновой Горы. Выдержали испытания с получением свидетельств на льготу три ученика: Тимофей Чапурин, Александр Красиков и Антон Пудогин [10, л. 9-12].

С 1 июня 1880 года учителем в Нименское образцовое училище был определён выпускник Тотемской учительской семинарии, уроженец Тотемского уезда Вологодской губернии Иван Петров Рудаков. По окончании учительской семинарии он службу начал у в Купецком земском училище Пудожского уезда с 1 августа 1877 года, а с 1 сентября 1878 года был переведен учителем в Ловзангское одноклассное образцовое училище Каргопольского уезда [4, л. 78-80]. Одновременно его однокашника по семинарии, первого учителя Василия Казанского Филарета Журавлёва перевели на место Ивана Рудакова в Ловзанское одноклассное образцовое училище, где он по прошествии семи лет скончался [10, Л. 177].

По окончании 1880-1881 учебного года экзаменационные испытания проводились 10 июня комиссией под председательством инспектора 3-го района Олонецкой губернии Ф. Г. Кименталья и членов: законоучителя П. И. Казанского и учителя И. П. Рудакова. К испытаниям были допущены три ученика 3-го отделения: Александр Герасимов Белов, Иван Ефимов Наумов и Тимофей Никитин Попов, которые их выдержали и в августе 1881 года получили свидетельства установленного образца [10, л. 29, 32-33 об.].

На содержание Нименского училища в 1882 году было выделено 690 рублей, из них от казны 226 рублей и от земства 464 рубля. Годовое жалованье учителя составило 300 рублей, законоучителя – 100 рублей и учителя ремесла – 60 рублей. На учебные пособия и библиотеку предусматривалось 60 рублей, на отопление – 50 рублей, на освещение – 10 рублей, на наём прислуги – 60 рублей и на мелкие расходы – 20 рублей в год [7, л. 1].

25 мая 1882 года по окончании очередного учебного года в Нименском образцовом училище проводились испытания той же комиссией, что и в 1881 году [10, л. 41-41 об.]. Испытаниям подверглись и успешно их выдержали пять учеников третьего отделения Василий Казанский, Герасим Шумков, Константин Наумов, Ефим Коковин и Исак Чапурин [10, л. 47-48.]. 4 сентября 1882 года учитель Иван Рудаков уведомлял инспектора Кименталья о том, что свидетельства о получении начального образования под номерами 85-89 выпускникам училища: Василию Казанскому, Герасиму Шумкову, Константину Наумову, Ефиму Коковину и Исаку Чапуру им получены, записаны в книгу и выданы по назначению [6, л. 88].

Василий Казанский получил свидетельство о начальном образовании в возрасте девяти лет. Обычно таких малолеток оставляли в училище ещё на год для повторения курса третьего отделения. Для примера, в том же году в Устьмошском земском училище Каргопольского уезда выдержали испытания семь учеников, среди них был

и Алексей Чапыгин, будущий известный писатель, один из основоположников советского исторического романа. Один из семи испытуемых Андрей Третьяков, хотя и выдержал испытания удовлетворительно, но по малолетству был оставлен в училище ещё на один год. По той же причине был оставлен на повторный год ученик третьего отделения Печниковского земского училища Николай Лукин [10, л. 49]. К сожалению, в областном архиве не сохранились ведомости об успехах Василия Казанского, но факт получения им свидетельства в девять лет наглядно показывает о весьма хороших знаниях, показанных им на испытаниях. Заметим, что и в списке он стоит первым, а фамилии учеников тогда в ведомости заносились не по алфавиту, а по успехам.

Список литературы:

1. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1353. Оп. 1, д. 1А.
2. Там же. Д. 4.
3. Там же. Д. 6.
4. Там же. Д. 13.
5. Там же. Д. 15.
6. Там же. Д. 17.
7. Там же. Д. 18.
8. Там же. Д. 52.
9. Там же. Ф. 1480. Оп. 1. Д. 3.
10. Там же. Д. 9.
11. Там же. Ф. 1955. Оп. 1. Д. 21.
12. Там же. Д. 23.
13. Там же. Д. 28.
14. Зеркаль Н. А. «Великий труженик на ниве Божией» (электронный ресурс) Domniana.ru (дата обращения 21 января 2024 г.)
15. Рягузов С. С., Герасимова, Е. Л., Грушко Б. Л., Кузнецова Е. В. Вениамин // Поморская энциклопедия: в пяти томах – Т. V: Города, районы, люди Архангельского Севера – Архангельск, 2016.

Житийные иконы преподобного Александра Свирского: агиографические источники и анализ иконографии

И. Д. Соловьева

*кандидат искусствоведческих наук
заведующий отделом древнерусского искусства
Русский музей, г. Санкт-Петербург*

Аннотация. Сохранившиеся три монументальные иконы преподобного Александра Свирского с обширными житийными циклами позволяют проанализировать не только особенности их иконографической программы и «прочтения» канонического текста, но проясняют характер работы иконописцев с образами.

Ключевые слова: Троицкий Александро-Свирский монастырь, икона, иконография, житие, клейма.

В своей Духовной грамоте преподобный Александр Свирский передал основанный им монастырь под покровительство новгородского архиепископа, будущего митрополита Макария. Несомненно, что именно глубокое почитание Свирского игумена и попечительство над его обителью со стороны митрополита Макария стали основой высокого авторитета и процветания Александровой пустыни в XVI и XVII столетиях. На соборе 1547 года произошла канонизация Александра Свирского, которому в числе двенадцати святых было определено повсеместное празднование. По непосредственному распоряжению митрополита в преддверии канонизации в 1545 году были составлены Житие и Служба «новому чудотворцу». Список Великих миней четьих, вложенный митрополитом в Успенский собор Московского Кремля в 1552 году, содержит старейший из сохранившихся списков Жития. Между 1547 и 1555 годами в этом же соборе был установлен «образ Александра Свирского чудотворца с деянием» [1]. С большой долей вероятности можно утверждать, что он был создан для кафедрального Успенского собора благодаря попечению митрополита Макария и стал одним из ключевых звеньев глубоко продуманной программы прославления преподобного.

Образ Успенского собора содержит наиболее обширное живописное повествование о житии Александра Свирского, развернутое в ста двадцати девяти клеймах. Перед иконописцами этого впервые создававшегося житийного образа только что прославленного игумена, по-видимому, была поставлена задача как можно более подробно

проиллюстрировать канонический текст и зрительно утвердить культ «нового чудотворца». Сопоставление сюжетов клейм кремлевской иконы и их литературного источника обнаруживает точное следование иконописцами недавно написанному житийному тексту. Клейма иконы расположены в строчном порядке в двенадцати рядах, зачастую между ними нет строго деления, что придает иконописному повествованию впечатление непрерывности действия и своеобразного «чтения» текста. Подобно плавному, обстоятельному повествованию Жития, содержащему немало конкретных указаний на даты, исторических лиц и топонимику разворачивающихся событий, в иконописном рассказе также отсутствует акцентирование каких-либо событий. Творчеству мастеров кремлевской иконы присуща необыкновенная подробность в передаче не только текста в целом, но и каждого из его эпизодов. Связь живописного изображения и письменного повествования усиливается благодаря пространным надписям на фоне каждого клейма, в которых текст жития не цитируется, а пересказывается. Характерно, что на этой иконе присутствуют изображения всех прижизненных и тринадцати посмертных чудес, включавшихся в тексты Жития в XVI столетий. Сюжет 82 клейма, посвященного молитве преподобного Александра о чадородии великого князя Василия Ивановича, не известен по другим сохранившимся памятникам и должен был свидетельствовать о покровительстве святого великому князю и его семье.

Икона из Успенского собора Московского Кремля стала живописным образцом, к которому обращались благочестивые заказчики и иконописцы в последующие десятилетия. Можно указать, по крайней мере, на два произведения, созданных под его непосредственным влиянием и происходящих из самого Свирского монастыря.

В 80-е годы XVI века, при игумене Дионисии (1582-1608 гг.), «на дачу» царевича Федора Ивановича рядом с Преображенской церковью был возведен придел во имя Александра Свирского. В нем над гробом преподобного была устроена на средства вкладчиков каменная гробница. Усилия по созданию этого мемориального ансамбля увенчал вклад 1592 года «к гробу» монументальной житийной иконы Александра Свирского, принадлежавший московскому дворцовому дьяку Семену Емельянову. Икона, в описях монастыря именуемая «образъ местный болшой», неизменно находилась у гробницы чудотворца, очень почиталась в монастыре и упомянута в «Сказании об обретении мощей Александра Свирского» (середина XVII века) [4, с. 27-28].

Идентифицировать икону и определить ее вкладчика было непросто, так как на самой иконе нет никаких надписей, но известно из документов, что дьяк Семен Емельянов вложил ее с поставной свечой, на которой была укреплен металлическая «дщица» с вклад-

ной надписью, уникально по своей информативности: «Лета 7100 (1592) го(ду) при державе царствия государя царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси самодержца и его благоверной царицы великой княгине Ирины и при святыишем Иеве патриарсе московском и всея Руси поставил сию святую икону в дом Живоначальной Троицы и преподобному чудотворцу Александру Сверьскому государев царев и великого князя дьяк Семен Емельянов вклад вечной. при игумене Дионисии писал икону зограф ерманах Партениос Андреин Духовский с ним же Василь сын Иоанн Холст». Со временем, по прошествии столетий свеча была за ветхостью утрачена, а дощечка с надписью укреплена на другой иконе преподобного, тоже житийной, но созданной на 50 лет позднее и вложенной в Свирский монастырь другим московским именитым вложком Богданом Силиным. Эта икона сохранилась в Русском музее.

Икона вклада Семена Емельянова написана «в подобие» кремлевского образа¹. В этом убеждают их совпадающие размеры и одинаковая иконография средников — поясное изображение преподобного Александра Свирского с благословляющей десницей и свитком в левой руке. Средник окружают 104 клейма, расположенных в строчном порядке в двенадцати рядах, в которых разворачивается живописное повествование. Не отступая от текста повествования, иконописцы передают каждое его событие. Преследуя цель как можно более подробно рассказать о житии преподобного Александра и во всей полноте донести его наставления до молящегося, каждая композиция включает несколько действующих лиц и многие предметы. Таким образом, в плавном живописном повествовании в зримых образах достигается воплощение всей полноты рассказа.

Клейма имеют форму квадрата и членятся тонкой белой разгранкой, поэтому, в отличие от иконы Успенского собора, их композиции не «перетекают» друг в друга, подчеркивая непрерывность повествования. Постройки и фигуры персонажей часто срезаются рамками клейма, что сообщает им пространственную глубину. Храмы и палаты массивны и ракурсно развернуты к центру клейма. Их кровли поднимаются к верхней границе композиций, оставляя немного места для фонов и надписей на их. Фасады ровно залиты охрой и красно-коричневой краской, по которой контурами обрисованы карнизы, окна и дверные проемы. Горки переданы обобщенно и живописно, без обозначения лещадок. Так же написаны кроны деревьев и крылья ангелов.

¹ Икона «Преподобный Александр Свирский, с житием в 104 клеймах». 1592 год: Лодейнопольский историко-краеведческий музей, инв. ЛКМ КП 8037, III 1192. Размер: 196,5 x 146,5 x 3,5. Дерево, пять досок, три врезные сквозные шпонки, паволока, левкас, темпера.

Клейма иконы многолюдны. Иконописцы зачастую размещают персонажей не только в открытом пространстве, но и внутри высоких дверных проемов строений. Фигуры крупные, ощутимо стремление придать им объемность. Преподобный Александр всегда облачен в коричневую монашескую мантию, с непокрытой головой. Миряне одеты в просторные и длинные зелено-синие платья и киноварные плащи. Монахи облачены в коричневые мантии и более светлые рясы. Примечательны их головные уборы – мягкие округлые шапки, зачастую прямо напоминающие высокие греческие клобуки. Насколько можно судить, личному письму на иконе присущи определенная однотипность и скорописность и мягкая живописность, особенно в передаче кистей рук. Лики написаны почти без моделировки – по темному санкирию охрением обозначены лоб и скулы, тонкими штрихами белилами и коричневой охрой отмечены черты ликов.

Нимбы у всех персонажей не наведены, что указывает на то, что крепление венчиков предполагалось изначально. Действительно, документы сохранили подробное описание драгоценного убора этого произведения: «Образ местной чудотворца Александра в деянье обложен серебром золоченым, у чудотворцева образа венец басмяной серебрян позолочен, а в нем два камешки бечета червчатая да изумруд в гнездах, цата серебряна сканая позолочена, навожено финифтом, а в ней два камня червцы да два камня достоканцы зеленые в гнездах, да на цате ж образ живоначальные Троицы резной а около образа пять жемчужков, да у цаты ж камень хрусталь да жемчужница на спине, да в деянье у Спасова и у чудотворцова Александрова образа венцы серебряны же сканые позолочены ... а по скаске игумена Авраамья з братьею тот образ и свеча поставленье дьяка Семейки Омельянова» [2].

В подписи на вкладной дощечке обращаешь внимание на имена иконописцев – зограф Партеинос Андреин Духовский и Василь сын Иоанн Холст. Именованье Партениоса Андреина «духовским» может служить отсылкой к его принадлежности к монашеству какого-либо Свято-Духова монастыря, например, одного из двух новгородских [5, стлб. 43, 89; 7, с. 199-200]. Сведений об этих мастерах больше нигде найти не удалось. Кроме того, одно из имен имеет явно греческую транскрипцию. Художественные и стилистические особенности иконы это блестяще подтверждают. Известно, что в Москве в это время потрудились немало пришлых греческих и славянских мастеров, которые выполняли различные великокняжеские и патриаршие заказы, а порой к их работе могли прибегать и иные влиятельные заказчики. Определенной стилистической аналогией иконе Семена Емельянова может служить образ «Явление Богоматери преп. Александру Свирскому на основании церкви Покрова» 1620-х годов, происходящий из Белозерска (ГТГ, инв. 22048).

Обретение мощей Александра Свирского в апреле 1641 года повлекло за собой в середине XVII века в Троицком Свирском монастыре замену одного мемориального ансамбля другим – вместо деревянных Преображенской церкви и ее придела во имя Свирского чудотворца был «поставлен ново» каменный пятиглавый собор (строился в 1641–1644 годах). Каменную гробницу в декабре 1644 года сменила драгоценная серебряная рака и новый покров на нее, присланные как вклад царя Михаила Федоровича и его семьи². В 1655 году икону дьяка Семена Емельянова вытеснили на северную стену Преображенской церкви образ и лампада к нему, привезенные также московским дьяком Богданом Захарием Силиным – крупнейшим монастырским вкладчиком XVII века³. Не случайно эта монументальная икона заняла место в нижнем ряду иконостаса Преображенского собора «в подножии» раки преподобного – по замыслу вкладчика они должны были составить единый ансамбль. Общая композиция иконы с огромным средником и узкой каймой клейм повторяет облик крышки раки и покровов на нее; близки их размеры (высота иконы 235 см, крышки – 216 см; ширина крышки и средника иконы равны 81 см). Совпадают орнаменты чеканного оклада иконы и фона «затворной доски» раки.

Внушительную фигуру преподобного в рост в среднике иконы окружают небольшого размера тридцать девять клейм. При сопоставлении житийных циклов икон Успенского собора, Семена Емельянова и Богдана Силина становится очевидным, что их создатели одинаково точно следовали за каноническим текстом, но при этом первая икона послужила иконографическим образцом для других, несмотря на значительную разницу в количестве находящихся на них клейм. Композиции некоторых клейм кремлевской иконы создатели образа 1655 года заимствовали без изменений, но в основном для того, чтобы как можно полнее использовать чтимый образец и вместе с тем включить в себя по несколько эпизодов. Так, глава «О взыскании блаженного отрока» проиллюстрирована в иконе Успенского собора семью клеймами, а свирской иконой – одним, но заключающим в себе четыре эпизода. Вместе с тем, программа житийного цикла иконы 1655 года имеет существенное своеобразие – в ней отсутствуют изображения всех посмертных чудес и погребения святого. Необычайная выверенность композиционного построения всех клейм иконы Богдана Силина позволяет предположить, что помимо

² Сохранившаяся верхняя крышка раки и покров царицы Евдокии Лукьяновны находятся в собрании ГРМ (инв. БК 2891, ДРТ 263) [6, кат. 30, 21.].

³ Икона и лампада находятся в собрании ГРМ (инв. ДРЖ 2657, БК 3060) [3, с. 43–45].

«взирания на образец» - икону Успенского собора, иконописцы могли располагать и лицевой рукописью Жития Александра Свирского, предположительно конца XVI века.

Иконография трех житийных икон свирского чудотворца находит естественную аналогию среди монументальных произведений, создававшихся в царских мастерских во второй половине XVI века и в последующие десятилетия. Прежде всего, это циклы миниатюр, иллюстрирующие житие русских чудотворцев — преподобного Сергия Радонежского (рукопись, 1580-е гг. 652 лл. /РГБ. Ф. 304/III. № 8663); преподобного Зосимы и Савватия Соловецких (рукопись, начало XVII в., 234 лл./ ГИМ, собр. И. А. Вахромеева 71, инв. 4589); рукопись конца XVI в., 53 илл./ РГБ, собр. Е. Е. Егорова. Ф. 98. № 352). Также иконы «Преподобные Зосима и Савватий Соловецкие, с житием в 55 клеймах» (Новгород, 1540-е гг./ ГИМ, 80408, И VIII 5625) и «Святые Петр и Феврония Муромские, с житием в 40 клеймах» (конец XVI в. /Муромский историко-художественный музей, М-6608). Эти произведения объединяет подробное «изложение» текста, внимание к топографии событий, к передаче пейзажа и архитектуры, стремление как можно более подробно проиллюстрировать канонический текст.

Икона 1655 года дьяка Богдана Силина стала последним образом преподобного Александра Свирского «в деянии», появившимся в Троицком монастыре вплоть до его закрытия.

Список литературы:

1. Журавлева И. А. Образ Александра Свирского с житием и чудесами из Успенского собора Московского Кремля // ГИКМЗ. Материалы и исследования. М., 1998. Вып. 11. С. 118-144
2. Олонецкие губернские ведомости. Часть неофициальная. 1850. № 30-31
3. Соловьева И. Д. Икона «Александр Свирский в житии» в собрании Русского музея (к проблеме атрибуции) // ГРМ. Древнерусское искусство. Новые атрибуции. СПб. 1994. С. 39-46.
4. Соловьева И. Д. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь. Художественное наследие и историческая летопись. СПб., 2008.
5. Строев П. Списки иерархов и настоятелей, монастырей Российской церкви. СПб., 1877.
6. Homage to Alexander of Svir the Karelian Miracle-Worker. Helsinki, 1996.
7. Словарь русских иконописцев XI-XVII веков. М., 2003.

Каргопольские иконы из I и II Онежских экспедиций в собрании Каргопольского и Русского музеев

И. А. Антропова

*научный сотрудник
отдела древнерусского искусства Русского музея
г. Санкт-Петербург*

О. Б. Пригодина

*заместитель директора по научной работе
ГБУК АО «Каргопольский музей»
г. Каргополь*

Аннотация. В Каргопольском и Русском музеях хранятся иконы, связанные с I и II Онежскими экспедициями ГЦХРМ им. И. Э. Грабаря (ВХНРЦ). Большая часть этих икон опубликована, однако анализ архивных источников и материальных данных позволил выявить ранее неизвестные памятники, а также уточнить историю обнаружения и реставрации многих каргопольских произведений средневекового искусства.

Ключевые слова: Онежские экспедиции, Реставрационный центр им. И. Э. Грабаря, иконы, Каргополье, реставрация, Русский музей, Каргопольский музей.

В конце 1940-х годов по инициативе отдельных учреждений возобновилась работа по обследованию памятников искусства и старины. Вскоре она переросла в широкомасштабное всероссийское научно-исследовательское движение, продолжавшееся несколько десятилетий и затронувшее многие столичные и региональные организации. Одной из ярких и важных страниц этой истории стали шестнадцать экспедиций Государственных центральных художественно-реставрационных мастерских (далее – ГЦХРМ, с 1974 г. – ВХНРЦ), которые явились продолжением работы, начатой И. Э. Грабарем еще в 1918 г. [15]. Вдохновителем и организатором поездок выступил имевший большой опыт в подобной деятельности Н. Н. Померанцев [21, с. 22-23; 27, с. 16-17]. Из четырех Онежских экспедиций (1958, 1962, 1967, 1971 гг.) первые две проводились непосредственно в Каргополе и его окрестностях. В результате активной деятельности было выявлено большое количество памятников древнерусского искусства, в том числе местных писем [8].

Первая Онежская экспедиция состоялась в сентябре 1958 г.¹ В ее состав входили: Н. Н. Померанцев (руководитель), реставраторы Н. А. Крошечкин и Г. Н. Кузнецов, фотограф И. Н. Петров [23, л. 3]. Экспедиция разработала четыре маршрута, на которых находились основные памятники:

1. Пудожский тракт до Лекшмозера. Обследованы: Воздвиженская часовня Печниковского сельсовета (склад зерна), церкви и часовни села Лядины (церкви – склад зерна, часовни — закрыты), Никольская часовня в Киселевской деревне, каменная церковь в Лекшмозерском сельсовете (склад зерна), закрытые «беспризорные» деревянные церкви на Хижгоре и две каменные церкви Макарьевской Хергозерской пустыни (склад зерна).

2. Архангельский тракт (на север). Обследованы: церковь в Надпорожье (сломана) и Никольский деревянный храм в селе Волосово (склад зерна).

3. По озеру Лаче и по реке Свидь. Обследованы: деревянные часовни в Мальцинской деревне и пристани «Село», церкви в селах Кононово, Давыдово, Астафьево.

4. Церковь Иоанна Златоуста в селе Саунино (склад).

В самом Каргополе были обследованы несколько каменных построек: церкви Воскресения (склад), Благовещения (склад), Рождества Иоанна Предтечи (склад), Рождества Богородицы (действующая). Христорождественский собор, использовавшийся под фонды древнерусской живописи, был выбран центром сосредоточения всех привезенных из других мест икон.

Основная задача экспедиции заключалась в выявлении и учете произведений искусства, находящихся на территории Каргопольского района. Особое внимание уделялось тем памятникам, которые требовали мер по сохранению целостности интерьерного пространства: в тех случаях, «когда отдельные произведения не представляли в художественном отношении исключительной ценности, но являлись неотъемлемой частью убранства памятника, они водворялись на место...» [23, л. 4] В экспедиционном отчете, составленном Н. Н. Померанцевым после поездки, неоднократно отмечалось катастрофическое состояние многих икон, которые часто находились в храмах без всякой охраны. «До некоторых произведений буквально нельзя было прикоснуться, так как живописный слой и вздувшийся левкас, отслоившийся от дерева, висели клочьями, еле держась. Только путем укрепления таких произведений на месте, уничтоже-

¹ Сердечно благодарим Татьяну Михайловну Кольцову за предоставленные отчеты экспедиций.

ния плесени, сплошь покрывающей доску, можно было их вывезти в музейное хранение, сняв со стены» [23, л. 4]. Таким образом, участникам экспедиции приходилось принимать срочные меры по спасению икон и деревянной скульптуры прямо на месте, чтобы уже затем вывозить их в Каргополь. Так, «профилактическая заклейка живописи, производившаяся в трудных «полевых» условиях, сделана на 289 вещах» [23, л. 5].

Тогда же реставраторы осмотрели иконы, поступившие в музей в 1920-е гг. после закрытия местных храмов и хранившиеся в подвальных помещениях Введенской церкви. После «разбора» памятников, находившихся «в неудовлетворительном состоянии», директору музея В. Ф. Евстафьеву были даны рекомендации по хранению. Согласно отчету, участники экспедиции и дополнительно командированные в Каргопольский музей (далее – КГИАХМ) реставраторы И. М. Громова и А. И. Егоров уже в музейных условиях обработали от плесени 155 произведений и укрепили 137 произведений живописи. «Эта большая работа, выполненная в столь короткие сроки, позволила спасти от гибели ценнейшие произведения древнерусской живописи» [23, л. 5].

В результате поездки, длящейся почти месяц, I Онежской экспедицией в Каргопольском районе было обследовано 25 памятников архитектуры и учтено 923 произведения искусства, в КГИАХМ было вывезено 101 произведение.

Вторая Онежская экспедиция проходила в октябре 1962 г. В ее состав входили: Н. Н. Померанцев (руководитель), И. Н. Петров, О. Н. Трофимов. От управления культуры г. Архангельска принимала участие заведующая фондами Архангельского областного музея изобразительных искусств Г. В. Цируль. Были разработаны новые маршруты для посещения памятников, необследованных во время первого выезда. Повторно была осмотрена лишь Никольская церковь в с. Волосово. Кроме Каргопольского, экспедиция посетила также Приозёрный район с центром в селе Конёво. Всего было обследовано 22 архитектурных памятника, в том числе церкви с. Заостровье, с. Конево, Бережно-Дубровского погоста, д. Авдотьино, с. Олешино-Измайлово, Архангело, погостов Большая и Малая Шалга, часовни в д. Пилюгино-Рудниковская, в Ошевенском на р. Чурьеге, а также строения Александрово-Ошевенского монастыря и Ошевенского погоста [24, л. 3-4].

Отчет 1962 г. описывает общую безрадостную картину: «Большая часть памятников используется под склад зерна и хозяйственный инвентарь колхозов и совхозов ... Окна, лишенные сеток, при отсутствии застекления, приводят к тому, что эти памятники являются своего рода «птицефермами». Обитающие в них птицы (галки и голуби),

прилетающие обычно на ночь со всего города или села, засоряют хранящееся в церкви зерно, а также наносят непоправимый ущерб древней живописи и в особенности позолоченной резьбе, составляющим внутреннее декоративное убранство данных памятников... Почти везде окна памятников в целях охраны от птиц забиваются древними иконами, причем почти всегда живописью наружу. Вследствие этого последняя подвергается вредному действию на них снега и дождя. Снимая в этих случаях с окон древние произведения живописи, мы покупали в сельпо за счет средств экспедиции фанеру от порожних ящиков и забивали пустые места оконных переплетов» [24, л. 8-9].

В результате обследования II Онежская экспедиция поставила на учет 310 произведений живописи и 30 предметов внутреннего убранства [24, л. 5-6]. Так же, как и в первый приезд, в Каргополь были вызваны реставраторы из Москвы (И. М. Громова, М. В. Романова, И. К. Ясминов), которые за 18 дней командировки обработали от плесени и укрепили 67 привезенных в собор произведений [24, л. 7].

Учитывая отсутствие в Каргопольском музее в это время специалистов-реставраторов и подходящих по условиям помещений для хранения, а также «плохое состояние живописи большинства вещей из числа наиболее значительных произведений», экспедиция посчитала наиболее целесообразным направить свезенные ранее в Христорождественский собор памятники в ГЦХРМ. Немаловажной причиной стало и то, что иконы «не только требовали дополнительного укрепления, но и расчистки живописи, сплошь покрытой настолько потемневшей, загрязненной олифой, что с трудом различается сюжет произведений», что невозможно было выполнить в условиях музея. Таким образом, большая часть икон, найденных двумя экспедициями Н. Н. Померанцева, по согласованию с Каргопольским музеем, была вывезена в Москву. Согласно актам, в 1958 г. в ГЦХРМ поступило 61 произведение древнерусской живописи и скульптуры, в 1962 г. – еще 53 памятника. Позже отреставрированные иконы и произведения декоративно-прикладного искусства были распределены по разным музеям и хранятся в коллекциях Архангельска (АОМИИ), Каргополя (КГИАХМ), Санкт-Петербурга (ГРМ)².

Большая часть каргопольских икон опубликована и хорошо известна специалистам [13; 16; 17; 18; 19; 30]. Тем не менее, анализ документальных и материальных данных позволил нам уточнить некоторые детали, касающиеся как отдельных, так и принадлежащих комплексам, памятников, а также ввести в научный оборот ранее неопубли-

² В работе О. Н. Вешняковой упоминается, что некоторые иконы были переданы в Астраханский музей [8].

кованные иконы. В связи с этим кажется важным еще раз вернуться к их домусейной истории: обнаружению, первой атрибуции и реставрации. Данное исследование коснется собраний КГИАХМ и ГРМ. Подчеркнем, что при определении памятников Каргопольского музея решающим фактором для включения их в общий список в качестве именно экспедиционных являлись отчеты и акты Н. Н. Померанцева.

Итак, в актах приемки произведений, поступивших в реставрационные мастерские из двух Онежских экспедиций, упоминаются практически все иконы, выданные позднее в ГРМ, и многие из переданных в КГИАХМ (нумерация произведений сквозная):

«Л. 2

II. Из церкви села Лядины Каргопольского района

2. Икона с изображением оплечного Спасителя. Доска размером 89,5 x 77. Живопись сильно загрязнена и требует укрепления. Имеются значительные выпадения грунта до доски. На месте склейки досок образовалась большая трещина. На живопись наложена профилактическая наклейка. (Приложение. № п/п 22)

3. Икона с изображением Спасителя, сидящего на престоле (средник от деисусного чина), живопись записана. Конец 14 – начало 15 вв. Размер доски иконы 80 x 61. (Приложение. № 23)

4. Икона с изображением Успения. Живопись 16 в. записана. Размер 65,5 x 50,5. (Приложение. № 26)

5. Икона с изображением Рождества Христова. Живопись 16 в. записана. Размер 65,5 x 50,5. (Приложение. № 25)

6. Икона Воздвижения, живопись 16 века, записана. Размер 65x54 см. (Приложение. № 24)

Иконы № 4, 5, 6 были вделаны в конце 19 в. в киот, обхватывающий с четырех сторон резной круглый столб, находящийся в южной стороне трапезной части церкви. Иконы, закрывающие столб, были сняты и вывезены в Москву, а резной столб открыт.

III. Из церкви Флора и Лавра из села Астафьева

8. Икона с изображением «Положения ризы Спасителя». Живопись 17 в., сильно загрязнена и записана. Размер доски 176 x 160 см. Указанной иконой было забито отверстие на полу алтаря церкви. (Приложение. № 14)

13. Икона с изображением Рождества Богородицы. Икона праздничного яруса, по-видимому, из деревянной Никольской церкви 1693 года, находившейся рядом. Живопись нач. 16 века, загрязнена, записана. Размер доски 68 x 46. (Приложение. № 13)

14. Фрагмент иконы с изображением мученика. Живопись 17 века. Плохой сохранности. Доски иконы 94 x 24. (Приложение. № 15)

Л. 4

V. Из церкви села Волосова Приозерного района

19. Чинок с Деисусным изображением в рост стоящих 9 фигур (направо последний изображен преп. Сергей, налево св. Николай). Доска имеет двойной ковчег в виде рамки, украшенной стилизованным растительным орнаментом. Живопись 16 в., сильно загрязнена и частично прописана. В нижней части фигур имеется позднейшая вставка. Размер 22 x 55. (Приложение. № 17)

21, 22, 23. Три праздника (иконы находились в местном ряду иконостаса – направо от царских врат. Два места оказалось пустым). «Сошествие во ад». Живопись 16 века сильно загрязнена и прописана. Размер доски 72 x 62 см. (Приложение. № 21). Икона с изображением Ильи Пророка в пещере. Живопись 16 века, сильно прописана и загрязнена. Имеется запись и частичная правка. Размер доски 73 x 55 (Приложение. № 19). Икона с изображением «Троицы»³. (Приложение. № 20)

Л. 5

Изображение преподобного Александра Ошевенского в рост. На иконе золоченый басманный венец под скань. Живопись 16 века, сильно загрязнена и прописанная, имеются утраты живописи до доски размер доски 49 x 33. (Приложение. № 18)

VI. Из церкви Иоанна Златоуста 1665 года из села Саунино Павловского с/с

35. Изображение оглавленного Эммануильского чина на 3-х досках, размером около 38 x 28 см. Вместо обычно изображаемых по бокам ангелов здесь изображены Предтеча и Богоматерь⁴. Живопись конца XVII века местных писем. (Приложение. № 33)

Л. 7

VIII. Иконы с паперти Христорождественского собора г. Каргополя, выделенные в результате разборки большого количества беспорядочно сваленных предметов (аналоев, киотов, икон, ЦВ и прч.)

40. Икона с изображением в рост преподобного Никодима Кожеозерского. В левом верхнем углу иконы помещено поясное изображение благословляющего Спасителя. Живопись 17 века местных писем, сильно загрязнена и местами утрачена. Оклад басманный, порванный в нескольких местах. Размер доски 32x27,5 см. (Приложение. № 2)

³ Икона «Сошествие во ад» до сих пор не связывалась с известным комплексом Волосовской церкви последней трети XVI века [22, с.125-126]. Однако, визуальный анализ позволяет назвать все три образа («Сошествие во ад», «Троица», «Илья пророк») работой если не одного мастера, то одной мастерской. Полагаем, что определенную роль в том, что икона «Сошествие во ад» всегда датировалась позже остальных произведений волосовского ансамбля, сыграла разница в сохранности памятников.

⁴ АОММ 1302-држ, 1303-држ. Предположительно, что этот чин был составлен позже.

41. Правая сторона царских дверей, с живописными изображениями 2-ой половины 17 века. Живопись находится в аварийном состоянии, имеются значительные утраты на изображении Богоматери и в особенности в нижней части врат. Дверь по краям обложена оловом с ажурным орнаментальным литьем того же времени. Размер створки 166 х 36 см. (Приложение. № 1) Второй створки не оказалось, несмотря на то, что в музее Архитектуры Академии Архитектуры СССР имеется негатив, на котором сняты обе двери царских врат» [25].

Заметим, что икона «Явление Богоматери и Николы пономарю Юрышу» (Приложение. № 16), происходящая, как записано в инвентаре Русского музея, из церкви Флора и Лавра села Астафьево, в приведенном выше акте не указана. Описание ее находим в перечне памятников, хранившихся в Каргопольском музее и переданном в ГЦХРМ на реставрацию вместе с несколькими другими музейными иконами. Примечательно, что из-за сильно загрязненной поверхности не было видно изображения, поэтому и в экспедиционном списке, и в реставрационном паспорте ЦГХРМ икона первоначально называлась «Константин и Елена». Поскольку происхождение ее из Астафьевской церкви записано только в паспорте и со знаком вопроса, возможно предположение, что данный образ происходит из другого храма.

Из акта приемки вывезенных II Онежской экспедицией в ГЦХРМ икон, составленного 31 октября 1962 года, также назовем те, которые позже поступили в КГИАХМ и ГРМ:

«14. Никола Чудотворец. Размер 69 х 52. 15 в. из д. Большая Шалга по акту № 1 (Приложение. № 27)

19. Богоматерь Тихвинская (в басмянном окладе, сильно утраченном), размер 88 х 67 из Рождественского собора (упаковано в ящик №3) (Приложение. № 3)

24. Афанасий и другой святитель, вверху Троица, 18 в., размер 34 х 29 из Рождественского собора. (Приложение. № 6)

28. Ярославские князья. 17 в. 32 х 27 из Рождественского собора. (Приложение. № 5)

29. Никола Можайский 17 в. Размер 32 х 27 из Рождественского собора (Приложение № 9)

32. Иоанн воин (в басменной раме), 17 в. Размер 31 х 27 из Рождественского собора (Приложение. №7)

33. Богоматерь (?), размер 21 х 19 из Рождественского собора (Приложение. № 8)

35. Андрей и святая, вверху Нерукотворенный (в металлич. раме) размер 29,5 х 27 из Рождественского собора. (Приложение. № 4)

41. Запрестольная икона «Знамение», другая сторона утр. Низ доски фигурный, М. Шалга Каргопольского района. По акту №10. (Приложение. № 28)

43. Георгий, размер 48 x 37, из д. Малая Шалга Каргопольского района, по акту №4. (Приложение. № 31)

50. Модест, 18 в., размер 92 x 69, из д. Малая Шалга Каргопольского района». (Приложение. № 32)

Отметим, что в актах не был зафиксирован фрагмент иконы, выданный по решению реставрационного совета из ВХНРЦ в Каргопольский музей в 2010-х гг. По сведениям музея, часть выносного двустороннего образа «Богоматерь Знамение – Св. Николай» был вывезен II экспедицией из церкви Малой Шалги (Приложение. № 29). Икона находилась в аварийном состоянии, под записью, имела значительное загрязнение поверхности со спрессованным птичьим пометом и многочисленные отставания красочного слоя. После раскрытия стало очевидно, что она относится к новгородскому искусству конца XV – первой половины XVI столетия и может являться одним из ранних памятников Каргополя.

Несколько икон, хранящихся сейчас в КГИАХМ, были обнаружены экспедициями, вывезены в Каргополь (или находились там), но по каким-то причинам не были взяты в ГЦХРМ. Это служившее дверью изображение великомученика Дмитрия (Приложение. № 30), икона из пристенных иконостасов Христорожественского собора «Иоанн Воин» (Приложение № 7) и образ «Рождество Богородицы», написанный для церкви Благовещения «радением каргопольца Семена Адамова» в 1764 г. (Приложение. № 12)

Отправленные в Москву иконы были сразу взяты в работу. Подробно составленные реставрационные паспорта дают возможность уточнить не только последовательность действий и детали раскрытия, но и фиксируют данные, утраченные в ходе реставрации и являющиеся, тем не менее, важными для дальнейшего изучения памятников⁵. Так, например, отмечено, что все лядинские иконы помимо загрязненной сгребленной олифы имели плотный слой поздней записи. У центрального чиновного образа «Спаса на престоле» из Покровской церкви были полностью записаны фон, нимб, надписи, также имелись прописи сажей на лице, одеждах [4, л. 2, 3]. Перед поновлением авторский покровный лак и верхние красочные слои иконы были механически удалены (спемзованы), а на нижнем поле была выполнена вставка нового левкаса. Отметок о спемзовы-

⁵ Сердечно благодарим заведующего архивом ВХНРЦ Веронику Сергеевну Казарову за возможность ознакомиться с реставрационной документацией.

вании красочного слоя перед записью на трех лядинских праздниках в паспорте не имеется, однако фрагментарная сохранность авторской живописи на указанных иконах не исключает, что и они подверглись подобной процедуре. Также отмечена сплошная запись на образе «Спаса Вседержителя» из той же церкви [5, л. 3].

Иконы раскрывались достаточно оперативно: профессиональный интерес к неизвестным ранее памятникам соединился здесь с большими выставочными проектами, организованными в Третьяковской галерее и ГЦХРМ. Из-за внушительного размера (176 x 160) дольше всего раскрывалась икона «Положение ризы Господней» из церкви села Астафьево, над которой работала группа реставраторов. Поскольку иконой было забито отверстие в полу алтаря храма, на деревянной основе наблюдались многочисленные гвоздевые отверстия и трещины, в том числе сквозные. Икона была полностью записана и загрязнена. При описании ее красочного слоя отмечены потемневшая олифа с копотью, а также большой участок с налетом плесени, покрывающий как фон, так и всю остальную живопись. Кроме того, «на четырех главках храма в покровную пленку вмят песок и мусор» [6, л. 2об.].

Обращает на себя внимание фрагмент царских врат из собора Рождества Христова. В 1958 г. была зафиксирована и вывезена лишь одна створка, при этом в отчете отмечалось, что на фотографии в музее Архитектуры изображены обе части. Действительно, снимок 1932 г. дает все основания полагать, что в это время царские врата были не только полными, но и имели более сохранный красочный слой без существующих ныне утрат до доски [11]. После реставрации многочисленные утраты были тонированы в соответствии с утвержденной в тот период методикой ГЦХРМ (с частичной реконструкцией изображения) и приняты комиссией [2, л. 13]. В процессе нашей работы было выявлено, что сохранилась сень, принадлежавшая этим царским вратам⁶. Она также была вывезена I экспедицией в Москву, раскрыта в Реставрационных мастерских и хранится ныне в Архангельске [14, с. 123-124; 19, кат. 41, ил. на с.90].

Икона «Чудо Георгия о змие» из села Малая Шалга стала одной из самых изученных в технологическом плане (сделаны рентген, съемка в ИК лучах, исследование пигмента фона). В отчете Н. Н. Померанцева находим: «Из привезенных вещей экспедицией 1962 года, особенно интересно, отличающееся чертами монументализма, изображение Георгия Победоносца 15 века, написанное на светло-желтом фоне... Отдельные, выброшенные доски этой

⁶ АОМПИ ДРЖ 1627.

иконы, были с трудом нами найдены в разных местах церкви Малая Шалга» [24, л. 13-14]. Состояние памятника было очень сложным: помимо того, что икона была разломана, на ней зафиксированы крупные утраты до доски по всей поверхности иконы, однако самыми опасными были жесткие вздутия левкаса в центре средника, угрожающие сохранности живописи. Кроме того, покровный слой был очень загрязнен. Реставрировал икону А. Н. Овчинников, который и привлек дополнительные исследования. Примечательны комментарии опытного реставратора: «Раскрытая от записей и потемневшей олифы икона представляет характерный образец северной живописи с большим влиянием новгородской школы. Но такой желтый пимент фона (органического происхождения) встречается только в псковской живописи. Икона после раскрытия датируется XV веком» [3, л. 2 об.; 24, л. 2].

Несмотря на то, что основная часть икон была реставрирована в ГЦХРМ в 1960-1970-х годах, несколько памятников были окончательно раскрыты относительно недавно. Например, основные реставрационные работы по образу «Богоматерь Одигитрия Смоленская» из Христорождественского собора проводились реставраторами-стажерами в 1963, 1970-71 гг. Однако в 1981 г. было принято решение «полную реставрацию считать не целесообразной ввиду фрагментарной сохранности авторского слоя». Вновь реставрационный процесс был возобновлен в 2011 г., когда ужесточились требования к хранению произведений древнерусской живописи и хранение неучтенных предметов было запрещено. Завершил реставрацию Р. Л. Носов.

Время и обстоятельства передачи икон из реставрационного центра им. И. Э. Грабаря в собрания КГИАХМ и ГРМ различны. В Каргопольский музей иконы поступали как сразу после раскрытия, так и гораздо позже. Так, пять икон музея имеют на обороте наклейки с записью «Онежские экспедиции» и датой 1962 г.: «Ярославские князья», «Николай Чудотворец», «Св. Афанасий и Кирилл», «Митрополит Андрей и неизвестная святая», «Богоматерь Казанская»; еще на одной иконе – «Спас Эммануил» – наклейка с надписью «1958 г.». Все они были вывезены в Москву, отреставрированы и сразу же вернулись в музей. Еще несколько икон находились в Центре до недавнего времени и по решению реставрационного совета поступили в Каргопольский музей в 2010-е гг.

Поступление икон из Онежских экспедиций в Русский музей связано с историей его коллекции. Хорошо известно, что музей, как и реставрационный центр, активно участвовал в экспедиционной деятельности [1; 28]. С середины 1950-х гг. научные сотрудники и реставраторы обследовали закрепленные за ним Министерством

Культуры северные регионы, благодаря чему музей получил возможность существенно пополнить собрание средневековыми церковными памятниками Русского Севера. Ведя ежегодные плановые обследования, руководители экспедиций были прекрасно осведомлены о работе своих коллег, чем, безусловно, корректировали маршруты будущих поездок. Так, им было хорошо известно, что сотрудники Эрмитажа и ГЦХРМ несколько раз побывали в Каргопольском районе и вывезли как самые ценные, так и требующие срочных реставрационных работ произведения древнерусского искусства. Поскольку при планировании экспедиций Русский музей выбирал наименее изученные территории, единственная отчетная поездка в Каргополь была осуществлена лишь однажды, в 1962 г.⁷ Именно этим объясняется тот факт, что Русский музей, к тому моменту уже обладавший одной из крупнейших коллекций северных икон, практически не имел в своем собрании памятников Каргополя.

В 1963 г., при подготовке выставки, посвященной итогам всероссийской экспедиционной деятельности [13; 31], понимая важность представления на экспозиции всех художественных центров Севера, директор Русского музея В. А. Пушкирев сделал запрос заместителю начальника Главного управления по делам искусств Министерства культуры РСФСР В. А. Юдичеву с просьбой о передаче в Русский музей нескольких икон, привезенных ГЦХРМ из Каргопольского района. Просьба была удовлетворена и после выставок, прошедших в Третьяковской галерее («Северные письма» в 1964 г.) и в ГЦХРМ (IV и V реставрационные выставки в 1963, 1965 гг.), иконы были переданы в Русский музей.

Всего поступило четырнадцать икон из шести каргопольских храмов: собора Рождества Христова Каргополя (1), церковью Лядин (5), ц. Флора и Лавра с. Астафьево (2 ?), Никольской церкви с. Волосово (3), церковью Большой Шалги (1) и Малой Шалги (2). Все иконы, за исключением трех последних, были вывезены I Онежской экспедицией. Полученные памятники экспонировались на итоговой экспедиционной выставке, были опубликованы и сегодня прочно ассоциируются с собранием Русского музея [17; 26; 32].

Возвращаясь к Онежским экспедициям, напомним, что реставраторами ГЦХРМ были осмотрены не только вывезенные ими из района, но и поступившие в 1920-х гг. после закрытия городских церковью иконы. Так, например, интересна судьба неопубликованного и мало кому известного образа «Спаса Вседержителя» из церкви

⁷ Из этой экспедиции была вывезен храмовый образ из собора Рождества Христова (ГРМ ДРЖ 2923), нуждающийся в незамедлительном реставрационном вмешательстве.

Спаса «на Валушках»⁸. Крупное оглавное изображение Христа поступило в Каргопольский музей сразу после закрытия храма (Приложение. № 10). В 1958 г., во время посещения Каргополя, Н. Н. Померанцев обратил особое внимание на этот образ, о чем свидетельствуют его заметки в отчете: «Икона с изображением Спаса Оплечного» на золотом фоне. Нимб деревянный. Басма на нимбе и иконе отсутствует. Живопись прописана масляной краской. Имеются вздутия и утраты живописи по трещине. На месте реставраторами сделана профилактическая заклейка. Икона XVI века из церкви Спаса на Валушках. Размеры 108 x 73» [23, л. 25]. Икона была вывезена на реставрацию в Москву вместе с другими памятниками этого храма: «Борисом и Глебом на фоне горящего Каргополя» (Приложение №11) и «Спасом Нерукотворным» (АОМИИ, 1615-држ).

Образ «Спаса Вседержителя» поступил на реставрацию с трещинами основы, сильными загрязнениями, вздутиями и утратами красочного слоя, многочисленными отверстиями от гвоздей. Еще в Каргополе икона была полностью заклеена профилактической заклежкой. После укрепления была снята верхняя масляная запись XIX в. Проведенное рентгенологическое исследование выявило нижележащий слой на одеждах и его отсутствие на лице [7, л. 3]. Поэтому, раскрыв золотой фон с нимбом и остатками первоначальных надписей, а также живопись на одеждах до авторского слоя, реставраторы отказались от дальнейшей работы на личном изображении. Таким образом, на сегодняшний день икона представляет собой памятник XVI в. с явно выраженными признаками XVII столетия. После окончания реставрации, в 1971 г. икону передали в Архангельский музей изобразительных искусств и только в 1977 г. она вернулась в Каргопольский музей.

Стилистические особенности лика оплечного образа Спаса позволяют говорить о работе мастеров Оружейной палаты. Тем не менее, когда и кем была создана эта икона, как и то, кем она была так мастерски поновлена, установить пока не удалось. На Каргополье иконы в большинстве своем продолжают традиции местных мастеров, отражающих народные художественные вкусы, в отличие от московских придворных мастеров Оружейной палаты и строга-

⁸ Церковь Спаса на Валушках была построена в 1662 г. на средства приходских людей [12, с. 9]. Главной святыней храма почиталась чудотворная икона Спаса Нерукотворного (АОМИИ, 1615-држ). Известно, что в 1822 г. были проведены масштабные работы: храм был обшит тесом и выкрашен белой краской на средства купеческой вдовы Ульянии Сергеевой. Кроме этого, был на средства Андрея Сергеева перестроен иконостас [12, с. 9]. Вероятно, в то же время последний раз был поновлен и образ оплечного Спаса. Отметим, что, согласно архивным документам, в XVIII в. эта икона находилась в трапезной: «на левой стороне образ всемилостивого Спаса на краске золоте венец резной серебряной» [10, л. 6].

новских мастеров. Но встречаются единичные случаи, когда произведения написаны в манере царских изографов второй половины XVII в. [8]. Кроме того, есть упоминание, что в 1677 г. каргопольский иконописец Гаврилов Алексей был кормовым иконописцем Оружейной палаты [20, с. 33]. Возможно, он имел какое-то отношение к исследуемой иконе.

Таким образом, благодаря оперативной и высокопрофессиональной деятельности сотрудников Центральных государственных реставрационных мастерских им. И. Э. Грабаря были спасены сотни памятников, принадлежащих одному из интереснейших художественных явлений средневекового Русского Севера – каргопольскому искусству. Изучение комплекса документов, связанных с Онежскими экспедициями, а также произведений, хранящихся в Каргопольском и Русском музеях, дало возможность проследить работу мастерской на всех этапах, начиная от выбора маршрутов и заканчивая реставрацией. Кроме того, в ходе нашего исследования удалось выявить новые не связываемые ранее с экспедициями Н. Н. Померанцева иконы, а также уточнить некоторые детали, касающиеся «хрестоматийных» каргопольских памятников.

Список литературы:

1. Антропова И. А. Иконы, спасенные Русским музеем в 1950-70-х годах // Русское искусство. 2020. № 4. С. 60-65.
2. Архив ВХНРЦ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6381. Реставрационный паспорт иконы.
3. Архив ВХНРЦ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1177. Реставрационный паспорт иконы.
4. Архив ГЦХРМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1175т. Реставрационный паспорт иконы.
5. Архив ВХНРЦ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1174. Реставрационный паспорт иконы.
6. Архив ВХНРЦ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2658т. Реставрационный паспорт иконы.
7. Архив ВХНРЦ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2481т. Реставрационный паспорт иконы.
8. Вешнякова О. Н. Обзор экспонатов Архангельского областного музея изобразительных искусств, вывезенных Первой Онежской экспедицией ГЦХРМ в 1958 году // [Электронный ресурс]. URL: <https://culture29.ru/upload/medialibrary/7df/7df405d8e2ec442a3edde5ee0e1bbddb.pdf?ysclid=lr4udf74vr673767406>
9. Выставка «Северные письма». Перечень произведений. Государственная Третьяковская галерея. М., 1965.

10. ГААО. Ф. 1513. Оп. Д. 1. Описи церковного имущества церкви Спаса Всемилостивого. 1760 г.

11. ГНИМА ОФ-19/6537. Фотограф Н. Я. Епанечников. Архангельская обл., г. Каргополь. Вид на Царские врата с «Благовещением» и четырьмя Евангелистами, XVII в. // [Электронный ресурс.] URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=15580267>

12. Докучав-Басков К. А. Святыня города Каргополя. Петрозаводск. Губернская типография. 1899.

13. Древнерусское искусство. Выставка «Итоги экспедиций музеев РСФСР по выявлению и собиранию произведений древнерусского искусства». Каталог. Л., 1966.

14. Западалова П. В. Некоторые замечания об иконографии «Се Агнец» в составе изобразительной программы Царских врат // Университетский научный журнал» № 11 (Филологические и исторические науки, искусствоведение), 2015. С. 121-135.

15. Игорь Грабарь. Северные экспедиции. М., 2022.

16. Каргополье. Художественные сокровища / авт.-сост. Г. Дурасов. М., 1984

17. Каталог икон из Архангельской области в собрании Государственного Русского музея. Сост.: А. А. Мальцева, Е. А. Цепилова, И. В. Сосновцева, Н. В. Пивоварова // Иконы Русского Севера. Двинская земля, Онега, Каргополье, Поморье. Статьи и материалы / Ред.-сост. Э. С. Смирнова. М., 2005.

18. Кольцова Т. М. Иконы Каргополя. Из собрания Каргопольского государственного музея. Свод русской иконописи. М., 2014.

19. Кольцова Т. М. Каргопольская икона. Из собрания Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». М., 2019.

20. Кольцова Т. М. Северные иконописцы: Опыт библиографического словаря. Архангельск, 1998.

21. Крылова Л. Н. Личный архив Николая Николаевича Померанцева во Всероссийском художественном научно-реставрационном центре имени И. Э. Грабаря // Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера. Материалы конференции. Архангельск, 1995. С. 20-25.

22. Манукян А. М. Образ Благоразумного разбойника из собрания Музея русской иконы имени Михаила Абрамова. Происхождение, атрибуция, стилистические особенности // Вестник сектора древнерусского искусства. 2023. № 1. С. 123-136.

23. НА АОМНИИ. Оп. 3-Н. Д. 1. Отчетные сведения ГЦХРМ Н. Н. Померанцева о работе Онежской экспедиции по выявлению, охране и собиранию произведений древнерусского искусства.

24. НА АОМИИ. Оп. 3-Н. Д. 17. Отчет о работе второй Онежской экспедиции Архангельской области. 1962 г.

25. ОР ГТГ. Ф. 67. Д. 588. Акт приемки произведений, вывезенных Онежской экспедицией.

26. Пивоварова Н. В. Древнерусская живопись и скульптура // Народное искусство Каргополя. Сборник статей. / Альманах. Вып. 142. Спб., 2006. С. 9-25.

27. Померанцева Н. А. Николай Николаевич Померанцев: нити жизни и вехи пути // Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера. Материалы конференции. Архангельск, 1995. С.5-19.

28. Пушкарёв В. А. Экспедиционная деятельность Государственного Русского музея // Тезисы докладов к Всероссийской научной конференции, посвященной новым исследованиям в области древнерусского искусства и итогам экспедиций музеев РСФСР. Л., 1966. С. 56-61.

29. Реформатская М. А. Северные письма. М., 1968.

30. Северные письма. Каталог. Из собрания Архангельского музея изобразительных искусств. Сост. О. Н. Вешнякова, Т. М. Кольцова. Архангельск, 1999.

31. Тезисы докладов к Всероссийской научной конференции, посвященной новым исследованиям в области древнерусского искусства и итогам экспедиций музеев РСФСР. Л., 1966.

32. Шалина И. А. Художественные особенности праздничных икон погоста Лядины // Иконы Русского Севера: Двинская земля, Онега, Каргополье, Поморье: Статьи и материалы. Ред.-сост. Э. С. Смирнова. Москва, 2005. С. 70-92.

Приложение

Список икон, поступивших в КГИАХМ и ГРМ из I и II Онежских экспедиций

	Музей, инвентарный номер	Экспедиция	Название, дата, размер	Реставраторы в ГЦХРМ
Из собора Рождества Христова г. Каргополя				
С паперти:				
1	ГРМ ДРЖ 3020	I	Правая створка Царских врат. Вторая половина XVII в. 165 x 35	В. М. Романова
2	КГИАХМ КП 788	I	Преп. Никодим Кожеезерский. Вторая половина XVII в. 31,5 x 27	А. Ф. Кирюхин под руководством В. В. Филатова
Из пристенных иконостасов:				
3*	КГИАХМ КП 16422/1	II	Богоматерь Одигитрия. XVI в., XVII в. 88 x 67	Е. И. Мельникова, Р. Л. Носов
4*	КГИАХМ КП 2011/1	II	Митрополит Андрей и неизвестная святая. Первая половина XVIII в. 29,5 x 26	Икона раскрыта в ВХНРЦ
5*	КГИАХМ КП 1951	II	Ярославские князья. XVIII в. 32 x 28	Икона раскрыта в ВХНРЦ
6*	КГИАХМ КП 2010	II	Святители Афанасий и Кирилл. Первая половина XVIII в. 32 x 28	Икона раскрыта в ВХНРЦ
7*	КГИАХМ КП 7104	II	Иоанн Воин. XVII в. 31 x 27	Икона не реставрировалась

Продолжение таблицы

8*	КГИАХМ КП 8654	II	Богоматерь Казанская. XVI в. 24 x 18	М. Ефимов под руководством Г. С. Клоковой
9*	КГИАХМ КП 1326	II	Николай Чудотворец. XVIII в. 31,3 x 26	В. П. Малышев, Т. В. Гончарова
Из церкви Спаса «на Валушках» г Каргополя:				
10*	КГИАХМ, КП 2013	I	Спас (оплечный). XVI, XVII в. 108 x 73	Н. В. Дунаева (Лисицына), М. Л. Рягузова
11	КГИАХМ КП 8653	I	Мученики Борис и Глеб, с видом горя- щего Каргополя. Первая половина XVIII в. 107 x 91	Н. В. Дунаева (Лисицына)
Из церкви Благовещения г. Каргополя:				
12*	КГИАХМ, КП 1090	I	Сцены «Рождества Богородицы». 1764 г. 177 x 138	Икона не рестав- рирована
Из церкви Флора и Лавра в селе Астафьево:				
13	КГИАХМ, КП 780	I	Рождество Богородицы. XVI в. 68 x 45	В. М. Чехо- надский, С. В. Ямщиков под руководством Е. И. Петренко
14	ГРМ ДРЖ 3102	I	Положение Ризы Господней. Конец XVII - первая треть XVIII в. 175,5 x 157	О. И. Евдошенко, Н. В. Дунаева (Лисицына), ста- жеры: В. И. Соло- вьев, Г. М. Мельников, П. С. Линьинский, А. И. Дмитриева под руководством А. Н. Рябининой и Е. И. Петренко

Продолжение таблицы

15*	КГИАХМ КП 16425	I	Фрагмент иконы. Мученица Екатерина. Первая половина XVIII в. 94 x 24	М. В. Романова, Е. И. Бучило
16	ГРМ ДРЖ 2977	I	Явление Богоматери и Николы пономарю Юрьшу. Вторая половина XVII в. 89,5 x 55	И. М. Громова (руководи- тель), стажер из Новгородского историко-художес- твенного музея С. Б. Мантейфель
Из церкви Николая Чудотворца в селе Волосово:				
17	ГРМ ДРЖ 3068	I	Деисусный чин. Вторая половина XVI в. 21,8 x 54,3	А. Н. Овчинников
18	КГИАХМ КП 771	I	Преп. Александр Ошевенский. Вторая половина XVII в. 49 x 32,5	А. И. Гоголева под руководством И. М. Громовой.
19	ГРМ ДРЖ 2979	I	Илья пророк в пустыне. Последняя треть XVI в. 72,5 x 61,7	Н. В. Дунаева (Лисицына)
Иконы праздничного ряда:				
20	КГИАХМ КП 774	I	Троица Ветхозаветная. Последняя треть XVI в. 72 x 55	В. М. Чехонад- ский, Н. В. Дуна- ева (Лисицына) под руководством Е. И. Петренко
21	ГРМ ДРЖ 3105	I	Сошествие во ад. Последняя треть XVI в. 73,3 x 54,5	Н. В. Дунаева (Лисицына)

Продолжение таблицы

Из Покровской церкви в селе Лядины:				
22	ГРМ ДРЖ 2974	I	Спас Вседержитель. Последняя треть XVII в. 89,2 x 76,5	А. И. Гоголева.
23	ГРМ ДРЖ 2975	I	Спас на престоле. Первая половина XVI в. 80 x 61	П. Б. Журавлев, А. И. Гоголева под руководством Е. И. Петренко.
Иконы праздничного ряда:				
24	ГРМ ДРЖ 2978	I	Воздвижение креста. Первая половина XVI в. 66 x 53,2	М. В. Романова.
25	ГРМ ДРЖ 2980	I	Рождество Христово. Первая половина XVI в. 65 x 50	Е. И. Петренко
26	ГРМ ДРЖ 3294	I	Успение Богоматери. Первая половина XVI в. 65,7 x 50	Н. В. Дунаева (Лисицына)
Из церкви в селе Большая Шалга:				
27	ГРМ ДРЖ 2981	II	Святитель Николай (поясной). Первая половина XVI в. 68 x 51,5	М. В. Романова
Из церкви в селе Малая Шалга:				
28	КГИАХМ КП 16111	II	Выносная икона. Богоматерь Знаме- ние–Мученик Мина Котуанский. Вторая половина XVII в. 119 x 26 (с рукоятью)	Т. М. Мосунова.

Продолжение таблицы

29*	КГИАХМ КП 16424 т	II	Фрагмент выносной иконы. Богоматерь Знамение – Св. Николай. Конец XV-первая половина XVI в. 48 х 12	О. А. Пригородова
30*	КГИАХМ КП 792	II	Святой Дмитрий. XVIII в. Использо- валась в качестве двери. 153 х 54	Икона не рестав- рировалась
31	ГРМ ДРЖ 3019	II	Чудо Георгия о змие. Конец XIV-XV в. 47,5 х 36,5	А. Н. Овчинников
32	ГРМ ДРЖ 2976	II	Патриарх Медост. XVIII в. 89 х 69	Л. П. Евзерикина.
Из церкви Иоанна Златоуста в селе Саунино:				
33*	КГИАХМ КП 2014	I	Спас Эммануил. XVIII в. 36 х 33	Икона раскрыта в ВХНРЦ
Из часовни Воздвижения в селе Печниково:				
34*	КГИАХМ КП 2061/1,2	I	Столб фигурный рас- писной от иконостаса. 81х17,3х20,3	М. Л. Рягузова

*Публикуется впервые

Храмовая икона Христорождественского собора в Каргополе и проблемы местного иконописания середины – третьей четверти XVI века

И. А. Шалина

*кандидат наук, ведущий научный сотрудник
Отдела древнерусского искусства
Государственного Русского музея*

Аннотация. Храмовая икона Христорождественского собора в Каргополе (ГРМ) никогда не была предметом монографического изучения. Памятник относится к расширенному иконографическому изводу и занимает в ряду подобных образов особое место, знаменуя высшую точку сложения такого типа. Впервые осуществлена атрибуция и датировка произведения, имеющего в редких упоминаниях широкий спектр мнений. Рассматривается вопрос о сложении и развитии местного каргопольского иконописания середины – третьей четверти XVI века.

Ключевые слова: Каргополь, иконопись, иконописцы, иконография, Рождество Христово, XVI век, художественный стиль.

Крупная храмовая икона Рождества Христова¹ (рис. 1) – единственная из числа уцелевших древних образов иконостаса главного городского собора Каргополя, возведенного в годы Иоанна Грозного (1552–1562 гг.). Как наиболее ценная и стоявшая в местном ряду, она была спасена во время опустошительного пожара (1765 г.), во время которого погибло не только все храмовое убранство, но и пострадало само здание. После его длительного восстановления 12 июня 1778 г. был освящен верхний холодный храм, где к этому моменту возвели высокий пятиярусный иконостас, включающий образа целого ряда каргопольских иконописцев и онежской артели И. И. Богданова Карбатовского [20]. В местном ряду справа от Царских врат древняя икона Рождества Христова заняла своё прежнее место и оставалась там в течение всех последующих столетий, как это видно по соборным описям и фотографии интерьера 1912 г.² В 1962 г. Архангельской экспедицией под руководством Э. С. Смирновой она была вывезена

¹ ГРМ Инв. № ДРЖ-2923. 179,8 x 155 x 4,5 см. Дерево (сосна), из трех частей, две односторонние шпонки, ковчег, паволока, левкас, темпера, золочение. Оклад: серебро, басма. Раскрыта в ГРМ в 1964–67 гг. И. П. Ярославцевым.

² Иконостас собора Рождества Христова г. Каргополя. Фото 1912 года Я. Лейцингера. Фотоархив ИИМК РАН. – [20, с. 4].

для реставрации в Русский музей [5, с. 38, ил. 21; 39, ил. 51, 52; 40; 8, с. 3, 22, № 35; 31, с. 30-31, № 17; 11, с. 87-89; 19, с. 261-262, кат. № 94 (с библи.); 20, с. 6-7].

Произведение принадлежит к расширенному изводу праздника Рождества Христова, включающему большое число мизансцен, иллюстрирующих не только сам момент чудесного рождения Христа, но и важнейшие евангельские события, как предшествующие вифлеемской истории, так и последующие. Такой полный вариант композиции, объединившей изначально разрозненные многочисленные сюжеты, первоначально сформировавшиеся в византийском монументальном искусстве, очень рано получил развитие в станковой живописи. Во всяком случае, все основные его части были известны уже в первой половине XII в., как об этом свидетельствует самый ранний, причем камерный, образ на створке диптиха из монастыря Св. Екатерины на Синае [49, pl. 18], который включает все основные мизансцены, составляющие содержание каргопольского памятника. Учитывая частое посвящение на Руси престолов этому празднику, распространение здесь такой монументальной иконографии должно относиться к древности. Так даже на сравнительно небольшой псковской иконе середины XV в. из Опочки [17, с. 116-123, кат. № 29], явно изначально происходившей из какой-то Рождественской церкви, краткая схема дополнена рядом дополнительных, в том числе редких и даже уникальных сюжетов. Исходя из дошедших до нас памятников, особенно востребованным распространенный тип, причем в разных вариациях, оказался в живописи со второй четверти – середины XVI в., что совпало со временем появления при Иване Грозном сложных повествовательных житийных циклов и икон-«трактатов». Примечательно, но встречается он в эти десятилетия преимущественно в северных станковых памятниках³ и лишь в XVII столетии станет распространенным в искусстве Поволжья.

На самом раннем из них – храмовом образе из коллекции А. И. и И. И. Новиковых (Музей Тбилиси)⁴ первой трети – второй четверти XVI в. (рис. 2) – число изображений даже превышает повествование каргопольского памятника. Икона явно относится ко времени сложения интересующего нас извода, поскольку еще сохраняет линейный принцип расположения клейм на верхнем поле.

³ В монументальном искусстве распространенный вариант Рождества Христова сохраняется на протяжении всего Средневековья. Подробная сцена праздника, видимо, первой трети XVI в. недавно обнаружена на предалтарной стене Успенского собора Московского Кремля [3].

⁴ Ранее: ГТГ. Инв. № 20019, передана в Национальный музей Тбилиси: [43, с. 133].

Они включают пять самостоятельных сюжетов, напоминающих житийное повествование, посвященных «подготовительной» истории Воплощения Слова. Начинается оно образом чародея Валаама, держащего в руках свиток с предсказанием о Вифлеемской звезде, продолжается сценами Благовещения, упреков Иосифа и явления ему во вне Ангела Господня, а также редким эпизодом объявления переписи в Иудеи. По сравнению с каргопольской иконой, увеличено и число сцен в среднике: включены эпизоды поклонения волхвов сидящей на троне Богородице с Младенцем, в центре представлена история прихода чародеев к царю Ироду, а справа от нее – заклание первосвященника Захарии. Мастер новиковского образа явно стремится выстроить все повествование, не нарушая линейный принцип композиции, что также выдает раннее происхождение памятника.

К близкому времени, что и икона из Каргополя, относится устюжская или холмогорская икона из собрания А. В. Морозова третьей четверти XVI в. (ГТГ) [2, с. 234-235, № 654; 32, ил. 22-23, с. 39], в которой мастер уже отказывается клеем верхнего поля, но сохраняет часть сюжетов раннего памятника. Композицию венчает дуга небесного сегмента, унаследованная от искусства XV в., в верхнем углу представлен пророк Исайя со свитком своего пророчества о рождении Эммануила (Ис. 14: 7), ниже изображено Благовещение Марии, а сверху справа – поклонение волхвов Богоматери на престоле. Центральную часть нижнего поля также занимает эпизод беседы царя Ирода с волхвами. Композиционно мастер пытается сохранить принцип линейного повествования, это видно по попытке отделить горизонтальные слои плоскости яркими белильными границами, в результате чего теряется единство целого, поверхность дробится на отдельные выделенные еще и цветом мизансцены.

Наиболее поздней из икон этого извода является образ Рождества Христова последней трети XVI в. из Сольвычегодска (АОМИИ) [18, с. 370-374, № 77], идентичная каргопольскому памятнику по выбору сцен и уже полностью утратившая стремление к их упорядочению.

Среди всех этих одноименных храмовых икон произведение из Каргополя является самым монументальным по художественному облику, наиболее гармоничным по композиции, где все изображения, свободно размещенные по поверхности, легко «считываются», сохраняя при этом исторический принцип повествования.

Верхняя часть средника следует краткому иконографическому изводу – в центре представлено киноварное ложе с Богородицей, показанной в необычной для раннего времени полусидящей позе; сверху и справа от новорожденного – поклоняющиеся ему пары ангелов; в верхних углах путешествующие за звездой и отъезжаю-

щие от Вифлеемской пещеры волхвы, с которыми связано еще два эпизода: слева чародеи подносят Марии дары, а с противоположной стороны – показаны спящими в пещере с видением небесного посланника. Ниже – традиционные сцены Омовения Младенца и фигуры играющих на свирелях пастухов, охраняющих жертвенные стада Иерусалимского храма. Между ними редкое изображение лежащего между ними прямо на земле спеленатого Иисуса – новозаветной жертвы, отменяющей ветхозаветный обряд заклания животных. Образы сомневающегося Иосифа и предстоящего ему старца – духа искушителя опущены ниже, что позволило разместить над ними сцену шествия семейства с юным Иаковом на перепись в Вифлеем. В центре прямо под красным ложем роженицы скрывающаяся в пещере Елизавета с юным Иоанном, последним пророком Ветхого завета, а в нижнем правом углу – сцены избияния младенцев рядом с восседающим на престоле царём Иродом и плачущими иерусалимскими матерями. Слева композицию замыкает изображение бегства святого семейства в Египет. Несмотря на сложный замысел произведения, его содержание прочитывается предельно ясно благодаря драматургии повествования: главное событие выделено в центре, а диагональное построение остальных позволяло показать последовательность сменяемых друг друга эпизодов, разделенных между собой разноцветными, параллельно идущими вдоль доски склонами гор. Этот ритм нарушают фризобразные наиболее значимые сцены и многочисленные повторы – волхвы представлены на иконе четырежды, что подчеркивает разные моменты их странствий, дважды воспроизведено путешествие святого семейства, рефреном звучит образ Спасителя в белых пеленах, примечательно и четырехкратное варьирование мотива пещеры, с ее устойчивой в средние века символикой рождающей земли. Большая часть мизансцен повторяет иконографию иконы из музея в Тбилиси, демонстрируя обращение к одним и тем же образцам и даже прорисам, поскольку отдельные детали совпадают дословно.

Икона в литературе несправедливо датируется слишком широко – чаще ее относят ко второй половине столетия и даже к рубежу XVI–XVII вв. [26, с. 10–11], что стало результатом отсутствия ясных представлений об искусстве этого периода в целом и неизученности местной живописи в частности. К тому же «плавающая» датировка Христорождественского собора не давала уверенных ориентиров. Засвидетельствованная дата окончания строительства памятника в 1562 г. извлечена из позднего источника – описи имущества собора за 1801 г. [7, с. 47]; назывался и сравнительно длительный период каменных работ, которые относили даже к концу XV в. [29, с. 16], но чаще к эпохе Ивана Грозного [10, с. 8; 4, с. 110; 42, с. 267], к 1552–1562 [21, с. 19], и 1561–1562 гг. [14,

с. 155; 1, с. 41]. Анализ композиционных и архитектурных особенностей здания, его пространственных характеристик и декоративных деталей позволяет подтвердить названную описью дату освящения [23]. Косвенно о том же времени свидетельствует и изучение художественного стиля храмовой иконы.

Для решения вопроса о возможных истоках живописных особенностей памятника немаловажным являются знания о характере заказчиков строительства и украшения храма. К. П. Гемп, опираясь на неуказанный источник, считала, что он возводился «тщанием самих прихожан» [7, с. 50]. Другие исследователи допускали причастность к этому событию царя Ивана IV [4, с. 110]. А. Г. Мельник отмечал, что кроме соборного клира, жителей города и каргопольской округи, нельзя полностью исключать роль новгородского архиепископа Пимена (1552–1570 гг.) [23, с. 157], в епархию которого входил тогда весь регион. При этом следует учитывать, что как раз на середину XVI столетия пришлось время бурного экономического развития города, ставшего одним из крупнейших торгово-ремесленных поселений Русского Севера, не случайно Иван Грозный записал его в «опричины», то есть царские уделы. Через Каргополь – центр Заонежских погостов, – как он фигурировал в деловой документации того времени, осуществлялись связи с Вологодой, Ярославлем, Москвой; жители посада владели рыбными тонями и соляными варницами на побережье Белого моря, ходили на морские промыслы на Мурман, Грумант, к Новой Земле [25, с. 202–207]. В таких обстоятельствах складывались предпосылки формирования собственных художественных и ремесленных мастерских, в том числе иконописцев. Надо полагать, именно на середину XVI в. приходится создание местного живописного стиля. Очевидно, что наиболее обеспеченные каргопольцы вполне могли собрать средства на строительство первого каменного храма и его убранство, что делает более чем вероятным участие в нем городских мастеров.

Представленный на иконе расширенный цикл сцен, соединенных в сложную ритмически организованную композицию и подчиненных идее прославления Богородицы, подарившей миру Воплощенное Слово, органично вписывается в идейно-художественное содержание эпохи. Как известно, широкое распространение повествовательных типов памятников, превращающих лежащий в их основе подробный словесный текст в яркую визуальную форму, становится одним из важных формально-стилистических качеств живописи времени Ивана Грозного. Именно тогда появляются крупные житийные иконы, подчас включающие более сотни клейм с повторяющимися сюжетами исцелений и чудес, составляющих

содержание иллюстрируемого агиографического повествования, подобно образу Александра Свирского с 129 сценами, написанному столичными мастерами ок. 1554 г. (ГММК) [13]. Многосоставность крупных образов, исполненных множеством действий, фигур, антуража, сопровождалось измельчением форм и определенной дробностью замысловатого живописного рассказа, к тому же стремящегося к колористической декоративности целого и орнаментальности деталей. Определенной точкой отсчета нарастания этих черт считаются символично-аллегорические иконы-трактаты макарьевского заказа 1547 г. [27, с. 8] для Благовещенского собора Московского Кремля [33], обладающие новым качеством искусства с его ярко выраженной назидательностью и догматической направленностью.

Икона Рождества Христова, являясь ярким образцом иконописи позднегозренского времени, также относится к примерам поиска новой выразительности. Однако, по сравнению с официальными столичными памятниками, несмотря на разбросанные по поверхности многочисленные мизансцены, она лишена измельченности и дробности: изображения сохраняют определенную логику в расположении и выстраиваются мастером по отчетливо читаемому диагональному принципу, разделяясь между собой склонами разноцветных горок. Для выделения главных смыслов мастер умело пользуется колористическими акцентами – так поверхность ритмизируется за счет вишневых и красных пятен, их подчеркивают густые зеленые и синие одеяния и многочисленные вспышки белил.

Генетически живопись, безусловно, связана с искусством Новгорода второй трети XVI столетия, что вполне закономерно, учитывая не только принадлежность в интересующие нас годы его архиерейской кафедре, но и особенности истории края, издавна входящего в земли Обонежской пятины. Преобладание здесь новгородского влияния затрагивало как социально-экономическое, так и культурное развитие этой территории. В иконе оно выражено, прежде всего, активным и напряженным композиционным ритмом сцен, построенных по принципу коврового распределения изображений, насыщенной декоративностью и колористической яркостью общего замысла. Близок новгородским памятникам этого времени и характер уплощенных фигур, облаченных в одеяния, не учитывающие движение и пластику форм, напротив, они испещрены спрямленным рисунком складок и украшены бурно спадающими концами драпировок. Вторит им и стремление к локально закрашенным цветовым плоскостям. Следует отметить ярко выраженную графичность живописи, любование точной линией, тяготение к подробному подготовительному рисунку, также свойственному новгородским иконникам. В их творчестве встречаются

и разноокрашенные горки с широкими, контрастно выделенные цветом лещадками с лаковыми притенениями. Например, активно таким приемом пользуются мастера, создавшие в 1558 г. иконостас Петропавловской церкви в Кожевниках в Новгороде [15, с. 32, 35]. Однако каргопольская икона демонстрирует оригинальный и уже вполне сложившийся художественный стиль и позволяет думать о работе над ней местных мастеров времени расцвета этого центра в середине – третьей четверти XVI в. Отметим особый пропорциональный строй фигур – с крупными головами и высокими лбами с глубокими залысинами, неестественно жестикулирующие и словно приставленные к телу руки, рисунок которых начинается буквально от линии спины. Причем эта определенная неловкость поз и жестов персонажей становится отнюдь не результатом профессионального уровня мастерства, а характерной особенностью работы местных иконников. Очень своеобразно личное письмо, написанное одним основным тоном моделировки по холодноватому оттенку санкиря или коричневой подкладке, с широкими однотонными заливками высветленных участков. Остро индивидуален рисунок округлых ликов, с их длинными носами с широкими крыльями, к тому же выделенными широкими описями; раскрытыми глазами и полными губами, активно прорисованными дугами бровей. Мастера активно пользуются приемом редких и недлинных белильных высветлений на выпуклых формах. Нельзя не заметить склонность мастеров к профильным изображениям с выявленными очертаниями острых подбородков и нависающих носов, – чертами, которые также не встречаются в новгородских памятниках.

Своеобразием отличается мерцающий характер пробелов и цветных бликов, лежащих на одеждах без соблюдения объема, рисунок разноцветных горок с растущими по их склонам затейливыми травами. Отметим также каллиграфические крупные надписи, деликатно размещенные на цветных поверхностях. Скорее всего, сразу после создания живописи икона была украшена серебряной басмой, рисунком тиснения и принципами наложения пластин, очень близкими новгородским памятникам. Сочетание узкой разгранки по среднику и широкого поля с растительным узором повторяет декор Царских врат 1558 г. из Рождественского иконостаса Св. Софии [9, с. 510–513, кат. № 288]. Такой прием и рисунок прослеживаются в работе местных серебряников вплоть до конца столетия.

Все отмеченные особенности письма свидетельствуют о создании иконы местным каргопольским иконником к моменту освящения Христорождественского храма в 1562 г. Ее живопись демонстрирует вполне сложившийся художественный стиль и заставляет искать аналогии в памятниках предшествующего времени и продолже-

ние его развития в произведениях последующих десятилетий. Особенности письма сближают искусство мастера с более ранней иконой Воскресения Христа из Георгиевской церкви на реке Свидь бывшей Хотеновской волости близ Каргополя (ГРМ)⁵. Обычно она датируется широко первой половиной столетия и связывается то с новгородскими письмами [12, с. 76–77; кат. № 122; 24, с. 323, кат. № 192], то с северными провинциями [11, с. 68, ил. 47; 47, р. 221–222, cat. № 29. р. 93 il.], то с Вологодой, – последнее, скорее всего, в силу ее пребывания в Вологодском государственном музее-заповеднике, куда ее вывезла экспедиция Вологодского общества изучения Северного края в 1925 г. Между тем, оба памятника объединяет принцип построения плотной композиции, схожие черты личного письма, с длинными протяжными линиями розовых и белильных мазков, рисунок крупных черт – особенно носов и пухлых губ, – также остро выразительных в профильных образах. Разноцветные, в том числе красноватые горки также моделированы цветными лещадками. Здесь другие пропорции фигур, еще восходящих к канону начала XVI в, но многие черты живописи указывают на ее создание уже во второй четверти столетия.

Близкой аналогией рассматриваемой иконы выглядит образ Преподобного Варлаама Хутынского и Алексия человека Божия середины XVI в., вывезенной из того собора Рождества Христова в Каргополе (АОМИИ)⁶ (Рис. 3). Их объединяют очень схожие пропорции фигур с укрупненными головами, широкими покатыми плечами, словно приставленными к телу руками, удлинёнными нижними частями тел, облаченных в негнущиеся одеяния с жесткими краями тканей. В обоих памятниках важное место занимает глубокий синий колорит (в нашем случае, угасший), впоследствии ставший важной составляющей местной живописной палитры. Не вполне гармоничные жесты обоих святых также напоминают икону Рождества Христова. Но, пожалуй, самой близкой точкой соприкосновения памятников является манера личного письма, обладающего укрупненными чертами и ровной розовой карнацией и тонкими нитями вытянутых пробелов.

Видимо, местными иконниками создавался иконостас неизвестной церкви, из которой происходит образ Архангела Гавриила из деи-

⁵ ГРМ, Инв. № ДРЖ-2747. 125,0 × 71,0 × 3,0 см.. Две сосновые доски, ковчег, две врезные односторонние шпонки. Раскрыта в 1925–1927 гг. в Вологодском музее А. И. Брягиным. Пост. в 1933 г. после зарубежной выставки (1929–1932 гг.) через Антиквариат [46, s. 18. пг. 73; 19, с. 262, 264; 48, р. 67, cat. № 37, il. 37].

⁶ АОМИИ. Инв. № 841-држ. 87 х 50,5 см. Вывезена в 1958 г. Первой Онежской экспедицией ГЦХРМ. Доска сосновая, из двух частей, с двумя врезными сквозными шпонами и ковчегом, паволока левкас, темпера, позолота. Реставрирована Е. И. Петренко (ГЦХРМ, 1959–1960) [30, с. 186–189; 18, с. 186–189, кат. № 38; 22, с. 59, ил. 16].

сусного чина середины XVI в. (ВГМЗ) [16, с. 501–503, кат. № 80], вывезенный в 1927 г. в Вологодский музей из церкви Входа в Иерусалим в Каргополе (1732 г.) и утративший сведения о происхождении. Характер личного письма напоминает как рассматриваемый памятник, так и икону Воскресения, с недлинными белильными пробелами и холодным цветом карнации. Но по сравнению с ними живопись более графична, – описями акцентирован рисунок крупных черт, что придает образу холодный оттенок выразительности. Несмотря на ощущение новгородской основы, что подтверждает и цитированный рисунок на нимбе, в ней ощущается своеобразие художественного языка.

Среди немногочисленных памятников местного происхождения этого времени надо выделить еще камерный Деисусный чин из Никольской церкви села Волосово близ Каргополя⁷, где традиционный состав центральных семи фигур замыкают образы Николая Чудотворца и Сергия Радонежского. Стилистика этого памятника, судя по манере письма, созданного в середине века, не так очевидна, но пропорции коренастых фигур, характер моделировки пастозных драпировок одежд и манера личного письма вполне допускает работу не каргопольского, а новгородского мастера, или местного иконника, в большей степени воспитанного на новгородских традициях. Другие истоки демонстрирует вывезенный из того же храма более ранний крупный образ Ильи пророка в пустыне⁸, видимо, второй четверти XVI в., напоминающий северные произведения Заонежья. Однако уверенный, каллиграфически точный рисунок, особенно складок хитона и лекадок, а также выразительное личное письмо, живопись которого смыта до домалевочного слоя, свидетельствуют о работе профессионального мастера. Икона совсем не похожа ни на искусство новгородцев этого времени, ни на вологодские памятники и может оказаться работой каргопольского мастера, писавшего совсем в иной традиции, чем упоминаемая икона Воскресения.

Наконец следует упомянуть крупный храмовый образ Спаса Вседержителя с пророками, праздниками и избранными святыми» 1550–1560-х гг. из церкви Параскевы Пятницы (Рождество Богома-

⁷ ГРМ. Инв. № ДРЖ-3068. 22,1 x 54,2 x 2,2 см. Дерево, доска цельная, две односторонние шпонки, паволока, темпера. Пост. из ЦГРМ в 1968. [38, с. 67, 87; 12, с. 90, кат. № 163; 6, № 32; 19, с. 268; 34, с. 98–99, кат. № 29].

⁸ ГРМ. Инв. № ДРЖ-2979. 72,5 x 61,7 x 3,3 см. Доска сосновая из двух частей, две врезные сквозные шпонки, ковчег, паволока, темпера. Происходит из Никольской церкви в с. Волосово Плесецкого района Архангельской обл. близ Каргополя. Вывезена Онежской экспедицией Н. В. Померанцева в 1958, в ГРМ пост. из ГЦХРМ в 1966 г. [39, кат. № 45; 6, с. 19, кат. № 25; 11, с. 85, ил. 69 (неверно датирована XVII в.); 26, с. 16–17 (неверно датирована поздним XVI в.)]

тери) в Каргополе⁹, близкого по времени рассматриваемой иконе. Многосоставная композиция построена по принципу камерного иконостаса и добавлена рядами лицевых святцев. Ее более беглая манера исполнения, особенно в нижний ярусах, мало напоминает письмо публикуемого памятника, однако все же находит некоторые параллели в пропорциях угловатых фигур. А. С. Преображенский верно отметил, что произведение не находит прямых параллелей в разнородных каргопольских памятниках XVI в., но все же видел возможность сравнивать ее с образом Христорождественского храма. Больше точек соприкосновения она имеет с рядом вологодских икон, выполненных во второй четверти – середине XVI в.¹⁰ Близок им общий характер более живописной, чем в Каргополе, поверхности и приемы личного письма. Наличие столь монументальных памятников в городе, восходящих к традициям соседней Вологды, выглядит закономерным: большое число строящихся храмов и устраиваемых в это время монастырей явно требовали немалого числа образов для их украшения, что делает обращение к вологодским иконникам, получившим большую известность к этому времени, наиболее правдоподобным.

Разрозненные, и как видим, довольно разнотипные памятники второй трети XVI в. не позволяют наметить основные тенденции развития каргопольского иконописания. Очевидно, что наряду с чисто местными чертами уживались традиции как новгородской, так и вологодской живописи. Однако отмеченные приметы сказываются почти во всех происходящих из городских храмов произведениях. Их объединяет и характер материальных данных, прежде всего, использование сосновых досок.

При этом искусство мастера иконы Рождества Христова следует считать эталонным, поскольку именно оно получило яркое продолжение в местных памятниках последней трети XVI в., прежде всего в центральных образах деисусного чина из Никольской деревянной церкви села Волосова на реке Онеге близ Каргополя (АОМИИ)¹¹, откуда происходит большая часть дошедших до нас

⁹ ВГМЗ Инв. № 10133. 138 x 122, 7 x 4 см. Доска сосновая, из четырех частей, с двумя врезными несквозными односторонними шпонками. Ковчег, паволока, левкас, темпера. Поступила в музей в 1927 г. Реставрирована в 1970 г. Н. И. Федьшиным – [16, с. 484–498, кат. № 78].

¹⁰ В литературе неверно связывается с Каргополем многочастная икона «Избранные святые» ГРМ. Инв. ДРЖ-2755. [35, с. 187–188; 26, с. 8]. Она происходит из Вологодского музея и явно написана вологодским мастером второй четверти XVI в.

¹¹ Инв. №№ 282, 287, 292, 288, 281-држ. 153 x 48 см. Доски сосновые, из двух частей с врезными встречными шпонками, ковчег, паволока, левкас, темпера. Вывезены Второй Онежской экспедицией АОМИИ и ГЦХРМ под руководством Н. Н. Померанцева.

ранних произведений. Иконы написаны на глубоком синем фоне, ставшем в это время важной составляющей живописной палитры, отличаются более верными пропорциями фигур, восходящем к новгородскому канону деисусных изображений. Но главное наследие мастера Рождества Христова в них сохраняется – характер личного письма с очень крупными широко раскрытыми глазами, которые в XVII столетии станут одной из главных примет стиля местных мастеров, и характерным рисунком носа с широкими раздутыми ноздрями. Несмотря на изменение общей карнации личного, в силу обильно примененной охры, сохраняются основные ее принципы моделировки и использования коротких белильных пробелов. Обильно применяет мастер прием затенения чеканящих форму торса складок цветными притенениями, которые также станут впоследствии узнаваемыми чертами каргопольской живописи.

В последние десятилетия XVI в. уровень мастерства иконописцев-каргопольцев признан не только в родном крае, но и далеко за пределами города, их приглашают для исполнения ответственных заказов в другие центры. Целый комплекс икон местного, деисусного, праздничного, пророческого рядов был исполнен артелью мастеров Федора Трофимова (уп. 1585–1595) и Докучая (уп. 1575–1584) [36, с. 289; 37, с. 662] для иконостаса надвратной Благовещенской церкви Соловецкого монастыря в 1590-е гг. (ГМЗК) [45]¹². Личное письмо деисусных икон сохраняют отмеченные выше особенности, в том числе крупные черты и принципы моделировки. Кроме того, документы обители упоминают и другие написанные ими заказные образы, причем некоторые из них они исполняли, оставаясь жить в Каргополе (В 1595 г. дано «иконнику Федору Трофимову сыну каргопольцу денег 3 рубли 16 алтын 1 деньги, что он писал праздники в Каргополе на монастырь» [51, л. 16; 52, л. 41, 46]. Докучай писал еще и деисус в Колежму, вотчину Соловецкого монастыря [50, л. 286].

Очевидно, что в силу небольшого числа выявленных памятников вопрос о стилистическом своеобразии каргопольской иконописи XVI в. остается открытым. Но первые наблюдения свидетельствуют, что город обладал значительным числом собственных мастеров и постепенно становился крупным художественным центром.

Раскрыты в 1983–1985 гг. [18, с. 338–349, кат. №№ 65–69]. Еще одна икона Апостола Павла находится в собрании В. Н. Набокова-Алексеева (Москва). Приобретена им в 1970 г. у жительницы села, раскрыта владельцем. [44; с. 508–509, кат. № 122].

¹² Иконы пророка Моисея из пророческого чина и образ «Преполовление» из праздничного (ГМЗК. Инв. №№ Ж-854, Ж 856) – [41, с. 118–119, кат. № 32, с. 250–251, кат. № 87; 28, № 12–13 (Богоматерь и Иоанн Предтеча из деисуса)]

Список литературы:

1. Алферова Г. В. Каргополь и Каргополье. М., 1973.
2. Антонова В. И., Мнёва Н. Е. Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации. В 2-х тт. М., 1963. Т. 2.
3. Барков А. Г. Новые открытия росписей в Успенском соборе Московского Кремля в 2020–2022 годах // Доклад на Лазаревских чтениях. МГУ. 2–3 февраля 2023 г.
4. Булкин В., Овсянников О. Каменное чудо Каргополья // Памятники архангельского Севера. Архангельск, 1983.
5. Выставка «Итоги экспедиций музеев РСФСР по выявлению и собиранию произведений древнерусского искусства». Каталог. Л.; М., 1966.
6. Выставка новых поступлений. Древнерусское искусство. Каталог. Л., 1978.
7. Гемп К. П. Каргополь. Архангельск, 1968.
8. Государственный Русский музей. К 80-летию со дня открытия. Выставка новых поступлений. Древнерусское искусство Л., 1978.
9. Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XVI–XVII веков / Ред.-сост. И. А. Стерлигова. М., 2008.
10. Докучаев-Басков Ф. К. Каргополь. Архангельск, 1913.
11. Дурасов Г. П. Каргополье. Художественные сокровища. М., 1984.
12. Живопись древнего Новгорода и его земель XII–XVII столетий / Авт.-сост. В. К. Лаурина, Г. Д. Петрова, Э. С. Смирнова. Каталог выставки. Л., 1974.
13. Журавлева И. А. Образ Александра Свирского с житием и чудесами из Успенского собора Московского Кремля // Русская художественная культура XV–XVI веков: Сборник статей. Москва, 1998. С. 118–144.
14. Известия Императорской археологической комиссии. СПб., 1914. Вып. 52.
15. Иконостас церкви Апостолов в Петра и Павла «в Кожевниках». Авторы текста Е. В. Игнашина, Ю. Б. Комарова. М., 2011.
16. Иконы Вологды XIV–XVI веков. М., 2007.
17. Иконы Пскова / тексты О. А. Васильевой. В 2-х т. М., 2012.
18. Иконы Русского Севера. Шедевры древнерусской живописи Архангельского музея изобразительных искусств. В 2-х тт. М., 2007. Т. 1.
19. Каталог икон из Архангельской области в собрании Русского музея / сост. А. А. Мальцева и др. // Иконы Русского Севера:

Двинская земля, Онега, Каргополье, Поморье. Статьи и материалы / ред.-сост. Э. С. Смирнова. М., 2005. С. 261-270.

20. Каргополь. Иконостас собора Рождества Христова / Знаменитые иконостасы России. Авторы текста Т. М. Кольцова, О. Б. Пригодина. М., 2019.

21. Каковкин А. Я. Каргополь / Памятники древнерусского зодчества. Л., 1971.

22. Кольцова Т. М. Каргопольская икона. Из собрания Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». М., 2019.

23. Мельник А. Г. Собор Рождества Христова в Каргополе // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2014. Вып. 20. С. 146-162.

24. Новгородская икона XII–XVII веков / Авт. вст. ст., комм. и сост. В. К. Лаурина, В. А. Пушкарев. Л., 1983.

25. Овсянников О. В. Средневековые города Архангельского севера. Архангельск, 1992.

26. Пивоварова Н. В. Древнерусская живопись и скульптура // Народное искусство Каргополья. Альманах. Вып. 142. СПб., 2006. С. 8-25.

27. Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV. Москва: Наука, 1972. 28. Полякова О. А. Шедевры русской иконописи XVI–XIX веков. Гос. музей-заповедник «Коломенское». М., 1999.

29. Померанцева Н. А. Николай Николаевич Померанцев: нити жизни и вехи пути // Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера. Материалы конференции. Архангельск, 1995.

30. Преображенский А. С. Инок и юродивый: сопоставление двух типов святости в русской иконографии Позднего средневековья // Иконы русского Севера. 2005. С. 170-204.

31. «Пречистому образу Твоему поклоняемся...» Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея. СПб., 1995.

32. Реформатская М. А. Северные письма. М, 1968.

33. Сарабьянов В. Д. Символично-аллегорические иконы Благовещенского собора и их влияние на искусство XVI века // Благовещенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1999. С. 164-217.

34. Святой Николай Мирликийский в произведениях XII–XIX столетий из собрания Русского музея / ГРМ. Альманах. Вып. 132. СПб., 2006.

35. Святые земли Русской. Каталог выставки / Альманах. Вып. 287. СПб., Palace Edition, 2010. Электронный вариант каталога на компакт-диске.

36. Скопин В. В. Иконописцы на Соловках в XVI–XVIII вв. // Древнерусское искусство. Художественные памятники Русского Севера. М., 1989. С. 285–309.
37. Словарь русских иконописцев XI–XVII веков / Ред.-сост. И. А. Кочетков. М., 2009.
38. Смирнова Э. С. Живопись Обонежья XIV – XV веков. М., 1967.
39. Смирнова Э. С. Живопись древней Руси (Находки и открытия). Л., 1970.
40. Смирнова Э. С. Претворение в экспедиционной деятельности музея ленинских декретов об охране памятников искусства // Научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина 25–27 мая 1970. Тезисы докладов. Л., 1970. С. 34.
41. София Премудрость Божия. Выставка русской иконописи XIII–XIX веков из собраний музеев России. М., 2000.
42. Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.
43. Шедевры русской иконописи. М., 2017.
44. Шедевры русской иконописи XIV–XVI веков из частных собраний: Каталог / науч. редактор И. А. Шалина. М., 2009.
45. Щенникова Л. А. Иконы Каргопольских мастеров в Соловецком монастыре XVI века // Каргополь. Историческое и культурное наследие. Сб. трудов. Каргополь, 1996. С. 193–201.
46. Denkmäler altrussischer Malerei. Russische Ikonen vom 12.–18. Jahrhundert. Ausstellung des Volksbildungskommissariats der RSFSR und der Deutschen Gesellschaft zum Studium Osteuropas in Berlin, Köln, Hamburg, Frankfurt a. M. Februar/Mai 1929. Berlin, 1929.
47. Gates of Mystery. Treasures of Orthodoxy from Holy Russia / Ed. by M. Borboudakis. Athens, 1994.
48. Russian Odyssey. Florida International Museum. Florida, USA. November 1, 2003 – April 4, 2004. Formia (Latina), 2003.
49. Sinai. Treasures of the Monastery of Saint Catherine. Ed. K. Manafis. Athens, Ekdotike Athenon, 1990.

Источники

50. Архив СПБИА РАН. Ф. 2. Соловецкий монастырь. Оп. 1. Д. 125. Вкладная книга Соловецкого монастыря
51. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 3.;
52. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 213. Приходо-расходная книга на 1595 г.

Реставрация и исследование каргопольских икон «Богоматерь», «Господь Вседержитель» и «Иоанн Предтеча» из Деисуса в собрании Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева

А. В. Тимохина

*заместитель заведующего
отдела научной реставрации*

*Музея древнерусской культуры и искусства
имени Андрея Рублева, г. Москва*

Аннотация. В данной статье рассмотрены иконы, входящие в трехчастный деисус из собрания Музея им. А. Рублева. После проведения комплекса реставрационных работ и технико-технологических исследований открыта авторская живопись, уточнены датировка и происхождение икон.

Ключевые слова: икона, реставрация, Каргополь, Русский Север.

Рассматриваемые памятники входят в состав небольшого трехчастного деисуса: «Богоматерь» (ЦМиАР КП 5388), «Спас Вседержитель» (ЦМиАР КП 5386), «Иоанн Предтеча» (ЦМиАР КП 5387). В музей иконы поступили в 1996 году из Всесоюзного производственно-художественного объединения им. Е. В. Вучетича.

Все три образа реставрировались в 2015–2018 гг. на кафедре реставрации ПСТГУ (руководитель Юдина Е. А., реставраторы: Тимохина А. В., Сипина Н. Н., Клишина Ю. Г.). Завершающие этапы реставрации иконы «Господь Вседержитель» проводились в Музее им. Андрея Рублева в 2020 году (реставратор Тимохина А. В.). В 2021 году все три иконы были представлены на выставке «Призвание. 25 лет сотрудничества музея и кафедры реставрации ПСТГУ» и вошли в каталог выставки [6, с.89, 123, 135].

В реставрацию иконы поступили в аварийном состоянии. Довольно массивная хвойная основа имела многочисленные отщепы, трещины и утраты древесины. У икон на обороте посередине одна врезная сквозная шпонка. Паволока местами отставала от основы. Левкас лежит неравномерным толстым слоем с утончением к краям. По всей поверхности находились многочисленные утраты и вертикальные трещины левкаса с красочным слоем.

На шпонке центрального образа «Господь Вседержитель» потеряна надпись, выполненная красным карандашом – «из Карго-

поля», что дает основание полагать, что иконы деисусного чина были привезены из Каргополя или Каргопольского района.

Изначально иконы датировались XVIII веком. Так как изображения всех трех икон находились под записью, датировать авторскую живопись более точно было затруднительно.

Для уточнения сохранности авторского красочного слоя проводилось несколько исследований. Рентгенографирование икон оказалось наиболее результативным и позволило уточнить сохранность живописи за исключением изображения свитков и Евангелия, предположительно, они выполнены свинцовыми белилами, сквозь которые не проходят рентгеновские лучи.

На рентгенограмме виден авторский слой живописи хорошей сохранности, местами живопись в поновительском слое не совпадала с авторской. Удалось выявить вставки поновительского левкаса, которые находятся под записью. На рентгеновском снимке хорошо просматривается структура древесины основы, фрагментарная тканевая паволока с полотняным переплетением нитей. Можно отметить, что использование фрагментарной паволоки является нарушением технологии, вероятно, это делали для экономии материалов и удешевления процесса.

Т. М. Кольцова в книге «Иконы северного Поонежья» приводит информацию о характерных технологических особенностях северных икон, которые соотносятся с рассматриваемыми памятниками: «Большинство онежских икон написано на сосновых досках. Встречаются и еловые... Размеры икон для иконостаса и толщина иконных досок к концу XVII – началу XVIII в. увеличивается, иконы становятся довольно массивными... Иконы XVII – XVIII вв. покрывает сплошная паволока, иногда она ложится только по местам стыковки досок» [1, с.37].

Все три иконы Деисуса реставрировались по одной разработанной методике. Предварительно был выполнен химический анализ на определение наполнителя в левкасе, который показал, что для изготовления левкаса использовался мел. Такой анализ является важной частью работы и помогает корректировать методику укрепления. На начальных этапах были выполнены консервационные работы: укреплены левкас с красочным слоем, паволока подклеена к основе, подклеены многочисленные отщепы древесины, заполнены трещины и утраты основы иконы. Далее, после выполнения пробных послойных раскрытий авторской живописи, последовательно были удалены потемневшее покрытие, слой записи и авторская олифа.

На этапе удаления поновительского потемневшего покрытия икона «Богоматерь» была исследована в инфракрасном излучении. Под воздействием ИК лучей в нижней части изображения одежда стала видна разница авторской и поновительской живописи. Поно-

вительские прописи на одеждах выделялись более темным тоном, чем авторская живопись. На изображении свитка сквозь запись просвечивались очертания авторских букв.

Так как надписи на иконе имеют важное значение, прежде чем удалять поновительские было необходимо определить сохранность авторских букв. На свитках было выполнено несколько небольших пробных раскрытий, в результате которых были выявлены фрагменты живописи с авторскими буквами хорошей сохранности.

На личном письме на различных участках так же было выполнено несколько микропроб раскрытия авторской живописи.

После удаления записи на полях и одеждах открылись поновительские вставки левкаса, местами заходящие на авторский красочный слой. Непрочные вставки были удалены.

На завершающих этапах реставрации были восполнены утраты левкаса, выполнены тонировки и нанесено защитное реставрационное покрытие.

В результате раскрытия можно было увидеть, что местами живопись в поновительском слое не соответствовала авторской.

Авторская живопись значительно теплее по тону, чем запись, личное выполнено золотистой охрой с мягкой поддурмянкой, на световых участках яркие белильные разделки, контур глаз и бровей выполнен черным цветом. Контур изображения носа, губ и овала лица выполнен темно-коричневым и красным колером. Руки написаны золотистой охрой с яркими белильными высветлениями характерной овальной формы на тыльной стороне ладони у Спасителя и Иоанна Предтечи. Хитон Спасителя написан красным колером, с высветлениями разбелённым красным цветом и белильным рисунком складок. Гиматий открытого синего цвета, с похожими белильными высветлениями и складками. В руке Спасителя раскрытое Евангелие. Надпись в Евангелии потерта, на верхних строчках крупная утрата красочного слоя. Гиматий Иоанна предтечи выполнен полупрозрачным светлым голубовато-коричневым колером с уплотнением на световых участках. Разделки складок выполнены белилами. Власяница красного цвета, с характерной спиралеобразно закрученной складкой в области изображения плеча. Мафорий Богоматери выполнен красно-вишневым цветом, разделки складок написаны тонкими линиями красно-коричневого и разбелённого красного цвета. Кайма мафория сильно потерта, в местах утрат была оставлена запись красного цвета с желтым рисунком. Вдоль каймы мафория орнамент, выполненный белилами. Содержание надписи на свитке Богоматери в поновительском слое было изменено. В поновительском слое на свитке следующая надпись: «Царю небесный приими всякого человека славящего»,

тогда как в авторском слое: «Владыко Господи Иисусе Христе Сыне и Боже мой услыши молитву Матери». Фон икон выполнен золотистой охрой, опушь и надписи написаны красным цветом, нимбы золотые с тонкой белой обводкой. Т. М. Кольцовой были опубликованы две иконы из Архангельского музея изобразительных искусств из похожего деисуса – «Богоматерь» (Инв. 1303-држ АОМИИ) и «Иоанн Предтеча» (Инв. 1302-држ АОМИИ) [2, с.144-145]. Деисус происходит из церкви Иоанна Златоуста (1665 г) с. Саунино Каргопольского района и датируется последней третью XVII века.

При сравнении икон двух деисусов выявляется много общих черт. Так колорит икон практически одинаковый, цветовая гамма неяркая с преобладанием темных цветов. Моделировка ликов святых выполнена по одной схеме с характерным рисунком глаз, надбровных дуг и носа. Объем передан довольно жестко в виде белильных высветлений под изображением глаз, над надбровными дугами и в виде схематичной складочки на изображении шеи. Особенно заметно сходство в прорисовке контура прядей волос и бороды Иоанна Предтечи. Одинаково написано изображение одежд, это заметно в проработке орнамента, в рисунке складок мафория Богоматери и, особенно, на власнице Иоанна Предтечи. Надписи на иконах выполнены в одной стилистике красным колером, располагаются на всех иконах в верхней части фона по границе с лузгой. Размеры икон 38 x 28 см («Богоматерь») и 38 x 29 см («Иоанн предтеча»), что соответствует размерам исследуемых нами икон. Из всего этого можно сделать предположение, что иконы обоих деисусов были написаны мастерами одного круга примерно в одно время.

Еще одна близкая им икона – «Деисус» второй половины XVII века, происходящая из церкви Николая Чудотворца Павловского прихода в Каргополе (КГИАХМ КП 2159), которая, очевидно, относится к тому же кругу произведений местных мастеров. [3, с.42] Идентична цветовая гамма с доминирующими охристыми и коричневыми оттенками. При сравнении изображений Спасителя можно увидеть общие черты: схожая композиция фигуры, изображение одежд, прорисовка волос, характерный рисунок бороды с двумя закрученными прядями. Лики довольно тяжелые с контрастными высветлениями. Руки написаны идентично, со схожей деталью – овальные белильные высветления на тыльной стороне ладони и у основания мизинца. Надписи икон также выполнены в одной стилистике.

Такие же приемы письма, как и на рассматриваемых иконах, можно наблюдать на иконе «Крещение Господне» (КГИАХМ КП 4587) из Каргопольского художественного музея. Икона относится к последней трети XVII века и происходит из праздничного чина иконостаса

церкви Покрова Пресвятой Богородицы с. Лядины. [3, с.54]. Помимо схожего колорита, построения и моделировки личного, на изображении одежд Иоанна Предтечи мы видим спиралеобразно закрученную складку на власянице и идентичную проработку бороды и волос. Еще одна икона, которую по стилистическим особенностям можно отнести в этот же ряд рассматриваемых нами памятников – «Преображение. Иоанн Предтеча» (КГИАХМ КП 7007) из иконостаса собора Рождества Христова в Каргополе, датируемая серединой XVII века [5, с.12].

Таким образом, основываясь на датировке и происхождении сравниваемых икон, можно сделать вывод что исследуемые памятники написаны каргопольскими мастерами во второй половине XVII века. Т. М. Кольцова выделяет это время (XVII – XVIII вв.) как период расцвета северной иконописи. В это время основную группу северных иконописцев составляли крестьяне, «на иконах можно часто встретить незамысловатый рисунок, неумелое построение пропорций фигур на плоскости, нарушение технологий живописи.» [4]. После проведения комплекса реставрационных работ и технико-технологических исследований нам удалось открыть авторскую живопись, датировать иконы и отнести их к кругу каргопольской иконописной традиции.

Список литературы:

1. Кольцова Т. М. Иконы Северного Поонежья: Монография. – М.: Издательство «Северный паломник», 2005.
2. Кольцова Т. М. Каргопольская икона: из собрания Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера» / Серия «Свод Русской иконописи. – М.: ИП Верхов С. И., 2019.
3. Кольцова Т. М. Иконы Каргополя: из собрания Каргопольского государственного историко-архитектурного и художественного музея. Свод русской иконописи – М., ИП Верхов С. И. 2014. С.42
4. Кольцова Т. М. Иконопись Архангельского края. Особенности становления и развития художественных центров в конце XVI-XVIII веках. <https://cyberleninka.ru/article/n/ikonopis-arhangel'skogo-kрая-osobennosti-stanovleniya-i-razvitiya-hudozhestvennyh-tsentrov-v-kontse-hvi-hviii-vekah/viewer>
5. Комашко Н. И. Каргопольское путешествие. Семь маршрутов по северорусской земле с Каргопольским историко-архитектурным и художественным музеем. М., 2014.
6. Труфанова О. Е., Денисов Д. В. «Призвание. 25-лет сотрудничества музея и кафедры реставрации ПСТГУ» – М.: Каталог выставки. Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, 2021

Исключенное искусство. Иконы с фольговым убранством в русской культуре

С. Л. Яворская

*мл. научный сотрудник,
МБУК Историко-художественный музей.
г. Домодедово*

Аннотация. Домодедовский музей хранит около 20 икон с фольговыми украшениями разного времени. До сих пор в отечественной науке не было системных исследований памятников такого рода. В статье обозначаются истоки появления традиции фольговых украшений икон; ареал её распространения; выявляются основные типологические признаки подобных украшений; их трансформации в советское и постсоветское время; обозначаются временные рамки явления.

Ключевые слова: иконы, фольговый оклад, фольговое убранство, бумажные цветы, народное искусство, промысел.

Домодедовский историко-художественный музей является единственным в стране музеем, в котором представлены памятники искусства вырезания из бумаги и других листовых материалов, созданные художниками разных стран мира. Среди экспонатов находятся иконы с вырезными и тиснеными фольговыми окладами, обрамлениями и бумажными цветами. Начало домодедовской коллекции положили два образа из Мышкинского района Ярославской области, подаренные музеем Анной Спарышкиной в 2015 году. В настоящее время собрание расширилось за счет нескольких икон, подаренных музеем в 2022 и 2023 году прихожанами храма иконы Божьей Матери «Нечаянная радость» из санатория «Подмосковье» (того самого санатория, в котором в 1966 году умерла Анна Андреевна Ахматова). В 2023 году в музее прошел Круглый стол с участием подмосковных и московских ученых, посвященный проблемам сохранения и изучения подобных памятников русской культуры.

Иконы в киотах из домодедовской коллекции созданы в различных регионах и относятся, в основном, к советскому периоду. Они представляют собой хромофотографические и фотографические образки, украшенные вырезной, просечной, тисненой фольгой, иногда с использованием бумажных и пластмассовых цветов, елочной мишуры и демонстрируют практически неизвестную сторону православной культуры нашей страны. Подобные иконы встречаются

повсеместно и относятся к разным культурным эпохам. В Кирилло–Белозерском музее-заповеднике в экспозиции представлены оклады икон «Богоматерь Одигитрия» и «Федоровская Богоматерь» XVIII века из Горицкого монастыря, сделанные с применением кружев, шелковых нитей, ткани, фольги и золотного шитья. А также икона «Богоматерь Толгская», созданная в XVIII веке предположительно в Москве, ризы которой украшены шитьем по желтой, белой и малиновой фольге. В Успенском соборе Белозерска довелось увидеть большой храмовый образ Богоматери Одигитрии, украшенный тисненой фольгой, канителью и искусственным жемчугом.

В храме Казанской Богоматери города Вологды в трапезной находятся сразу несколько икон с фольговыми убранством: икона Иверской Богоматери, Богоматери всех скорбящих радость, Св. мученика Трифона, Тихвинской Богоматери, Св. Параскевы. Все они находятся в киотах под стеклом. Икона Иверской Богоматери, судя по манере живописи, создана на Борисовском иконописном промысле недалеко от Белгорода. Она украшена вырезным фольговым окладом с синими и белыми кружочками, нарисованными краской и имитирующими цветную эмаль. Икона Богоматерь всех скорбящих радость представлена в тисненном окладе, с накладными рифленным зубчатым нимбом и ризами, дополненными канителью и цветными бусинами. В подобной технике создано и обрамление хромолитографического образа Св. Мученика Трифона, простое по технике изготовления фольговое обрамление дополнено наугольниками с причудливо выложенными из канители цветами и разноцветными стеклянными бусинами. Еще один небольшой образ Тихвинской Богоматери имеющийся в храме, украшен особенно пышно: он изображает коронованную Богоматерь, и корона сделана из канители, в переплетения которой вставлены цветные камни в кастах, мелкие и крупные искусственные жемчужины. Мафорий и хитон Богоматери по краю также обрамлены канителью с крупными жемчужинами, а одеяние Богомладенца – обрамлено несколькими рядами канители с мелкими жемчужинами. По углам тисненой фольговой рамы расположены сложные цветочные композиции с жемчужным цветком посередине, по сторонам – россыпи маленьких незабудок, вырубленных из бирюзовой бумаги, небольшие бумажные розанчики с ватной горошиной в сердцевине. В другой технике и с применением других материалов украшены еще две иконы храма: небольшой образ Св. Параскевы под окладом из золотой фольги убран нимбом с тисненными лучиками и ризами с тисненым канфарником узором тканей и надписями. Он по манере письма относится скорее всего к работе мстерских иконописных мастерских. Образ, как представляется, ранее

находился в большом киоте с резной фольговой рамой. Но в настоящее время он перенесен в новый киот меньшего размера. Еще один образ Богоматери Троеручицы находится в трапезной храма справа – и он сильно отличается по стилю фольгового убранства от всех предыдущих. Сам образ рассмотреть не представилось возможным. Однако фольговое убранство его имеет свои особенности. Икона обложена цельнофольговым окладом с накладными простыми нимбами. Фон покрашен лаком, придающим фольге золотистый оттенок, а ризы оставлены серебристыми. Он обрамлен двумя рамами. Меньшая, внутренняя из гладкой фольги, украшена наклеенными на нее цветочками из матовой фольги, слегка тиснеными канфарником. Вторая, большая рама повторяет очертания багета. Наугольники украшены геометрическим узором и кое-где дополнены лаковыми полосами. Эти небольшие иконы в киотах, предназначенные для домашней молитвы, оказались в храме видимо потому, что умерли те люди, которым они принадлежали и они были принесены в храм. Они показывают нам, что таких образов может быть обнаружено еще очень много на территории северных областей нашей страны.

Подобные иконы с очень разнообразным фольговым убранством могут находиться и в других музеях региона. К сожалению, их убранство, вызывают неоднозначный отклик у искусствоведов. Описывая православные иконы, ученые традиционно рассматривают иконографические и технологические особенности иконописи, не анализируя оклады, обрамления, украшения икон, особенно если они сделаны не из драгоценных материалов. Так из исследований оказался исключенным целый пласт православной культуры нашего народа, особый вид промыслового прикладного искусства, который сегодня катастрофически быстро исчезает. Произошло это, видимо, в силу доминирования представлений о «ничтожности» материала, из которого созданы эти украшения. Хотя каноническая позиция византийского богословия иконопочитания вполне определенно выражена в словах Иоанна Дамаскина «различие материалов не причиняет вреда достоинству изображения», – ей никогда не следовали в жизненной практике, где «для священных образов более желанным был материал драгоценный» [13 с. 220].

Благодаря этим необоснованным предпочтениям остались неизученными истоки традиции украшения икон фольгой, бумагой, тканью и другими подобными материалами; сама традиция изготовления таких украшений; их художественные и стилистические особенности и достоинства; техники и технологии их изготовления; ареал распространения; пути развития с XVIII века по настоящее время и пути распространения икон.

Древнерусские иконы почти всегда убраны драгоценными окладами, которые изготавливались из листового металла – золота, серебра, латуни и др. Тонкий металлический лист (толщиной от 0,001 до 0,2 мм) из олова, алюминия, меди, стали, цинка, серебра, золота называется фольгой [9]. Фольга – материал легкий в работе, но очень капризный и подверженный деформации. В иконах любой декор мог быть сделан с применением фольги и ламинированной фольги: фольговые рамы обрамления, нимбы, ризы, украшения, оклады, цветы, декоративные детали. Иконы с таким убранством всегда находятся в киотах под стеклом. Когда-то подобные иконы, сделанные из дешевых материалов, часто с венчальными венками и букетами из бумажных цветов, иногда со свечами, украшенные применением ниток, перьев и природных материалов, – находились буквально в каждом доме. Они изготавливались в огромных количествах и были дешевы и доступны беднейшим слоям населения – крестьянству, мещанам, рабочим [7; 15 с. 143]. Дешевая фольга должна была имитировать драгоценный, золотой, сияющий убор икон [4; 14 с.98]. В экспозициях художественных музеев нашей страны подобные иконы не представлены, несмотря на то, что в запасниках они иногда имеются. В собраниях краеведческих музеев в экспозициях, показывающих быт крестьян или мещан, мы часто видим подобные образы, однако они никогда не сопровождаются научным описанием, в котором говорилось бы не только о самом образе, но и об обрамлении, его материалах, технике изготовления. Можно предположить, что такие памятники имеются в запасниках и экспозициях музеев северных регионов. Это особое и очень широко распространенное явление отечественной православной и художественной культуры несомненно должно быть выявлено, исследовано, осмыслено, так как подобные иконы нуждаются в научной атрибуции.

Мы не располагаем достоверными сведениями о времени появления первых фольговых украшений на иконах, однако в собрании музея Кирилло-Белозерского монастыря, в музее сословий России галереи Ильи Глазунова, в Историческом музее в Москве представлены большие храмовые иконы, украшенные с использованием фольги, которые датируются XVIII веком. Несколько позднее фольга стала основным материалом для окладов, имитируя дорогой убор храмовых икон. М. Е. Салтыков-Щедрин в «Пошехонской старине» писал: «Тетеньки оставшись одни, принимались за работы из фольги, в которых они слыли большими мастерицами [...] Фольгой называлась жесть самой тонкой прокатки, окрашиваемая в разные цвета, из нее делали преимущественно украшения для местных церковных свечей, венчики для образов, а иногда и целые оклады» [12 с. 300].

Автобиографическое повествование Михаила Евграфовича относится к 1830-м годам. Представляется, что это самое раннее документальное свидетельство использования фольги для создания окладов икон. Этот вид рукоделия представляется автором вполне обычным, распространенным, как, например, вышивка и кружевоплетение. Следовательно, дворянки могли приобретать фольгу и имели специальные инструменты для работы с этим специфическим материалом. Что касается икон более дешевых, созданных на промыслах, в Холуе, Палехе и Мстере, то самые ранние сведения об изготовлении икон мануфактурным способом относятся к XVII веку [3 с. 6-7]. По сведениям о Иване Александровича Голышева (1838–1896 гг.), выходца из мстерских крепостных крестьян-иконописцев, производство фольговых икон в Мстере началось в 1840-е годы [5 с. 2]. В отчете о Курской Коренной ярмарке 1863 года упомянут располагавшийся «пониже мыльного ряда..., целый ряд икон, украшенных фольгой...» В 1860-е годы в районе Курска и Белгорода вместе с иконописными промыслами уже существовали большие промыслы украшения икон фольгой [10].

Наиболее распространенной разновидностью массовых дешевых («расхожих») икон с фольговым окладом были так называемые «подфолежные» иконы (подфолежницы), на которых прописывали только лики, руки и ступни святых, а фигуры намечали по дощечке контуром и сразу закрывали фольговым окладом. До революции в иконописных и окрестных селах Вязниковского уезда Владимирской губернии работали десятки фольгоуборочных мастерских и фольгопрокатных заведений, производивших фольгу для иконного промысла. Археолог, медиевист, управляющий делами Комитета попечительства о русской иконописи академик Никодим Павлович Кондаков (1844–1925 гг.), исследовавший вместе с графом С. Д. Шереметевым состояние иконописного промысла в Мстере, Палехе и Холуе летом 1900 г., отмечал, что «в Мстере, кроме собственно иконописных мастерских, имеются фольгоуборные мастерские, фольговые заводы и ризочеканные заведения. Фольга выделяется здесь на двух фабриках, с паровыми двигателями [...] Фольгоуборных мастерских здесь 24 и ризочеканных до 10» [7 с. 32-34]. На рубеже XIX–XX вв. во Мстере действовала и большое «Промышленное заведение медно-прокатной выработки фольги», – на котором работало до 30 человек. Эта фабрика массово производила похожие друг на друга подфолежные иконы, прежде всего богородичные [8 с. 180-185]. «Иконы большой величины и цены украшаются даже искусственными цветами», – читаем у Голышева [6]. Женщины, задействованные в этом ремесле, выделялись

в отдельную мастерскую группу и назывались цветочницами они крутили цветы из бумаги, могли покрывать их фольгой. В промысле были задействованы мастера десятков специальностей, но все завершалось в руках «уборщиц». За день (рабочий день длился до 16 часов) «уборщица» успевала украсить, а по сути собрать воедино из десятков разнообразных заготовок до 50 икон [7; 10]. На иконных предприятиях и в кустарных мастерских России производилось сотни тысяч и миллионы икон ежегодно. Такие образа продавались по всей стране – в центральных районах, в Малороссии, Сибири, Польше, Литве, на Кавказе, на Дальнем Востоке... и за ее пределами: в странах восточной Европы, в Сербии, на Балканах [6 с.77-78].

Иконы отличались по размеру и качеству. На каждом промысле изготавливались и крупные храмовые иконы, изысканно украшенные драгоценными ризами, с качественно сделанными цветами, в красивых фигурных киотах, – достаточно дорогие, их делали мастера более высокой квалификации. Мастерами скромной квалификации изготавливались совсем дешевые щепные подкладницы, убранные сверкающим, но непритязательным фольговым обрамлением. Во второй пол. XIX в. века появились хромолитаграфические печатные иконки, которые также украшались разнообразными фольговыми обрамлениями [7 с.37; 11]. Они бытовали практически в каждом крестьянском и мещанском доме: по несколько икон стояли на иконных полках и были размещены на стенах. И тех и других сегодня осталось совсем мало. После революции 1917 года в результате антирелигиозных кампаний первых лет советской власти были закрыты все иконные промыслы, многие иконы уничтожены. И если в первые годы советской власти потребность в любых иконах резко пошла на убыль, то с течением времени она вновь стала ощущаться, особенно после 1945 года.

После закрытия монастырей и большинства храмов стали появляться скрытые центры народной религиозности. Часто они образовывались вокруг вернувшихся из ссылки монахинь, которые могли поселяться доживать свой век в деревнях и селах. Некоторые из них становились религиозными наставницами и наставницами в деле украшения икон фольгой, так как многие монастыри до 1917 года имели мастерские по изготовлению подобных икон для паломников. После войны появились маленькие индивидуальные скрытные мастерские по украшению новых дешевых фотографических иконок фольгой. В 1949 году в мастерских Новодевичьего монастыря Московская патриархия начала производство дешевых фотографических образков, которые иногда обрамлялись очень простыми фольговыми и жестяными рамками [11]. Возникла потребность

облагородить, украсить широко распространившиеся плохо напечатанные и раскрашенные фотографические образки. Но и новых фотографических иконок не хватало, поэтому возникла острая необходимость поновлять старые, приводить в порядок их обветшавшее убранство. В это время в стране практически не осталось мастеров, которые были бы знакомы с этим видом работ, не было специальных инструментов, оборудования. На этом фоне постепенно начинают появляться умельцы, обучавшиеся у монахинь, но иногда и самостоятельные мастера, которые своим трудом пытаются ответить на запросы общества [1; 2]. Конечно, сравнение фолежных убранств икон советского периода с иконами конца XIX–начала XX в. демонстрирует утрату навыков профессиональной работы с фольгой, художественного вырезания из фольги, отсутствие специального оборудования и инструментария. Подтверждением этого является то, что все информанты, которые предоставляли сведения об изготовлении фольговых украшений икон в советский и современный период, говорили об использовании в работе подручных материалов и средств (гвоздей, ручек, карандашей, катушек, шестеренок от часов, копировальных роликов) [1; 2]. Обрамления и оклады образков этого времени в некотором роде «имитируют» произведения старых мастеров и иногда не очень умело.

В советское время украшение икон вырезной и тисненой фольгой, декором из других материалов возникает как новая, поистине народная художественная традиция. Она становится проявлением истинно народного благочестия и постепенно проявляется в разных регионах. Перерабатывая опыт старых мастеров, используя буквально все доступные подручные материалы и инструменты, в том числе те, которые в прежних условиях не могли быть использованы, – народные мастера-образовники создают недорогую советскую икону с блестящим фольговым убранством.

В настоящее время украшенные фольгой и бумажными цветами иконы XIX – начала XX века и образки советского времени 1940-х – 2000 годов стремительно исчезают из быта и памяти. Они уходят вместе с людьми, которым принадлежали когда-то: после смерти владельцев их приносят в часовни, на источники, где они зачастую находятся под открытым небом и довольно быстро разрушаются, отдают в храмы на сжигание. Но еще можно попытаться что-то сохранить в музейных собраниях. Сегодня народное искусство украшения икон фольгой, бумажными или лыковыми цветами пока еще живо, так как живы очень немногие мастера, которые умеют их делать. Необходимо попытаться сохранить не только сами иконы, но и знание о самостоятельном украшении икон фольговыми окладами и декором, зафиксиро-

вать технологию изготовления подобных окладов в видеоматериалах, по возможности сберечь их материалы и инструменты. Большую программу сохранения этого наследия инициировали Д. Антонов и Д. Доронин из Учебного научного центра визуальных исследований Средневековья и Нового времени РГГУ [1; 2]. Они организуют экспедиции, собирают иконы, организовали несколько крупных выставок фольговых икон советского времени.

Необходимо включить иконы с разнообразными фольговыми окладами и украшениями, а также с украшениями, сделанными из других недорогих, подручных материалов в комплекс русского национального культурного наследия.

Список литературы:

1. Антонов Д. И., Доронин Д. Ю. Иконы советской эпохи: лики традиции. М.: Издательство «Индрик», 2022.
2. Антонов Д. И., Доронин Д. Ю. Советские иконы. История и этнография Нижегородской традиции. М.: Издательство «Индрик», 2023.
3. Брюсова В. Г. Русская живопись XVII века. М.: Искусство, 1984. – 337 с. с. 6-7
4. Вальчак Д. Икона в сияющем окладе в каждом доме. Подокладные (фолежные) иконы в России на рубеже XIX-XX вв. // Studia Humanitatis Международный электронный научный журнал / ISSN 2308-807 Выпуск журнала: №4, 2021. Электронный ресурс: <https://st-hum.ru/content/valchak-d-ikona-v-siyayushchem-oklade-v-kazhdome-podokladnye-folezhnye-ikony-v-rossii-na> (Дата обращения 04.02.2024)
5. Голышев И. А. Производство фольговых икон в сл. Мстере // Владимирские губернские ведомости. 1871, №47. С. 2.
6. Голышев И. А. Богоявленская слобода Мстера, Владимирской губернии, Вязниковского уезда. История ея, древности, статистика и этнография // Труды Владимирского губернского статистического комитета. Владимир: Губернская типография, 1865. Вып. IV. С. 77-78.
7. Кондаков Н. П. Современное положение русской народной иконописи. 1901. С. 31.
8. Круглов С. И. Изготовление подстаканников и других художественных изделий предприятием «Мстерский ювелир» // Искусство как призвание: сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса (25 марта 2020 г.). Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2020. С. 180-185.
9. Листовой металл, Фольга // Большой энциклопедический политехнический словарь. – Издательство Мультитрейд. 2004.

10. Припачкин И. А. О борисовских иконописцах-«личкунах» по материалам исследований кустарной промышленности 2-й половины XIX–начала XX века. 2003. Электронный ресурс: http://borisovka.ucoz.ru/news/o_borisovskikh_ikonopiscakh_lichkunakh_po_materialam_issledovanij_kustarnoj_promyshlennosti_2_j_polovinyxix_nachala_xx_veka/2015-07-11-224 (Дата обращения 04.02.2024)

11. Сазиков А. В. Печатна икона. <https://sazikov.livejournal.com/61329.html> (Дата обращения 01.03.2024)

12. Салтыков-Щедрин М. Е. Пошехонская старина. Собр. соч. в 10 томах, том 10. М.: «Правда», 1988. С. 300.

13. Стерлигова И. А. О литургическом смысле драгоценного убора русской иконы // Восточнохристианский храм. Литургия и искусство. Редактор-составитель Лидов А. М. СПб.: 1994. С.221-226.

14. Стомаченко К. В. Народный обычай фолежного обряжения икон // Традиции и современность. 2003. № 2. С.98-102. Электронный ресурс: http://naukapravoroslavie.ru/wp-content/uploads/2020/07/2_2003.pdf (дата обращения 04.02.2024)

15. Тиц А. А. По окраинным землям Владимирским (Вязники, Мстера, Гороховец). М.: Искусство, 1969. 143 с.

Напрестольные резные кресты с шестилепестковыми розетками к. XVII – XVIII вв. по письменным источникам

И.Л. Федоринова

*искусствовед, православная классическая гимназия,
г. Тольятти*

О.Б. Пригодина,

*зам. директора по научной работе
ГБУК АО «Каргопольский музей»,
г. Каргополь*

Аннотация. Статья знакомит с архивными материалами, касающимися группы резных напрестольных крестов с шестилепестковыми розетками к. XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: напрестольные резные кресты с шестилепестковыми розетками к. XVII–XVIII вв., подписной и датированный крест 1790 г., письменные источники, Русский Север, Каргополье.

В музейных собраниях среди деревянных напрестольных крестов с миниатюрной резьбой встречаются отдельные экземпляры, привлекающие особое внимание, это четырехконечные кресты с шестилепестковыми розетками на концах и миниатюрной резьбой в медальонах, расположенных по кругу в виде венца. Ажурная резьба на просвет выполнялась из кипариса и вставлялась в розетки – ковчеги, фон которых прокладывался цветной фольгой или слюдой. Датируются они, примерно, к. XVII–XVIII вв., а их происхождение связывают с Русским Севером.

Изучение данной группы произведений осложнялось отсутствием подписных и датированных произведений. Крест, который попал в руки о. Владимира Ключева в 2016 году, оказался именно таким экземпляром¹. В резной надписи на рукояти были указаны имена: Никита Руимов и Афанасий Бодухин, место их проживания – Архангельская волость Каргопольского уезда и дата 1790. Это позволило вернуться к теме и раскрыть её новые аспекты, которые были изложены на конференции в Тотьме «Русский Север – 2023: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия» [5].

¹ Благодарим о. Владимира, настоятеля храма Новомучеников и исповедников Российский в Новоосино (г. Москва) за возможность изучения памятника.

За последующее время появились новые данные: на два памятника был расширен круг аналогичных крестов² и к выявленным трём архивным источникам добавился ещё один [2; л.460]. Так как в первой статье на них были даны только указания, то целью данной работы является их публикация.

В результате исследования были выявлены четыре источника из архивов Архангельска, Петрозаводска и Санкт-Петербурга. Два из них касались имён мастеров, два других были связаны с бытованием крестов подобного типа в Архангельской губернии в конце XIX и начале XX вв.

1. Из «Росписи Архангельской епархии Каргопольского уезда Архангельского прихода церкви Сретения Господня...» 1795 г. узнаём, что в деревне Брыченской в семье Семёна Иванова Руимова проживал его племянник Никита 26 лет³ [2; л. 460 об.]. На момент создания надписи на кресте ему был 21 год⁴. Из разветвлённого рода Бодухиных в этом же источнике, но в деревне Шелоховской, дважды встречается имя Афанасий. Один из возможных мастеров под N 15 имел возраст 26 лет, другой под N17 – 46 лет. Значит, в 1790 г. им было соответственно 21 и 41 год [2; л. 459].

2. По Ревизским сказкам Олонецкой губернии за 1782 г., 1795 г., 1811 г. прослеживается только имя Афанасия Бодухина [4; л.1-2]. В 1782 г. ему 29 лет, в 1795 г. – 42 года, в 1811 г. – 58 лет. Только на момент создания надписи на кресте его возраст не 41 год, а 37 лет. По сравнению с Исповедной книгой имеется расхождение на 4 года⁵, но отчество Иванович совпадает. Кто из двух Бодухиных – младший (21 год) или старший (37 или 41 год) мог быть резчиком неизвестно.

Таким образом, архивные источники подтверждают имена мастеров и их проживание на указанной территории в конце XVIII в., а также уточняют названия конкретных деревень и прихода. Деревянные церкви Сретения Господня (1803 г.) и Архангела Михаила (1715 г.) сохранились до нашего времени в деревне Шелоховская

² Один находится в Угличском государственном историко-архитектурном и художественном музее (КП 4727, ДК-110) Благодарим Кольцову Т.М., зав.отделом древнерусского искусства ГМО «Художественная культура Русского Севера», за указанный экземпляр. Другой был обнаружен в Вытегорском объединённом музее (ВКМ 9332). Это уже второй экземпляр в данной коллекции. Благодарим гл. хранителя музея Изотову Н.Н. за информацию. Таким образом, на данный момент в музейных коллекциях выявлено 16 экземпляров.

³ Благодарим Т.М. Кольцову за указание на источник.

⁴ Возможно, что дата, указанная на кресте, имеет отношение только к его основе.

⁵ Расхождение на несколько лет по ревизским сказкам и исповедным ведомостям обычное дело.

(Архангело). Она находится на расстоянии 4 км от Брыченской (современное название Брычнь).

3. В метрике 1887 года на церковь Верхнечурьегского прихода при д. Агафоновской⁶ приводится следующее описание креста: *«Есть деревянный крест, на лицевой стороне которого находятся вырезанные из дерева: в середине – распятый Спаситель с предстоящими Божией Матерью и Иоанном Богословом; над распятым Спасителем – в верхнем конце – Спаситель благословляющий и **кругом** (выделено – Ф. И., П. О.) Его дванадцатые праздники; в правом – Божия Мать и **кругом** (выделено – Ф. И., П. О.) Ея дванадцатые праздники, в левом – Иоанн Предтеча и **кругом** (выделено – Ф. И., П. О.) его дванадцатые праздники, умовение ног и биение И. Христа; в нижнем конце – Николай Чудотворец, несение креста, положение во гроб Спасителя и праздники. Другая сторона креста гладкая»* [3; л. 11].

Это описание, хоть и не совсем полное, позволяет сделать вывод, что данный крест принадлежит кругу изучаемых памятников. Акцентирование детали, что «кругом» изображений в средниках концов креста располагались евангельские и страстные сюжеты, свидетельствует о том, что его окончания имели форму шестилепестковых розеток с медальонами. Замечание, что оборотная сторона гладкая, также важно, так как в группе аналогичных крестов имеются двусторонние экземпляры. Местонахождение данного креста неизвестно.

4. В архиве г. Архангельска в фонде Архангельского Епархиального церковно-археологического комитета сохранилось письмо от 22 января 1914 года священника Василия Мелентьева его председателю Иустину Михайловичу Сибирцеву⁷ [1; л. 4]. Отец Василий сообщает о необычном старинном кресте «очень тонкой работы», который он видел у акцизного надзирателя г. Кеми Пилецкого Вильгельма Марцелловича (поляка, католика). Этот крест с резным изображением был приобретён или найден им в Кемском уезде, но где и при каких обстоятельствах, тот объяснить отказался. На просьбу передать его в комитет также ответил отказом, «заявив, что крест он обещал некоему Поцею (едва ли не профессору Римско-Католической академии)». Тогда о. Василий «снял его в действительную величину» [1; л. 6] (в другом месте пишет, что «срисовал его очертания» (обвел по контуру ?) и «списал надписи» [1; л. 7].

В результате мы получили зафиксированный на бумаге контур креста с шестилепестковыми розетками на одном листе и его описание

⁶ В настоящее время д. Поздышево Каргопольского района Архангельской области

⁷ Благодарим И. Антропову за указание на источник.

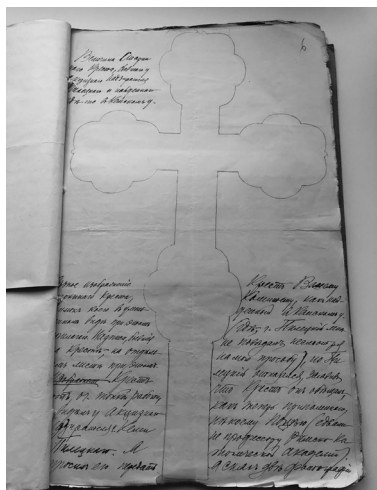

Рис. 1 Изображением креста из Кемь. Фрагмент письма от 22 июня 1914 г. ГАОО. Ф. 510 Архангельский Епархиальный церковно-археологический кабинет. Оп. 1. Д. 66. Л. 6.

на следующем. В целом, оно представлено отдельными блоками текста на местах розеток и средокрестия без рисунка. Автор постарался максимально точно указать расположение и названия сюжетов (надписей). Отметил, что в среднике имеется резное Распятие и под ним череп с двумя костями, что на концах креста по шесть изображений и образ в середине. Такое описание соответствует сохранившимся крестам медальонного типа и свидетельствует о хорошей сохранности данного экземпляра.

Отец Василий также пишет, что сделал две фотографии креста и передал негативы и снимки (меньшего размера) А. А. Иванову для музея Древностей при Академии Наук и Н. Д. Козмину – активному участнику церковно-археологического комитета, преподавателю Архангельского духовного училища (фотография большего размера

и негатив 13x18 см), но они пока не обнаружены.

Поскольку бытование большей части крестов, как было установлено, связано с Каргополем, то были просмотрены выявленные описи церковного имущества конца XVIII–XIX вв. каргопольских церквей. К сожалению, они не позволили определить наличие крестов данного типа. В них содержатся лишь общие сведения о резных напрестольных крестах «на кипарисе» «с праздниками» и «страстями», в том числе и со «вставленными резными образами». Отсутствие указаний на форму креста и подробного описания не даёт возможности точной идентификации.

На данный момент не удалось выяснить и место вложения подписного и датированного креста. По известным нам описям Спасо-Преображенского монастыря в Каргополе, Александро-Ошевенского монастыря, в округе которого проживали резчики, история его бытования не прослеживается. Описи имущества церквей в Архангело нам неизвестны. Учитывая события революционного времени, многие документы могли погибнуть. Имеется только ряд косвенных

источников, которые указывают, что в 1920-е годы крест мог принадлежать каргопольскому епископу Илариону (1893-1937 гг.), но их рассмотрение в рамки данной статьи не входит.

Таким образом, представленные письменные источники содержат ценные сведения для дальнейшего изучения темы, связанной с группой резных напрестольных крестов медальонного типа, бытовавших в одном из регионов Русского Севера.

Список литературы:

1. ГААО ф. 510 Архангельский Епархиальный церковно-археологический кабинет оп. 1 Д. 66 Переписка с консисторией, Кемско-Александровским отделением епархиального совета, священниками о старинных вещах...1914. 124 лл.

2. ГААО Ф. 29. Архангельская Духовная консистория. Оп. 30. Д. 2. Исповедная книга 1795 г. л. 460

3. НА ИИМК РАН. РО. Р-III. Д. 4193

4. НА РК Ф. 4. Ревизские сказки Оп. 18. Д. 17/182. Л. 1-2.

5. Федоринова И. Л. Пригодина О. Б. Напрестольные резные кресты с шестилепестковыми розетками конца XVII–XVIII вв. Новые аспекты темы. // «Русский Север – 2023: Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия»: сборник работ VII Всероссийской научной конференции / Фонд инвестиционного развития Тотемского района, Тотемское музейное объединение, Вологодский государственный университет; редколлегия: А. М. Новосёлов [и др.]; составитель и редактор О. В. Полоцкая. – Вологда: Полиграф-Периодика, 2023. С. 275-282.

Напрестольный резной крест с шестилепестковыми розетками 1790 г. из храма Новомучеников и исповедников Российских в Новокузнецко г. Москва

И.Л. Федоринова

*искусствовед, Православная классическая гимназия,
г. Тольятти*

О.Б. Пригодина,

*зам. директора по научной работе
ГБУК АО «Каргопольский музей»,
г. Каргополь*

Аннотация. Статья посвящена публикации подписного и датированного напрестольного креста с шестилепестковыми розетками, на рукояти которого указаны имена каргопольских резчиков, место их проживания и дата 1790 г.

Ключевые слова: напрестольный резной крест с шестилепестковыми розетками, Каргополье, Русский Север.

Предыстория. В 2016 г. в руки о. Владимира Ключева⁸ попали два фрагмента деревянного креста с резными клеймами в виде шестилепестковых розеток. Эти части оказались вертикальной пере-кладиной четырёхконечного креста, на рукояти которого был вырезан текст: «РАБОТАНЪСЕЯ // КРЕСТЬКАРГОПО // ЛСКАГО УЕЗДА // АРХАНГЕЛСКОИВЛ // РЕЩКАМІНИКІТ // ОИ РУИМОВЫМЪ // ІАФАНАСЪЕМЪБО // ДУХІНЫМЪ 1790» [12, с. 276 (фото)].

Отец Владимир сделал запрос в Каргопольский музей о наличии крестов подобного типа с целью реконструкции. Поновлённый крест по его приглашению осмотрела Кольцова Т. М., зав. отделом древне-русского искусства ГМО «Художественная культура Русского Севера» в 2019 году и передала сведения авторам статьи для последующего изучения. Итогом предварительного исследования стали два доклада на конференциях 2023 года в Тотьме [12, с.275-281] и Петрозаводске⁹.

⁸ Благодарим о. Владимира, настоятеля храма Новомучеников и исповедников Российских в Новокузнецко (г. Москва) за предоставленную возможность изучения памятника.

⁹ Рябининские чтения – 2023. Федоринова И. Л., Пригодина О. Б. «Напрестольные резные кресты с шестилепестковыми розетками к. XVII–XVIII вв. по письменным источникам». Публикуется в настоящем сборнике.

Цель работы. Данная статья посвящена публикации памятника и основана на материалах доклада конференции в ГИМе (г. Москва)¹. Появление подписного и датированного произведения среди группы резных памятников конца XVII–XVIII вв., типологически относящихся к мастерской Русского Севера [2, с.335-344], само по себе уникально и открывает новые перспективы в их изучении. Первая статья, посвящённая аналогичному кресту из собрания Дмитровского музея и связанная с его описанием, раскрывала только один из аспектов и была опубликована более 30 лет назад [4, с.151-187]. Обнаруженный крест выделяется своими особенностями стиля и иконографии, что было отмечено ранее [12, с.278-279], прямых аналогов ему пока не выявлено. На данном этапе публикации не претендует на полноту материала в силу сохранности памятника и того, что тема в целом мало исследована, не все произведения опубликованы и реставрированы, изучение музейных коллекций требует времени.

Состояние сохранности. Утраченные горизонтальная перекладина и резное Распятие были сделаны заново для создания цельного образа, и в настоящее время крест используется в богослужебной практике. Рассмотрению подлежит та его часть, которая сохранилась изначально. Два фрагмента не попали в руки профессионального реставратора, но были аккуратно расчищены. Розетки и клейма, выполненные из кипариса, из ковчегов не вынимались, поэтому цвет подложки из слюды сохранил мутный зеленовато-серый оттенок, подложка из медной фольги была очищена. Оставлена прежняя тонировка и покрытие. Несохранившиеся детали: правая рука Христа в клейме «Восстание от гроба» и часть арочной перегородки (столбик) в розетке «Преполовление Господне» – были восстановлены, и это хорошо просматривается. Голгофе при поновлении придан вид холма, и в этой же части креста видны потёртости резьбы в обрамлении ковчега. В целом рельеф имеет хорошую сохранность, возможно, что в процессе бытования крест находился в футляре. Работу выполнил художник Андрей Владимирович Орлов², который в те годы служил алтарником в храме у о. Владимира.

Описание. На лицевой стороне фрагментов сохранились верхняя и нижняя розетки с медальонами, клеймо над несохранившимся

¹ VIII научно-практическая конференция «Проблемы атрибуции памятников декоративно-прикладного искусства XVI - XX веков». 24 - 26 октября 2023 г.

² Благодарим мастера за предоставленные фотографии, которые фиксируют состояние креста до начала его восстановления и после. По мнению Кольцовой Т. М. работа была произведена очень бережно и тактично. Следует отметить, что А. В. Орлов получил образование в Калужской духовной семинарии. Является участником выставок по христианскому искусству.

Распятием и часть Голгофы в средокрестии, текст, вырезанный оброном в верхней части рукояти. На обороте розетки заключают в себе по одному сюжету, на вертикали расположены три прямоугольных клейма. Резные на просвет розетки (d 6,5 см) и прямоугольные клейма вставлены в ковчеги основы креста на подложку из слюды (лицевая сторона) и фольги (оборотная сторона). Резьба миниатюрная, многоплановая. Скруглённый рельеф тщательно проработан. Пропорции фигур правильные, головки слегка увеличены и более выпуклы. Как особенность следует отметить, что глаза у всех персонажей прикрыты верхним веком. Линия носа чаще спрямлённая с расширенным кончиком. Волосы гладкие, только у отрока Христа, ангелов, апостола Петра и св. Николая оформлены в виде локонов, у Саваофа намечены горизонтальными линиями и зигзагообразной. Бороды проработаны резцом у отдельных персонажей. Над каждым изображением имеются обронные надписи, иногда сокращённые. В медальонах (d 2 см) представлены сюжеты евангельского и страстного цикла. Иконографическая схема сокращена, нижние части фигур срезаются линией окружности.

Среди характерных элементов в разделке поверхности рельефа можно назвать следующие: скобочки и окружности; точки, часто сгруппированные в треугольники или ромбики; сдвоенные углом вниз парные линии, обозначающие складки одеяний на подоле, и похожие на «птичьи лапки» порезки на одежде. Эта деталь будет встречаться на многих памятниках этого круга, но иной конфигурации. Особенностью стиля данного мастера является их утопленность в поверхность рельефа.

Лицевая сторона.

Верхняя розетка с медальонами (Рис. 1). В центре шестиконечной звезды, образованной венцом медальонов, поясное изображение Спаса Вседержителя, но ориентированное на ростовой образ. В верхних углах резная надпись: IC/ХС. Иконография образа традиционная, но имеет свою особенность: два удлинённых перста благословляющей десницы указывают на раскрытое Евангелие. Нимб крещатый. Лик удлинённой формы тщательно проработан. Черты лица правильные. Раздвоенный кончик бороды имеет округлые завершения. Спускающиеся пряди волос и полукруглый вырез хитона с заложенными по центру двумя складками акцентируют прямую шею³. Гиматий ниспадает с левого плеча вертикальными складками.

³ На данный момент это единственный пример такого варианта, который нам встретился на образах Спаса Вседержителя в крестах подобного типа и резных клеймах трёхстворчатых складней. На них вырез хитона будет обозначен спрямлённым контуром, линия плеч окажется завышенной, что изменит посадку головы и осанку фигуры.

Образ по иконографии (кроме жеста) отсылает к работам царского изографа Симона Ушакова или его последователей. Верхняя часть фигуры Спасителя представлена на прорезном фоне, края которого оформлены мелкими зубчиками.

В медальоны помещены евангельские сюжеты. Мидлер Н. Е. предложила их прочтение по принципу житийных клейм на иконах: слева направо и порядно [4, с.165]. Таким образом, получаются следующие пары: Воскресение Христово и Святая Троица, Рождество Пресвятой Богородицы и Введение Богородицы во храм, Благовещение и Рождество Христово.

Воскресение Христово. Надпись: ВОСКРЕСЕХ. Сюжет представлен традиционной иконографией Сошествие во ад. В центре композиции Христос на фоне мандорлы. Верхней половиной торса и слегка склонённой головой Он развёрнут на три четверти влево в сторону двух персонажей. Обе руки опущены вдоль тела, но правая слегка согнута в локте и держит за кисть Адама. С правой стороны изображена Ева. Форма мандорлы вытянутая, края прорезаны мелкими зубчиками, а на внутренней части сдвоенные параллельные линии расходятся в виде лучей. Верхняя её небольшая часть дана на просвете прорезного фона.

Святая Троица. Надпись: [С] ТРОИЦА. Представлена иконография Ветхозаветной Троицы. В центре три ангела сидят за столом, расположенным по горизонтали. Фигура среднего выше остальных и представлена на сквозном фоне, выделена размером и указующим жестом правой десницы на фоне столешницы. У других ангелов руки скрыты. Головы слегка склонённые. Волосы уложены горизонтально по форме головы параллельными локонами, разделёнными резцом. К характерным особенностям можно отнести изображение горок не в виде лещадок, а в форме горы с уступами, обработанной резцом углублёнными выемками. Мамврийский дуб имеет вид небольшого резного кустика, расходящегося в форме треугольника от нимба. Палаты напоминают архитектуру европейского типа. Фасад здания оформлен тремя арочными пролётами, а выступающая треугольником часть крыши имеет два круглых окна.

Рождество Пресвятой Богородицы. Надпись: РОЖЕПРБГЦ. Иконография традиционная. Композиция разделена по вертикали на две части архитектурными элементами с прорезными деталями. Слева на сквозном фоне в виде прямоугольной арки, обрамлённой зубчиками и полукружиями, фигура праведной Анны на ложе; справа в верхней части оплечное изображение праведного Иоакима на прорезном фоне, ниже - служанки с младенцем на руках. Её полуфигура дана на фоне своеобразной архитектурной выгородки с уступом

с левой стороны и горизонтальной верхней частью. На поверхности обозначена резцом сдвоенная двухлопастная арка с прорезными узкими парными окнами. Как декоративные элементы на архитектурных деталях использованы сквозные отверстия круглой формы.

Введение Богородицы во храм. Надпись: ВВЕДЕ В Б. Иконография традиционная. Композицию на две части по вертикали разделяет левая створка алтарных врат. На её оси в нижней части помещена фигура маленькой Марии, на голову которой возлагает руку первосвященник Захария. Его фигура изображена на сквозном фоне открытых царских врат. С левой стороны предстоят родители: праведная Анна со склонённой головой и простёртыми руками, отдающими дитя, за ней праведный Иоаким. Их головы даны на фоне объединённых нимбов. Как декоративные элементы на архитектурных деталях верхней части также использованы сквозные отверстия круглой формы. Обращает на себя особенность царских врат: они напоминают створы православного храма с килевидным завершением. На других памятниках этого круга (крестах и складнях) нам такая деталь не встретилась. Возможно, это отсылка к тому, что на этом месте традиционно изображается Благовещение Богородицы – «Днесь спасения нашего главизна...» (Тропарь Пресвятой Богородицы). Сворачивается то, что было обещано Богом, и представлено в следующем медальоне.

Благовещение Пресвятой Богородицы. Надпись: БЛГОВЕЩЕНИЕ. Композиция представляет вариант иконографии «с книжкой», который распространяется в русском искусстве под влиянием западно-европейских образцов в XVII в. Фигуры архангела Гавриила и Марии представлены в рост по сторонам аналойного стола. Голова Марии чуть опущена, обе руки простёрты навстречу архангелу в знак принятия благой вести. Верхние части фигур даны на прорезных фонах. У Марии он имеет прямоугольную форму, у архангела – полукруглое завершение. Волосы архангела Гавриила уложены параллельными локонами, как у ангелов в Святой Троице. Обращает на себя внимание следующая деталь: стол выделен своим размером. Он изображён в обратной перспективе, развёрнут боковой гранью в сторону Марии, на этом краю столешницы лежит книга, но положение её особое – она раскрыта в сторону архангела Гавриила.

Рождество Христово. Надпись: РОЖЕС Х[В]. Событие представлено в западном варианте Поклонение Младенцу. Такой извод получает распространение в XVII в. В центре изображена Богоматерь. Перед ней ясли со спеленутым Младенцем Христом. С левой стороны два волхва без головных уборов, с правой – пастух в шапочке с полями и витым посохом (?). Ясли имеют вид прямо-

угольного ящика и расположены по диагонали в обратной перспективе. Верхний левый край приподнят, а нижний скрыт каменной кладкой пещеры, её поверхность обработана резцом так же, как и гора в медальоне «Святая Троица». Маленькая фигурка Христа лежит ровно. Резцом намечены черты лика. Нимб не просматривается. Фигура Богородицы изображена на сквозном фоне, края которого напоминают каменные уступы пещеры. От нижнего края надписи к Её нимбу идут вертикальные порезки в виде лучей вифлеемской звезды. При сильном увеличении видно, что Мария словно улыбается, так как верхние уголки губ приподняты.

Воскресение Христово – прямоугольное клеймо с заострённым верхом по центру под верхней розеткой (Рис. 4). Надпись: ВОСТА ЯКО СПЯГДЪ (Пс. 77:65). Сюжет представлен в западной иконографии Восстание от гроба, получившей распространение в русском искусстве в XVII в. Спаситель изображён стоящим на крышке гроба, размещённом по диагонали. Его фигура полуобнажена, на чреслах препоясание из ткани, вывернутый конец которой спускается вниз со стороны правого бедра. Мускулатура тела передана обобщённо: резцом проработана грудная клетка, слегка намечены грудные мышцы и живот. Ноги сведены вместе. Тело дано в лёгком повороте в три четверти влево с чуть склонённой головой, плечи покатые, колени слегка согнуты, ступни ног разведены в стороны, образуя треугольник. Они находятся у нижнего края клейма, который практически срезает переднюю стенку саркофага. Поза Христа в целом статична и не имеет триумфального акцента. Возможно, мастер сделал акцент на строчке из псалма, указанной в надписи. Христос только просыпается – восстаёт от гроба. Вертикальные линии резца на его внутренней стенке указывают глубину. Фигура кажется слегка присевшей, еще не распрямившейся. И только в левой руке, прижатой к телу, и отведённой от локтя в сторону – хоругвь, как знамя победы. Оно представлено в виде древка без креста с узким горизонтальным полотнищем прямоугольной формы, закреплённым в двух местах. Фигура Христа изображена на прорезном фоне овальной формы с зубчатыми краями, что с цветом подложки из слюды символизирует мандорлу.

Голгофа (Рис. 2) сохранила изначальный (?) горизонтальный срез. Основание креста представлено особым образом: в виде четырёх резных валиков. Нижний практически опирается на череп с перекрещенными костями. Он имеет небольшой наклон влево, верхняя часть приплюснута, а кости изображены без характерных раздвоенных концов.

Нижняя розетка с медальонами (Рис. 2). В центре венца медальонов с сюжетами Страстного цикла дано поясное изображение св. Нико-

лая (оно также ориентировано на ростовое) в епископском облачении. Надпись: СНИ/КОЛ. Руки разведены в стороны, правой благословляет, в левой (непокровленной) держит закрытую книгу. Представлен иконографический тип св. Николая Зарайского, но с одной особенностью – поворотом головы в три четверти влево (практически в профиль). Такое понимание образа не свойственно православной традиции, но является, как отметила Сергей Е., характерной чертой в изображении ликов святых на афонских крестах независимо от времени их создания [9, с.155]⁴. Лик святителя удлинённой формы. Прямой профиль большого носа переходит в высокий лоб с залысиной. Волосы на затылочной части в виде четырех горизонтальных локонов лесенкой спускаются вниз, соединяясь с окладистой бородой и усами. Они образуют треугольник под утолщённым кончиком выступающего носа. Глаз миндалевидной формы помещён в углубление глазной впадины и закрыт верхним веком. Кресты на омофоре вырезаны двумя углубленными линиями, причём вертикальная чуть длиннее горизонтальной. Примечательно, что нижний конец омофора не свисает, а перекинут через согнутую левую руку, вписываясь в дугообразные складки провисающей фелони.

Отречение Петра. Сокращённая надпись СА [П]Е С В возможно прочитывается как Святой апостол Петр Симон в горе. Источником иконографии послужили западно-европейские гравюры. Апостол изображён в пещере сидящим на камне и горько плачущим. Его склонённая фигура в трёхчетвертном повороте вправо и жесты рук выражают раскаяние. Правая лежит на колене, левая подпирает щеку. Прорезной фон за фигурой св. Петра занимает небольшое место в центре композиции, напоминая просвет пещеры.

Ведение на казнь. Надпись сокращённая: В[Е] ІСА НА. Поясное изображение Спасителя представлено в центре на фоне прорезной прямоугольной рамки с характерными зубчиками. Лик Христа и простёртые руки обращены влево в сторону Симона Кириинеяна, идущего впереди с шестиконечным крестом. Он держит его вертикально обеими руками. Фигура изображена практически в полный рост и немного наклонена вперёд. За спиной Христа справа помещен стражник с копьём. Его полуфигура и голова развернуты в противоположную сторону.

⁴ Подобное изображение св. Николая, но только в полный рост и на створке афонского (греческая провинция) трёхстворчатого складня, нам встретилось в описании собрания скульптуры Саратовского музея. Памятник датируется XIX в., но может свидетельствовать об устойчивой традиции. Опубликовано: Русская скульптура XVI - XIX вв.: Саратов: Собрания скульптуры Краеведческого музея Петровского муниципального района Саратовской области, Саратовского государственного художественного музея имени А. Н. Радищева, Саратовского областного музея краеведения. - М.: Наука и искусство, 2019. - С.166. Кат.41.

Стража у гроба Господня. Сокращённая надпись РРМСІММЖ соответствует строкам из песнопений службы «12-ти Евангелий» на утрени Великой пятницы – «Разделиша ризы Моя себе и о одежди Моей меташа жребий». Поясные фигуры трёх стражников изображены сидящими вокруг опечатанного гроба, расположенного горизонтально. Они даны в трёхчетвертном повороте на фоне прорезных арок. Головы опущены. Средний представлен в центре с наклоном головы вправо и выделен килевидной аркой на двух колонках с характерными порезками. Два других стражника расположены у торцевых граней гробницы, которая дана в прямой перспективе. На её фасадной плоскости представлена риза в виде рельефных складок ткани. Руки стражников «спрятаны».

Иосиф и Никодим перед Пилатом. Надпись сокращённая: ОС ІН ПУТ. Композиционно выделяются две части, разделённые по вертикали столбиком с резными перехватами. С левой стороны представлен Пилат, с правой – Иосиф и Никодим, испрашивающие тело Христа для погребения. Пилат сидит на троне. Фигура дана в трёхчетвертном развороте. На голове шапочка с полями. Поза правителя отличается одной особенностью: его правая нога закинута на левую. Правая рука Пилата опирается на подлокотник трона, левая поднята в указующем жесте. Фигуры Иосифа и Никодима, расположены чуть ниже, они слегка согбенные с вопрошающими ликами и простёртыми руками. Над их головами с нимбами увеличенное пространство прорезного фона, в то время как у Пилата оно маленькое и акцентирует профиль лица.

Положение во гроб. Сокращённая надпись ПО В Т И читается как Положение во гроб тела Иисусова. На переднем плане гроб, расположенный по диагонали и словно опрокинутый на зрителя, что позволяет видеть тело Христа, завёрнутое в погребальные пелены. В изголовье традиционно изображена Богородица. Её левая рука в жесте печали прижата к щеке. С правой стороны за гробом полуфигуры Иосифа и Никодима. Центр композиции фиксирует вертикаль креста с поперечной перекладиной. Тело Христа с трудом вмещается в отведённое пространство гробницы. Голова приподнята, лик с проработанными чертами изображён в три четверти, нимб развёрнут на зрителя, ступни ног упираются в противоположный край, срезанный окружностью медальона. Форма гроба, его расположение и обработка правого края стенки характерными поперечными порезками идентичны яслям в сцене «Рождество Христово».

Не рыдай Мене, Мати. Сокращённая надпись НММЗВОГ соответствует первой строке ирмоса девятой песни канона утрени Великой субботы – «Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробе...» Иконография традиционная. На переднем плане горизонтальное изобра-

жение гроба и полуфигура Спаса, словно восстающего из него. Руки на груди скрещены. С левой стороны от Него Богородица. Лики их не соприкасаются, соединяются только нимбы. Фигуры представлены на сквозном арочном фоне с резными краями в виде зубчиков. Гроб имеет прямоугольную форму с боковыми гранями, но перспектива его чётко не выявлена.

Оборотная сторона.

Сошествие Святого Духа – верхняя розетка (Рис. 3). Вкладка. Надпись: СОШЕСТВИЕ/ДХА СВТГО. Событие описано в Деяниях Святых апостолов (Деян. 2: 1-13). Оно представлено в иконографии западного варианта с изображением Богородицы среди апостолов, который получил особое распространение в русском искусстве 2-ой пол. XVII в. В данном случае в изображении имеется ряд особенностей, которые направлены на акцентирование Её образа. Богоматерь выделена масштабом и является центром композиции, которая строится по горизонтали. Она восседает на подушке широкого престола без перил. Кисти рук сложены на уровне груди вместе, как в молении по католической традиции. Ноги покоятся на прямоугольном подножии. Престол имеет высокую горизонтальную спинку с криволинейной поверхностью и приподнятыми верхними углами в виде ромбиков. Она оформлена вертикальными фигурными столбиками, зигзагообразной линией и порезками. Две высокие изогнутые ножки имеют очертания архитектурных волут и вписаны в нижние полукружия лепестков розетки. Вместе со спинкой они изображены в фас, в то время как сидалище и подножие развернуты в пространстве, но таким образом, что перспектива их четко не выявлена. Престол сдвигает фигуры сидящих апостолов к краям розетки. Они сгруппированы по четыре с каждой стороны и вписаны в сегменты полукружностей. Передние фигуры, по одной справа и слева, изображены практически полностью, стопы их ног опираются на подножия, обе руки простёрты в сторону Богоматери. Остальные полуфигуры по три расположены за ними выше.

Вертикальная ось композиции подчёркивается большим медальоном над нимбом Богоматери с изображением Святого Духа в виде голубя, показанного в профиль с поднятыми крыльями. Верхняя часть композиции представлена на прорезном фоне с подложкой из фольги и не имеет архитектурных деталей, символизирующих Сионскую горницу.

Господь Саваоф – прямоугольное клеймо с заострённым верхом расположено под розеткой (Рис. 5). Надпись: ГДЬ САВАО[Ф]. Поясное изображение Бога-Отца дано в трёхчетвертном повороте вправо. Правой рукой благословляет, в левой покровенной держит

сферу (видна часть кисти). Голова чуть наклонена. Нимб звездчатый. Его углы оформлены точками, сгруппированными по три. Волосы на правое плечо ложатся тремя прядями. Ворот хитона обозначен плавными линиями резца. Гиматий спускается через левое плечо вертикальными складками, край оформлен зигзагообразными порезками. Полуфигура дана на прорезном фоне с зубчатым краем. Клеймо имеет рамку-ковчег с характерными порезками.

Преподобные Зосима и Савватий Соловецкие представлены в прямоугольных клеймах над нижней розеткой: один образ над другим, каждый в своём ковчеге (Рис. 6). Надписи: ПРЕПОД ЗОСИМЪ и ПРЕПОДОБ САВВАТ. Фигуры однотипные, изображены прямолично почти в полный рост. Иконография традиционная. Святые предстоят в молитве. Кисти рук сложены на уровне груди, но не перекрещены, а соприкасаются сомкнутыми пальцами. Монашеские мантии ниспадают длинными складками, прорезанными вертикальными линиями. Куколи опущены. Верхняя половина фигур изображена на прорезном фоне в виде прямоугольной арки, оформленной зубчиками.

Преполовление Господне – нижняя розетка (Рис. 7). Надпись: ПРЕПОЛОВЕНИЕ ГДНЕ. Композиция сюжета имеет определённое сходство с верхней розеткой. Акцент сделан на фигуре отрока Христа, помещённой в центре в окружении книжников. Она также выделена масштабом. Отрок Христос изображён на седалище, форма которого с изогнутыми ножками напоминает престол Богородицы, но не имеет спинки. Стопы ног Христа расположены на сдвоенном подножии миндалевидной формы. С двух сторон от Него размещены по две фигуры сидящих книжников, вписанных в полукружия розетки. Верхняя часть фигуры отрока Христа развёрнута в сторону персонажей правой стороны. Голова слегка наклонена. Округлый безбородый лик показан в три четверти (практически в профиль). Короткие волосы в виде параллельных локонов уложены по форме головы. Хитон декорирован резными элементами в виде утопленных «птичьих лапок» и точек. Гиматий спускается через левое плечо вертикальными складками и драпируется на коленях. Жест правой руки указывает на раскрытую книгу. Её нижний край опирается на левое колено, а верхний поддерживается пальцами левой руки. Двое из учителей Закона держат в руках раскрытые книги. Позы и жесты свидетельствуют об удивлении той мудростью, которой поразил их поучающий отрок: «Как он знает Писания, не учившись» (Ин. 7:15). Среди четырёх фигур первая с правой стороны особенно выделяется своей пластикой и одеянием. Событие происходит в Иерусалимском храме, но традиционные архитектурные палаты заменяются сквозными в два яруса арочными проёмами, что характерно для памят-

ников украинской и афонской резьбы. Фигура отрока Христа выделяется на прорезном фоне в виде прямоугольной арки с заострённым верхом, опирающейся на фигурные столбики. По сторонам арочных окон верхнего ряда расположен своеобразный декоративный элемент: резная «ёлочка» на глухом фоне в вертикальном углублении.

Подводя итог описанию, можно сказать следующее: крест представляет сочетание традиционной и западной иконографии с влиянием южнорусской резьбы, а также выявляет характерные особенности стиля данного мастера. Они хорошо просматриваются на розетках оборотной стороны: выбранные резцом глазницы с линией опущенного верхнего века; выделенные скулы; прямая переносица, представляющая одну линию со лбом, иногда дугообразную; сглаженная поверхность рельефа; плавные линии контура. Мастер прекрасно владеет резцом, умением вписывать композиции в криволинейные формы. Обращает на себя внимание и явный акцент на книги: их 6, причем 5 из них в раскрытом виде.

Аналогии. Прямых аналогий кресту 1790 г. по стилю и иконографии не выявлено. В первой статье были отмечены два памятника из собрания ГИМ: это двусторонний крест ОК 6964 и трёхстворчатый складень ДВ-857⁵. У крестов совпадают сюжеты в розетках и клеймах, кроме одного. На кресте ГИМ в клейме над Распятием помещено поясное изображение благословляющего Саваофа вместо сюжета Восстание от гроба, а на обороте его место занимает образ двукрылого Херувима. Была ли у этих крестов общая иконографическая программа или нет, из-за утрат найденного экземпляра судить сложно. Не вдаваясь в подробный сравнительный анализ этих памятников отметим отдельные моменты. На нижней розетке с медальонами изображение св. Николая будет прямолинейным. На Голгофе в основании креста над черепом уложены два камня. Руки преподобных Зосимы и Савватия в клеймах и Богородицы в сцене Сошествие Святого Духа на апостолов будут сложены на груди крестообразно. Эти детали могут свидетельствовать о том, что мастер (или заказчик) был ближе к православной традиции понимания образа.

Среди прямоугольных клейм трёхстворчатого складня было указано на одно с изображением св. Николая с разведёнными руками и ликом в три четверти (практически в профиль), которое можно назвать прямой аналогией образу на кресте 1790 г. При дальнейшем рассмотрении выявились и другие сходные элементы в деталях, но поскольку складень не реставрирован, укажем только некоторые. В сцене Рожде-

⁵ Благодарим сотрудников ГИМ: Г. М. Крюк, Д. В. Шполянскую, З. В. Михайлову за возможность работы с памятниками.

ство Богородицы на правой створке верхнего ряда представлен арочный вариант оформления архитектурной выгородки, на фоне которой служанка держит младенца. Там же присутствуют и круглые сквозные отверстия на плоскости рельефа, которые будут видны на архитектуре в других клеймах. Аналогична укладка волос у ангелов в виде параллельных локонов в клейме Святая Троица и других сюжетах складня. Вероятно, мастер мог заимствовать отдельные элементы.

Вопрос об атрибуции креста, несмотря на указанную дату, требует уточнения. Кроме имён мастеров, проживающих в данной местности в конце XVIII века и подтверждённых архивными источниками, других свидетельств о его бытовании мы не имеем. На основе визуального наблюдения Кольцова Т. М. высказала мнение, что дата имеет отношение к основе креста, а клейма могут принадлежать более раннему времени, концу XVII – началу XVIII вв. Этому не противоречит датировка аналогичных крестов из Каргопольского музея – конец XVII в. [3, с. 163] и Рязанского – начало XVIII в. [8, с. 69. Кат. 19], имеющих свои отличительные особенности. Крест из ГИМ (ОК 6964) датируется началом XVIII в. по серебряной оправе, на рукояти которой имеется чеканное изображение орудий Страстей Христовых, что свойственно серебряным крестам московского производства конца XVII–XVIII веков [1, с. 70]. Значит, сама резьба могла быть выполнена ранее.

Наличие Страстных сюжетов и использование такого элемента композиции, как медальоны является важным фактором в атрибуции. Как отметила Пивоварова Н. В. особый интерес к ним проявляется во время правления царя Фёдора Алексеевича (1676–1682 гг.) и становится популярным в последующие десятилетия. В своей монографии она приводит круг датированных произведений иконописи и богослужебной утвари [7, с. 170–195]. Из датированных памятников резной пластики можно указать на трёхстворчатые складни из собрания ГММК [10, с. 78–95. Кат. 3; с. 109–117. Кат. 6], ГРМ [5, с. 110–111. Кат. 107], ГМИР [10, с. 15] и резную икону из коллекции МГОМЗ [6, с. 303–311].

Большое количество привозных изделий (крестов, складней, круглых иконок) во второй половине XVII в. попадало на Русь с Украины и Афона. В кремлевских мастерских трудились украинские, белорусские и польские резчики. Исследователи отмечают их несомненное влияние на работы русских мастеров. Эта тема практически не исследована, но в связи с этим хотелось обратить внимание на отдельные моменты, которые также имеют отношение к атрибуции и связаны с художественным образом креста.

Четырёхконечная форма и процветший вид подобных крестов очевидны, но вопрос о том, когда мог появиться такой образ и каковы

истоки его композиции, не рассматривался. Не претендуя на полноту ответа в данной статье, отметим следующее. Несомненно, что акцент на его четырёхконечной форме в историческом контексте времени связан с реформами патриарха Никона и его ориентацией на греческие памятники с последующей полемикой со старообрядцами.

Само слово «розетка» напоминает о цветке розы. Это один из символов Христа в западном средневековье, связанный с Его страданиями. На внешнем контуре основы креста присутствует вроде бы незначительная деталь — это маленькие выступы в виде ромбика, расположенные по одному между полукружий верхней и боковых розеток по осям креста. Если посмотреть на распутившийся цветок розы сверху, то мы увидим выступающие узкие листочки — чашелистики. Получается, что в нашем случае розетка будет представлять собой стилизованный вариант цветка.

Оформление нижней части рукояти креста из собрания ГИМ (ОК 6964) в виде трёх лепестков делает логичным завершение его процветшего образа. Такой вариант оформления рукояти нам больше не встретился. Цветочные мотивы, и в частности розы, были очень распространены в искусстве второй половины XVII в. и в последующее время, как и мотив медальонов. Большое влияние на это оказали печатные издания Киево-Печерской Лавры. Как пример можно указать на «цветочный» венец на известном издании Антония Радивиловского «Венец Христов» 1688 г. Другой вариант венца в виде простых окружностей мы видим на иконе Фёдора Рожнова «Распятие с апостольскими страданиями» 1697–1699 гг.

Каковы могли быть истоки композиции резных шестилепестковых розеток? На украинских и афонских крестах часто встречается мотив медальонов и переплетений виноградной лозы, присутствуют они и на круглых иконках. В качестве возможного примера рассмотрим афонскую панагию XVII в. из собрания Исторического музея (ОК 10873) [11, с. 185. Кат. 491]. Её композиционная схема, восходящая к Древу Иессеева, будет практически идентична композиции медальонных розеток. Если убрать контур окружности с небольшими деталями, то получится шестилепестковая форма. Подтверждением этой версии могут служить верхние розетки крестов из Каргопольского (КП 891) и Рязанского (КП 29615) музеев, у которых в середине также расположена сюжетная композиция, а мотив Древа Иессеева и виноградной лозы мог трансформироваться в геометрические окружности медальонов. Возможно, были переходные памятники, но эта тема нуждается в дополнительном исследовании.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что вопрос об атрибуции клейм креста 1790 г. решается в пользу более раннего

их происхождения, чем сама основа, на которую они могли быть перемонтированы. Об этом могут свидетельствовать и незатертые грани рукояти и сохранность самой надписи. Дата 1790 г. укладывается в верхние границы предполагаемой мастерской, которая могла существовать, по мнению Давыдовой Е. В., с конца XVII до конца XVIII в. Её возможными центрами называют Вологду или Великий Устюг [2, с. 343-344], но вопрос о каргопольских резчиках и круге их произведений требует дальнейшего изучения.

Открытыми также остаются вопросы: о заказчике, исполнителе и той среде, где мог появиться крест, попавший на Каргополье, – либо это Москва с западными новшествами и приезжими мастерами, элитарным кругом заказчиков и людьми, способными понять сложную иконографическую программу и оценить профессиональное мастерство, либо это провинция, куда возвращались мастера, прошедшие обучение в столичных мастерских. Возможен и другой вариант, связанный с поставлением на кафедры украинских архиереев, которые могли иметь своих мастеров. Необходимо учесть и специфику петровского времени, когда западные новшества вошли в русло официальной политики.

Вывод. Таким образом, крест 1790 г. как единственный подписной и датированный экземпляр из известных на данное время аналогичных памятников представляет несомненный интерес, несмотря на его неполную сохранность и те поновления, которые он претерпел в процессе своего бытования.

Список литературы.

1. Гнутова С. В. «Честные страсти Господа нашего Иисуса Христа» и их изображение на напрестольных крестах XVII–XIX веков (иконографическая программа) // Церковная археология. СПб., 1998. Выпуск 4.

2. Давыдова Е. В. Резные кресты с многолопастными завершениями ветвей и трехстворчатые складни XVII-XVIII веков. К вопросу о неизвестной мастерской и её продукции. / XVII век в истории и культуре Русского Севера. Материалы XII Каргопольской научной конференции (14-16 августа 2012 г.)/ Науч. ред. Н. И. Решетников; Сост. Н. И. Тормосова. – Каргополь, 2012. – 400 с.: ил.

3. Давыдова Е. В. Деревянная резьба / Каргопольское путешествие: Семь маршрутов по севернорусской земле с Каргопольским историко-архитектурным и художественным музеем. – М.: Программа «Первая публикация» Некоммерческой благотворительной организации «Благотворительный фонд В.Потанина». ИНТЕРРОС. 2014. 836 с.: ил.

4. Мидлер Н. Е. Деревянный резной крест второй половины XVII века в собрании Дмитровского историко-художественного музея. К вопросу об идейном замысле. // Древнерусская скульптура. Сб. статей. Вып. 2. Часть I. М., 1993.

5. Осень русского Средневековья. Искусство XVII века в собрании Русского музея / Альманах. Вып. 535. СПб: Palace Editions, 2018.

6. Островская Н. В. Источники иконографии центрального клейма деревянной резной иконы «Распятие с церковными таинствами» 1685 года из собрания МГОМЗ / Кирилл Белозерский и памятники с редкой иконографией. Материалы конференции. Каталог выставок 22 июня – 15 августа 2017. Составители: Н. М. Шаромазов, Е. Г. Щурина. Кириллов. Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2018 г. – 720 с.

7. Пивоварова Н. В. Московские царские мастерские и региональные художественные центры в конце XVI–начале XVIII века. Опыт атрибуции произведений искусства позднего средневековья. – М.: БуксМАрт, 2020. – 432 с.: ил.

8. Рязанская деревянная скульптура и резные иконостасы XVI – XIX веков. Каталог выставки. Авт.-сост. О. М. Сахарова. – Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2014. – 160 с.: ил.

9. Сергей Е. Искусство резной сакральной миниатюры Афона XVI–XVIII веков: памятники коллекции Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника // Афонское наследие: Научный альманах («The Athonite Heritage», a Scholar's Anthology). Вып. 5-6. – Киев-Чернигов: Издание Международного института афонского наследия, 2017. – 408 с., илл.

10. Соколова И. М. Украинские резные иконы и кресты XVII–XIX веков: Каталог / Федер. гос. бюджет. учреждение культуры «Гос. историко-культур. музей-заповедник «Моск. Кремль». – М.: 2013. – 168 с.: ил.

11. 1000 лет русского паломничества. Каталог выставки. Государственный Исторический музей. 14 ноября 2009 – 28 февраля 2010. – Москва, 2009. – 332 с.: илл.

12. Федоринова И. Л., Пригодина О. Б. Напрестольные резные кресты с шестилепестковыми розетками конца XVII–XVIII вв. Новые аспекты темы. / Русский Север - 2023: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: сборник работ VII Всероссийской научной конференции / Фонд инвестиционного развития Тотемского района, Тотемское музейное объединение, Вологодский государственный университет; редколлегия: А. М. Новосёлов [и др.]; составитель и редактор О. В. Полоцкая. – Вологда: Полиграф-Периодика, 2023. – 414 с.: ил.

Истоки традиции крестостроения в Литве. Российские параллели

Т.Л. Яворская

независимый исследователь, г. Сочи

Аннотация. Традиция крестостроения в Литве имеет древние корни и яркие проявления: здесь кресты по дорогам стояли так часто, что страну называли Литвой Крестов. Сопряжение идеи креста и столба отмечали разные ученые в России и Литве. Трансформацией древних столбов-голбцов стали кресты, покрытые крышами. Столбы, голбцы демонстрируют общность евразийской традиции и требуют осмысления в контексте изначального единства представлений.

Ключевые слова: крест, столб, идол, голбец, надгробные доски, крестостроение.

Среди традиционных символов, встречающихся испокон веков по всей земле, наиважнейшим и всеобъемлющим является крест.

Рене Генон. Символика креста

Кресты – феномен литовской религиозности, являются живыми свидетелями трансформации исторического мировоззрения, преемственности идеологических символов. В 2001 году ЮНЕСКО внёс традиции изготовления и водружения крестов в Литве в список объектов нематериального культурного наследия. В 2006 году в Вильнюсе прошла международная конференция «Феномен крестостроения в народной культуре» [19]. Сегодня в Литве встречаются кресты с одной, двумя и более поперечинами, которые обогащены антропоморфными, зооморфными и растительными мотивами: цветами, плодами, листьями, ветками, стеблями, что делает их наиболее полным воплощением идеи Древа. Распространены также часовни, киоты на деревьях, на пнях, на столбах, столбы с крышей, подобные русским голбцам. Кресты и часовни бывают: надгробные, поминальные, праздничные, памятные, обетные; устанавливаются; на перекрестках дорог, перепутьях, у гиблых и болотистых мест, у храмов, на берегах рек и озер, у источников, на вершинах холмов, в лесах и полях, на территориях усадеб, в селах, у околиц, у въездов на мосты.

Подобные традиции можно было наблюдать и в России. О постановке деревянного креста на Киевских горах апостолом Андреем говорит «Повесть временных лет». В Радзивилловской или

Кёнигсбергской летописи это событие изображено так: «...святой апостол держит вставленный в землю большой восьмиконечный крест, возле стоит человек с лопатой» [6; с. 86]. К 1238 году относится Игнач крест, стоявший в 100 верстах от Новгорода. «Закладной» или «поклонный» Людогощенский крест из церкви Флора и Лавра в Новгороде создан в 1359 г. Крест с изображением Древа жизни из часовни Успенского собора в Кеми (XVIII век) был расписан: на черном фоне дерево красного цвета с зелеными листьями, в подножии – изображение града Иерусалима. Деревянный крест стоял на паперти Воскресенской церкви (1490 г.) в с. Кеврола Пинежского уезда [6; с. 86].

Сопряжение идеи креста и столба отметила в русском культе Николы Чудотворца А. В. Рындина. Большинство чудотворных образов Николы появилось именно на столбах, часто их появление сопровождалось появлением крестов. В этих местах возникали «столбовые» церкви и монастыри. По данным ученого, это связано с культом Николы Барийского. Например, на месте Никольского монастыря в Киеве (1113 г.) свет исходил от образа Николы, стоявшего на высоком древесном пне. В 1682 году явленная икона находилась в киоте, на каменном столпе среди поля, напротив обители. Известная с 1111 года Никольская часовня Святогорской Успенской пустыни Харьковской губернии, – отмечает место, где на меловом столбе явилась икона Николы. В селе Столбове Орловской губернии, Дмитровского уезда был Столбовой монастырь. «В лето 1334 явилась чудотворная икона святителя Христова Николая под рекой Ибуж на дубовом столбе». Церковь Николы в столпах была в Москве. Чудесное явление иконы Николы Чудотворца на столбе, сопровождаемое явлением Животворящего Креста с Распятием, послужило началом Никольского монастыря на Сахотском болоте (1423–1470 гг.). В настоящее время крест находится в селе Годеново [8]. В России так же существовал обычай ставить кресты, голбцы-голубцы, голгофы, часовни на столбах, на перепутьях, погостах, достопамятных местах, местах случайной смерти, сражений и проч. [13 С. 200-213]. В Литве кресты стояли так часто, что от одного до другого было всего несколько десятков метров. Обилие крестов и часовен как знаков сакрализации пространства гарантировало качественную стабильность характеристик благостного святого потенциала литовского космоса. Поэтому Литву стали называть Литвой Крестов.

В России, по мнению О. Ю. Тарасова [11], это гарантировалось огромным количеством икон.

До IV века нашей эры христиане относились к кресту как к языческому символу: у Марка Феликса Минуция, христианского писателя, жившего в III веке нашей эры, написано: «Крестов

Рис. 1 Каменный столб с часовней и крестом на краю деревни.»

мы не чтим, и не молимся на них. А вот вы, поклоняясь деревянным богам, может быть и молитесь деревянным крестам, как составной части ваших богов...». [5].

Н. М. Гальковский [1 с. 35] приводит свидетельство из Чудовского списка «Слова об идолах», составленного в XIV в.: «А се иная злоба в крестьянх – ножом крестят хлеб, а пиво крестят чашею и а иным чим – а се поганьскы творят». Автор средневекового поучения выступал против крестного знамения на ритуальных хлебцах – колобках и над ковшом с пивом, считая его языческим пережитком. Опасных преступников в Древнем Риме казнили не на крестах, а на столбах и тау-крестах. До VI в Христа не изображали распятым на кресте. Одним из первых таких изображений является миниатюра из Евангелия Рабулы 586 года. Со временем крест стал символом Страстей Христовых. У язычников крест оставался символом Древа Жизни.

В поздно принявшей христианство Литве (Аукштайтия восточная часть Литвы – 1387 г.; Жямайтия, Западная часть Литвы – 1413 г.), как утверждает Р. Тримонене, в круг внимания священника-миссионера попадают люди из городков, в которых есть церковь-*bažničia* (бажничка – божница). Поэтому до конца XVIII века сельские районы Литвы оставались языческими. Об этом свидетельствовали топонимы «Крижю калнас» (Крестовая гора) – сохранявшиеся с древности до советского времени [27 с.37-50].

Публикации о крестах в Литве появились в печати уже в конце XIX – начале XX веков [25]. В специальной литературе эти объекты принято делить на три группы.

Первая – «столбообразные». Это наиболее архаичная форма: столбы; столбы с крышей; столбы с часовней; кресты; кресты с распятиями; кресты с часовнями; кресты с распятиями и часовнями; кресты с двумя, тремя и более перекрестиями; моровые кре-

сты-«каравики», кресты-«солнышки» с коронами или астральными знаками;

Вторая – «киотные», основой которых является призма-«домик»: часовни на земле; на священных камнях; на жерновах; на столбах; на крестах; на основаниях из камней и кирпичей; часовни-дупла; часовни на деревьях; на пнях.

Третья – надгробные доски – «krikštai» (крикштай).

Первый символ, при помощи которого человек утвердил себя на земле, есть каменный или деревянный столб. Для литовцев основным материалом для строительства жилья, создания предметов быта и культа, является дерево, а деревянный столб символизирует Мировое древо. Своих предков они называют «stabmeldžiai» – стабмяльджай (столпоклонники). Слово «столп» – «stabas»; столб – «stulpas», стебель – «stiebas», остов, позвоночник – «stuburas», «stalas» и «priestalis» – стол и престол, «sostinė» – столица. В этих словах, в слове «крест» прослеживается индоевропейский корень «ST» и традиции возведения надземной вертикали, оси в центре пространства обитания человека. Иоанн Кронштадтский в своём сочинении «О кресте Христовом» [4 с.6] говорит, что образ креста в Ветхом завете имел «вид или креста четвероконечного *или простого жезла, куска дерева, прообразовавшего* четырёхконечный крест новозаветный не по форме, но по его *внутренним свойствам*» (курсив мой, Т. Я.). Утверждение «простых жезлов» – маркирование жизненного пространства, – делало пространство обитания святым.

Древнейшим в Литве столбом является найденный при впадении реки Швянтойи в Балтийское море в 1969 году доктором археологии Р. Римантене двухметровый ствол дерева с корой, 10 см. в диаметре, с грубо вырубленными чертами человеческого лица в верхней части. Ствол относится к нарвской культуре и датируется IV–II тысячелетием до н.э. [24 с.168-171] Подобные изображения сохранялись до начала XIX века на севере Финляндии, где на берегах рек и озер. Их называли «Большим хозяином», «Отцом», почитали, приносили жертвы. Подобные традиции отмечал у остяков Н. Серебренников [9]. В 1956 г. в Сарнате (Латвия) археологом Л. Ванкиной найден подобный столб с корой, рядом в песке были найдены угли (предположительно жертвенника). Столб был обнесен оградой, её остатки сохранились. Найдены и другие столбы: И. Лозе на реке Малмута в Латвии; А. Рустом в Германии (в 1958 г.), – так называемый Хопфенбахский столб. Недалеко от Арнсбурга-Хопфенбаха, на мезолитической стоянке (10 000 лет до н. э.), А. Руст поднял со дна пруда ствол ивы длиной три с половиной метра с грубо вырезанной головой. Столб был установлен около пруда. Семь столбов были най-

дены на Урале в Шигирском и Горбуновском торфяниках (археологи Эдинг Д. 1937 г. и Дмитриев П. 1951 г.) При этом Шигирский идол датируется 11 000 годами до н.э. [24].

Изображение столба-идола присутствует в центральных композициях Гнезненских бронзовых ворот XII века, в которых представлены сцены языческого и христианского погребения убитого в X веке ятвягами миссионера Войцеха Адальберта, епископа Пражского [18]. На одной из них изображён помост с телом, справа от которого располагается живой ствол дерева с корой и почками, увенчанный большой головой с характерными, «портретными» чертами лица. О подобных столбах говорится в «Быховецкой» хронике, охватывающей историю Великого княжества Литовского до 1507 года сказано: «В том году умерла мать литовского и жямайтийского князя Куковайтиса – Паяута [...] великий князь Куковайтис, [...] по ее образу сделал столб и поставил его, тот столб, имени своей матери Паяуты, возле озера Жасляй. И тому ее столбу поклонялся и Паяуту почитал как богиню. Потом тот столб сгнил и на том месте выросли липы. Этим липам поклоняются до наших дней и обожествляют их, поминая ту Паяуту. А потом умер великий князь Литвы и Жямайтии Куковайтис [...] его сын Утянис [...] в память о своем отце сделал столб и поставил его у реки (Святой) Швянтойи [...] И его почитал, считал богом. Потом тот столб сгнил, а там вырос лес. И люди почитают тот лес и называют его именем своего владыки Куковайтиса...» [23]. В тексте описаны ритуалы установления памятных столбов с портретными изображениями на месте захоронения предков; обожествления предков; обряда поклонения столбам и их местоположение у воды.

Ибн Фадлан в Записках о путешествии на Волгу в Булгар, писал: «Когда корабли русов прибывают [...] к пристани, тотчас выходит каждый из них (неся) с собою хлеб, мясо, лук, молоко, [...] чтобы подойти к длинному, воткнутому в землю бревну у которого – лицо, похожее на лицо человека...» чтобы принести жертвы. Описывая погребение руса, он писал: после того, как был завершен обряд сожжения, в вершину насыпанного над пепелищем холма «был водружен столб из белого тополя, на котором написали имя погребенного и имя царя русов» [14 с. 45-51]. С точки зрения общности культурных первоисточков, можно упомянуть о грузинском храме Светицховели – Животворящего столпа (XI в.), который является кафедральным патриаршим храмом грузинской православной церкви.

Нестор летописец писал, что у родимичей, вятичей, кривичей сжигали своих покойников и собирали кости в посудину, которую ставили «на столпе, на путех». По мнению Льва Владимировича Даля голбцы, т.е. надгробные столбы или плоские доски, покры-

тые двускатными крышами, произошли от придорожных столбов, на которые ставили емкости с останками умерших [2 с. 103]. Это свидетельствует, о традиции установления столбообразных идолов и поклонения им на территории обитания славян и их соседей.

Часовни на столбах, голбцы-голубцы, антропоморфные столбообразные изображения, – демонстрируют общность евразийской традиции и требуют осмысления в контексте изначального единства представлений. Такие памятники возводили на могилах и украшали резными и цветными кровлями. В Карелии, Архангельской, Мурманской областях они иногда ставились вместе с домовинами. Трансформацией древних голбцов, как круглых, так и плоских, – стали кресты, покрытые крышами. Так сохранялась память о древнейших обычаях. «Простые придорожные покрытые как крышей, двумя тесинами [...] на Севере кресты становились очень высокими, особенно «обетные» кресты на Соловецких островах. «Ставились они [...] на перекрестках дорог, на месте случившегося убийства [...] в память спасения от гибели, по обещанию, или просто для поклона. В Олонецкой губернии на кладбище Данилова скита голубцы не только украшены изощренной резьбой, но и окрашены в яркие цвета». Н. Н. Соболев подробно описывает изменение формы столба и превращение его в голубец, в киотец, в часовню и традицию замещать обветшалые кресты или голубцы, новыми деревянными или каменными [10 с.136-143].

Русские голбцы часто имеют в основании доску, это дощатые голбцы. К дощатым голбцам-надгробиям относятся и литовские надгробные доски «крикштай», – толщиной 2-6 см., высотой до 2 м., с симметричными силуэтами антропоморфного, зооморфного, или растительного характера. На плоскости вырезаются имена захороненных и даты жизни.

Слово «крикштас» в переводе на русский – «крещение», т.е. посвящение – инициация. Др. Либертас Климка мотивирует сохранение традиции установления «крикштай» с мифологизацией дерева [22]. Исследователь связывает это с верованиями в метемпсихоз, т. е. воплощение души умершего в дерево. Реликты подобных представлений зафиксированы в народных песнях: «Ой, не руби, батюшка, зелёной берёзки»; в сказках, например, «Эгле – королева ужей», где королева Эгле – Ель; в запретах на заготовку дров в дни Адвента – христианского праздника Пришествия. Профессор Санкт-Петербургского университета Ванда Казанскене утверждает, что семантика литовского слова «крикштас» – и «крещение», «начало», «почетное место», «поворотный пункт во времени и в пространстве»,... и слова «крижас» – крест, – имеют балто-славянское происхождение и дохристианский контекст бытования в культуре, на который, впоследствии была наложена и христианская сеть значений [3]. Дощатые надгробия

встречаются по всей территории Восточной Европы – от Баренцева моря, Урала и Волги до Словакии, Германии, Латвии, Норвегии.

П. Дундулене в книге «Деревья в верованиях древних литовцев» [17 с. 76] пишет, что деревья – место обитания душ умерших и богов. Во времена культа предков на деревьях возле усадеб вешали фигурки, изображавшие предков, в которые поселялись души умерших. Они заботились о потомстве и усадьбе, а дерево становилось посредником между миром живых и миром мёртвых. Возможно, тогда появились небольшие фигурки предков для столбов с крышами, для домиков-часовен на деревьях, на камнях, возле корней, или в дуплах. Высокий столб с крышей мог быть надгробием одной семьи. В случае какого-либо несчастья в первую очередь спасали эти фигурки покровителей дома. В недалеком прошлом рядом со столбообразными памятниками появились христианские, а место предков на столбах заняли христианские святые. Кресты, располагаясь на месте языческих капищ, утверждали христианство в зоне сакрального мира предков. Кресты и кресты с распятиями постепенно замещают и вытесняют традиционные обрядовые, поминальные, обережные столбы. Этому содействовали церковные запреты и особенно запрет на установку столбов на могилах. Однако, как утверждает Р. Тримонене, он просуществовал до конца XVIII века [27 с. 37-50]. Дальнейшее развитие народной культуры определено приспособлением её к требованиям новой религии. Вариабельность всех имеющихся элементов в создании новых произведений – характерная черта народного опыта крестостроения и его жизнеспособности.

В часовенках, киотцах, на крестах и столбах часто присутствуют скульптурные изображения. До XIX века вся народная скульптура была деревянной и изображала Христа в темнице и других христианских святых, которых можно идентифицировать по атрибутам, – они приняли на себя функции местных языческих богов-покровителей. По предположению А. Щирмулиса, фигуры без атрибутов сохраняют традиции столбообразного изображения предков. Возникновение христианской народной деревянной скульптуры обусловлено не введением христианства, а традициями и обычаями язычества [26]. Утверждение столбов в христианскую эпоху в Литве трансформировалось в утверждение крестов с распятиями и святыми, и уже они стали выражением идеи древа жизни, победы над смертью. Контаминацией этих идей становится Святое Животворящее Древо Креста, Древо Жизни, приводящее в Рай и Райское древо одновременно. Поэтому возникла традиция изображать процветшее Животворящее Древо Креста. Наиболее ярко это проявилось именно в литовской культуре. Слово святой – «šventas» (швянтас) – праславянский корень «svet» (свент), индоевропейское,

“q’uen’to” или kvento – «святой», означающее благостное возрастание, увеличение объема или других физических, духовных, нравственных характеристик. В языческую эпоху это трактовалось как результат особой плодоносящей жизненной силы и было знаком вегетативного плодородия, то есть одним из символов Древа Жизни [27 с. 37-50]. Дискуссии по поводу первичности язычества или христианства в явлении крестостроения Литвы насчитывают более 100 лет и ведутся до сих пор. Т. Юркувене на международной конференции «Феномен крестостроения в народной культуре» в своем докладе говорила о том, что различные кресты ставились общиной или отдельным человеком по разным надобностям. В конце XIX–начале XX века, народные кресты определяются как национальные символы. Исследователи собирали свидетельства о крестах, делали зарисовки, фотографии. Кресты систематизируются по типологическим и региональным признакам. В это время доминирует теория, относящая эти памятники к дохристианским культам, которая развивалась и в советское время [21]. Появляются альбомы с фотографиями, рисунками крестов, столбов, сопровождавших их скульптур и металлических наверший. На восприятие и интерпретацию формы крестов влияют и время их создания, и время их изучения. В конце XX в. происхождение, иконография, художественная форма крестов все чаще трактуются в контексте общехристианской культуры. Деревянные поклонные, обетные кресты, столбы-гольцы, доски-гольцы, – явление характерное и для Русского Севера. Они сохранились на побережье и островах Белого моря, в бассейнах рек Мезени, Пинеги, на Каргополье [7 с. 236]. Польско-литовские ученые: Бренштейн (Brensztejn M.), Галауне (Galaunė P.), Шукявичус (Szukiewics W.), Чербуленас (Čerbulėnas K), Басанавичус (Basanavičius J.) говорили о преемственности установления крестов от установления столбов. Перефразируя слова А. Б. Пермиловской, можно сказать: крест в культурном ландшафте любой страны является местом, которое связывает прошлое с настоящим, он является центром окружающего человека пространства, выполняет защитную и сакральную миссии.

Список литературы:

1. Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Том II Древнерусские слова и поучения направленные против остатков язычества в народе. М.: Печатня А. М. Снегиревой, 1913. С. 35. <https://djvu.online/file/1RiZb8pyVQtLC> (Последнее обращение 07.03.2024)
2. Даль Л. В. Историческое исследование памятников русского зодчества // Зодчий. СПб. 1872. С.103.

3. Казанскене Ванда Пятровна. Литовский крест до христианства: к этимологии лит. Krikštas. <https://cyberleninka.ru/article/n/litovskiy-krest-do-hristianstva-k-etimologii-lit-kr-k-tas> (Последнее обращение 11.03.2024).

4. Кронштадтский, Иоанн, святой праведный. О кресте Христовом // Ставрографический сборник. Книга третья. М.: 2005. С. 6.

5. Минуций, Марк Феликс. Октавий // Богословские Труды. (пер. Сергеев М. Е.). Вып. 22. Глава 29 [6]. 1981. С. 139-177. https://azbyka.ru/otechnik/Minutsij_Feliks/oktavij-per-m-e-sergeenko/ (Последнее обращение 07.03.2024)

6. Пермиловская А. Б. «Крест в культурном ландшафте Русского Севера». <https://cyberleninka.ru/article/n/krest-v-kulturnom-landshafte-russkogo-severa/viewer> (Последнее обращение 05.03.2024);

7. Пермиловская А. Б. Крест из деревни Кушкопала // Ставрографический сборник книга вторая. Москва, издательство Московской Патриархии, 2003. С. 236.

8. Рындина А. В. Барийские мотивы в интерпретации образа Николы Чудотворца в России // Искусствознание. Вып. 2, М., 2002.

9. Серебренников Н. Н. Пермская деревянная скульптура. – Пермь, 1928.

10. Соболев Н. Н. Русская народная резьба по дереву. М.: издательство Сварог и К, 2000. С.136-143.

11. Тарасов О. Ю. Икона и благочестие. Очерки икононого дела в императорской России. М., 1995.

12. Топоров В. Н. Крест; Древо мировое; Пространство // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1980-1982. Т. 1-2;

13. Фризин Н. Н. Деревянные надгробия русского Севера: некоторые варианты развития пространственной структуры // Ставрографический сборник. Книга первая. М.: Издательство Московской патриархии. 2001. С. 200-213.

14. Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в. / Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1960. С. 45-51.

15. Шангина И. И. Голбец // Русский традиционный быт: Энциклопедический словарь. СПб.: Азбука-классика, 2003. С. 373-374. – 688 с.

16. Яворская Н. Л. Библиография работ, посвященных исследованию литовских крестов // Ставрографический сборник. Книга третья. Издательство Московской патриархии. М., 2005. С. 678.

17. Dundulienė, Pranė. Medžiai senovės lietuvių tikėjimuose. Vilnius, Mintis, 1979. С. 76. (Дундулене, П. Деревья в верованиях древних литовцев. Глава «Инкарнация и метаморфоз»).

18. Dobrzeńiecki, T. Drzwi Gnieźnienskie. Krakov, 1953 (илл. 4, 15). (Добрженецкий, Т. Гнезненские врата)

19. The phenomenon of Cross-crafting in Folk culture 24-26 october 2006. Сборник трудов конференции. Vilnius: Lituanian Folk Culture Centre. 2008. Pg.74.;
20. Jucevičius, I. Raštai. Vilnius, 1959 (Юцявичус, И. Записки).
21. Jurkuvienė, Tėrėsė. Lietuvių Liaudies kryžiai: tyrinėjimų kryptys (Юркувене Тересе. Литовские народные кресты: направления исследований) // The phenomenon of Cross-crafting...
22. Klimka, Libertas. Shrines on the Tress: Phenomenon of Lithuanian Religiousness // The phenomenon of Cross-crafting... (Климка, Либертас. Часовенки возле дерева: феномен литовской религиозности).
23. Lietuvos metraštis: Bychovco Kronika. (Литовская летопись: Быховецкая хроника). Vilnius, 1971. С. 51–52.
24. Rimantienė, R. Šventoji: Narvos kultūros gyvenvietės. Vilnius, 1979. С. 111–119 (Римантене, Р. Швянтойи: стоянки нарвской культуры. (На рус. яз. С. 168-171).
25. Salvatori, G. L'art Rustique et Populaire en Lituanie. Milano.: 1925;
26. Širmulis, Alfredas. Lietuvių liaudies memorialiniai paminklai. Medis. Akmuo. Geležis. Vilnius. 1999. (Ширмулис, А. Литовские народные мемориальные памятники. Дерево. Камень. Железо).
27. Trimonienė, Rita Regina. Kryžių kalnai Žemaitijoje XVI–XIX a.: liaudies christianizacijos problema. (Тримонене Р.Р. Горы крестов в Жемайтии XVI–XIX вв.: проблема христианизации народа). Menotyra. Lietuvos mokslų akademija, Vilnius.: 2010, t. 17. nr. 1, p. 37-50.

Староверы в Лоцманском стане

А. В. Коноплев

независимый исследователь, г. Вологда

Аннотация. В докладе анализируется ситуация, описанная в статье С. Ф. Огородникова «Лоцманская артель в Архангельске» с проживанием в Белозерском скиту во второй половине XIX века староверов из числа архангельских лоцманов. На основе анализа архивных материалов доказывается, что сведения Огородникова содержат не только достоверные, но как частично достоверные, так и недостоверные данные.

Ключевые слова: Архангельские лоцманы; староверы, Белозерский скит.

Наиболее обстоятельными в дореволюционный период в части изучения истории архангельских лоцманов являются, без всякого сомнения, работы Степана Федоровича Огородникова, которые до сегодняшнего времени, в значительной части, не потеряли своей актуальности. Однако при чтении самой первого текста С. Ф. Огородникова на лоцманскую тему – «Лоцманская артель в Архангельске» [8], изданного в 1873 году, несколько абзацев всегда вызывали у автора настоящей статьи не то чтобы сомнения, но некоторое чувство курьезности описываемого. В частности, это касается упоминания о староверах из Лоцманского стана, а также об участии лоцманов в контрабанде. О контрабанде, есть основание думать, что случай представится поговорить отдельно. В этой же статье попробуем разобраться более подробно, что же имел в виду С. Ф. Огородников, говоря на тему староверов в среде архангельских лоцманов.

Посмотрим, что писал С. Ф. Огородников о лоцманах-староверах. А сообщал он, что в старообрядческом Белозерском скиту, расположенном в 45 верстах от Архангельска, живет группа лиц по фамилии Хабаровы, их трое мужчин, а с ними есть и женщины, которые числятся в списках лоцманов (архангельского порта, Прим. авт.), а по ревизии в Лоцманском стане. Эти лоцманы вместо того, чтобы исполнять свои лоцманские обязанности, откупаются деньгами, хотя с давних пор живут в скиту в кельях. «Таким образом, Белоозерский скит служит для лоцманов как бы оброчною статьею, и поэтому ими легко терпим» [8, с. 94], т. е. общество лоцманов получает со староверов доход и поэтому числит их в своих рядах.

Здесь необходимо уточнить, что архангельские лоцманы, начиная с середины XVII века, проживали как Архангельске, так

и в деревнях, расположенных на островах дельты Северной Двины. С начала XVIII века местом компактного проживания архангельских лоцманов стали такие деревни, как Кальчино, Пустошь, Кавкола, Ильины Пески, Верхние и Нижние Хвосты и Залохотье (Современное написание, Прим. авт.). Однако, для того чтобы статистические данные по этим деревням не искажались в связи с наличием у лоцманов льгот, связанных с их профессиональной деятельностью, то их учет, в т. ч. и при ревизиях, велся в рамках Лоцманского стана – условной учетной единицы, отдельно от крестьян, также проживающих в этих деревнях.

Однако рассматриваемая тема, скорее всего так бы и осталась без движения, если бы не статья Е. Ф. Луцковской, посвященная истории старообрядческих скитов в окрестностях Северодвинска. Среди прочих сведений по истории, прежде всего, Анбургского и, в меньшей степени, Белозерского скитов, Е. Ф. Луцковская привела данные о том, что Губернским правлением было определено Архангельскому уездному полицейскому управлению выдать предписание братьям Хабаровым снести в Белозерском скиту новый дом, ими там построенный. Основанием для такого решения было секретное предписание Министра Внутренних дел, запрещающее постоянное жительство в скиту всем, кто поселился в нем после 1846 года. Кроме этого, запрещалось возводить в скитах новые постройки и ремонтировать ветхие. Все эти меры должны были снизить значение скитов в жизни старообрядцев [7]. Соответственно, в статье была дана ссылка на источник сведений в фондах Архангельского уездного полицейского управления в Государственном архиве Архангельской области (ГААО). Однако Е. Ф. Луцковская, в интересе к лоцманской тематике не замеченная, сведения о сносе дома братьев Хабаровых с публикацией С. Ф. Огородникова никак не связала.

Обращение же к материалам дела полицейского управления сразу же принесло ряд данных, нас интересующих. Уже на втором листе дела можно обнаружить «Именной список раскольникам, проживающим в Белозерском ските, находящемся во 2-м стане Архангельского уезда», по состоянию на 1880 год, т. е. на семь лет позднее, чем выход статьи С. Ф. Огородникова. В этом списке мы находим интересующие нас лица. В первую очередь это вдова Екатерина Ивановна Хабарова, по мужу Дорофеева, 86 лет, проживает в скиту с 1820 года, происходит из Воскресенской волости. В распоряжении Екатерины Ивановны находится дом с двором, амбар, овин, погреб и баня.

У Екатерины Ивановны имеются два сына. Первый – Лоцманский сын Василий Егоров, по матери Хабаров, а по отцу Дорофеев, лет от роду 57, проживает в скиту со времени рождения детей.

Детей же у Василия числится пять, в т. ч.: Егор – 16 лет; Яков – 9; Марфа – 9; Иван – 6; Аграфена – 5. Матерью детей записана невенчанная жена Василия, девка Анна Александровна Корельских – 42 л., проживает в скиту с 1860 года. Вся семья числится в Лоцманском стане, хотя сам Василий Дорофеев выбыл на жительство в Архангельск. Заметим, что если старшему сыну – Егору, 16 лет, то получается, что его отец Василий проживает в скиту с 1864 года. В распоряжении семьи имеется дом с двором, амбар, погреб и баня.

Второй сын Екатерины Ивановны – Лоцманский сын Константин Егоров Дорофеев, 50 лет, проживает в скиту со времени рождения детей. Женой Константина записана крестьянская девка – Александра Ивановна Маркова, 39 лет, проживает в скиту с 1869 г. Детей же у них трое – Татьяна – 9 лет; Афимья – 3 года и Леонтий – 2 года. Вся семья числится в Лоцманском стане. Если исходить из возраста старшей дочери, то Константин Егорович находится в скиту с 1871 года. Проживает он, судя по списку, вместе с матерью [1, лл. 2-3 об].

Таким образом, мы видим, что, действительно, на момент написания статьи, т. е. 1872 г. в Белозерском скиту находятся трое мужчин: братья Василий и Константин и сын Василия - Егор, а числятся обе семьи братьев в Лоцманском стане. Однако фамилию Хабаровы они носят не по отцу, а по матери, что, с одной стороны отмечается в списке, а с другой позволяет в списке числить их лоцманскими детьми, но в самом тексте писать их Дорофеевыми. Интересно то, что из Вознесенской волости происходят практически все жители Белозерского скита на тот момент. Среди них числится и Трофим Андреев Дорофеев, 73 года, по-видимому, младший брат Егора Дорофеева, отца Василия и Константина, о котором никаких сведений в 1880 году, кроме того, что Екатерина Хабарова является вдовой, не приводится.

Что же говорят документы о Екатерине Ивановне Хабаровой, поскольку именно она имеет знаменитую лоцманскую фамилию и происходит из Вознесенской волости?

Анализ материалов ревизий по Лоцманскому стану показал, что исходя из возраста Екатерины Ивановны Хабаровой, а как записано в списке раскольников, ей 86 лет, то она должна быть 1794 года рождения и должна числиться в материалах ревизий, начиная с 5-й ревизии 1895 года. Однако ни в материалах этой ревизии, ни последующих, до 9-й ревизии 1850 года по Лоцманскому стану, ни Екатерина Хабарова, ни ее дети – Василий и Константин – не значатся, ни под фамилией Хабаровы, ни под – Дорофеевы. Появляется же семья Екатерины Ивановны Хабаровой только в материалах 9-й ревизии, причем, не основной по Лоцманскому стану, которая проводилась в 1850 году, а дополнительной, проведенной в марте 1851 году. Числится семейство в деревне

Кавкольской, хотя все Хабаровы происходят из деревни Кальчинской. Катерина Хабарова, так записано в материалах ревизии, является лоцманской девкой 44 лет, т.е. 1806-07 г.р., что существенно меньше, чем в списке раскольников. При ней числятся сыновья – Василий – 21 год, Константин – 19, Дмитрий – 4 и дочери – Афанасья – 24, Матрена – 17, Александра – 12 лет и Анна – 11 лет [4, лл.13об-14]. О Егоре Дорофееве как муже Екатерины Ивановны и отце ее детей не говорится ничего.

Проливают свет на ситуацию материалы 10 ревизии 1857 года по Лоцманскому стану. По данным 10-й ревизии, Екатерина Ивановна 51 года с детьми числятся в семье вдовы Пелагеи Тимофеевны Хабаровой. Причем, в составе семьи записана «первая тетка» Пелагеи – Марфа Ивановна Хабарова 56 лет. Катерина же Ивановна Хабарова считается «другой теткой» Пелагеи, т.е. получается, что Марфа и Екатерина Хабаровы – сестры [3, лл.11об-12].

Если же вернуться на семь лет раньше (в материалы 9-й ревизии), то мы увидим, что Пелагея Тимофеевна является женой Ивана Михайловича Хабарова, который указом Казенной палаты от 1 января 1834 года перечислен из деревни Кальчинской в деревню Кавкольскую. Марфа же Ивановна числится теткой Ивана Михайловича, т.е. соответственно сестрой его отца – Михаила [4, лл.4об-5]. Отсюда становится понятно, что в дополнительную ревизию 1851 года Екатерина Ивановна Хабарова с детьми записывается в деревню Кавкольскую, так как там проживает ее племянник Иван Михайлович и сестра Екатерины – Марфа. Соответственно, появляются вопросы: кто является родителями Екатерины Хабаровой и где она с детьми числилась до 1851 года?

Обращение к результатам исследования родословной Хабаровых, приведенных в книге «Лоцманский стан» [10], результатов не дали. Ни Михаила Хабарова с сестрами Марфой и Екатериной, ни сына Михаила – Ивана, вместе с семьей в данных, приведенных в книге, не оказалось. Однако в материалах 8-й ревизии 1834 г., по Лоцманскому стану в деревне Кальчинской числится Михаил Иванович Хабаров – 1795 года рождения, который умер в 1831 году. У него же имеется сын Иван – 17 лет. Женщины же в данной переписи не показаны [2, лл.3об-4]. В материалах 6-й ревизии 1811 года по деревне Кальчинской Лоцманского стана мы видим Ивана Тимофеевича Хабарова, 1771 г.р., который умер в 1805 году. У Ивана Тимофеевича записан сын Михаил [10, с. 205-206]. А вот Иван Тимофеевич Хабаров в родословных таблицах, составленных В. Б. Пителиной и Е. В. Плотицыной, имеется и находится в IV поколении от Евдокима Дмитриевича Хабарова [10, с.146]. Соответственно, эти данные полностью стыкуются с более ранними сведениями, приведенными в работе автора, посвященной ранней истории рода Хабаровых [6].

Таким образом, Екатерина Ивановна Хабарова является дочерью лоцмана Ивана Тимофеевича Хабарова и, соответственно, внучкой лоцмана Тимофея Евдокимовича Хабарова из деревни Кальчинской, т. е. на полном основании принадлежит к лоцманской династии Хабаровых. Лоцманами же были как брат Екатерины – Михаил Иванович, так и ее племянник Иван Михайлович Хабаров, к которому по 9-й ревизии в деревню Кавкольскую и была приписана Екатерина Ивановна с детьми.

О том же, где до 9-й ревизии числилась Екатерина Ивановна с семьей, дает ответ копия заключения из журнала Архангельской Казенной палаты от 18 июля 1859 года, которая находится в материалах 10-й ревизии по Лоцманскому стану [3, лл.19-20]. Из этого заключения мы, в первую очередь, узнаем, кто такой Егор Дорофеев, который считается гражданским супругом Екатерины Хабаровой и отцом ее детей. Из текста заключения следует, что Егор Андреевич Дорофеев являлся на тот момент крестьянином Архангельского уезда Соломбальской волости Конецдворского общества деревни Шихиринской. Заключение же Казенной палаты дано на его прошение, из которого следует, что ранее Екатерина Ивановна Хабарова с детьми в ревизиях писалась его супругой, но по 9-й и 10-ревизии числится по Лоцманскому стану. Оказывается, что с 3-й по 8-ю ревизию существовал порядок, согласно которому, женщины, находящиеся в гражданском браке с раскольниками, записывались по месту жительства гражданского мужа. В 9-й и 10-й ревизиях этот порядок был изменен. Так Екатерина Ивановна с детьми и оказалась в списках Лоцманского стана. На основании же Высочайшего повеления, данного 14 сентября 1857 года, как записано в заключении Казенной палаты, надлежит Екатерину Хабарову с дочерьми из лоцманского звания исключить и считать «в таковом же крестьянском при семействе упомянутого Дорофеева...». Соответственно, в материалах 10-й ревизии по Лоцманскому стану этот факт зафиксирован. А вот сыновья Екатерины и Егора остались записанными в Лоцманском стане. Эту ситуацию и отразил список раскольников Белозерского скита, когда Василий и Константин Егоровичи с семьями числятся в Лоцманском стане, а Екатерина Хабарова нет. Егор же Дорофеев к этому времени умер. Подтверждение исключению Екатерины Хабаровой с дочерьми из лоцманского звания мы видим в Веревной книге Лоцманского стана за 1859 год. По всей видимости, по результатам 9-й ревизии семье Екатерины Хабаровой были выделены земельные наделы, а может быть, они за ней числились и ранее, но по результатам ее исключения с дочерьми в крестьяне эти участки были перераспределены. Александру Дмитриевичу Хабарову из пахотной

и сенокосной земли отошло «от Староверов в остроги поле» [5, л.15об], а в морских покосах к Петру Федоровичу Хабарову отошли покосы «от Староверов на кошках из пожни» [5, л.22]. В то же время Василию Егоровичу Хабарову наделы на 2 души были выделены в «Ластолы Сиговщина пожня» [5, л.11об], а также морские покосы на три души [5, л.23].

Остается решить один вопрос. Были ли раскольники Василий и Константин Егоровичи лоцманами, занесенными в соответствующие списки и состоящими в членах артели, как утверждал С. Ф. Огородников? Ответ на этот вопрос мы находим у самого С. Ф. Огородникова в его статье, так как в Приложении №7 им был опубликован «Список лоцманов Архангельского порта, состоящих в комплекте на 1872 год» [8, с.106-108]. Как легко убедиться, лоцманов с такими именами и с фамилией, как Хабаровы, так и Дорофеевы в списке нет. Соответственно, что лоцманская артель получает от своих членов доход, также является выдумкой.

Таким образом, мы видим, что сведения о староверах в Лоцманском стане, приведенные в работе С. Ф. Огородникова, являются причудливой смесью данных. Среди них есть достоверные – действительно трое мужчин Хабаровых и женщины в Белозерском ските были, а в девятой и десятой ревизии они были написаны в Лоцманском стане. Есть частично достоверные, т.к. не вполне окончательно ясно, кто они – Хабаровы или Дорофеевы, т.к. по отцу они – Дорофеевы, а по матери – Хабаровы. Наконец есть и недостоверные, т.к. лоцманами, членами артели, эти люди не были и в списках лоцманов мы их не находим. Соответственно, все события, связанные с выходом Екатерины Ивановны Хабаровой за старовера Егора Андреевича Дорофеева, рождением у них детей в гражданском браке и уходом в Белозерский скит, в части, касающейся фамилии их детей и учетом местожительства, являются, прежде всего, результатом особенностей изменения политики Российского государства в отношении староверов.

В заключении, на взгляд автора, необходимо сказать несколько слов о причинах появления столь противоречивых сведений, в работе С. Ф. Огородникова, которые, как оказалось, совершенно обосновано вызывали у автора настоящей статьи некоторые сомнения.

Вопрос представляется в том, что статья С. Ф. Огородникова, посвященная лоцманской артели в Архангельске, является первой работой по этой теме только для самого Степана Федоровича. Но с учетом того, что до этого появился очерк С. Н. Петухова [9], то в списке работ по данной тематике она будет идти следом за этим очерком. Если же проанализировать оба этих текста, то окажется, что по своей структуре работа Огородникова практически полностью

повторяет структуру очерка Петухова, однако степень проработки вопросов у С. Ф. Огородникова практически по всем темам существенно выше. При этом, временные рамки у Огородникова расширяются до 1872 года и приводятся новые подробности из лоцманской жизни, отсутствующие у Петухова, для всего рассмотренного периода. Вот в этом стремлении расширить объем новых сведений С. Ф. Огородников и попал, по всей видимости, на нарративный источник в виде чьего-то рассказа о староверах из лоцманской среды и, не проверяя его по другим источникам, вставил в свою работу. Для начинающего, в общем-то, историка, тем более XIX века, это простительно. Однако С. Ф. Огородников, почувствовал и обозначил тему религиозных отношений в Лоцманском стане, которая до сегодняшнего времени в исторических работах практически не отражена.

Список литературы:

1. ГААО Ф.38.Оп.4.Д.93
2. ГААО. Ф.51.Оп.11.т.8.Д.1285
3. ГААО Ф.51.Оп.11.т.23.Д.386
4. ГААО Ф.499.Оп.1.Д.2
5. ГААО Ф.499.Оп.1.Д.3
6. Коноплев, А. В. Лоцманы Хабаровы. Начало династии (1624-1761) // Беломорские чтения, выпуск 3: Материалы IV межрегиональной научно-практической конференции (11 июня 2020 года, посёлок Уемский), – 2020. – С. 227-233
7. Луцковская, Е. Ф. Из истории старообрядческих скитов в окрестностях Северодвинска //XVII век в истории и культуре Русского Севера : к 400-летию отражения осады польско-литовских интервентов защитниками Каргопольской крепости : материалы XII Каргопольской научной конференции / [редкол.: И. В. Онучина и др.]. – Каргополь : Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей, 2012. – 399, [1] с., – С.380-388
8. Огородников, С. Ф. Лоцманская артель в Архангельске // Сборник материалов об артелях в России: Вып. 1. – Санкт-Петербург : 1873. – С. 76-108
9. Петухов, С. Н. Краткий исторический очерк общества Архангельских портовых лоцманов [б.г., б.м.] / перепечатка из газеты «Кронштадтский вестник» 1864. № 61, 62, 64, 66, 68, 100, 131. – 70 с.
10. Пителина, В. Б., Плотицына, Е. В. Лоцманский стан. Архангельск. [б. и.], 2012. – 241 с.

Каргопольские староверы в Выго-Лексинском общежительстве в первой половине XVIII века

А. Н. Старицын

*кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Институт научной информации
по общественным наукам РАН, г. Москва*

Аннотация. На основе привлечения материалов переписных книг и двух ревизий Каргопольского и Олонецкого уездов выясняется численность уроженцев Каргопольского уезда, принимавших участие в создании и развитии самого известного староверческого поселения Выго-Лексинского общежительства. Уточняются биографические данные каргопольских староверов, определяются волости, откуда был наиболее массовый отход населения в староверческие скиты.

Ключевые слова: староверы, Выго-Лексинское общежительство, староверческие скиты, Каргополь, Каргопольский уезд, переписные книги и материалы ревизий.

Участие каргопольцев в староверческом движении нашло отражение в научной литературе [4, 7, 11-16, 18, 19, 22]. О каргопольцах – жителях Выго-Лексинского общежительства известны только разрозненные факты, которые были отмечены исследователями [18, с. 211]. Однако отсутствует представление, сколько человек, выходцев из Каргополя и Каргопольского уезда ушло жить в староверческие поселения на Выг и Чаженьгу, каковы были их родственные связи, в какие годы они уходили в скиты. Обратиться к этим вопросам позволяет знакомство с переписными книгами и материалами ревизий Каргопольского и Олонецкого уездов. Попытаемся на основе сопоставления сведений из староверческих произведений (История Выговской пустыни Ивана Филиппова, Выго-Лексинский летописец, Синодик Выгорецкий) со сведениями из сочинений бывших староверов (Извещение праведное Григория Яковлева), материалов следственных дел и кадастровых документов выявить достоверные факты из истории участия каргопольцев в жизни крупнейшего староверческого поселения – Выго-Лексинского общежительства в первой половине XVIII в. Помимо волостей, традиционно относящихся к Каргопольскому уезду, в ареал исследования вошли земли Чарондской округи. Чаронда и Каргополь в середине XVIII в. составляли Белозерскую провинцию Новгородской губернии, а северные волости Чарондской

округи тесно соприкасались с Каргопольским уездом и нередко включались переписчиками в его состав [5, л. 102 об., 187 об.].

Один их наиболее известных деятелей Выговского староверческого монастыря Даниил Матвеев был каргопольцем. Он считался наиболее талантливым учеником и ближайшим помощником выговского настоятеля Андрея Денисова, его перу принадлежит множество литературных произведений, а в духовных вопросах его авторитет был непререкаемым до самой смерти [18, с. 211]; [21, с. 391]. Даниил Матфеев был потомственным иконописцем, так же как и его братья Иван и Никита [1, с. 416]. На основании записи в Выго-Лексинском летописце дата смерти Даниила Матвеева устанавливается точно: 26 марта 1776 г. [20, с. 66]. Родился он 11 декабря, но год рождения высчитывается приблизительно – 1687 [9, л. 81]. При этом в разных источниках встречаются разночтения. О себе Даниил Матвеев на допросе в 1739 г. сказал, что ему идет 56-й год, т.е. родился он в 1684 г. [1., с. 551]. В сказках 1720 г. и в материалах I ревизии Даниил Матвеев не был зафиксирован [2]; [7, л. 884-893]. Однако во время II ревизии среди жителей монастыря ревизоры записали Даниила Матвеева в возрасте 53 лет, указав, что в 1720 г. он в возрасте 31 года проживал в поселении на Чаженьге. В записи обнаруживается несоответствие в датах: в одном случае он родился в 1689 г., а в другом – в 1691 г. [5, л. 43 об.]; [6, л. 3 об.]. Иван Филиппов свидетельствовал, что в 1718 г. Даниил Матвеев жил в Выговском монастыре и для него в этом году построили новую келью [17, с. 151]. Его младший брат Иван, который в 1724 г. числился работником на Петровских заводах, в 1744 г. был показан в общежительстве в возрасте 45 лет [5, л. 54 об.]. Существуют различные свидетельства, в соответствии с которыми Даниил, его братья Иван и Никита, их сестра и престарелая мать, имена которых остались неизвестными, пришли на Выг в 1702, 1705 или 1710 гг. [21, с. 392]. Эти даты тоже могут быть изменены, потому что не ясно, от какого года рождения следует производить вычисления. Григорий Яковлев написал, что родители Даниила Матвеева были «обаще убогих весьма» и скитались в поисках пропитания [23, с. 84]. Действительно, по данным переписной книги Каргополя 1712–1713 гг. очень многие дворы показаны пустыми, а хозяева их скитались в поисках пропитания [3]. Один из пустых дворов принадлежал иконописцу Матфею Попову, а он с женой и двумя дочерьми скитался мире [3, л. 20 об.]. В этой записи привлекает внимание имя Матфей, то, что он является потомком священника, и род занятий – иконописец. Все это может иметь отношение к Даниилу Матвееву, т.к. в Синодике Выгорецком в его роду указаны имена двух священников: Фомы и Матфея [9, л. 118 об.]. Можно предположить, что старшие дети каргопольского иконописца Матфея Попова к 1712 г. уже жили в Выго-Лексинском общежительстве и не попали в перепись.

Во время I ревизии по осмотру и свидетельству в 1723 г. среди незаписанных в сказке 1720 г. выговских староверов были зафиксированы всего 3 уроженца Каргопольского уезда: 35-летний крестьянин Троицкой волости деревни Кукшиновой Яков Андреев и два брата крестьяне той же волости деревни Бабкиной 33-летний Иван и 30-летний Сидор Григорьевы. Братья Григорьевы не попали в сказку 1720 г., потому что «посланы были для промысла на море». Яков Андреев и Сидор Григорьев пришли в общежительство 15 лет назад, т.е. в 1708 г., а Иван Григорьев – 10 лет назад, т.е. в 1710 г. [10, л. 1280 об.]. Через 21 год в материалах II ревизии было указано, что Иван Григорьев отпущен с пашпортом (вероятно, снова уехал на промысел), а его брат Сидор в возрасте 51 года и Яков Андреев в возрасте 56 лет жили в общежительстве [5, л. 46 об.].

Государственные ревизоры в середине XVIII в. в дополнение к выше названным староверам зафиксировали в Выговском общежительстве и скитах еще 71 человека выходцев из Каргополя и Каргопольского уезда. Из Каргополя происходило 4 человека, из Чарондской округи Шильдской волости – 12 человек, из Троицкой волости – 9, из Архангельской – 8, из Водлозерской – 5, из Мошинской – 4, из Усть-Мошской, Волосовской и Бережно-Дубровской – по 3 человека, из Лелемской, Кенозерской, Надпорожской, Сауинской, Павловской, Ловзунской, Верхнечюрьюжской – по 2, из Кенозерской, Плесской, Краснояжской, Большешальской, Турчасовского стана, Юрьегорского монастыря – по 1 человеку [5, л. 7-10, 46-224].

Из каргопольцев – посадских людей материалы ревизии 1744 г. позволяют выделить 64-летнюю вдову Анну Семеновну Меркушеву. Род Меркушевых некогда принадлежал к верхушке городских богачей. В XVIII в. посадские люди братья Меркушевы Алексей Большой и Алексей Меньший проживали на улице Каменка. Анна Семеновна была замужем за Алексеем Меньшим (родился в 1672 г.), у них был сын Иван 1709 г.р. и 3 дочери Фекла 1696 г.р., Анна 1698 г.р. и Марья 1707 г.р. После смерти мужа, вероятно, в 1736 г. Анна Семеновна решила оставить мирскую жизнь и поселилась в Лексинском монастыре [5, л. 95]. В староверческом Чаженьгском поселении по материалам ревизии 1744 г. обнаруживается целое семейство каргополок: 60-летняя вдова Анна Федоровна и ее дочери 38-летняя Марина и 37-летняя Марфа Васильевны. Причем дочери ушли из мира раньше матери: Марина – в 1727 г., а Марфа – в 1731 г. Анна Федоровна последовала за дочерьми, по всей вероятности, после смерти мужа посадского человека Василия Ивановича в 1734 г. [5, л. 161 – 164 об.]. Каргопольская бобылка Евдокия Евдокимова пришла на Выг в 1709 г. при жизни мужа. Ее муж Кирик Федоро-

вич проживал не в городе, а в уезде и умер в 1714 г. [5, л. 174 об.]. К сожалению, не удалось отыскать в кадастровых документах дополнительную информацию о Василии Ивановиче и Кирике Федоровиче.

По данным II ревизии многие выходцы из соседних Троицкой и Архангельской волостей (из них было больше, чем из других волостей, переселенцев на Выг – 17 человек) уходили к староверам в 1709, 1712, 1714 гг., и к 1744 г. уже являлись старыми жителями староверческого общежительства. Выходец из деревни Кувшиновой/Кукшиновой Трофим Андреев (родился в 1686 г.) старший брат вышеупомянутого Якова Андреева (родился в 1688 г.) пришел в Выговское общежительство в 1714 г. Во время I ревизии его не внесли в списки староверов, потому что он находился на Новой Земле, занимался звериным промыслом. По такой же причине отсутствовал в общежительстве крестьянин Троицкой волости деревни Тимоховой Андрей Иванов, который проживал на Выгу с 1712 г. Некоторые крестьяне, оставив свою деревню, продолжали числиться в ней, и за них налоги платили их родственники и соседи. Так, за крестьянина Троицкой волости деревни Андреевской Петра Захарова окладные деньги платил житель недалеко расположенной деревни Варварской Федор Яковлев. За крестьянина Лелемской волости Григория Фомина платил его брат Сергей Фомин. За крестьянина Троицкой волости Андрея Никифорова платили его отец Никифор Автамонов и брат Федор Никифоров. Некоторые сами платили за себя, как, например, крестьянин Турчасовского стана Прилуцкой волости деревни Кожуховской Сава Григорьевич Марков [5, л. 66-82 об.]. Некоторых староверов в детском возрасте приводили их родственники, некоторые сами приходили в поисках пропитания и крова над головой. Например, крестьянин Шальской волости деревни Пономаревой 85-летний Егор Петров слепой кормился милостыней, пришел на Выг в 1734 г. В том же году и по той же причине пришел в общежительство крестьянин Устьмошской волости деревни Лендомы 65-летний Иван Иванов [5, л. 87-137]. Крестьянка Чарондской округи волости Большая Шалга деревни Загорье Татьяна Логинова в 1734 г. в возрасте 8 лет была приведена в Кодозерский скит своей матерью, которая вскоре умерла. Девочку воспитал ее старший брат Козма Логинов Кукшинов, проживавший в скиту с 1724 г. Он не записался в староверческий двойной оклад, но продолжал ежегодно платить подушные деньги в своей родной деревне Загорье [5, л. 7, 187 об.].

Каргопольцы проживали как в староверческих монастырях – мужском Выговском и женском Лексинском, так и в Чаженьгском поселении хозяйственного назначения, и в скитах: Выгорецком, Куносозерском, Гавушезерском, Укшезерском, Немозерском, Кодозерском, Кукомосозерском, Икшезерском, Боровском, Огорельшевском, Шелтопорожском [5, л. 174-224].

Произведенный анализ каргопольских переписных книг и материалов I и II ревизий показывает, что в Выговском общежительстве и скитах в первой половине XVIII в. проживало значительное число (около 80 человек) выходцев из Каргопольского региона. Каргопольцы не порывали связи со своей малой родиной и с родными, которые платили налоги за своих ушедших в скиты близких. Престарелых и немощных земляков приводили в монастыри, чтобы за ними ухаживали в монастырских богадельнях. Многие каргопольцы участвовали в промысловых работах, и долгое время проводили в отлучке на море. Можно допустить, что, наряду с идеологическими причинами оставления крестьянами тяглого земельного участка и ухода из мира в скиты, были причины экономического или бытового характера.

Список литературы

1. Есипов Г. В. Раскольничьи дела XVIII столетия. Извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии Г. Есиповым. Издание Д. Е. Кожанчикова. Санкт-Петербург: Тип. товарищества «Общественная польза», 1861. Т. 1. 657 с.
2. Книга переписная раскольников Шуйской, Оштинской половин Олонецкого уезда 1722 – 1727 гг. // РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2373. 45 л.
3. Книги переписные города Каргополя и уезда 1712 и 1713 годов, перепись стольника и коменданта Петра Васильевича Коробьина // РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 167. 837 л.
4. Кулишова С. В. Странники и миссионеры в Каргопольском уезде (1850-1860-е гг.) // Христианство и Север. М., 2002. С. 143-154.
5. Материалы II ревизии. 1744 – 1749 гг. // РГАДА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 964. 522 л.
6. Переписная книга старообрядцев мужского и женского пола Выгорецкого общежительства 1744 г. // ОР РГБ. Ф. 17. № 5. 104 л.
7. Ревизские сказки Олонецкого уезда 1720 г. // РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2359. 987 л.
8. Румянцева В. С. Каргополь в новгородском движении раскола XVII века // Старообрядческая культура Русского Севера. Москва-Каргополь, 1998. С. 32-35.
9. Синодик Выгорецкий // РГБ ОР. Ф. 178 (Музейное собрание). Д. 698. 193 л.
10. Сказки о крестьянах Олонецкого уезда 1723 г. // РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2367, ч. 2. Л. 630 – 1390.
11. Старицын А. Н. Неприятие церковной реформы в каргопольских монастырях // Русский Север. По страницам летописи веков Каргополья. Москва: Изд-во Logosvovs, 2014. С. 99 – 105.

12. Старицын А. Н. Салмозерское поселение инок Иосифа Ловзунского // Старообрядчество в России (XVII – XX вв.): Сб. науч. тр. Москва: Языки славянской культуры, 2013. Вып. 5. С. 39-85.

13. Старицын А. Н. Сказание о игумене Евфимии. Рядом со святостью // Церковь в истории России. Москва: Кучково поле, 2010. Сб. 9. С. 71-89.

14. Старицын А. Н. Сопротивление церковной реформе в Печниковской волости // XVII век в истории и культуре Русского Севера. Материалы XII Каргопольской конф. (14 – 16 августа 2012 г.). Каргополь: Каргопольский гос. историко-архит. и худож. музей, 2012. С. 270 – 275.

15. Старицын А. Н. Староверческие поселения Каргополья конца XVII – начала XVIII в. // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада. Четвертые Шёгреновские чтения. Сб. ст. Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2011. С. 160-169.

16. Старицын А. Н. Староверческие поселения на Большой Порме // Каргополье с древнейших времен: история и культура. Материалы XVI Всероссийской науч.-практ. конф. Каргополь, 2020. С. 131-136.

17. Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. Санкт-Петербург: Тип. товарищества «Общественная польза», 1862. – XIV, 480, V с. + 2 л. илл.

18. Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература / науч. ред. Н. В. Понырко. Москва: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. 544 с.

19. Юхименко Е. М. Каргопольские «гари» 1683 – 1684 гг. (К проблеме самосожжений в русском старообрядчестве) // Старообрядчество в России (XVII – XVIII вв.): Сб. науч. тр. Москва: Археографический центр, 1994. [Вып. 1]. С. 64-119.

20. Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. Москва: Языки славянских культур, 2008. Т. 1. 688 с.

21. Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. Москва: Языки славянских культур, 2008. Т. 2. 566 с.

22. Юхименко Е. М. Новые документы о героях «Винограда Российского» – каргопольских старообрядцах Андрее и Авраамии Леонтьевых // Старообрядчество в России (XVII – XX вв.): Сб. науч. трудов. – Москва: Языки славянских культур, 2004. – Вып. 3. – С. 101-121.

23. [Яковлев Григорий]. Бывшаго безпоповца Григория Яковлева извещение праведное о расколе безпоповщины. (С приложением «карты Суземка раскольническаго» и «Летописца Выговскаго») / Издано Н. Субботиным. Москва: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1888. 169 с.

Из истории старообрядчества в Каргопольском уезде в XIX веке

Л. Н. Хрушкая

*архивист 2 категории отдела социально-
правовых запросов Государственного архива
Архангельской области, г. Архангельск*

Аннотация. В статье освещаются события, происходившие в Каргопольском уезде в связи с прошением крестьян-староверов филипповского согласия, поданном олонецкому гражданскому губернатору о запрещении духовенством хоронить на старообрядческих кладбищах. Ходатайство рассматривалось императором Николаем I и Комитетом Министров. Имеются сведения о деятельности и закрытии Шожмозерской старообрядческой пустыни, моленных каргопольских купцов и крестьян

Ключевые слова: император Николай I, Комитет Министров, олонецкий гражданский губернатор, староверы филипповского согласия Каргопольского уезда, каргопольские купцы, старообрядческие моленные, старообрядческие кладбища, Шожмозерская старообрядческая пустынь.

Информационный потенциал архивных документов неисчерпаем. Они освещают как события глобального характера, так и бытовые происшествия. В Государственном архиве Архангельской области находятся на хранении дела органов административно-полицейской власти и суда Каргопольского уезда и города Каргополя – земский и уездный суды, городническое правление, земский исправник, где отражены сведения о староверах-филипповцах, проживавших на Каргополье.

Инициативным документом, благодаря которому появился комплекс дел, содержащих информацию о бытовании староверов, является покорнейшее прошение экономического крестьянина деревни Низу Ошевенской вотчины и волости Малышова Ефима Яковлева от 9 марта 1835 года, которое было адресовано на имя олонецкого гражданского губернатора действительного статского советника и кавалера Александра Ивановича Яковлева. Примечательно, что автор прошения без излишнего низкопоклонства, соблюдая субординацию, излагал суть просьбы. В начале документа он заявляет: «с самого младенчества моего, быв воспитан родителями по христианству в старообрядской вере, в которой и по сие время с семейством моим пребываю, будучи образован в ней от чрева матери, желаю и остатки дней моих посвя-

тить оной» [5, л. 16]. Он почтительно отзываясь о государстве, как «благоустроенном», «отличающемся веротерпимостью». Однако, как следует из прошения, на местном уровне, а именно – каргопольское духовенство неизвестно по какой причине запрещало хоронить умерших староверов на старообрядческих кладбищах. Автор прошения жаловался на вмешательство духовенства и в другие дела, что, по его мнению, противоречило императорской воле. Ефим Яковлев как уполномоченный от старообрядцев Мошинской, Вохтомской и Павловской вотчин просил губернатора «о даровании им милостивой защиты от подобных...стеснений со стороны духовенства». Надо заметить, что прошение было подписано Ефимом Кошелевым, а не Малышовым, как указано в начале документа.

Впоследствии оказалось, что данный крестьянин имел две фамилии официальную Кошелев, и народную Малышов (Малашов), что было не единичным случаем в Каргопольском уезде. Упоминание последней в документе автор прошения назвал ошибкой писца. В конце ходатайства указано, что писал его со слов просителя каргопольский мещанин Иван Алексеев /Пастухов/ [5, л. 16], который по делу не проходил как старовер. По всей видимости, данный мещанин был нанят для написания и оформления документа.

К ходатайству были приложены доверенности на имя Ефима Яковлева Кошелева, заверенные в волостных правлениях, с подписями крестьян-староверов вышеуказанных вотчин. Так в доверенности от крестьян Павловской вотчины говорится: «известно нам, старообрядцам, что таковых стеснений чинить не велено, и дано сие право в распоряжение господ гражданских губернаторов, почему и доверяем ему, Кошелеву, подобному себе старообрядцу, о милостивейшем покровительстве просить Олонецкаго господина гражданского губернатора и кавалера» [5, л. 17].

В архивных документах встречается информация о поездках жителей города Каргополя и Каргопольского уезда в Петербург. Однако не во всех случаях указывалась цель поездки. Но если даже посещение столицы было вызвано хозяйственными делами, то каргопольские староверы не могли не заметить функционирование там молелен, являвшихся старообрядческими центрами, и кладбищ при них. Все эти факты для каргопольских жителей могли свидетельствовать о том, что закрытие старообрядческих кладбищ являлось своеволием местных властей и скорее всего священников. Поэтому они решили за защитой своих прав обратиться к олонецкому гражданскому губернатору.

Надо заметить, что староверы и других регионов обращались в органы государственной власти. Так в конце XVIII века крестьяне

Шенкурского уезда Архангельского наместничества ходатайствовали перед Сенатом о строительстве старообрядческой часовни и учреждении старообрядческих кладбищ. В своем прошении они прямо ссылались на петербургских единоверцев, которые, не таясь, проводили богослужения, крестили и погребали по старым обрядам. Эта история длилась несколько лет и закончилась высылкой шенкурских зачинщиков в Соловецкий монастырь [11, с. 76-84].

Что касается ходатайства каргопольских староверов, то оно больше года рассматривалось в канцелярии гражданского губернатора и только в сентябре 1836 года было передано в Олонецкое губернское правление. К этому времени дело получило следующее название: «О восстании раскольников Каргопольского уезда против местного духовенства и распространении раскола». К нему была приложена копия отношения олонекского архиепископа Игнатия [4, л. 311]. Вся переписка по этому делу, как в рассматриваемом случае, так и в дальнейшем имела гриф «секретно».

Губернское правление, будучи исполнительным органом гражданского губернатора, уже в ноябре 1836 года предписало каргопольскому земскому исправнику Ларионову провести расследование, выяснив, является ли крестьянин Малашев зачинщиком склонения староверов к подаче жалобы, а также каким образом собирались подписи крестьян, заверивших ходатайство. Исправник должен был обратить внимание на каргопольских крестьян Ключина, разгласившего некий фальшивый указ, из-за которого был учинен «скоп раскольников», и Андрея Окулова, осуществлявшего роль «расколу-учителя» среди местных жителей [4, л. 311-311об.].

Таким образом, обращение к губернатору каргопольских староверов обернулось для них расследованием на многие годы и наказанием активистов. Указом губернского правления предписывалось немедленно заключить под стражу крестьянина деревни Ольшевской Максима Федорова Бритвихина, разъезжавшего по волостям с целью сбора подписей под ходатайством, как «соблазняющего православных в раскол», определить его в городскую тюрьму до особого распоряжения, провести обыск данного старовера с целью поиска книг и писем, носивших запрещенный характер. Земский исправник должен был расследовать действия крестьянина Малышева, подавшего ходатайство на имя губернатора, обратить внимание на моленные в деревнях Красильниковской в доме крестьянина Акулова и Ватамановской при доме крестьянок Ульяны и Парасковьи Даниловых, которые как публичные молитвенные дома посещали крестьяне разных деревень [5, л. 4-10об.].

Несмотря на то, что к началу расследования земский исправник приступил сразу же в декабре 1836 года, однако ввиду необходимо-

сти провести допрос большого количества людей в разных вотчинах в связи со сложностями разъездов по уезду, расследование несколько раз останавливалось, а затем возобновлялось [5, л. 80].

В фонде Каргопольского уездного суда сохранились допросы крестьян, проводимые земским исправником, которые в основном одинаковы по содержанию. Следует отметить, что крестьяне давали клятвенные обещания о даче правдивых показаний [5, л. 163-172]. Всех этих жителей разных волостей объединяло одно: они являлись староверами филипповского согласия, в допросах указано «секты». К документам допросов, как любым архивным источникам, надо подходить критически, так как допрашиваемый старается утаить некоторые обстоятельства дела или исказить информацию в целях защиты себя или единомышленников. Между тем в этих источниках встречаются ценные сведения, отражающие реальные события.

Автор прошения Ефим Яковлев Кошелев, 52 лет, старовер с рождения, грамотный, 13 июля 1840 года на допросе заявил, что «жительство имеет в своем доме с женою Феклою Андреевою, которая тоже раскольница, и семейства никакого не имеют». По решению суда за «шатательство без паспорта» он был наказан десяти ударами плетью. Ефим Кошелев утверждал, что доверенности, написанные на его имя, он получил уже готовыми, подписи под ними не собирал и в волостных правлениях не заверял. Эти доверенности передали ему крестьяне деревни Ольсиевской Павловской вотчины Максим Бритвихин, деревни Пельдиевской Вохтомской вотчины Андрей Федоров Лобанов, Мошинской вотчины Федор Ильин Доманов (из какой деревни не помнит). Вышеупомянутые крестьяне, вызвав Кошелева в город, просили принять доверенности и быть поверенным, что он «с удовольствием и исполнил» [5, л. 81-82].

Особый интерес представляет информация о Шожмозерской (Шеземской, Шожемской) пустыни. Так в 1840 году один из активных филипповцев Каргопольского уезда крестьянин деревни Кондратовской Шожемской волости Федор Ильин Доманов, 48 лет, «раскольник» с малолетства, неграмотный, на допросе заявил, что «особо выстроенная» моленная находилась в Шеземской пустыне, но «ныне четвертый год уничтожена, и они более в оную не ходят, и всякой молитва у себя в доме». (На основании данного свидетельства можно сказать, что пустынь была ликвидирована в 1836 – 1837 годах). Также с его слов при этой пустыне более 50 лет находилось «раскольникове» кладбище, которое местное духовенство закрыло. В допросе упоминается как наставник, возможно, Шеземской пустыни, крестьянин деревни Демидовской Иван Иванов Вантрусев, после его смерти наставником стал крестьянин деревни Сидоровской Леонтий

Андреев, который тоже уже умер, «а ныне таковых не имеют и со стороны ни отколь не ждут, опасаясь воспреещения правительства» [6, л. 1-5, 17об.-18]. Можно предположить, что имя действующего наставника скрывали от чиновников.

Крестьянин Мошинской волости Андрей Петров Диев, 63 лет, неграмотный, на допросе заявил, что стал «раскольниковым филипповской секты» не более 10 лет назад по увещанию бывшего в Шожемской пустыне наставника крестьянина Нименской вотчины Леонтия Андреева.. » [5, л. 106].

Из допроса крестьянина деревни Шуитыса Нименской волости Ивана Иванова Шахова, 44 лет от роду, неграмотного, более 20 лет состоявшего в «филипповской секте», выясняется, что моленной в их волости не было, при деревне Софоновской находилось старообрядческое кладбище, которое давно уже было уничтожено. Для совершения «раскольниковских обрядов» староверы посещали Шожемскую пустынь расстоянием за 30 верст от их деревни, а после ее упразднения «молятся дома». По свидетельству Шахова, крестьянин деревни Кондратовской Федор Доманов, который приезжал к ним в волость зимой 1835 года для сбора подписей под ходатайством о кладбищах, ранее проживал в пустыне [5, л. 113-115].

На допросе в Каргопольском уездном суде крестьянин Андрей Федоров Лобанов (он же Окулов) свидетельствовал, что когда священники стали запрещать хоронить на «раскольниковских» кладбищах, то между староверами начались «рассуждения» по поводу написания жалобы губернатору. Организацию работы по этому вопросу взял на себя крестьянин Ефим Яковлев Кошелев, который встречался с единомышленниками по понедельникам в городе Каргополе, куда приезжал «на торги от народа» [4, л. 392об.].

Таким образом, в 1830-х годах для староверов Каргопольского уезда сложилась весьма неблагоприятная ситуация, связанная с уничтожением Шожмозерской пустыни и закрытием старообрядческих кладбищ. Если, как выяснилось из допросов, проводить богослужения они стали в нелегальных моленных, расположенных в купеческих и крестьянских домах, то с захоронением своих единоверцев возникли проблемы.

Надо сказать, что на территории Каргопольского уезда помимо Шожмозерской старообрядческой пустыни с начала XVIII века находилось Чаженское раскольниковское жилище, которое до 1782 года входило в структуру Выговского общежительства. По состоянию на 1797 год находилось в составе Плесской волости Каргопольского уезда [8, с. 72-73; 9, с. 18, 29; 14, с. 65]. В 1838 году Чаженское раскольниковское жилище было преобразовано в Чаженское селение.

При этом из него выселили мужчин, а одну из старообрядческих часовен преобразовали в православную церковь [12, с. 308, 312-313; 13]. Старообрядческие часовни также функционировали в деревнях Дуплевой и Мартемьяновской [7, л. 10, 13].

Что касается Чаженского селения, то в 1854 году согласно именному списку раскольников Каргопольского уезда в нем проживали семь староверов филипповского согласия. В 1857 году старообрядческая часовня, находившаяся в селении, была закрыта [12, с. 314]. Следовательно, это селение, будучи образовано выговцами, староверами поморского согласия со временем стало обителью филипповцев.

На допросах крестьяне Павловской вотчины свидетельствовали об умершем крестьянине Александре Ключеве (фамилия так в документе) как своим наставнике. Моленная, которая была закрыта в 1830-х годах, находилась в деревне Ватамановской в доме крестьянки Ульяны Федоровой. Именно в этой моленной собрал староверов Ефим Кошелев для подписания доверенности. Раньше при деревне имелось старообрядческое кладбище, «с давних времен отведенное, но по запрещению духовенства более на оном не погребают, а уносят умерших на церковное кладбище» [5, л. 163].

В следственных документах скупо освещается хозяйственная деятельность каргопольских крестьян-староверов. Но вот так характеризуют старообрядцев деревни Лисицынской Павловской вотчины: «Состояния они имеют с прочими крестьянами, подати оплачивают беспрекословно...к землепашеству старательны, и ни в кои противузаконных поступках замечены не были ...» [5, Л. 165].

В деревне Пильдеевой Надпорожской волости в доме крестьянина Андрея Федорова Окулова, (он же и Лобанов) действовала ещё одна моленная староверов филипповского согласия, в которой они собирались по праздничным дням, также при деревне находилось старообрядческое кладбище. Моленная и кладбище в середине 1830-х годов были закрыты. Окулов отрицал тот факт, что он проводил пропагандистскую работу среди крестьян [5, л. 118].

В ходе следствия в земском суде проводились допросы волостных голов и писарей. Так бывшие голова Вохтомского волостного правления Ефим Семионов Жардников и писарь Данило Федоров Битюгин показали, что в марте 1835 года члены правления надлежащим порядком засвидетельствовали доверенности на имя крестьянина Ефима Кошелева по просьбе крестьян-староверов Надпорожского мирского общества [5, л. 123об.-124].

Одним из мест встречи староверов уезда являлся рынок в г. Каргополе. Там крестьяне Мошинской и Ошевенской волостей получили от Ефима Кошелева доверенности, которые заверили

в волостных правлениях, и на рынке в торговый день ему возвратили [5, 105об., 118об.].

Распространение старообрядческой идеологии в Каргопольском уезде вызывало обеспокоенность губернской администрации. В указе Олонецкого губернского правления Каргопольскому земскому суду от 28 августа 1838 года говорится о рассмотрении 9 августа 1838 года Комитетом Министров фактов деятельности некоторых активных пропагандистов старообрядчества в Каргопольском уезде. В связи с этим положением Комитета крестьянин Максим Бритвихин за прием в свою «секту» (так в документе) нескольких крестьян, отступивших от православия, был приговорен к ссылке в Закавказские провинции, как неспособный «по летам своим» к военной службе. Другой крестьянин, Степан Рудаков, как раскаявшийся в «своем заблуждении и присоединившийся к православной церкви», был освобожден от суда и передан под наблюдение приходского священника. В то же время моленную, находившуюся в его доме, должны были уничтожить с передачей тетрадей и всех вещей, необходимых для богослужения, в Олонецкую духовную консисторию. Однако оказалось, что Аксенья Никитина Рудакова, мать С. Рудакова, «утратила» книги из моленной, переданные ей на временное хранение, в чем Комитет предписал разобраться Каргопольскому уездному суду [1, л. 11-13]. Из сообщения головы Павловской волости Антипа Похмелина от 18 июля 1840 года явствует, что вышеупомянутого Максима Бритвихина в 1838 году сослали в Сибирь [5, л. 84].

Секретным сообщением от 23 декабря 1838 года олонецкий гражданский губернатор Дашков Андрей Васильевич довел до сведения Каргопольского земского суда императорское повеление от 3 ноября 1838 года по поводу старообрядческих кладбищ. С одной стороны император Николай I с уважением отнесся к «народному понятию» о желании староверов быть похороненными рядом со своими предками. В то же время император отметил о необходимости «сближать постепенно раскольнические кладбища с православными, дабы обращающиеся к православию или единоверию могли иметь утешительную мысль, что они будут похоронены вместе с их предками» [2, л. 1-3]. К тому же перед захоронением должно быть проведено полицейское освидетельствование. В конечном итоге решения вопроса о старообрядческих кладбищах было передано на рассмотрение губернатора. В императорском повелении говорится о необходимости бороться со старообрядческими пропагандистами, бродящими по селениям, в соответствии с законом [2, л. 1-3].

31 марта 1847 года Каргопольский уездный суд принял следующее решение по делу о восстании «раскольников» против

духовенства: «оставить в подозрении крестьянина Ефима Яковлева Кошелева, 58 лет, обязав его подпискою, чтоб подобного ходатайства не составлять. Другим прикосновенным к делу лиц никому в вину не вменять» [4, л. 281-282].

Однако указом Олонецкой палаты уголовного и гражданского суда от 31 декабря 1847 года данное дело было вновь возбуждено, так как при его ревизии палата определила, что уездным судом дело рассмотрено поверхностно [4, л. 288].

Мнение Каргопольского уездного суда от 22 июля 1849 года мало отличается от прежнего решения 1847 года: крестьянина Е. Я. Кошелева, не сознавшегося «в подводке» крестьян «к рукоприкладству», не имея точных доказательств по этому предмету, суд оставил в «сильном подозрении», обязав, чтоб впредь на себя подобного ходатайства не принимал, опасаясь строжайшего наказания. Другим крестьянам, проходившим по этому делу, ввиду недоказанности их в содействии Кошелеву «к начатию вышеназванного предприятия никому в вину не вменять». Захар Иванов Быков, скрывший свою принадлежность к староверам при избрании на должность волостного головы, на основании закона был сослан на жительство в Закавказские провинции. Суд, принимая во внимание то обстоятельство, что крестьянин Андрей Федоров Лобанов (он же Окулов) не сознался в пропаганде староверия среди православных, в тоже время не нашлось по этому поводу доказательств, решил данного крестьянина оставить свободным. В связи со смертью крестьянин Александр Васильев Ключин, имевший влияние на «раскольников», по решению суда «был оставлен без заключения» [4, л. 311-323].

Скудные сведения сохранились об этом старообрядческом деятеле. Поэтому ценна информация, освещенная в статье О. Б. Пригодиной о крестьянине Александре Клешине, скупавшем старопечатные книги в Ошевенском монастыре. Так на книге «Апостол», М., Печатный двор, 1638 г. имеется следующая запись: «1812 году августа 17 дня за ветхостию продана сия книга из монастыря Александра Ошевенского, крестьянину Александру Клешину Ошевенской слободы. И. Иринарх 10 ру» [10, с. 111]. Прежде всего, данная запись свидетельствует о том, что монастырь из-за экономической выгоды продавал старопечатные книги местным крестьянам, тем самым способствуя распространению старообрядческой пропаганды в уезде. Что касается А. Клешина, то этот источник характеризует его как грамотного крестьянина, имевшего средства на покупку старопечатных книг. По всей видимости, это наставник А. Ключев, о котором свидетельствовали крестьяне Павловской вотчины [5, л. 163]. Возможно, он, будучи наставником Шожмозерской старообрядческой пустыни, собирал книги для скитской библиотеки.

Олонецкая палата уголовного и гражданского суда в своем определении от 30 декабря 1849 года обратила внимание на медленность в производстве дела как Каргопольскою земскою полициею, так и Каргопольским уездным судом. Палата признала Ефима Кошелева виновным в составлении в 1835 году доверенностей, приложенных к жалобе на имя губернатора, от имени «раскольников». Благодаря императорскому Манифесту 1841 года крестьянин Кошелев избежал строгого наказания с предупреждением, «чтобы он впредь не позволял себе подобного рода действий и ходатайств». Что касается крестьян, подавших доверенности, их должны были предупредить под подписку не подавать начальству неосновательных жалоб, «в противном случае с ними будет поступлено по всей строгости закона». Палата определила данное дело представить на согласование губернатору и после этого делопроизводство по этому вопросу закрыть [4, л. 309об.-310об.].

В 1855 году олонецкий гражданский губернатор Муравьев Валериан Николаевич, запрашивая Каргопольский уездный суд сведения о попечителе Шожмозерской пустыни крестьянине деревни Кондратовской Федоре Ильине Доманове, назвал дело «о восстании каргопольских раскольников против духовенства» весьма важным. Ф. И. Доманов также проходил по другому делу за 1830 год. Губернатор указал суду, что по закону «раскольник» за вторичное соращение отсылается в Закавказский край, в то время как этот крестьянин из-за судебной оплошности избежал полагаемого наказания [6, л. 1-5].

В процессе расследования каргопольскими уездными земскими исправниками было установлено, что встреча организаторов сбора подписей проходила в уездном центре городе Каргополе зимой – весной 1835 года. В связи с этим появились сведения о старообрядческой моленной в доме каргопольского купца Павла Попова. Так крестьянин Шожемской волости Федор Ильин Доманов, бывший насельник Шожемской пустыни, будучи в моленной купца Попова «для поклонения святым образам», встретился там, по его словам, с ранее незнакомым ему крестьянином Ефимом Кошелевым, который посвятил его в свои планы по обращению к губернатору и просил собрать подписи староверов под доверенностью. С этой целью Доманов поехал в Нименьгскую волость, где знакомые «раскольники» подписались по добровольному согласию. Следующая встреча с Кошелевым по передаче доверенности состоялась в моленной того же купеческого дома [5, л. 57-58].

Поэтому не остались без внимания олонецкой губернской администрации и купцы-староверы г. Каргополя. Информация по данному вопросу освещена в документах архивного фонда Каргопольского

городнического правления. Из сообщения олонецкого гражданского губернатора Дашкова Андрея Васильевича исправляющему должность каргопольского городничего от 13 января 1837 года явствует, что губернатор приезжал в г. Каргополь в октябре 1836 года для процедуры приема-передачи дел городничими. Именно в этот период были ликвидированы две «раскольниковичьи» моленные в домах каргопольского купца Павла Попова и купеческой девицы Анны Просвирниной с передачей владельцев этих моленных на увещание каргопольскому благочинному священнику Василию Попову. По предписанию министра внутренних дел следствие в отношении каргопольских купцов могло быть прекращено только в случае перехода их в лоно православной церкви. Вероятно, поэтому купец Павел Попов изъявил желание стать единоверцем. Книги и прочая утварь, находившиеся в моленных, должны были поступить в распоряжение епархиального начальства [3, л. 25-27].

Сохранилась информация о проведении в октябре 1836 года обыска исправляющим должность каргопольского городничего в жилых покоях купечествующей девицы Анны Просвирниной, где искали подозрительные книги. В результате обыска на чердаке нашли письменную (вероятно, рукописную) книгу под названием «История или известие о рождении, воспитании и житии Никона, патриарха», которая по показанию Просвирниной принадлежала проживавшей в Петербурге чиновнице Богдановой [3, л. 1]. К тому же, при обыске хозяйка дома пыталась уничтожить письмо на имя некоего Михаила Александровича, написанное, как сказано в протоколе розыска, «раскольниковической женской рукой». В связи с тем, что купеческая девица была неграмотной, протокол, оформленный по результатам розыска, за нее подписала мещанка Пелагия Иванова Лисицына, проживавшая в купеческом доме [3, л. 1-4].

Купеческие дома староверов находились под неусыпным наблюдением духовенства и городской администрации. Так в марте 1837 года исправляющий должность каргопольского городничего подполковник Кузьмин и благочинный священник Воскресенской церкви Василий Попов в 6 часов утра посетили дом купца Павла Попова. Самого хозяина дома не было в связи с отъездом его с женою Марфой Ивановой в Троицкий приход на Алексеевскую «ярмонку». Однако там находился крестьянин деревни Пожарище Надпорожской волости «расколоучитель» Андрей Федоров Лобанов (он же и Окулов). Обнаруженную при обыске книгу под названием «Пресветлая Звезда» священник взял для просмотра [3, л. 29].

В городническом правлении в присутствии полицейского ратмана и благочинного священника Василия Попова допросили каргопольскую мещанку Парасковью Кузьмову Петухову, 72 лет, староверку. Она показала, что читать умеет, а «писать не обучена».

В 1837 году по просьбе купца Павла Попова одолжила ему для чтения собственную книгу под названием «Пресветлая Звезда», которую купила по цене 6 рублей на ассигнации три года назад на толкучем рынке в Петербурге у неизвестного ей лица [3, л. 21-21об.].

Во время следствия купец Павел Попов и его жена Марфа Иванова по предписанию гражданского губернатора от 2 декабря 1837 года получили билет «на отлучку» сроком на 14 дней в связи с поездкой в Повенецкий уезд на Шунскую Богоявленскую ярмарку «для исправления купеческих оборотов» [3, л. 85]. По архивным документам, жена купца Марфа Иванова не значится староверкой, «но из супружеской повинности отстала только от церкви» [3, л. 27].

Указ из Олонецкого губернского правления каргопольскому городничему от 26 октября 1840 года свидетельствует, что дело о моленных купца Попова и купеческой девицы Просвирниной рассматривалось Олонецкой уголовной палатой, которая вынесенный приговор передала на рассмотрение Комитета Министров. Изучив все обстоятельства, Комитет констатировал, что купец Павел Попов и купеческая девица Анна Просвирнина, учредив в своих домах моленные, позволяли собираться в них «раскольникам» из соседних деревень. Несмотря на закрытие моленных местной администрацией, возобновили их деятельность, нарушив тем самым свои подписки. 2 сентября 1840 года Комитет Министров «журналом положил» каргополов Павла Попова и Анну Просвирнину заключить в городскую тюрьму на три месяца, предупредив их о более строгом наказании при повторном нарушении закона. Благодаря тому, что в действиях каргопольских купцов не были обнаружены факты «сворачивания других в раскол», они были оставлены на прежних местах жительства [3, л. 90-91].

Принимая во внимание, что моленные находились в купеческих домах Попова и Просвирниной, по положению Комитета должны быть уничтожены только устройства, составлявшие вид моленных, не касаясь самих домов. Находившиеся в моленных иконы, книги, паникадила и другие вещи, употреблявшиеся при богослужении, а также утварь, должны были отправить в Олонецкую духовную консисторию. Исполнение вышеизложенного положения, в т. ч. наблюдение, чтобы раскольники на будущее время не заводили у себя моленных, Комитет возложил на местную полицию [3, л. 90-91].

Имеется информация, что при описании икон из моленной Просвирниной с них были сняты ризы, оклады, учтено серебро и жемчуг [3, л. 168об.]. По всей видимости, аналогично был проведен учет икон и из моленной купца Попова.

Из уведомления Каргопольского духовного правления на имя каргопольского городничего Мокеева Егора Ивановича от 16 октября

1841 года явствует, что по указу Олонецкой духовной консистории от 29 ноября 1840 года все отобранные из моленных святые иконы, лампы и одежды были уложены в особые ящики, опечатаны печатью правления и в августе 1841 года переданы каргопольскому земскому заседателю Рудометову для доставки в Олонецкую духовную консисторию [3, л. 151].

Конфискованные из купеческих моленных иконы и другие вещи хранились в Христорождественском соборе г. Каргополя. В общей массе они составляли значительную тяжесть, поэтому перевозка их в губернский центр требовала задействовать немалое количество людей и подвод [3, л. 157]. Со временем был найден подрядчик крестьянин Попов, который за 20 рублей доставил иконы и вещи из моленных в г. Петрозаводск. Как свидетельствуют архивные источники, иконы, находившиеся в каргопольских моленных, Олонецкая духовная консистория приняла по описи в соборе и все списала, за исключением иконы Николая Чудотворца [3, л. 181].

В 1840-х годах городничий ежегодно представлял олонецкому гражданскому губернатору списки «раскольников» г. Каргополя. Так в списках городских «раскольников» за 1843 год значится 10 человек, все филипповского согласия. Среди горожан-староверов значились купцы 3-й гильдии, уроженцы г. Каргополя, приписанные к Каргопольскому обществу, согласно своему статусу они имели, как указано в документе, «порядочное состояние». Попов Павел Федоров, 54 лет, занимался продажей разных харчевых припасов и кожевенных товаров, его сестра, девица Марья Федорова Попова, 58 лет, проживала при брате; занималась торговлей пушным товаром, братья Мясниковы Иван Степанов, 44 года, и Николай Степанов, 41 год, занимались продажей разных харчевых припасов и кожевенных товаров, девица Анна Михайлова Просвирнина, 54 лет, занималась торговлей пушным товаром [3, л. 183об.-184, 188об.-190]. Другая часть городских староверов являлась мещанами, уроженцами г. Каргополя, приписанными к Каргопольскому обществу, имели в соответствии со своим званием «посредственное состояние». Среди них были Носов Николай Иванов, 74 лет, живший за счет ранее приобретенного капитала, Петухов Михайло Иванов, 74 лет, занимался мещанским промыслом, Попов Григорий Иванов, 33 года, занимался мещанским промыслом и беличьим мастерством. Не указан род занятий у мещанских девок Лисицыной Пелагеи Ивановой, 34 года, проживавшей у купеческой девицы Анны Просвирниной, и Авдотьи Алексеевой, 69 лет, по слепоте проживавшей у мещанина Михея Петелина. В 1844 году в связи со смертью Петухова М. И. количество староверов уменьшилось, также изменился статус у Просвирниной Анны,

которая стала мещанкой, проживавшей за счет средств от мещанского промысла и беличьего мастерства [3, л. 188об-191]. Документы свидетельствуют об экономической состоятельности каргопольских староверов-филипповцев. Что касается купца П. Ф. Попова, то он так и не перешел в единоверие, оставшись верным своим убеждениям.

Следует отметить, что благодаря инициативе каргопольских крестьян-староверов, подавших прошение на имя губернатора, был создан корпус документов, освещающих события, происходившие в Каргополье в XIX веке. Следовательно, вышеуказанные документы, образованные в процессе деятельности государственных учреждений для практических целей, со временем приобрели историческую значимость.

Список литературы:

1. ГААО. Ф. и-993. Каргопольский земский суд Олонецкой губернии. Опись 1. Дело 2002.
2. ГААО. Ф. и-993. Каргопольский земский суд Олонецкой губернии. Опись 1. Дело 2095.
3. ГААО. Ф. и-1003. Каргопольское городническое правление Олонецкой губернии. Опись 1. Дело 197.
4. ГААО. Ф. и-1312. Каргопольский уездный суд Олонецкой губернии. Опись 1. Дело 244.
5. ГААО. Ф. и-1312. Каргопольский уездный суд Олонецкой губернии. Опись 1. Дело 415.
6. ГААО. Ф. и-1312. Каргопольский уездный суд Олонецкой губернии. Опись 2. Дело 30.
7. ГААО. Ф. и-1471. Каргопольский земский исправник Олонецкой губернии. Опись 1. Дело 180.
8. Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII XX веках. Справочник /Отв. сост. Л. В. Гундакова. Архангельск: Правда Севера, 1997. С. 72-73.
9. Докучаев-Басков К. А. Чаженский раскольниковый скит (1710-1854). М., 1912. С. 18.
10. Пригодина О. Б. Библиотека Александро-Ошевенского монастыря. К вопросу о реконструкции//Каргополье с древнейших времен: история и культура. Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции. Каргополь:КИРА, 2020. С. 102-113.
11. Хрушкая Л. Н. Очерки по истории старообрядчества в Шенкурском уезде в XVII начале XIX в веках // Важская земля: из глубины веков до настоящего времени: [материалы науч.-практ. конф.] – Шенкурск, 2007. С. 76-84.
12. Хрушкая Л. Н. Из истории Чаженского старообрядческого жилища// Культурное и природное наследие Европейского Севера:

сборник/ сост. П. С. Журавлев [и др.] отв. ред. Н. М. Теребихин, Е. Ф. Шатковская. Архангельск: Поморский университет, 2009. С. 308-313.

13. Чаженьгский старообрядческий скит //Макаров Н. А. Плесецкий район Архангельской области. Энциклопедический словарь. Архангельск, 2004.

14. Юхименко Е. М. Выговская литературная интерпретация каргопольских событий 1683-1684 гг. // Старообрядческая культура Русского Севера: Тезисы докладов и сообщений Каргопольской научной конференции/ Науч. ред. и сост. Н. И. Решетников. М.; Каргополь, 1998. С. 63-68.

«Восстание» каргопольских раскольников против местного духовенства (1835-1864 гг.)

В. В. Ефимова

*доцент, доктор исторических наук, профессор
Петрозаводский государственный университет*

Аннотация. Впервые рассмотрено уголовное дело, названное с подачи олонецкого и петрозаводского епископа «восстанием». И хотя это дело таковым вообще не являлось, оно ярко демонстрирует, как могли быть оценены при Николае I местной администрацией и духовенством действия каргопольских крестьян-староверов, посмевших просить губернатора позволить им хоронить своих единомыслителей по их обряду на специально отведенных кладбищах и запретить вмешиваться в это местное духовенство.

Ключевые слова: Каргопольский уезд, старообрядцы, прошение, следствие и суд.

15 марта 1835 г. старообрядец Ефим Кошелев, получив 3 засвидетельствованных в волостных правлениях доверенности от крестьян-единомыслителей филипповской секты разных деревень Вохтомской, Мошинской и Павловских вотчин Каргопольского уезда, подал по почте прошение на имя бывшего тогда олонецким губернатором А. И. Яковлева. Крестьяне просили защиты от делаемого им от каргопольского духовенства воспреещения «предавать земле по христианскому чиноположению на отведенных им старообрядческих кладбищах» своих единомыслителей, что «противно Высочайшему повелению» [10, л. 7-8].

Олонецкий и Петрозаводский епископ Игнатий на запрос губернатора по сути прошения по собранным от местных священников сведениям в своем отношении от 12 сентября 1836 г. не только опротестовал некоторые подписи, стоявшие под этими доверенностями, но и назвал эти действия раскольников «скопом». Не сомневаемся, что именно это отношение и легло в основу пунктов, по которым будет начато следствие.

Губернатор переслал все бумаги в Олонецкое губернское правление, которое 15 ноября 1836 г. приказало каргопольскому земскому исправнику Ларионову провести «строгое исследование» о крестьянах: 1) Ефиме Кошелева – не он ли является зачинщиком к подговору и склонению раскольников на просьбу без предварительного совещания («скопа»); Александре Ключине – «разгласителе подложного

указа, под влиянием которого учинен скоп раскольников» (имелся в виду обнаруженный у него в 1833 г. фальшивый указ, в котором якобы Николай I в 1831 г. дозволил старообрядцам строить вновь часовни и отправлять в них по старопечатным книгам богослужения [12]); Андрее Окулове – «советами и увещеваниями коего многие из православных отчуждаются в раскол» и чем закончилось исследование об устроенном в его доме молельни; Максиме Бритвихине – действительно ли он принимал участие в составлении одной из доверенностей; 2) почему на одной из доверенностей означены подписи двух крестьян, которые считались умершими в 1821 г.; 3) почему доверенности подписали и такие крестьяне, которые не были раскольниками и «ныне таковыми не состоят», а также и те, которые принадлежали на момент подписания доверенности к православию, но затем поступили в раскол, и не совратил ли их Кошелев; 4) каким образом был избран в волостные головы раскольник Захар Быков, который засвидетельствовал одну из этих доверенностей; 5) когда, кем и в каком расстоянии от кладбищ православных были отведены самовольно или без ведома губернского начальства кладбища для раскольников. Заведенное дело было названо «о восстании каргопольских раскольников против местного духовенства» [6, л. 114-115]; [10, л. 5-6].

Результаты следствия по этому делу были представлены из Каргопольского земского суда почти 5 лет спустя (!), а именно при рапорте от 30 августа 1841 г. уже новому губернатору Х. Х. Повалов-Швейковскому. Земские исправники, его проводившие, задержку оправдывали занятостью другими делами и огромным количеством лиц, которых надо было по «делу о восстании» опросить [9, л. 1, 30]. Из следствия следовало, что: 1) А. Ключин по делу о фальшивом указе уже осужден; 2) следствие о заведенной в доме А. Окулова молельне находится у губернатора; 3) М. Бритвихин по другому раскольничьему делу уже сослан в Сибирь на поселение; 4) крестьяне-подписанты (чуть более 100 чел. – В. Е.) показали, что действительно подписывали доверенности Е. Кошелеву (уроженец д. Низу Ошевенской волости) по просьбе крестьян их вотчин М. Бритвихина (Павловская), А. Лобанова (уроженец д. Пильдеево Вохтомской) и Ф. Романова (уроженец д. Кондратьевская Мошинской), но не знают, кто их свидетельствовал в их волостных правлениях; 5) ни Окулов, ни Кошелев в совращении в раскол не замечены, о чем свидетельствовали на повальном обыске не менее 320 православных крестьян этих вотчин (подробные сведения об этих вотчинах см.: [16, с. 35, 22-23, 37-38]); 6) Кошелев сознался только в том, что в г. Каргополе ему были даны уже готовые доверенности Бритвихиным, Лобановым и Романовым, которые и просили его быть ходатаем по их

прошению; 7) З. Быков стал волостным головой потому, что никому не объявил о том, что он раскольник при избрании; во время же нахождения в должности ходил в церковь, но по ее окончанию «совсем отстал от церкви»; 8) А. Окулов показал, что в 1835 г., когда священники воспрещали им погребать мертвые тела на их кладбищах, «то пошли между ними рассуждения о принесении жалобы», а Кошелев вызвался сделать это добровольно и безвозмездно.

Что же касается вопроса о кладбищах для раскольников, то из некоторых других дел, и в частности, из дела заведенного в 1840 г. «Об отпении и предании земле на раскольниковом кладбище Александра Ключина и вновь открывшемся требоисполнителе Ефиме Кошелеве», это кладбище было отведено более 30 лет назад по указу Каргопольского земского суда Павловскому волостному правлению от 29 апреля 1808 г. [3, л. 1-9]; [4, л. 1, 13].

Губернатор Х. Х. Повало-Швейковский почему-то также не спешил отправить материалы следствия в Каргопольский уездный суд, сделав это только 30 октября 1845 г., но потом неоднократно понуждал его скорее решить это дело [5, л. 2-8]; [11, л. 27об.-28, 72-77].

7 апреля 1847 г. Каргопольский уездный суд донес губернатору, что дело им решено 31 марта и представлено на ревизию в Олонецкую палату уголовного и гражданского суда (далее — Палату). Суд 1-й инстанции высказал следующее мнение: 1) Е. Кошелева 58 л., хоть и отказавшегося в подговоре раскольников к подписанию доверенностей, но, как утверждают некоторые из подписавшихся, что он их лично приглашал к подписи, оставить в подозрении, но обязать его подпискою, чтоб впредь не смел ходатайствовать; 2) поступки остальных крестьян (А. Ключина, А. Лобанова, М. Бритвихина, А. Окулова, Ф. Романова), как недоказанных в содействии «к начатию затеянного прошения Кошелевым, никому из них в вину не вменять»; 3) поступок З. Быкова оставить без заключения [10, л. 12-13].

Даже не посвященному в тонкости юридической процедуры понятно, что данное решение Каргопольского уездного суда было неполным. Поэтому журналом от 4 октября 1847 г. Палата потребовала от уездного суда дополнить свое мнение резолюциями по Быкову, Ключину, Романову и Лобанову, а также установить, кто и когда из крестьян, подписавших доверенности, перешел в раскол [10, л. 14-17].

17 августа 1849 г. Каргопольский уездный суд повторно внес на ревизию в Палату дело, которое теперь называлось «о восстании раскольников некоторых обществ Каргопольского уезда против духовенства и об отступничестве некоторых крестьян от православия». В отношении Е. Кошелева суд несколько «усилил» свое мнение, оставив его «в сильном подозрении». Остальные фигуранты дела

были обвинены и присуждены: 78-летний А. Ключин – «во влиянии на скоп раскольников», но по причине его смерти оставлен без заключения; 68-летний А. Лобанов – в совращении в раскол, но за недокананностью оставлен свободным; 64-летний Ф. Романов – как сознавшийся в собирании подписей в своей вотчине оставлен свободным, но с внушением впредь так не делать; 65-летний З. Быков – в отступлении от православия, за что предложен «к отсылке на житье в Закавказье» [11, л. 4-5].

31 декабря 1849 г. Палата приняла несколько иное решение: 1) Е. Кошелева, оказавшегося виновным в составлении в 1835 г. жалобы бывшему губернатору на притеснения будто бы духовенством, чего они доказать не могли, следовало бы подвергнуть всей строгости закона, но т. к. поступок его подпадает под Манифест 16 апреля 1841 г., то оставить его без наказания, но подтвердить, чтобы впредь не делал ничего подобного под опасением наказания; 2) Ф. Романова за собирание подписей по тому же Манифесту оставить свободным, но внушить, чтоб впредь этим не занимался; 3) крестьян Шежемской волости д. Демидовская З. Быкова, Мошинской вотчины д. Устьксы-речьки Н. Диева 65 л., А. Диева 75 л., Лижемского общества В. Манушкина 97 л., Е. Трухина 82 л.; Златоустовского общества д. Зажиговой А. Рудометова 77 л. по их собственному сознанию за отсоединение от Православной церкви отослать к духовному начальству для увещевания; 4) крестьянина Вохтомской вотчины д. Пильдеевой А. Окулова, в совращении раскола не сознавшегося и никем не оговоренного, оставить свободным; 5) З. Быкова за несообщение им при выборе волостным головой, что он раскольник, и за засвидетельствование доверенности раскольников Кошелеву следовало бы подвергнуть всей строгости закона, но т. к. поступок его подлежит прощению по Манифесту 16 апреля 1841 г., то оставить его без преследования; 6) всем крестьянам, дававшим Кошелеву доверенность, строго подтвердить подпискою, чтобы впредь воздержались от принесения неосновательных жалоб начальству под опасением привлечения к ответственности; 7) медлительность Каргопольского земского суда при производстве следствия по этому делу подпадает под Манифест 1841 г., т. е. прощается; 8) о медлительности Каргопольского уездного суда при производстве этого дела в течении 3-х лет сообщить в Олонецкое губернское правление.

Однако лишь 3 апреля 1851 г. Палата представила свой приговор очередному олонецкому губернатору Ю. А. Долгорукову на утверждение, известив, что под стражей никого нет. Последний, согласившись с этим решением, представил его по установленной по делам о расколе особой процедуре министру внутренних дел при

рапорте от 12 августа 1852 года. Однако уже 29 ноября губернатор был вынужден вернуть Палате это дело обратно, т. к. ставший тогда министром внутренних дел Д. Г. Бибииков (известный гонитель старообрядчества в последние годы правления Николая I – В. Е.) потребовал дополнить его, т. к. в деле осталось не до конца выясненным, были ли некоторые из крестьян на момент подписания ими доверенности раскольниками или нет, и состоят ли в расколе их семьи [6, л. 103, 114-118, 124-125, 196]; [11, л. 28-34].

14 мая 1853 г. Палата приняла следующее решение: т. к. министр требует только дополнить дело, то вынесенный ею приговор от 31 декабря 1849 г. остается в силе, поэтому необходимо лишь потребовать от олонецкой администрации провести дополнительное расследование. В результате дело дополнялось в 1853 – начале 1854 г. уже при новом губернаторе В. Н. Муравьеве, бывшим, по нашему мнению, самым эффективным гонителем старообрядцев из всех олонецких губернаторов [15]; [6, л. 146-152]; [11, л. 37-59].

Материалы следствия были представлены из Палаты Муравьеву 13 марта 1854 г. с таким вопросом: высочайшим повелением от 10 июня 1853 г. раскольничьи дела были обращены к общему ходу уголовных дел, т. е. уже не должны вноситься на рассмотрение к министру внутренних дел, поэтому не следует ли пересмотреть это дело с учетом дополнения? 29 мая губернатор препроводил дело обратно в Палату, предложив ей войти в рассмотрение дела, и уже в начале сентября 1854 г. запросил – в каком положении дело? Палате пришлось срочно при рапорте от 17 сентября представить к нему дело. Оставив в силе свое решение от 31 декабря 1849 г., Палата лишь добавила к нему решение по результатам дополнительного следствия, а именно: 1) несколько крестьян за отступление в раскол были приговорены к отсылке к духовенству на увещевание, 2) нескольких крестьян, не ходивших в течение нескольких лет к исповеди, было предписано подвергнуть церковному наказанию по усмотрению Олонецкой духовной консистории [6, л. 155-159, 165]; [11, л. 82-83].

Оставление Палатою в силе своего прежнего приговора по основным фигурантам дела дало основание губернатору Муравьеву 31 декабря 1854 г. не согласиться с ним. Основанием стала ссылка на высочайшее повеление, объявленное министром внутренних дел начальникам губерний 5 августа 1841 г., которым объявлялось, что под силу всемилостивейшего Манифеста 16 апреля 1841 г. не подпадают дела о раскольниках [1]; [9]. Муравьев предписал Палате готовить дело для представления в Сенат. Палата, хотя и заметила, что ей ничего не известно об этом высочайшем повелении, вынуждена была начать подготовку дела к отправке в Сенат, но делать это явно не спешила.

Поэтому 1 марта 1855 г. Муравьев вновь вопрошал Палату, что сделано по его предложению, поэтому 4 марта Палата представила дело к нему [6, л. 166, 176]; [11, л. 86-88, 91-92].

Однако сам Муравьев представил дело в Сенат лишь год спустя, а именно 26 апреля 1856 г. [6, л. 179]; [11, л. 93]. Причиной такой задержки, по нашему мнению, было следующее обстоятельство: 27 марта 1855 г. в связи со сменой царствования был издан традиционный манифест «О всемилостивейшем даровании народу милостей и облегчений». Согласно его п. VI, всех состоявших под следствием и судом за преступления, за которые не следовали наказания, соединенные с лишением всех или всех особенных прав состояния, предписывалось освободить от следствия и суда [2]. Губернатор, понимая, что его протест может быть Сенатом не принят во внимание, решил поступить уже не раз опробованным до него способом: в августе 1855 г. он вошел в МВД с вопросом – распространяется ли Манифест 27 марта 1855 г. на дела о раскольниках? По-видимому, он рассчитывал, что правительство поступит так же, как оно поступило с аналогичными Манифестами 22 августа 1826 г. и 16 апреля 1841 г., т. е. не распространит их действие на дела о раскольниках. Но губернатор не учел, что началось новое царствование: в конце августа 1855 г. был сменен сторонник жестких мер в борьбе против раскола министр внутренних дел Бибииков и вместе с ним постепенно уходила в прошлое проводимая им политика [14, с. 126-129]; [13, с. 162-171]. В циркуляре нового министра С. С. Лонского от 2 февраля 1856 г. губернаторам было разъяснено: т. к. прежний порядок производства дел о раскольниках 10 июня 1853 г. отменен и дела по раскольникам рассматриваются в общем порядке, то «нет основания изъять преступления раскольников против Веры от его действия» [7].

К сожалению, мы не нашли пока текст протеста губернатора Муравьева на приговор Палаты, с которым он вошел в Сенат, но, как следует из указа Сената от 29 января 1857 г., Палатой при производстве следствия о каргопольских раскольниках: 1) вовсе не опрошены несколько крестьян, которые были православными, а потом сошлись в раскол; 2) не установлено, действительно ли М. Бритвихин «отправлял богослужение», за что и был сослан в Сибирь; 3) в каких домах собирались раскольники для подписания доверенностей; 4) не были ли судимы прежде фигуранты дела. В итоге Сенат заключил: т. к. «дело не вполне обследовано», а решение Палаты «постановлено прежде времени», то он «не считает возможным приступить к его рассмотрению по существу» и дело следует вновь дополнить [11, л. 96-97].

В 1857 г. дело было вновь отослано на дополнение к каргопольскому земскому исправнику. 1 ноября 1857 г. он представил в Палату

дополнение, которое 4 декабря Палата отправила «на рассуждение» в Каргопольский уездный суд. Последний 21 декабря 1859 г. представил свое мнение на ревизию в Палату. Согласно ему: 1) 4 оставшихся в живых главные фигуранты дела Е. Кошелев (71 г.), Ф. Романов (76 л.) и А. Окулов (80 л.) были оставлены при прежних приговорах, а З. Быков (63 г.) прощен по Манифесту 1841 г.; 2) к перечисленным в приговоре 1849 г. 5 крестьянам, также оставленным при прежнем решении, прибавилось еще 23, но все они были либо присуждены к отсылке к духовному начальству для увещевания, либо оставлены свободными от наказания или вообще без заключения по причине их смерти или неотыскания; 3) дело о мольбине Окулова, как уничтоженной еще в 1836 г., оставлено без заключения; 4) всем крестьянам, дававшим Кошелеву доверенности и бывшим еще живыми, строго подтверждалось с подпискою, чтобы впредь воздержались от принесения начальству неосновательных жалоб [8, л. 63-67].

Уже 23 декабря 1859 г. (!) Палата утвердила это мнение с незначительным изменением: решение Палаты от 1849 г. по Е. Кошелеву, Ф. Романову и А. Окулову оставить в силе, только уже на основании Манифеста от 27 марта 1855 года. 29 марта 1860 г. очередной олонецкий губернатор Ю. К. Арсеньев утвердил его. Палата доложила Сенату, что «приговору делается исполнение». Как можно понять, собственно само «исполнение» дела производилось до начала 1864 года [11, л. 106-108].

Таким образом, рассмотренное в данной статье уголовное дело, названное с подачи олонецкого и петрозаводского епископа Игнатия губернской администрацией делом «о восстании каргопольских раскольников», таковым на деле не являлось. Крестьяне-старообрядцы, хотя и в количестве не менее 100 человек, всего лишь посмели просить губернатора разрешить им хоронить своих единоверцев по их обряду на отведенных им кладбищах и не вмешиваться в это духовенство. К сожалению, остался так и не выясненным ключевой вопрос – кто конкретно запретил им это делать в 1835 году. В деле лишь фигурировала фраза, что доказать свое утверждение старообрядцы так и сумели. Все усилия олонецкой администрации и суда в конечном итоге свелись к выяснению: как старообрядцы вообще посмели решиться на такое прошение, кто был его зачинщиком и организатором, когда его подписанты обратились в раскол? Следствие и суд по делу растянулись почти на 30 лет, что фактически уберегло подавляющее большинство привлеченных по этому делу крестьян от уголовной ответственности. Фактически только треть из них была за нахождение в расколе отправлена «на увещевание» священникам, все остальные оставлены вообще свободными

от суда. Основные фигуранты дела – зачинщики и сборщики подписей под прошением – либо успели умереть, либо были прощены высочайшими манифестами, либо ничем не уличенные, остались свободными. Следует, впрочем, учесть, что окончательный приговор по крестьянам был постановлен в начале 1860-х гг., ставшим временем смягчения взгляда правительства на старообрядчество. Также данное уголовное дело еще раз продемонстрировало, насколько старообрядчество, несмотря на репрессии эпохи Николая I, оставалось распространенным явлением в среде крестьян Каргопольского уезда в 30-60-х годах XIX века.

Список литературы:

1. Манифест от 16 апреля 1841 г. О всемиростивейше дарованных милостях и облегчениях // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 (далее – ПСЗ-2). СПб.: Тип-фия II Отд-я С. Е.И. В. Канцелярии, 1830. Т. 2. № 14460.
2. Манифест от 27 марта 1855 г. О всемиростивейше дарованных народу милостей и облегчений // ПСЗ-2. СПб.: Тип-фия II Отд-я С. Е.И. В. Канцелярии, 1856. Т. 30. № 29165.
3. Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. 1. Оп. 46. Д. 4/75.
4. НА РК. Ф. 1. Оп. 46. Д. 6/126.
5. НА РК. Ф. 1. Оп. 46. Д. 7/158.
6. НА РК. Ф. 1. Оп. 46. Д. 13/351.
7. НА РК. Ф. 1. Оп. 46. Д. 24/640.
8. НА РК. Ф. 1. Оп. 46. Д. 28/773.
9. НА РК. Ф. 2. Оп. 71. Д. 9/47.
10. НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 304/2959.
11. НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 304/2965.
12. НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 42/8.
13. Алексеева С. И. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856-1904 гг. – СПб.: Наука, 2006. – 276 с.
14. Ершова Е. П. Старообрядчество и власть. – М.: Уникум-центр, 1999. – 203 с.
15. Ефимова В. В. Олонецкий губернатор В. Н. Муравьев о своей борьбе со старообрядцами в 1853–1856 годах // Север Евразии – пространство взаимодействия: сб. науч. стат. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2023. – С. 117-130.
16. Тормосова Н. Каргополье: история исчезнувших волостей. – Каргополь: Каргопольский музей, 2011. – 711 с.

«Средний класс» Каргополя на примере семьи Блохиных (вторая половина XIX – первая половина XX века)

И. В. Онучина

*старший научный сотрудник,
Каргопольский историко-архитектурный и
художественный музей, г. Каргополь*

Аннотация. Мещанское сословие или «средний класс» – наиболее многочисленная группа горожан, но менее изученная. Статья раскрывает историю такой каргопольской семьи. Вхождение приезжего мастера в гражданское общество Каргополя. Семейное ремесло и другие промыслы Блохиных, их репутация. Судьба семьи в XX в. Статья подготовлена с привлечением малоизвестных источников 1918-1930 гг., в т. ч. муниципального архива.

Ключевые слова: Блохины, мещанство, красильщик, набойка, беличий промысел, земство, городская дума, недвижимость, аренда.

Реформы Екатерины II закрепили сословную принадлежность городского населения: из прежнего купечества выделили сословие мещан. Мещанство, самая многочисленная группа горожан, так называемый «средний класс», не была однородной. В Каргополе беднейшая ее часть занималась обработкой земли, ремеслами, нанималась работниками в беличьи мастерские, уходила на заработки... Верхушка содержала торговые лавки, пекарни, постоянные дворы, меховые и иные ремесленные мастерские.

В мещанское общество Каргополя вошли и Блохины. Принято считать, что Дмитрий Иванович Блохин (1825–02.06.1894) [16, л. 75об.-76.] переехал сюда с семьей из Кириллова, где имел мастерскую по крашению тканей¹ [57, с. 383]. Самые ранние выявленные о нем сведения относятся к 1865 г. В тот год он был избран ратманом в Каргопольский городской магистрат [56, с. 129]. Отметим, что в выборах местного управления участвовали только те, кто платил налоги в городскую казну, имел промысловое / торговое свидетельство или недвижимость, то есть являлся полноправным членом городского общества. В 1874 г. мещанин вошел в первый состав всесословной городской думы [25, с. 226]. В последующие годы

¹ Эти сведения были записаны в 1956 г. со слов Л. М. Мальковой, сестры другого каргопольского красильщика во время экспедиции Российского этнографического музея.

избирался в нее не раз, работал в различных комиссиях [26, с. 356; 29, с. 404; 30, с. 786]. В течение 3-х лет с 1880 г. являлся кандидатом в заместители директора городского общественного банка [28, с. 98].

В 1873 г. Дмитрий Иванович стал собственником деревянного двухэтажного дома на углу улиц Благовещенской и Шелковни (ныне пр. Октябрьский и ул. Гагарина). Он приобрел его у крестьянина Я. С. Блохина, скорее всего, родственника. В 1888 г., кроме этого дома, сдаваемого под квартиры, мещанину принадлежали каменный одноэтажный «дом для себя», во дворе – ледник, амбар, баня и скотный двор с хлевами; все строения прочные, при доме два деревянных флигеля для красивых работ и выделки белки [19, л. 24об, 26об.; 54, с. 4].

Будучи мастером-красильщиком, Д. И. Блохин прибегал и к иной торгово-промысловой деятельности. В 1875 г. горожанин получил промысловое свидетельство на мелочной торг [17, л. 9-10об.]. В 1878 г. взял в аренду питейное заведение «Почтамтское» [27, с. 107]. По примеру других промышленников завел меховую мастерскую: подборка и шитье мехов из шкур белки – известный промысел каргопольских жителей. Тем самым глава семьи стремился обеспечить ее материальное благополучие, добиться устойчивого дохода. Похоже, ему это удавалось. Например, в 1883 г. он без труда одолжил городской думе 200 рублей [30, с. 786]. Однако особым семейным знаком Блохиных являлось ремесло кубовой набойки. В памяти каргопольцев они остались, прежде всего, как мастера набойно-красильного дела. Их профессиональная принадлежность отразилась в синодике церковного прихода Рождества Иоанна Предтечи, где имена родных для поминовения озаглавлены «Род красильщика Дмитрия Иванова Блохина с детьми» [34, л. 22].

Помимо сыновей у Д. И. Блохина было три дочери: Александра, Прасковья и Мария. Все члены его семьи названы в духовном завещании 8 мая 1894 г., где глава семейства выразил свою волю о наследстве. Он пожелал передать все благоприобретенное недвижимое имущество: «каменный одноэтажный дом <...> с двумя деревянными флигелями и с другими пристройками и со всею землею, <...> деревянный двухэтажный дом с пристройками и всею землею, <...> и все движимое имение, в чем бы оно не заключалось <...> в полную неотъемлемую собственность» сыновьям Степану и Константину [20, л. 6, 6об, 7]. Завещатель позаботился и о жене: дети должны были выдать матери Авдотье Савельевне (1828–1903 гг.) [14, 56об.-57] три тысячи рублей на ее нужды и оставить жить в одном из домов. Дочери, к тому времени выданные в замужество и получившие приданое, к имению и капиталам «никаких касательств <...> не имеют» [20, л. 6об.].

Имущество оставалось в нераздельном пользовании наследников по крайней мере вплоть до 1909 г. Подобный подход облегчал оплату гильдейских пошлин. По оценочной стоимости на долю каждого приходилось по 1502 рублей 50 копеек [55, с.4]. Старший из братьев прирастил свою часть новоприобретениями. В 1904 г. он купил двухэтажный деревянный дом на углу ул. Екатерининской и Каменки (ныне Ленина и Акулова) с двумя флигелями и хозяйственными постройками. Усадьба принадлежала М. Г. Попову и была выставлена на торги [53, с. 1; 55, с. 4]. В 1909 г. С. Д. Блохин обзавелся еще одним деревянным двухэтажным домом по ул. Санкт-Петербургской (ныне Ленинградская) умершего С. Г. Серкова [18, л. 86об, 87]. Новые купили служили хозяину доходными домами.

В том же завещании Д. И. Блохина содержится подробная роспись всех материалов красильни и их количества. «Краски 35 фунтов 105 руб., <...> купоросного масла 10 пуд. 16 руб., купоросу зеленого 5 пуд. 5руб. 50 коп., вишневого клею 2 пуд. 16 руб., <...> купоросу синего 1 пуд. 5 руб. 20 коп., сурика красного 20 фунтов, хромпику 25 фунтов, сандалу синего 2 пуда, квасцов 10 фунтов, цидрону желтого 15 фунтов, <...>. крашеного холста 5000 аршин на 150 рублей (за одну работу, холст чужой), ниток синих и красных 3 пуда <...>, итого имущества на 347 рублей 85 копеек» [20, л. 4]. Помимо химикатов для окрашивания холстов в кубе, присутствуют самые разные пигменты для расцвечивания белых неокрашенных узоров и нанесения цветных оживок поверх окрашенного холста. Большим разнообразием орнаментов обладает коллекция из 119 набойных досок Блохиных, приобретенных в Каргополе Российским этнографическим музеем (1956). При этом особые узоры предназначались для набивания холстов на рукава и стан женских рубах, сарафаны, мужские порты и рубахи, причем для стариков и старух свои, а также наволочки, настиральники, скатерти [57, с. 383]. Это говорит о масштабе производства, а также профессионализме ремесленника.

Семейное дело кубовой набойки продолжил старший сын Степан Дмитриевич Блохин (1851–1932 гг.). В его красильне постоянно находились 2-3 наемных работника [37, с. 139]. В то же время он сохранил и беличий промысел, где у него трудилось до 20 человек. В 1902 г. Степана Дмитриевича отметили среди значимых каргопольских предпринимателей, указав род его занятий – сбыт мехов на Нижегородской ярмарке [39, с. 174]. В 1906 г. из купленных хозяином 60 тысяч шкур чистой белки выделано 380 хребтовых и 360 черевых мехов, из 15 тысяч красной – 240 мехов. Мастерская Блохина была второй по количественному результату среди восьми других [35, л. 21-22]. Оба производственных помещения

мещанина (красильня и меховая мастерская) примыкали с углов к его кирпичному дому, притом мастерская по выделке белки располагалась по ул. Благовещенской [35, л. 22]. Деятельность Константина Дмитриевича Блохина (1871-1925 гг.) [32, л. 94] как самостоятельного торговца или промышленника не прослеживается, но нельзя исключать, что и он был занят в семейном деле. Известно также, что он служил в земской управе (1906-1912 гг., 1916-1917 гг.) [41, с. 36; 42, с. 35; 43, с. 34; 44, с. 33-34; 45, с. 53; 47, с. 42; 48, с. 42; 52, с. 24].

Братья, как и отец, пользовались доверием у горожан. Не единожды они избирались в городскую думу [39, с. 52; 40, с. 35; 41, с. 38; 42, с. 37; 43, с. 36; 44, с. 36; 45, с. 56; 46, с. 31; 47, с. 45; 48, с. 45; 49, с. 42; 50, с. 31]. С. Д. Блохин в 1898 г. был мещанским старостой [38, л. 80б.], почти 10 лет (1904-1912 гг.) входил в учетный комитет Тельнихинского банка, являлся попечителем приюта и богадельни [47, с. 128; 48, с. 135; 49, с. 127; 50, с. 124; 51, с. 95]. К. Д. Блохин был попечителем Ольгского земского училища, членом уездного училищного совета и других общественных формирований [43, с. 92; 44, с. 69, 91, 152; 45, с. 71, 113; 46, с. 40, 54, 72, 113; 47, с. 54, 66, 84, 129; 48, с. 56, 58, 69, 134; 49, с. 52, 83; 50, с. 124; 51, с. 96], в 1904-1906 гг. – депутатом губернского земского собрания [41, с. 33; 43, с. 31].

Но однажды репутация одного из них пошатнулась. 10 июня 1913 г. было созвано чрезвычайное собрание уездного земства. Оказалось, что в земской кассе, которой заведовал К. Д. Блохин, обнаружилась недостача на крупную сумму 4208 рублей 47 копеек. До собрания кассир почти половину – 2021 рубль 72 копейки внес наличными, еще одну часть 1748 рублей 52 копеек подтвердил документами. При этом он пояснил, что наличная сумма – это жалование служащим, в том числе, выданное вперед. Деньги оказались не проведенными по бухгалтерским книгам ко времени ревизии. Оставались не выполненными 438 рублей 23 копейки. На прошение К. Д. Блохина как человека, заведовавшего кассой в течение 6 лет при значительных финансовых операциях земства, о сложении с него оставшейся суммы было отказано. Долг предложили погасить в течение 4-х месяцев, иначе последует взыскание в судебном порядке [23, с. 10-11]. Видимо, деньги были внесены в срок, поскольку о судебных мерах ничего не известно. После случившегося Константин Дмитриевич в течение трех лет в земской службе не был, но оставался в других выборных органах, и в 1916 г. вернулся служащим в земскую управу [52, с. 24].

Об окружении Блохиных некоторое представление дают персоналии крестных, упоминаемых в метрических книгах. Среди них крестьянин Онежского уезда Александр Юлиевич Кожин (приказ-

чик лесной компании, имел недвижимость в Няндоме и Каргополе); купеческая вдова Александра Петровна Серкова (муж Г. Г. Серков принадлежал к пореформенному купеческому клану); крестьянская жена Анна Николаевна Дойкова (муж А. А. Дойков, торгующий крестьянин, глава уездного земства, 1910–1912 гг.); мещанская жена Мария Дмитриевна Урываева (Урываевы – каргопольские старожилы, торговцы, промышленники и ремесленники) [14, л. 62об.-63, 170об.-171, 248об.-249]. Вместе с Блохиными это люди одного круга.

У Степана Дмитриевича и его жены Ольги Константиновны (род. 1861 г.) было пятеро детей: Василий (1888-1914 гг.), Анна, Ольга (род. 1889 г.), Екатерина (род. 1892 г.), Серафим (род. 1904 г.) [21, л. 4; 14 л. 62об., 63, 15, л. 28б, 29]. Константин Дмитриевич и его жена Екатерина Ивановна (род. 1879) имели трех дочерей: Елену (род. 1902), Таисию (род. 1908), Маргариту (род. 1910) и трех сыновей: Сергея (род. 1901), Анатолия (род. 1903), Дмитрия (1913–1942 гг.) [21, л. 4; 14, л. 24об.-25, 170об.-171, 248об.-249]. Известно, что Анна Степановна Блохина в 1903–1907 гг. учительствовала в земских школах: Шелтомской Пудожского уезда, Архангельской и Малошальской Каргопольского [41, с. 92; 42, с. 93, 43, с. 91; 44, с. 90]. Трое Блохиных в ранний советский период, 1919–1920 гг., работали в Совнархозе: Ольга Степановна конторщицей, Анатолий Константинович регистратором, Сергей Константинович чертежником [7, л. 108-108об.]. Выяснилось, что последний являлся воспитанником престижного учебного заведения – Казанского политехнического училища [6, л. 23]. Елена Константиновна Блохина в 1920-1930 гг. была воспитателем детских домов в Хотеново и Каргополе [12, л. 33-34]. Дмитрий Константинович Блохин служил учителем в каргопольской сельской школе. Благодаря образованию молодые люди смогли получить работу при новом режиме, несмотря на происхождение. Однако при удобном случае их увольняли.

Труднее пришлось старшему поколению. С упразднением частного капитала беличья мастерская Блохина, как и других владельцев, поступила в ведение Каргопольского союза кооперативов. Не стало значимой статьи семейного бюджета. Отдачу помещений в аренду исполнительная власть взяла под свой контроль: назначение платы, размещение. Например, в марте 1918 г. Дорожная комиссия обратилась в уездный исполнительный комитет с предложением об освобождении одного из домов Блохина под земскую станцию: «Дорожная комиссия посмотрела квартиры в г. Каргополе и остановилась на квартире в нижнем этаже в доме Блохина на углу Екатерининской и Каменки, на дворе имеются навесы для экипажей и конюшни» [24, л. 88-88об.]. Нанимателям при таком порядке было легче уйти от оплаты. С. Д. Бло-

хин так и не смог добиться денег за складские помещения, занятые с мая по ноябрь 1918 г. [8, л. 411-412об, 481-482об.]

В следующем году его постиг очередной удар. В 1919 г. развернулась кампания по сбору недоимок по Декрету о единовременном чрезвычайном налоге для нужд Красной Армии. Установленную сумму уездный исполнительный комитет распределил между имущими гражданами. К. Д. Блохину определили 100 рублей. С. Д. Блохин стал шестым, с кого потребовали наибольшую сумму: с него 50 тысяч рублей. Для ее погашения были составлены оценочные описи движимого и недвижимого имущества, жилых и хозяйственных построек. Арендаторы предоставили в милицию списки находящихся у них вещей Блохина. В каменном доме, где жила семья хозяина, помимо мебели в опись включили тарелки, чайники, статуэтки, карнизы, занавески, картины, вазы с цветами и многое другое [31, л. 18-19, 54-58, 146-147]. Простым осмотром не ограничиться. При обыске у С. Д. Блохина 18 августа 1919 г. было обнаружено «в бане на вышке <...> 24 стула венских и 2 угловые тумбочки, на хлевах на вышках <...> под сеном спрятано 4 кресла, 2 стула венских на вышке своей квартиры» [9, л. 7а, 8а]. Мебель, посуду, бытовой инвентарь описали во всех зданиях. Внесенную в списки собственность других членов семьи С. Д. Блохина (самовар, шкаф, корову жены, письменный стол сына и др.) все же сняли с торгов. Имущество распродалось непосредственно в домах владельца. В октябре 1919 г. начальник милиции рапортовал, что долг Блохина по налогу покрыт полностью [31, л. 182].

Старший брат, несмотря на то, что сам нуждался, уступил младшему Константину помещения в своем доме по ул. Петроградской². 20 июня 1922 г. К. Д. Блохин сдал две комнаты в этом здании Каргопольскому отделению Вологодского губернского Союза рыбопромышленных торговых артелей. Комнаты предоставлялись «с парадным ходом, без отопления и освещения, без поломытия и уборки с моей стороны, сроком по первое января 1923 года за ежемесячную плату по полтора пуда твердого хлеба и по двадцать фунтов рыбы крупного сорта» [22, л. 10-10об.]. Видимо, более надежным способом становился натуральный обмен.

Вскоре частные усадьбы подвергаются муниципализации, и прежние хозяева за использование бывших своих строений обязаны платить. Степан Дмитриевич в 1928 г. просил освободить его от арендной платы на дворовые постройки, так как он и жена не трудоспособны, а сын Серафим – в Красной Армии. Президиум

² Бывшая ул. Санкт-Петербургская, переименована в Петроградскую в 1914 г.

Горсовета отказал в ходатайстве, пояснив, что С. Д. Блохин и его жена лишены избирательных прав³, а сын Серафим «жил совершенно самостоятельно, следовательно, и считать его членом семьи нет оснований» [11, л. 130].

На этом фоне благополучная жизнь одной из дочерей Степана Дмитриевича, находившейся в Финляндии, выглядит нереально. Девятнадцатилетняя Екатерина в 1911 г. была выдана за норвежского подданного Сёрена Вагера [15, л. 28об.-29], двоюродного брата жившего в Каргополе представителя лесной фирмы «Бакке и Вагер» Андреаса Вагера. Сохранилось единственное письмо, отправленное ею в Каргополь 10 лет спустя после венчания. Из-за известных событий связь в течение нескольких лет была прервана, и Катя Вагер спешила сообщить новости родителям. Она писала, что у нее с мужем четверо детей, большая квартира, три человека прислуги, дача, муж продолжает заниматься лесным бизнесом и является директором банка. В то же время сообщала, что в Финляндии много русских, «но они такие жалкие». Она хотела знать, как живут ее родные, мечтала увидеться. Надеялась, что «все затеянное в России кончится, скорее бы настал конец» [33, л. 1-2об.].

Вероятно, она так и не узнала о последующей судьбе родных. Ее брат Серафим Степанович Блохин остался в Каргополе. Одно время он был мотористом на городской электростанции⁴, в 1935 г. помощником моториста Рыбтреста, в 1939 г. работал на пристани [13, л. 71; 10, л. 14]. В октябре 1941 г. призван Каргопольским военкоматом, домой не вернулся [58]. Говорили, что одна из Блохиных стала Петуховской. Есть основания предполагать, что это Анна Степановна.

Некоторые сведения имеем о семье Константина Дмитриевича. В 1930 г. в Каргополе в своем двухэтажном доме по ул. Шелковня жили его вдова Екатерина Ивановна и дочь Елена Константиновна Блохины. Е. Д. Блохину, возглавлявшую тогда детский дом, уволили под предлогом, что «руководительницей попала случайно» [12, л. 33-34]. После этого мать и дочь переехали в Ленинград⁵. Екатерина Ивановна умерла там в блокаду. Елена Константиновна была заму-

³ Лишение избирательных прав по социальному признаку было введено в Советской России в 1918 г. и закреплено в последующих законодательных актах. Эта мера устранила участие экономически самостоятельных и авторитетных людей в жизни общества. «Лишенцы» так называли людей, пораженных в правах, становились изгоями, они не получали продовольственных карточек, что влекло за собой значительное ухудшение их материального положения.

⁴ Из воспоминаний Николая Ивановича Турандина, хранящихся у потомков.

⁵ Сведения о судьбах детей Константина Дмитриевича Блохина предоставлены его правнучкой Юлией Геннадьевной Штенниковой.

жем за офицером пограничником Александром Ивановичем Солыниным, пропавшим без вести в 1941 г. Маргарита Константиновна слыла первой красавицей в Каргополе⁶. Вышла замуж за офицера госбезопасности Никандра Степановича Соболева, жила в Ленинграде. Анатолий Константинович закончил технический вуз в Ленинграде, жил и работал в г. Коломна Московской области на военном заводе, женат не был. По семейному преданию, Дмитрия Константиновича в голодные каргопольские годы мать хотела отдать в другую семью, но Елена Константиновна устроилась на работу, и они справились. Уже в 1934 г. Д. К. Блохин – учитель в Каргопольском районе, заведовал Кучепалдской начальной школой [1, л. 97об.; 2, л. 42; 3, л. 395; 4, л. 118; 5, л. 72]. Женился на простой крестьянке, почти неграмотной. В 1939 г. был мобилизован на Советско-финляндскую войну. В Кучепалде осталась жена с двумя дочками, а в феврале 1940 г. родился сын. Отец его не увидел: погиб в Великую Отечественную, защищая Ленинград⁷ [36, с. 308].

Рис. 1 Почтовая карточка. Вид на юго-западную часть города Каргополя (на первом плане три дома Блохиных). Начало XX века. Фотобумага, чернила, фотоотпечаток, рукопись. 9х13,8 см. КГИАХМ КП 12037/5, ФТ-974

⁶ По-видимому, это о ней сложилась легенда (слышала ее в свое время от старожилов), что одна из Блохиных получала наряды из Парижа.

⁷ 8 мая 2015 г. поисковым отрядом «Отрадное» в 30 км от города Отрадное Ленинградской области его останки были обнаружены, подняты, доставлены на родину. Погребение состоялось на Ухотском кладбище. В селе Ухта Каргопольского района жила одна из его дочерей.

Рис. 2 Семья К. Д. Блохина с женой и детьми. Слева направо: Екатерина Ивановна, Анатолий Константинович, Елена Константиновна, Константин Дмитриевич, Сергей Константинович. 1906-1907 гг. Цифровая копия из архива потомков

Рис. 3 Дмитрий Константинович Блохин в форме красноармейца. 1939-1942 гг. Цифровая копия из архива потомков

Обосновавшись в Каргополе и войдя в мещанское сословие, Блохины пережили здесь годы семейного благополучия, здесь познали горечь бед и разорения. Они были уважаемыми людьми, их дети получили образование. Революционные перемены лишили их прав, имущества, но не сломали. Старики упокоились на городском кладбище, судьба молодых у каждого своя. Ныне российские потомки живут в Санкт-Петербурге, Барнауле, Архангельской области, родство поддерживают. В Каргополе остались три дома мещан Блохиных, один из которых занимает Каргопольский музей. В его коллекциях хранятся набивные ткани местных мастеров, инструментарий. Традиция ручной печати по текстилю, казалось, навсегда утраченная в 1930-е гг., вновь обретена и продолжается в творчестве каргопольского художника Е. Диковой. Важно также беречь и память о каргопольских мастерах-красильниках, самыми известными из которых являлись Блохины.

Список литературы:

1. АО КМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1.
2. АО КМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 5.
3. АО КМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 11.
4. АО КМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40.
5. АО КМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 74.
6. АО КМО. Ф. 75 (30). Оп. 1. Д. 2.
7. АО КМО. Ф. 75 (30). Оп. 1. Д. 7.
8. АОА КМО. Ф. 75 (30) Оп. 1. Д. 8.
9. АОА КМО. Ф. 75 (30) Оп. 1. Д. б/н. Заявления в квартирную комиссию жилищного отдела совнархоза 1919.
10. АО КМО. Ф. 91. Д. 131.
11. АО КМО. Ф. 178. Оп. 1. Д. б/н. Дело с протоколами Каргопольского исполкома. 1928 год.
12. АО КМО. Ф. 178. Оп. 1. Д. б/н. Дело с обязательными постановлениями крайкома и райисполкома и перепиской по ним. 1930-1931 годы.
13. АО КМО. Ф. 178. Оп. 1. Д. б/н. Списки работников учреждений и предприятий 1935 год.
14. АО КМО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 1.
15. АО КМО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 4.
16. ГААО. Ф. 29. Оп. 39. Т. 1. Д. 333.
17. ГААО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 11.
18. ГААО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 1525.
19. ГААО. Ф. 1343. Оп. 1. Д. 57.
20. ГААО. Ф. 1343. Оп. 1. Д. 159.
21. ГААО. Ф. Р-786. Оп. 1. Д. 110.
22. ГААО. Ф. Р-3941. Оп. 2. Д. 13.
23. Г. Каргополь. Чрезвычайное уездное земское собрание // Вестник Олонецкого губернского земства. Петрозаводск, 1913. № 17. С. 10-13.
24. ГАОПДФ АО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1.
25. Журналы Каргопольской городской думы. 30-го января 1874 г. // ОГВ. 1874. № 19. С. 226.
26. Журналы Каргопольской городской думы. 8 апреля 1877 года // ОГВ. 1877. № 33. С. 356-358.
27. Журналы Каргопольской городской думы. 22-го декабря 1877 года // ОГВ. 1878. № 28 9. С. 107.
28. Журналы Каргопольской городской думы. 29 декабря 1879 года // ОГВ. 1880. № 8. С. 98.
29. Журналы Каргопольской городской думы. 20-го марта 1881 года // ОГВ. 1881. № 34. С. 404.

30. Журналы Каргопольской городской думы. 13 сентября 1883 // ОГВ. 1883. № 80. С. 786.

31. КГИАХМ. Архив милиции. Д. б/н. Дело о взыскании чрезвычайных налогов. 1919 г.

32. КГИАХМ. Архив милиции. Д. б/н. По выдаче справок и удостоверений личности. 02.10.1924-08.09.1925 г. 1925 г.

33. КГИАХМ КП 10495.

34. КГИАХМ КП 7286. Синодик-помянник прихода Рождества Иоанна Предтечи.

35. КГИАХМ КП 10466. Книга Торговых и промышленных предприятий на 1906-1907 год.

36. Книга Памяти: Рос. Федерация. Архангельская обл. Т. 6. Верхнетоемский р-н. Каргопольский р-н / [Редколлегия М. Н. Белогубова (гл. ред.) и др.] Архангельск, 1995. 553 с.

37. Левинсон Н. Р., Маясова Н. А. Материальная культура Русского Севера в конце XIX – начале XX века (Каргопольская экспедиция 1950 года) // Государственный исторический музей. Труды. Вып. 23. М., 1953. С. 92-140.

38. НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д.65/1540.

39. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1902 год / Сост. И. Благовещенский; Изд. Олонец. губ. стат. ком. Петрозаводск, 1902. VIII, 349, III, XV с. Указ. имен. С. I-XV.

40. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1903 год / Издание Олонец. губ. стат. ком.; Сост. И. Благовещенский. Петрозаводск, 1903. – IX, 355, V, XXXVII с.; [8] л. ил.

41. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1904 год / Издание Олонец. губ. стат. ком.; Сост. И. Благовещенский. Петрозаводск, 1904. X, 372, 3, 38 с.

42. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1905 год / Олонец. Губерн. Стат. Ком.; сост. И. Благовещенский. Петрозаводск, 1905. X, 389, IV, 38 с.

43. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1906 год / Изд. Олонец. Губерн. Стат. Ком.; Сост. И. Благовещенский. Петрозаводск, 1906. X, 369, 2, 34 с.

44. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1907 год / Издание Олонецкого губернского статистического комитета; Составил действительный член-секретарь комитета И. Благовещенский. Петрозаводск, 1907. IX, 302, [1], IV, XXXIV с. : ил.

45. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1908 год / Изд. Олонец. Губерн. Стат. Ком; Сост. И. Благовещенский. Петрозаводск, 1908. X, 338, 34 с.

46. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 год / Изд. Олонец. Губерн. Стат. Ком.; сост. И. Благовещенский. Петрозаводск, 1910. 9, 250, 32 с., ил.
47. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1911 год / Издание Олонецкого губернского статистического комитета; сост. секретарь комитета В. [Ф]. Соболев. Петрозаводск, 1911. – XI, 225, XXXIII с.; [1] л. испр. и доп.
48. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1912 год / Издание Олонецкого Губернского Статистического Комитета; сост. И. И. Францишкевич-Яновский. Петрозаводск, 1912. X, 136, 44, 88, XXXVI с.
49. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1913 год / Издание Олонецкого Губернского Статистического Комитета; сост. И. И. Францишкевич-Яновский. Петрозаводск, 1913. X, 131, 59, 8, XXXIV с.; [1] л. доп.
50. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1914 год / Изд. Олонец. Губерн. Стат. Ком.; сост. И. И. Францишкевич-Яновский. Петрозаводск, 1914. X, 128, 65, 15, XXX с.
51. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1915 год / Изд. Олонец. Губерн. Стат. Ком.; сост. И. И. Францишкевич-Яновский. Петрозаводск, 1915. X, 100, 52, XXI с., [6] л. рекл. объявл.
52. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1916 год / изд. Олонец. Губерн. Стат. Ком.; сост. И. И. Францишкевич-Яновский. Петрозаводск, 1916. X, 112, 56, 4 с.
53. Продажа имений // ОГВ. 1903. № 26. С. 1.
54. Список лиц и учреждений, имеющих право участия в избирательном собрании для выбора гласных городской думы по г. Каргополю // ОГВ. 1893. № 58. С. 3-5.
55. Список лиц, имеющих право участия в земском избирательном съезде по Каргопольскому уезду для избрания уполномоченных в земское избирательное собрание в 1909 г. на основ. 24 ст. п. 2 полож. о зем. учреждениях 12 июня 1890 г. // 56 ОГВ. 1909. № 28. С. 4.
56. Утверждение в общественные должности по выборам // ОГВ. 1865. № 9. С. 129.
57. Федорова Г. А. Ручная кубовая набойка и набойные доски из Каргополя // Историко-культурное наследие Русского Севера. Проблемы изучения сохранения, использования: Материалы IX Каргопольской научной конференции / Науч. Ред. Н. И. Решетников, И. В. Онучина; Сост. Н. И. Тормосова. Каргополь, 2006. С. 382-397.
58. URL: // <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 07.03.2024).

Мещане Поздеевы и коллежская советница М. А. Баранова – строители и первые владельцы «Дома А. А. Крехалева» (1806–2004 гг.) в г. Каргополе

Л. В. Гундакова

независимый исследователь, г. Архангельск

Аннотация. В статье раскрываются неизвестные ранее факты о годах постройки и первых владельцах дома на Соборной площади, известного как «Дом А. А. Крехалева», а также приведены краткие сведения о других домовладельцах.

Ключевые слова: Каргополь, дом на Соборной площади, Великий князь Владимир Александрович, Поздеевы, М. А. Баранова, Насоновы, А. А. Крехалев, Серковы, Блохины, детский дошкольный дом, пожар.

Еще в начале нынешнего XXI века на Соборной площади Каргополя можно было видеть деревянный дом, выстроенный в стиле классицизма: двухэтажный, на каменном фундаменте, с четырьмя мезонинами и небольшим балкончиком, украшенный пилястрами, оконными сандриками на фигурных кронштейнах и мутулами с триглифами под карнизом. В свое время он был парадным, помнившим приемы многих заезжих именитостей. Именно в нем останавливался в июне 1892 года великий князь Владимир Александрович, брат императора Александра III, будучи здесь проездом. С домом связаны судьбы представителей купеческих династий Поздеевых и Барановых, влиятельных и богатых купцов Крехалева и Серкова, братьев Насоновых и Блохиных... В городскую историю он вошел как дом почетного гражданина, каргопольского купца Алексея Афанасьевича Крехалева. К сожалению, 11 ноября 2004 года дом сгорел, оставив лишь каменный фундамент. В 2023 году городские власти приняли решение дом, как памятник истории и архитектуры, восстановить. В процессе изучения истории дома нами были обнаружены новые сведения о времени его постройки и первых владельцах, в частности, мещанах Поздеевых и коллежской советнице М. А. Барановой, найдена неизвестная ранее дата рождения купца А. А. Крехалева и др. Данная статья основана на исторической записке, входящей в состав эскизного проекта восстановления утраченного памятника регионального значения «Дом А. А. Крехалева».

...По регулярному плану Каргополя, центр которого выгорел в результате пожара 26 июля 1765 года, вокруг Соборной площади

с Христорождественским собором и Новой Торговой площади должны были стоять дворы «1-й статьи», т. е. богатых домовладельцев. Видимо, именно к такой категории горожан к началу 1800-х годов относился каргопольский мещанин Федор Григорьевич Поздеев. Он родился в 1769 году в семье старожила, каргопольского купца Григория Ивановича Поздеева (1734–ум. п. 1804 гг.) [7, л. 5об.]. Купцом писался и его дед Иван Иванович Поздеев (1694–24.02.1767) [37, с. 690]. Это о нем писал каргополец Ф. К. Докучаев-Басков в 1913 году: «...1-й гильдии купец Поздеев – личность в свое время значительная: в некоторых письменных памятниках он упоминается, как благотворитель и строитель храмов...» [40, с. 12]. (Кстати, в Сотной грамоте «писма Никиты Григорьевича Яхотова с товарищи» 1561-1564 годов мы нашли упоминание о Максимке Поздееве, сыне хлебника, имевшего «место на льготу» «на улице на Каменке» около «переулкa к Предтечи» [36, с. 296; 39, с. 189об.], но является ли он прямым родственником купцам Поздеевым, мы не выясняли).

Григорий Иванович промышлял рыбной торговлей [16, л. 414об.-415]. Имел младших братьев Петра (род. 1741 г.) и Ивана (род. 1755 г.), также ставших купцами. В первой половине 1750-х годов он женился на каргопольской купеческой дочери Ирине Александровне Марковой (1737–16.05.1800). У них родились сыновья Иван (1755 г.), Матфей (1758–1793 гг.) и Федор (1769–1815 гг.) и дочери Параскева (род. 1765 г.) и Марья. Торговую деятельность отца продолжил старший сын Иван Григорьевич. Известно, что в 1777 году он, каргопольский купец, вел совместное торговое дело с каргопольцем купцом Александром Андреевичем Барановым (1746–1819 гг.) [42, с. 56-64, 43], впоследствии ставшим первым губернатором русских поселений в Северной Америке. В 1802 году Григорий Иванович в возрасте 68 лет уже отошел от торговли, числясь мещанином г. Каргополя. Несмотря на солидный возраст, продолжал нести городские обязанности: в частности, в 1797 году служил в магистрате, в 1801 году – был «десяцким». В 1803 году он, вдовец, проживал в собственном «доме старого строения» в 1-м квартале с семьей младшего сына Федора [16, л. 414об.-415].

Сын Федор Григорьевич (1769–14.12.1815), каргопольский мещанин, около 1795 года женился на Наталье Ивановне (1771–1800 гг.) [5, л. 2об.]. В 1800 году у него родился сын Николай (1800–1815 гг.), но в том же году 16 мая жена умерла [10, л. 2об.] (возможно, при родах). Около 1805 года Федор Григорьевич женился во второй раз – на Параскеве Ивановне (1780–1811 гг.) [6, л. 2об.]. 7 августа 1806 года у него родилась дочь Елисавета (1806–п. 1865) [1, л. 5]. Ее восприемницей записана Матрона Александровна Боранова [1, л. 5] (1753–1806 или 1807 гг.), жена упоминавшегося выше «аме-

риканского колониста» и губернатора русских поселений в Америке Александра Андреевича Баранова.

После 1803 года Федор Григорьевич решил строить собственный дом на углу Соборной площади и Санкт-Петербургской улицы: «деревянный планового строения 1-го номера о двух этажах... со всеми к нему службами и землею». Часть денег для строительства занял у порутчика Губкина [26, л. 3-4]. К 1806 году дом со всеми дворовыми постройками был выстроен. Но за «неплатеж должных денег по векселям» порутчику был описан и выставлен Олонецким губернским правлением на публичный торг. Новый дом Ф. Г. Поздеева с постройками и землей так и ушел бы в чужие руки, если бы не крестная его новорожденной дочери Елисаветы коллежская советница, жена управителя Русской Америки Матрена Александровна Баранова. По ее словам, она была «по ближнему... родству» с Поздеевыми [26, л. 3-4] (по нашему мнению, являлась младшей сестрой жены Григория Ивановича Поздеева – Ирины Александровны (обе в девичестве Марковы и имели одинаковое отчество [7, л. 49об.; 16, л. 47об.-48] и приходилась Федору Григорьевичу теткой). М. А. Баранова выкупила дом на торгах, получив 9 августа 1806 года в Олонецкой губернской Палате Уголовного и Гражданского Суда купчую на «благоприобретенное имение» [26, л. 3-4]. Спустя ровно месяц после рождения крестницы Елисаветы, 7 сентября того же года Матрона Александровна, будучи «больна, но в твердой памяти», оформила в Каргопольской уездной Палате Уголовного и Гражданского Суда духовную грамоту, по которой передавала владение домом с постройками и землей малолетним детям своего племянника Федора Григорьевича Поздеева – Николаю и Елисавете [26, л. 3-4]. Ее муж коллежский советник Александр Андреевич Баранов в это время был в отлучке «ис здешнего Каргополя временно и из Отечества» [25, л. 5об.-6].

В 1811 году умерла вторая жена Федора Григорьевича Параскева Ивановна. В связи с ее смертью по указу уездного Каргопольского Сиротского суда была составлена опись движимого и недвижимого имущества, принадлежащего малолетним Николаю и Елисавете Поздеевым, «...дабы не могло без... присмотра подвергнуться порчи...» [21, л. 2]. Опекуном назначался их отец.

Третьей женой Федора Григорьевича стала Маремьяна Гавриловна [8, л. 2; 22, л. 48об.-49] (род. 1770), имевшая также сына от своего первого брака Алексея Михайловича (род. 1805).

7 июня 1815 года от водянки умер 15-летний Николай [2, л. 11об.]. Через полгода, 14 декабря, от чахотки умер и его отец, мещанин Федор Григорьевич Поздеев, 48 лет [2, л. 13]. Его похоронили в Мошинском приходе Каргопольского уезда.

Несовершеннолетняя 9-летняя Елисавета осталась единоличной владелицей всего имения Поздеевых. По указу Каргопольского уездного Сиротского Суда с 1 мая 1816 года с целью «охранения» до совершеннолетия наследницы оно по-прежнему оставалось в опекунском управлении, но уже с новыми опекунами [21, л. 7об.]. Ими были назначены каргопольский купец Иван Носов с сыном мещанином Николаем. С описи имения, составленной в 1811 году, были сделаны копии, подписанные опекунами в присутствии свидетелей [21, л. 3-4об., 19-20об.]. Наследуемое недвижимое имущество состояло из двухэтажного деревянного дома на углу Соборной площади и надворных строений: скотного двора с хлевом, двойного амбара, деревянного погреба и бани.

Судя по краткому описанию 1811 и 1816 годов, дом Поздеевых был деревянным, двухэтажным, на каменном фундаменте, прямоугольным в плане, с пристроенной клетью, выдержанным в классическом стиле. В верхнем этаже размещались семь жилых помещений и одна кладовая, отапливаемые тремя изразцовыми голландскими, одной голландской и одной кухонной печами. Нижний этаж состоял из пяти жилых помещений и клетки (пристройки для входа), отапливаемых также пятью печами.

Наследница малолетняя Елисавета с мачехой Маремьяной Гавриловной и ее сыном Алексеем продолжали жить в доме Поздеевых. Часть помещений сдавалась в аренду, деньги от которой в размере 10 рублей в год уходили на содержание Елисаветы, не принося дохода. Отсутствие денег на ремонт в связи с необходимостью поддержания дома в исправном состоянии подтолкнуло опекунов 19 сентября 1817 года обратиться в уездный Сиротский Суд с предложением продать дом «с ветхим надворным строением... вольным торгом желающим людям и вырученные деньги отдать в проценты» [21, 11-об.]. Однако это предложение не было одобрено.

В апреле 1819 года 12-летию Елисавету, которая, по мнению опекунов, уже «будучи в возрастных к браку летах», «зговорили в замужество за каргопольского мещанина Василья Иванова Просвирнина» [21, л. 16-об.]. Бракосочетание состоялось 19 октября того же года [3, л. 50об.]. Невесте было 13 лет (в актовой записи к ее возрасту прибавили год, указав 14 лет), жениху – 22 года. В связи с замужеством опека над несовершеннолетней Елисаветой была снята. К 1829 году у супругов родились две дочери: в 1822 году – Анна и 1825 году – Екатерина [9, л. 57об.]. Молодая семья жила в арендуемом жилье, возможно, в доме младшего брата мужа – Петра Ивановича Просвирнина, так как в духовных росписях прихожан градской Троицкой церкви была приписана к его семье.

Дом на углу Соборной площади и Санкт-Петербургской улицы Елисавета Федоровна сдавала в аренду. Ее мачеха, вдова Маремьяна Гавриловна, к тому времени переехала в собственный, ею купленный, деревянный одноэтажный дом на улице Шелковня. 9 октября 1828 года вдова продаст его новым покупателям [27, л. 5].

Между 1829 и 1839 годами муж Елисаветы Федоровны Василий Иванович Просвирнин умер. Дочери продолжали числиться среди прихожан градской Троицкой церкви в составе семьи своего дяди [11, л. 80], их мать в семействе Просвирниных не упоминалась.

До 1843 года вдова Елисавета Федоровна Просвирнина вышла замуж за Никиту Ивановича Никифорова (1813–п.1865), из вольноотпущенных помещиком Кончаровым и по указу Олонецкой казенной палаты в 1835 году причисленного к мещанству [23, л. 83об.-84]. 30 октября 1843 года она продала свой наследственный дом на Соборной площади каргопольским купцам братьям Насоновым за 300 рублей серебром [28, л. 13-14]. Вместе с мужем проживала в доме «старинного деревянного строения, купленном... у почталионской вдовы Марьи Андреевой Колокольниковой во 2 квартале» [35, л. 215об.-216]. Оба первые годы продолжали являться прихожанами Троицкой церкви, затем – Предтеченской (1847 г.). В 1860-х годах были переписаны в приход градской Зосимо-Савватьевской церкви [13, л. 168]. Никита Никифоров, неся городскую общественную повинность, в 1844 и 1849 годах служил аукционистом. Занимался «шапошным и бельим мастерством» [35, л. 215об.-216].

Купеческую деятельность Поздеевых в начале 1800-х годов продолжил двоюродный брат Федора Григорьевича – Григорий Иванович (1770–п.1829) [5, л. 2об.]. В 1803 году он числился записанным в Санкт-Петербургское купечество [16, л. 403об.-404]. Упоминается как купец третьей гильдии в Санкт-Петербургской адресной книге на 1809 год, проживающий в доме Сорокина № 495 по Здвиженскому переулку [38, с. 488]. В конце 1820-х – начале 1830-х годах по его доверенности были оформлены несколько купчих крепостей на покупку и продажу недвижимости в г. Каргополе [27, л. 2-3 и др.]. Известен его внук Николай Иванович Поздеев (1855–17.10.1893 (38, с. 690), русский архитектор и реставратор [45]. Окончил Императорскую Академию художеств в 1883 году со званием классного художника архитектуры 1-й степени. Городской архитектор г. Ярославля в 1883–1892 годах. Автор дома купца Игумнова в Москве, ряда церковных и гражданских построек в Ярославле и Казани. Реставратор церкви Иоанна Богослова (1888–1889 гг.) и Успенского собора в Ростове (1889 г.).

Братья Иван (1809–18.11.1862) и Андрей (1812–5.02.1860) Петровичи Насоновы, приобретшие дом на Соборной площади

в 1843 году, также являлись представителями каргопольского купеческого рода, известного с середины XVIII века. В 1844 году они перестроили дом по проекту помощника олонекского губернского архитектора Николая Григорьевича Хоруженка [33, л. 524об.-526; 34, л. 230-231]. С 1852 года единоличным его владельцем будет Андрей Петрович Насонов, отец пятерых детей, выкупивший у старшего бездетного (единственная дочь Наталья умерла в раннем возрасте) брата его половину дома за 3000 рублей серебром [41, с. 3]. Согласно описанию, составленному в марте 1860 года [30, л. 335-340] в связи со смертью Андрея Петровича, в доме была проведена перепланировка отдельных помещений, четырехскатная с мезонинами крыша покрыта железом, возможно, устроен балкон с железным навесом во втором этаже (он не упоминался в описаниях 1811 и 1816 годов) и др. Снаружи дом был обшит тесом и окрашен белой масляной краской, железная крыша с водосточными трубами и деревянные створчатые ставни нижнего этажа выкрашены в зеленый цвет. На белом фоне фасада со стороны Соборной площади нарядно выделялся балкончик с «резным» черным ограждением и железным навесом над ним, выкрашенным сверху зеленой, а снизу розовой масляными красками. Вся усадьба огораживалась забором с двумя воротами и калитками, выкрашенными желтой и белой масляными красками: одни ворота выходили на площадь, другие на Санкт-Петербургскую улицу. В марте 1875 года наследник Андрея Петровича Насонова сын Александр Андреевич (род. 30.01.1844), к тому времени ставший зятем московского купца Михаила Михайловича Мушникова, живущего в Москве «у Семеновской заставы на Суконной фабрике» [24, л. 7], продает дом торгующему крестьянину Алексею Афанасьевичу Крехалеву [17, л. 3-4] (11.02.1835–15.11.1894).

Новый домовладелец всего год как приехал в Каргополь из Санкт-Петербурга. Его история жизни – пример того, как крестьянин глухой каргопольский деревни сумел подняться до купца второй гильдии, владельца винокуренного и водочного заводов, позднее – основателя Товарищества для производства винокурения, пивоварения и виноторговли под названием «Крехалев и Ко». Он родился 11 февраля 1835 года в семье каргопольского крестьянина деревни Ивкиных Устьволгского прихода Афанасия Капитоновича Крехалева (1804–1887 г.) и его жены Евдокии Дмитриевны (ум. до 1856 г.) [4, л. 78об.]. Был их единственным ребенком. Дед Капитон Иванович Крехалев (1781–п.1856 гг.) и бабка Катерина Степановна (1771–п.1856 гг.) числились записными раскольниками, внесенными в отдельный список в исповедной приходской книге [12, л. 679об.]. Помогая отцу в торговле солью, А. А. Крехалев постепенно завел свой

бизнес, записываясь торгующим крестьянином. Начиная с 1885 года, пишется каргопольским купцом второй гильдии [19, л. 4. № 16; 20, л. 4. № 13]. В этом же году в новом статусе заседает гласным в Каргопольской городской думе [18, л. 2-3]. Об авторитете Крехалева среди купцов и мещан города свидетельствует его роль в приеме Великого князя Владимира Александровича Романова. Великий князь, как Главнокомандующий Петербургского военного округа, совершал объезд воинских частей Олонецкой губернии, проезжая через Каргополь 21–22 июня 1892 года. А. А. Крехалев возглавил комиссию по подготовке города к этому событию, состоящую из влиятельных и состоятельных горожан. И именно его деревянный двухэтажный дом на Соборной площади выбрали местом пребывания Владимира Александровича. Именно тогда дом впервые попал в объективы фотоаппаратов. По сохранившимся фотоснимкам и открыткам имеется возможность получить представление об его внешнем облике. Интересен факт, что для встречи Великого князя при доме специально устроили смотровую площадку, приставленную к балкону второго этажа, которую подпирали украшенные зеленью и цветами деревянные стойки. После смерти Алексея Афанасьевича 15 ноября 1894 года в возрасте 59 лет домовладелицей стала его жена Агриппина Ивановна Крехалева (урожденная Коротяева [32, с. 8], из деревни Афоносовская Устьвогского прихода) (1839–1902 гг.).

20 января 1901 года она продала дом [29, л. 16] каргопольскому купцу Степану Григорьевичу Серкову (1856–16.02.1907), компаньону «Торгового дома братьев Серковых». Его старший брат Егор Григорьевич Серков (1852–7.01.1901) являлся держателем пая Товарищества «Крехалев и Ко». До последних дней жизни А. А. Крехалева он оставался его близким другом, по духовному завещанию становясь доверенным лицом по продаже имущества после смерти вдовы Агриппины Ивановны. Не по своей воле не выполнил он последнего желания старшего товарища. 7 января 1901 года сам умер раньше, внезапно, от апоплексического удара, в возрасте 49 лет [14, л. 135об.–136]. Но нельзя исключать, что успел все же посодействовать вдове в продаже дома в надежные руки. Через две недели после его смерти брат Степан Григорьевич Серков и вдова Агриппина Ивановна Крехалева оформят на него купчую крепость.

В 1908 или 1909 году наследники умершего 16 февраля 1907 года [15, л. 531] купца С. Г. Серкова продадут права на владение домом каргопольскому мещанину Степану Дмитриевичу Блохину (1851–1920-е гг.). В Каргополь он приехал вместе с отцом в малолетнем возрасте (до 1865 года). Уже здесь в 1874 году родился его младший брат Константин Дмитриевич [31, л. 4-5]. Получив в 1894 году

отцовское наследство в виде мастерских для красильных работ и выделки белки, братья сохранили производство. По всей видимости, приобретя дом на Соборной площади у наследников С. Г. Серкова, Степан Дмитриевич сдавал его в аренду, так как, по воспоминаниям родственников, со своей семьей жил в отцовском каменном доме [44]. Между 1919 и 1922 годами владение домом перешло брату Константину Дмитриевичу (причина нам не известна).

После муниципализации дома в середине 1920-х годов, в нем некоторое время располагался дошкольный детский дом («дошкольник»), с 1933 года – детский дошкольный дом № 2 (1933–1968 гг.). В 1969 году дом переведен в категорию нежилых зданий. Нижний этаж здания заняли: комбинат Коммунального треста (Комтрест), Электростанция и Кинофикация, верхний этаж – Горсовет и РОНО, мансарду – Горсовет. В 1985 году в здании располагались: Каргопольское АТП, Объединение общественного питания РАЙПО, Каргопольское бюро путешествий и экскурсий и хозяйственный магазин. Решением Каргопольского райисполкома от 12 января 1988 года здание передано на баланс Каргопольского РАЙПО.

11 ноября 2004 года, не достояв всего два года до своего 200-летия, дом сгорел. Предполагается на его месте по сохранившимся описаниям XIX века и чертежам первой половины и середины XX века восстановить здание в тех же объемах и стилистике.

Рис. 1 Вид с Соборной колокольни на дом купца А. А. Крехалева (слева) и Санкт-Петербургскую улицу. Фото. 1892 год

Источник: Дороги Романовых. Петербург – Каргополь : каталог выставки. Каргопольский музей – Государственный Эрмитаж, 2023. С. 69

Рис. 2 Улица Санкт-Петербургская. Дом А. А. Крехалева – слева. 1900-е годы
Источник: КГИАХМ. КП 12462. ФТ-269

Рис. 3 Бывший дом А. А. Крехалева. Июнь 1981 года. Фото С. Г. Цихановича
Источник: КГИАХМ. КП 4286. НЕГ-964

Список неопубликованных источников:

Государственный архив Архангельской области:

1. Ф. 29. Оп. 13. Д. 12
2. Ф. 29. Оп. 13. Д. 27
3. Ф. 29. Оп. 13. Д. 35
4. Ф. 29. Оп. 13. Д. 167

5. Ф. 29. Оп. 30. Д. 3
6. Ф. 29. Оп. 30. Д. 8
7. Ф. 29. Оп. 30. Д. 12
8. Ф. 29. Оп. 30. Д. 13
9. Ф. 29. Оп. 30. Д. 17
10. Ф. 29. Оп. 30. Д. 18
11. Ф. 29. Оп. 30. Д. 22
12. Ф. 29. Оп. 30. Д. 28
13. Ф. 29. Оп. 30. Д. 30
14. Ф. 29. Оп. 39. Т. 2. Д. 578
15. Ф. 29. Оп. 39. Т. 2. Д. 798
16. Ф. 994. Оп. 1. Д. 36
17. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 70
18. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 527
19. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 528
20. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 654
21. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 233
22. Ф. 1007. Оп. 1. Д. 49
23. Ф. 1007. Оп. 1. Д. 130
24. Ф. 1065. Оп. 5. Д. 11
25. Ф. 1312. Оп. 1. Д. 980
26. Ф. 1312. Оп. 1. Д. 984
27. Ф. 1312. Оп. 1. Д. 1005
28. Ф. 1312. Оп. 1. Д. 1020
29. Ф. 1343. Оп. 3. Д. 1
30. Ф. 1481. Оп. 2. Д. 18. Л. 335-340.
31. Ф. р-786. Оп. 1. Д. 110

Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей (КГИАХМ):

32. Крехалев А. В. Купец Крехалев А. А. История его дела и имущества. 2003. Рукопись. С. 8

Национальный архив Республики Карелия:

33. Ф. 2. Оп. 70. Д. 15/67

34. Ф. 3. Оп. 3. Д. 113

35. Ф. 4. Оп. 36. Д. 4/17

Список опубликованных источников:

36. 1561–1564 гг. Сотная из книг Н. Г. Яхонтова на город Каргополь. Публ. И. П. Шеломова // Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда, 1972

37. Великий Князь Николай Михайлович. Русский провинциальный некрополь. Т. 1. М., 1914

38. Санктпетербургская адресная книга на 1809 год. Второе отд. СПб., 1809

39. Шеломов П. Сотная перепись 1561–1564 года // Олонецкие губернские ведомости. 1854. № 26. 10 июля. Отд. 2. Ч. неоф-ная. С. 189об.

Список литературы:

40. Докучаев-Басков Ф. К. Каргополь. Архангельск, 1913

41. Крючкова М. В доме почетной гражданки // Коммунист. 1990. 12 июня

42. Онучина И. В. Когда же родился Александр Баранов? // Известия Русского Севера, 2021. № 7-8

Интернет-ресурсы:

43. Аляска – Русская Америка – Российско-Американская компания –... : [Электронный ресурс]. URL: <http://alaska-heritage.clan.su/publ/7-1-0-4> (дата обращения: 14.03.2024)

44. Деревянный дом купцов Блохиных : историческая справка: [Электронный ресурс]. URL: <https://kargo-houses.tilda.ws/page14394721.html> (дата обращения: 14.03.2024)

45. Ярош М. Н. Жизнь и творчество городского архитектора Н. И. Поздеева // Ярkipедия: [Электронный ресурс]. URL: <https://yarwiki.ru/article/793/zhizn-i-tvorchestvo-gorodskogo-arhitektora-ni-pozdeeva> (дата обращения: 14.03.2024)

База данных о каргопольцах, участниках Первой Мировой войны

О. М. Богданова

главный хранитель

ГБУК АО «Каргопольский музей»

Аннотация. Статья содержит информацию об опыте работы по сбору сведений о каргопольцах, участниках Первой мировой войны и других материалов, связанных с событиями тех лет, происходящими в Каргопольском уезде. Рассказ об источниках, из которых получена информация, и о том, как проходит систематизация и хранение материала.

Ключевые слова: война, мобилизация, военная медицина, помощь фронту.

Со дня окончания Первой мировой войны прошло уже более ста лет. Мало кто знает об ужасах той войны, живых свидетелей не осталось. Каждое следующее поколение людей знает о ней все меньше, а имена участников и вовсе неизвестны. К настоящему времени нет точных сведений о том, сколько жителей Каргопольского уезда принимали участие в Первой мировой войне. И вряд ли когда-нибудь будет известна точная цифра.

Сотрудниками музея ведется работа по сбору информации о земляках, воевавших на фронтах Первой мировой войны. К настоящему времени установлены имена более 1000 фронтовиков. Составлена картотека участников Первой мировой войны, которая включает жителей волостей, входивших в состав Каргопольского уезда к 1918 г. Также осуществляется поиск информации об участниках войны, жителях трех волостей бывшего Вытегорского уезда: Тихмангской, Ухотской и Шильдской, и четырех волостей бывшего Кирилловского уезда: Боросвидской, Хотеновской, Большешальской (Кречетовской), Чепецкой. Эти территории по современному административно-территориальному делению входят в состав Каргопольского округа. Все имена расположены по волостям в алфавитном порядке. На каждого человека заведена отдельная карточка в электронном формате, на которой указано имя, место и дата рождения, звание, место службы, перечислены члены семей, место работы, сведения о ранении, смерти солдата или возвращение из плена. По возможности, указаны биографические данные.

Андомин Тихон Егорович 1894 г. р.

Место жительства: д. Ватамановская Печниковская вол. Каргопольский уезд.

Хлебопашец.

Семейное положение: жена 26 л., сын 3 г., дочь 1 г.

Служил в пехоте ефрейтором. Был на службе с 8 сентября 1915 г. по 1 января 1918 г.

Сведения с именного списка лиц Печниковской волости, подлежащих мобилизации на военную службу, составленного 10 февраля 1919 г. [1, л. 110].

Сведения были получены из различных источников, в основном документальных. Это документы из фондов Каргопольского музея, ГААО, НАРК, именные списки по убитым, раненым и без вести пропавшим нижним чинам по Олонецкой губернии, опубликованные в ОГВ за 1914-1917 гг. и других периодических изданиях, в т. ч. ОЕВ. Значительно пополнили списки участников войны сведения из архивных документов 1918-1920-х гг. Каргопольского военкомата и милиции, переданные в музей в 1990-е гг.

Большой интерес представляют фотографии и документы участников войны, сохранившиеся у потомков и переданные в музей. В фондах музея представлено несколько личных дел участников Первой мировой войны, уроженцев Каргопольского уезда. Это Голиков Федор Елпидифорович, Зыков Федор Григорьевич, Коршунов Андрей Николаевич, Рассолов Николай Фирмосович, Савельев Алексей Николаевич и др. Среди интересных документов послужные списки, удостоверения, автобиографии, дневниковые записи, учебник ратника с именем владельца, письма служившего в 182-м пехотном Гроховском полку Николая Федоровича Николаевского жене, Прасковье Петровне. Воспоминания уроженца Усачевской волости Каргопольского уезда Фадеева, в которых Алексей Михайлович очень подробно описал призыв на военную службу в Каргополе, службу в Кронштадте, в 1-й Минной роте; обучение службе и воинской профессии минера. В своих записях Фадеев упоминает имена нескольких своих земляков, мобилизованных вместе с ним: двух жителей Лекшмозерской волости Под(н)омарева В. Е., Под(н)омарева Осипа, двух жителей Лекшмы – Тарасова И. А., Братушева В. Ф., жителя Ноколы – Воронова А. П., д. Кононовской – Бабкина В. М. и Лядин – Терешина А. П. О том, как сложилась жизнь самого Александра Михайловича, известно из его воспоминаний [2, л.5-44]. А о судьбе тех, с кем его призвали, пока не известно ничего.

Имена трех земляков, служивших в 23 пехотной Олонецкой дружине, упоминает в своих письмах с фронта, адресованных Ульяне Ива-

новне Бабкиной, Михаил Гаврилович Редькин [3] – это Демин Алексей, Замятин Алексей, Мурашев Александр Васильевич. Второй раз имя Замятина Алексея встретилось в именном списке лиц Ловзангской волости, подлежащих мобилизации на военную службу в Красную Армию, составленного 10 февраля 1919 г. [1, л.103 об.-104], в нем сказано, что в годы Первой мировой войны он служил рядовым в пехоте.

Среди фотографий времен Первой мировой войны большой интерес представляют одиночные и групповые портреты участников войны, а также несколько панорамных снимков, запечатлевших проводы на Первую мировую войну. На одном из них изображен молебен на площади рядом со зданием казармы, от которого уходили на фронт новобранцы [4]. Данное событие упоминается в хронике Архиепископских служений в г. Каргополе от 4 сентября 1914 г. «Пр. Викарий с духовенством отправил на Никольской площади напутственный молебен отправляющимся в действующую армию воинам, заключив его воодушевляющим благожелательным словом и благословением воином иконою Владимирской Б. Матери, которую и принял с благословением из рук Владыки командир дружины» [5, с. 687]. Сведения о том, как проходили проводы мобилизованных в селах Каргопольского уезда можно встретить в ОЕВ. В с. Воезеро 22 июля причт Воезерской Преображенской церкви был приглашен запасными мобилизованными солдатами отслужить напутственный молебен. Призвано их оказалось 107 человек. Священник Ильинский перед молебном призвал всех помолиться. Во время молебна некоторые солдаты охотно и воодушевленно подпевали молящимся. После священник Ильинский обратился к воинам с прощальным напутственным словом. После благословения воинам было предложено пропеть молитву «За Царя и Отечество». Закончен молебен был окроплением святой водой. После молебна солдаты бодро двинулись на приготовленных подводах в Каргополь на сборный пункт» [6, с. 545].

В ходе работы в Государственном архиве Архангельской области удалось выявить несколько документов, которые также пополнили нашу картотеку. Это переписка с Каргопольскими волостными правлениями о лицах, состоящих на службе, уволенных в запас и без вести пропавших [7], списки ратников и запасных чинов, ушедших на войну по Лядинской волости в 1914 г. [8, л.1-2]. В списках запасных числятся братья: Александр и Василий Рудаковы, Василий и Григорий Калинины, Андрей и Александр Бабкины и др. Данный документ ещё раз подтверждает то, что на фронт уходило по несколько представителей от одной семьи.

Ценным источником информации в пополнении списков участников войны стали следующие документы из архивов милиции и военкомата:

1. Документы для поступления в созданную в 1918 г. советскую рабоче-крестьянскую милицию, организация которой требовала набора кадров. На работу в милицию часто шли бывшие военные, прошедшие Первую мировую и Гражданскую войны. В делах имеются автобиографии и регистрационные карточки [9], которые заполняли принятые на службу милиционеры. В карточках указывались биографические данные, образование, семейное положение, сведения об участии в Первой мировой войне и в революционной деятельности, службе в рядах Красной Армии.

2. «Списки нижних чинов, находящихся в отпуске для поправления здоровья и свидания с родственниками» [10]. В этих документах, составленных урядниками и волостными милиционерами, указаны не только имена и сроки пребывания в отпуске, но и место службы.

3. «Список о количестве солдат плененных явившихся на родину с Австрии, Германии и Турции по 1 району Каргопольского уезда» [11, л.15], в котором указано количество вернувшихся домой военнослужащих в 1918 г. – начале 1919 г. по волостям. Документ составлен в феврале 1919 г. на основании поименных списков или справок с указанием количества, вернувшихся из плена, подготовленных волостными исполкомами. Павловская волость 14 ч., Надпорожская волость 18 ч., Печниковская волость 6 ч., Ловзангская волость 14 ч., Лядинская волость 19 ч., Лекшмозерская волость 15 ч. (в исполкомовском списке 18 ч.), Лекшморцеко-Боровская волость 18 ч., Полуборская волость 7 ч., Ольховская волость 11 ч., Калитинская волость 19 ч., Речно-Георгиевская волость 11 ч., Краснояжская волость 10 ч., Хотеновская волость 41 ч., Нокольская волость 14 ч., Боросвидская волость 10 ч., Кленовская волость 7 ч., Усачевская волость 28 ч.

Вследствие больших потерь личного состава действующей армии и затянувшейся войны призывы на службу в годы Первой мировой войны проводились регулярно. В документах из архива военкомата за 1916 г. представлены несколько маршрутных листов и других сопроводительных документов с указанием количества ратников 1 и 2 разрядов и переосвидетельствованных белобилетников, отправившихся из Каргополя на действительную службу. В них подробно расписан путь, который преодолели новобранцы, с указанием населенных пунктов, количества верст до станции Няндомы и способа передвижения.

Всего за 1916 г. в запасные полки армии из Каргопольского уезда было направлено 2100 человек. В 250-й пехотный запасной батальон в г. Рязань было направлено 175 ратников 2 разряда и 1 офицер нижних чинов (начальник команды ефрейтор М. Волохов) [12, л.1-2.].

В 1-й пехотный запасной батальон г. Петрограда было направлено 230 белобилетников [12, л.24-25]. В документах присутствует расписка от заведующего учетной частью 1 пехотного запасного батальона о прибытии от Каргопольского уездного воинского начальника нижних чинов в количестве 230 человек [12, л.3]. Все были приняты и зачислены в списки батальона. В 308-ю пешую дружину – 34 ратника 1 разряда (начальник команды рядовой [К. Патрикеев]) [12, л.53]. В 78-й пехотный запасной полк г. Рязань – 90 ратников 1 разряда (начальник команды рядовой Егор Булочников) [12, л.55,57.]. В 177-й пехотный запасной полк г. Новгород – 290 ратников 2 разряда (начальник команды мл. у. офицер Михаил Федосеев) [12, л.61-62]. В 175-й пехотный запасной полк в с. Медведь Новгородской губ. – 218 ратников 1 разряда и 2 офицера нижних чинов (начальник команды Иван Макаров) [12, л.105-107]. В 176-й пехотный запасной полк в Красное село Петроградской губ. – 122 ратника 2 разряда и 2 офицера нижних чинов (начальник команды Андрей Шевелев) [12, л.91,115]. В 176-й пехотный запасной полк в Красное село Петроградской губ. – 225 ратников 2 разряда (начальник команды рядовой Степан Антрушин) [12, л.102.]. В 175-й пехотный запасной полк в с. Медведь Новгородской губ. – 63 ратника (начальник команды рядовой Осип Карпов) [12, л.114,117]. В 223-й пехотный запасной полк в г. Пермь – 240 ратников 2 разряда и 2 офицера нижних чинов (начальник команды мл. у. офицер Степан Антрушин) [12, л.158]. В 299-й пехотный запасной полк в г. Печёры – 94 ратника 2 разряда и 2 офицера нижних чинов (начальник команды рядовой Егор Булочников) [12, л.165,207]. В 241-й пехотный запасной полк в г. Пензу – 52 ратника 2 разряда и 1 офицер нижних чинов (начальник команды ефрейтор Алексей Гуляев) [12, л.178]. В 198-й пехотный запасной батальон в г. Коломну – 93 ратника 2 разряда 1908 г. и 1909 г. призыва (начальники команды ефрейтор Алексей Гуляев и рядовой Андрей Глебов) [12, л.16-17]. В 217-й пехотный запасной батальон в г. Зарайск Рязанской губ. – 164 ратника 2 разряда (начальники команды ефрейтор Александр Новоселов и рядовой Михаил Калинин) [12, л.19-20].

В этом деле так же представлены несколько маршрутных листов следования к месту службы из других городов Олонецкой губернии: Пудожа и Повенца, их путь проходил через Каргополь [12, л.14,23,26,48-49,177,194,201,206].

В 1916 г. в Каргопольскую уездную земскую Управу была направлено множество обращений с просьбой выделить подводы для перевозки ратников из г. Каргополя на станцию Няндомы. Но во всех маршрутных листах указано, что ратники до станции Няндомы шли пешком. Возможности выделить лошадей для отправки всех ратников

у Управы не было. Об этом свидетельствует документ, направленный Каргопольскому Уездному Воинскому Начальнику «...В виду того, что в настоящее время мужского населения в деревнях почти не осталось, а женщины заняты уборкой хлеба на полях, а также в виду тяжелой дороги до Нядомы и большого количества призванных ратников... Уездная Управа просит Ваше Высокоблагородие отправить призванных ратников пешим порядком, а подводы выделить только под багаж» [12, л.64].

При отправке в действующую армию новобранцев и ратников возникали проблемы не только с подводами, но и с обмундированием. В циркуляре, направленном Каргопольскому Уездному Воинскому Начальнику от начальника Вологодской местной бригады, сказано, что «...вследствие громадной потребности в обуви частей действующей армии...», интендант отказывается снабжать ею новобранцев и ратников. В связи с этим высказано пожелание: призывники «...должны являться на сборные пункты в обуви и одежде вполне годной для передвижения в зимнее время...» [12, л.218].

Из установленных к настоящему времени имен участников Первой мировой войны большую часть составляют солдаты, служившие в низших чинах: рядовые, ефрейторы, бомбардиры, канониры. Встречаются военные, имеющие унтер-офицерские чины. Об участниках войны, имеющих офицерские чины, сведений немного. Они получены со списков служащих учреждений – бывших офицерах царской армии, составленных председателями Волостных исполнительных комитетов [13, л.409,410; д.422 л.70 об., 71 об.]. Установлены имена нескольких прапорщиков, которые будучи людьми образованными, после окончания войны работали учителями по месту жительства.

Никулин Владимир Степанович 1896 г.р. Уроженец д. Поздышево Нифантовской волости Каргопольского уезда. Окончил 5-ю Киевскую школу прапорщиков. Присвоено звание прапорщика. Служил младшим офицером учебной команды 234 запасного полка. Служил в 691-ом Стоходском полку. После войны работал учителем Поздышевской Советской школы I ступени.

Прибытков Андрей Иванович 1897 г.р. Уроженец д. Максимовской Нифантовской волости Каргопольского уезда. Окончил Владимирское военное училище. Присвоено звание прапорщика. Служил младшим офицером в пехоте. После войны работал учителем Максимовской Советской школы I ступени.

Шежемский Константин Петрович. Уроженец Калитинской волости Каргопольского уезда. Вернулся из плена 25 декабря 1918 г. Служил в звании прапорщика. После войны работал учителем Замошской Советской школы.

Ковров Александр Павлович 1896 г.р. Уроженец Кенорецкой вол. Каргопольского уезда. Окончил школу прапорщиков. Служил в пехоте. С января 1915 г. занимал должности рядового, взводного офицера. После войны работал учителем советской школы по месту жительства.

Лебедев Александр Григорьевич 1895 г.р. Уроженец д. Сорokinской Архангельской вол. Каргопольского уезда. Окончил школу прапорщиков. Получил чин – прапорщик пехоты. С января 1915 г. занимал должность младшего офицера роты. После войны работал учителем советской школы по месту жительства.

Широко распространенное в царской армии дезертирство также подтверждается документами из архива Каргопольской милиции. Вот один из примеров. В анкете дознания и постановления от 4 февраля 1917 г. [10, л. 1-2] упоминается Дмитриев Василий Алексеевич, уроженец д. Кузьминской Кенорецкой вол. Каргопольского уезда. Он был призван 1 июня 1916 г. в г. Каргополе (досрочно: год призыва – 1918). Служил во втором запасном артиллерийском полку. Бежал со службы 9 августа 1916 г. Возвращен на службу и снова бежал на родину.

Сбор сведений об участниках Первой мировой войны – долгий и кропотливый процесс. Сведений очень мало, их приходится собирать по крупицам. Хорошо, если есть анкета с подробными сведениями о человеке, а зачастую это просто списки с указанием места рождения, звания, указание на ранение или смерть солдата.

Иногда имена одних и тех же участников Первой мировой войны встречаются в разных документах. Так, например, двое жителей Нокольского с/о Калитинской волости Змеев Авдий Васильевич и Моськин Александр Иванович, по данным, опубликованным в именных списках убитым, раненым и без вести пропавшим нижним чином по Олонецкой губернии, числились пропавшими без вести с 23 ноября 1914 г. [14, с.4.], [15, с.3]. Из списка солдат, возвратившихся из Австрийского и Германского плена на родину в Нокольскую волость, составленного председателем Волостного исполнительного комитета 11 февраля 1919 г., стало известно, что они возвратились на родину из Австрийского плена в 1918 г.: Змеев – 25 ноября, а Моськин – 5 декабря [11, л.33].

В списке запасных чинов, ушедших на войну по Лядинской волости в 1914 г. [8, л.2], числятся Бабкин Андрей Григорьевич, Басов Семен Степанович и Рудаков Семен Григорьевич. Из именного списка убитым, раненым и без вести пропавшим нижним чином по Олонецкой губернии [16, с.4], [17, с.3], мы узнаем, что ефрейтор Бабкин Андрей Григорьевич был убит 13 октября 1914 г., рядовой

Рудаков Семен Григорьевич был ранен 23 декабря 1914 г., рядовой Басов Семен Степанович контужен 23 декабря 1914 г.

Письменные артефакты являются наиболее достоверными источниками информации. Ведь потомки не всегда могут правильно, без искажений рассказать историю своих предков, а часто эта информация и вовсе утрачена. Предоставленные ими сведения зачастую не имеют под собой документальных подтверждений, а легенды, передаваемые из поколения в поколение, могут добавлять или, наоборот, упускать какие-то моменты истории.

Так произошло с Захарьиным Иваном Александровичем. В фондах музея сохранился его снимок с женой и сестрой. Родственники рассказывали, что фотография была сделана во время отпуска Ивана Александровича с Первой мировой войны в 1916 г. Большая крестьянская семья Захарьиных была зажиточной. В доме было много деревообрабатывающих станком. Мужчины в семье были столярами. Занимались строительством церквей. Иван Александрович Захарьин, участник Первой мировой войны, служил в гренадерском полку. После войны с семьей проживал в г. Каргополе на углу ул. Екатерининской и Потанихи № 49 (совр. Ленина и Болотникова) [18, с.4]. Сам же Иван Александрович вот что писал о своей службе: в октябре 1905 г. был призван в царскую армию и направлен в Санкт-Петербургский военный округ, в гвардейский корпус Измайловского полка «... муштровка, побои, оскорбления ежедневно сыпались на наши головы. Кормили нас очень плохо, о культурных развлечениях и думать не приходилось...» В 1914 г. был призван на Империалистическую войну. На фронте быть не пришлось, благодаря своей специальности столяра был оставлен в Петербурге в мастерской зажигательных снарядов. Но там было не легче: работали по 15-17 ч. в день. Заболел. Был отправлен домой в деревню. Революцию в Петрограде не застал. [19, с.13].

В настоящее время картотека участников Первой мировой войны публикуется на сайте музея, сведения расположены в алфавитном порядке по волостям.

Одной из интересных составляющих в изучении истории Первой мировой войны является тема военной медицины. И сбор информации о каргопольцах, помогавшим раненым и больным как на фронте, так и в тылу. К настоящему времени известны имена сорока человек, служивших при полевых госпиталях в должности помощников врачей.

И если сестры милосердия госпиталей и лазаретов не являлись военнотружениками и находились под защитой Красного Креста, то вот фельдшеры и санитары на перевязочных пунктах вблизи

окопов, санитарные команды, выносившие раненых с поля боя, были военными со всеми вытекающими последствиями. Они подлежали призыву вместе с другими военнообязанными. В учетных документах вплоть до 1923 г. профессия фельдшера часто обозначалась термином – лекарский помощник – специфическое воинское звание военно-медицинских специалистов в России XIX-XX веков (чуть позже в активное употребление вошла слоговая аббревиатура лекпом). Хотя изначально помощниками лекаря называли младший военно-медицинский персонал, не имеющий квалификации фельдшера.

Проследить боевой путь фельдшера позволяют сохранившиеся в архивах документы. В деле по учету лиц начальствующего состава Каргопольского военкомата удалось обнаружить несколько десятков учетных военно-санитарных билетов и послужных списков, которые содержат сведения о службе вплоть до 1923 г. Большинство фельдшеров медицинское образование получали прямо во время войны в фельдшерских школах при войсковых госпиталях и лазаретах, в которых служили. Часть лекпомов выучились медицинской профессии еще до войны во время срочной службы: в Гельсингфорсском местном военном госпитале, в Петрозаводской фельдшерско-акушерской школе, в Архангельской фельдшерской школе, в Свеаборгской фельдшерской школе, в Выборгской военной ротной фельдшерской школе и других местах.

Из учетного воинско-санитарного билета Попова Ивана Петровича (27.01.1892-?) удалось получить следующие сведения. «...Уроженец д. Обрезкова Ошевенской волости Каргопольского уезда. Звание: (лекпом) лекарский помощник. Медицинское образование получил в 1911 г. в Петрозаводской фельдшерско-акушерской школе. По призыву принят на военную службу в 197 пехотный Лесной полк рядовым 10 октября 1913 г. С 17 марта 1914 г. в этом же полку служил младшим медицинским фельдшером. В этом же полку на фронте до 20 января 1915 г. Отпуск по болезни на один год до 11 февраля 1916 г. Затем служил в 3-м запасном пехотном полку младшим медицинским фельдшером до 12 мая 1916 г. Затем старшим медицинским фельдшером на военно-санитарном поезде до 7 января 1918 г. На том же поезде от Комитета по обмену военнопленными с Германией и Австрией до демобилизации 20 июля 1918 г. Принят по мобилизации в Красную Армию в сан. часть 6 армии 27 декабря 1918 г. В январе 1919 г. назначен в 3-й сводный госпиталь приемник 159 эвакуационного пункта эпидемиологическим лекпомом. С января 1921 г. в том же госпитале счетовод аптеки. В июне 1921 г. переведен в 725 госпиталь. Уволен с военно-санитарной службы по болезни в марте 1922 г. Холост...» [20, л.1401-1407]

Отдельная группа военных, имена которых удалось установить – это ветеринарные фельдшеры, служившие наряду с ветеринарными врачами в действующей армии и обслуживавшие лошадей в полевых условиях. Роль ветеринарной службы в годы Первой мировой войны была очень велика из-за необходимости использования в армии огромного количества лошадей. Ветеринарные фельдшера числились нижними чинами, и поэтому при мобилизации призывались как рядовые солдаты. В процессе же войны ветеринарные фельдшера по мере потребности направлялись в части и учреждения. Подготовка ветеринарных фельдшеров в начале войны производилась по сокращённым программам военного времени в ветеринарно-фельдшерских школах, созданных при некоторых этапных ветеринарных лазаретах. К настоящему времени удалось установить имена двенадцати ветеринарных фельдшеров, жителей Каргопольского уезда, проходивших военную службу в годы Первой мировой войны.

Один из них – Колесов Андрей Александрович (20.08.1893-5.11.1976), уроженец д. Звонкова Волковского с/о Павловской волости Каргопольского уезда. Он родился в крестьянской семье. В 1907 г. окончил двухклассную городскую школу с похвальным листом. Был призван на службу в 1914 г., вступил в первый запасной батальон рядовым. 31 января 1915 г. направлен в 13 Белозерский полк. 15 ноября 1915 г. направлен в Ветеринарный лазарет 4 пехотной дивизии. 30 декабря 1916 г. окончил ветеринарную школу. 1 января 1917 г. откомандирован в 13 Белозерский полк на должность ветеринарного фельдшера. Воевал в Карпатах, награжден Георгиевским крестом. Уволен по демобилизации 10 января 1918 г. До 1924 г. служил в рядах Красной Армии. После демобилизации вернулся в Каргополь. В течение 33 лет работал в ветеринарии Каргопольского района на различных должностях. Участвовал в Финской войне. Был лейтенантом ветеринарной службы 242 артиллерийского полка. В годы Великой Отечественной войны оказывал помощь фронту, принимая активное участие в выполнении планов по производству продуктов животноводства колхозами района. Вел активную работу по пропаганде ветеринарных знаний среди работников животноводства, принимал меры по ликвидации и профилактике инфекционных болезней сельскохозяйственных животных в районе. Награжден Орденом Ленина и многими медалями. Источником информации о жизни и службе стали различные документы. Это фотоальбом «Ветеринарная служба Каргопольского района» (1975 г. Составитель Голиков С. Ф.) [21], некролог в районной газете [22, с.4] и послужной список, обнаруженный в архиве военкомата, переданном в музей в 1990-е гг. Единственный Георгиевский крест, представленный в коллекции нашего музея,

также принадлежит Андрею Александровичу, был передан в музей его дочерью Калиитиной Тамарой Андреевной в 1982 г.

Продолжая разговор о военной медицине, хочется рассказать еще об одном участнике войны – Шамакове Николае Александровиче (18 декабря 1894-1928), уроженце д. Ермолина Быковской (Троицкой) волости Каргопольского уезда. Звание: лекарский помощник (лекпом). Призван Каргопольским Воинским начальником и направлен в Кронштадтский Минный крепостной батальон 25 января 1915 г. 19 октября 1915 г. откомандирован для прохождения курса в Кронштадтскую военно-фельдшерскую школу. 25 июля 1916 г., по окончании Кронштадтской военно-фельдшерской школы, направлен в санотдел 6-ой армии на должность ротного фельдшера. В 1917 г. откомандирован в 30 подвиж. полевой госпиталь. 18 декабря 1917 г. демобилизован. 10 февраля 1919 г. призван по мобилизации в Красную Армию. Служил в должности леккома в 13 стрелковом отдельном батальоне, в 5 Карельском пограничном полку. Затем был направлен в Петрозаводский пограничный отряд. 21 мая 1924 г. отправлен в бессрочный отпуск. Эти сведения получены с учетного воинско-санитарного билета и удостоверения за подписью и печатью старшего врача Петрозаводского пограничного отряда о работе Шамакова в должности помощника лекаря с положительной характеристикой [20, л.1274-1282]. Во время встречи с внуком Николая Александровича удалось узнать его дальнейшую судьбу и получить копию фотографии. После демобилизации Шамаков Н. А. вернулся в родную деревню. Занимался крестьянским трудом, а также лечил лошадей, имеющих у жителей окрестных деревень, таким образом, применив свое медицинское образование. Умер рано, вследствие трагической случайности. Его жена – Анна Ивановна Суетина. Сын Шамаков Александр Николаевич (1922-1988 гг.), участник Великой Отечественной войны, работал директором школы №3 г. Каргополя.

После окончания Первой мировой войны большинство фельдшеров, если позволяло здоровье, отправлялись на службу в Красную Армию, служили на фронтах Гражданской войны. Некоторые, вернувшись домой после демобилизации, работали в городской и волостных больницах. Кто-то выбирал гражданскую профессию. Были и такие, кто продолжал в учебу в высших учебных заведениях, получали профессию врача. Самый яркий пример из нашей картотеки – Голиков Федор Елпидифорович (1891-1952 гг.), уроженец д. Антоновской Лядинской волости Каргопольского уезда. По окончании Петрозаводской гимназии был направлен в университет на стипендию Каргопольского земства. Со студенческой скамьи его призвали на войну, где он служил фельдшером в санитарном отряде. После войны, в 1921 г.

окончил с отличием медицинский факультет Новороссийского университета (г. Одесса). Работал врачом в Каргопольской больнице. В фондах музея представлен его фотоальбом, в котором половина снимков посвящена Первой мировой войне. На большинстве нет указаний ни на место события, ни на воинское подразделение. В то же время встречаются единичные надписи: Галиция или юго-западная армия Брусилова. Изображения на снимках самые разные: солдаты в защитных противогазах, железнодорожные пути, разрушенные обстрелом дома, минометы, окопы, братские могилы, австрийское кладбище и др. Здесь же и редкие минуты отдыха: одни сидят за столом, другие лежат в гамаке, третьи с гармошкой в руках. Однако главная тема съемок – фронтовая медицина: санитарные обозы, медсестры, военная аптека, полевые лазареты, перевалочные пункты, носилки с ранеными и убитыми. Эти фотографии иллюстрируют воспоминания Голикова Ф. Е., опубликованные его внуком в 1982 г. в районной газете. Записи относятся к периоду службы весной и летом 1916 г. В воспоминаниях в форме дневниковых записей рассказывает о тяжелой службе в военно-полевых условиях «...22 Мая. Сегодня началось наше наступление. Боже мой, что творилось вблизи нас! Наша артиллерия начала стрельбу ещё вчера с 8 утра. С полуночи до двух часов стрельба усилилась. Земля дрожала от грохота орудий. В 2 часа ночи наши молодцы пошли в атаку. Сейчас они вооружены не хуже австрийцев: на головах стальные каски и противогазы на боку, на ремнях полные подсумки патронов, хватает и снарядов к пушкам. Гул орудий, треск пулемётов, свист ракет, свет прожекторов, – все смешалось в один сплошной и страшный ад. В 5 часов утра к нам прибыли первые раненые, и у нас закипела работа. 21 мая, вечером, до начала боя мы ходили за село, чтобы проститься с десятым полком, заходили мы довольно далеко, до батарей, где уже было опасно ходить, ждали до 11 часов вечера, но, к сожалению, с десятым полком не встретились, зато видели, как шли в окопы другие полки. Сегодня привезли в лазарет моего товарища Борю Павловского, тяжело раненого в живот навывлет. Кроме того, привезли еще двух прапорщиков десятого полка: Попова и Знаменского, Попов ранен в правую руку, а Знаменский – контужен. Как все это страшным кажется – вчера они были у нас, говорили, шутили, а сегодня их привезли к нам покалеченными. Какая страшная вещь – война!..» [23, с.3].

110 лет прошло с тех событий, но благодаря архивным материалам становится все больше известно фактов как об участниках этой войны, так и о помощи мирных жителей Каргопольского уезда тем, кто сражался на фронтах Первой мировой войны. Несмотря на удаленность театра военных действий от Каргопольского уезда,

эта война особым образом затронула русское общество. Чувства тревоги за тех, кто воевал за тысячи верст от родного дома, не покидало жителей уезда. Патриотическое одушевление, охватившее Россию, выразилось в денежных и вещевых пожертвованиях, исходящих от мирного населения; в устройстве лазаретов для раненых и больных воинов и помощи семействам лиц, призванных в войска. Приведу несколько примеров помощи фронту, которые встретились в ОЕВ.

С благословения Преосвященнейшего Владыки и разрешения местной светской власти 14 декабря 1914 г. в Каргопольском духовном училище был устроен платный патриотический вечер в пользу раненых. Программа вечера состояла из 22-х номеров, исполнителями программы были и члены, корпорация училища, начиная со зрителя и учащегося, между прочим, хор училища исполнил все гимны союзных нам государств и «Было дело под Полтавой», ученики произносили стихотворения высокопатриотического характера, некоторые чтения сопровождались туманными картинками, например чтения о героях войн современной войны (картины для сего правление училища своевременно выписало из столицы). Вечер имел большой успех, жители Каргополя наполнили зал училища, чистого сбора в пользу раненых поступило 140 р. 19 к. [24, с.34-35].

Приходы также активно помогали солдатам и их семьям, оставшимся дома. После первого призыва запасных всюду при волостных правлениях открывались Волостные попечительства в заботе «о семьях нижних чинов призванных на войну». Занимались они в т. ч. составлением подворных списков семей призванных. Списки отправлялись в уездные Съезды. Съезд вручал волостному старшине деньги для выдачи пособий с расчетными книжками на каждое лицо. При церквях создавались приходские Советы, которые занимались попечительством и оказанием помощи, нуждающимся бедным семьям без мужчин. Они занимались сбором добровольных пожертвований, на эти деньги помогали семьям с крайней нуждой: на дрова, на вывозку сена и хлеба и вообще на то, в чем у нее есть нужда [25, с.148-150].

Также ОЕВ в рубриках Пожертвования на нужды войны и Пожертвования призванным на войну можно встретить следующие записи. Настоятель каргопольского Спасо-Преображенского монастыря Епископ Варсанофий вносит совместно с монастырем в Каргопольское земство по 3 руб. в месяц на нужды войны [26, с.624]. Причт Лекшмозерского прихода Каргопольского уезда жертвует 10% своего жалования на нужды войны. [27, с.566]. Между сестрами Каргопольского Успенского женского монастыря собрана часть холста и других предметов для белья войнам и сданы в Каргопольский

Дамский Комитет по приготовлению белья и других предметов для госпиталей, а некоторыми сестрами взяты из Комитета материалы и готовятся нужные вещи [28, с.644]. На осеменение полей мобилизованных запасных и ратников Нименского прихода Каргопольского уезда, согласно просьбы причта и старосты, Епархиальным начальством разрешено пожертвовать из сумм Нименской церкви 30 рублей и 30 пудов овса. [29, с.267].

Обители Олонецкой епархии, в т. ч. Каргопольского уезда откликнулись на призыв Святейшего Синода о призрении в учреждениях православного духовенства выздоравливающих и увеченных воинов и детей лиц, павших в бою. Так Кирилло-Челмогорская пустынь могла бы отвести помещения с отоплением и освещением для 5 человек, нуждающихся в укреплении здоровья воинов, но за скудностью средств не в состоянии отпускать им пищевое довольствие. Александр-Ошевенский монастырь может принять только одного воина и такого, который мог бы переносить все правила монастырской жизни, по бедности и малочисленности братии не может быть дано больному особой прислуги, или же вместо одного воина может быть принять двое детей с подчинением их монастырской жизни, причем дать им начальное обучение монастырь тоже не может. Каргопольский Успенский женский монастырь согласен взять до 5 человек в возрасте с 4-5 лет на полное содержание от монастыря до совершеннолетия. Призреваемые могут быть обучены грамоте в монастырской одно-классной церковно-приходской школе, а также женским рукоделиям, сначала в школе, а потом в монастырских рукодельнях: вязанью, плетенью, вышиванью. По бедности и малолюдству Каргопольский Спасо-Преображенский монастырь не имеет сил и средств содержать больных [30, с.181-182].

В заключении можно с уверенностью сказать, что тема войны остается неизменно актуальной и по сей день. После окончания каждого военного конфликта человечество надеется, что эта война точно станет последней в истории. Но политические события, происходящие в мире, постоянно дают поводы для разжигания все новых военных конфликтов. Собранные к настоящему времени материалы предполагается представить на выставке, которая откроется в Каргопольском музее в ноябре 2024 г. Темой выставки станут события военной истории XX–XXI веков и судьбы каргопольцев, принимавших в них непосредственное участие.

Список литературы:

1. КГИАХМ. Архив военкомата. Д. 378
2. КГИАХМ. КП 18627/2

3. КГИАХМ. КП 2120/5,6
4. КГИАХМ. КП 12039/4
5. ОЕВ. – 1914. – № 30
6. ОЕВ. – 1914. – № 23
7. ГААО. Ф.1862 Оп.1 . Д. 11
8. ГААО. Ф.104 Оп. 3. Д. 365
9. КГИАХМ. Архив милиции. Д. 028
10. КГИАХМ. Архив милиции. Д. 699
11. КГИАХМ. Архив милиции. Д. 422
12. КГИАХМ. Архив военкомата. Ф.1. Оп.34. Д.10
13. КГИАХМ. Архив милиции д.307
14. ОГВ. – 1917. – № 124
15. ОГВ. – 1917. – № 129
16. ОГВ. – 1917. – № 19
17. ОГВ. – 1917. – № 132
18. Иванова Н. Ушедших лет застывшее мгновение // Каргополье. – 2017. – № 66
19. О чем в этот день писала газета с ссылкой на статью 1938 г.: Захарьин И. А. С тремя сыновьями пойду на защиту Родины // Каргополье. – 2019. – № 31
20. КГИАХМ. Архив военкомата. Ф.1. Оп.5. Д.13
21. КГИАХМ. НВФ 6399
22. Колесов Андрей Александрович // Коммунист. – 1976. – № 135
23. Голиков А. С. Записки военного врача // Коммунист. – 1982. – № 99.
24. ОЕВ. – 1915. – № 2
25. В деревне в дни войны. Из жизни с. Воезера Каргопольского уезда. // ОЕВ. – 1915. – № 8
26. ОЕВ. – 1914. – № 27
27. ОЕВ. – 1914. – № 24
28. ОЕВ. – 1914. – № 28
29. ОЕВ. – 1915. – № 15
30. ОЕВ. – 1915. – № 10-11

Кожевенное производство в Каргопольском уезде Олонецкой губернии на рубеже XIX-XX веков

М. М. Гусева

музей-заповедник «Кижь»

ведущий специалист

экспозиционно-выставочной

деятельности сектора сохранения, изучения и

демонстрации традиционных ремёсел

*народный мастер традиционных художественных
промыслов и ремесел Республики Карелия*

Аннотация. Статья посвящена исследованию развития кожевенного промысла на территории Каргопольского уезда Олонецкой губернии по письменным источникам. Дана характеристика и описание производства кожевенно-овчинного, скоряжного и сапожного промыслов в регионе.

Ключевые слова: кожевенные заведения, выделка кожи, овчины, мехов, сапожное дело, шорное дело.

В данной статье речь пойдет о ремёслах и промыслах, связанных с обработкой животных продуктов. Выделка кожи и овчины в к. XIX в. составляла одно из важных кустарных занятий крестьян Олонецкой губернии, которое требовало создания мелких производств, по своей организации оно имело преимущественно кустарный характер [5, с.203]. Кожевенное дело на территории северного края существовало ещё в эпоху средневековья. Славянская колонизация территории Карелии начиналась в поисках пушного зверя, новгородцы-ушкуйники сами охотились или покупали меха у местных охотников [14]. Онега (территория вокруг Онежского озера) была центром движения мехов [6, с. 57]; шкурки куницы, соболя, белки являлись своеобразными «меховыми деньгами» при обмене различных товаров не только внутри Новгородского государства, но и в торговле с западными купцами. До XIII века новгородские купцы имели хорошие доходы за меха, кожи, юфть.

Кожевенный товар был важной статьёй российского экспорта в XV–XVI веках. Кожа, имевшая большой спрос на Востоке, во времена правления русского царя Федора Иоанновича была причислена к «заповедным товарам», торговля которой являлась монополией казны [15, с. 53]. Вывозились в Среднюю Азию, Иран, Турцию окрашенная растительными красителями красная юфть, выдубленная неокрашенная юфть мостовая, ролдуга – шкура, выделанная в замшу,

хоз – «задок» конской шкуры особой выделки, который отличался большой прочностью [15, с. 52].

Олонецкий кожанный и овчинный товар не являлся предметом российского экспорта, только меха могли экспортироваться в другие страны. В Каргопольском уезде кожевенно-овчинный и меховой промыслы получили самое широкое распространение в сравнении с другими уездами Олонецкой губернии.

Таблица №1. Количество кожевен в Каргопольском уезде
в разное время

Год	Виды производства	Дополнительные сведения	Количество заведений
1838 г. [2, с. 113]	Кожевенное, шитье и подборка мехов	Меха продавали в Петербург и на Нижегородскую ярмарку	63
1856 г. [9, с. 112].	Кожевенное, выделка мехов	Торговлю мехами осуществлял крестьянин Степан Абрамов, который сам изготавливал беличьи меха и сбывал их на Нижегородскую ярмарку или в Петербург [9, с. 171]	58 кожевен
1869 г.	Выделка овчин	Шкуры реализовывались на месте. В 1866г. 23 овчинника выделали шкур на сумму 585 рублей [7, с. 57]	23 заведения в разных селениях
1869 г.	Выделка беличьих шкурок	На заводах сортировали и сшивали беличьи меха, а для выделки раздавали до 2500 шкурок крестьянам подгородных деревень, скорняк с тысячи шкурок получал за работу и материал от 1,5 до 2 рублей, в сезон он мог заработать до 30 рублей, работая 4,5 месяца [3, с. 465]	3 завода в Каргополе

Продолжение таблицы

1873 г. [12, с. 67-103]	Кожевенно-овчинный	Больше всего кожевенных заведений было в селении Погостского общества Ошевенской волости на реке Халуи и в селениях Речно-Георгиевского общества Нифантовской волости на реке Чурьеге, по обширности своей кожевенное производство занимало первое место в этом приходе [11, с. 241]	38 заведений (Приложение №1)
1905 г.	Кожевенно-овчинный	Производство концентрировалось по трактам вблизи городов и других крупных торговых рынков.	162 кустаря и 6 ремесленников [5, с. 203]

С кожевенным промыслом в совокупности могли развиваться скорняжный, шорный, сапожный ремесла и промыслы. Кожа, прочный и пластичный материал, она использовалась для изготовления обуви, ремней, ножен, кисетов, конской упряжи; овчина применялась для шитья одежды, одеял, рукавиц; меховые шкурки – для изготовления шуб, шапок, воротников.

Сведения по Каргопольскому уезду Олонецкой губернии за 1902 г. немного разнятся, в разделе «По промыслам» в ремесле «выделка кож и овчин» было задействовано 117 человек [4, с. 76-78] (Прил. № 2). В другой таблице кожевники и овчинники разделены по отдельным графам (Таблица №2), в уезде было 79 кожевенных и 51 овчинное производство, в таблице № 3 промыслы кожевенное и овчинное снова объединены.

Таблица №2. Сведения о кустарных и промышленных предприятиях Каргопольского уезда в 1902 г. [4, с.538]

Кустарные	Число владельцев и пайщиков/число заведений	Размер производительности заведений	Стоимость заведений	Известный доход от производства
Кожевенные	79/79	271	3200	6475
Овчинные	53/51	30	191	2350

Продолжение таблицы

Беличьи мастерские	4/4	-	525	2450
--------------------	-----	---	-----	------

Таблица №3. По промыслам [4, с. 344]

Обработка животных материалов	Общее число лиц	Число лиц с определенным заработком	Заработок	Средний заработок на одного трудящегося
Выделка кож и овчин	168	155	9102	58
Изготовление беличьих мехов	55	53	4175	81
Сапожники	330	280	8666	30
Шорники	4	2	45	22,5

В промысле по изготовлению беличьих мехов было задействовано 32 человека [4, с. 78] (Прил. №2), больше всего занимались выделкой шкур в Павловской волости – 26 человек, возможно, все эти крестьяне были сами охотниками, по таблице №3 – скорняков было 55 со средним заработком 81 (какие из этих сведений наиболее верны, теперь невозможно установить). По уезду это был самый доходный промысел из тех, которые связаны с обработкой животных материалов.

Сапожное ремесло – самое распространенное занятие по работе с выделанными или сыромятными кожами, оно носило чаще всего кустарный характер, сапожники изготавливали поршни, в Каргополье так назывались высокие сапоги с поднятым кверху носком, с широким низким каблуком [8, с. 20]; шили дратвой бахилы из мягкой белой или черной кожи; так назывались выворотные сапоги, которые в конце XIX в. выходили из употребления, такие бахилы из Каргопольского уезда были представлены на Санкт-петербургской кустарной выставке в 1884 г. [1, с.16]. В уезде насчитывалось 291 человек (Прил. №2), занимающихся шитьем сапог, по таблице №3, сапожников в Каргопольском уезде было 330. Сапожники чаще всего не имели специальных мастерских, а работали прямо в жилых домах или ходили по селениям

в поисках заказов. Заказчики предпочитали, чтобы обувь изготавливалась под их «приглядом», они заготавливали дратву для шитья сапог, а дело сапожника – заготовить гвозди для подошв и сшить их, используя колодки. Почти все сапожники принадлежали к земледельческому классу и занимались ремеслом между делом. Времени на изготовление пары сапог требовалось 2 дня, рукавиц – 1/3-1/2 дня, башмаков – 1 день. Заработок сапожника был невысок и колебался от 3 до 60 рублей в год. Постоянные кустари зарабатывали около 85 рублей, временные – 42 р., а занимающиеся только несколько месяцев – 15 р. [5, с.225]

Шорное ремесло не получило развития ни в каких уездах Олонецкой губернии, в Каргопольском уезде конскую упряжь изготавливали всего четверо человек [4, с. 84] со средним заработком 22,5 рубля (Прил. №2).

Процессы кожевного, овчинного, мехового и шорного ремёсел очень трудоёмки, требовали физической силы, поэтому этими ремеслами занимались мужчины в возрасте от 18 до 60 лет. Подростки, женщины и старики встречались как исключение, только для лёгких подсобных работ [5, с. 206]. Кожевенные заведения устраивались за деревней вблизи озера или речки в постройке с дощатой крышей с дополнительным помещением по типу амбара для складирования извести, коры, кож, они снабжались навесами для просушки кож. Обстановка кожевного производства была влажной и грязной, воздух его был насыщен испарениями разлагающейся мездры и коры. Для выделки кож необходимы были чаны зольные, мочевые, кисельные (хлебные), дубильные и промывные. В малых заведениях кожа «квасилась» и дубилась в одном и том же чане, а промывали кожу в речках или озерах. Для производства кож необходимы были 1-2 печи с вмазанными в них чугунными котлами для нагревания воды емкостью от 3 до 15 ведер [5, с. 207].

Процесс выделки был очень длительным. В целом он занимал более двух месяцев. Главные технологические этапы – это вымачивание и дубление в разных составах, полоскание в чистой воде, очищение тупиком (ножом или косой) на «кобыле» от шерсти, жировых веществ и мяса, вылеживания в течение нескольких дней с переворачиванием шкур раз в день, растягивания, сушки и мятья мялкой-бияком до состояния мягкости [5, с. 211]. Материалами для выделки кож служили гашеная известь, соль, ивовая кора «дуб», древесная зола, мука ржаная или овсяная, говяжье сало, ворвань (жидкий жир, рыбий или других морских животных), деготь, сандал, купорос. Купорос – это общее название сернокислых металлических солей: купорос железный (зеленый, сапожный, чернильный) – сернокислая закись железа; медный (синий) – сернокислая окись меди; цинковый (белый) – сернокислая окись цинка).

Действительный член Олонецкого статистического комитета И. Соколов очень подробно дал описание процесса кожевенного заведения, в том числе, какие виды кож там выделывались: это кожи подошвенные, полуважные, стелечные, опойковые и выростковые. Все заводы приготавливали красную дублень для обуви, а чёрной не производили, покупали ее в г. Кириллове Новгородской губернии [11, с. 219], кожи покупали и в Каргополе от мясников, на Ростовской ярмарке Ярославской губернии, на Евдокиевской ярмарке Шенкурского уезда Архангельской губернии, в других местах, где бывали деревенские торжки, в основном, осенью, когда крестьяне бьют скот. Вообще по уезду кожевенники выделывали исключительно жёлтые кожи, чернили их смесью сандала с купоросом очень редко и очень немногие, в виде исключения. Заводчики за выделку кож при своем материале брали с заказчика опойковой кожи (теленка меньше года) 20-25 коп., выростковой кожи (теленка от 1 до 2 лет) - 50-75 коп., лошадиной и коровьей от величины – от 80 коп. до 1 р. 30 коп., черкасской (русской) подошвенной – 2 рубля.

Остатки от производства шерсть, хвосты конные и коровьи, гривы, рога также продавали, а отходы от производства – зола, известь, ивовая кора (одубина) – сваливались прямо на двор и затем вывозились на поля вместе с наезом. Хлебный раствор, в котором мочились кожи, употребляли на поило скоту [11, с. 218]. Кустари промышленники имели более выгодное организованное дело и соответственно прибыль имели большую. Многие кустари-кожевенники были заняты и другими производствами: выделка овчины, рыбная ловля, вывозка леса, торговля и др.

Овчинники чаще всего работали над выделкой шкур временно от 1 до 5-6 мес, осенью и зимой. Рабочий день овчинника продолжался 17-18 часов. В своих мастерских, которые иногда устраивались в своих жилых избах, устанавливали чаны или бочки 1-3 штуки, оборудовали печь-очаг. Инструментом для работы служили мездренники, струги, тупики, кобылы и железные крюки [5, с. 219]. Процесс выделки во многом схож с кожевенным, только волосной покров на шкуре сохраняли. Условия овчинного производства еще вреднее, чем кожеделательных заведений. На выделку тысячи овчин употреблялось 40 пудов коры, 2 пуда мела или охры, 6 пудов соли и 60 пудов овсяной муки.

Стоимость по средним ценам для белых овчин 71 р., для дубленых – 73,40 р. За выделку средней овчины кустарь получал с заказчика от 10 до 25 копеек за шт. Общая стоимость производства 1000 овчин составляла от 81-83р. до 96-99 р. [5, с. 221]

Овчинное производство примитивное, в нем не практиковалось чернение овчин, шубы, полушубки, тулупы шились из белой овчины.

Главнейшим ресурсом Олонецкого края являлся лес, и он служил источником различных и разнообразных доходов, охота на белок и дру-

гого зверья служила основой для существования местного скорняжного промысла по выделке мехов. Выделка беличьих шкур во многом схожа с выделкой овчины, но по времени она была короче. Сначала белку целые сутки квасили в киселе из муки и соли, на 1000 шкурок использовали 15 фунтов муки, 10 фунтов соли, причём соль употреблялась для предохранения шерсти от слезания с кожи. Затем белку терли мездрой около винтообразного железного прута, чтобы снять мясистую часть с кожи. Для смягчения кожи ее смазывали ворванью, на 1000 шкурок 1 фунт ворвани. Затем белка укладывалась слоями в бочку, пересыпалась мукой и мялась ногами, отчего становилась и шкурка и шерсть пышной и мягкой. Скорняк за свою работу и материал получал от 1 р. 50 коп. до 2 рублей, в сезон он мог заработать до 30 рублей при работе 4,5 месяца.

На современном этапе все кожеделательные заводы используют множество механического оборудования, но без ручного труда все равно не обходятся, все процессы по выделке во многом схожи с теми, которые использовали простые крестьяне Каргопольского уезда Олонецкой губернии.

Источники:

1. НА РК Ф.27.Оп.2. Д151. Дело о доставлении предметов кустарной промышленности для выставки, устроенной в Санкт-Петербурге супругой обер-гофмаршала А. Н. Нарышкиной 21-23 июня – 14 декабря 1884. 37 с.

Литература:

2. Бергшт্রেессер, К. Ф. Опыт описания Олонецкой губернии. СПб., 1838. 133с. URL: <http://elibrary.petsru.ru/books/2> (дата обращения: 26.02.2024)

3. Известия Императорского русского географического общества за 1873г. Т.9. СПб., 1873. 901с. – URL: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/219553> (дата обращения 26.02.2024)

4. Крестьянские промыслы Каргопольского уезда Олонецкой губернии. Вып.1. Профессиональные таблицы и описание отдельных промыслов// Таблицы статистико-экономических сведений о промыслах крестьянского населения Каргопольского уезда Олонецкой губернии. Данные по профессиям. Подеревянные таблицы. Петрозаводск, 1902. 574 с. – URL: <http://elibrary.petsru.ru/books/7150> (дата обращения: 22.02.2024)

5. Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии: Иллюстрированное издание //Описание отдельных промыслов //Обработка животных материалов. Сапожный промысел Петрозаводск, 1905. 696с. – URL: <http://elibrary.petsru.ru/books/970> (дата обращения: 22.02.2024)

6. Лаппо-Данилевский, А. С. Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде и его области за XI-XV в.в.: Отзыв А. Лаппо-Данилевского о соч. А. И. Никитского: История экономического быта Великого Новгорода. - М., 1893 57с. – URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003670798?page=36&rotate=0&theme=white> (дата обращения 21.02.2024)

7. Мещерский, А. А. Свод материалов по кустарной промышленности. / А. А. Мещерский, К. Н. Модзалевский. СПб., 1874. 323с. С.57 – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003545670> (дата обращения 26.02.2024)

8. Миллер, В. Ф. Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея. Вып.3. – М., 1893.

9. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1857 г.: год 2-й / издание редакции Олонецких губернских ведомостей // Промышленность: Заводы и фабрики. Число мельниц. Число ремесленников. // Купцы и замечательнейшие промышленники и ремесленники Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1857. 208с. – URL: <http://elibrary.petsu.ru/books/4612> (дата обращения: 27.02.2024)

10. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1868-1869. Петрозаводск, 1869. 519с. – URL: <http://elibrary.petsu.ru/books/1168> (дата обращения: 27.02.2024)

11. Соколов, И. Заметки о кожевенных заводах и кожевенном производстве в Речно-Георгиевском приходе Каргопольского уезда / И. Соколов // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып.1. - Петрозаводск, 1875-1876. 324 с. – URL: <http://elibrary.petsu.ru/books/1> (дата обращения: 20.02.2024)

12. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел // Вып. 27: Олонецкая губерния: по сведениям 1873 года // Олонецкая губерния: города, уезды. СПб, 1879. – URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/16869#mode/inspect/page/3/zoom/4> (дата обращения 21.02.2024)

13. Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905г. П-ск, 1907. 326с. – URL: <http://elibrary.petsu.ru/books/1068> (дата обращения: 26.02.2024)

14. Традиционная культура русских Заонежья. Новгородская колонизация. Заонежье в новгородское время URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/traditsionnaya-kultura-russkih-zaonezhya-spravochno-metodicheskoe-posobie-dlya-eksku/739.html> (дата обращения 22.02.2024)

15. Фехнер, М. В. Торговля русского государства со странами Востока в XVI веке // Труды Государственного Исторического музея; Вып.31. М., 1956.

Приложение № 1

Кожевенные заведения Каргопольского уезда в 1873г.

Селение река,озеро, колодцы	Название селения, общество, волость в 1905 г.[13, с.182-240]	Коли- чество коже- венных заведений
Турово сельцо (Поржинская), д. при оз. Поржинском	д. Туровская, Вохтомское, Мелентьевская	2
Кроминская, д. при колодцах	Д. Кроминская, Речно-Георгиевское, Нифантовская	6
Нифонтовская (Колпакова), д. при рч. Чурьеге	Д. Нифонтовская, Речно-Георгиевское, Нифантовская	4
Савинская (Зимницы), д. при колодцах	Д.Савинская, Лешморцецкое, Панфиловская	1
Ошвенский погост, с. при рч. Чурьеге	Ошевенский погост, Погостское, Ошевенская	1
Ширияха, д. при рч. Чурьеге	Д. Ширияха, Михеевское, Ошевенская	1
Халуй малый, д при р.Халуе	Д. Халуй Малый, Халуйское, Ошевенская	1
Халуй большой, д. при рч. Халуе.	Д. Халуй Большой, Халуйское, Ошевенская	7
Ряпусова (пос.: Майлахта и Сысова гора), д. при Кенозере.	Д.Ряпусова, Ряпусовское, Кенозерская	3
Спицина, д. при Кенозере.	Д.Спицина, Ряпусовское, Кенозерская	1
Шултус (Нименское озеро), д. при оз. Нименском (	Д.Шултус, Нименское, Андреевская	1
Гусева, д. при рч. Воложке (	Д.Гусева, Большешальское, Лодыгинская	2
Ярковская (Пустырево), д. при р. Моше	Д.Ярковская, Заречное, Фатьяновская	3
Мандзеро-Сушинино (Мандзеро малое), д. при оз. Мандзере	Д. Матъезеро Сушинина (Малое Матъезеро), Заречное, Фатьяновская	4
Ивановская, д. при р. Лиме	Д.Ивановская, Лимское, Фатьяновская	1
	Всего	38

Приложение № 2

Таблица статистико-экономических сведений о промыслах и заработках крестьянского населения Каргопольского уезда. Данные по профессиям. Обработка животных материалов [4, с. 81-84].

1. Выделка кож и овчин 117 ч.

Волость	Селения	Количество занятых ремеслом
Александровская	Ручьевская	1 ч.
Быковская	Семеновская	1 ч.
Павловская	Рипакова, Выдрино, Лукино	8 ч.
Панфиловская	Щекалево, Михалево	2 ч.
Богдановская	Лукинская, Тарасова, Живоглядова, Воронова	12 ч.
Фатьяновская	Артемовская, Емельяновская, Ярковская, Ивановская, Мадзеро Сушенина, Верховская	8 ч.
Нифантьевская	Кучепалда, Поздышевская, Погост-Наволочная, Кроминская, Нифантовская, Палощальская	38 ч.
Ошевенская	Логинова, Гарь, Низ, Обрезкова, Михеева, Большой Халуи, Малый Халуи	23 ч.
Мелентьевская	Фоминская, Мелентьев Пал	2 ч.
Волосовская	Кудряшевская, Окуловская	2 ч.
Большесторонская	Осковская	1 ч.
Надпорожская	Лаврова	1 ч.
Лекшмозерская	Масельга	3 ч.
Кенозерская	Федоровская, Ряпусова, Щаниковская	14 ч.
Лядинская	Гавриловская	1 ч.
Андреевская	Бобриха, Востровская, Шулуи	5 ч.

2. Изготовление беличих мехов 32 ч.

Павловская	Рипакова, Косолапиха, Дьякова, Гусева, Петухова, Комолова, Курениха, Малиниха, Родионовская, Павловский погост, Манушкина, Трещачиха, Межупечье, Березник, Сотонинская, Сандырево, Волково	26 ч.
Панфиловская	Кононово, Кувакина, Лисицынская	4 ч.
Нифантовская	Прокина гарь	1 ч.
Лодыгинская	Кустова, Казакова	2 ч.

3. Изготовление беличих мехов 32 ч.

Александровская в.	20 ч.
Быковская в.	13 ч.
Павловская в.	10 ч.
Панфиловская в.	11 ч.
Богдановская в.	3 ч.
Фатьяновская в.	17 ч.
Нифантьевская в.	32 ч.
Ошевенская в.	10 ч.
Мелентьевская в.	5 ч.
Волосовская в.	5 ч.
Усачевская в.	16 ч.
Воезерская в.	16 ч.
Большесторонская в.	10 ч.
Надпорожская в.	21 ч.
Лекшмозерская в.	12 ч.
Архангельская в.	10 ч.
Кенозерская в.	15 ч.
Лядинская в.	9 ч.
Андреевская в.	18 ч.
Ряговская в.	6 ч.
Лодыгинская в.	11 ч.
Калитинская в	12 ч.

4. Шорники 4 человека

Александровская в.	2 ч.
Павловская в.	1 ч.
Лодыгинская в.	1 ч.

Иностранные лесные концессии и вопросы лесоохраны в 1920-е годы (на примере Каргопольского уезда)

Т. И. Трошина

*доктор исторических наук, доцент,
профессор Северного (Арктического)
федерального университета имени М. В. Ломоносова
г. Архангельск*

Аннотация. В статье предложено рассмотреть известную страницу истории европейского севера России в 1920-е годы (передача северных лесов в концессию иностранным акционерным компаниям) с точки зрения реализации широко обсуждаемых русскими лесоводами проектов сохранения лесных богатств путем рационального природопользования в интересах государства. Результатом исследования стал вывод о несовместимости капиталистических форм эксплуатации природных ресурсов с полноценной лесоохраной.

Ключевые слова: новая экономическая политика, лесное хозяйство, иностранные концессии, природоохранные мероприятия, «Руснорвеголес», Каргопольский лесной район.

Вопросы лесоохраны находились под контролем властей с XVIII в., когда ценные породы деревьев стали «стратегическим ресурсом», обеспечивающем государственную кораблестроительную промышленность. После перехода к паровому военно-морскому флоту такая задача для государства перестала быть неактуальной. В 1860-е годы, после закрытия военного кораблестроения в Архангельске «особенно усиленной рубке подвергались корабельные рощи, ...ставшие излишними» [15, с. 4, 5].

С последней четверти XIX в., когда на европейском севере стала развиваться лесозэкспортная промышленность, лесоустройство и лесоохрана вновь оказались в центре внимания Лесного ведомства и смежных организаций. Проблемы, связанные с крестьянскими «поджогами» лесов для увеличения площадей под расчистки и с развитием подсобных промыслов (например, смолокурного), усугубились выборочной рубкой леса, что было вызвано потребностями английского лесного рынка, заинтересованного исключительно в короткой и широкой доске, в результате чего вырубались зрелые деревья, от которых оставалось много отходов – как на месте вырубki (вершины, ветки и проч.), так и на лесозаводах, после распиловки. К тому же, экспортеры предпочитали вырубать лес в удоб-

ных для доставки к беломорским портам местях, «остальная часть прекрасного соснового леса, удаленная от сплавных речек более пяти верст, и весь, неудовлетворяющий заграничный рынок, не имеет даже ценности дров...», – сокрушался в 1884 г. архангельский чиновник И. П. Щёкотов [15, с. 5]. По его мнению, при таком отношении к лесозаготовкам «лет через 15 и нечего будет продавать. Лесу будет много, но в недоступных урочищах» [15, с. 10]. В 1925 г. прогнозы лесоводов были не столь пессимистические, но тоже печальные: «через 80 лет мы будем иметь на вырубленном участке 10, а может и 5 куб. сажень древесины...» [4, с. 30]

Россия стала важным экспортером древесины, и в сложившихся обстоятельствах вопросы лесоохраны особенно волновали солидный корпус русских лесничих. Эти вопросы обсуждались на регулярных лесных съездах, как всероссийских, так и губернских. Система выдачи разрешений на вырубку леса была достаточно четкой (несмотря на огромные пространства и ограниченное число не только лесничих, но и лесников, объездчиков, прочих работников). Это раздражало как предпринимателей, занимавшихся заготовкой сырья для лесопильных заводов, так и крестьян, которые были заинтересованы в большей доступности в получении строительных материалов и дровяного топлива, а также свободного распоряжения лесами (формы подсечно-огневого земледелия в Олонецкой губернии, к примеру, были истинным бедствием для северных лесов).

На последнем этапе Первой мировой и во время Гражданской войны, в создавшихся тяжелейших обстоятельствах, началась активная рубка леса, особенно вдоль железных дорог и речных путей, что было связано с недостатком другого топлива, в том числе для парового транспорта. Пользуясь послереволюционным «вакуумом власти» (1917-1918 гг.), свои давнишние мечты на право пользоваться лесами начали реализовывать и крестьяне. Сначала осторожно, потом все более активно они ограничивали права предприятий и других заготовителей на рубку леса, сами же занимались массовыми самовольными рубками [14]. В период «военного коммунизма» против этого предпринимались жесткие меры. И все-таки «лесистость» европейских территорий России за несколько военных лет и революционных «вольностей» существенно сократилась, снизившись с 1914 по 1923 гг. «с 38 до 23,5 %» [13, с. 60].

Необходимо было срочно принимать меры, но налицо имелся «конфликт интересов», наблюдавшийся еще в конце XIX в., когда хозяйственники для подъема экономики северных губерний ставили вопрос о «колонизации» отдаленных территорий, а лесоводы считали, что увеличение населения приведет к бесперспективному унич-

тожению лесов (на строительство и отопление жилищ и из-за хищнического расширения лесных промыслов для прокормления растущего населения). Учитывая оба мнения, имперское Лесное ведомство еще в 1916 г. разработало проект передачи отдаленных лесистых местностей в концессию, исходя из того, что отсутствие плановой вырубki ведет к засыханию леса на корню, что, кроме прочего, создавало опасности лесных пожаров. При этом, «нормальное» лесоустройство и охрана лесов в десятки раз превышала его доходность [15, с. 10]. И это особенно касалось северных губерний, где примерно 40% лесонасаждений были так называемый «нетоварник» – древесина, не пользующаяся спросом на мировой рынке. Договоры же с частной компанией, учитывающие все возможные риски и обеспечивающие предпринимательскую свободу, позволят перенести лесозаготовку в отдаленные и труднодоступные районы. Концессионеры будут обязаны развивать там транспортную сеть и создавать условия для заселения крестьянами, «разгружая» перенаселенные районы.

Этот проект не мог не заинтересовать Советское правительство, приступившее к восстановлению страны. Интерес к северному лесу был обусловлен его высокой ценностью в послевоенной Европе. К тому же, как подчеркивал энтузиаст концессионной политики Л. Б. Красин, «в довоенное время мы умели использовать только 3% всей древесины; 97% гибло и гибнет в наших лесах» [11, с. 30]; предлагаемая им программа передачи северных лесов в концессию иностранным капиталистам позволила бы наполнить казну столь необходимой валютой и решить вопрос хозяйственного освоения этих территорий для пользы самого населения.

Как же при этом обеспечивалась защита лесных насаждений?

Передача в концессию, в том числе иностранным компаниям, нуждающихся в дополнительных инвестициях и модернизации отраслей хозяйства осуществлялась на основании «Декрета о концессиях», принятого Совнаркомом 23 ноября 1920 г. В отношении лесного хозяйства, передача в концессию северных лесничеств предполагалась в отдаленных районах, с тем, чтобы концессионер за свой счет произвел устройство лесовозных дорог, расчистку сплавных рек, провести прочие усовершенствования. Важным направлением рационального природопользования считалось обязать концессионеров устроить целлюлозные, бумажные и прочие предприятия, использующие в качестве сырья отходы от лесозаготовок и экспортного лесопиления. Именно такое условие перед потенциальными концессионерами ставил государственный трест «Северолес», получивший в результате национализации в свое пользование все лесные площади и всю лесную промышленность северных губерний, и имевший

государственную задачу «восстановления нашего северного лесоэкспорта в связи с рациональным использованием продукции северных лесоматериалов» и право заключать соответствующие договоры с иностранными фирмами [2, л.7]. Разработчики концессионной программы полагали, что концессионеры из соображений экономии будут устраивать эти предприятия в непосредственной близости от районов лесоразработок, решая таким образом важный для государства вопрос заселения и хозяйственного освоения отдаленных, пустующих территорий.

Полностью эти планы реализовать не удалось. Иностранные концессионеры не желали вкладываться в целлюлозно-бумажное производство; а также под различными предлогами (сначала как временную льготу) стремились получить наиболее удобные для лесозаготовок районы – вдоль рек, впадающих в Белое море, в непосредственной близости от лесопильных заводов, в хорошо освоенных районах с достаточно плотной заселенностью и с давними традициями среди населения занятий по рубке и сплаву леса.

Онежский бассейн, состоящий из 22 лесничеств, был передан в концессию акционерному обществу «Руснорвеголес», объединившему несколько бывших владельцев национализированных лесозаводов, в основном норвежцев. Согласно договору, концессионер обязался соблюдать требования экономически рациональной эксплуатации и сохранности леса. По производственному плану, Руснорвеголес должен был заготавливать ежегодно 1,2 млн. штук пиловочных бревен и «утилизировать» на специально построенной для этой цели «крупной целлюлозной фабрике» до 30 тыс. куб. сажень (261,4 тыс. кубометров) еловых балансов [12, л.29, 30]. Чтобы облегчить выполнение такого плана, ему «первые годы разрешается использовать годичные лесосеки, лежащие на более близком расстоянии от сплавных рек» [12, л.40].

Наиболее производительным в Онежской концессии был «Каргопольский лесной район», включавший 10 лесничеств Каргопольского уезда, 5 – Кадниковского и 2 лесничества Кирилловского уезда [9, л. 1-6]. Более трети ежегодно выделяемой концессионеру древесины отпускалось именно с территории Каргопольского лесного района. Он был разбит на 10 лесных участков, административный аппарат которых состоял из 11 приемщиков (на каждого приходилась площадь в более чем 678 десятин леса – 740,7 гектаров) и 44 обходных (каждый «обслуживал» площадь в 169 десятин – 184,6 га). Ежедневно в течение заготовительного сезона привлекалось около 5 тысяч рабочих (лесорубов и возчиков) и 2,5 тысячи лошадей [9, л. 1-6].

Достаточно плотная заселенность полученных в концессию территорий оценивалась как экономическая выгода: «Уезды густо насе-

лены... На лесозаготовках и сплавных работах [занято] 7 тыс. человек. Рабочей силой обеспечены вполне» [1, л.106]. Проводить дополнительных «колонизационных мероприятий» не требовалось. Концессионер лишь обязался передавать некоторую сумму властям на их проведение. Достаточное количество рабочей силы означало, что не надо вербовать и завозить рабочих из других уездов и губерний; местным рабочим можно было меньше платить, поскольку, находясь недалеко от дома, они себя обеспечивали продуктами питания. Меньше затрат шло на строительство жилья и бань для рабочих – они ездили в свои деревни, некоторые предпочитали даже ночевать дома.

Хуже было со сплавом из Каргопольского лесного района. Река Онега общей протяженностью 416 км судоходной была только на расстоянии 150 км; реки всего Онежского бассейна были судоходными только на 5%. Препятствия для сплава создавали «нижние (Кокоринские) пороги – на них уже производились расчистки, но не закончены. Большие, на 8 верст, пески у дер. Ярнемы. От Ярнемы до Плешковского – 40 верст каменистые пороги. Ниже с. Гоголева – Бабкинские пороги версты на 2-3. Верещагинские пороги; Бирический на 165 версте от Онеги, и другие. В верхнем течении от Каргополя на протяжении 27 верст – 30 мельниц, что сильно мешает сплаву» [13, л.30].

Пиловочный лес, необходимый для производства экспортной доски, возможно было сплавливать только молею (несплоченными бревнами, по течению). Это негативно влияло на качество древесины (она «синела»), давая основания концессионерам требовать себе новые и новые льготы и уступки. Крестьяне, кстати, тоже были недовольны молевым сплавом, считая, что он вредит рыболовству. И действительно, по мнению специалистов, образующиеся из-за вымокания коры при сплаве бревен гниющие отбросы выделяют кислоту, которая убивает мальков и разъедает скорлупу моллюсков и ракообразных, являющихся основной пищей промысловой рыбы [10]. Однако для предпринимателя молевой сплав был как раз весьма выгоден: в своем отчете перед акционерами директор-распорядитель «Руснорвеголеса» Ф. Прютц подчеркивал, что в этом отношении они находятся «в лучших условиях, чем другие [концессии]. По Онеге нет пароходного сообщения, она свободна для сплава... Лес сплавляется молюю (россыпью) 600 верст, что значительно удешевляет сплав. <...> Расходы по сплотке и буксировке отсутствуют» [1, л. 106].

Договор с «Руснорвеголесом» местными советскими организациями считался «крайне вредным» и несколько раз был ими опротестован. В направляемых в различные центральные органы протестах было «немало горячности, не учитывались политиче-

ские обстоятельства», в которых заключались договоры. Но в них содержится немало деталей, показывающих, насколько концессионный договор не соответствовал ожиданиям местной экономической активной общественности. В 1924 г. на Архангельской губернской партконференции говорилось, что «...случайный, непланный отвод лесов под концессии приводит к тому, что в руки концессионеров попадают районы с удобными сплавными путями, которые могли бы использоваться государством. Богатые лесные массивы, требующие для разработки подъездных путей, очистки сплавных рек и т.п., остаются неиспользованными, производится перевод лесничеств в другие разряды, чем уменьшается таксовая стоимость на древесину. Нет учета за выполнением концессионерами обязательств» [5, л. 5,7]. Отмечалось, что у концессионеров «нет желания улучшать транспорт, и каждый лесозаготовитель рассматривает лес как нечто временное, предоставленное ему в целях извлечения прибыли. Концессионеры берут только пиловочную древесину и ни куба балансов, пропсов, раундвуда» (то есть нетоварной древесины) [5, л.19]. «Новые заводы никто в обусловленные сроки не поставил и по-видимому в скором времени заняться этим не предполагают. Действенных шагов к расширению эксплуатации участков и увеличению вывоза экспортных товаров не делают... Жалуются на плохое качество древесины, при этом выбирают материалы ... больших размеров, ...не используют целиком остальную древесину» [5, л.41]. Со стороны концессионеров поступали предложения вместо устройства предприятий для использования нетоварной древесины расширять переданные им в эксплуатацию лесные площади для «выборочной» рубки пиловочника [5, л.15-16].

Когда встала задача очистки сплавных путей, концессионеры отказывались даже в частичном финансировании этой работы на том основании, что речки эксплуатировались «до них», то есть «вклад» в их засорение со стороны заготовителей для концессионных предприятий минимален [3, л. 34, 200]. Такие же конфликты возникали при попытке привлечь их к другим мероприятиям по благоустройству лесов и затонов.

Концессионерами нарушалось и условие, специально прописанное в договорах, строить целлюлозно-бумажные предприятия. Например, представитель акционерного общества «Руснорвеголес» ссылаясь на то, что продукция такой фабрики при доставке на пароходы может оказаться подмоченной из-за недостаточно оборудованного Онежского порта, при этом, при обсуждении вопроса о проведении дноуглубительных работ, которые позволили бы пароходам подходить для погрузки к берегу, заявил, что Общество, хотя в этом и заинтересовано, «но непосредственно участвовать в расходах

не может за отсутствием средств» [6, л. 42-44]. Такое отношение становилось основным доводом местных властей требовать «закрытия» концессий на основании невыполнения оговоренных условий.

Претензии концессионных предприятий, требовавших смягчения первоначальных условий договоров, в определенной степени были обоснованы. Например, лесоустройство в переданных им лесорайонах проведено не было (и в более благополучные времена из-за слишком высоких затрат этого сделано не было, что уж говорить про разоренную войнами и революциями страну). При этом производственный план строился на дореволюционных сведениях, без учета произошедших «громких изменений ввиду массовых самовольных порубок и пожаров», в результате чего реальное «количество деревьев пиловочных размеров никому не известно» [8, л. 6].

С одной стороны, концессионеры регулярно обращали внимание центральных и местных властей на создавшуюся ситуацию, с другой – пользовались ею в своих интересах. Представители концессионера вызывали сотрудников лесного ведомства на просмотренные ими участки и просили спешно провести лесоустройство именно здесь (не обходилось и без подкупа уездных властей всех уровней и сотрудников лесохозяйственных отделов – как следует из «дела Русангоlesa» в Никольском уезде Вологодской губернии [7, л. 59-81]). Ссылаясь на отсутствие лесовозных дорог, концессионеры добивались разрешения разделки леса на делянках, что «затрудняет учет и губит много молодняка» (при устройстве площади разделки); «делянки, пройденные рубкой [концессионеров], ближе своим видом к рубке сплошной, чем выборочной. Это кладбище, сплошь усеянное вершинами, сучьями, чурками и щепой... Много молодняка и припевающего леса уничтожается при такой рубке...» [8, л. 6]

Не увенчалось успехом и ожидание, что концессионеры, как капиталистическая фирма, будут рачительными хозяевами, не допускающая хищнического отношения к лесу местных крестьян. Стремление вырубать лес и даже сжигать его возмущало чиновников с дореволюционного времени. «Деморализация населения огромная. Лес уничтожается; только 1/10 случаев [самовольных расчисток и расселения] заносится в официальные отчеты. Если дозволить местному населению ...вновь воспользоваться уже забываемыми приемами подсечной системы..., то ...от наших лучших северных лесов останутся одни воспоминания» [15, л.10]. Советский специалист высказывался не менее жестко: он обвинял крестьян в «ненависти» к лесу, описывая варварский способ лесозаготовок, когда «при рубке одного дерева и разделке его повреждено и вовсе уничтожено 35 сырораствующих экземпляров...», на строительство временных избушек тратятся высо-

косортные деревья, а при расчистке катищ безжалостно вырубаются и выжигаются заросшие качественным лесом площади [8, л. 8].

На практике, концессионеры не стремились навязывать лесорубам «культурные» формы работы. Таким образом они могли прикрыть и собственные нарушения. Работая в России еще до Революции, концессионеры были недовольны природоохранными требованиями, которые, по примеру западных государств, стали внедряться и в советском лесном хозяйстве. У хозяйственников возник резонный вопрос: если мероприятия по защите лесов все равно не сохраняются, почему доходы получают иностранные капиталисты, а не народное государство? Экологические доводы учитывались при подготовке обоснований для разрыва концессионных договоров.

Список литературы:

1. ГААО (Государственный архив Архангельской области). Ф. р-71. Оп. 1. Д. 1482
2. ГААО. Ф. р-71. Оп. 9. Д. 262
3. ГААО. Ф. 4425. Оп. 1. Д. 2
4. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 106
5. ГААО. ОДСПИ (Отдел документов социально-политической истории). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1242
6. ГААО ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1288
7. ГАВО (Государственный архив Вологодской области). Ф. п-2. Оп. 1. Д. 1253
8. ГАВО. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 1423
9. ГАВО. Ф. р-9923. Оп. 9. Д. 99
10. Германович Л. Нужды внутреннего рыболовства. // Красная Карелия. 1923. 16 ноября. С. 1
11. Красин Л. Б. Внешторг и внешняя экономическая политика Советского государства. Петроград, 1921
12. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 413. Оп. 2. Д. 1960-б
13. Теплякова Е. В. Сокращение доступного к освоению лесного фонда в России в связи с лесозаготовками. // Вестник Московского государственного университета леса: Лесной вестник. 2010. № 7. С. 58-61
14. Трошина Т. И. «Крестьянство рубит лес для себя в широких размерах, без всяких разрешений, нет средств прекратить самовольные порубки». Северная деревня в 1917 г. // Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 87-101
15. Щекотов И. П. Проект наивыгоднейшей эксплуатации лесов севера России. СПб., 1884

Швейки Русского Севера. Вельский уезд

А. С. Улитова

*старший научный сотрудник,
Государственный исторический музей, г. Москва*

Аннотация. Из собрания ГИМ удалось выявить комплекс традиционных деревянных приспособлений для шитья конца XVIII – начала XX вв., которые были отнесены нами к Поважью, а именно – к Вельскому уезду. Рассматривается их конструкция, особое внимание уделяется форме столбика. Выделены индивидуальные и региональные особенности декоративного украшения вельских швеек и введены в научный оборот новые памятники.

Ключевые слова: швейка, резьба по дереву, собрание Государственного исторического музея.

В 1928 и 1929 годах сотрудниками Государственного исторического музея были предприняты две историко-бытовые экспедиции на Русский Север. Целью их было выявление «предметов прошлого, характеризующих жизнь северного крестьянина», которые должны были «послужить тем стержнем, вокруг которого будут группироваться, и развортываться... прежние коллекции из северных районов, уже имеющиеся в Музее» [3, с.9-10]. Тогда впервые с территории Устьянского, Верховажского и Вельского районов (Вельский уезд) привезли и швейки. Эти памятники позволили рассмотреть швейки как особую форму памятников традиционного искусства. Были отмечены конструктивные особенности швеек, вызванные как спецификой их функционального использования, так и обстоятельствами производства. Изучение швеек из состава сбора первых экспедиций, позволило выявить целую группу памятников, среди них и уже ранее поступившие в музей, а также к ним присоединились и те, что пополняли коллекцию и позднее. И если прежде большинство швеек были приобретены у перекупщиков и не имели убедительного провенанса, то экспедиционные сборы позволили выстроить довольно четкую схему распространения отдельных конструктивных и декоративных особенностей швеек в разных регионах.

Отличительной деталью русских деревянных швеек является точеный или резной столбик – важная конструктивная деталь этого приспособления для ручного шитья. Также обязательной составляющей следует признать и узел соединения – угол, образуемый столбиком и основой приспособления (донцем). В этом отношении швейки весьма напоминают прялки. Все остальные особенности

оформления швеек демонстрируют более или менее разнообразную вариативность. А совокупность тех или иных признаков и позволяет определить региональные особенности производства швеек.

Швейки из Вельского уезда отличаются характерными чертами, что выявилось уже при изучении первых памятников, привезенных Северными экспедициями 1828 и 1829 гг. в Исторический музей. А в дальнейшем важный вклад внесли экспедиции, организованные другими музеями России (ГРМ 1967 и 1969; СПМЗ 1971, АОКМ вместе с МГУ 1973). И, конечно, нами не оставлены без внимания местные предметы быта из собрания ВКМ.

По конструкции их можно разделить на два типа: составные и цельные. У составных швеек угол образован соединением двух разных деталей, цельные – вырезаны из одного куска дерева. А по форме выделяются три группы: составные со стояком в виде балясины (чаще всего с точеными звеньями различной формы, местами с подвижными кольцами), составные с двумя столбиками и катушкой между ними, а также цельные с фигурными выступами на столбике или прорезями в сочетании с резными скульптурными птичьими мотивами. Каждой из трех групп присущи определенные приемы оформления основных элементов швейки.

И если первая экспедиция привезла только составные швейки со столбиком-балясиной, то вторая представила уже образцы всех трех форм.

Составные швейки отличаются приемами соединения столбика и донца, а принцип оформления стояка позволяет говорить о двух заметно различающихся группах. Декор одной из составных вельских швеек (ГИМ Инв.№ Д I-1075) дополнен датой «1822» (цифры нанесены ножом на испод донца), что позволяет отнести ее к ранним образцам. Особенности формы и декора этой швейки присущи в основном всем швейкам группы. Ее отличает миниатюрный и изящный столбик (что исключает вариант переделки швейки из прялки или из заготовки для прялки, что наблюдается в ряде других случаев). Эта швейка украшена точеными звеньями, 4 из них подвижны (3 кольца и 1 «катушка»). Головка донца имеет обтекаемую форму и проработана тонкой трехгранно-выемчатой и контурной резьбой. На ней вырезаны пара квадратных розеток и несколько вертикальных и горизонтальных рядов из треугольников. Швейка окрашена в темный цвет. Она была привезена из Якушёвской деревни Вельского региона. Еще две точеные швейки, датируемые первой половиной XIX – серединой XIX вв., были собраны в деревнях Верховажского района. Одна (ГИМ Инв.№ Д I-1076), тоже весьма миниатюрная, с точеными кольцами-звеньями, среди них подвижных не оказалось. Балясина соединена с донцем в «шип», в основании столбика прямоуголь-

ного сечения подножие. 2/3 донца украшены узором из мелких зубчиков. Другая (ГИМ Инв.№ Д I-1078) швейка гладкого дерева с более крупными звеньями балясины, в навершие вбит гвоздь с фрагментами трияпы. Ножка ее столбика вставлена в прямоугольную головку вытянутого донца. Эту группу отличает необычайное обильное разнообразие точечных или резных форм элементов столбика: «рюмок», «катушек» «капельвидных», «вазонов», «репок». Другую швейку (ГИМ Инв.№ Д I-1074) отличает верхушка грибовидной формы, ее венчает гвоздь для укрепления ткани. Столбик украшен разной формы объемными крупными звеньями. Более сложное по сравнению с предыдущими экземплярами оформление, позволяет предположить, что сделали ее не раньше 1850-х гг. У нее также хорошо заметен элемент, не встречающийся у швеек двух других групп: прямоугольный параллелепипед в основании стояка. А в целом рисунок столбика-балясины роднит ее со столбиками прялок из тех же мест, роспись которых относят к 1860-м годам.

К этой же первой группе можно отнести и редкий памятник – детскую швейку (ГИМ Инв.№ Д I-1697), со столбиком в виде балясины из гладких 8 «катушечных» звеньев.

Вторую группу образуют также составные швейки. Характерным образцом можно счесть одну из них (ГИМ Инв.№ Д I-1737), с интересной конструкцией: с двумя столбиками разной высоты с подвижной катушкой между ними. На поперечной перекладине данного предмета помещена двойная катушка. Столбики отличаются друг от друга в 1/2 высоты. На невысоком столбике можно заметить следы от швейной иглы. На навершии швейки укреплен плат в виде погона с металлическим крюком на конце, предназначался для крепления полотна в процессе шитья.

Сложно что-то определенное сказать о происхождении данной разновидности, подобный тип швеек получил широкое распространение в Устьянском районе, а также и в соседних Нюксенском и Тарногском регионах. Швейки отличаются резными или точеными столбиками, укрепленными в вытянутом основании (головке донца). Поперечина у них в виде веретена или катушки (до трех). Встречается на них и окраска, и мелкий узор из трехгранно-выемчатой резьбы на донце.

Можно предположить, что изделия местных мастеров, представленные на городских ярмарках, «начиная с XVII и вплоть до XX века, в марте месяце купцы Устюга Великого, Сольвычегодска, Вологды, Архангельска съезжались в с. Благовещение, что в 40 км от г. Вельска». «Ярмарка во многом способствовала расцвету местных ремесел: ...орнаментальной резьбы и производства деревянной утвари» [4, с. 5]. Вскоре становились известными и у их соседей, «кроме торговых сел Благовещения и Бестужева, ярмарки существовали и в других местах: Кре-

щенская – в соседнем Тарногском Городке, Прокопьевская – в Маркуше, Евдокимовская – в селе Воскресенском (при впадении Устья в р. Вагу)» [4, с.14], вдохновляя мастеров на создание все новых и новых вариантов швеек. Так, например, в селах Нюксенского района была традиция брать жен из соседнего села уже Тарногского региона, и невесты везли приданое из родной деревни, в том числе и приспособления для шитья, созданные местными мастерами. Швейки этой группы – определенно продукция контактного характера, связывающего швейки Вельского уезда с аналогами из соседних регионов.

Третья группа, вероятно, должна была бы возглавить перечень типологии вельских швеек. Они заметно архаичнее по конструкции, швейки выполнены из цельного дерева, из корня и развилка ствола. «Белые коренухи интересны своими четкими фигурными силуэтами» [3, с.33], – отметили В. Воронов и А. Топорнин в своем отчете о Северной экспедиции.

Первая швейка (ГИМ Инв.№ Д I-1735) в этой группе, привезенная 2 северной экспедицией из д. Леонтьевская на левом берегу реки Устья, притока Ваги (Устьянский район), датируется 1860-ми годами. Ее силуэт, как и у других, напоминает водоплавающую птицу: угол соединения похож на выгнутую грудь, столбик соответствует шее и донце – тулову «утицы». Столбик этой швейки украшен в центральной части прорезью, передняя грань выделяется дополнительно вырезанной ручкой в виде колонны гладкого фуста, возможно для удобства переноски или для крепления ткани. Другая швейка (ГИМ Инв.№ Д III-2430), которую мы относим к этой группе, происходит из Вологодской губернии, изготовлена она в конце XVIII – первой половине XIX вв., приобретена была в 1914 году у перекупщика П. С. Кузнецова. У этого образца та же узнаваемая форма, предмет искусно вырезан из цельного дерева, угол подножия также закруглен, украшен резьбой: параллельными бороздками и розетками (напоминает «шестеренку»). Столбик имеет прорезь («оконце» по всей длине), только с внешней стороны не привычная гладкая ручка, а имеется ряд выемок по вертикали стояка. С внутренней стороны столбик украшен зарубками и рядами из треугольников. В украшении наверху и подножия – традиционные лучевые розетки. Третья подобная (ГИМ Инв.№ Д III-6453) швейка, датируемая первой половиной XIX в., поступила в музей в 2007 году в составе собрания Г. Г. Громова и его студентов. Мы предполагаем, что эта швейка была привезена Северной этнографической экспедицией МГУ в 1973 году из Устьянского района. Она имеет те же особенности, что и первые две. Швейка корневая, в виде стилизованного изображения плывущей птицы, тоже округлое подножие, силуэт венчает наверху в виде крюка. Ручка у нее, вероятно, некогда также дополнявшая конструкцию швейки, была

утрачена еще в домوزه́йный период ее бытования. В ее декоре выделяется характерная вязь трехгранно-выемчатой и контурной резьбы. Среди резных узоров: пояски из треугольников, ромбов, полосы, овалы, две лучевые розетки (на головке донца).

Атрибуция трех швеек позволила уточнить место и еще у двух образцов XIX века, до этого их происхождение оставалось неизвестным. Оба экземпляра были приобретены у перекупщика П. С. Кузнецова в 1914 году. Как известно, этот антиквар скрывал свои источники приобретения предметов. Обе швейки имеют ту же конструкцию и форму, только теперь столбик у них без прорези, т. е. без «ручки». Но при этом основные мотивы орнамента сохраняются. У одной (ГИМ Инв.№ Д III-2429, аналог – АОКМ Инв. № КП-17120/29) из этих швеек подножие (продолжение донца) представляет собою традиционное подобие очертания плывущей птицы, на голове которой утверджен столбик швейки, граненный на 4 стороны. Все стороны его и часть донца покрыты трехгранно-выемчатой резьбой. У второй (ГИМ Инв.№ Д III-3891; Аналог – ВКМ Инв.№ КП 1821), окрашенной в темный цвет, подножие также напоминает резной плывущей птицы, на голове которой – столбик с фигурными выступами с внешнего края, напоминающими стилизованные птичьи головы. В узоре: розетки, круги и линии. Аналоги такой резьбы, формы и декора нам встретились в собраниях Вельского и Архангельского музея (привоз из Устьянского района).

Швейка (ГИМ Инв.№ Д III-5140) из Вологодской губернии – уникальный образец местного мастерства резчика конца XVIII – первой половины XIX вв. поступила в собрание в 1935 году. Относим ее также к третьей группе вельских швеек. Она сохраняет древнюю цельную конструкцию, общую форму плывущей птицы – в данном случае – лебедя. В навершии, в скульптурном воплощении, мастером виртуозно обработано дерево, перед нами натуралистическое исполнение головы птицы, а благодаря искусно выполненному узору из трехгранно-выемчатого орнамента создается имитация птичьего оперения. Этот шедевр был безоговорочно отнесен А. К. Чекаловым к Вельской области [6, с.9]. Он отмечает, что «наиболее архаичны швейки из восточных районов бывшей Вологодской губернии и окрестностей р. Ваги и Кокшеньги... представляют собой изображения утки или лебедя, а иногда группу водоплавающих птиц, размещенных ярусами по вертикали» [7, с.24]. Встречаются и условные головы коней, которые также располагаются по высоте столбика.

Следующие три швейки конца XIX – первой четверти XX вв. из поступления 2016 года, также не имевшие информации о происхождении. Они являют собой группу, объединенную особенным

вниманием к оформлению по вертикали передней грани столбика фигурными выступами в виде «конских голов» или «птичьих» мотивов. В более поздний период стояк швейки получает разнообразное украшение. Например, из резных рельефных стилизованных коньков (выступов), помещенных по вертикали на трех гранях столбика, на головке донца вместо розетки иногда встречается сквозное округлое отверстие (ГИМ 114808/3,4,2). Почти вся поверхность одной покрыта украшением в технике трехгранно-выемчатой резьбы. В ее узоре: розетки, треугольники, пояски из зубчиков. У другой более простое украшение в виде прямых и перекрещенных параллельных линий. У последней следы окраски и узор из треугольников. Эти три предмета претерпевают некоторые изменения силуэта, формы столбика, но сохраняют присущие всем швейкам этого региона черты.

Подобные швейки встретились почти во всех собраниях, с которыми нам удалось познакомиться, но нигде не было четких данных по их месту производства. Объединенные сведения по локализации указывали на Вологодскую губернию. В книге А. А. Бобринского «Народные русские деревянные изделия» к маленькой иллюстрации этого типа швейки приводятся данные: «дер. Маломса Дмитровской волости Вельского уезда Вологодской губ.» [1]. Аналог из Русского музея также помог уточнить регион (ГРМ Инв.№ Д-3312). Это Вельский уезд Вологодской губернии. [5, с.127]

Основная особенность вельских швеек – это силуэт водоплавающей птицы, что оказалось возможным благодаря особому внешнему виду основания (место перехода стояка в донце). Ее округлые формы позволяют уловить силуэт птицы: основание – «грудь», выше – «голова», над которой укреплен богато орнаментированный столбик, в свою очередь, зачастую увенчанный птичьей головой. Швейка еще большее усложняется, когда вырезается ручка, как в виде гладкого стержня, так и в виде петли. Ручка тоже местами украшалась резьбой.

С середины XIX века швейки все чаще, помимо обильного геометрического орнамента, декорируются резьбой скульптурного характера. В последней четверти XIX в. особое распространение получают швейки со сложной композицией, включающей силуэт птицы. Наблюдается «большое разнообразие в применении и трактовке скульптурных мотивов: конек, конская голова, голова птицы» [2, с. 63].

Постепенно прорезь исчезает, остается только квадратный в сечении столбик над тельцем «птицы»; по вертикали столбика вырезаются фигурные выступы, напоминающие «птичьи клювы» или «конские головки». В наверхие встречаются птичьи или конские мотивы, чаще всего скульптурные головы птиц, которые как бы венчают столбики в виде прорезных широких лопастей (подобные швейки

не встречаются в собрании ГИМ, но встречаются в РЭМ), напоминающих ручки ковшей, но более крупного размера. В узоре преобладают резные геометрические мотивы (круги, треугольники, ромбы, кресты, параллельные линии). Часто встречаются лучевые розетки в нижней части, в месте перехода стояка в донце. Любопытно отметить, что такие розетки в изобилии встречаются на лопасках местных прялок. Также с прялками роднит Вельские швейки и яркая окраска. Популярны, например, росписи швеек с черными каллиграфическими элементами. Как и на прялках, на швейках местные мастера помещали и дату (нанесенную краской или резную, вплетенную в узор орнамента стояка).

Одним из лучших в художественном отношении и весьма типичным образцом вельских швеек можно считать этот экземпляр. Перед нами практически натуралистично, мастерски вырезанная швейка (ГИМ Инв.№ Д III-3889) – в виде водоплавающей птицы (селезня), включенной в сложную композицию со столбиком сквозной резьбы и графическим узором, нанесенным черной краской, а также надписью и датой: «1886». В прорезном орнаменте столбика встречаются сегменты круга и S-видные элементы. Большая часть поверхности предмета покрыта суриком и ультрамарином. В ее росписи есть и капли, и завитки, и округлые листы. Подобная форма встречается в силуэтах швеек АОКМ (Инв.№ КП-17120/31), среди привоза 1973 года из Устьянского района и похожие элементы обнаружены и в росписи на прялках Поважья. Удалось обнаружить и еще одно сходство в резных предметах этого региона. Крюк для привязки коней в виде головы утки (ВКМ КП 3221) из Вельского музея виртуозно вырезан, очевидно, тем же народным умельцем, что и силуэт швейки из собрания ГИМ. Прорезной узор столбика швейки, в свою очередь, напоминает украшение ковшей-налевок (ВКМ Инв.№ КП 130) и солонок (ВКМ Инв.№ КП 38, Д-Э 17) из собрания Вельского музея.

Итак, к Вельскому уезду нами отнесены 16 швеек из Исторического музея. Семь из них были привезены 1,2 Северными экспедициями, а об одной было известно только, что она собрана АЭЭ МГУ. Остальные 8 не имели экспедиционного провенанса. Эта разнообразная коллекция вельских швеек была систематизирована, предложена их типологизация. Выделены группы по конструкции, т. е. способу крепления донца и столбика (составные, цельные) и по форме (столбик в виде балясины, два столбика с катушкой между ними и силуэт в виде скульптурного стилизованного изображения плывущей птицы), отмечены особенности декора в украшении столбика и донца. Швейки были отнесены к трем типам, где к первому относятся только точеные столбики-балясины, ко второму и точеные, и резные с катушкой, а к третьему только резные столбики цельной

конструкции, что обусловлено удобством обработки деревянной поверхности в данной местности, известной своими мастерами в резьбе и росписи по дереву. Вельские швейки – это уникальные отдельные разновидности швейки с изображением водоплавающей птицы. Известные любопытные образцы из других собраний также укладываются в предложенную систему деления, но не везде они представлены в таком многообразии.

Таким образом, анализ специфики форм и декора швеек конца XVIII–начала XX вв., происходящих из ряда деревень и сел Беклемишево, Капустино, Леонтьевская, Якушёвская, Маншинская, Лихачево (Вельский район), Шангалы (Устьянский район), Плесо (Плесовская, Вельский район), Харитоновская (Верховажье), позволяет выделить эти предметы в особую группу. Они несут в себе общие региональные признаки Вельского уезда, объединим их названием «вельские швейки». По своей форме и конструкции они относятся, как и следовало ожидать, к северорусским приспособлениям для шитья. А в их декоре (как резном, так и расписном) можно видеть заметное влияние местных локальных канонов оформления традиционных бытовых деревянных предметов. Особенно важно, что подобное сходство обнаруживается не только в близкой сфере создания прялок, но и в элементах оформления крестьянских хозяйственных построек и даже посуды.

Список литературы

1. Бобринский А. А. Народные русские деревянные изделия: Предметы домашнего, хозяйственного и отчасти церковного обихода. Табл. 116, Вып. IX. № 11. М., 1912.
2. Воронов В. С. Крестьянское искусство М., 1924.
3. Воронов В. С., Топорнин А. Н. Северная историко-бытовая экспедиция (Крестьянский быт XVIII–XIX вв.). Отчетная выставка. М., 1929.
4. Мальцев Н. В. Народное искусство Устьянских волостей. Архангельск, 1997.
5. Улитова А. С. Коллекция швеек второй половины XIX–первой четверти XX века (атрибуция новых поступлений) // Андреевские научные чтения. Новые поступления, атрибуции, исследования архивов. Сборник статей. М., 2022. С.125-136.
6. Чекалов А. К. Искусство в быту. М., 1961.
7. Чекалов А. К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М., 1974.

Лоцманы Южного Беломорья и их связь с Северной Норвегией в конце XIX – начале XX в.

Я. Э. Харитонова

кандидат богословия,
ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»,
г. Архангельск

Аннотация. Статья посвящена истории взаимодействия беломорских лоцманов южного Беломорья с Северной Норвегией на рубеже XIX–XX. Предпринята попытка проследить различные аспекты деятельности Онежской лоцманской службы, базировавшейся на территории южного Беломорья. Исследование основано на документах, хранящихся в нескольких российских архивохранилищах, а также на источниках личного происхождения – воспоминаниях поморов и фотографиях их семейных архивов жителей деревень южного Беломорья.

Ключевые слова: южное Беломорье, Северная Норвегия, взаимодействия, лоцманы, Онежская лоцманская служба.

Культурные и экономические связи между Норвегией и Россией длительное время охватывали южные, балтийские и приполярные регионы нашей страны. Однако наибольшую активность взаимодействия двух стран приобрело на территории Беломорского побережья.

В настоящее время Кенозерский национальный парк ведет сбор информации по различным аспектам взаимоотношений жителей южного Беломорья и северной Норвегии в конце XIX – начале XX вв.

Взаимодействие населения обеих стран охватывало несколько сфер жизни – торговлю, найм поморов на суда, ходившие в Норвегию, содержание поморами южного Беломорья собственных судов для торговых отношений с Норвегией. Одним из важных аспектов взаимодействия норвежской и русской сторон была деятельность беломорских лоцманов и работа Онежской лоцманской службы, базировавшейся на территории южного Беломорья.

В настоящем докладе предпринята попытка проследить различные аспекты взаимодействия беломорских лоцманов и жителей Северной Норвегии на рубеже XIX–XX столетий, основываясь на архивных документах, отложившихся в Российском Государ-

ственном архиве Военно-морского флота (г. Санкт-Петербург), Национальном архиве Республики Карелия (г. Петрозаводск), Государственном архиве Архангельской области (г. Архангельск), а также на документах личного происхождения – воспоминаниях поморов южного Беломорья, собранных в полевых экспедициях сотрудниками Архангельского краеведческого музея и Кенозерского национального парка.

История взаимоотношений жителей южного Беломорья и Северной Норвегии освещалась как в дореволюционных [8, 15], так и в современных исследованиях [5, 6, 10, 16]. Авторы изучали особенности русско-норвежской торговли, становление дипломатических отношений между странами, аспекты межкультурных связей. Однако вопрос участия лоцманов в экономической коммуникации России и Норвегии освещался фрагментарно.

Методологической базой исследования стал системный подход, рассматривающий лоцманскую деятельность в акватории Белого моря как особенность экономического взаимодействия России и Норвегии на рубеже XIX–XX столетий, связанную с историей общества и отражающую общие исторические процессы.

На побережье Белого моря пристани и таможни, где происходила торговля с зарубежными северными странами, существовали исстари. Для проведения судов к Архангельску, Онеге, Сороке, Кемь, на Мурман и дальше командам судов требовалась помощь лоцманов, хорошо знавших сложный беломорский фарватер.

Одной из старейших беломорских морских организаций была онежская лоцманская артель. Развитие мореплавания по Белому морю и востребованность в лоцманах увеличились с возникновением экспортного лесопиления на левом берегу реки Онеги в устье реки Поньги, где в 1755 г. граф Петр Иванович Шувалов построил первый лесопильный завод.

Через несколько лет английский купец Вильям Гом построил новые пильные мельницы, судоверфи в Подпорожье, на реке Поньге, в городе Онеге, корабельные верфи, становище для погрузки судов у Кий-острова до 50 кораблей. В 1760 г. Гом произвел первый лесной торг [22, с. 73]. Для обеспечения плавания своих судов Гом в этом же году построил на острове Жижгин первый на Белом море маяк и поселил там организованную им артель лоцманов из крестьян селения Лямца для проводки судов в порт Онега [24].

Старожил деревни Лямца Андрей Федорович Совершаев рассказывал: «В те годы английский купец Гом стал в городе Онеге лес пилить и кораблями за границу возить. Для этого, как известно, лоцманская служба и требуется. Без нее в морском деле не обой-

тись. Того и смотри, на «кошку» сядешь или днище корабля острым камнем пропорешь. С тех пор наши мужики в деревне лоцманским делом и промышляли» [7, с. 199].

В 1816 г. правительство реорганизовало эту артель в «Онежское Общество лоцманов» [1, с. 191]. Члены общества работали вахтами, проживая при маяке на мысе Летний Орлов, куда были переведены в 1840 г. из маячного городка на острове Жижгин. Впоследствии данное лоцманское поселение при Летнеорловском маяке стало именоваться «Станцией Общества лоцманов Онежского залива».

В начале XX столетия Общество лоцманов Онежского залива имело четыре лоцманские станции – на мысе Летний Орлов, острове Кий, в порту Сорока и на острове Ромбак возле Кеми [18, л. 1].

В задачу Общества входило проведение судов прибрежным курсом по Онежскому заливу Белого моря к Онежскому, Сорокинскому и Кемскому портам, а также за границу – в Норвегию и Швецию. В обязанности лоцманам вменялось также наблюдение за правильностью ограждений фарватеров, которые с 1883 г. обозначались вехами и бакенами на средства Онежского отделения Общества для содействия русскому мореходству [21, с. 13]. При этом сложность фарватера Белого моря требовала от беломорских лоцманов широких знаний узких мест акватории, а также расположения всех маячных установок: двух классных маяков – Чесменского на мысе Чесменский и Соловецкого на вершине Секирной горы, двух малых маяков – Летне-Орловского на южной оконечности мыса и Унского на северной оконечности Яренгского рога, а также трех туманных предостерегающих станций – пушек на Орловском и Жижгинском маяках и колокола на Летне-Орловском маяке [20, л. 1].

В материальном отношении лоцманы южного Беломорья зависели от администрации онежских лесопильных заводов. Владельцы заводов взыскивали с каждого проходящего или отходящего судна по 25 рублей, или взымали с каждой тонны груза по 8 копеек. Эти деньги составляли жалование членов лоцманской команды. Все мореходные суда были обязаны брать лоцмана при прохождении к портам Северных морей Российской Империи, даже в том случае, если судно шло на буксире. Если капитаны уклонялись от данного распоряжения, то выплачивали штраф [18, л. 1].

Однако общий заработок лоцманов был достаточен только во время навигации. В остальное время им приходилось зарабатывать на различных должностях в лесопильном производстве [21, с. 13].

Копия. 35.

33
23

ШТАТ
Онежской лоц-вахты.

№	Должность.	Семья, имя и отчество.	Примечание:
1.	Лоц-командир.	ПАВАЛИ Георгий Филиппович.	
2.	Староста.	ЛИКИЧЕВ Федор Засимович.	
3.	Нач. Сторожки.	СОВЕРШАЕВ Иван Павлович.	
4.	"	ХАРИТОНОВ Александр Степанович.	
5.	Лоцман.	ЛИКИЧЕВ Александр Александрович. ✓	
6.	"	ХАРИТОНОВ Владимир Савватьевич. ✓	
7.	"	ЛИКИЧЕВ Михаил Засимович. ✓	
8.	"	ХАРИТОНОВ Владимир Семёнович. ✓	
9.	"	СОВЕРШАЕВ Иван Наумович. ✓	
10.	"	ЛИКИЧЕВ Дмитрий Васильевич. ✓	
11.	"	НИКОЛЬСКИЙ Иван Васильевич. ✓	
12.	"	РАКИНОВ Виктор Михайлович. ✓	
13.	"	ШЕЛТАКОВ Андрей Ефимович. ✓	
14.	"	ХАРИТОНОВ Виктор Григорьевич. ✓	
15.	"	МИРОСОВ Александр Ильич. ✓	
16.	"	РАКОВСКИЙ Владимир Иванович. ✓	
17.	"	СОВЕРШАЕВ Павел Наумович. ✓	
18.	"	ПЕТУХОВ Тимофей Андреевич. ✓	
19.	"	ТЕПЛИН Александр Петрович.	
20.	"	"	
21.	Лоцман-кандидат.	ПАВАЛИ Алексей Григорьевич.	
22.	"	ЛЕВЧЕНКО Александр Варфоломеевич.	
23.	"	Ильинский, Виктор Иванович.	
24.	"	Косилов, Павел Александрович.	
25.	Переводчик.		
26.	Секрет.	ПАВАЛИНА Ольга Григорьевна.	
27.	Секрет.	СОВЕРШАЕВА Надежда Ивановна.	
28.	"	ЗАГЛУДОВА Мария Ивановна.	
		Начальник: Гидро. и Штур. Службы, Гидрограф, <i>Григорьев</i>	
		Комиссар	
		Должностное лицо: <i>Косилов</i>	

Рис. 1 Штат Онежской лоц-вахты. Май 1923 года. ГРАВМФ. Ф. Р-457.
Оп. 1. Д. 91. Л.35

Команда Онежской лоц-вахты состояла из лоц-командира, старосты, помощника старосты, лоцманов, кандидатов в лоцманы, переводчика, сторожа и кока. Каждый член команды выполнял особые обязанности и должен был иметь определенное образование и опыт. Лоц-командиром мог стать только морской специалист – гидрограф или лоцман с большим опытом. От поступающих на должность лоцмана требовалось крепкое здоровье, хорошее зрение, способность

правильно различать цвета и огни на дальнем расстоянии, умение читать и писать на русском и иностранном языках. Возраст претендентов не мог быть ниже 21 года. Основным требованием было знание в мельчайших подробностях всех районов акватории своего сектора Белого моря. В лоцманские кандидаты принимали лиц, не моложе 16 лет, знающих местную акваторию. При этом кандидатами становились в первую очередь дети местных лоцманов. Зачислению в лоц-команду предшествовала сдача лоцманского экзамена, который включал в себя знание устного и письменного русского и английского языков, местных фарватеров, условий плавания, системы ограждений опасных мест в районе лоцманских вод, умение управлять судном в любых обстоятельствах [18, л. 106–306].

Традиционно из общего числа иностранных судов, шедших в порты южного Беломорья – Кемь, Сороку и Онегу, большинство принадлежало норвежским судовладельцам. В навигацию 1913 г. из 45 зарубежных кораблей, посетивших Кемь и пользовавшихся услугами членов Онежской лоц-вахты, 18 были норвежскими, что составило 40% от общего числа судов [11, л. 133–134]. В навигацию 1922 г. онежские лоцманы обслужили в общем 30 иностранных судов, 22 из которых были норвежскими, что составило 73% от общего числа [17, л. 96–96об]. Основными товарами, которые перевозили поморские суда, шедшие в Северную Норвегию, были дрова, сосновые и еловые бревна, жерди, доски [12, л. 7–7об].

Жители деревень южного Беломорья, в том числе и лоцманы, привозили из Норвегии провизию и одежду. Мужчины-поморы носили «норвежские рубахи» – вязанные из шерсти свитера [23, л. 144]. Такие «рубахи» не линяли, носились долго и выглядели ярко, так как их часто украшали орнаменты-якорьки. Вязанные вещи – «вязанки», поморы привозили из Норвегии и детям, а женам и дочерям – норвежские ботиночки [23, л. 43].

Родиной лоцманов на территории южного Беломорья называют деревню Лямца. На протяжении долгих лет в Лямце существовали лоцманские династии. Известными уроженцами Лямцы были лоцманы Федор Лукичев (годы жизни неизвестны), Савватий Степанович Харитонов (годы жизни неизвестны), Клавдий Семенович Харитонов (1863–1937 гг.), Федор Петрович Кузьмин (1911–2001 гг.), Федор Клавдиевич Харитонов (1906–1944 гг.) и другие.

По подворной описи 1866 г., в Лямце проживали 12 лоцманов [4]. В 1923 г. в Лямце существовала артель лоцманов из 15 человек. При этом соблюдалась преемственность поколений: «они, если сын есть, сына на лоцмана учат, если дочь – зятя. Так и звали: лоцманские дома» [14, с. 163].

Лоцманскому делу обучали сызмальства. Сначала мальчика брали в ученики на проводку судна для знакомства с фарватером и условиями плавания. Потом ученики ездили в Архангельск и сдавали там экзамены. После экзамена получали звание лоцмана и возможность работать. За каждую проводку судна плата полагалась в общий котел, а с концом навигации из него делилась поровну, кто сколько судов провел. К шестидесяти годам служба у лоцмана кончалась, и он выходил на пенсию.

Рис. 2. Лоцманы деревни Лямца. 1920-е гг. Из личного архива Л. А. Денисовой (д. Лямца) // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»

Материальное состояние лоцманских семей было выше, чем других жителей деревни, так как «в рекруты их не брали, и разных налогов они не платили, не считая трех рублей подушного» [14, с. 163]. От государства лоцманы получали пенсию. Дома у лоцманов были чуть больше, чем у других жителей. «Раньше лоцманов было много, а сейчас все перемерли. А раньше они, если праздник, так оденут кителя, фуражки, друг к другу в гости ходили» [14, с. 151].

Быт лоцманов был изысканным. В деревне Лямца до сих пор сохраняются «лоцманские» дома с высокими потолками и несколькими входами – парадным, сенями и звоном. Лоцманы строили просторные дома с большими кухнями, где домочадцы проводили большую часть времени, и залой – самой нарядной комнатой, членам семьи разрешалось посещать ее только при главе семьи [2].

Рис. 3 Лямецкий лоцман Никифор Михайлович Русинов (1888–1972 гг.). 1940-е гг. Из личного архива В.А. Русинова (г. Онега) // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»

В быту семьи лоцманов использовали иностранные предметы: синюю норвежскую посуду, штопоры, английские кофемолки, немецкие швейные машинки. Влияние на образ жизни и стиль интерьера лоцманских домов оказывало общение лоцманов с их иностранными коллегами и близость расположения мест проживания к портовым городам [2].

В 1920-х гг. многие жители деревни Лямца стали относиться к лоцманам негативно. Это объяснялось неприятием односельчанами больших лоцманских заработков, получаемых за короткий период времени, и отсутствием необходимости в уплате налогов, которые приходилось выплачивать другим группам населения: «... платят бедняки, не имеющие куска хлеба, вдовы, вернувшиеся к своим разрушенным хозяйствам красноармейцы, а лоцмана живут все время на своем крестьянстве,

получают год круглый паек, жалованье, одежду и прочее и не платят трудового и гужевого налога, работая 2–3 месяца в год. Население крайне недовольно их освобождением и заметно понижение поступления налогов» [9, с. 4].

К концу 1920-х гг. потребность в лямецких лоцманах постепенно сошла на нет. Отпала необходимость водить суда прибрежным курсом, новые пароходы могли ходить по открытому морю. Однако история лямецких лоцманов сохранялась жителями деревни Лямца в течение XX в. Один из лямецких лоцманов – Никифор Михайлович Русинов (1888–1972 гг.), рассказывал внуку, что, ведя судно мимо родной деревни Лямца, лоцманы всегда давали длинный гудок, пригласив земляков [3].

Подводя итог, можно сказать, что выявленные нами материалы об истории лоцманского дела в акватории Белого моря и связях русских лоцманов с Северной Норвегией являются важным источником по истории Архангельского Севера и позволяют более полно осветить

важность взаимоотношений с северными зарубежными странами для жителей деревень южного Беломорья.

Значение представленных материалов, несмотря на их распыленность по различным государственным и частным архивам, состоит в том, что они дают возможность точнее реконструировать отдельные моменты экономической коммуникации России и Норвегии в конце XIX – начале XX в.

Список литературы:

1. Башмаков П. И. Маячное дело и его историческое развитие, устройства маяков, предостерегательных огней, автоматических буюв и их осветительных аппаратов и механизмов. Л. : [б/и], 1925. – 230 с.

2. Беседа М. Н. Мелютиной с жительницей деревни Пустошь Т. В. Дмитриевой от 16.17.2018 [Стенограмма беседы] // Электронный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

3. Беседа Я. Э. Харитоновой с жителем г. Онеги В. А. Русиновым от 12.12.2019 [Аудиозапись беседы] // Электронный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

4. Государственный архив Архангельской области. Ф. 6. Оп. 9. Д. 149.

5. Зарецкая О. В., Шагин М. С. Становление и трансформация торговых связей поморов с жителями Северной Норвегии к концу XIX века // История и культура Русского Севера и Арктики. сборник научных статей студентов, аспирантов и молодых ученых. Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, кафедра всеобщей истории; сост. О. В. Зарецкая. Архангельск, 2018. С. 74–80.

6. Касиян А. С. Некоторые особенности российско-норвежских отношений на Севере в XIX – начале XX века // Россия и страны Северной Европы: физические и символические границы. сборник статей V Киркенесского международного семинара историков. Петрозаводский государственный университет. Петрозаводск, 2016. С. 60–69.

7. Киселев В. В. По толпе оживших легенд. Онега : [б/и], 2011. – 120 с.

8. Консульские донесения по торговле и промышленности. Вып. 1: Швеция и Норвегия. СПб. : [б/и], 1895–1896.

9. Красная Онега. – № 19 – 6 мая 1923 г. – С. 4.

10. Минаева Т. С. Научная справка «История освоения и развития территории Онежского полуострова, входящей в состав национального парка «Онежское Поморье» // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 2. Оп. 2.2. Д. 28.

11. Национальный архив Республики Карелия. Ф. 277. Оп. 1. Д. 46/7.
12. Национальный архив Республики Карелия. Ф. 277. Оп. 3. Д. 3/25.
13. Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 93.
14. Не век жить – век вспоминать: народная культура Поонежья и Онежского Поморья. Москва: Фолиум : Товарищество Северного Мореходства, 2006. – 385 с.
15. Огородников С. Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб. : Типография Морского министерства, 1890. – 333 с.
16. Пшенко Р. А. Русский Север и Северная Норвегия: аспекты межкультурной коммуникации : диссертация на соискание степ. магистра культурологии / Р. А. Пшенко; Северный (арктический) федеральный университет – Архангельск, 2022. – 95 с.
17. Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. Р-457. Оп. 1. Д. 80.
18. Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. Р-457. Оп. 1. Д. 85.
19. Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. Р-457. Оп. 1. Д. 91.
20. Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. Р-457. Оп. 1. Д. 119.
21. Сабо И. Лоцманское дело в России (Историко-догматический очерк). СПб. : Типография морского министерства, 1908. – 92 с.
22. Ульянов А. И. Онежские мореходы. Онега : Онежская типография, 2009. – 103 с.
23. Цветкова Л. И. Традиционная система хозяйства и бытового уклад поморов Летнего берега в XIX – начале XX в. Научный отчет по итогам экспедиции на Летний берега в 1987–1989 гг. // Научный архив ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей». Ф. 3. Оп. 3. Д. 574.
24. Шухин Ю. Маяки Белого моря. Жижгинский маяк: историко-техническая справка. URL: <http://mayaki-sssr.spb.ru/mayaki-belovomorya/91/> (дата обращения 23.01.2024).

Иллюстрации к статье А. Б. Пермиловской

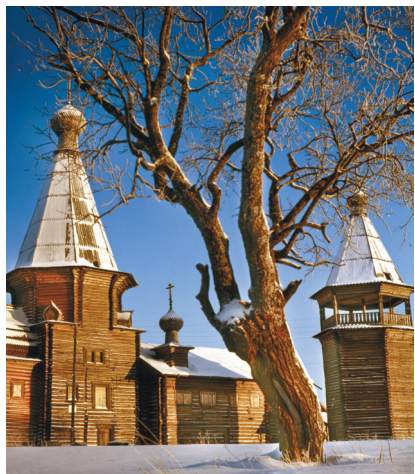

Рис. 1 Сохранение памятников «in situ». Церковь Иоанна Златоуста и колокольня, с. Саунино Каргопольский р., XVII - XIX вв. Фото Н. Чеснокова из архива А. Б. Пермиловской

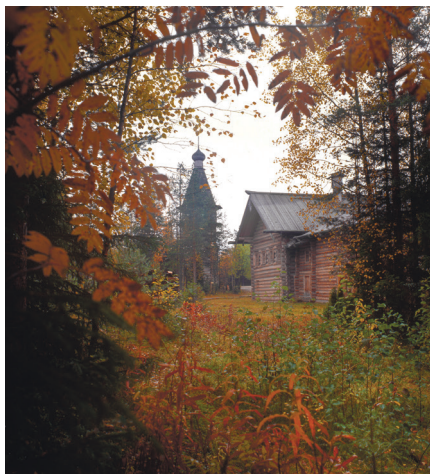

Рис. 2 Сохранение памятников в музее под открытым небом «Малые Корелы». Фото Н. Чеснокова из архива А. Б. Пермиловской

Рис. 3 Сохранение памятников в НП Кенозерский. Часовня Успения Пресвятой Богородицы, д. Тырышкино, Плесецкий р., XIX в. Фото А. Пермиловской

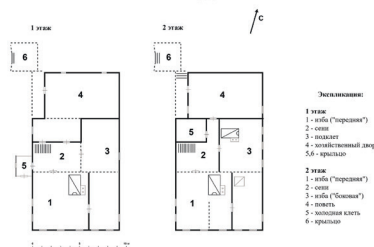
Иллюстрации к статье А. А. Усова

Рис. 1 Вид от домов первого ряда на устье реки, песчаную косу с рощей «Кендищем», Онежскую губу Белого моря. Фото А. Усова, 2021

ПЛАН ДОМА-ДВОРА
Александр Николаевич Родионов
с. Пурнема (Л. Низ), Онежский район
1904 г.

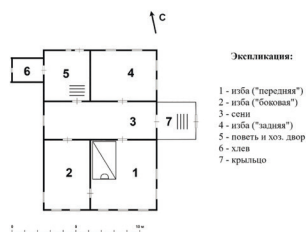

Руководитель научного проекта д. культур. А. Б. Пермиловская
Научная информация, обмеры и материальная обработка А. А. Усова, 2021

Рис. 2 Дом-двор А. В. Родионова.
Южный фасад, с. Пурнема (Низ),
Онежский р-н, 1904 г.
Фото А. Усова, 2021

ПЛАН ДОМА-ДВОРА
Заборщикова Петра Прохоровича
(дом-музей истории быта поморов)
с. Варзуга (Никольская сторона), Терский р-н, Мурман. обл.
1909 г.

Руководитель научного проекта д. культур. А. Б. Пермиловская
Научная информация, обмеры и материальная обработка А. А. Усова, 2022

Рис. 3 Дом-музей «Поморская
изба» П. П. Заборщикова, с. Варзуга
(Никольская сторона), Терский р-н,
Мурманская обл., 2021 (кон. XIX –
нач. XX вв.). Фото А. Усова, 2022

Иллюстрации к статье Е. В. Малая

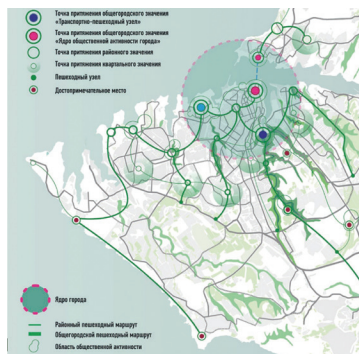

Рис. 1 Схема расположения балок на плане Севастополя

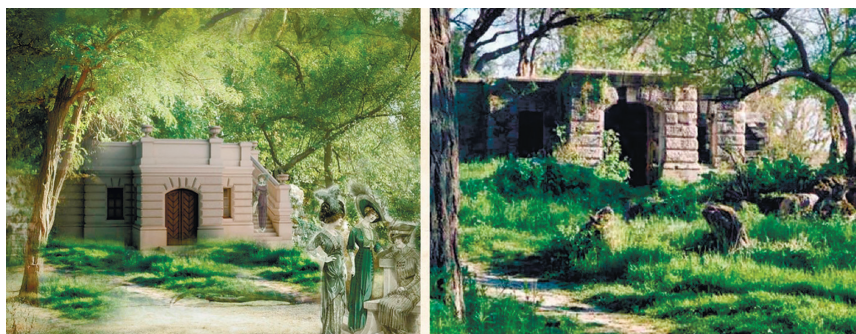

Рис. 2 Часть проекта восстановления усадьбы, Максимовой дачи

Рис. 3 Часть проекта воссоздания усадьбы семьи Максимовых

Иллюстрации к статье С. В. Гришиной

Рис. 1 Реконструированные костюмы крохинской невесты (справа) и её подружки, созданные мастерами Студии «Русские начала»

Иллюстрации к статье А. В. Козыкина

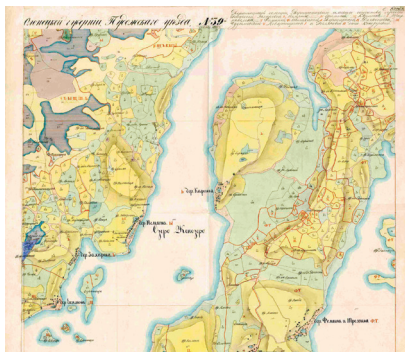

Рис. 1 Планшет межевого плана Кенезерской дачи Вершининской волости Пудожского уезда 1861 года

Рис. 2 Топонимическая структура побережий залива Глухая Лахта оз. Кенезера

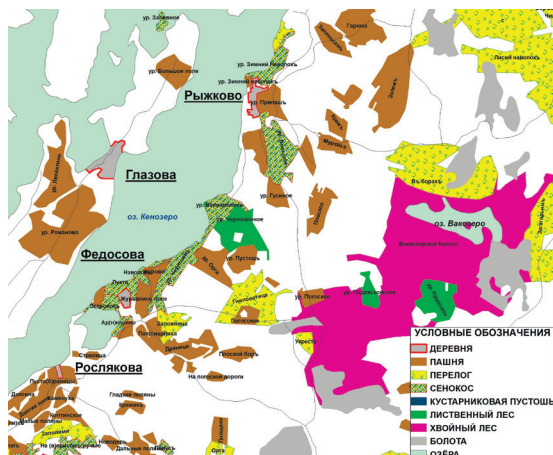

Рис. 3 Топонимическая структура побережий залива Шуйлахта оз. Кенезеро

Иллюстрации к статье И. Д. Соловьевой

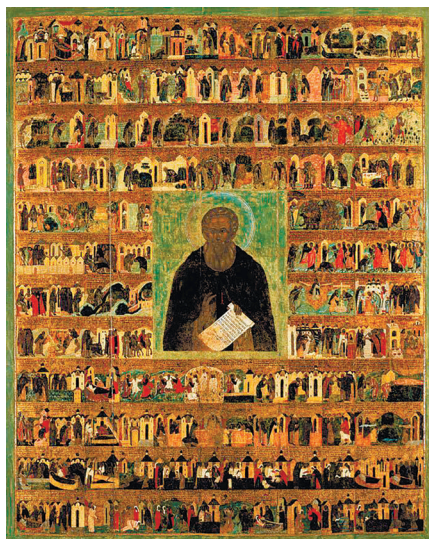

Рис. 1 Икона. Преподобный Александр Свирский в житии. Около 1550 г. Успенский собор Московского Кремля.

Рис. 2 Икона. Преподобный Александр Свирский в житии. 1592 г. Вклад дьяка Семёна Емельянова.

Рис. 3 Фрагмент иконы. Преподобный Александр Свирский в житии. 1592 г. Вклад дьяка Семёна Емельянов»

Рис. 4 Икона.
Преподобный
Александр Свирский в житии.
1655 г. Вклад дьяка Богдана
Захарии Силина

Рис. 5 Фрагмент иконы.
Преподобный Александр Свирский
в житии. 1592 г. Вклад дьяка
Семёна Емельянова

Рис. 1 Икона. Спас (оплечный). XVI, XVII в.

Рис. 2 Икона. Спас Эммануил. XVIII в. .

Рис. 3 Икона. Богоматерь Казанская. XVI в.

Иллюстрации к статье И. А. Шалиной

Рис. 1 Икона. Рождество Христово. 1562 г. Каргополь. Из иконостаса собора Рождества Христова в Каргополе. ГРМ

Рис. 2 Икона. Рождество Христово. Вторая четверть XVI в. Из коллекции А. И. и И. И. Новиковых. Музей Тбилиси

Рис. 3 Икона. Преподобный Варлаам Хутынский и Алексий человек Божий.
Середина XVI в. Каргополь. Из собора Рождества Христова в Каргополе
(АОМНИ)

Иллюстрации к статье А. В. Тимохиной

Рис. 1 Икона. Богоматерь

Рис. 2 Икона.
Господь Вседержитель

Иллюстрации к статье С.Л. Яворской

Рис. 1 Фрагмент оклада иконы Федоровской Богоматери

Рис. 2 Фрагмент образа Тихвинской Богоматери

Рис. 3 Четырехчастный образ

Иллюстрации к статье И. Л. Федориновой,
О. Б. Пригодиной

Рис. 1 Крест 1790 г. Лицевая сторона. Верхняя розетка с медальонами

Рис. 2 Крест 1790 г. Лицевая сторона. Нижняя розетка с медальонами и фрагментом Голгофы

Рис. 3 Крест 1790 г. Обратная сторона. Верхняя розетка «Сошествие Святого Духа на апостолов»

Рис. 4 Крест 1790 г. Клеймо «Восстание от гроба» («Воскресение Христово»)

Рис. 5 Крест 1790 г. Обратная сторона. Клеймо «Господь Саваоф»

Рис. 6 Крест 1790 г. Обратная сторона. Клейма «Преп. Зосима», «Преп. Савватий»

Рис. 7 Крест 1790 г. Обратная сторона. Нижняя розетка
«Преполовление Господне»

Иллюстрации к статье Т.Л. Яворской

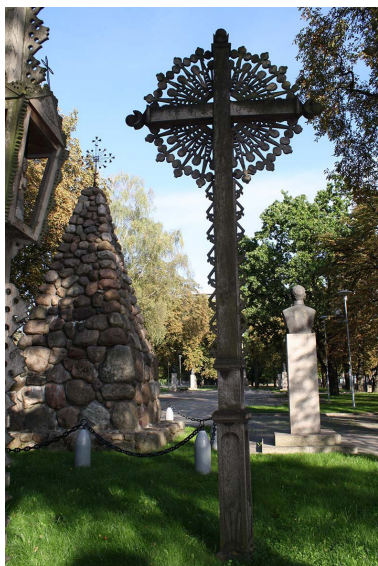

Рис. 1 Крест-солнышко. г. Каунас

Рис. 2 Крикштас. дер. Кулаутува

Иллюстрации к статье А. С. Улитовой

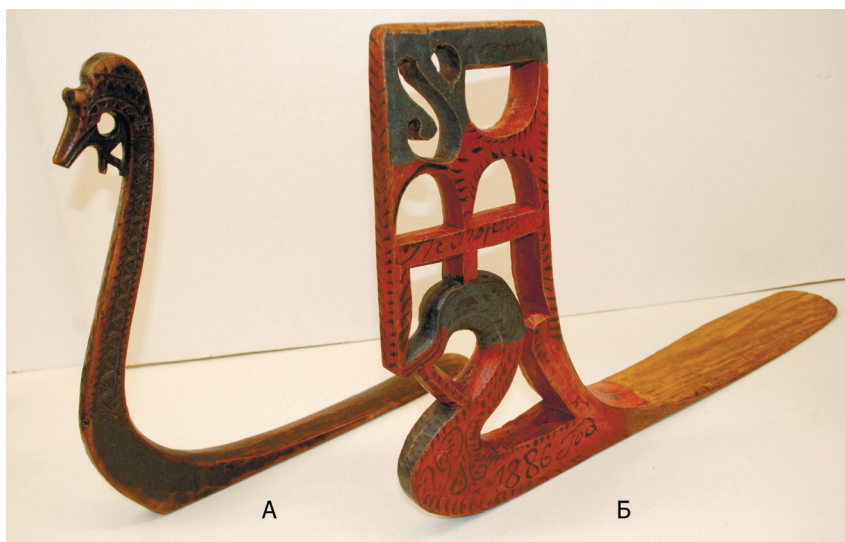

Рис. 1 А – Швейки составные с точеным столбиком. XIX в. ГИМ

Б – Швейка с катушкой между двумя столбиками.

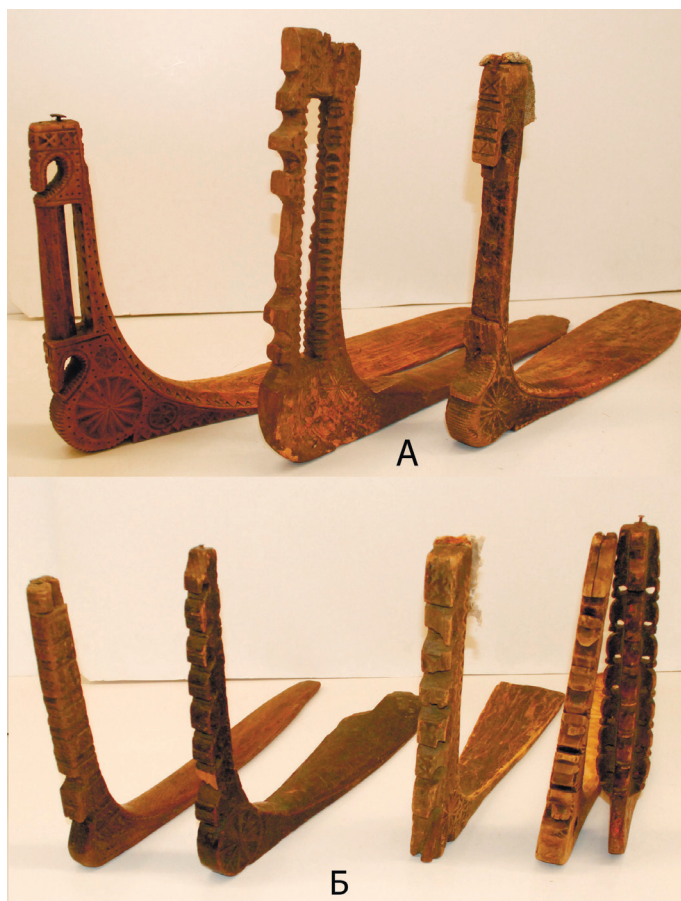
Вторая половина XIX в. ГИМ

Все предметы публикуются впервые

А – Швейка в виде лебедя. Конец XVIII – начало XIX вв. ГИМ

Б – Швейка в виде утки. 1886 г. ГИМ

А, Б – Швейки цельные с птичьими и конскими мотивами.
 XIX – начало XX вв. ГИМ
 Первые пять предметов публикуются впервые

Наши авторы

Алексеев Алексей Иванович, доктор исторических наук, заведующий Отделом рукописей Российской национальной библиотеки, г. Санкт-Петербург

Алехина Лариса Ивановна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, г. Москва

Антропова Ирина Анатольевна, научный сотрудник отдела древнерусского искусства Русского музея, г. Санкт-Петербург

Анциферова Анна Ивановна, ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», главный хранитель музейных фондов

Богданова Ольга Михайловна, главный хранитель, Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей, г. Каргополь

Буфеева Ирина Юрьевна, старший преподаватель кафедры искусствоведения, Институт искусств Российского государственного университета имени А. Н. Косыгина, г. Москва

Гаевская Надежда Зеноновна, соискатель кафедры философии и религиоведения Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского, г. Санкт-Петербург

Горелова Юлия Робертовна, кандидат исторических наук, доцент, ученый секретарь Сибирского филиала Института наследия, Омск

Гришина Светлана Викторовна, сотрудник Благотворительного фонда «Центр возрождения культурного наследия «Крохино», г. Вологда

Гундакова Людмила Викторовна, независимый исследователь, г. Архангельск

Гусева Марина Михайловна, ведущий специалист экспозиционно-выставочной деятельности сектора сохранения, изучения и демонстрации традиционных ремёсел народный мастер традиционных художественных музея-заповедника «Кижи».

Ефимова Виктория Викторовна, доцент, доктор исторических наук, профессор Петрозаводского государственного университета, г. Петрозаводск.

Иванова Анна Александровна, доцент, кандидат филологических наук МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва

Иняев Александр Александрович, член общественного совета при Управлении государственной охраны объектов культурного значения Нижегородской области. Директор Творческой мастерской архитектора Иняева А. А. Член Союза архитекторов России.

Калинина Елена Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и методики физического воспитания Петрозаводского государственного университета, г. Петрозаводск.

Калита Светлана Павловна, кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва.

Качинская Ирина Борисовна, старший научный сотрудник, кафедра русского языка филологического факультета МГУ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва.

Кильдюшкина Ирина Геннадьевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и этнологии ГКУ Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия»; доцент кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», Республика Мордовия, г. Саранск.

Козыкин Александр Владимирович, старший научный сотрудник ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

Коноплев Андрей Владимирович, независимый исследователь, г. Вологда

Малая Елена Владимировна, кандидат архитектуры, доцент Московского архитектурного института (государственной академии) МАРХИ. г. Москва

Смирнова Марина Александровна, кандидат исторических наук, главный библиотекарь научной библиотеки ГМО «Художественная культура Русского Севера» г. Архангельск

Мелютина Марина Николаевна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, начальник отдела изучения и интерпретации историко-культурного наследия, ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

Милючик Михаил Исаевич, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства, г. Санкт-Петербург

Онучина Ирина Викторовна, старший научный сотрудник, Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей, г. Каргополь

Павлова Ирина Вадимовна. студентка Аграрного института Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва, Республика Мордовия, г. Саранск.

Пахомчик Сергей Алексеевич, доцент кафедры Менеджмента и бизнеса, кандидат экономических наук, Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Пермиловская Анна Борисовна, доктор культурологии, академик Академии Архитектурного Наследия, заведующая научным

центром традиционной культуры и музейных практик Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени академика Н. П. Лаврова Уральского отделения Российской академии наук, г. Архангельск

Пригодина Ольга Борисовна, заместитель директора по научной работе, Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей, г. Каргополь

Решетников Николай Иванович, кандидат исторических наук, музеевед, педагог, отличник народного просвещения, член Русского географического общества, г. Москва

Савельева Татьяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент Челябинского государственного университета (Миасский филиал), г. Миасс.

Сметанин Владислав Александрович, краевед, действительный член Архангельского центра Русского географического общества, член культурно-просветительского общества «Норд», член Российского общества историков-архивистов, г. Архангельск

Соловьева Ирина Дмитриевна, кандидат искусствоведческих наук, заведующий отделом древнерусского искусства, Русский музей, г. Санкт-Петербург.

Старицын Александр Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник института научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва

Студенцова Екатерина Олеговна, главный архивист отдела публикации и использования документов Государственного архива Архангельской области, г. Архангельск.

Тимохина Анастасия Владимировна, художник-реставратор III категории, заместитель заведующего отдела научной реставрации Музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, г. Москва

Трофименко Василий Георгиевич, кандидат исторических наук, заместитель директора Государственного бюджетного учреждения Архангельской области «Государственный архив Архангельской области» г. Архангельск

Трошина Татьяна Игоревна, профессор, доктор исторических наук, доцент Северного Арктического Федерального университета имени М. В. Ломоносова г. Архангельск

Улитова Анастасия Сергеевна, старший научный сотрудник, Государственный исторический музей, г. Москва.

Усов Алексей Александрович, кандидат культурологии, научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музейных практик Федерального исследовательского центра комплексного

изучения Арктики имени академика Н. П. Лаверова УрО РАН г. Архангельск.

Федоринова Ирина Леонидовна, искусствовед, Православная классическая гимназия, Самарская область, г. Тольятти.

Харитонова Яна Эдуардовна, кандидат богословия, ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», г. Архангельск

Хилько Николай Федорович, доктор педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник Сибирского филиала Института Наследия им. Лихачева, г. Омск

Хрушкая Любовь Николаевна, архивист 2 категории отдела социально-правовых запросов Государственного бюджетного учреждения Архангельской области «Государственный архив Архангельской области» г. Архангельск

Чебыкина Лия Васильевна, лектор (экскурсовод) Кировского областного краеведческого музея имени П. В. Алабина, г. Киров.

Шалина Ирина Александровна, кандидат наук, ведущий научный сотрудник Отдела древнерусского искусства Государственного Русского музея, г. Санкт-Петербург

Эйрамджанц Артём Сергевич, аспирант ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»

Юркин Игорь Николаевич, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН г. Москва.

Яворская Светлана Леонидовна, младший научный сотрудник, МБУК «Историко-художественный музей», г. Домодедово

Яворская Татьяна Леонидовна, свободный исследователь, г. Сочи.

Яковлева Анастасия Юрьевна, кандидат искусствоведения, преподаватель Детской музыкальной школы № 7 имени А. С. Ключарёва, г. Казань

Список сокращений:

АО КМО – Архивный отдел Каргопольского муниципального округа

АОМНИИ – Архангельский областной музей изобразительных искусств (с 1994 г. Государственное музейное объединение «Художественная культура Русского севера»)

АКФ – Архив кафедры русского устного народного творчества МГУ им. М.В. Ломоносова.

АЭЭ МГУ – Архангельская этнографическая экспедиция Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

БАН – Библиотека Академии Наук (г. Санкт-Петербург)

БОКМ – Белозерский областной краеведческий музей

ВГМЗ – Вологодский государственный музей-заповедник

ВКМ – Вельский краеведческий музей им. В.Ф. Кулакова

ВМЧ – Великие Минеи Четии

ВПСО – Временное правительство Северной области

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет

ВХНРЦ – Всероссийский художественный научно-реставрационный центр

ГААО – Государственный архив Архангельской области

ГАОПДФ АО – Государственный архив общественно-политических движений и формирований Архангельской области

ГАФ – Губернский архивный фонд

ГИМ – Государственный Исторический музей (г. Москва)

ГЛИМ – Государственный литературный музей (Государственный музей истории русской литературы им. В.И. Даля)

ГМЗК – Государственный музей-заповедник «Коломенское»

ГММК – Государственные музеи Московского Кремля

ГНИМА – Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А.В. Щусева

ГРМ – Государственный Русский музей

ГТГ – Государственная Третьяковская галерея

ГЦХРМ – Государственные центральные художественные реставрационные мастерские

КГИАХМ – Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей

КБМЗ – Кирилло-Белозерский музей-заповедник

ЛАНА – Личный архив Е.И. Нечаевой-Аникеевой.

МГУ – Московский Государственный Университет

МГУ ДА – Архив диалектологического кабинета МГУ им. М.В. Ломоносова.

НА РК – Национальный архив Республики Карелия
 НА ИИМРК – научный архив института истории материальной культуры
 НГУ – Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)
 ОГВ – Олонецкие Губернские ведомости
 ОГПУ – Объединённое государственное политическое управление
 ОЕВ – Олонецкие Епархиальные ведомости
 ОР ГТГ — Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи
 ПСТГУ – Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет.
 РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
 РГБ – Российская государственная библиотека (г. Москва)
 РНБ – Российская национальная библиотека
 РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
 РЭМ – Российский этнографический музей
 СККДР – Словарь книжников и книжников Древней Руси
 СНК – Совет Народных Комиссаров
 СПМЗ – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник
 СПб ИИ РАН – Санкт-Петербургский филиал Института Российской истории
 ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы
 ЦМиАР – Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева (г. Москва)
 ЧерМО – Череповецкое музейное объединение

**Актуальные проблемы сохранения
и популяризации культурного наследия
и исторической памяти как стратегического
ресурса национальной безопасности России**

Материалы XVIII Всероссийской
научно-практической конференции
20-23 августа 2024 г.

Дизайн, вёрстка: ООО «Медиамир»

Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 26.27.
Тираж 300 экз.
Гарнитура Таймс
Подписано в печать 25.07.2024
Издательский № 1856

Отпечатано в ООО «Медиамир»
664043, г. Иркутск, ул. Аргунова, 35А/1